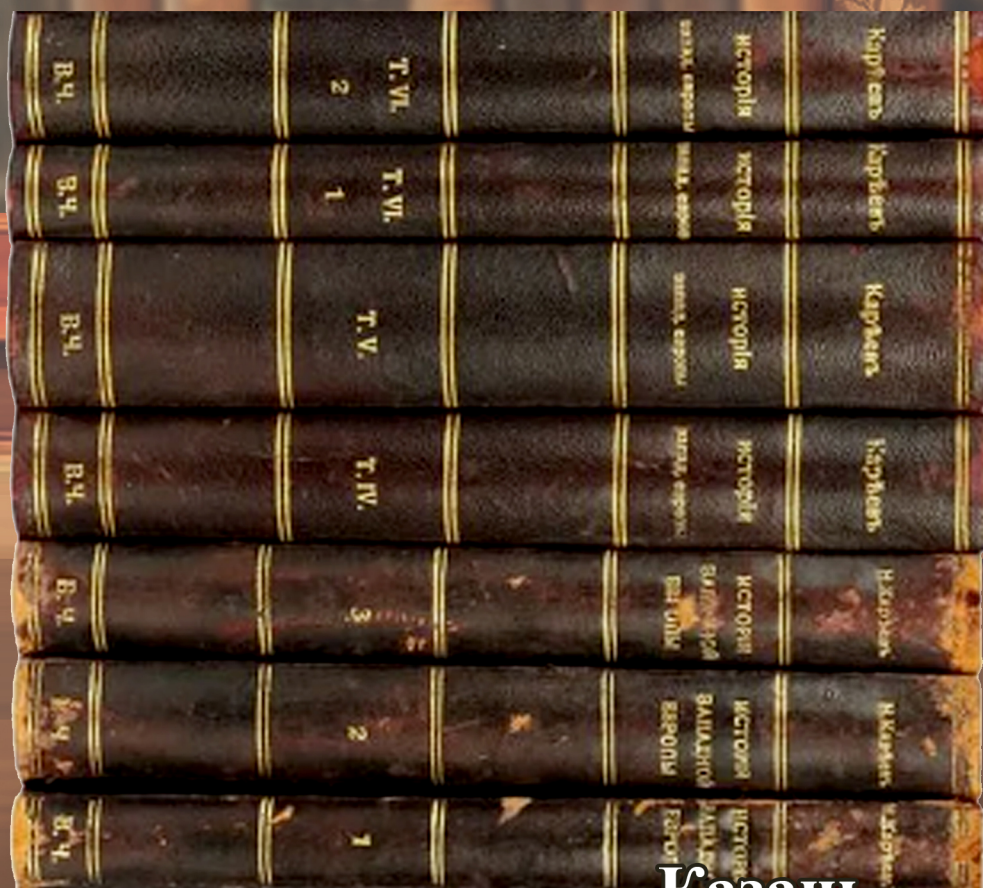




**Николай Иванович Кареев:
жизненный путь и научное наследие
в трансдисциплинарном контексте
современного историознания**

Сборник статей и сообщений



**Казань
2021**



A. Kaprely



**Казанский
федеральный
УНИВЕРСИТЕТ**



**КАЗАНСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
Институт международных отношений**

**СЫКТЫВКАРСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ П.А. СОРОКИНА**

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
Институт всеобщей истории**

**РОССИЙСКОЕ ИСТОРИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
Отделение в Республике Татарстан**

**РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ ИСТОРИИ
Казанское отделение**

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КАРЕЕВ

**ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОМ КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИОЗНАНИЯ**

Сборник статей и сообщений



**КАЗАНЬ
2021**

УДК 929
ББК 63г(2)Кареев Н.И.
Н63

*Печатается по рекомендации
кафедры археологии и всеобщей истории
Института международных отношений
Казанского федерального университета*

Редакционная коллегия:

Н.Ю. Бикеева, Р.М. Валеев, В.П. Золотарев, Г.П. Мягков (сост.,
отв. редактор), В.П. Корзун, С.Б. Крих, Т.Н. Иванова, Э.В. Рунг,
В.А. Филимонов, Р.Р. Хайрутдинов, Е.А. Чиглинцев

Рецензенты:

доктор исторических наук, профессор **О.В. Сеницын** (Казань);
кандидат исторических наук, доцент **Е.С. Кирсанова** (Томск)

Н63 **Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания** [Электронный ресурс]: сборник статей и сообщений / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. – Электрон. текстовые дан. (1 файл: 3,13 Мб). – Казань: Издательство Казанского университета, 2021. – 412 с. – Систем. требования: Adobe Acrobat Reader. – Режим доступа: <https://dspace.kpfu.ru/xmlui/bitstream/handle/net/166139/Kareev-conf2020.pdf>. – Загл. с титул. экрана.

ISBN 978-5-00130-533-0

В сборник включены материалы III Международной научно-образовательной конференции «Личность, общество и государство в истории Запада и Востока» (Казань, 19–21 ноября 2020 г.), посвященной 170-летию со дня рождения выдающегося русского ученого Николая Ивановича Кареева (1850–1931). Статьи представлены учеными вузов и академических институтов Российской Федерации, Белоруссии, Болгарии, Украины.

Книга адресована научным работникам, преподавателям вузов, учителям, аспирантам, магистрантам и студентам, всем тем, кто интересуется проблемами теории и методологии исторического познания, истории исторической науки.

УДК 929
ББК 63г(2)Кареев Н.И.

ISBN 978-5-00130-533-0

© Издательство Казанского университета, 2021



ОТКРЫВАЯ НОВЫЕ СТРАНИЦЫ НАСЛЕДИЯ ВЫДАЮЩЕГОСЯ ИСТОРИКА (вместо предисловия)

Стало доброй традицией Института международных отношений КФУ собирать ученых – историков, историографов, философов, социологов, культурологов, шире – обществоведов – на конференции для осмысления процессов, которые происходят в развитии представляемых ими наук, в образовании, в судьбах высшей школы, пользуясь очередной юбилейной или круглой датой. И этому, как показывает программа конференции, не воспрепятствовала даже пандемия, хотя она заставила изменить формат ее работы. Возможно, одна из существеннейших причин та, что очередную встречу организаторы посвятили 170-летию со дня рождения выдающегося отечественного мыслителя – историка, социолога, философа, педагога – и общественного деятеля, члена-корреспондента Краковской (1903 г.) и Петербургской (1910 г.) академий наук, почётного академика АН СССР (1929 г.) **Николая Ивановича Кареева** (1850–1931).

Выбор темы конференции – **«Жизненный путь и научное наследие Н.И. Кареева в трансдисциплинарном контексте современного историознания»** – связан прежде всего с тем, что идеи и глубокие научные исследования ученого, получившего признание как **«старшины русских ученых»** [1, л. 14], не только мощно продвинули исторические и социо-гуманитарные науки своего времени, но оказываются и через сто лет созвучными нашему, далеко не спокойному времени. Автор более 870 *опубликованных при жизни* научных трудов [см.: 6, с. 5, 123], ученый-энциклопедист Николай Иванович Кареев создал оригинальную

концепцию всемирной истории [8, с. 18], сыграл выдающуюся роль в исследовании новой истории Западной Европы, особенно эпохи Великой французской революции, проблем античной и средневековой истории; он стоял у истоков отечественной социологии, исторической политологии, культурологии. Неоценим его вклад в педагогическую науку и практику. Являясь одним из основателей «русской исторической школы», ученый беспрецедентно много сделал для международного признания отечественной науки. Но несмотря на то, что сложилась целая дисциплинарная отрасль историографии – карееведение [см.: 2, с. 7-18; 6, с. 160-205; 7, с. 7-15; 9], актуализация наследия Н.И. Кареева в названных и многих других областях социально-гуманитарного знания и сегодня – насущная задача.

О том, что интерес к наследию Николая Кареева реальный, свидетельствует тот факт, что участники конференции включали компьютеры в 23 городах Российской Федерации и 5 городах зарубежья – от Томска на востоке до Минска и Познани на западе, от Сочи и Софии на юге – до Сыктывкара на севере... Организаторы конференции благодарны ученым, поддержавшим инициативу проведения конференции, которая была выдвинута на предыдущем, втором, научно-образовательном форуме, проходившем в Казани год назад и реализована кафедрой всеобщей истории ИМО КФУ под эгидой Казанского университета, Института всеобщей истории РАН, Сыктывкарского государственного университета имени П.А. Сорокина и двух исторических обществ – Российского общества интеллектуальной истории и Российского исторического общества. Представительный состав участников конференции не только свидетельствует о развитии тенденции наращивания потенциала гуманитарных наук, но и о стремлении найти пути продвижения в решении актуальных проблем историознания, педагогической и воспитательной работы со вступающим в жизнь поколением историков.

Наша конференция задумывалась и как продолжение дела состоявшейся в декабре 2000 г. в Сыктывкаре Первой всероссийской научно-теоретической конференции **«Николай Иванович Кареев: ученый, общественный деятель»**, посвященной ее организаторами – учеными Сыктывкарского государственного университета – 150-летию со дня рождения ученого [7]. В этой связи участники конференции приветствовали доктора исторических наук, профессора Сыктывкарского государственного университета, инициатора и руководителя первой конференции и одного из сопредседателей оргкомитета конференции 2020 г. **Василия Павловича Золотарева** и поздравили его с 85-летним юбилеем. Находясь у истоков карееведче-

ских исследований в нашей стране и отдав исследовательской и педагогической работе 60 лет, Василий Павлович внес неоценимый вклад в изучение наследия Н.И. Кареева, воспитал целую научную школу. Участники конференции пожелали юбиляру крепкого здоровья и новых открытий. Порукой тому – издание им и его учениками последнего итогового труда Н.И. Кареева «По большой дороге истории» [3]. В ходе конференции состоялась презентация книги. Опубликованная в московском издательстве «ИНФРА-М», она ждала этого часа 95 лет. Проф. В.П. Золотарев, руководивший проектом, рассказал о истории написания книги, о работе группы его учеников по подготовке текста к публикации.

В работе конференции приняли участие зарубежные коллеги – профессор, секретарь Общества русистов Болгарии Румяна Михнева, профессор Белорусского государственного педагогического университета имени Максима Танка, ведущий научный сотрудник Института истории Национальной академии наук Беларуси И.Р. Чикалова, профессора Института истории Университет имени Адама Мицкевича в Познани Войцех Вжосек (Польша), профессор Университета имени Амоса Коменского в Братиславе Мирослав Даниш (Словакия), доцента того же университета Лукаш Рибар, доцент Одесского национального морского университета В.В. Левченко (Украина).

Подчеркнем и то, что проведение данной юбилейной конференции в Казани тоже не случайно. Оно мотивировано, с одной стороны, тем, что в столице Республики Татарстан сложился один из центров карееведческих исследований, а с другой – тем, что Казань явно входила в коммуникативное пространство выдающегося историка. Контакты Н.И. Кареева с казанской интеллектуальной элитой были многообразны, обширны, они имели научную значимость и для него самого, но еще большую – для казанских ученых [4; 5].

Н.И. Кареев оставил глубокий след в различных областях гуманитарного и социального знания. Его наследие воистину огромно и значительно, как и его влияние на научную, общественную, педагогическую жизнь России и многих европейских стран. Закономерно, что каждое новое поколение подступает к нему со своими вопросами, надеясь найти в нем ответы на волнующие его проблемы. Вместе с тем, мы полагаем, что представителей всех поколений и учеников, и последователей Н.И. Кареева в их поисках истины и служения науке объединяет единство идеалов, которые ученый выработал и отстаивал независимо от переживаемого времени. Согласимся с современниками Кареева, его благодарными учениками и коллегами, которые во Вступительном слове к «сборнику этюдов» в честь 50-летия научной жизни Н.И. Кареева, отмеченного

в 1923 г., «настоятельной потребностью» сочли подчеркнуть такую «замечательную черту» его «духа и дела», как *«нерушимую веру в великое, руководящее и действенное значение науки, как таковой, беспристрастное искание истины и освещение ею, по мере открытия, своих путей»* [2, с. 5].

И верно. Работа конференции, по высказываниям и оценкам участников, прошла под знаком утверждавшегося Н.И. Кареевым духа научного мирозерцания. В представленных докладах, в дискуссиях, которые развернулись на заседаниях семи секций, авторы продолжали работу по реконструкции биографии Н.И. Кареева, выявляя и фиксируя особенности его исторического мировоззрения, коммуникативного пространства, той социокультурной среды, в которой протекало развитие историознание эпохи. Значительное внимание было уделено анализу опыта предлагаемых Н.И. Кареевым теоретических построений исторического процесса, его наследия в области методологии исторического и социального знания; поднимались вопросы о метафоричности исторических научных текстов, а, значит, и о раздвигании (или выходе из?) строгих академических рамок ремеслом историка; об ответах исследованиями историков на вызовы их современности, а значит, и о степени участия их в исторической политике, а значит, и о профессиональной и моральной честности. Открытия коллег, новые факты позволили существенно «уплотнить» коммуникативную / историографическую сеть отечественной исторической науки XIX – начала XXI в., убрать из неё ряд «географических» и временных барьеров, а значит, наметить гипотетические новые каналы общения и творческой реализации разных поколений историков.

Во многих докладах предметом анализа стали актуальные вопросы работы историков в сложные периоды истории, как в XX в., который весь был, по сути, периодом социальных потрясений в России, так и в начале XXI в., особенно на настоящем этапе развития исторической науки. Была отмечена важность исследований, связанных с рефлексией ученых-историков на кризисные моменты исторического развития не только прошлого, но и современности, попыток осмыслить инновации в историческом источниковедении, в частности, активное развитие цифровизации и виртуальных ресурсов сети интернет.

Участники конференции выразили надежду, что последующие конференции (традицию которых, безусловно, нужно сохранить) будут проходить в формате очного общения, который является единственно возможным для эффективного функционирования актуального коммуникационного научного пространства совре-

менной российской гуманитарной науки. Предлагаемые в данном сборнике материалы конференции позволят читателям самим оценить, удалось ли ее участникам продвинуться в разрешении актуальных проблем социогуманитарного знания вообще и карееведения в частности.

К сожалению, за время, прошедшее от проведения конференции до редактирования этого сборника, мы потеряли тех наших коллег, которые внесли большой вклад в создание и работу нашей конференции, были не только её организаторами, но душой нашего исторического сообщества – Е.А. Чиглинцева и С.И. Маловичко. Их светлой памяти мы посвящаем эту книгу.

Библиография

1. Бузескул В.П. О научных трудах Н.И. Кареева (по поводу его 75-летия) // Санкт-Петербургский филиал Архива РАН. Ф. 825 (В.П. Бузескул). Оп. 1. Д. 30. 14 л.
2. Из далекого и близкого прошлого. Сборник этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной жизни Н.И. Кареева. Петроград; Москва: Изд-во «Мысль», 1923. 304 с.
3. Кареев Н.И. По большой дороге истории: монография; рук. проекта, вступит. ст., отв. ред. В.П. Золотарев; подготовка текста и коммент. Е.В. Карпова, Л.А. Кушлевич, А.А. Кутузова, В.С. Русанова. Москва: ИНФРА-М, 2020. 342 с.
4. Мягков Г.П., Филимонов В.А. Казанские ученые в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Серия Гуманитарные науки. Кн. 2, ч. 1. Казань, 2009. С. 164-173.
5. Мягков Г.П., Филимонов В.А. Н.И. Кареев и казанские социологи // Вестник экономики, права и социологии / Федеральный научно-практический и аналитический журнал. Казань, 2008. № 6. С. 115-122.
6. Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель (1869–2007) / сост. В.А. Филимонов. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2008. 224 с.
7. Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель / Материалы Первой Всероссийской научно-теоретической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.И. Кареева. Сыктывкар, 5–6 декабря 2000 г. / Отв. ред. В.П. Золотарев. Сыктывкар: Изд-во СГУ, 2002. 221 с.
8. Репина Л.П. Концепции «единого человечества» и «общего прошлого» в интеллектуальном наследии русской исторической школы // Запад – Восток. 2019. № 12. С. 13-28.
9. Щедрина Т.Г. Избранная библиография работ о Н.И. Карееве (2008–2019) // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / под редакцией Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. Сер. Философия России первой половины XX века. М.: Изд-во «Политическая энциклопедия», 2019. С. 165-173.

***Р.Р. Хайрутдинов**, председатель Оргкомитета конференции, директор Института международных отношений КФУ, председатель Совета отделения Российского исторического общества в Республике Татарстан*

***Г.П. Мягков**, профессор, председатель Казанского отделения Российского общества интеллектуальной истории*

Раздел 1

Н.И. КАРЕЕВ КАК СУБЪЕКТ И ОБЪЕКТ ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИХ И НАУЧНО- ПЕДАГОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

УДК 930

Герш К.В.

Н.И. Кареев и И.М. Гревс: прожитое и пережитое

На материалах автобиографического и эпистолярного наследия историков автор делает попытку проследить эволюцию отношений Н.И. Кареева и И.М. Гревса на протяжении всей жизни.

Ключевые слова: И.М. Гревс, Н.И. Кареев, история исторической науки, воспоминания

Важной страницей отечественной исторической науки является жизнь и творчество двух историков Н.И. Кареева (1850–1931) и И.М. Гревса (1860–1941). Их жизни тесно связывает Петербургский университет и занятие всеобщей историей. Заглавие этой статьи вытекает из названия воспоминаний Н.И. Кареева «Прожитое и пережитое», которое И.М. Гревс планировал дать для своей книги жизни. Кареев предвосхитил этот замысел, что огорчило Гревса. В рамках этой статьи попытаемся проследить историю их взаимоотношений. Творчество Н.И. Кареева и И.М. Гревса не раз было в центре внимания историков [1; 2; 8; 9; 10; 12; 19; 20; 21; 24; 25], но отношения между двумя учеными еще не стали предметом специального исследования.

О взаимоотношениях ученых мы можем судить по ограниченному кругу источников. Кареев упоминает Гревса в своих воспоминаниях, но достаточно редко (не более 8 раз) и сведения эти отрывочны [17, с. 179, 188, 203, 204, 220, 223, 260, 283]. Некоторые краткие сведения содержат дневники Кареева [23, с. 269-410]. Н.И. Кареев был «оппонентом из публики» на защите диссертации И.М. Гревса и написал обстоятельную рецензию [14]. Образ Гревса немного позволяют воссоздать стихотворения и эпиграммы Кареева, посвященные другу [13; 16]. Более содержательными выглядят

письма Н.И. Кареева своему другу и коллеге [15], но они, к сожалению, немногочисленны. Воспоминания Гревса практически не содержат сведений о старшем коллеге, так как историк их не дописал [2, с. 296-298]. Письма Гревса Карееву тоже сохранились плохо [7]. Яркий образ ученого Гревса создаст к 40-летию научно-педагогической деятельности Кареева в газете «Речь» [6]. Гревс принимал участие в двух юбилейных сборниках, где написал статьи, посвященные Данте [3; 5]. Юбилейные сборники учеников, посвященные Гревсу, не содержат статей Н.И. Кареева [11; 22].

Знакомство Гревса и Кареева, по воспоминаниям последнего, состоялось в 1885 году в рамках участия в научно-литературном обществе при Санкт-Петербургском университете и совместной работе на общей кафедре [17, с. 188; 6]. Кареев только поступил на службу профессором кафедры всеобщей истории, а Гревс в это время учился в магистратуре и работал над диссертацией под руководством В.Г. Васильевского. Позднее Гревс отмечал: Кареев «притягивал к себе прямою и искренностью своего благожелательства»; «обладал умением отнестись к начинающему, как к равному» [6]. В дальнейшем сближению ученых способствовала их совместная работа в университете, на Высших женских курсах, Политехническом институте. Особым местом сближения стало, по видимому, обсуждение отдельных глав диссертации Гревса, посвященной поздней античности, что, безусловно, было продиктовано общим интересом историков к этому периоду. В конечном итоге это вылилось в обстоятельную рецензию Кареева на диссертацию Гревса. Во время заграничных командировок Кареев подхватывал гревсовский курс средней истории, а после ухода Гревса из Политехнического института вынужден был читать все отделы истории [17, с. 179, 223]. Встречались и общались ученые и за границей (например, в Париже [17, с. 220] или Риме на международном конгрессе).

Гревс и Кареев в 1899 г. были отстранены от преподавания в университете и на Высших женских курсах по причине «участия в студенческих волнениях» [17, с. 203]. Гревс был возвращен в университет в 1902 г., о чем поделился радостной новостью с Кареевым, отдыхавшем в Карлсбаде. Последний поздравлял коллегу с «окончанием мытарств» и радовался, что Гревс воспользовался случаем «высказать свое расположение», в котором он никогда и не сомневался [15, л. 1-1 об]. Кареев заключал: «Те чувства, о которых Вы мне пишете, изображая свое настроение, известны в равной степени и мне» [15, л. 2]. Он высказывал Гревсу надежду на скорое возвращение в университет, но это станет возможным

только в 1906 г. Вместе с другими историками ученых «изгоняют» (по выражению Гревса) из университета и в 1923 г.

Историков объединяла совместная деятельность в Историческом обществе, где Кареев был бессменным председателем, а Гревс – членом общества, а с 1903 г. председателем секции всеобщей истории. Кареев в письмах Гревсу делился интимными душевными переживаниями по поводу взаимоотношений внутри общества, фактическим его расколом, «захоронением», разладом отношений с А.С. Лаппо-Данилевским и другими членами секции русской истории, нежеланием продолжать издание «Исторического обозрения» и даже нежеланием участвовать в выборах председателя [15, л. 5-10 об]. Он пытался объяснить причины этого разлада, в какой-то мере оправдывая себя. Кареев доверял Гревсу, единственному, кому он открывал свои намерения и написал два обстоятельных письма (в марте и ноябре 1915 г.).

Историков связывала и общественно-политическая деятельность. Ещё в 1897 г. вместе с В.Г. Васильевским, С.Ф. Платоновым, Г.В. Форстеном, А.С. Лаппо-Данилевским и другими И.М. Гревс был привлечен Н.И. Кареевым к обсуждению вопроса о недостатках преподавания на историко-филологическом факультете. Но если в 1890-х гг. главные требования касались лишь регламентации практических занятий, то в 1905–1906 гг. речь шла о перестройке всей системы высшего образования. Кареев и Гревс принимали активное участие в осенней «банкетной кампании» 1904 г. [4, л. 8 об.-9], участвовали в выработке текста «Записки 343-х», в создании Академического союза (как в 1905–1906 гг., так и в 1917–1918 гг.) и в целом в обсуждении вопросов реформирования высшей школы, проповедуя «свободу учения и преподавания».

В первых рядах они вошли в состав кадетской партии, принимали активное участие в предвыборной кампании, публикации статей в либеральной печати. Кареев был даже депутатом Первой государственной думы. Но оба разочаровались в политике и общественно-политической деятельности после завершения революции 1905–1907 гг. И если Кареев больше не вернулся к общественному обсуждению злободневных проблем в печати, то Гревс в 1917–1918 гг. еще раз сделал попытку, публикуя свои статьи в либеральных органах до их закрытия.

Историков связывали и общие научно-литературные проекты: работа в редакции энциклопедии Брокгауз и Эфрон. В одноименном издательстве в 1923–1924 гг. Гревс руководил серией «Образы человечества», к которой привлек многих историков, в том числе и Кареева [18]. Практически одновременно в 1920-е гг. историки

начали работу над своими воспоминаниями, которые, впрочем, так и не были опубликованы при жизни.

Отношения историков были доверительными, приятельскими. После революции 1917 г. Кареевы с Гревсами жили в одной квартире в профессорском общежитии на Тучковой набережной [17, с. 283], где, видимо, сблизились еще больше. Во второй половине 1920-х гг., вплоть до смерти Кареева, историки часто виделись, порой по два раза в день. Они вместе прогуливались, посещали библиотеку, общих знакомых, ходили друг к другу в гости на обеды и ужины. Дневники Кареева это хорошо фиксируют (например, с апреля по декабрь 1925 г. историки виделись не менее 12 раз, в 1926 г. – 32 раза, 1927 г. – 24, 1928 г. – 26, 1929 г. – 18, с января по апрель 1930 г. – 3 раза). Как правило, историки не виделись только в летние месяцы, когда Кареев уезжал в деревню или в Узкое, но в этом случае обязательными были открытки и письма [23, с. 270-410].

Таким образом, дружеские отношения историков, завязавшиеся еще в XIX веке, будут сохраняться на протяжении всей жизни. Сложный период 1920-х гг. они переживут вместе благодаря общим целям и задачам восстановления и поддержания культуры.

Библиография

1. Бамбизова К.В. Историческая концепция И.М. Гревса – основоположника Петербургской школы медиевистики. Дис. ...канд. ист. наук. Томск, 2008. 259 с.
2. Бамбизова К.В., Свешников А.В. «Страничка из научной биографии» И.М. Гревса. Средневековая история в Петербурге в первую четверть XX-го века (подг. текста, предисл., примеч. К.В. Бамбизовой, А.В. Свешникова) // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 22. М.: Изд-во ЛКИ, 2008. С. 274-309.
3. Гревс И.М. Из «Studi Danteschi»: первая глава трактата Данте «De Monarchia». Опыт синтетического истолкования // Из далекого и близкого прошлого: Сборник этюдов по всеобщей истории в честь Н.И. Кареева. Пг.; М., 1923. С. 120-134.
4. Гревс И.М. Иосиф Алексеевич Покровский (Набросок воспоминаний о друге) 1923 г. // ПФА РАН. Ф. 726. Оп. 1. Д. 39.
5. Гревс И.М. Когда был написан трактат Данте о монархии // Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе. СПб., 1914. С. 354-385.
6. Гревс И.М. Николаю Ивановичу Карееву: сорок лет труда за культуру // Речь. 1913. № 307. С. 3.
7. Гревс И.М. Письма к Н.И. Карееву // НИОР РГБ. Ф. 119. К. 9. Д. 93-96. 7 л.; Д. 102. 2 л.
8. Золотарев В.П. Историк Николай Иванович Кареев и его воспоминания «Прожитое и пережитое» // Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / Подготовка текста, авт. вступ. ст. и комментариев В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. С. 5-40.
9. Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988.

10. Золотарев В.П. Николай Иванович Кареев (1850–1931) // Портреты историков: В 5 т. Т. 2. Всеобщая история. Москва; Иерусалим: Университетская книга. Geshtarum, 2000. С. 276–293.

11. К двадцатипятилетию учебно-педагогической деятельности Ивана Михайловича Гревса (1884–1909): Сб. статей его учеников. СПб., 1911.

12. Каганович Б.С. Русские медиевисты первой половины XX века. СПб.: ГИПЕРИОН, 2007.

13. Кареев Н.И. Ивану Михайловичу Гревсу (4 мая 1860–1929). «Вступив в 70-ый год...» // СПФА РАН. Ф. 980. Оп. 1. Д. 23. Л. 13–13 об.

14. Кареев Н.И. Книга И.М. Гревса о римском землевладении // Русское богатство. 1900. № 11. Отд. 2. С. 1–27; 1900. № 12. Отд. 2. С. 1–20.

15. Кареев Н.И. Письма И.М. Гревсу // СПФА РАН. Ф. 726. Оп. 2. Д. 134. 21 л.

16. Кареев Н.И. Послание Ивану Михайловичу Гревсу. «Какая вышла шутка рока...» // СПФА РАН. Ф. 980. Оп. 1. Д. 21. Л. 39.

17. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / Подготовка текста, авт. вступ. ст. и комментариев В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. 384 с.

18. Кареев Н.И. Томас Карлейль: Его жизнь, его личность, его произведения, его идеи. Петербург: Брокгауз-Ефрон, 1923. 161 с.

19. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с.

20. Н.И. Кареев: человек, ученый, общественный деятель. Сыктывкар, 2002.

21. Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX века. Судьба научного сообщества. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 415 с.

22. Средневековый быт. Сборник статей [посвященный Ивану Михайловичу Гревсу в сорокалетие его научно-педагогической деятельности]. Под ред. проф. О.А. Добиаш-Рождественской, А.И. Хоментовской и Г.П. Федотова. Л.: «Время», 1925.

23. Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. исследования и материалы / авт.-сост. Е.А. Долгова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 512 с.

24. Филимонов В.А. Н.И. Кареев как историк античности. Дис. ...канд. ист. наук. Казань, 1999. 262 с.

25. Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса / Авт.-сост. О.Б. Вахромеева. СПб., 2004. 372 с.

Герш Ксения Вадимовна, кандидат исторических наук, доцент, Новокузнецкий филиал (институт), Кемеровский государственный университет, г. Новокузнецк, Россия; bambizova@mail.ru

N.I. Kareev and I.M. Grevs: Lived and Experienced

Based on the materials of the autobiographical and epistolary heritage of historians, the author makes an attempt to trace the evolution of relations between N.I. Kareev and I.M. Grevs throughout life.

Keywords: I.M. Grevs, N.I. Kareev, history of historical science, memories

Gersh Kseniya Vadimovna, Candidate of History, Associate professor, Novokuznetsk branch (institute), Kemerovo State University, Novokuznetsk, Russia; bambizova@mail.ru

Грошева И.А., Грошев И.Л.

Формула прогресса в научном наследии Н.И. Кареева

В статье авторы провели теоретический анализ отражения в творчестве Н.И. Кареева теории прогресса. Обращено внимание, что изложение теории прогресса носит неоднозначный характер, связано с историческим, философским и социологическим аспектами развития общества в рамках его собственной системы. Особый интерес представляет обоснование мыслителем формулы прогресса, призванной решить методологические проблемы общественных дисциплин.

Ключевые слова: философия истории, историософия, прогресс, история, общество

Обращение к творческому наследию Н.И. Кареева актуализировалось в связи с расширением горизонта междисциплинарного поиска особенностей протекания исторического процесса в постмодернистском обществе, попыткой разрешения многолетнего спора между представителями субъективного и объективного направления в исследовательской практике. Обоснование критериев социального прогресса, условий его развития представляет научный интерес в плане методологического осмысления концепции непрерывного развития, выяснения роли личности в истории, соотношения объективной и субъективной составляющих в понимании особенностей поступательного развития современного общества.

Особое внимание ученый уделяет различению философии истории, историософии и социологии. Философия истории акцентирует внимание на изучении фактов и законов, ими управляющих, а также на взаимосвязи отдельных явлений. Он сконцентрировал внимание на аналитическом исследовании элементов исторической жизни посредством историософии, изучающей принципы историко-философских исследований. Ученый подразумевал под ней общую теорию философии истории. Качественное различие между науками заключалось в том, что философия истории принадлежала к наукам феноменологическим, а историософия – к номологическим. Применение базовых историософских принципов для изучения истории должно способствовать построению философии истории. Кроме того, для того чтобы разграничить философию и историю, выделить особенности общей теории исторической науки, Н.И. Кареев вводит понятие «историка» [1]. В ее значение ученый вкладывал понятие методов, при помощи которых «добывается

прошлое», какие условия должны быть соблюдены, чтобы знание считалось по-настоящему научным.

Философия отличается от истории лишь большей степенью абстрактности, в свою очередь, историю ученый относит к феноменологическим наукам. Однако есть наука, которая непосредственно имеет дело со всеми категориями законов – социология, пытающаяся добраться до сущности процессов и выявить последовательность происхождения социальных явлений. Но в то же время простое эмпирическое обобщение никогда не даст нам знания законов. Например, чтобы узнать, по мнению Кареева, законы развития народов, нужно мысленно устранить все различия в их существовании, но задача истории заключается как раз в изучении этих условий во всем их многообразии [2, с. 34]. Поэтому в ходе исследования общих законов социальной жизни ученые, по его мнению, всегда стремились к социологии.

Н.И. Кареев обращает внимание на то, что историю можно рассматривать как с феноменологической, так и с номологической точек зрения. В первом случае изучается последовательность смены явлений, во втором – синтез простых процессов, каждый из которых подчинен некому специальному закону [2, с. 10-11]. Философии истории исследователь отводит роль вершителя «суда над историей», поскольку именно она оказывается в состоянии осмыслить исторический процесс [4, с. 95]. В то же самое время Кареев предупреждает о недопустимости попыток «набегов» на историю, напоминает, что подобные попытки совершались многократно. Например, кто-то освобождал историю от всеобщего закона причинности путем введения понятия «свободная воля человека»; кто-то – от взаимной обусловленности процесса, навязывая ей план, а кто-то и вовсе хотел лишить ее общей теории и собственных законов [2, с. 115].

Философия истории должна заниматься не только критикой исторической науки, но и ее генеалогией. В связи с этим Н.И. Кареев обратился к идее прогресса. Прогресс истории развития человечества представляется возможным изучать по двум причинам. Во-первых, сравнению уровня социального развития человечества на различных этапах способствуют эмпирические исследования, в чем преуспела социология. Во-вторых, идея прогресса связана с устремлением к «лучшему будущему» человечества, установлению «высшего идеала», что подверглось критической оценке в современных аналитических исследованиях научного наследия Н.И. Кареева [7, с. 66]. Исторический процесс состоит из множества историй человечества, но он подчиняется определенному по-

рядку. Психическое и социальное создают явление прогресса как результат обобщения в истории развития человечества, но судьей дел человека остается его разум [2, с. 96].

Несмотря на критику идей Кареева исследователями [8], важной представляется мысль Кареева о том, как оценить историческое развитие по отношению к отдельным поколениям. Идея прогресса позволяет представить ход истории в категориях истинного и ложного, лучшего или худшего. Прогресс – это не простое поступательное движение, а своеобразная борьба, знаменующая победу истины над ложью, добра над злом, возвышение реального над идеальным [2, с. 129].

Он упоминает о том, что существуют различные формулы прогресса, возникающие по причине повышенного субъективизма, вызывающего односторонность оценки событий; использования ограниченного числа фактов; недостаточного знакомства с законами мысли и природы; стремление к излишней простоте, делающей формулу узкой. Возникновение мысли о прогрессе формировалось «умственным состоянием и моральным настроением общества» [2, с. 132]. Прежде чем поставить вопрос о прогрессе, ученый задается вопросом: о каком развитии и развитии чего идет речь? [2, с. 152] Развиваются и хорошее, и дурное, поэтому необходимо определиться, что оставить в качестве объективного критерия прогресса для философии истории. Отвечая на этот вопрос, ученый обращается к концепции повторяемости: появление того общего, в котором находит смысл индивидуальное, повторение в переходах со ступени на ступень, в конце концов, способность к прогрессу как существенный признак человека. Кроме этого, необходима руководящая идея, которая зависит от субъективного выбора исследователя. Целью прогресса выступает достижение общечеловеческого идеала [2, с. 253].

Прогресс выступает критерием измерения хода истории, следовательно, философия истории становится критичной по отношению к всемирной истории. Причем критичность оценивается с двух сторон. Во-первых, каким образом то или иное явление способствует осуществлению идеалов. С другой стороны, насколько прогрессивны или регрессивны изменения в плане соответствия нашим идеальным представлениям и субъективным требованиям личностей [2, с. 271]. Формула прогресса должна объяснить основные направления изменений, а не средства прогресса, которые будут уникальны для различных условий. Необходимо отметить, что отдельные процессы развития нравственных убеждений неотделимы от развития политических форм, соответствующего прогресса

правосудия, экономики, т.е. отдельные процессы развития взаимно обусловлены.

Формула прогресса, согласно Н.И. Карееву, должна включать в себя следующие элементы: социальный идеал, пути его осуществления, обоснование принципов перехода от одних видов деятельности к другим. Целью прогресса выступает развивающаяся и развитая личность. Прогресс состоит в том, чтобы личность освободила себя путем изменения и творческой переработки культурных идей в соответствии с выбранной целью. Учёный выделяет воспитание духовных интересов и мирозерцания (прогресс умственный); формирование этических принципов (этический прогресс); формирование нового государства и развитие свободы (прогресс политический); улучшение права и создание равных возможностей (юридический прогресс); развитие солидарности и совершенствование способов «добывания средств к существованию» (экономический прогресс) [5, с. 97].

Некоторые исследователи отмечают, что деонтологический элемент теории прогресса, отраженный в работах Н.И. Кареева, скорее идеалистичен, чем реалистичен и выглядит достаточно старомодно. Это своеобразная попытка ввести в историософию категорию «должное». Формула прогресса – это некая «мерка», которая позволяет ученому понять связь прошлого, настоящего и будущего, это лишь гипотетическое построение, к которому должна стремиться эволюция [6, с. 26].

Однако Н.И. Кареев и сам признавал, что выработка формулы прогресса возможна лишь на уровне философского знания. Действительно, развитие нравственных убеждений нельзя помыслить без соответствующего развития правосудия, освобождение от борьбы за существование невозможно без развития экономических институтов. В своей работе «Формула прогресса в изучении истории» он отмечал, что прогресс есть тенденция к усовершенствованию внутренних свойств человека и улучшению его культуры [3, с. 10].

Учёный стремился в своих работах выяснить соотношение философии истории, истории и социологии, определяя объективные и субъективные начала теории прогресса. Несмотря на всю противоречивость выдвинутых тезисов, представляет интерес идея Н.И. Кареева о поколенческом подходе и роли личности в процессе развития истории. Субъективная составляющая прогресса представлена ученым как борьба сознательной деятельности с бессознательной, замена произвола целенаправленностью. Перспективы воплощения его идей в будущем покажет история развития постмодернистского общества.

Библиография

1. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса // Философия и общество. 1997. № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osnovnye-voprosy-filosofii-istorii-kritika-istoriosoficheskikh-idey-i-opyt-nauchnoy-teorii-istoricheskogo-progressa> (дата обращения: 19.10.2020).
2. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Ч. 1. Сущность и задача философии истории. СПб.: Изд. Л.Ф. Пантелеева, 1887. 346 с.
3. Кареев Н.И. Формула прогресса в изучении истории. Варшава: Тип. И. Носковского, 1879. 14 с.
4. Кареев Н.И. Собр. соч.: в 2 т. СПб.: Прометей Н.Н. Михайлова, 1911. Т. 1. 199 с.
5. Кареев Н.И. Основы русской социологии; Ин-т социологии Рос. акад. наук, С.-Петербург. фил. СПб.: Лимбах, 1996. 368 с.
6. Малинов А.В. Теория исторического процесса Н.И. Кареева // КЛИО. 2013. № 2 (74). С. 23-28.
7. Попов А.С. Проблема социально-исторического прогресса в историософских построениях Н.И. Кареева // Державинский форум. Изд-во «Тамбовский государственный университет имени Г.Р. Державина». 2020. Т. 4. №14. С. 66-73.
8. Julius F. Hecker. Russian Sociology. A contribution to the history of sociological thought and theory. London. 1934. P. 149-174.

Грошева Ирина Александровна, кандидат социологических наук, доцент, Московский институт государственного управления и права, Тюменский филиал, г. Тюмень, Россия; grosh@nextmail.ru

Грошев Игорь Львович, кандидат социологических наук, доцент, Тюменское высшее военно-инженерное командное училище имени маршала инженерных войск А.И. Прошлякова, г. Тюмень, Россия; grosh@nextmail.ru

Formula of the progress in the scientific heritage of N.I. Kareev

In the article, the authors conducted a theoretical analysis of the reflection of the theory of progress in the work of N. I. Kareev. Attention is drawn to the fact that the presentation of the theory of progress is ambiguous and is connected with the historical, philosophical and sociological aspects of the development of society within its own system. The particular interest is the thinker's justification of the formula of progress, designed to solve methodological problems of social disciplines.

Keywords: philosophy of history, historiography, progress, history, society

Grosheva Irina Aleksandrovna, Candidate of Sociology, Associate Professor, Moscow Institute of Public Administration and Law, Tyumen Branch, Tyumen, Russia; grosh@nextmail.ru

Groshev Igor Lvovich, Candidate of Sociology, Associate Professor, Tyumen Higher Military Engineering Command School named after Marshal of Engineering Troops A.I. Proshliakova, Tyumen, Russia; grosh@nextmail.ru

Девятайкина Н.И.

**Научно-эпистолярная культура медиевистов
1920-х годов в советской раме
(три письма Н.И. Кареева А.С. Неусыхину)**

В статье дается культурно-антропологическая характеристика переписке двух ученых. Ее исследование позволяет сделать выводы, что университетская культура эпистолярного жанра и риторическая подготовка за 10–12 лет советской жизни не изжили себя, оба ученых в письмах придерживаются академического традиционного стиля, «консервативно» сопротивляющегося новому языку. В рамках обсуждаемых вопросов они академически свободно адресуются к суждениям К. Маркса как к позиции одного из теоретиков, в чьих гипотезах, тезисах, заключениях могут быть и сильные стороны, и противоречия, и спорные утверждения. Академическое «воспитание» и самовоспитание Н.И. Кареева проступает в приемах научной критики, доброжелательном тоне, доверии к знанию молодого автора, стремлении его поддержать при одновременном обозначении высокой планки настоящей науки.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, А.И. Неусыхин, эпистолярный жанр, академическая наука, приемы научной критики, университетская риторика, 1920-е годы в СССР

Научные поиски гуманитариев, повороты судеб, падающие на 1920-е годы, ныне привлекают историков науки и методологов все больше, о чем свидетельствуют конференции, диссертации, публикации документов, стремительно растущий интернет-контент. Это не случайно: названные годы оказались противоречивым, драматическим, но одновременно уникальным периодом молодой советской истории, когда свобода выражения позиции, обращения к материалам прошлого с целью новых интерпретаций, актуализации, как и ныне, вдохновляли ученых, а стремление участвовать в построении новой науки с ее ориентирами на историю формаций, народных масс всех времен, их борьбы особенно активно демонстрировала научная молодежь, взрослая на классическом образовании, но проникшаяся позитивистско-марксистскими идеями.

На эти годы, напомним, падает и начало научной деятельности А.И. Неусыхина (1898–1969), об этико-антропологической составляющей переписки которого с Н.И. Кареевым в 1929 году пойдет речь в данной статье. А.И. Неусыхин учился на «Историческом отделении» факультета общественных наук МГУ; в конце 1921 г. был, как тогда практиковалось, приглашен знаменитым профессором Д.М. Петрушевским в число участников его семинара, написал дипломную работу, был оставлен в аспирантуру, стал одним из близких учеников будущего академика и отдал себя изучению раннего

средневековья. Одно из событий этого пути отражено в интересующих нас письмах.

Историко-антропологический пласт новой биографической истории еще далеко не заполнен исследованиями переписки ученых, хотя изучение научного творчества и Н.И. Кареева, и А.И. Неусыхина, публикация их личных документов началось достаточно давно. Современная литература о Н.И. Карееве велика, продолжает пополняться, достаточно напомнить о циклах трудов Б.Г. Сафронова, В.П. Золотарева, А.В. Малинова, Г.П. Мягкова, В.А. Филимонова, Е.А. Долговой. По интересующему нас периоду в разное время опубликовано несколько интересных статей и о деятельности А.И. Неусыхина в его аспирантские и первые пост-аспирантские годы Л.Т. Мильской [2, с. 144-174], Т.Д. Шакиной [7, с. 264-281], М.В. Землякова [1, с. 113-136]. Есть и воспоминания учеников, в том числе – саратовского профессора С.М. Стама, всю жизнь с благоговением произносившего имена московских учителей, среди которых непременно фигурировал А.И. Неусыхин [6, с. 89-95]. Однако интересующего нас цикла писем в историко-антропологическом аспекте авторы, насколько можно судить, не рассматривали.

Появлению в печати анализируемых в статье писем (1978) мы обязаны разысканиям Л.Т. Мильской (1927–2006), преданной и деятельной ученице А.И. Неусыхина. В бытность свою ученым секретарем сборника «Средние века» (ИВИ РАН) она опубликовала тематически подобранный блок из шести писем 1929 года Н.И. Кареева и А.И. Неусыхина, снабдив их примечаниями и комментариями [4, с. 282-291]. Добавлю, что Л.Т. Мильская тотчас отслала отдельный оттиск моему учителю С.М. Стаму с такой надписью: «Дорогому Соломону Моисеевичу на память о “героическом периоде” в развитии советской медиевистики от составителя. 17.1.1979 г.» [5, титульный лист оттиска].

Попытаемся кратко обрисовать, выявить, что же было присуще с точки зрения эпистолярной культуры переписке двух ученых разных поколений, один из которых почти на 50 лет старше другого, но при этом одной московской университетской выучки, как выстраивался диалог, формулировались суждения, уяснить, какие черты времени отразились в письмах и побудили их издательницу определить данное время как особый период в развитии советской медиевистики.

Начнем с кратких пояснений. Судя по датам, переписка велась интенсивно с последней декады января до середины февраля 1929 года [4, с. 282, 283, 285, 287, 289]. Около трех недель послания от младшего историка отправлялись из Москвы в Ленинград к старшему, и от старшего – к младшему. Почта работала безуко-

ризненно: на письмо, отправленное 14 февраля, Неусыхин отвечает 16-го, т.е. либо в день получения, либо на следующий. Ответы на два письма, полученных ранее, тоже дает в течение 2–5 дней (26 января Кареев пишет первое письмо – 30-го Неусыхин отправляет ответ; 4 февраля, т.е. через три дня, первый пишет следующее письмо, соответственно, 5–6-го второй его получает, ответ дает 11-го, объяснив причину задержки; следующее послание из Ленинграда отправляется 14-го, судя по ремарке, пишется утром сразу по получении московского письма).

В этих «почтовых деталях» есть немало интересного. Прежде всего, мы видим, что «открывает» переписку Н.И. Кареев (о поводе будет сказано ниже). Даты показывают, что он, несмотря на почтенный возраст, упомянутый в послании лекционный курс у студентов-географов в университете, не позволяет себе промедлений, отвечает младшему товарищу тотчас, в чем можно видеть знак высокой академической культуры. Этим же знаком, пусть более скромным пока, отмечены и письма А.И. Неусыхина.

Кстати, оба ученых – и профессор, и аспирант – сохранили послания друг друга в своих архивах, благодаря чему Л.Т. Мильская смогла их выявить и ввести в научный оборот. Особенно важно сделать акцент на профессионально-культурной позиции Н.И. Кареева: он пишет *начинающему* медиевисту, не зная его лично, но считает при этом важным сохранить ответные послания, т.е. ценит суждения. Профессор не исключает возможности знакомства (о чем, кстати, пишет в одном из писем), очевидно, и важности обсуждения в посланиях для истории науки.

Если продолжать рассмотрение культурно-антропологической стороны, то обнаруживается, что в короткой переписке быстро меняются вербальные формулы: в первом письме А.И. Неусыхин назван просто «Уважаемым коллегой» [4, с. 282], во втором – «Многоуважаемым Александром Иосифовичем» [4, с. 283], в третьем – «Глубокоуважаемым Александром Иосифовичем» [4, с. 287], что явно показывает растущий интерес: не чинясь, 79-летний профессор обращается к 30-летнему вчерашнему аспиранту все более и более подчеркнуто-почтительно. Он ставит себя в равную позицию: молодой Неусыхин начинает свои послания со слов «Глубокоуважаемый Николай Иванович».

При этом первое письмо Н.И. Кареев подписывает «Душевно преданный» [4, с. 283], возможно, по старинной привычке завершать этой риторической формулой эпистолы, в том числе – к своему давнему ученому товарищу Д.М. Петрушевскому (со слов которого, как свидетельствует первое письмо, что-то знал о его учени-

ке). Надо отдать должное внутренней чуткости Н.И. Кареева: дальше он подписывается «Уважающий Вас» (4, с. 285,289), понимая, что Неусыхин, конечно, не может поставить себя на равную ногу и отвечать такой же формулой: он-то все три послания заключает словами «Уважающий Вас». С другой стороны, здесь могла иметь место уже и иная внутренняя установка младшего участника переписки: как показали исследования последних лет, большевики не только укоренили новый словарь, который активно заявлял о себе уже с начала 1920-х в документах, распоряжениях, газетах, на радио, в митинговых выступлениях и пр., но и вытеснял старый, прежде всего именно культурно-интеллигентский, дворянский.

Дальнейшее изложение требует объяснить повод к переписке. Дело в том, что в начале 1929 г., очевидно, незадолго до защиты А.И. Неусыхиним кандидатской диссертации, выходит в виде монографии ее текст [3]. Диссертант посылает книгу Н.И. Карееву. Тот и пишет 26 января письмо молодому историку. В нем Н.И. Кареев привычно «рассыпает» принятые риторические формулы, делая к ним добавления по случаю: «Благодарю Вас, уважаемый коллега по исторической науке, имя и отчество которого, к сожалению, мне неизвестны, за присылку мне Вашей книги» [4, с. 282]. Как понятно, профессор включает в пространство науки младшего товарища и его труд. Еще дважды Н.И. Кареев находит поводы повторить слова благодарности, дважды же присоединив к ним поздравления с выходом книги как таковой. Присоединяет также пожелание: «...чтобы труд Ваш был только началом продолжительной научной карьеры» [4, с. 283], которое словно закрепляет за А.И. Неусыхиним место в пространстве науки, не только настоящее, но и будущее. С точки зрения риторики пожелание завершает письмо одной из самых сильных формул.

Ясно, что умный, переживший многие общественные и личные потрясения прозорливый профессор (в том числе «чистку» – обсуждение позиции в 1930 г. на заседании «Общества историков-марксистов», в считанные месяцы после которой ушел из жизни) мог иметь в виду многое. Скажем, не только ставший ему очевидным научный талант младшего товарища по науке, но – подтекстово – обстоятельства времени, уже начинавшего косо смотреть на историков, особенно занимавшихся западными проблемами. Не случайно, радость по поводу выхода книги в анализируемом письме сопровождается замечанием, что «питерские молодые историки» лишены «пока» возможности печататься. В пожелании можно усмотреть и призыв не отступать перед сложностями, не бросать науку «вопреки» обстоятельствам. Можно думать, что

письма придавали мужества адресату. Как показывает история жизни А.И. Неусыхина, он тоже испытал на себе тяжелые игры советской фортуны, и не раз; на тот же момент он был вынужден на несколько лет, до 1934 года (восстановления преподавания истории в университетах), отойти от начатых научных поисков, работать библиографом в библиотеке [2, с. 113-136].

Вернемся к Н.И. Карееву. Письма обнаруживают еще один штрих традиционной культуры ученой личности. Так, «по обыкновению своему», он тотчас по получении книги «разрезал ее» (тогда книги, журналы сшивались т.н. тетрадами, и читатели сами разрезали их на страницы. – *Н.Д.*) и пробежал, многое в «процессе», особенно внимательно – заключительные страницы. Из следующего письма от 4 февраля становится понятно, что за несколько дней профессор «успел прочитать» всю книгу и был готов изложить свое мнение [4, с. 283]. При этом он куртуазно замечает, что послание младшего коллеги позволяет понять уместность письма об этом. Далее излагаются основательные суждения теоретического плана, в том числе – в адрес К. Маркса, «предвзятых историков», замечания.

Это большое послание с сугубо ученым разбором также завершается абзацем, выдающим глубину культуры автора, его рвения за науку, его стремления поддержать молодого ученого. Позволим себе привести заключительные фразы: «Пусть эти немногие замечания покажут Вам, что многое в Вашей книге я читал с большим вниманием. Прибавлю только, что в общем они не умаляют в моих глазах достоинств Вашей книги, дающих основание признать Вас за настоящего научного деятеля» [4, с. 285].

В этом абзаце риторически красиво и содержательно выразительно выглядит игра слов «немногие замечания» – «многое в Вашей книге». А главное – щедрость Н.И. Кареева, который не жалеет больших слов ради оценки первого опуса молодого историка, ставя и его самого в ряд ученых. Определение «настоящий» означает, что первая книга обнаружила и академические знания, и владение научным инструментом – методом / методами исследования, и добытое новое знание. Оно же, это определение, вновь может толковаться и подтекстово: к 1929 г., как ясно из упомянутых выше фактов жизни Н.И. Кареева, уже возрастала первая генерация «ненастоящих» молодых ученых, заменивших исследование догматическими формулами и «заклинаниями».

Допустимый для конференции объем статьи не позволяет продолжить разбор «деталей», из которых в совокупности складывается яркое представление о глубокой культуре ученой личности, но, как кажется, даже сделанных скромных наблюдений достаточ-

но, чтобы подвести некоторые итоги. Переписка двух ученых показала, что университетская культура эпистолярного жанра и риторическая подготовка за 10–12 лет советской жизни не изжили себя, что оба ученых в своих письмах от начала до конца самым привычным образом придерживаются академического традиционного стиля, «консервативно» сопротивляющегося новому языку. Очевидно, что оба ученых академически свободно относятся и к теории Маркса, уже начинавшей догматично интерпретироваться, как к позиции одного из теоретиков, в чьих гипотезах, тезисах, заключениях могут быть и сильные стороны, и противоречия, и спорные утверждения. Добавим, что А.И. Неусыхин при этом успел «повариться» в марксистских текстах через расшифровку и перевод на русский язык двух исторических сочинений Ф. Энгельса о германцах.

Как сильная и одновременно предельно деликатная в эпистолярной полемике в письмах рисуется позиция Н.И. Кареева; его академическое «воспитание» и самовоспитание просвечивается в доброжелательном тоне, доверии к знанию молодого автора, стремлении его поддержать при одновременном обозначении того, сколь высока планка настоящей науки, и как она стремится вверх вместе с ростом ученого.

Что касается вопроса о «героическом» периоде, то в оценке Л.Т. Мильской конец 1920 – начало 1930-х гг. попали в таковой скорей всего из-за массивованных «разборок» в новом ключе: идеологическом, партийном. Научный и профессионально-личный героизм авторов данных писем проявился в том, что они остались верны академическим традициям, учителям, приемам научной критики, уважению к иной позиции до конца своей жизни.

Библиография

1. Земляков М.В. А.И. Неусыхин и его концепция переходного периода: восприятие и интерпретации // Вестник ПСГУ. II. История. Вып. 1 (56). С. 113-136.
2. Мильская Л.Т. Тернистый путь ученого // Новая и новейшая история. 1992. № 3. С. 144-174.
3. Неусыхин А.И. Общественный строй древних германцев. М.: РАНИОН, 1929. 229 с.
4. Переписка Н.И. Кареева и А.И. Неусыхина. Публикация и примечания Л.Т. Мильской // Средние века. 1978. Вып. 42. С. 282-289.
5. Средние века. 1978. Вып. 42. Отдельный отгиск. Надпись и автограф Л.Т. Мильской (архив автора статьи).
6. Стам С.М. Моя жизнь, учителя, друзья и наука. Саратов: Изд-во Саратов. унта, 2009. 364 с.
7. Шакина Т.Д. Первый период научной деятельности А.И. Неусыхина (1922–1931) // Средние века. 1978. Вып. 42. С. 264-281.

Девятайкина Нина Ивановна, доктор исторических наук, профессор, Саратовская государственная консерватория, Саратов, Россия; devyatay@yandex.ru

**The scientific and epistolary culture of medievalists
of the 1920s. in the Soviet frame
(three letters from N.I. Kareev to A.S. Neusykhin)**

The article gives a cultural and anthropological description of the correspondence of two scientists. Study of it allows us to conclude that the university culture of the epistolary genre and rhetorical training for 10-12 years of Soviet life have not outlived themselves, both scientists in letters adhere to the academic traditional style, "conservatively" resisting the new language. Within the framework of the issues discussed, they academically freely address Marx's theory as the position of one of the theorists, in whose hypotheses, theses, conclusions there may be strengths, contradictions, and controversial statements. The academic "upbringing" and self-education of N.I. Kareev proceeds in the techniques of scientific criticism, a benevolent tone, confidence in the knowledge of the young author, the desire to support him with the simultaneous designation of a high bar of real science.

Keywords: N.I. Kareev, A.I. Neusykhin, epistolary genre, academic science, techniques of scientific criticism, university rhetoric, 1920s in the USSR

Devyataykina Nina Ivanovna, Doctor of History, Professor, Saratov State Conservatory, Saratov, Russia; devyatay@yandex.ru

УДК 930.2

Дементьева В.В.

**Рецензия Р.А. Фохта на первую публикацию
Н.И. Кареева о фонетической и графической системе
древнегреческого языка**

В статье анализируется рецензия на работу гимназиста Н.И. Кареева, помещенная в «Журнале Министерства народного просвещения» за 1869 г., с которой выступил филолог-классик Р.А. Фохт. Автор рассматривает критические замечания рецензента, касавшиеся историографических источников Кареева, использованного им понятийного аппарата, характера аргументации, а также имевшихся в тексте логических нестыковок и точек зрения по конкретным моментам древнегреческой фонетики. В статье подчеркивается взвешенный характер рецензии, ее доброжелательный тон, положительная оценка труда Кареева. Делается вывод, что такая рецензия означала признание молодого Кареева в научно-образовательной среде и явилась стимулом для его дальнейшей деятельности как ученого и автора учебников.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, Р.А. Фохт, рецензия, древнегреческий язык, фонетика, критические замечания, положительная оценка, признание, научно-образовательная среда

Первая публикация для любого человека, обратившегося к осмыслению научных достижений, – шаг очень значимый, часто рубежный: от того, как воспримет референтное сообщество первый опыт начинающего автора, многое зависит в его самооценке, пла-

нах, во мнении о нем специалистов и в целом в профессиональной судьбе. Н.И. Кареев очень рано, в 17-летнем возрасте, опубликовал отдельным изданием свою первую работу [2; см.: 6], проявив уже тогда выраженный интерес к Античности [9]. Очевидно, что этот интерес был стимулирован «усиленным классическим образованием» [7, с. 14; 8, с. 339], которое помогло Карееву вступить на принесшую ему затем заслуженную славу «стезю междисциплинарного синтеза» [5, с. 161].

Не менее важным моментом для формирования Кареева-ученого, чем его юношеские рассуждения, была реакция на них специалистов. В роли квалифицированного рецензента в «Журнале Министерства народного просвещения» [10; 4, с. 226] выступил Р.А. Фохт, латинист Санкт-Петербургского историко-филологического института, почти десяток лет к этому времени преподававший древние языки в столице (еще через десяток лет Фохт будет профессором в Нежине).

Сложно согласиться с утверждением Ю.В. Дунаевой о том, что «ранние “ученические” работы Кареева... остались практически не замеченными специалистами», которое она делает на том основании, что ей удалось найти одну только рецензию – именно рецензию Фохта [1, прим. 18]. Нельзя сопоставлять количество откликов на крупные теоретические работы маститого ученого (каким Кареев стал впоследствии) и юного гимназиста, для которого удостоиться одной одобрительной рецензии в авторитетном журнале [3] на свою скромную публикацию означало получить приглашение в профессиональную среду.

Фохт отметил, что «книга г. Кареева есть нечто вроде извлечения из знаменитейших новых сочинений о буквах и звуках греческого языка». «Новых самостоятельных результатов в ней нет, и по цели автора быть не могло; зато результаты, добытые другими, вообще изложены дельно и наглядно» [10, с. 176]. В этих словах звучала явная похвала; Фохт называл книжку Кареева «хорошим пособием». Вместе с тем он отмечал, что цель работы Кареева могла быть еще полнее достигнута, если бы автор ориентировался не на свои познания, а на определенный круг читателей, на их знания и потребности. В этом наставлении опытного коллеги содержался ценный совет по написанию методических пособий.

Остановившись на историографических источниках работы Кареева, Фохт делал замечание о том, что не находит среди них сочинений Г. Курциуса, с которыми Карееву надо было более подробно ознакомиться, чтобы избежать «некоторых ошибочных воззрений» [10, с. 175-176]. Фохт обоснованно не соглашался с Ка-

реевым в утверждении о предпочтении произношения, предложенного И. Рейхлином, при транскрипции греческих букв латинскими в филологических работах. [10, с. 177]. Кареев аргументировал свою позицию тем, что это произношение есть «создание целого народа», «не изобретение отдельных личностей» [2, с. 3]. Такая аргументация выглядела ученической, потому Фохт не без доли легкой иронии, но в корректных выражениях замечал: это все равно, что буквы латинского языка надо озвучивать подобно звучанию на каком-то из новых европейских языков [10, с. 177].

Фохт занимал позицию наставника в требовании терминологической четкости, строгости понятийного аппарата [10, с. 177-178], тем более в работах, обращенных к учащимся. Он аккуратно подмечал и имеющиеся, на его взгляд, неточности в рецензируемой работе [10, с. 178-179], он, в частности, оспаривал мнение Кареева [2, с. 12] о том, что ϵi произносилось как i . Кареев делал свое предположение, исходя из аналогии: $o+v=ov$ =латин. \bar{i} , а также ссылался на латинскую транскрипцию греческого ϵi латинским i . «Но аналогия не доказывает здесь ничего, – вполне резонно возражал Фохт, – кроме способности ϵi перейти в i , и нисколько не свидетельствует, что этот переход совершился в одно время с переходом ov в \bar{i} . Транскрипция латинская также ничего не доказывает... если бы даже римляне постоянно выражали ϵi через \bar{i} , то выходило бы только то, что они не имели звука, более близкого к ϵi , чем \bar{i} , но никак нельзя было бы заключить отсюда, что ϵi вполне равнялись \bar{i} » [10, с. 180].

Несогласие Фохта [10, с. 181] вызвало и мнение Кареева о том, что в новогреческом языке θ сохранила свое древнее звучание. Фохт ссылался на Дионисия Галикарнасского, в соответствии с которым θ произносилась с добавлением придыхания, что и передавала латинская транскрипция – через th , а также, замечал рецензент, на это указывает частый переход τ в θ . Кроме того, Фохт не соглашался с Кареевым [2, с. 22-23] в том, что греки произносили oi как латинское oe ; латинская транскрипция тут опять-таки доказывает только то, подчеркивал Фохт, что римляне не могли более близко своим алфавитом передать звучание oi , чем oe .

В противовес утверждению Кареева [2, с. 22-23], что «мы постоянно замечаем удаление от первоначального выговора и никогда не находим примера, чтобы искаженные звуки возвращались с течением времени к первоначальной чистоте», Фохт привел пример, взятый у того же Кареева [2, с. 29-30], что дигамма, первоначально означавшая звук w , затем исчезла, иногда заменяясь β , и, наконец, β стали произносить как w . Тем самым Фохт указывал

начинающему автору на принципиальную необходимость создания внутренне логически непротиворечивой системы утверждений.

В целом рецензия Фохта была взвешенной, в ней наглядно были как показаны ошибки, проистекавшие от недостаточной зрелости автора пособия, так и проведен сравнительный анализ аргументации. И весьма значим сделанный Фохтом итоговый вывод: «несмотря однако на эти недостатки..., брошюрка эта бесспорно не бесполезна и заслуживает полного внимания, как первый ученый опыт молодого автора» [10, с. 182]. Далеко не маловажно, что двойной интерес Кареева – к научным исследованиям и методике обучения – был поддержан и поощрен с самого первого его шага в этом направлении. Доброжелательное внимание со стороны Фохта означало признание молодого Кареева в научно-образовательной среде, и корректная критика в рецензии показывала, что к нему относятся не свысока, но требовательно, т.е. как к равному.

Библиография

1. Дунаева Ю.В. Западноевропейская история в исторической концепции Н.И. Кареева. Дис. ...канд. ист. наук. М., 2002. 202 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/zapadnoevropeiskaya-istoriya-v-istoricheskoi-kontseptsii-n-i-kareeva> (дата обращения: 18.09. 2020).
2. Кареев Н. Фонетическая и графическая система древнего эллинского языка. М.: тип. Т. Рись, 1868. (обл. 1869). 32 с.
3. Кармазина О.В. Антиковедение в России, 1834-1917 гг.: По материалам Журнала Министерства народного просвещения. Дис. ...канд. ист. наук. М., 1999. 234 с. – URL: <https://www.dissercat.com/content/antikovedenie-v-rossii-1834-1917-gg-po-materialam-zhurnala-ministerstva-narodnogo-prosveshch> (дата обращения: 19.09. 2020).
4. Классическая древность в Журнале Министерства народного просвещения (ЖМНП): Аннотированный указатель статей 1834-1917 гг. / сост. А.И. Рубан; вступит. ст. Е.Ю. Басаргиной. СПб.: Bibliotheca Classica Petropolitana; «Ренеме», 2015. 432 с.
5. Мягков Г.П., Филимонов В.А. Проблема монархической власти и её организации в древних обществах в политико-историческом дискурсе Н.И. Кареева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4. Ч. 3. С. 161-167.
6. Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель (1869–2007) / Сост. В.А. Филимонов. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 224 с.
7. Филимонов В.А. Н.И. Кареев: античность сквозь призму политики // Античная история и классическая археология. (Издательская серия Академклуб: Исторические науки. Вып. 2) / отв. ред. В.В. Дементьева. М.: ГУГН, ИВИ РАН, 2006. С. 13-31.
8. Филимонов В.А. Н.И. Кареев: античность сквозь призму политики // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 20. М.: Изд-во ЛКИ, 2007. С. 337-352.
9. Филимонов В.А. Н.И. Кареев как историк античности. Дис. ...канд. ист. наук. Казань, 1999. 262 с.
10. Фохт Р. Кареев Николай. Фонетическая и графическая система древнего эллинского языка. Москва, 1869 // ЖМНП. 1869, сентябрь. СXLV. С. 175-182.

Дементьева Вера Викторовна, доктор исторических наук, профессор, руководитель Научно-образовательного Центра антиковедения, Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова; г. Ярославль, Россия; vv_dementieva@mail.ru

Review by R.A. Fogt on the first publication by N.I. Kareev about the ancient Greek language phonetic and graphic system

The report analyzes the review of the work of gymnasium student N.I. Kareev, published in the "Journal of the Ministry of public education" in 1869, which was made by the classical philologist R.A. Fogt. The author of the report examines the reviewer's critical comments concerning Kareev's historiographical sources, the conceptual apparatus used by him, the nature of the argumentation, as well as the logical inconsistencies and points of view on specific points of ancient Greek phonetics that were present in the text. The report emphasizes the balanced nature of the review, its friendly tone, and a positive assessment of Kareev's work. It is concluded that such a review meant recognition of the young Kareev in the scientific and educational environment and was an incentive for his further work as a scientist and author of textbooks.

Keywords: N.I. Kareev, R.A. Fogt, review, ancient Greek language, phonetics, critical comments, positive assessment, recognition in scientific and educational areas

Dementyeva Vera Victorovna, Doctor of History, Professor, Head of The Scientific & Educational Centre for Classical Studies of P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl, Russia; vv_dementieva@mail.ru

УДК 930

Иваскевич А.Н.

Я.Г. Гуревич и Н.И. Кареев

В представленной статье впервые рассматривается сотрудничество двух известных учёных и педагогов Российской империи Я.Г. Гуревича (1841–1906) и Н.И. Кареева (1850–1931). В контексте этого встаёт проблема научного взаимодействия и взаимообогащения. В ходе анализа источников авторам удалось выявить сферы соприкосновения двух личностей и понять степень влияния друг на друга.

Ключевые слова: Я.Г. Гуревич, Н.И. Кареев, научное взаимодействие, педагогика, дружба, журнал «Русская школа», Историческое общество

Важной стороной интеллектуальной истории, зародившейся на рубеже XX века, является взаимодействие учёных. Коллективная мысль, обмен идеями благотворно влияют на развитие науки, поэтому важно понять механизм и основные черты этого общения. К тому же понять вклад ученых-историков невозможно без рассмотрения их окружения, идей, эстетических и моральных ценностей эпохи [6, с. 329]. Удалось выяснить, что уважительные отношения сложились между известными историками Н.И. Кареевым

(1850–1931) и Я.Г. Гуревичем (1841–1906). Главная задача этой статьи – в общих чертах наметить сферы соприкосновения двух учёных, попытаться воссоздать историю их взаимоотношений. Это особенно важно, если учитывать, что в наше время происходит обезличивание истории [1, с. 79]. Именно выявление соприкосновения в различных сферах, установление психологии людей позволяет более подробно понять их сущность, эволюцию интеллекта, морально-нравственные основы. Это в свою очередь позволяет взглянуть на личность с разных сторон, понять, какое влияние оказывают друг на друга учёные. Прodelать эту работу возможно при помощи эго-источников. Например, известны работы историков, где они по письмам изучают взаимодействие разных учёных. Особенно стоит отметить вклад профессора, доктора исторических наук Валентины Павловны Корзун, которая по источникам личного происхождения выясняла коммуникативное поле историков П.Н. Милюкова и В.О. Ключевского [4, с. 453-456]. Валентине Павловне удалось удивительно тонко проникнуть в психологию учёных. Она анализировала источники, исходя из состояния личностей в момент написания: «...на листе большое ржавое пятно, очевидно, пятно крови. Ему постоянно делают перевязки, ему то лучше, то хуже. И как он сам сообщает Милюкову, «пишу карандашом кое-как, лежа: встать нельзя» [4, с. 454].

Не имея на данный момент подобных источников, обратимся к воспоминаниям Н.И. Кареева «Прожитое и пережитое» [3] и попытаемся понять его мысли о Я.Г. Гуревиче. Сами воспоминания были написаны в 1920-е годы, в них учёный осмыслил себя и свою жизнь, а это – четыре царствования, две революции, Гражданская война и первые годы Советской России. Мемуары писались в короткий срок по памяти, без использования каких-либо источников, но Николай Иванович не стремился к возвеличиванию своей личности, напротив, он отдал себя на суд публике.

Круг общения Николая Ивановича в 80-х годах был таков: молодая университетская компания, товарищи по факультету (коллеги-историки), внеуниверситетские историки, к которым он относил М.И. Семевского и Я.Г. Гуревича: «...я сблизился... с директором частной гимназии Гуревичем, одно время и приват-доцентом в университете...» [3, с. 189]. Как можно заметить, их знакомство состоялось в 80-е годы XIX века, когда Н.И. Кареев оставил Варшаву и обосновался в Санкт-Петербурге. Из мемуаров следует, что между ними установились доверительные, по-настоящему дружеские отношения, и даже после смерти Я.Г. Гуревича Кареев сохранил тёплые чувства к нему.

Помимо этого, местом взаимодействия двух историков стал Литературный фонд, в котором Кареев оставался до 1917 года. Именно через него и выстраивалось общение с Гуревичем. Точно известно, что они совместно участвовали в товарищеских обедах в ресторане Донона на Мойке [3, с. 190] и очень часто встречались на «скромных журфиксах» по вторникам. Из написанного выше следует, что их знакомство укрепилось благодаря совместной работе в Литературном фонде и педагогическому творчеству.

Из воспоминаний прослеживается и поддержка, которую Гуревич оказывал товарищу в трудную минуту. Так, когда Николай Иванович был уволен в 1899 году за «политическую неблагонадёжность» из Петербургского университета и Бестужевских курсов, Гуревич в своём журнале «Русская школа» опубликовал статьи Кареева о преподавании истории в средней школе [3, с. 222]. Одну из таких статей нам удалось обнаружить в выпуске журнала за 1904 г. под названием «В защиту научности всемирно-исторической точки зрения в преподавании истории». В ней Кареев отвечал на критику, которой подвергается всемирно-исторический подход в преподавании истории (якобы не соответствует ни современному состоянию науки, ни правильной постановке преподавания). Историк непоколебим: «У меня нет никаких оснований отказаться от своего прежнего взгляда и теперь, я буду его защищать, когда к тому представится повод» [2, с. 127]. И таких статей было напечатано несколько. Гуревич не просто предоставил возможность Карееву публиковаться в журнале, то есть выдвигать свои идеи, мысли, но и тем самым финансово и морально поддержал товарища.

Я.Г. Гуревич, имея огромный опыт преподавания в средней школе, поддерживал товарища в разработке вопросов преподавания истории, когда в 1889 г. Кареев участвовал в основании Исторического общества при Петербургском университете. Николай Иванович уверенно называет Якова Григорьевича: «товарищ мой по комитету Литературного фонда» [3, с. 222].

Оказанную поддержку Кареев ценил всю свою жизнь и именно поэтому упомянул о ней в своих воспоминаниях. Даже в шестидесятилетний юбилей Литературного фонда (в 1909 году), когда Гуревича уже не было в живых, написал о нём тёплые воспоминания в «Юбилейном сборнике» [3, с. 254]. Тем самым отдав дань памяти многолетнему другу и соратнику.

Взаимодействие двух историков станет не полным без анализа участия Гуревича в работе Исторического общества при Санкт-Петербургском университете, где бессменным председателем был Н.И. Кареев. Обратившись к сборнику Исторического общества

при Императорском университете за 1890 г., мы выяснили роль Якова Григорьевича в этом обществе [7]. Выяснилось, что он участвовал в дискуссиях о народном образовании. Именно здесь кипело научное взаимодействие между разными историками, такими как Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, М.И. Семевский, Е.А. Белов и других, всего около 30 членов. 21 марта 1890 г. Гуревич прочитал доклад «История как наука и как предмет преподавания». Он вызвал бурное обсуждение и спор между участниками общества [7, с. 34]. Кратко сообщение Гуревича можно свести к следующему: «история проявляется в двух ипостасях – как наука и как предмет преподавания. У них разные цели, если у первой – исследование законов, по которым совершаются явления исторической жизни или исследование и раскрытие исторического процесса, то у второй – выяснить и сообщить доступные учащимся главнейшие события и явления исторического прошлого и при помощи этого влиять на их умственное и нравственное развитие. Учёный критически осмысливает первоисточники, а учитель знакомит учеников с результатами исторической науки» [5].

По словам Гуревича, история как наука исследует все стороны жизни и культуры каждого народа в их взаимодействие, а история как предмет преподавания в средних учебных заведениях должна ознакомить учеников лишь с доступными их возрасту и развитию областями жизни.

Видим, что весь доклад был посвящён различиям школьного преподавания и истории как науки. В ходе обсуждения тезисов Гуревича завязалась дискуссия; особенно члены общества возражали против 2, 5 и 10 пунктов. Причём Яков Григорьевич с большинством замечаний соглашался, чётко и аргументированно пояснял свою позицию, а это говорит о гибкости его ума, умению слышать и понимать другого человека. Николай Иванович Кареев, выслушав все позиции, также высказал свою точку зрения. При этом он, несмотря на дружественные отношения с Гуревичем, совершенно справедливо, абсолютно по-научному обозначил свою позицию. Он вежливо сообщил, что у Якова Григорьевича не хватает реальных примеров, слишком абстрактно он высказался [7, с. 41]. В итоге дискуссии учёные пришли к мнению, что необходимо чётко установить общий материал для преподавания истории в средней школе, то есть требуется единая программа и учебник. Понимаем, что и в наше время эта проблема не потеряла актуальности.

В итоге нам удалось установить сферы соприкосновения двух известных личностей: Кареева и Гуревича. Их знакомство укрепило профессиональное взаимодействие: совместная работа над пе-

дагогическими идеями, в Литературном фонде. Н.И. Кареев в течение всей жизни очень тепло отзывался о своем товарище. Влияние их друг на друга было взаимопользным как в творчестве, так и в жизни. Но задача, поставленная нами, не была до конца решена. Поскольку мы выслушали точку зрения Н.И. Кареева и практически не дали слово Я.Г. Гуревичу. Стоит обратиться к воспоминаниям очевидцев двух учёных, а также личным документам, оставшимся после Якова Григорьевича, которые хранятся в архивах Санкт-Петербурга и Москвы. И тогда картина взаимодействия между историками и педагогами обретет всесторонний характер.

Библиография

1. Золотарёв В.П. Н.И. Кареев и П.А. Сорокин // Наследие. 2013. № 3. С. 78-89.
2. Кареев Н.И. В защиту научности всемирно-исторической точки зрения в преподавании истории // Русская школа. 1904. № 2. С. 126-137.
3. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / подготовка текста, авт. вступ. ст. [с. 5-45] и коммент. В. П. Золотарев. Л.: Изд-во ЛГУ, 1990. 382 с.
4. Корзун В.П. Учитель – ученик: последние письма (В.О. Ключевский и П.Н. Милюков) // Мир историка: историографический сборник. Вып. 7. Омск, 2011. С. 453-456.
5. Приложение к протоколу VII Общего Собрания членов Исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете 21 марта 1890 года. С. 35-36.
6. Решина Л.П. Историческая наука на рубеже XX – XXI вв. социальная теория и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 559 с.
7. Сборник исторического общества при Императорском Санкт-Петербургском университете за 1890 год. Т. 1 // Историческое обозрение. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. С. 32-44.

***Иваскевич Александр Николаевич**, магистрант, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия; alex.ivaskevich@yandex.ru*

Y.G. Gurevich and N.I. Kareev

This article discusses for the first time the collaboration of two famous scientists and teachers of the Russian Empire Y.G. Gurevich (1841-1906) and N.I. Kareev (1850-1931). Based on this, the problem of scientific interaction and mutual enrichment is raised. During the analysis of sources, the authors were able to identify areas of contact between the two personalities and understand the degree of influence on each other.

Keywords: Y.G. Gurevich, N.I. Kareev, scientific interaction, pedagogy, friendship, Russian school, historical society

***Ivaskevich Aleksandr Nikolaevich**, Second-year master's degree, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia; alex.ivaskevich@yandex.ru*

Левченко В.В.

**Одесские ученые-историки – соавторы сборника
к сорокалетию профессорской деятельности
Н.И. Кареева в коммуникативном пространстве
юбиляра**

Статья посвящена анализу коммуникативных связей выдающегося русского историка, философа, социолога, педагога, общественного деятеля, профессора Варшавского и Санкт-Петербургского университетов, члена-корреспондента Краковской и Санкт-Петербургской академий наук, почетного академика АН СССР Николая Ивановича Кареева (1850–1931) с одесскими учеными-историками, ставшими участниками сборника, посвященного его сорокалетней профессиональной деятельности.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, ученые-историки, Одесса, Новороссийский университет, коммуникации, интеллектуальное пространство

Коммуникативные связи ученых в рамках интеллектуального пространства являются устоявшейся формой функционирования научного сообщества. Это способствует созданию общего поля научных коммуникаций, что в свою очередь является важным фактором интеграционного процесса ученых разных научных центров в единое интеллектуальное пространство. В процессе коммуникаций происходит не только передача информации, но и устанавливаются определенные социальные отношения с коллегами – решаются вопросы приоритета научных исследований, определяются векторы научной деятельности, осуществляется стратификация научного сообщества и т.п. Коммуникация в науке является целостной системой, различные компоненты которой (формальные, неформальные, устные, письменные, межличностные, межгрупповые и т. д.) тесно связаны между собой и являются специфическими для разных уровней объединения ученых – начиная от локальных сообществ (кафедра, лаборатория, вуз и т.д.), группы ученых по интересам отдельной дисциплины и научного направления к научному сообществу в целом [8, с. 14-17].

Определенным кругом коммуникативных взаимоотношений располагал и выдающийся русский историк, философ, социолог, педагог, общественный деятель, профессор Варшавского и Петербургского университетов, член-корреспондент Краковской и Петербургской академий наук, почетный академик АН СССР Николай Иванович Кареев (1850–1931). Частично коммуникативные отношения ученого были уже отображены в историографии [4; 9; 11],

но комплексное их изучение как по субъектам, так и по типам связей остается открытым вопросом.

В данной работе попробуем проанализировать коммуникативные связи Н.И. Кареева с двумя одесскими учеными-историками В.Э. Крусманом (1879–1922) и Е.Н. Щепкиным (1860–1920) в контексте их участия в роли соавторов сборника статей, посвященного сорокалетней профессиональной деятельности авторитетного русского ученого [1]. Отметим, что до 2019 г. фактически ознакомиться с данным сборником в Одессе не было возможности из-за его отсутствия в фондах всех библиотек. Лишь летом 2019 г. автор данной статьи обнаружил ранее не закаталогизированный единственный «библиотечный» экземпляр этого сборника в Одессе, который был отложен в частной книжной коллекции профессора Новороссийского (Одесского) университета (1910–1920, 1937–1944), филолога-классика, историка античности, историка театра и культуролога Б.В. Варнеке (1874–1944), хранящейся в секторе редкой и ценной литературы отдела обслуживания библиотеки Государственного учреждения «Южноукраинский национальный педагогический университет имени К.Д. Ушинского» [5; 6; 7].

К числу одесских ученых-историков, являвшихся соавторами «юбилейного» сборника, относим тех коллег юбиляра, которые по состоянию на год издания сборника являлись преподавателями Императорского Новороссийского университета (ИНУ). Среди соавторов коммеморативного сборника к числу одесских ученых-историков можно было бы отнести также П.Н. Ардашева (1865–1924) и Б.В. Фармаковского (1870–1928), но данное определение носило бы косвенный характер. П.Н. Ардашев являлся приват-доцентом ИНУ в период 1898–1901 гг., а по состоянию на 1914 г. в статусе экстраординарного профессора входил в штат университета св. Владимира. Б.В. Фармаковский в качестве студента и профессорского стипендиата был связан с ИНУ в период с 1888 по 1895 гг., а в 1914 г. был приват-доцентом Санкт-Петербургского университета, где преподавал с 1905 г.

Как известно, Н.И. Кареев никогда не работал в ИНУ и никогда не бывал в Одессе. Несмотря на эти факты среди его коммуникантов были представители научного сообщества Одессы. Ровесник Н.И. Кареева Е.Н. Щепкин, равно как и «юбиляр», окончил Московский университет и являлся учеником «научной школы» В.И. Герье [2; 12], что предопределило их знакомство, коммуникативные связи и участие Е.Н. Щепкина в подготовке сборника, посвященного Н.И. Карееву.

Коллегиальные отношения В.Э. Крусмана с Н.И. Кареевым, лекции которого он слушал в Санкт-Петербургском университете с первого дня своего пребывания в этом вузе [3, с. 182-183], были установлены благодаря И.М. Гревсу. И.М. Гревс и Н.И. Кареев в свою очередь были коллегами по двум Санкт-Петербургским вузам – университету и Высшим женским курсам, их объединяло сходство взглядов на развитие науки и на внутреннюю политику страны. И.М. Гревс стал наставником В.Э. Крусмана в 1910 г. и сыграл значительную роль в его становлении [10, с. 225]. В том числе он протезировал его участие в сборнике, посвященного Н.И. Карееву.

Судьба одесских ученых-историков Е.Н. Щепкина и В.Э. Крусмана, ставших соавторами сборника статей, посвященного сорокалетней профессиональной деятельности Н.И. Кареева, сложилась по-разному. Годы революционного лихолетья 1917–1920 гг. «разбросали» их по разные стороны. Е.Н. Щепкин, попав в эпицентр политической борьбы в Одессе, 10 августа 1920 г. стал первым «профессором-коммунистом» на территории УССР. В период 1919–1920 гг. занимал ряд высоких губернских должностей по линии Комиссариата народного просвещения. В период лета–осени 1920 года вследствие внутрипартийной борьбы губернского масштаба постепенно был отодвинут от всех ранее занимаемых им руководящих должностей, что привело к его смерти в нищете и одиночестве в ночь на 12 ноября 1920 г. В.Э. Крусман 30 июня 1917 г. был утвержден в должности ординарного профессора по кафедре всеобщей истории Пермского университета. Во время переезда в Пермь была утеряна его библиотека, бесчисленные поиски которой окончились для него трагически. 25 августа 1922 г. он умер в Москве [10, с. 241]. Н.И. Кареев пережил своих младших коллег, соответственно на 11 и 9 лет и умер в возрасте полных 80 лет. Несмотря на почтенный возраст ученого, его смерть была преждевременной. Причиной смерти стало подорванное здоровье Н.И. Кареева вследствие обвинительной критики академика Н.М. Лукина в его адрес как «буржуазного историка» на фоне «Академического дела» (1929–1931).

Участие в сборнике, посвященном сорокалетней профессиональной деятельности Н.И. Кареева, стало причиной появления своеобразной локации для проявления коммуникативных связей представителей разных научных центров российского интеллектуального пространства. Разнообразие контактов одесских ученых-историков с Н.И. Кареевым проходило в формате формальных и неформальных отношений, что способствовало расширению поля их исторических исследований. Ученые, объединенные общим

проектом и не связанные географическими и возрастными ограничениями, внесли существенный вклад в дело популяризации исторического и социологического знания. Все перечисленные факторы привели к отложению значительного пласта интеллектуального наследия российской гуманитарной науки начала XX в.

Библиография

1. Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе. К 40-летию профессорской деятельности. 1873–1913. СПб., 1914. XXIII+388 с.
2. Иванова Т.Н., Мягков Г.П. В центре «реабилитационного внимания»: Е.Н. Щепкин и В.И. Герье // Вестник Удмуртского университета. 2011. Серия 5: История и филология. Вып. 3. С. 26-34.
3. Киселева Ю.А., Попова Т.Н. В.Э. Крусман: новые его-документы // Харківський історіографічний збірник. 2015. Вип. 14. С. 179-190.
4. Лаптева Л.П. Н.И. Кареев и его связи с чешскими учеными // Вестник Московского университета. Сер. 8. История. 1999. № 2. С. 51-69.
5. Левченко В.В. Историко-культурологические аспекты частной книжной коллекции профессора Б.В. Варнеке // Воронцовский сборник: Сб. научных статей. Вып. 9. Одесса: ООО «Удача», 2019. С. 43-54.
6. Левченко В.В. Латиноязычные издания частной книжной коллекции профессора Б.В. Варнеке: история и провениенции // Преподавание классических языков в эпоху глобальной информатизации: сб. статей / под ред. Н.Г. Николаевой, А.В. Ермошина, О.С. Пайминой; сост. И.А. Рассохина. Казань: ФГБОУ ВО Казанский ГМУ Минздрава России, 2019. С. 123-132.
7. Левченко В.В. Издания трудов ученых Императорского Казанского университета в коллекции книг профессора Б.В. Варнеке: история и провениенции // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: в 2 т. / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинецв. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. Т. 1. С. 276-279.
8. Мирский Э.М., Садовский В.Н. Проблемы исследований коммуникаций в науке // Коммуникация в современной науке. М.: «Прогресс», 1976. С. 5-25.
9. Мягков Г.П., Филимонов В.А. Казанские ученые в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева // Ученые записки Казанского университета. Серия Гуманитарные науки. 2009. Т. 151, кн. 2, ч. 1. С. 164-173.
10. Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. 456 с.
11. Ростовцев Е.Н. Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский: из истории взаимоотношений в среде петербургских ученых на рубеже XIX–XX вв. // Журнал социологии и социальной антропологии. 2000. Т. 3, № 4. С. 105-121.
12. Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М.: Изд-во РОС-СПЭН, 2010. 503 с.

Левченко Валерий Валерьевич, кандидат исторических наук, доцент, Одесский национальный морской университет, г. Одесса, Украина; levchenkolav@yandex.ua

**Odessa scientists and historians – the participants
of the collection dedicated to the fortieth anniversary
of N. Kareev's professorship in the communicative space
of the jubilee**

The article is devoted to the analysis of the communication connections of the outstanding Russian historian, a philosopher, a sociologist, a teacher, a public figure, the professor of Warsaw and Saint Petersburg universities, corresponding member of the Krakow and Saint Petersburg academies of sciences, honorary academician of the USSR Academy of Sciences Nikolay Kareev (1850–1931) with Odessa historians who became participants in a collection dedicated to his forty years of professional activity.

Keywords: N. Kareev, historians, Odessa, Novorossiysk University, communications, intellectual space

Levchenko Valerij Valer`evich, *Candidate of History, Associate professor, Odessa National Maritime University, Odessa, Ukraine; levchenkolav@yandex.ua*

УДК 930.1

Леонтьева О.Б.

«Сложная линия полета»:

Н.И. Кареев о статусе истории как науки

Статья посвящена теоретико-методологическому наследию Н.И. Кареева, его представлениям о соотношении объективного и субъективного в историческом познании, о закономерности и возможности в историческом процессе. По мнению автора, Кареев допускал «субъективный элемент» в историческом познании, связывая его с «пониманием» (эмпатией), необходимым для воссоздания внутренней логики человеческих действий.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, методология истории, закономерность, возможность, понимание, субъективность

Вопрос о месте, которое занимает историческая наука среди других наук, по сей день является дискуссионным. По этой проблеме существуют полярные точки зрения – от стремления преобразовать историю по образу естественных наук и тем самым придать ей «подлинно научный» статус до уподобления исторического дискурса художественному. Во второй половине XIX – начале XX в. проблема дебатировалась не только в научной среде, но и в широких кругах образованного общества: научное познание истории представлялось важным условием дальнейшего продвижения человечества по пути прогресса.

Ключевым вопросом теории и методологии истории тогда был вопрос об исторической закономерности и о возможности познания законов истории. Приверженцы позитивизма и марксизма считали, что выведение «формулы истории» не только придаст знанию о прошлом строго научный характер, но и откроет дорогу к социальной инженерии, построению лучшего будущего. В свою очередь, сторонники неокантианства и «понимающей» парадигмы

исторического знания видели специфику исторической науки не в открытии закономерностей, а в изучении индивидуального, уникального и конкретного, в том числе ценностей и мотиваций людей прошлого.

Н.И. Кареев был ведущим российским методологом истории конца XIX – начала XX в. На протяжении всего своего научного пути, от первых лекций и до итоговых трудов, он разрабатывал два взаимосвязанных проблемных поля – «теорию исторического знания» и «теорию исторического процесса». По собственному признанию Кареева, из двух видов работы историка – «непосредственной работы над сырым материалом» и «идейных обобщений» – его «всегда более привлекала работа синтетическая, обобщающая и объединяющая» [6, с. 249].

Будучи одним из представителей «русской исторической школы», сложившейся под сильнейшим влиянием позитивизма и воспринявшей «элементы материалистической интерпретации исторического процесса» [10, с. 222-223], Кареев в то же время признавал, что огромное теоретическое влияние на него оказал П.Л. Лавров, основоположник русской «субъективной школы в социологии» [6, с. 140, 152-153]. В отличие от корифеев «субъективной школы» П.Л. Лаврова и Н.К. Михайловского, Кареев не признавал права на существование в науке особого «субъективного метода», но был убежден, что без субъективного (оценочного, этического) элемента «не может обойтись... ни одна социальная наука» [1, с. 38; 2, с. 222, 236; 5, с. 106].

Определяя специфику истории, Кареев характеризовал ее как науку, занятую изучением «единичных, конкретных объектов, взятых из прошлого», под которыми можно понимать не только отдельное событие или явление, но и целое государство, страну, народ [9, с. 4]. «История индивидуализирует и даже тогда индивидуализирует, когда имеет дело с коллективностями, данными нам только раз во всей своей конкретности», – настаивал ученый [3, с. 22-23]; если же историк выстраивает типологию исторических явлений, то здесь происходит «переход от истории к социологии», «встреча истории и социологии» [9, с. 4-6].

Закономерность была одной из важных категорий исторического мышления Кареева. По его словам, «история изображает не простую беспорядочную смену случайных явлений, а закономерную их последовательность, стараясь установить необходимость того, что было, как оно было» [8, с. 159]. С этой целью историк реконструирует *каузальные ряды* (цепи причинно-следственной зависимости) и *эволюционные ряды*, где «предыдущее и последую-

щее... являются не причиной и следствием, а двумя преемственными фазами, стадиями, ступенями, этапами» [8, с. 155-159, 166]. По убеждению Кареева, каждый такой ряд по-своему уникален и неповторим; поэтому попытки преобразовать историю по типу естественных наук, открыть в ней законы повторяющихся явлений означали бы, как писал Кареев, «ее упразднение или, вернее, превращение в социологию» [2, с. 70; 5, с. 113-142]. «Специально исторических законов, – подчеркивал он, – ...не существует вовсе... Законы, в знании которых может нуждаться историк, это – законы психологии (индивидуальной и коллективной) и социологии» [3, с. 36-37].

Существенную роль в представлениях Кареева о ходе истории играла категория возможности. Историческое развитие совершается, «в каждый миг проходя чрез возможности, то целиком, то лишь частью осуществляющиеся, то чуть-чуть было не осуществившиеся, то совсем пролетевшие мимо... Произошло все необходимо, но столь же необходимо все могло бы произойти и иначе, если бы осуществилась одна какая-нибудь из представлявшихся возможностей» [3, с. 188-189]. Поэтому, полагал он, «задача историка... заключается в познании, не только почему нечто совершилось, но и почему нечто, бывшее по человеческому разумению возможным, не осуществилось» [4, с. 396]. Соотношение закономерности и возможности в историческом процессе Кареев описывал с помощью выразительной метафоры: ход исторических событий можно уподобить не точно рассчитанной траектории пушечного ядра, а скорее рисунку полета птицы – «все в этом полете совершается по естественным законам, но если бы мы захотели найти какую-нибудь правильность в сложной линии, по которой совершался полет птицы, то стали бы перед этою задачею в полный тупик» [3, с. 36-40].

Для воссоздания «сложной линии» исторических событий, по Карееву, требуется особый научный инструментарий, который предполагает «понимание» – эмпатию, эмоциональное сочувствие людям прошлого, «улавливание» внутренней связи между чужими поступками и вызвавшими их причинами [7, с. 234]. Такое понимание невозможно без реконструкции «бессознательной философии общества», присущей тому или иному периоду и включающей в себя «общераспространенные мировоззрения, господствующие идеи, общепринятые и защищаемые нормы» данного социума [2, с. 196-197]. Решение этих исследовательских задач, как был убежден Кареев, и требует наличия «субъективного элемента» в историческом познании: «Сами социальные явления включают

в себе такой элемент, который требует субъективного к себе отношения, чтобы быть понятым. Прежде всего это – внутренний мир личностей, совокупность которых создает общественную жизнь и двигает историю; понять этот источник социальной жизни значит в большей или меньшей мере проникнуться настроением, господствующим в этом мире в каждом данном случае, отнестись к нему субъективно...» [7, с. 239-240].

Таким образом, согласно Карееву, наличие «субъективного элемента» в познании прошлого не лишает историю научного статуса, а лишь соответствует специфике ее предмета и задач. Изучая причинно-следственные и эволюционные ряды исторических событий, историк имеет дело с последовательностью человеческих действий, каждое из которых совершается в результате сложного переплетения влияний социальной среды и внутренней логики развития человеческой индивидуальности.

Библиография

1. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. 440 с.
2. Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. 2-е изд. СПб.: Издатель, 1899. 518 с.
3. Кареев Н.И. Историология (Теория исторического процесса). Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1915. 320 с.
4. Кареев Н.И. Категории долженствования и возможности в русской субъективной социологии // Социология в России XIX – начала XX веков. Социология как наука. Тексты / Под ред. В.И. Добренькова. М.: Междунар. ун-т бизнеса и управления, 1997. С. 383-398.
5. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории: Критика историософических идей и опыт научной теории исторического процесса. Т. 1. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1883. 400 с.
6. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / Подгот. текста, авт. вступ. ст. и комментариев В.П. Золотарев. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 384 с.
7. Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1890. 627 с.
8. Кареев Н.И. Теория исторического знания: Из лекций по общей теории истории. Теория исторического знания и теория исторического процесса. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. Ч. 1. 320 с.
9. Кареев Н.И. Типологическая и всемирно-историческая точки зрения в изучении истории. Отдельный оттиск из «Известий Санкт-Петербургского политехнического института» за 1905 г. Т. 3. СПб.: Типо-литография Шредера, 1905. 50 с.
10. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с.

Леонтьева Ольга Борисовна, доктор исторических наук, профессор, Самарский национальный исследовательский университет имени академика С.П. Королева, г. Самара, Россия; oleontieva@yandex.ru

“Complex trajectory of a flight”: Nicolay Kareev about the status of history as a science

The article is devoted to the analysis of the theoretic and methodological works by Nicolay Kareev. The author examines Kareev's ideas about the relationship between the objective and the subjective in historical knowledge, about the role of “regularity” and “possibility” in historical process. She claims that Kareev allowed a “subjective element” in historical knowledge correlating it with “understanding” (empathy) which is necessary for reconstructing the inner logic of human actions.

Keywords: Nicolay Kareev, methodology of history, regularity, possibility, understanding, subjectivity

Leonteva Olga Borisovna, Doctor of History, Professor, Samara National Research University named after academician S.P. Korolev, Samara, Russia; leontieva@yandex.ru

УДК 930.2 + 94(4)

Николаев Н.Ю.

Антивоенные идеи в труде Н.И. Кареева «История Западной Европы в новое время»

В статье рассмотрены антивоенные идеи известного историка, социолога и общественного деятеля Н.И. Кареева в его фундаментальном труде «История Западной Европы в новое время». В этой работе ученый подробно проанализировал природу милитаризма, выявил причины, способствовавшие его развитию, рассмотрел современное ему антивоенное движение.

Ключевые слова: война, мир, пацифизм, милитаризм, капитализм, воинская повинность

Николай Иванович Кареев (1850–1931) известен как автор многочисленных работ по социологии, истории, философии и педагогике. Одна из тем, что вызывала неизменный интерес у ученого на протяжении всей его научно-просветительской деятельности – это вопросы войны и мира. Теоретические воззрения Н.И. Кареева на перспективы всеобщего умиротворения были им сформулированы преимущественно в социологических исследованиях [1]. А вот подробный анализ современного ему международного положения, сложной природы милитаризма и эффективности антивоенного движения можно найти прежде всего в исторических сочинениях, в том числе монументальном труде «История Западной Европы в новое время».

Под милитаризмом ученый понимал такое направление политики, «при котором если не все, то очень многие отправления государственной жизни подчиняются, даже в мирное время стремле-

нию к военному преобладанию или, по крайней мере, к военному могуществу» [2, с. 122]. В XIX в. Н.И. Кареев выделял несколько этапов в развитии милитаризма. В начале столетия, в связи с наполеоновскими войнами, на европейском континенте наблюдался значительный рост милитаризма, который несколько снизился в середине века и вновь заметно усилился в его конце [2, с. 122-123]. Лидером мирового милитаризма ученый признавал Германию, где гонка вооружений усугублялась развитым военно-промышленным комплексом, дворянскими традициями в армии и шовинизмом местных публицистов [2, с. 130; 3, с. 25, 228-232].

К числу наиболее важных причин, способствовавших развитию милитаризма, Кареев относил введение всеобщей воинской повинности [2, с. 128]. Против призывной системы выступали прежде всего представители социалистических партий. В противовес им идею сильной армии отстаивали «круги, настроенные более консервативно и гвернаментально». В этом общественно-политическом противоборстве ученый видел еще одну причину усиления милитаризма. «Кроме внешнего врага, – писал он, – был еще враг внутренний, против которого тоже была нужна вооруженная сила, как опора установленного порядка, всего того, на чем он зиждется, так и того, что им обуславливается» [2, с. 128-129]. Такое внутреннее противостояние нередко дополнялось реваншистскими и шовинистическими настроениями, пример которых ученый видел во франко-германских отношениях [2, с. 129].

Кроме того, активному росту милитаризма, считал Кареев, способствовал собственно капитализм. Целые производства своим существованием были обязаны «нуждам военного дела», а единственным заказчиком их продукции выступало милитаризированное государство [2, с. 129-130]. Капиталистическая экономика постоянно сталкивалась с проблемой сбыта произведенных товаров и вывоза капиталов. Одним из механизмов разрешения данной проблемы, наряду с выходом на внешние рынки и захватом колоний, за которые ожесточенно соперничали великие державы, являлся милитаризм. «Расходы на военное дело, – утверждал ученый, – сами по себе тоже играют роль своего рода регулятора, устанавливающего известное равновесие между производством и потреблением, так как изготовление всего того, что нужно для сухопутной армии и военного флота, поглощает в большой мере и избыточные капиталы, и избыточную рабочую силу капиталистического строя» [2, с. 131].

По мнению Кареева, в конце XIX в. мир стал свидетелем парадоксального социально-экономического явления – милитаризм

выступал источником индустриального развития, которое, в свою очередь, создавало условия, необходимые для процветания первого. Ученый признавал, что между мирными устремлениями индустриального строя с одной стороны, и взаимосвязью капитализма с милитаризмом с другой, существовало «вопиющее противоречие». Тем не менее, миролюбивый посыл капитализма оказался не способен перебороть общие выгоды от гонки вооружений, а влияние милитаризма на индустриальную жизнь государств оказалось настолько велико, что «если бы в один прекрасный день правительства сразу вздумали разоружиться, это вызывало бы страшное экономическое потрясение» [2, с. 131-132].

Негативно отзывался Кареев о состоянии «вооруженного мира», ставшем неотъемлемой частью международных отношений на рубеже XIX–XX вв. Истоки напряженности на европейском континенте в начале XX в. он видел в итогах франко-прусской войны. С момента ее окончания великие державы находились в неустойчивом состоянии «вооруженного мира», боясь войны и одновременно увеличивая военные расходы. Свой вклад в усиление международной напряженности вносили также постоянные военно-технические изобретения, заставляя «европейские государства находиться как бы в хроническом состоянии перевооружений» [2, с. 118-120].

В то же время ученый считал, что постоянная угроза войны служила парадоксальной причиной сохранения мира. Сложная международная обстановка и накопленные огромные запасы вооружений требовали тщательных расчетов соотношения сил в случае гипотетического столкновения. По этой причине великие державы старались политические конфликты разрешать посредством компромисса. Сторонником мира выступал и класс капиталистических предпринимателей, который становился все более влиятельным в политическом отношении. Несмотря на определенные выгоды милитаризма для отдельных отраслей экономики, по мнению Кареева, государственная элита осознавала тот огромный вред, который нанесла бы общеевропейская война хозяйственному развитию континента. В выигрыше от этого конфликта оказалась бы Америка, что «также заставляло господствующие классы и правительства задумываться над вопросами войны и мира и над вопросами общеевропейских интересов» [2, с. 521-522]. Свою роль играло и постепенное усиление антивоенных настроений в обществе, главным образом, среди представителей интеллигенции и пролетариата.

В антивоенном движении ученый правительственный пацифизм, чьим зримым проявлением стал созыв двух Гаагских мирных конференций (1899 г. и 1907 г.). Инициированный Россией первый «парламент мира», по мнению Н.И. Кареева, был встречен иностранными государствами скептически, как по причине недоверия к искренности миролюбивых устремлений Петербурга, так и в силу серьезных сомнений относительно достижения на конференции значительных результатов. Итоги мирного собрания ученый характеризовал не слишком высоко, выделяя лишь создание международного третейского суда. Свидетельством общей неудачи конференции стала невозможность политиков предотвратить последовавшие затем войны (англо-бурскую, русско-японскую) и приостановить столь тяготившую население гонку вооружений [3, с. 18-19]. Еще более критически Н.И. Кареев оценивал результаты работы второй мирной конференции, по окончании которой рост военных расходов не только не прекратился, но принял еще более «колоссальные размеры» [3, с. 20-21].

Одновременно, по мнению Н.И. Кареева, происходил и рост общественного пацифизма, куда рекрутировались как видные общественные деятели, так и известные политики. «Своей конечной целью, – писал он, – они поставили совершенное уничтожение войны и полное разоружение народов, ближайшей же – по крайней мере уменьшение вооружений и предупреждение, и ограничение войн» [3, с. 22]. В качестве средств умиротворения пацифисты предлагали, помимо прямого воздействия на государственные структуры, пропаганду в обществе и воспитание на принципах миролюбия молодежи, содействие кодификации международного права и создание межгосударственных объединений [3, с. 22].

Из политических партий наиболее последовательно с антивоенными требованиями выступали представители левого крыла. Однако с началом Первой мировой войны, по мнению Кареева, европейские социалисты в подавляющем большинстве опровергли репутацию космополитического и антinationалистического движения, поддержав патриотическую позицию политических верхов. Наиболее проправительственной выглядела позиция германских социал-демократов, что дало ученому повод упрекнуть их в неприкрытой поддержке милитаризма и империализма [4, с. 527-540].

Подводя итоги, отметим, что проблематика войны и мира представлена в работе «История Западной Европы в новое время» достаточно подробно. Прежде всего, это относится к двум последним томам, в которых Н.И. Кареев рассмотрел период т.н. «вооруженного мира», то есть конец XIX – начало XX вв. Ученый подроб-

но проанализировал природу современного ему милитаризма, обусловленного рядом глубоко взаимосвязанных социально-экономических и политических причин. В то же время Кареев невысоко оценивал деятельность противников войны (как государственных, так и общественных), большинство которых с началом Первой мировой войны встали на патриотические позиции.

Библиография

1. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897. 406 с.
2. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Т. 6. Ч. 1–2. Последняя треть XIX века. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1909. 1083 с.
3. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Т. 7. Ч. 1. Международные отношения до 1907 г. Внутренняя политика отдельных стран до 1914 г. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1916. 406 с.
4. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время: Т. 7. Ч. 2. Общие обзоры экономического развития и социального и умственного движений. Международные отношения в 1908–1914 гг. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1917. 369 с.

Николаев Николай Юрьевич кандидат исторических наук, доцент, Волжский политехнический институт, г. Волжский, Россия; nikcam@mail.ru

Anti-war ideas in N.I. Kareev's course «History of Western Europe in modern times»

The article examines the anti-war ideas of the famous historian, sociologist and public figure N.I. Kareev in his fundamental work «History of Western Europe in modern times». In this work, the scientist analyzed in detail the nature of militarism, identified the reasons that contributed to its development, and considered the modern anti-war movement.

Key words: war, peace, pacifism, militarism, capitalism, conscription

Nikolaev Nikolai Iurevich, Candidate of History, Associate Professor, Volzhsky Polytechnic Institute, Volzhskij, Russia; nikcam@mail.ru

УДК 372.893 + 94

Павлова Т.В.

Концепция всеобщей истории в учебниках Н.И. Кареева и историческое образование в современной школе

В статье представлены некоторые положения концепции преподавания всеобщей истории Н.И. Кареева (1850–1931), отраженные в его школьных учебниках по древней, средневековой и новой истории, а также в специальных работах, посвященных преподаванию истории в школе. В настоящее время научное и педагогическое сообщество обсуждает историко-культурный стандарт по всеобщей истории, который, как и в случае с отечественной историей, будет являться основой для со-

здания учебников. Изучение взгляда выдающегося русского историка, педагога Н.И. Кареева, позволяет сделать вывод о том, что некоторые его идеи не потеряли актуальности и на сегодняшний день, поэтому с необходимостью должны быть учтены в современном преподавании всеобщей истории в школе.

Ключевые слова: преподавание истории в школе, всеобщая история, учебник истории, Н.И. Кареев, историко-культурный стандарт

Наследие выдающегося историка, педагога Николая Ивановича Кареева (1850–1931) представляет для своего времени, да и сегодня, уникальный опыт преподавания в средней школе курса всеобщей истории, который отразился в учебниках за его авторством, а также в специальных работах, посвященных проблемам школьного преподавания истории. О том, что его опыт востребован в истории и методике преподавания свидетельствуют и последние публикации в научных журналах, и переиздания его работ.

В настоящей статье рассмотрены некоторые положения концепции Н.И. Кареева в области преподавания всеобщей истории, которые с необходимостью должны быть учтены при внедрении очередных «новшеств» в преподавании зарубежной истории в российской школе и, особенно, при создании учебников по этому историческому разделу, которые, возможно, будут ориентироваться уже на концепцию учебно-методического комплекса по всеобщей истории (включая историко-культурный стандарт), обсуждаемую в качестве проекта современным научным и педагогическим сообществом [7].

Обратимся непосредственно ко взглядам Н.И. Кареева на школьное преподавание всеобщей истории. Как известно, стержнем любой концепции преподавания истории является ее периодизация. Историк придерживался, ориентируясь на уровень развития современной ему исторической науки, деления всеобщей истории на три периода: древний мир, средние века и новое время. Учебники с соответствующими заголовками и хронологией были выпущены им в начале XX века, выдержав впоследствии более 30 переизданий и были переведены на польский и болгарский языки. Данный подход сохраняется и сегодня.

Обращаясь к характеристике каждого, из трех названных периодов всеобщей истории, Кареев констатировал, что современные ему «гимназические программы создают какую-то особую привилегию для истории греков и римлян, крайне вредно отзывающуюся на истории древнего Востока, средних веков и нового времени. Восток совсем исключается из курса, на среднюю и новую историю дается меньше часов, чем следовало бы, и на окончательном экзамене эти два отдела или совсем не спрашиваются, или спрашиваются лишь *pro forma*» [2, с. 3]. Такое положение дел побудило ис-

торика, имевшего за плечами многолетний стаж преподавания, взялся за создание школьного курса всеобщей истории, к которому фактически он приступил уже в конце XIX века, выпустив «Введение в курс истории древнего мира» [3].

Основываясь на вышеупомянутой позиции, историк высказал ряд предложений с целью усовершенствования курса всеобщей истории во всех трех периодах. Обратимся к ним. Соглашаясь с тем, что «существуют чисто объективные основания для того, чтобы древняя история излагалась по народам, а средняя и новая – по эпохам», он все же считал, что «изложение древней истории должно следовать порядку стран, но с некоторыми дополнениями всемирно-исторического характера». Так, после изучения отдельных государств Востока, по мнению историка, необходимо дать «общий взгляд на их взаимные отношения до VI в. до Р.Х.» [2, с. 33]. В учебнике этот раздел получил название «Общие черты истории Востока», где Кареев охарактеризовал те особенности восточных государств, которые отличали их от западных [4, с. 50]. Причины для включения таких разделов Кареев видел в том, что «учащийся должен выносить из истории, как предмета преподавания, не одни единичные представления о таком-то Риме или такой-то Спарте..., но и некоторые общие понятия, которые находят применение в изображении истории разных стран и народов...». Кареев был убежден в том, что в учебнике должны быть «обобщения однородных и сродных явлений, связанных между собою в эволюционном отношении» [2, с. 61].

Этому правилу особенно он следовал в изложении материала по истории средних веков, содержащем общие очерки о международных отношениях в средние века, об общих чертах истории романо-германских и славянских народов, мусульманского мира и т.д. [5, с. 207-228]. В оглавлении учебника новой истории мы и вовсе не найдем в основных разделах наименования государств – он целиком посвящен главным магистральным темам развития европейских стран: великие географические открытия, гуманизм, реформация, абсолютная монархия, просвещение и т.д. Внутри же каждой темы – обобщающее введение и особенности по странам. Историк был сторонником того, что «учебник должен сам обобщать знание, так сказать, на глазах учеников, представляя им знакомые уже факты в новой комбинации и в новом освещении» [2, с. 69]. Этому правилу он следовал таким образом, что пройденный исторический материал в учебниках можно было связать как по эпохам, так и по странам. Такой подход обладает своеобразным преимуществом в сравнении с современными учебниками.

Особое внимание следует уделить плану Кареева в изучении новой истории. Напомним, что он одним из первых среди русских педагогов создал школьный учебник по данной эпохе, как, впрочем, одним из первых преподавателей начал читать и курс новой истории зарубежных стран в университете, что позволило ему на основе прочитанных лекций создать фундаментальный (в 9 книгах) труд «История Западной Европы в новое время» который выдержал несколько изданий с 1892 по 1917 гг.

Согласно схеме учебника новой истории, после великих географических открытий исследование нового времени необходимо продолжать изучением гуманизма. Кареев отмечал, что он «оказал громадное влияние на всю последующую умственную жизнь Европы. В нем впервые появился *научный интерес к реальному миру*, преимущественно же интерес к самому человеку и всему человеческому. В свое отношение к миру гуманисты впервые внесли *дух и приемы научного исследования*» [6, с. 22].

Далее, Н.И. Кареев обращается к периоду Реформации, которая, по его мнению, имела предпосылкой гуманизм, что логически связывает две темы между собой. Поясняя связь этих явлений, он пишет: «причины недовольства церковью вытекали из умственных и нравственных интересов отдельной личности, и когда последняя отстаивала свободу мысли и жизни. Духовенство в средние века было единственным образованным классом...С этим плохо мирились люди нового образования, и потому большая часть гуманистов состояла из явных или скрытых врагов умственного господства духовенства» [6, с. 26].

Что же мы видим в современных учебниках? В них гуманизму едва ли уделяется внимание. Например, в учебнике А.Я. Юдовской для 7 класса тема вынесена на самостоятельное изучение [8, с. 69-75], в других же, рекомендованных федеральным перечнем, она и вовсе отсутствует как главная духовная предпосылка нового времени, обнаруживаясь лишь упоминаниями в разделе, посвященном культуре Возрождения [1]. Заметим, что Н.И. Кареев предлагал заменить термин «возрождение» более научным – «гуманизм» [2, с. 46]. В итоговых выводах современных учебников гуманизм все же предшествует Реформации, однако складывается впечатление, что он был следствием развития экономики, социальной структуры и политической системы общества, а не наоборот (8, с. 141-143). Вместе с тем именно Великие географические открытия подтвердили основные тезисы гуманистов, которые еще в XV в. признавали, что человек должен действовать на основе разума и опыта (практики).

К сожалению, предложенные для обсуждения проекты историко-культурного стандарта по всеобщей истории оставляют гуманизм в средневековье, хотя культура Возрождения представлена в раннем новом времени [7], но, очевидно, что эти явления неотделимы друг от друга.

Таковы в общих чертах составляющие концепции школьного преподавания всеобщей истории Н.И. Кареева, которые свидетельствуют о том, что дореволюционная наука и методика преподавания – это богатейший опыт преподавания всеобщей истории как в содержательном, так и в методическом плане, который должен быть изучен и использован с учетом уровня развития современной исторической и педагогической науки.

Библиография

1. Ведюшкин В.А., Бовыкин Д.Ю. Всеобщая история. Новое время. 7 класс: учебник для общеобразовательных организаций. М.: Просвещение, 2020. 112 с.
2. Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1900. 78 с.
3. Кареев Н.И. Введение в курс истории древнего мира. 3-е изд. СПб.: Тип. И.Н. Скороходова, 1895. 101 с.
4. Кареев Н.И. Учебная книга древней истории: учеб. дорев. России по истории / сост., авт. предисл. и примеч. Е.С. Скворцова. М.: Просвещение, 1997. 320 с.
5. Кареев Н.И. Учебная книга истории средних веков. 4-е изд. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1905. 236 с.
6. Кареев Н.И. Учебная книга новой истории. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. 338 с.
7. Проект концепции нового учебно-методического комплекса по всемирной истории. – URL: https://tspu.ru/his_seminar/project.pdf (дата обращения: 10.10.2020).
8. Юдовская А.Я. Всеобщая история. История нового времени. 7 класс: учебник для общеобразовательных организаций / А.Я. Юдовская, П.А. Баранов, Л.М. Ванюшкина; под ред. А.А. Искендерова. М.: Просвещение, 2019. 239 с.

Павлова Татьяна Вячеславовна, кандидат исторических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия; taniapavl-ova@mail.ru

The concept of World History in the textbooks of N.I. Kareev and history education in the modern school

The article presents some provisions of the concept of teaching world history by N.I. Kareev (1850–1931), reflected in his school textbooks on ancient, medieval and modern history, as well as in special works devoted to teaching history at school. At present, the scientific and pedagogical community is discussing the historical and cultural world history standard, which, as well as in the case of Russian history, will be the basis for the creation of textbooks. Studying the views of the outstanding Russian historian and teacher N.I. Kareev, allows us to conclude that some of his ideas are still relevant today, therefore, they must necessarily be taken into account in modern teaching of world history at school.

Keywords: history teaching in school, World History, history textbook, Nikolay I. Kareev, history and culture standard

Pavlova Tatyana Vyacheslavovna, Candidate of History, Associate Professor Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia; taniapavlova@mail.ru

УДК 372.893 + 94

Пфаненштиль Н.Г.

**Учебные пособия по всеобщей истории Н.И. Кареева
– «новые» возможности «старых» учебников**

Статья посвящена рассмотрению учебных руководств по всеобщей истории Н.И. Кареева, выяснению роли и значения этих учебников для современного отечественного среднего исторического образования, а также анализу возможностей их использования при составлении новой учебной литературы по всеобщей истории.

Ключевые слова: учебник, всеобщая история, Н.И. Кареев, историческая наука, педагогика

Проблема обращения к дореволюционному опыту создания учебной литературы по всеобщей истории с целью определения эвристического значения способов и приемов методического оформления школьных учебников XIX – начала XX вв. является неисследованной, однако весьма перспективной для современной историко-педагогической науки. Незаслуженно забытые идеи, конструкции, образцы создания текстов, переосмысленные в контексте последующих и современных достижений психолого-педагогических и исторической наук, могут, вероятно, значительно обогатить уже имеющиеся разработки в этой области. Оригинальные заимствования возможны в деле создания синхронизированных курсов и школьных учебников всеобщей и отечественной истории, в области создания эмоциональных описательных характеристик личностей исторических деятелей.

Особенную ценность представляют актуальные сегодня методы и приемы включения в состав школьных учебников элементов истории повседневности и характеристик особенностей мировоззрения средневековых людей, а также некоторые методические разработки авторов учебников по всеобщей истории второй половины XIX – начала XX вв. Речь идет, в частности, об обобщающих очерках, картах, таблицах, словарях терминов и понятий (у Н.И. Кареева); об особенностях подбора, включения исторических документов в хрестоматии (у М.М. Стасюлевича); об оригинальном стили-

стическом оформлении содержания (у В.Я. Шульгина, Р.Ю. Виппера и др.).

Исторические условия конца XIX – начала XX вв. благоприятствовали появлению принципиально новых учебников по всеобщей истории, авторами которых являлись известные ученые, крупные специалисты с мировым именем, талантливые педагоги высшей школы, имевшие практический опыт работы и в средней школе – П.Г. Виноградов, Н.И. Кареев, Р.Ю. Виппер, представившие известную «русскую историческую школу» [14, с. 260-261, 292, 294-296]. Созданные ими учебники в методическом и научном отношении были новаторскими.

Огромное печатное наследие Н.И. Кареева сделало его известным в самых широких кругах читателей. Для характеристики многогранной деятельности Кареева необходим обстоятельный анализ работ ученого по различным разделам науки с учетом эволюции его общественно-политических и методологических взглядов в изменяющихся исторических условиях. Исследовательская задача настоящего исследования – показать лишь одну из характерных особенностей творчества Н.И. Кареева, проявившуюся в создании авторских школьных учебников по всеобщей истории [4; 13 и др.].

Если учебник П.Г. Виноградова удовлетворял требованиям научности, но считался сложным и трудным для средней школы, то учебники по всеобщей истории профессора Санкт-Петербургского университета Н.И. Кареева (1850–1931) разрешали это противоречие. Отдельные методические решения учебника настолько оригинальны, что он вполне мог бы служить отличным пособием для углубленного изучения предмета в старших классах современных школ [15].

Наибольшее влияние на состав школьных учебников по всеобщей истории Н.И. Кареева оказали развитие историко-педагогических наук, воспринятое сквозь призму индивидуальных педагогических и теоретико-методологических взглядов ученого. «История – это наука»: этим принципом руководствовался Н.И. Кареев и при написании им школьных учебников истории. Ученый был твердо убежден, что «...между отдельными народами существует не только взаимодействие в пространстве, но и преемственность во времени» (см.: [5, с. 27]), поэтому всемирная история должна представлять «некоторую историю *общую*, имеющую известное *внутреннее единство*». Идея Н.И. Кареева о том, что «История – такой предмет, который приучает к тому, чтобы смотреть на общество с самой общей точки зрения» [7, с. 4], получила весьма полное выражение в трудах, посвященных систематическому изложению

теоретико-методологических взглядов ученого [8]. Обозначенные принципы стали для автора основополагающими и при составлении школьного руководства: «Учебник всеобщей истории не должен быть простою суммой отдельных народов, но изображением всемирно-исторического процесса» [5, с. 69].

Главным принципом составления учебника для Н.И. Кареева являлось не описание отдельных отрывочных фактов или событий, а изображение общественных и культурных процессов в их становлении и развитии путем обобщения материалов, сравнения, выявления причинно-следственных связей и т.д.¹

В мемуарах автор поясняет особенности собственного научного мировоззрения. Н.И. Кареев сравнивал «...историческую науку с могучим деревом... корни – это непосредственная работа над сырым материалом, крона дерева – идейные обобщения. Из двух видов исторической работы меня всегда более привлекала работа *синтетическая, обобщающая и объединяющая*» [10, с. 249].

Ученый проявил оригинальность и в методике изложения учебного материала: параграфы, обязательные для изучения, чередовались с факультативными, по усмотрению учителя. В учебных книгах Н.И. Кареева было два оглавления: основное – в соответствии с изучаемыми историческими эпохами и дополнительное – согласно страноведческому принципу ими главным процессам соответствующего раздела всеобщей истории.

Отдавая приоритетную роль в изложении исторических событий и явлений поиску обобщений и установлению закономерностей, Н.И. Кареев особенное внимание уделял анализу «*фактора личностного*» и особенностей его влияния на ход истории. «Субъективный фактор» истории Кареев отождествлял с личностью, проявляющей себя в совокупности антрополого-психологических и... социальных качеств... называл эти «качества» субъекта истории «нормальным субъективизмом», причислял их к «основоначалам

¹ Вот ещё один интересный пример *комплексного подхода* к освещению исторических событий. Например, материал учебника по истории средних веков [11] поделен на 8 глав, каждая из которых охватывает эпоху. К примеру, гл. I. Распадение Римской империи и выступление германских народов; гл. IV. Феодализм; гл. VI. Крестьянские походы; гл. VII. Переход от средних веков к новому времени и т.д. В рамках данных глав рассматриваются история разных стран в средневековье, международные отношения, культурное и политическое развитие. При этом первая и предпоследняя главы выполняют функцию вступления и заключения к курсу. Чисто внешний показатель: объем очерков-обобщений – он составляет 1/7 текста учебника (30 стр. из 205) – говорит о многом, но он недостаточен. Необходим анализ содержания, внутренних повествовательных особенностей. Дело в том, что любое крупное историческое событие или явление рассматривается автором в контексте всемирного развития.

истории» [16, с. 301]. Свою теорию личности Н.И. Кареев разрабатывал в трудах 90-х XIX века и начала XX века [11; 12]. Личность для ученого являлась первичным элементом общества [2, с. 153]. Н.И. Кареев утверждал, что личность (а не только «великий человек») является главным фактором и творцом истории [9, с. 155, 401]. Разумеется, что каждая личность, творя историю, вносит в ее развитие *разный вклад* [11, с. 300]. Яркое воплощение и конкретизацию находит этот принцип в школьном учебнике по истории средних веков Н.И. Кареева¹.

Н.И. Кареев отводил особое значение роли личности в истории – это подтверждалось и тем, что хронологические таблицы событий в его учебниках соседствовала с хронологией жизни крупнейших писателей, ученых, мыслителей, художников, которой не было ни в одном, предшествующем кареевскому, учебнике всеобщей истории, существовавших в XIX веке.

С другой стороны, Н.И. Кареев не отрицал и значения *общественного элемента* в истории. Напротив, индивидуализм на высшей ступени развития общества, утверждал он, становится осуществлением общего блага с помощью личных стремлений. Кареев подчеркивал, что деятельность личности при всей своей кажущейся самостоятельности есть неизбежное следствие реальных причин. Климатические условия, влияющие на степень подчинения человеком окружающей среды, культурный уровень общества, в котором живет личность в данный исторический момент, система нравственных и политических норм жизни, мировоззрение общества и его экономические интересы – все это формирует человека как личность: «Наука истории начинается лишь с усвоения этого

¹ Приведем лишь несколько примеров. В отличие от большинства авторов-составителей школьных учебных руководств по истории средних веков Н.И. Кареев, повествуя о предпосылках и причинах крестовых походов, лишь вскользь упоминает о роли и значении личности Петра Амьенского. Несколько по-иному, чем было принято традиционно, освещается личность Жанны Д'Арк. По мнению Кареева, она явилась не столько «выразителем» (что вторично), сколько источником пробуждения, «оригинальным генератором» патриотических чувств поработанного населения (13, с. 158). Реалистично оценивал ученый значение деятельности Филиппа IV Красивого во Франции, который «...только продолжал дело своих предшественников, собирал под свою власть отдельные большие феодалы и расширяя эту самую власть. Главная его забота была направлена на добывание денег» (13, с. 155). Именно эти цели и определили в итоге необходимость созыва Генеральных штатов, их национальную особенность и отличие состава от Английского Парламента (13, с. 156). Несколько особняком в этом ряду примеров находится личность папы Григория VII, «самого замечательного представителя средневекового папства» (13, с. 82). Ученый неоднократно подчеркивает, что личные психические качества (сила характера) и оригинальные взгляды папы Григория VII, обусловили его активную общественную деятельность.

подчинения личности *общим законам* личной и общественно жизни» [цит. по: 16, с. 304].

Анализируя «начала» социальной жизни и пытаясь определить характер движущих сил, Н.И. Кареев пришел к следующему выводу: разнообразные факторы в различных сочетаниях играют *равнозначную роль в истории*. Он считал, что социолог, ищущий историческую истину, должен становиться на плюралистическую точку зрения [1, с. 48].

Всемирно-историческая концепция Н.И. Кареева определила особенности *периодизации* им всеобщей в целом и средневековой истории в частности¹. Н.И. Кареев стремился представить исторический процесс в виде взаимосвязанной, постепенной смены этапов. Переход к каждой последующей ступени развития обусловлен зарождением новых элементов, которые видоизменяют и совершенствуют старое устройство, при этом сами совершенствуются.

В главе VII («Об историческом и социологическом образовании») «Бесед о выработке мирозерцания» Н.И. Кареев отметил, каким аспектам необходимо уделить основное внимание при анализе исторических событий [2, с. 120]. Внимание Н.И. Кареева к внешнеполитическим вопросам исторического развития обусловлено концепцией ученого. Стержнем всеобщей истории он считал процесс сближения народов и объединения их судеб [3, с. 66]².

Таким образом, Н.И. Кареев известен не только как один из крупнейших историков конца XIX – начала XX вв., но и как методист-новатор, опубликовавший многие статьи и рефераты по проблемам обучения истории в средней и высшей школе. Н.И. Кареев исходил из положения о ценности исторического знания как самого по себе и как одного из элементов общего образования: «На всех ступенях преподавания история решается задача не только преподавания истории, но и выработки умения исторически мыслить». Он подчеркивал, что «...принципиально различать в истории науку

¹ Итак, «первый период» средневековья, «обнимающий V–IX века, есть период смешения римского и германского элементов, которое дало в результате своеобразный строй жизни европейских народов. X–XIII столетия – средние века в собственном смысле, католико-феодалная эпоха, «XIV и XV вв. уже представляют переход к новому времени». Интересно, что конкретные даты – числовые границы крупных исторических периодов (476, 1492 г. и др.) воспринимались ученым как весьма условные.

² Анализ большого, состоящего из трех частей «Перечня главных хронологических дат...» [13, с. 228-231], расположенного в конце учебника, наглядно демонстрирует, каким историческим явлениям и событиям автор уделял основное внимание – вопросам внешней политики (международным отношениям посвящена 1/7 текста – 37 с.) и культурного развития (31 стр.)

и предмет преподавания... давно пора перестать» [6, с. 44-45]. Н.И. Кареев – не только автор школьных учебников по всем разделам всеобщей истории (издавались с 1901 по 1917 гг.), но и создатель теории школьного учебника истории (отбор, классификация, систематизация исторического материала, принципы оформления и изложения, приемы работы с ними).

Библиография

1. Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1988.
2. Кареев Н.И. Беседы о выработке миросозерцания. Продолжение «Писем к учащейся молодежи о самообразовании», с кратким указателем самообразовательного чтения. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1895.
3. Кареев Н.И. Введение в курс истории средних веков (романо-германский мир в VI–XV вв.). Изд. 2-е. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1886.
4. Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. Уч. пособие для самообр. и ср. шк. Изд. 3-е. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1911. 146 с.
5. Кареев Н.И. Заметки о преподавании истории в средней школе. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900.
6. Кареев Н.И. О школьном преподавании истории. Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1917.
7. Кареев Н.И. Общие основы социологии. Пг.: Наука и школа, 1919.
8. Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. (Очерки главнейших исторических эпох). СПб.: Изд-во Брокгауза-Ефрона, 1903. 304 с.
9. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Т. 1. С. 155, 401.
10. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / Подг. текста, авт. вступит. ст. и коммент. В.П. Золотарев. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990.
11. Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. Изд. 2. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. 574 с.
12. Кареев Н.И. Теория личности П.Л. Лаврова. СПб.: [Б. и.], 1907. 64 с.
13. Кареев Н.И. Учебная книга истории средних веков. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1900. 236 с.
14. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с.
15. Федорова Н.Г. Эвристическое значение методических приемов организации текста учебных пособий по всеобщей истории Н.И. Кареева // Общественно-политическая мысль и духовная культура народов Поволжья и Приуралья (XIX–XX вв.). Сб. науч. ст. и сообщ., посв. памяти проф. С.М. Михайловой (1941–2007). Казань, 2008. С. 122–130.
16. Шкуринов П.С. Позитивизм в России XIX века. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1980.

Пфаненитиль Надежда Георгиевна, кандидат исторических наук, доцент, Российский государственный университет правосудия, Казанский филиал, г. Казань, Россия; nfedorova83@mail.ru

Textbooks on the general history of N.I. Kareev – «new» features of «old» textbooks

The article is devoted to the study of educational manuals on general history by N.I. Kareev, to clarify the role and significance of these textbooks for modern Russian

secondary historical education, as well as to analyze the possibilities of their use in the preparation of new educational literature on general history.

Keyword: textbook, universal history, N.I. Kareev, historical science, pedagogy

***Pfanenshtil Nadezhda Georgievna**, Candidate of History, Associate Professor,
Kazan institute (branch) of the Russian state university of justice, Kazan, Russia;
nfedorova83@mail.ru*

УДК 930.2

Сальникова А.А., Мягков Г.П.

Автобиографический жанр в отечественной историографии: Н.И. Кареев «Прожитое и пережитое»

Среди историографического наследия профессиональных историков особое место занимают их мемуары–автобиографии, представляющие собой и особый исследовательский жанр, и одновременно особый способ самопознания и авторской саморепрезентации. В статье прослеживаются основные тенденции и особенности становления этого жанра в российской историографии второй половины XIX – начала XX в., выявляется специфика содержания такого рода мемуаров, в том числе и характерный для «профессиональных» автобиографий интерес к институциональным, статусно-профессиональным сюжетам в контексте происходящих общественно значимых событий. Мемуары Н.И. Кареева «Прожитое и пережитое», написанные им в период с 1921 по 1928 год, рассматриваются как типичный образец этого жанра и ценнейший источник по истории социополитической и интеллектуальной жизни России данного времени.

Ключевые слова: российская историография, историографическое наследие, мемуары-автобиографии, Н.И. Кареев, рубеж XIX – 1920-е гг.

Моделируя некий «образ историка», неизбежно приходится обращаться в первую очередь к его работам, к его историографическому наследию. Но не менее важная роль принадлежит здесь источникам личного происхождения, позволяющим осуществить реконструкцию индивидуального портрета исследователя, проследить его жизненный и творческий путь, интеллектуальные и духовные процессы, происходящие «извне» и «изнутри». В решении такого рода задач исключительное значение приобретают мемуары–автобиографии историков и как особый исследовательский жанр, и как способ самоописания, самопознания и саморепрезентации, сочетающие в себе черты автобиографии персональной и автобиографии интеллектуальной [5, с. 290, 312].

Речь идет в первую очередь о мемуарах–автобиографиях в «чистом» виде, т.е. об описании и исследовании себя и своей жизни. Хотя по большому счету любая исследовательская работа историка в какой-то степени автобиографична, поскольку он как

бы пропускает изучаемые факты и явления через себя, субъективизирует их, сколь бы далеко ни отстояли они от исследователя хронологически или локально.

К сожалению, прикосновение к «тайне таланта» многих историков остается трудноразрешимой, а подчас – и невыполнимой задачей. Связано это с тем, что складывание мемуарно-автобиографического жанра произошло у историков сравнительно поздно, формировался он по особым законам, обусловленным спецификой происхождения таких текстов и обусловивших в конечном итоге специфику их содержания, построения, механизм отбора фактов. Между тем наличие такого рода автобиографий является показателем определенного уровня развития исторической науки, понимания ее самооценности и востребованности в обществе.

Автобиографизм в отечественной традиции, как известно, всегда был очень силен. Начиная со страстных, исповедальных автобиографических записок протопопа Аввакума, он, по существу, превалировал в русской мемуаристике конца XVII – начала XIX вв. Он стал одной из основ для многих произведений русской художественной прозы. Однако в российскую историческую науку автобиографизм активно проникает лишь на рубеже XIX – XX вв., чтобы остаться там навсегда, гибко варьируясь и трансформируясь в зависимости от времени, места, целей и условий создания того или иного автобиографического сочинения.

В связи с довольно поздним становлением исторического сознания и историографической традиции в России складывание «автобиоисториографического» жанра (термин Л.П. Репиной) происходит сравнительно поздно. Хотя автобиографии–мемуары людей творчества становятся весьма распространенным явлением в дореформенной и пореформенной России, автобиографии историков отнюдь не занимают среди них достойного и подобающего им места. «Больших» мемуаров, в которых был бы целостно описан весь жизненный и творческий путь ученого, не оставили ни Н.М. Карамзин, ни В.О. Ключевский, ни Т.Н. Грановский, ни П.Г. Виноградов, ни многие другие выдающиеся историки России. И лишь на рубеже XIX–XX вв., вместе со все более очевидным обретением российской исторической наукой методологической, предметной и содержательной вариантивности, ростом ее значимости и общественного признания происходит осознание историками–профессионалами необходимости нарративной биографической самоидентификации и складывание автобиоисториографического жанра, что породило целый ряд источников такого рода, вне зависимости от того, были ли воспоминания доведены до недавних

событий (например, мемуары М.М. Ковалевского «Моя жизнь» [3]), или книга писалась асинхронно, спустя многие десятилетия после произошедших событий (воспоминания П.Н. Милюкова [4]). Таким образом, не только и не столько влияние внешних условий, сколько саморазвитие собственно исторической науки в России явилось основным стимулирующим фактором в формировании жанра исторической автобиографистики.

Специфика условий возникновения во многом обусловила специфику содержания такого рода произведений. Отсутствие соответствующей традиции и преемственности, необходимости постоянно опираться и оглядываться на имеющийся опыт предшественников приводили к тому, что российские историки – авторы автобиографий–мемуаров – писали их свободно и непринужденно, остро ощущая новизну, важность и значимость стоящей перед ними задачи. Именно это во многом отличало российскую автобиографическую традицию от новоевропейской, и, напротив, роднило ее с американской, также еще почти полностью лишенной в то время каких-либо условностей и ограничений (в отличие, скажем, от немцев или англичан, весьма умудренных в автобиографическом жанре и до сих пор оспаривающих друг у друга лидерство в этом вопросе). Это были отнюдь не те экспериментальные интеллектуальные биографии историков, когда на первый план выносились проблемы эволюции внутреннего «я», духовного мира и – как результат – внешние проявления этих процессов в мыслительной и исследовательской деятельности, в формулировке исторических понятий и категорий. Это были эмоционально окрашенные, достаточно динамичные, стилистически отточенные рассказы и размышления о собственной жизни и окружающих людях, о происходящих событиях и своем месте в них. Здесь мы имеем дело с ярко выраженными человеческими индивидуальностями, причем авторы отнюдь не стремятся свою индивидуальность закамуфлировать, завуалировать, напротив, они способны и готовы к самораскрытию, умело сочетая «внутреннее» и «внешнее», успешно балансируя между субъективным и объективным. Не случайно то значительное внимание, которое авторы этих воспоминаний уделяют своим детским и юношеским годам, при припоминании, фиксации и вербализации которых самораскрытие субъекта осуществляется с наибольшей очевидностью [6]. Тем не менее автобиографии историков остаются характерным примером так называемых «профессиональных» автобиографий, для которых характерен особый интерес к институциональным, статусно-профессиональным сюжетам и подчас подчинение повествований личного характе-

ра общественным. В центре всех таких автобиографий стоят два вопроса: как я стал историком и как развивалась историческая наука в то время, когда я представлял собой ее непосредственную составную часть.

В ряду произведений данного жанра находятся и широко известные мемуары Н.И. Кареева «Прожитое и пережитое», над написанием которых автор работал с перерывами на протяжении 7 лет – с 1921 по 1928 год, но которые впервые были опубликованы только в 1990 г. [2].

Воспоминания Н.И. Кареева – весьма своеобразный источник личного происхождения, органично сочетающий в себе характерные признаки мемуаров– автобиографий, о которых речь шла выше, и мемуаров – «современных историй», ориентированных «на индивидуальную фиксацию общественно значимых событий» в их эволюционном целом [1, с. 354]. Особенность этого источника обусловлена как специфическими условиями их создания, так и авторскими установками.

Возможно, в спокойное, мирное время – время без войн и других социальных катаклизмов – эти воспоминания никогда бы не были написаны. «Мысль о написании мемуаров, – писал Н.И. Кареев, – у меня уже давно носилась в голове, больше, кажется, внушенная другими, которые слушали мои откровенные рассказы о прошлом, чем родившаяся из собственной потребности, но мне все как-то было недосужно и трудно приступить к выполнению этого, казалось бы, сложного дела, и я откладывал да откладывал приступ к этой работе на неопределенное время...» [2, с. 44]. Потому неожиданное обретение досуга, пусть в силу каких-либо особых, подчас неприятных обстоятельств, оказалось существенным фактором, подтолкнувшим к реализации этой давней задумки. Вынужденно-добровольный « плен » лета 1921 года в деревне в Смоленской губернии позволил Карееву написать объемное (более 20 печатных листов) автобиографическое сочинение, причем автор, к его собственному удивлению, « совершенно неожиданно, по какому-то вдохновению, сел за стол и, не отрываясь от работы для какого-либо чтения или другого писания, так сразу, с перерывами для сна, отдыха и принятия пищи, рассказал все, что пережил за сем десятков лет своей жизни ». По его словам, писал он « целиком из головы », « исключительно по памяти », без какой-либо подготовительной работы, без обращения к каким-либо документам [2, с. 44].

При определении « установки » относительно того, каким быть мемуарам, Н.И. Кареев подчеркивал, что на передний план им выдвигались не « художественные задачи », а передача фактов и « воспроизведение беглого переживания прошлого в воспоминании

во имя самого писания своих отдельных припоминаний на бумагу» [2, с. 44]. Своеобразие ситуации написания, очевидно, повлияло и на выбор объекта «припоминаний». Однако автор мемуаров явно скромничает: это сочинение отмечено отменным художественным вкусом, простотой и живостью языка, и тем великолепным литературным стилем, который делает легко узнаваемыми лучшие образцы русской автобиографической прозы.

Мемуары Н.И. Кареева пронизаны духом, производным от профессионального начала их автора. Тезис это приложим к любым мемуарам: естествоиспытатель или живописец взирает, понимает и описывает свое «прожитое и пережитое» по-своему. Особую совершенность воспоминаниям придает то, что их авторы выходят за пределы области их творчества. Случай с Н.И. Кареевым особенный уже потому, что за написание мемуаров взялся профессиональный обществовед, ученый, много и до того размышлявший над проблемами истории и историософии, социологии и политологии. Как историк он особенно внимателен к событиям, и потому именно они создают фактологическую основу его работы. Но автор изначально не отказывается и от «теоретизирования» как при формулировании своих замыслов, так и при подведении итогов своих воспоминаний и размышлений. Мемуары Кареева есть целостное отражение его рефлексии на научный поиск коллег, на собственные исследования, что делает эти воспоминания ценным историографическим источником, недаром автор пишет не только о «прожитом», но и о «пережитом», т.е. продолжающем жить в воспоминаниях, в воображении и реконструируемом через индивидуальное сознание историка.

Указывая на содержательную составляющую своей жизни, Н.И. Кареев пишет: «Я пережил много людей, с которыми жил, которых знал и любил (или на любил), и много событий...» [2, с. 43]. «Поле» его воспоминаний широко; «возделывателей» на нем исключительное множество – более 500 фигурантов. Неудивительно поэтому, что мемуары Кареева являются ценным источником по истории интеллектуальной жизни России, ее составляющих и непосредственных участников.

Подводя итоги, заметим, что, несмотря на присущую им специфичность (а, скорее, наоборот, именно в силу присущей им специфичности) мемуары – автобиография Н.И. Кареева, как, впрочем, и другие мемуары – автобиографии историков, позволяют изучить историю исторической науки в личностном измерении, воссоздать персональные историографические судьбы и историографический опыт во всем его сложном многообразии, увидеть

живые лица за страницами толстых научных фолиантов и пожелтевших рукописей. В этом – долговечность и перспективность профессиональной автобиографистики историков как уникального человеческого документа о прошлом.

Библиография

1. Источниковедение: учебное пособие / отв. ред. М.Ф. Румянцева. М.: ВШЭ, 2015. 685 с.
2. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / Подгот. текста, авт. вступ. ст. и комментариев В.П. Золотарев. Л.: Изд-во Ленингр. ун-та, 1990. 384 с.
3. Ковалевский М.М. Моя жизнь. Воспоминания. М.: РОССПЭН, 2015. 784 с.
4. Милуков П.Н. Воспоминания. М.: Политиздат, 1991. 550 с.
5. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
6. Сальникова А.А. Город детства в автобиографических нарративах казанских историков // Вестник Пермского университета. История. 2019. Т. 44. № 1. С. 129–137.

Сальникова Алла Аркадьевна, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; Alla.Salnikova@kpfu.ru

Мягков Герман Пантелеймонович, доктор исторических наук, профессор, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП); профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; gmyagkov@yandex.ru

Autobiographical genre in Russian historiography: N.I. Kareev «Lived and Experienced»

Among the historiographical heritage of professional historians a special place is occupied by their memoirs–autobiographies, which represent both a special research genre and a special way of self-knowledge and author's self-representation. The article traces the main trends and features of the formation of this genre in the Russian historiography of the second half of XIX – early XX centuries, reveals the specific content of this kind of memoirs, including a characteristic for «professional-sional» autobiographies interest in institutional, status-professional stories in the context of ongoing social events. N.I. Kareev's memoirs «Lived and Experienced», written by him in the period from 1921 to 1928, are considered as a typical example of this genre and a valuable source in the history of socio-political and intellectual life of Russia of the present time.

Keywords: Russian historiography, historiographical heritage, memoirs-autobiographies, N.I. Kareev, the turn of the XIX – 1920s.

Salnikova Alla Arkad`evna, Doctor of history, Professor; Kazan Federal University, Kazan, Russia; Alla.Salnikova@kpfu.ru

Myagkov German Panteleimonovich, Doctor of history, Professor, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russia; Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; gmyagkov@yandex.ru

Сыченкова Л.А.**Рецензии Кареева как культурологические исследования**

В статье рассматриваются рецензии Н.И. Кареева на работы Н.Я. Данилевского, М.С. Корелина, В.Э. Крусман, Н.А. Васильева, Э. Омана, поставившие важные культурологические проблемы, не потерявшие своей научной значимости и по сегодняшний день: культурного взаимовлияния народов, выбора критерия периодизации культурно-исторического процесса, выявления симптомов кризиса культуры, специфики Ренессанса в Англии и др. Показана неоднозначная роль рецензий Н.И. Кареева в процессе становления историко-культурного знания в России. Переосмысление кареевских рецензий имеет не только эвристическое значение, но и может оказать практическую пользу для корректировки культурной политики современной России с европейскими странами.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, рецензии, культурная политика, проблема взаимовлияния культур, истории культурологии в России, периодизация культурно-исторического процесса, понятие «культурно-исторический тип», культурные кон эпистемология, антропоцен

В современной истории культурологии не рассматривался вопрос о том, какое влияние на ее становление оказали научные дискуссии, отраженные в рецензиях. Тем не менее, рецензии в кареевской концепции культуры, как и в становлении русской медиевистической культурологии, так и социологии [см.: 17; 23; 19], занимают особое место. Среди значимых в культурологическом плане рецензий Н.И. Кареева следует назвать его разбор историко-культурных исследований российских и зарубежных гуманитариев, которые были написаны в разные периоды его творчества: 1) отзыв на книгу Н.Я. Данилевского «Россия и Европа» [10]; 2) рецензии на публикации М.С. Корелина [5; 7; 8], В.Э. Крусмана [4]; на раннее антиковедческое исследование Н.А. Васильева [9]; 3) на культуральные исследования французского историка и слависта Э. Омана [6]. В этих рецензиях рассматривались такие важные культурологические темы, как проблема культурного взаимовлияния народов, проблема критерия периодизации культурно-исторического процесса, понятие «культурно-исторический мир» и др.

Рецензии Н.И. Кареева, как правило, способствовали росту научного признания авторов и стимулировали их дальнейшее творчество. Так, благожелательная оценки со стороны маститого историка на фоне критических оценок подержала во многом экспериментальную, гипотетическую книгу казанского историка и философа Н.А. Васильева «Вопрос о падении Римской импе-

рии» [1; 18]. Фактически уже будучи профессором университета¹, Н.А. Васильев опубликовал в 1921 г. свою дипломную работу, написанную еще в 1915 году под руководством профессора М.М. Хвостова. В своем отзыве Н. Кареев, называя автора «человеком широко образованным и ученым», отмечал, что в работе чувствуется влияние концепций И. Тэна, Г. Буасье, и, несмотря на ряд спорных положений, отмечал, что в ней «многое верно» [9, с. 240].

Критические рецензии Н. Кареева на труды Н.Я. Данилевского и В.Э. Крусмана, не имевшие благоприятных последствий для авторов, нельзя оценивать однозначно.

Теория «культурно-исторических типов» Н.Я. Данилевского была подвергнута жесткой критике со стороны Н.И. Кареева [см.: 16; 23; 19], который упрекнул автора «в отрицании единой нити в истории человечества» и «европоцентризме» [10, с. 14]. Н.И. Кареев констатировал непоследовательность позиции автора и встречающиеся у него противоречия. С одной стороны, Н. Кареев отмечал, что Н.Я. Данилевский устанавливал «закон» о непередаваемости цивилизации от одного культурно-исторического типа к другому, с другой – утверждал, что наряду с «уединенными» типами культур, существуют и преемственные, «плоды, деятельности которых передаются от одного к другому»².

Причины забвения более чем на сто лет книги Н. Данилевского еще недостаточно осмысленны в историографии. Книга вышла впервые в 1871 году, а переиздана после ставшего последним в XIX в. издания 1895 года только в 1991 году [2; 15]. Сегодня многими исследователями признается, что замысел книги Н. Данилевского, несмотря на ряд заблуждений, не уступал по масштабу идей работ О. Шпенглера и А. Тойнби. Появление кареевской рецензии не в последнюю очередь способствовало тому, что труд Данилевского более чем на столетие «забыли» в российской историографии. Типология культуры Н. Данилевского остается, к сожалению, практически неизвестной для зарубежной историографии культуры.

Не понравилась Н.И. Карееву монография Н.Э. Крусмана «На заре английского гуманизма» [11; 4]. И было за что: по Карееву, выдвигаемые положения Крусману не удалось доказать источни-

¹ Васильев Николай Александрович (1880–1940), философ-логик, профессор кафедры философии Казанского университета (в 1918–1923 гг.).

² Более последовательно идею преемственности и взаимовлияния культур проводил Ф.И. Шмит: «Культурно-исторические миры – это не замкнутые системы, они открыты во времени и в пространстве. Вся история искусств полна примеров, перекрестных заимствований, причем очень часто бывает, что перенимают одни у других коллективы, очень отдаленные друг от друга в пространстве и во времени» [25, с. 274–275].

ками [4, с. 49-65], что, как показал А.В. Свешников, стало одной из причин «не востребованности» в последующем рецензируемого труда [22, с. 130]. Но были и другие мнения. Положительно отзывались о книге Крусмана медиевисты И.М. Гревс и П.М. Бицилли [14; 12]. Можно предположить, что критические оценки Н.И. Кареева трудов Н.Я. Данилевского, В.Э. Крусмана связаны с тем, что они не вписывались в его понимание логики истории, подходов к изучению культуры и общие методологические представления. Значение работ Крусмана и его вклад в изучение английского Ренессанса стал очевиден только конце XX века благодаря одесским историографам [20; 21, с. 222-253].

Среди кареевских рецензий на зарубежные издания по культуре особо следует отметить его рецензию 1901 года на книгу Э. Омана (Эмиль Хаумант) «La culture française en Russie (1700–1900)» (Париж, 1910) [6].

Э. Оман особенно интересовало французское влияние на российское высшее общество и роль Франции в интеллектуальном становлении России. В книге французского историка и слависта описана история культурных взаимоотношений Франции и России на протяжении нескольких столетий. История культурных контактов Франции и России – это уникальный культурный феномен. Н.И. Кареев высоко оценивал значение появления книги Омана: «Вопрос о культурном влиянии одних народов на другие имеет весьма большой интерес, но посвященная ему литература очень скудна. <...> И французу Оману пришла в голову весьма светлая мысль соединить в одно целое, то, что до сих пор рассматривалось разными историками только эпизодически» [6, с. 307].

Н. Кареев считал, что некоторые *стороны феномена взаимного притяжения двух культур* были схвачены А. Фон-Визиним: «Русских всегда тянуло к Франции, и нигде на чужбине он не чувствовал себя так хорошо, как среди французов» [6, с. 311]. «Нигде французское влияние не было столь продолжительно и столь глубоко, как в России. Причины этого автор видит не политике и не в географии, а в том, что автор называет *la clarté française*¹, вторых, *l'esprit de propagande*², т.е., в конце концов, в особенностях французской национальной психики, этим вообще объясняется влияние французов на другие нации, а по отношению к русским есть и более частная причина» [6, с. 310].

Э. Оман выделил периоды французского влияния на культуру России: первый до смерти Петра Великого, второй – французские

¹ *la clarté française* – французская ясность.

² *l'esprit de propagande* – мысли разума, дух пропаганды.

завоевания между 1725 и 1789 годом; третий – 1789–1815 гг. – апогей французского влияния. В четвертый период происходит «борьба влияний» до 1848 года. Пятый период – вторая половина XIX в., во время которого происходит «упадок» (*le déclin*) [6, с. 307]. Французский историк писал о самых разнообразных аспектах культурного влияния: «французской кухне, французской моде, французских развлечениях, как общественных, так и домашних, и, кончая книгами и литературными формами, французскими религиозными, философскими, политическими, социальными идеями» [6, с. 307]. «Когда русские встретились с французами, то достаточно имели времени, чтобы испытать отвращение к своим “первым учителям европеизма”, и поэтому обратились к французской культуре, как потому, что она была наиболее распространенной в Европе, как потому, что нашли ее более для себя подходящею, вследствие некоторого своего сходства с французами» [6, с. 310].

Н. Кареев отмечал, что книга написана корректно, как для французского, так и для русского читателя. Русский историк обратил внимание на недостатки в библиографии Омана, изложенной на 17 страницах. В частности, русский историк указал на досадное упущение трудов русских гуманитариев. По мнению Н. Кареева, разные аспекты этой темы рассматривали в своих трудах А.Г. Брикнер, В.А. Мякотин, В.И. Семеновский, граф Д.И. Толстой, профессор И.В. Цветаев, писатели Г. Скальковский, Г. Успенский, П.Б. Боборыкин, критики Добролюбов, Писарев, Михайловский [6, с. 310].

Оман, по мнению Н. Кареева, проявлял большую заинтересованность в сохранении интеллектуального влияния Франции на Россию в будущем, отмечая тревогу французского слависта по поводу проявления независимости русской культуры. Оман видел причину ослабления влияния Франции на Россию в том, что русские и французы во времени меняются. Э. Оман констатировал, что во второй половине XIX века произошёл подъем русской культуры, и русская интеллигенция обрела самостоятельность: «Франция перестает быть для русских единственным солнцем, а будет лишь звездой среди других звезд. <...> У французов явились конкуренты, которых в былые времена они не знали» [6, с. 311]. Можно догадываться, что более сильное влияние на русскую культуру во второй половине XIX века стали оказывать Германия и Англия.

Н.И. Кареев соглашается с Оманом в оценке вклада в сближении двух культур французских писателей, которые изучали русскую культуру, литературу: Альфреда Рамбо, Луи Леже, Анатоля Леруа-Болье, Мельхиора де Вогюэ, Леона Ленго, Шарля де-

Ларивьера. Русский историк добавил к этой группе французских писателей и самого Омана.

Э. Оман отмечал и некоторую закономерность влияния политики на динамику культурных взаимоотношений между Францией и Россией: «Чем больше русское правительство отличалось галлофобией¹, тем более русское общество проявляло галломанию². Э. Оман задавал резонный вопрос: не случится ли «дальше наоборот, когда влечение к Франции перестанет быть запретным плодом» [6, с. 310]. Французский славист высказал важную и весьма актуальную и для современной культурной политики идею: «для сближения... нужно бы во Франции победить предрассудок о русском варварстве, как в России нужно победить недоверие к республиканской Франции» [6, с. 311].

Для Н. Кареева очевидно, что французского ученого интересовала не судьба франко-русского союза, а условия продолжения влияния французской культуры на Россию. «Прошлое свидетельствует, что политика и культура шли в том или ином направлении иногда совершенно независимо одно от другого» [6, с. 311]. Таким образом, на конкретном примере Н. Кареев гораздо раньше многих отечественных исследователей говорил об условиях сохранения влияния французской культуры на русскую в будущем, об автономности функционирования культуры в целом.

Тема книги Омана не потеряла актуальности в современной социокультурной реальности, поскольку содержит важные рекомендации, имеющие практическое значение для корректировки политики Франции в области культурных взаимоотношений с Россией. Выводы автора рецензии помогают установить закономерность динамики культурных взаимоотношений двух стран, и прогнозировать моменты их взаимного притяжения и отталкивания в будущем.

Несмотря на разработку Н.И. Кареевым важных культурно-исторических сюжетов и проблем в рецензиях, его критические оценки трудов российских исследователей культуры (Н. Данилевского, В.Э. Крусмана) не позволяют считать вклад историка в становление российской культурологии однозначным. Следует заметить, что даже комплиментарные рецензии Н. Кареева, раскрывающие значение и новаторство историко-культурных ис-

¹ Галлофобия – ненависть, неприязнь ко всему французскому.

² Галломания – страстное почтение ко всему французскому (будь то язык, искусство, литература, история).

следований Н.А. Васильева¹ и французского историка Э. Омана, не стали гарантом от дальнейшего забвения трудов этих авторов в отечественной историографии. Это связано с очень сложным вплетением истории становления культурологии в России в политический контекст развития советской науки в целом. Рецензии Н. Кареева появились в неудачное время: война, революции и последовавшие смены методологических парадигм в гуманитарном знании России. Генерация историков, которые могли воспринимать новые понятия и способы описания культурных феноменов, были разобщены.

В начале 1920-х годов одна часть российских историков, например, П. Бицилли, Л. Карсавин, Н.П. Оттокар оказались в эмиграции, кто-то был выслан из страны, как ученик Н. Кареева В.А. Мякотин. Кто-то научился говорить «в полголоса», как О.А. Добиаш-Рождественская [13, с. 17]. Кто-то надолго замолчал. Другая часть историков, искусствоведов, филологов погрузились в освоение марксизма, в рамках которого тема культуры оказалась неактуальной. Оригинальные культурно-исторические концепции других российских ученых П. Бицилли, Л. Карсавина, Ф. Шмита. И. Иоффе также, как и кареевские находки, оказались в забвении. Историко-культурная проблематика после 1917 года на многие десятилетия оказалась в тени социально-политической и социально-экономической истории.

Библиография

1. Васильев Н.А. Вопрос о падении Западной Римской империи и античной культуры в историографической литературе и в истории философии в связи с теорией истощения народов и человечества // Изв. Об-ва археологии, истории, этнографии при Казан. ун-те. Казань, 1921. Т. XXXI, Вып. 2/3. С. 115-247.
2. Данилевский Н.Я. Россия и Европа / Сост., послесловие и комментарии С.А. Вайгачева. М.: Книга, 1991. 574 с. Текст печатается по изданию: Данилевский Н.Я. Россия и Европа. СПб., 1871.
3. Кареев Н.И. Ruský dějepisec italského humanismu // Český časopis historický. 1901. Roč. VII. S. 129-141.
4. Кареев Н.И. Был ли гуманизм в Англии XIV века? (О кн. В.Э. Крусмана «На заре английского гуманизма». Одесса, 1915 // Русские записки. 1916. № 3. С. 49-65.
5. Кареев Н.И. М.С. Корелин как историк гуманизма // Русская мысль. 1900. № 5. С. 100-112.
6. Кареев Н.И. О французском культурном влиянии в России // Вестник Европы. 1910. № 9. С. 307-311.
7. Кареев Н.И. Отзыв о сочинении проф. Корелина «Ранний итальянский гуманизм и его историография» // Отчет о 6 присуждении Академией Наук премии митрополита Макария в 1895 г. СПб., 1896. С. 97-126.

¹ Редкое исключение – это упоминание в 1989 году труда Н.А. Васильева в монографии медиевиста В.И. Уколовой [24, с. 15, 289].

8. Кареев Н.И. Ранний итальянский гуманизм и новый его исследователь // Вестник Европы. 1893. № 8. С. 441-466; № 9. С. 5-31; № 10. С. 541-565.

9. Кареев Н.И. Вопрос о падении Римской империи (Н.А. Васильев, проф. Казанского ун-та. Вопрос о падении Западной Римской империи и античной культуры в историографической литературе и в истории философии в связи с теорией истощения народов и человечества. Казань, 1921) // Анналы. 1923. № 3. С. 240.

10. Кареев Н.И. Теория культурно-исторических типов (О «России и Европе» Данилевского) // Русская мысль. 1889. Кн. IX. С. 1-32.

11. Крусман В.Э. На заре английского гуманизма. Английские корреспонденты первых итальянских гуманистов в ближайшей своей обстановке. Одесса: Тип. "Техник", 1915. 711 с.

12. Бицилли П. Памяти В.Э. Крусмана // Русская мысль. Прага–Берлин, 1923. Кн. 1/2. С. 342-345.

13. Галчева Т., Голубович И.В. «Понемногу приспособляюсь к „независящим обстоятельствам“». П.М. Бицилли и семья Флоровских в первые годы эмиграции. София: Изд-во Солнце, 2015. 320 с.

14. Гревс И.М. Памяти В.Э. Крусмана // Анналы, 1922, № 2. С. 255-258;

15. Ефремов А.В. Концепция Н.Я. Данилевского в оценках современников: 1870-е-1890-е годы: автореф. дис. ... к.и.н. М., 2006. 16 с.

16. Жигунин В.Д., Мягков Г.П. Л.И. Мечников и Н.Я. Данилевский: судьбы всемирно-исторической точки зрения в отечественной историографии // Историческое познание: традиции и новации. Материалы Международной теоретической конференции. Ч. I. Ижевск: Изд-во Удм. ун-та, 1996. С. 352-360.

17. Мягков Г.П., Сыченкова Л.А. Русская медиевистическая культурология: опыт актуализации непризнанного наследия // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-т, 2019. С. 179-206.

18. Мягков Г.П., Филимонов В.А. Казанские ученые в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева // Ученые записки Казанского государственного университета. Т. 151. Серия Гуманитарные науки. Кн. 2, ч. 1. Казань, 2009. С. 164-173.

19. Осипов И.Д., Погодин С.Н. Концепция культуры в социологии истории Н.И. Кареева // Социология науки и технологий. 2020. Том 11. № 2. С. 86-96.

20. Попова Т.Н. В.Э. Крусман: эпоха и наука под скальпелем историка // Стародавнє Причорномор'я. Випуск XII / голов. ред. І.В. Немченко. Одеса: Одеський національний університет імені І.І. Мечникова, 2018. С. 446-453.

21. Попова Т.Н. Жизнеописание ученого-историка на перекрестке историографических традиций. Теория. Методология. Практика. Одесса: Бондаренко М.А., 2017. Владимир Эдуардович Крусман: историк второго плана. С. 222-253.

22. Свешников А.В. Иван Михайлович Гревс и петербургская школа медиевистов начала XX в. Судьба научного сообщества. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 415 с.

23. Султанов К.В. Н.И. Кареев о теории культурно-исторических типов Н.Я. Данилевского // Социология истории Николая Кареева: Межвуз. сб. / Под ред. А.О. Бороноева, В.В. Козловского, И.Д. Осипова. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2000. С. 300-307.

24. Уколова В.И. Античное наследие и культура раннего средневековья (конец V – середина VII в.); Отв. ред. Л.С. Чиколини; АН СССР, Ин-т всеобщ. истории. М.: Наука, 1989. 316 с.

25. Шмит Ф.И. Искусство. Основные проблемы теории и истории. Л.: Academia, 1925. 184 с.

Сыченкова Лидия Алексеевна, доктор исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; l.sichenkova@yandex.ru

Reviews of Kareev as cultural studies

The article deals with the reviews of N.I. Kareev on the works of N.Y. Danilevsky, M.S. Korelin, V.E. Krusman, N.A. Vasiliev, E. Oman, who put important cultural problems that have not lost their scientific significance to this day: the cultural interaction of peoples, the choice of the criterion for the periodization of the cultural and historical process, the identification of symptoms of the crisis of culture, the specifics of the Renaissance in England, etc. The ambiguous role of N. Kareev's reviews in the process of formation of historical and cultures is shown. Knowledge in Russia. Rethinking Kareev's reviews has not only heuristic significance, but can also be of practical use for adjusting the cultural policy of modern Russia with European countries.

Keywords: N.I. Kareev, reviews, cultural policy, the problem of mutual influence of cultures, the history of cultural studies in Russia, the periodization of the cultural and historical process, the concept of "cultural and historical type", cultural contacts between Russia and France

Sy`chenkova Lidiya Alekseevna, Doctor of History, Assistant Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; l.sichenkova@yandex.ru

УДК 930.1

Е.А. Чиглинецв

Кареев как историк-биограф

В статье исследуется историко-биографическое наследие Н.И. Кареева, работы, в основном посвященные жизни и деятельности крупных деятелей французской революции и наполеоновской эпохи, опубликованные в Энциклопедическом словаре Брокгауза и Ефрона и журналах, прослеживается генезис интереса к биографиям и эволюция формы биографических сочинений в творчестве Кареева, вплоть до создания биографии Т. Карлейля, которую автор статьи считает прототипом современной интеллектуальной биографии.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, историческая биография, Наполеон I, энциклопедическая статья, Т. Карлейль, интеллектуальная биография

Интерес к биографическому знанию в современном обществе остается стойким и требовательным. Историческая биография в последние десятилетия «вернула себе авторитет» [13, с. 7] в профессиональном сообществе, и историки-профессионалы также нередко исследуют те или иные исторические периоды и явления через личности, ставшие акторами событий своей эпохи. Известный американский историк, один из соредкторов «Журнала междисциплинарной истории» Роберт Ротберг [10, с. 108; 116], с некоторой претензией на афористичность, обозначил современный взгляд на соотношение биографии и истории: «Биография – это история. Она зависит от истории, укрепляет и обогащает историю. В свою очередь, вся история – это биография» [14, р. 305].

В творчестве Н.И. Кареева интерес к отдельной исторической личности присутствовал всегда, в том числе и методологически, в философско-исторических изысканиях о роли личности в историческом процессе. Кареев вполне сочувственно относится к введению «биографического элемента» в процесс познания всемирной истории [7, с. 78-79]. При этом он солидаризируется с мнением П.Л. Лаврова (Миртова) и резко критикует крайности в вопросе о роли личности в истории, особенно теорию Карлейля. «То, что можно назвать теорией Карлейля, позволительно вместе с тем рассматривать, как запоздалое, и, по всей видимости, уже последнее появление в исторической философии того “культу героев”, образцы которого мы находим в мифе, эпосе и раннем бытописании...» [7, с. 21]. И вывод: «Взгляд Карлейля ложен в самой своей основе...» [7, с. 21], ибо, как замечает Кареев, только он «с ему одному свойственными приемами мысли, мог защищать то положение, что всемирная история есть простая биография великих людей...» [7, с. 30].

Сочувственное отношение Кареева к введению «биографического элемента» в процесс профессионального познания всемирной истории привело к существованию в наследии выдающегося историка целого пласта материалов, позволяющих рассматривать его как биографа.

В наследии Кареева присутствуют два массива биографических материалов, определяемые научными интересами, социокультурными предпочтениями и жизненными перипетиями нашего автора. В последнем случае имеется в виду особая активизация в написании биографических материалов в связи с сотрудничеством начиная с 1891 г. Н.И. Кареева с русским изданием «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» [11, с. 15].

Первый массив биографических сочинений Кареева относится к тематике всемирной истории и сформировался в процессе изучения им различных эпох и стран. Второй – это, в основном, его энциклопедические биографические очерки и заметки о выдающихся деятелях исторической науки, главным образом, о современниках и соотечественниках. Но это – отдельная тема для исследования. В первом же случае мы имеем дело с Кареевым как мастером историко-биографического жанра. Об этой ипостаси историка и пойдет речь в данной статье.

Генезис Кареева как биографа относится к 70 – 80-м годам XIX века, когда он публикует большое количество рецензий на сочинения по самым разным вопросам мировой и отечественной истории. Среди рецензируемых работ встречаются и труды, посвященные историческим личностям, к которым затем Кареев обратится либо как

исследователь, либо как редактор. Например, Наполеон I (книга французского генерала Теодора Юнга [2, с. 14-19]). Кареев позднее в полной мере использовал эти данные в своей большой биографической статье о Наполеоне I [5, с. 539-546]¹; при этом главная претензия рецензента в том, что автор книги «слишком военный человек», а потому он пытается рассматривать жизнь Наполеона преимущественно как полководца. Но именно эта ипостась Наполеона Кареева в энциклопедической статье не привлекает, а этот раздел просто отдан другому автору [12, с. 546-548]. Он напишет подобный текст только для Нового словаря, блестяще структурируя материал и не давая слишком многословных рассуждений о военном гении Наполеона [6, стлб. 904]. Другой пример – граф Мирабо [3, с. 35-37].

Рецензии на книги и собственные биографические статьи группируются тематически, в основном вокруг проблематики французской революции. Но логическая последовательность – от рецензии к биографии – вовсе не обязательна. Так, первая биографическая заметка, посвященная Жоржу Кутону, в Словаре Брокгауза и Ефрона появилась в 1896 г. и не была актуализирована какой-либо свежей публикацией [4, с. 138]. Н.И. Кареев обращает внимание, что главной причиной резкой эволюции взглядов Кутона от защиты конституционной монархии до антимонархических воззрений, далее доминировавших в его мировоззрении, была попытка Людовика XVI бежать из Парижа. «В конвенте он подал голос за казнь короля без апелляции к народу и без отсрочки». При этом, участвуя в операции против взбунтовавшегося Лиона, он отличался «сравнительной умеренностью» [4, с. 138]. На подобных контрастах Кареев описывает всю деятельность Кутона, который в конце 1793 г. был председателем конвента и по «его инициативе состоялся закон 22 прериаля, дозволявший почти без суда гильотинировать всех подозрительных», а его речь в якобинском клубе 3 термидора и «послужила одним из поводов к перевороту 9 термидора», который, в свою очередь, уже на следующий день подтолкнул Кутона к самоубийству: он «сделал попытку заколоть себя кинжалом», что, однако, как заканчивает статью Кареев, «не спасло его от гильотины» [4, с. 138]. От прямых оценок результатов жизни и деятельности своего героя Кареев, однако, воздерживается.

Большая публикация Кареева о Жорже Жаке Дантоне, имеющая подзаголовок «биографический очерк» [8], появилась в 1915 г. как реакция на новую книгу, вышедшую во Франции. Сетую на то, что Дантону мало уделялось внимания исследователями француз-

¹ См. опубликованную ниже статью: Артюх Г.Ю. Энциклопедическая «Наполеониана» Н.И. Кареева. С. 146-151.

ской революции, Кареев отмечает недавнюю (1914 года) работу Луи Маделена, предназначенную, как он считает, «для большой публики», и поясняет при этом, что отсутствие достаточного к нему внимания вызвано самой личностью Дантона «с её двойственностью, с её противоречиями» [8, с. 117].

Характеризуя внешний облик и стиль поведения Дантона, Н.И. Кареев подчеркивает, что всё это «как нельзя более соответствовало роли революционного трибуна» [8, с. 118]. В детстве Дантон проявил всю необузданность своего нрава, но отличался огромной любовью к чтению, читал книги по-английски и по-итальянски, что, по мнению Кареева, было редкостью для того времени и свидетельствовало «о больших умственных способностях молодого человека» [8, с. 118-119]. Кареев описывает начало революции через деятельность Дантона в своем «кардильерском дистрикте», где рядом с ним действовали Марат, Демулен, «знаменитый Шаметт» и множество других, но мало известных соратников. После некоторого нахождения «в тени» Дантон вновь оказался востребованным в декабре 1790 г., снова почувствовав «вкус к общественной деятельности», в которой, на данном этапе, Кареев усмотрел «отвлеченный», «теоретический и платонический» республиканизм [8, с. 122-123]. Заявления, которые Дантон делал зимой 1791–1792 г., «были проникнуты конституционной лояльностью и стремлением к законности» [8, с. 125]. При этом Кареев наблюдает эволюцию Дантона через изменение его отношения к королевской власти: от прославления конституционной монархии, которой он искренне желал продлиться больше веков, чем «просуществовала деспотическая королевская власть» [8, с. 124-125], до переворота 10 августа 1792 г., который, как считает Кареев, «Дантон вдвойне подготовил...» [8, с. 126]. Кареев отмечает «недюжинные правительственные способности» Дантона, проявившиеся в спасении отечества, когда он умело сочетал дипломатическую и военную деятельность в борьбе с внешней опасностью и решительные действия по ликвидации опасности внутренней, вплоть до таких крайних мер, как «массовые аресты и кары для острастки» [8, с. 128-134]. Кареев подробно описывает борьбу вокруг конвента, которая привела к «падению Дантона», некоторому затишью [8, с. 152]¹ в его политической деятельности и к новому возвращению, теперь уже для борьбы с Робеспьером, которая завершилась судом и казнью Дантона [8, с. 142-148]. В заключительной части очерка Кареев очень профессионально рисует психологический портрет Дантона;

¹ Н.И. Кареев говорит о состоянии «прострации» или «неврастении».

говоря о его страстной и мятущейся натуре, автор подчеркивает отсутствие раздвоенности человека в общественной и личной жизни: и там, и там он оставался натурой живой и противоречивой. Итог этих размышлений подводит Кареев именно как биографисторик: «А между тем положение Франции было таково, что от государственного человека, бравшего на себя трудную задачу вывести нацию на настоящую дорогу, требовалась бóльшая последовательность, настойчивость и, прибавлю, политическая ловкость. Как бы ни были велики умственные способности и велика энергия Дантона, в конце концов, он сам спасовал перед этой задачей и дал победить себя человеку, гораздо более посредственному, но в своей посредственности более цельному» [8, с. 154].

Представленные биографии очень отличаются друг от друга по размерам, по полноте материала, по предполагаемому реципиенту. Однако независимо от размера публикации каждая из этих биографий составлена по канонам научного биографического исследования, которое можно типологически обозначить как очерк жизни и деятельности [1, с. 224].

Своеобразным итогом развития Кареева как историка-биографа стала биография Карлейля, писателя, публициста и историка. Но это не очерк жизни и деятельности. Её с полным правом можно позиционировать по разряду «интеллектуальной биографии», ибо Кареева интересуют «жизнь и личность, произведения и идеи» Томаса Карлейля как «литературного критика и публициста, историка и моралиста». По мнению Кареева, долгая жизнь Карлейля «была бедна внешними событиями...». Он более обращен был в прошлое, чем в настоящее. «И личность такого человека, каким был Карлейль, познаётся больше из того, что он думал, нежели из того, что он делал» [9, с. 5-6]. Кареева привлекает именно психология личности Карлейля, ибо тот «был замечательно цельною личностью, в которой все было психологически тесно связано одно с другим, без внутренних противоречий» [9, с. 7]. Отсюда такие аспекты, выделенные в очерке, как «характер мирозерцания», «душевный кризис» или «переживания» Карлейля. Вспомним еще раз психологический анализ личности Дантона и поймем, что Кареев действительно в плане содержания биографии эволюционирует в конце жизни в сторону особого интереса к психологии личности своих героев.

Если дополнить это наблюдение констатацией того, что как на протяжении всей карьеры, так и особенно в последние три десятилетия творчества Кареев пишет много биографических опусов о профессиональных историках для энциклопедических словарей,

то можно с полным основанием утверждать, что он выступил своеобразным предтечей биоисториографической формы в отечественной науке.

Библиография

1. Александров Е.П. Историческая биография как историографическая проблема: к изучению вопроса // Ученые записки РГСУ. М., 2008. № 4.
2. Кареев Н.И. По поводу нового сочинения о Наполеоне I. Th. Jung. Bonaparte et son temps. Paris, 1880 // Русская мысль. 1881. № 1. С. 15.
3. Кареев Н.И. Новая биография Мирабо (Das Leben Mirabeau's von Alfred Stern. Berlin, 1890) // Русская мысль. 1891. № 1. С. 25-37.
4. Кареев Н.И. Кутон (Жорж Couton) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1896. Т. 33. С. 138.
5. Кареев Н.И. Наполеон I // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т. 40. С. 539-546.
6. Кареев Н.И. Наполеон I // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 27. Пг., 1916. Стлб. 895-906.
7. Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. Изд. 2-е, с доб. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1914. XI+574 с.
8. Кареев Н.И. Жорж Жак Дантон. Биографический очерк // Вестник Европы. 1915. № 9. С. 116-154.
9. Кареев Н.И. Томас Карлейль. Его жизнь, его личность, его произведения, его идеи. Пг.: Брокгауз и Ефрон, 1923. 161 с.
10. К новому пониманию человека в истории: Очерки развития современной западной исторической мысли / Под ред. Б.Г. Могильницкого. Томск: Изд-во Том. ун-та, 1994.
11. Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель (1869–2007) / сост. В.А. Филимонов. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 224 с.
12. О. Наполеон как полководец // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. СПб., 1897. Т. 40.
13. Репина Л.П. Личность и общество, или История в биографиях. Вместо предисловия // История через личность: Историческая биография сегодня. 2-е изд. М., 2010.
14. Rotberg R. Biography and Historiography: Mutual Evidentiary and Interdisciplinary Considerations // Journal of Interdisciplinary History. Vol. 40, № 3.

Чиглинец Евгений Александрович, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, Казань, Россия.

Kareev as a historian-biographer

The article examines the historic-biographic heritage of N.I. Kareev, works mainly devoted to the life and activities of major figures of the French Revolution and the Napoleonic era, published in the Brockhaus and Efron Encyclopedic Dictionary and journals, traces the genesis of interest in biographies and the evolution of the form of biographical writings in the work of Kareev, right up to the creation of the biography of T. Carlyle, which the author of the article considers the prototype of modern intellectual biography.

Keywords: N.I. Kareev, historical biography, Napoleon I, encyclopedic article, T. Carlyle, intellectual biography

Chiglintsev Yevgeniy Aleksandrovich, *Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia.*

Раздел 2

НАУЧНАЯ ШКОЛА Н.И. КАРЕЕВА И РАЗВИТИЕ СХОЛАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ НАУКЕ

УДК 930.2: [+002:2]

Зезегова О.И.

Школа Н.И. Кареева: по материалам энциклопедических и биобиблиографических изданий

Статья посвящена изучению сведений о Н.И. Карееве и его учениках в энциклопедических и справочных изданиях. Особое внимание уделяется обзору электронных справочных ресурсов по указанной проблематике.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, школа Н.И. Кареева, учитель – ученик, энциклопедистка

Дефиниция «школа Н.И. Кареева» в настоящее время не нашла отражения в российской энциклопедистике. Мы можем лишь обнаружить энциклопедические статьи об участниках школы Н.И. Кареева, а также констатировать, что количество их увеличивается с каждым годом.

Первые справочные статьи об учениках Н.И. Кареева и самом основателе школы были прижизненными, отсюда вытекает неполнота содержащейся в них информации. Так, появились статьи о Н.И. Карееве в биографическом словаре профессорско-преподавательского состава Санкт-Петербургского университета [11], немецкой энциклопедии Мейера [33], энциклопедическом [16] и новом [17] энциклопедическом словарях Брокгауза и Ефрона, словаре братьев А. и И. Гранат [6], энциклопедии под редакцией С.Н. Южакова [14]. Энциклопедической статьёй в словаре Брокгауза и Ефрона был отмечен В.А. Мякотин, автором которой являлся Кареев [13].

Революция 1917 года в России не остановила развития энциклопедического дела. В советский период вышло три издания «Большой советской энциклопедии» и три издания «Малой советской энциклопедии». В большой (2 и 3 изд.) и малой (1 и 2 изд.)

версиях советской энциклопедии были помещены статьи о Карееве, пронизанные излишней идеологизированностью и ориентацией исключительно на марксистско-ленинскую теорию. Так, в «Малой советской энциклопедии» в справке о Карееве указано: «Вёл ожесточенную борьбу с марксизмом» [18]. Первой посмертной статьёй о Карееве стала публикация П. Милюкова в «Encyclopedia of the Social Sciences» (Нью-Йорк), в которой очерчен жизненный и творческий путь профессора, в т.ч. его вклад в историческую и социологическую науки [34]. В России сложилась многоуровневая система энциклопедических изданий, в состав которой входили терминологические словари, отраслевые и общие справочники. Сведения о Карееве содержатся в энциклопедиях философской [2], исторической направленности [3; 29], в региональных советских энциклопедиях [19, с. 482]. Нельзя не упомянуть в связи с изучением справочного материала о Карееве и его учениках «Словарь псевдонимов» И.Ф. Масанова [23].

В постсоветской России справочная библиографическая и энциклопедическая литература получила новый виток развития сначала в силу либеральных преобразований, возможности публикации подобных изданий на местах благодаря высокому уровню науки и издательской деятельности в учебных заведениях, а позже благодаря появлению электронных свободных энциклопедий, история которых насчитывает уже более двадцати лет. Продолжают обновляться и издаваться отраслевые справочники по философии [10; 12; 20; 26; 27; 28], истории [21; 32], социологии [1], политологии [22], культурологии [24; 25] в которых упоминается имя известного ученого Н.И. Кареева, оставившего значимых след в указанных науках. На постсоветском пространстве начали выходить справочники персоналий, жанр энциклопедических изданий, который в советское время был весьма ущербен в силу идеологических препон. Большую активность в этом начинании продемонстрировали ученые университетов. В Саратове издан библиографический словарь «Историки России XX века» [31], в Казани – библиографический указатель, посвященный Карееву [15], в Нижнем Новгороде – библиографическая справка о Н.П. Соколове [30].

В 2002 году Указом президента РФ была организована работа по изданию «Большой российской энциклопедии», опубликованной в 2004–2017 гг. в 35 томах и вводного тома «Россия». В связи с необходимостью актуализации информации в некоторых областях появилась электронная версия указанного издания, которую курирует Министерство культуры РФ. В «Большой Российской эн-

циклопедии» появилась статья о Мякотине [7], была обновлена статья о Карееве.

Первой попыткой создания комплексного справочного материала об учениках Кареева можно считать электронный ресурс Санкт-Петербургского государственного университета Биографика СПбГУ, начало формирования которого было положено в 2012 году. Ресурс имеет шесть вкладок, две из которых в настоящее время находятся в процессе подготовки. При обращении к вкладке «Петербургская историческая школа (XVIII – начало XX вв.)» и наборе фамилии Кареева выходит одна запись, составленная авторами-редакторами Е.А. Ростовцевым, И.В. Сидорчуком, со следующими рубриками: Вероисповедание, Социальное происхождение, Семейное положение, Место рождения, Место смерти, Место захоронения, Образование, Учителя, Годы научной деятельности, Этапы научной деятельности, Основные вехи жизни, Общественная деятельность, Область научных интересов, значение в науке, Диссертации, Основные курсы, Ученики, Публикационная активность, Основные труды, Основная библиография, Архивы и личные фонды. Для определения научной школы наиболее важными являются рубрики: Область научных интересов, значение в науке, Учителя, Ученики. В рубриках, посвященных научным интересам, ученикам, не упоминается понятия «школа Н.И. Кареева». Но вместе с тем указывается: «Теоретический подход К. по отношению к историческому знанию поставил его в обособленное положение по отношению как к господствующему "эмпирическому" направлению петербургской школы (в области всеобщей истории В.Г. Васильевский, Ф.Ф. Соколов и их ученики; русской истории – традиция К.Н. Бестужева-Рюмина, С.Ф. Платонова), так и к теоретическому лагерю петербургской школы, который связан с именем А.С. Лаппо-Данилевского, приверженца неокантианской философии истории» [29].

Среди учеников Кареева на ресурсе указаны: В.В. Бирюкович, В.А. Бутенко, Э.Д. Гримм, Е.Н. Петров, И.Л. Попов-Ленский, М.Г. Васильевский, А.М. Ону. В биографике о Бирюковиче, Бутенко, Гримме, Ону отсутствует часть рубрик. В настоящее время на ресурсе не представлены сведения о Попове-Ленском, Петрове, Василевском. Не указаны в качестве учеников Кареева в профиле профессора Я.М. Захер, П.П. Митрофанов, П.П. Щеголев, С.М. Глаголева (Данини), А.А. Леман-Матвеева, Н.П. Соколов, но данные о них имеются. Вместе с тем стоит отметить, что разработчики готовы к диалогу, готовы с благодарностью рассмотреть любые предложения содержательного и технического характера ради развития

и совершенствования ресурса. Например, год назад авторы статьи В.П. Золотарев и А.А. Кутузова [9] сетовали на отсутствие сведений о специалисте по «бешеным» Я.М. Захере на сайте Санкт-Петербургского государственного университета, в настоящее время такая статья появилась.

В условиях постиндустриального общества широкую популярность получила всемирная сетевая энциклопедия Wikipedia, ставшая популярным информационным ресурсом. Русскоязычная версия сетевой энциклопедии занимает седьмое место по объему опубликованного пользовательского контента. Автором статьи может стать любой пользователь, в связи чем имеет место недоверие к данному ресурсу. Достоверности ради следует отметить, что публикации редактируются, а непроверенная информация удаляется. Всемирная сетевая энциклопедия достаточно мобильна и быстро реагирует на потребности, в т.ч. научного сообщества. Например, довольно подробная статья о В.В. Бирюковиче в Wikipedia появилась гораздо раньше, чем на профессиональном ресурсе Санкт-Петербургского государственного университета. В 2016 году к автору данной статьи обратился историк-аспирант, написавший несколько публикаций для Wikipedia об ученых, которые были ему интересны. Так, благодаря человеку, хобби которого является тема генезиса капитализма и творчество советских историков, появилась обширная статья в «народной» сетевой энциклопедии. В настоящее время в Wikipedia представлены статьи о Карееве, Бирюковиче, Бутенко, Гримме, Захере, Мякотине, Ону, Митрофанове.

На сайтах государственных и общественных организаций имеются справочные рубрики. В контексте рассматриваемой тематики следует отметить сайты: «Общество друзей Школы Карла Мая», «Российская национальная библиотека», «Фонд Иофе», «Еврейский мемориал». На первом ресурсе помещена информация об ученике школы Мая П.П. Щеголеве, преподавателе Н.П. Соколове [8], на втором – о сотруднике Российской национальной библиотеки М.А. Буковецкой (Муфель) [4]. На сайте общественного архива «Фонд Иофе» имеются биографические сведения о С.М. Данини (Глаголевой) [5]. На сайте «Еврейский мемориал» представлены фотографии могил лиц еврейского происхождения, в т.ч. Я.М. Захера.

На наш взгляд, в связи с имеющимся многочисленным эмпирическим материалом и достаточно сформировавшимися методологическими подходами пришло время подготовить энциклопедическую статью о школе Николая Ивановича Кареева.

Библиография

1. Абушенко В.Л. Кареев Николай Иванович // Энциклопедия социологии / сост. А.А. Грицанов и др. М.: Книжный дом, 2003. С. 793.
2. Арефьева Г. Кареев Николай Иванович // Философская энциклопедия: в 2-х т. Т. 2. М.: Советская энциклопедия, 1962. С. 457-458.
3. Вебер Б.Г. Кареев Николай Иванович // Советская историческая энциклопедия. М.: Советская энциклопедия, 1965. Т. 7. Стлб. 27-29. – URL: <http://history.niv.ru/doc/encyclopedia/soviet-historical/articles/1747/kareev.htm> (дата обращения: 25.09.2020).
4. Вольфцун Л.Б. Буковецкая Мария Аркадьевна // Сотрудники РНБ – деятели науки и культуры: биографический словарь. Т. 1–4. – URL: http://nlr.ru/nlr_history/persons/info.php?id=527 (дата обращения: 24.09.2020).
5. Данини (Глаголева) Софья Михайловна // Электронный архив научно-информационного центра «Фонд Иофе» (Санкт-Петербург). – URL: <http://arch.iofe.center/search/simple> (дата обращения: 18.09.2020).
6. Дживелегов А.К. Кареев Николай Иванович // Энциклопедический словарь товарищества «Братьев А. и И. Гранат и К^о». Т. XXIII. СПб.: [1916]. Стлб. 575-576.
7. Емельянов Ю.Н. Мякотин Венедикт Александрович // Большая российская энциклопедия. – URL: https://bigenc.ru/domestic_history/text/2242620 (дата обращения: 16.09.2020).
8. [Зезегова О.И.] Павел Павлович Щёголев 10.06.1903 – 03.01.1936 // Сайт школы Карла Мая. – URL: http://www.kmay.ru/sample_pers.phtml?n=3557 (дата обращения: 18.10.2020).
9. Золотарев В.П., Кутузова А.А. Я.М. Захер в историографии // Диалог со временем. 2020. Вып. 70. М.: Аквилон, 2020. С. 171-185.
10. Исаев А. Кареев Николай Иванович // Русская философия: Словарь / под общ. ред. А.И. Алешина. М.: Республика, 1995. С. 244.
11. Кареев Н.И. [Автобиография] // Биографический словарь профессоров и преподавателей имп. С.-Петербургского университета за истекшую третью четверть века его существования: 1869–1894: [в 2-х т.]. Т. 1. СПб.: тип. и литорг. Б.М. Вольфа, 1896. С. 296-302.
12. Кареев // Алексеев П.В. Философы России XIX–XX столетий. Биографии, идеи, труды. М.: Академ. проект, 2002. С. 409-410.
13. Кареев Н.И. Мякотин, Венедикт Александрович // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 20. СПб., 1897. Стлб. 376.
14. Кареев Ник[олай] Ив[анович] // Большая энциклопедия. Словарь общедоступных сведений по всем отраслям знаний / под ред. С.Н. Южакова и др.: Книгоиздательское т-во «Просвещение»: Библиографический ин-т (Мейер) в Лейпциге и Вене. СПб., 1902. Т. 10. С. 595.
15. Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель (1869–2007) / сост. В.А. Филимонов. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 224 с.
16. Кареев (Николай Иванович) // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 28. СПб., 1895. С. 650-651.
17. Кареев Николай Иванович // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 21. СПб., [1914]. Стлб. 157-158.
18. Кареев, Николай Иванович // Малая советская энциклопедия. 2-е изд. Т. 5. М., 196. С. 295-296.
19. Кареев Николай Иванович // Украинская советская энциклопедия. Т. 4. Киев, 1980. С. 482.
20. Кареев Николай Иванович // Философы России XIX–XX столетий / под ред. П.В. Алексеева. М.: Акад. проект, 1999. С. 247-248.

21. Карев В.М. Кареев Николай Иванович // Отечественная история: энциклопедия: В 5 т.: т. 2: Д–К / Редкол.: В.Л. Янин (гл. ред.) и др. М.: Большая Российская энциклопедия, 1996. С. 504-505.
22. Логинова Л.Ф. Кареев Николай Иванович // Политическая энциклопедия. В 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1999. С. 493.
23. Масанов И.Ф. Словарь псевдонимов. Т. I–IV. М., 1956–1960.
24. Пустарнаков В.Ф. Кареев Николай Иванович // Культурология. XX век. Энциклопедия: в 2-х т. Т. 1. СПб.: Университетская книга, 1998. С. 295-298.
25. Пустарнаков В.Ф. Кареев Николай Иванович // Культурология. Энциклопедия. В 2-х т. Т. 1. М.: РОССПЭН, 2007. С. 900-902.
26. Пустарнаков В.Ф. Кареев Николай Иванович // Пустарнаков В.Ф. Университетская философия в России. Идеи. Персоналии. Основные центры. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 2003. С. 418-419.
27. Резниченко А.И. Кареев Николай Иванович // Новая философская энциклопедия. В 4 т. Т. 2. М.: Мысль, 2001. С. 442.
28. Сафронов Б.Г. Кареев Николай Иванович // Русская философия. Словарь / Под ред. М.А. Маслина. М.: Республика, 1995. С. 218-219.
29. Сетевой биографический словарь историков Санкт-Петербургского университета XVIII – XX вв. – URL: <https://bioslovhist.spbu.ru>
30. Фионова Н.А. Николай Петрович Соколов. Библиографическая справка. Горький: Изд-во ГГУ, 1990. 16 с.
31. Чернобаев А.А. [авт.-сост.] Историки России XX в. Библиографический словарь. Т. 1. Саратов, 2005. 574 с.: Золотарев В.П. Кареев Николай Иванович. С. 401.
32. Чернявский Г.И. Кареев Николай Иванович // Славяноведение в дореволюционной России. Библиографический словарь-справочник. М., 1979. С. 174-175.
33. Karejew, Nicolaus // Meyers Koonversations-Lexicon. Leipzig. 1885–1892. – URL: <https://peter-hug.ch/lexikon/karejew>
34. Miliukov P. N.I. Kareyev // Encyclopedia of the Social Sciences / Ed.-in-chief E.R.A. Seligman, ass. ed. A. Johnson. N.Y., MCMXXXII. Vol. 8. P. 545-546.

Зезегова Ольга Ивановна, кандидат исторических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия; oizezegova@mail.ru

N.I. Kareev School: based on the materials of encyclopedic and biobibliographic publications

The article is devoted to the study of information about N. I. Kareev and his students in encyclopedic and reference publications. Special attention is paid to the review of electronic reference resources on this issue.

Keywords: N.I. Kareev, N.I. Kareev school, teacher-student, encyclopedist

Zezegeva Olga Ivanovna, Candidate of History, Associate Professor, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Pitirim Sorokin Syktyvkar State University», Syktyvkar, Russia; oizezegova@mail.ru

Зипунникова Н.Н.

Схоларная проблематика в юридических и историко-правовых исследованиях: некоторые вопросы

В статье обозначена проблема недостаточной проработки схоларных вопросов в юридической и историко-правовой науке. Показана значимость для юристов выработки определений «научной школы» в законодательстве и доктрине. Представлены примеры презентации отдельных школ и их признаков. Исследовательская ситуация схоларной проблематики охарактеризована как эклектичная. Одной из причин определена специфика привлекаемого круга источников. Перспективным видится обращение правоведов к опыту, накопленному в исторической науке.

Ключевые слова: научная школа, ведущая научная школа, дискуссии, легальные дефиниции, схоларные исследования правоведов и историков права, С.В. Юшков, кафедра, юридическое источниковедение, опыт исторической науки

Высокая частотность использования категории «научная школа» в трудах отечественных юристов, а также историков права, увы, отнюдь не свидетельствует о глубокой проработке схоларной проблематики: сложившуюся исследовательскую ситуацию скорее можно определить как эклектичную. Преимущественными поводами к размышлениям о научной школе закономерно выступают юбилеи (университетов, кафедр, лабораторий, ученых-правоведов, др.), науковедческая «прошивка» нередко носит фрагментарный характер, а термин «школа», видимо, как общеизвестный, употребляется в подразумеваемых значениях. Лишь иногда можно встретить отсылки к представленным в ставшем классическом сборнике «Школы в науке» (1977 г.) статьям, хотя специалисты, прицельно обозначающие данную проблематику своим исследовательским интересом, осмысливают идеи М.Г. Ярошевского, А.П. Огурцова, Г. Лайтко и других авторов.

В специальных работах юристов подчеркивается, что «основные исследования проблематики научных школ встречаются в науковедческой, социологической, психологической и педагогической литературе». Особое внимание при этом уделяется проблеме отсутствия «адекватного закрепления» понятия научной школы в российском праве [6, с. 6-7]. Так, категорию «ведущая научная школа» содержит Постановление Правительства РФ от 27 апреля 2005 г. (с последующими изм. и доп.) № 260 «О мерах по государственной поддержке молодых российских ученых – кандидатов и докторов наук и ведущих научных школ Российской Федерации». Интерес юристов к легальным дефинициям закономерен. В процессе выработки локальных нормативных правовых актов о (веду-

щих) научных школах и их регистрации в университетах возникают дискуссии о понятии, принципах формирования научной школы, количественных и качественных показателях соответствия ей и по иным вопросам [24, с. 44-45]. В Положении о регистрации ведущих научных школ УрГЮА (ныне – УрГЮУ) 2010 г. под ведущей научной школой понимается сложившийся коллектив научно-педагогических работников, занимающийся научными исследованиями в определенном направлении, а также имеющий высокий уровень подготовки научно-педагогических кадров высшей квалификации. Ведущая научная школа может развиваться как в рамках структурного подразделения вуза, так и без формальной принадлежности к таковому. Что важно, в документе закреплены критерии отнесения научно-педагогических коллективов к ведущей научной школе. В их числе – наличие одного или нескольких лидеров – признанных научным сообществом ученых, работающих в вузе, а также не менее трех одновременно представленных научных поколений по направлению исследований научной школы, высокая активность в подготовке кадров высшей квалификации, наличие нескольких докторов наук, сформированных в данном коллективе, высокое качество исследований, признание коллектива на российском и международном уровнях, широкое участие в образовательном процессе, др. [2].

Весьма показательной в исследовательском отношении является презентация проблематики научных школ в одном из выпусков авторитетного периодического издания – «Журнала российского права», посвященном 90-летию юбилею ведущего научного учреждения страны (Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ) [30, с. 5-6]. Из 17 представленных статей в названиях девяти обозначена «школа» (правотворческая, конституционно-правовая, цивилистическая и др.), в контекстах «традиций», «перспектив», «формирования» и «развития»; в иных работах показаны «концепции», «теории и их истоки» [17, с. 57-66; 5, с. 162-164; 9, с. 66-73]. Так, свидетельством активного развития школы публичного права называется создание кафедр, отделов и центров публичного права, защиты диссертаций, книги и статьи [28, с. 23]. Или предлагается «развертка», в соответствии с которой развитие научной школы (международного публичного права) основано на концепции поддержания системы научных воззрений, представляющих собой вклад в разработку ряда направлений современного международного права и обеспечения преемства в науке, на подготовке и воспитании научных кадров новых поколений; подчеркивается, что проявляется стремле-

ние к достижению убедительных результатов в проводимых исследованиях исходя из того, что научная школа должна развиваться как генератор идей, концепций, обобщений, получающих признание и востребованность [27, с. 56]. При анализе еще одной научной школы (экологического права) отмечено, что у любой научной школы имеется ряд характерных признаков: наличие системы научных идей, воззрений в определенной области научного знания и носителей данного научного знания, институциональной структуры (вуз, НИИ), аспирантуры и диссертационного совета [10, с. 105].

«Не претендуя на «инвентаризацию» написанного» по проблематике научных школ, но рассматривая сложившиеся в исследованиях подходы, И.В. Ершова отмечает, что определения понятия «научной школы» в праве и доктрине пока не выработано, имеется стремление конструировать его через набор содержательных признаков; автор также положительно отвечает на вопрос о существовании потребности в едином определении научной школы [6, с. 7-8].

Не самая простая ситуация с концептом «научная школа» наблюдается в историко-правовой науке, хотя термин «школа» глубоко в ней укоренен. Так, в конце XIX столетия в предисловии к своему ставшему классическим труду «Историческая школа юристов» выдающийся правовед П.И. Новгородцев (1866–1924) отмечал: «Недостаток работ в этой области сказывается, между прочим, и в том, что до сих пор еще не установлено общее обозначение, под которое одинаково могли бы подойти и так называемая историческая школа, и все позднейшие преобразования... Установление общего понятия, одинаково объемлющего все частные определения, является делом весьма желательным. Я предложил бы, со своей стороны, название «Историческое направление в юриспруденции»» [21, с. 11]. Действительно, «историческая школа» юристов – это направление, течение...

Анализ ряда публикаций показывает, что в осмыслении историко-правовых школ при назывании таковыми определенных коллективов синтезируются (читай: смешиваются) различные критерии, признаки, свидетельства. Значительное внимание уделяется, например, фигуре С.В. Юшкова, справедливо называющегося основоположником истории государства и права СССР, теоретиком этой науки, автором первого учебника [32]. «Даже название дисциплины и соответствующее направление науки – «История государства и права» обязано своим происхождением этому ученому, который создал теоретические основы науки истории государства

и права, сформулировав ее предмет», – пишут о нем современные авторы [16, с. 122]. С.В. Юшков работал в различных научных учреждениях и вузах страны; вряд ли можно утверждать, что к настоящему времени исследованы все нюансы «юшковианы». Кроме прочего, ученый – крупнейший специалист в области древнерусской истории, юридического источниковедения – работал на Урале в середине 1930-х гг. и стал первым заведующим кафедрой истории государства и права (1936–1938) Свердловского юридического института (позднее – УрГЮА, ныне – УрГЮУ), став фактически ее создателем. В числе его учеников – И.Д. Мартысевич, чье научное становление связано с кафедрой и вузом [31, с. 87-98].

Среди не всегда внятно обозначаемых проблем фигурирует различие истории коллектива (например, кафедры) и научной школы, что следует из публикаций, в частности, по истории СЮИ-УрГЮА–УрГЮУ. Применительно к историко-правовой науке это особенно заметно: одним из первых профессоров еще в Иркутске [7] был историк права С.П. Покровский [8, с. 133-138], основателем кафедры истории государства и права СЮИ, как показано выше, стал Юшков, однако (ведущая) научная школа официально показывается с более позднего времени [1]. Похожую ситуацию можно исследовать и на примере уральской школы конституционного права (кафедра и школа, их история показываются переплетенными, но не синонимичными) [29, с. 30-55 и далее].

Постоянным, но не всегда успешным «срезом» схолярной проблематики выглядит исследование взаимоотношений «учитель – ученик», специфических типов коммуникации. В данном вопросе у юристов и историков права, как думается, при всем богатстве разнообразных кейсов, пока затруднительно определять какие-то подходы или констатировать сформировавшиеся конвенции. Например, о выдающемся правоведо Б.Б. Черепяхине – основателе уральской школы цивилистики не без оснований пишут, что своими учениками, писавшими кандидатские диссертации под его руководством, он считал 19 ученых, из них семь – в Свердловске, остальные – в Ленинграде; докторами юридических наук стали четверо его учеников, в том числе С.С. Алексеев. При этом указывается, что «научная генеалогия уральской школы цивилистов уходит корнями в дореволюционное прошлое русской науки гражданского права»: в частности, наставником Черепяхина был профессор А.А. Симолин, его учителем Г.Ф. Шершеневич [19, с. 906-909]. Такие «цепочки» исключительно важны, но требуют тщательных исследований, острого взгляда через соответствующий (схолярный) окуляр.

Как представляется, более основательному познанию схолярной проблематики препятствуют устоявшиеся подходы к «должной» источниковой базе юридического исследования: правоведы, как правило, акцентируют внимание на законодательстве, практике его применения, доктринальных нюансах. Иные источники познания (к примеру, разнообразные эго-источники), как и в целом источниковедческие вопросы, остаются на исследовательской периферии, хотя историками права в последние годы предпринято немало усилий для «расширения» данных границ [11; 12; 13].

Принципиальным для плодотворного решения заявленной проблематики, в русле меж-, транс- и полидисциплинарных исследований, видится более внимательное отношение правоведов к накопленному опыту в современной социогуманитаристике, в том числе в отечественной исторической науке [20; 22; 23; 18; 15; 14; 4; 3; 25; 26; др.]. Успешно апробированные подходы к исследованию научных школ (институциональный, антропологический, культурологический, коммуникативный), изучение опыта столичных и провинциальных школ, преемственности научных идей и разрывов традиций как схолярных практик, осмысление историками разнообразных конфликтов в научной среде и других вопросов не могут не способствовать продвижению в (само)познании правоведами собственных традиций. Признавая важность поиска, выработки в доктрине и законодательстве дефиниций, находим еще более важным поиск схолярных смыслов...

Библиография

1. URL: <https://xn--c1azic8c.xn--plai/science/science-school/i-u-i-riz-pr.php> (дата обращения: 21.09.2020).
2. URL: <https://xn--c1azic8c.xn--plai/upload/medialibrary/337/3374dde8fd12e68f651bb57ea5599de6.pdf> (дата обращения: 20.09.2020).
3. Алеврас Н.Н. Проблема лидерства в научном сообществе историков XIX – начала XX века // Историк в меняющемся пространстве российской культуры: Сб. ст. Челябинск, 2006. С. 117-126.
4. Беленький И.Л. Научно-исторические школы в отечественной историографии: материалы к библиографии // Россия и современный мир. Проблемы. Мнения. Дискуссии. События. 2003. № 1 (38). С. 270-277.
5. Бочарникова М.А. Формирование и развитие научно-правовых концепций // Журнал российского права. 2015. № 9. С. 162-164.
6. Ершова И.В. Научные школы: закон, доктрина, практика // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 11. С. 6-19.
7. Зипунникова Н.Н., Калинина А.В., Елисова Н.С. От юридического факультета Иркутского университета к Сибирскому институту советского права: иркутские корни вузовской истории (посвящение 100-летию Уральского государственного юридического университета) // Genesis: исторические исследования. 2018. № 8. С. 11-28. – URL: https://e-notabene.ru/hr/article_26607.html (дата обращения: 21.09.2020).

8. Казарин В.Н., Лякутина Ю.П. Юридическое образование в Восточной Сибири (1918–1991 гг.). Иркутск, 2012. 483 с.
9. Кашепов В.П. Об истоках криминологических теорий в уголовном праве России // Журнал российского права. 2015. № 9. С. 66-73.
10. Кичигин Н.В. Научная школа экологического права // Журнал российского права. 2015. № 9. С. 103-111.
11. Кодан С.В. Источники личного происхождения в изучении истории советского государства и права: теоретические и методологические основы исследования // UNIVERSUM JURIS. 2017. № 1. – URL: <http://www.universum-juris.org/?q=ru/node/32> (дата обращения: 20.09.2020).
12. Кодан С.В. Методология историко-юридического источниковедения: целевые установки, функциональная направленность, уровни организации познавательных средств // Genesis: исторические исследования. 2018. № 12. С. 67-80. – URL: https://e-notabene.ru/hr/article_28474.html (дата обращения: 20.09.2020).
13. Кодан С.В. Учебный курс «Юридическое источниковедение» в реализации государственных образовательных стандартов по подготовке аспирантов в юридическом вузе (из практики Уральского государственного юридического университета) // Современное образование. 2018. № 4. С. 171-181. – URL: https://author.nbpublish.com/pp/article_27336.html (дата обращения: 20.09.2020).
14. Корзун В.П. Научные сообщества историков России: практики антропологического описания (из лекционного опыта) // Вестник Челябинского университета. 2012. № 16 (270). Сер. История. Вып. 51. С. 99-109.
15. Корзун В.П. Научные сообщества как проблема современной историографии // Историк на пути к открытому обществу. Омск, 2002. С. 111–115.
16. Лафитский В.И., Залоило М.В. С.В. Юшков и историко-правовая школа // Журнал российского права. 2015. № 9. С. 121-131.
17. Марышева Н.И., Лазарева Т.П., Власова Н.В. Цивилистическая концепция международного частного права // Журнал российского права. 2015. № 9. С. 57-66.
18. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань, 2000. 295 с.
19. Насибуллин Р.А. Праведник ББЧ: штрихи и факты к портрету профессора Бориса Борисовича Черепашина (1894–1969 гг.) // Сто лет Уральскому государственному юридическому университету (1918–2018 гг.): в 2-х т. Т. 2 / под ред. А.С. Смыкалина. Екатеринбург, 2020. С. 875-919.
20. Наука и власть: научные школы и профессиональные сообщества в историческом измерении: мат-лы научн. конф. / отв. ред. Л.П. Репина. М., 2002. 110 с.
21. Новгородцев П.И. Историческая школа юристов. СПб., 1999. 192 с.
22. Репина Л.П., Бобкова М.С. «Невидимый колледж» интеллектуальной истории: опыт формирования междисциплинарных научных сообществ // Историк на пути к открытому обществу. Омск, 2002. С. 107-109.
23. Репина Л.П., Мягков Г.П. Интеллектуальная культура и научные коммуникации // Вестник Удмуртского университета. Сер. История и филология. 2014. Вып. 3. С. 137-142.
24. Ручкина Г.Ф. Научные школы в образовательных организациях: регламентация и деятельность (на примере Финансового университета при Правительстве Российской Федерации) // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2016. № 11. С. 43-49.
25. Свешников А.В. Кризис науки на поведенческом уровне // Мир историка: идеалы, традиции, творчество. Омск, 1999. С. 75-95.
26. Свешников А.В. Петербургская школа медиевистов начала XX века: попытка антропологического анализа научного сообщества. Омск, 2010. 406 с.

27. Тиунов О.И., Капустин А.Я., Бальхаева С.Б. Традиции и перспективы научной школы международного публичного права // Журнал российского права. 2015. № 9. С. 48-56.

28. Тихомиров Ю.А. Научная школа публичного права // Журнал российского права. 2015. № 9. С. 16-24.

29. Уральская школа конституционного права / отв. ред. М.С. Саликов. Екатеринбург, 2015. 208 с.

30. Хабриева Т.Я. Вступительное слово главного редактора // Журнал российского права. 2015. № 9. С. 5-6.

31. Эволюция российского и зарубежного государства и права. К 80-летию кафедры истории государства и права Уральского государственного юридического университета (1936–2016). Сб. научн. тр.: в 4-х т. Т. 1 / под ред. А.С. Смыкалина. Екатеринбург, 2016. 1023 с.

32. Юшков С.В. История государства и права СССР. Ч. 1. М., 1940. 594 с.

Zipunnikova Natalya Nikolaevna, кандидат юридических наук, доцент, кафедра истории государства и права, Уральский государственный юридический университет, г. Екатеринбург, Россия; zipunnikova@yandex.ru

Scholar Problems in Legal and Historical and Legal Studies: Some Issues

The article outlines the problem of insufficient study of scholarly issues in legal and historical-legal science. The importance for lawyers of the development of definitions of "scientific school" in legislation and doctrine is shown. Examples of presentation of individual schools and their features are presented. The research situation of scholar problems is characterized as eclectic. One of the reasons was determined by the specificity of the attracted circle of sources. The appeal of legal scholars to the experience accumulated in historical science seems promising.

Keywords: scientific school, leading scientific school, discussions, legal definitions, scholar studies of legal scholars and legal historians, S.V. Yushkov, department, legal source studies, experience of historical science.

Zipunnikova Natalya Nikolaevna, Candidate of History, Associate Professor, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia; zipunnikowa@yandex.ru

УДК 930 + 001.32

Иванова Т.Н.

Сотрудничество и соперничество как факторы развития научной школы: ученики В.И. Герье

Анализируются научные коммуникации между учениками В.И. Герье. Определяются границы этой научной школы. Выделяются общие основания для сотрудничества: единые взгляды по всеобщей истории, участие в оппонировании диссертаций, рецензирование книг, совместная работа в научных и общественно-просветительских обществах и др. Основной причиной соперничества между учениками Герье являлась борьба за профессорство в Московском университете. Ограниченность вакансий в alma mater приводила к острой конкуренции, которая порою выражалась в недружественных поступках соучеников по отношению друг к другу.

Ключевые слова: школа В.И. Герье, сотрудничество и соперничество, Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов, М.С. Корелин, Р.Ю. Виппер, Е.Н. Щепкин

Научные коммуникации в двух своих ипостасях сотрудничества и соперничества в XIX веке отличались от их проявлений в современной науке. Ограниченное количество научных / университетских центров, небольшое число ведущих ученых делало настоящим событием в науке выход в свет новой монографии, защиты магистерских/докторских диссертаций, повышало значимость личных связей в научной среде.

Рассмотрим это на примере научной школы профессора Московского университета В.И. Герье (1837–1919). Под его руководством защитили магистерские диссертации Н.И. Кареев (1879), П.Г. Виноградов (1880), М.С. Корелин (1892), Р.Ю. Виппер (1894), П.Н. Ардашев (1901), С.А. Котляревский (1901), Е.Н. Щепкин (1902). К этому сообществу, находившемуся в тесном научном общении, можно отнести С.Ф. Фортунова (писавшего, но так и не защитившего диссертацию), Д.Н. Егорова, М.М. Хвостова и др. [6, с. 642].

Большое значение для формирования этого научного сообщества имел вечерний семинарий, который Герье в 1870-е гг. стал проводить у себя на дому. Здесь для обсуждения научно-учебных докладов собирались вместе студенты университета, слушательницы Высших женских курсов, магистранты и молодые ученые. П.Г. Виноградов позже писал Герье: «Постановкой тем, ведением прений Вы предавали широкий простор собственной инициативе участников и свободе мнения» [10, л. 1].

Особенностью школы Герье была энциклопедическая широта научных интересов её участников, что создавало у них общее поле для сотрудничества. Все эти учёные возводили истоки своего сообщества к традициям Т.Н. Грановского и считали идею всеобщей истории парадигмой своей научной деятельности. Несмотря на то, что темы их научных монографий и диссертаций отличались, сложившаяся практика сотрудничества привела к тому, что они выступали оппонентами на диспутах друг друга, писали рецензии на работы коллег [1; 7; 12 и др.]. Кроме того, учёных сближала их общая преподавательская деятельность в российских университетах. Когда в 1890 г. Н.И. Кареев выступил с письмом против новых учебных планов для университетов, в которых сужалось число курсов по всеобщей истории, его подписали В.И. Герье, П.Г. Виноградов и др. [11].

Школа В.И. Герье сформировалась в 1870-е гг. как научно-педагогическая, основной её целью было обеспечение Московского университета специалистами по всеобщей истории высшей квалификации [5]. Ведущая роль Герье с годами изменилась, т.к. его ученики превзошли своего учителя по уровню своих научных работ, и уже в 1890-е гг. учительская школа превращается в научное сообщество по типу «невидимого колледжа». Сотрудничество в нём осуществлялось, теперь и помимо Герье, между бывшими соучениками. Г.П. Мягков определяет новое сообщество как «русскую историческую школу» [9].

Ученые вместе принимают активное участие в создании научных и общественно-просветительских обществ. Большое значение имела их деятельность по становлению высшего женского образования в России. На Высших женских курсах, организованных Герье в Москве, работали П.Г. Виноградов, М.С. Корелин, С.Ф. Фортунов и др. [3].

В 1892 г. Н.И. Кареев возглавил исторический отдел энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона и привлёк к сотрудничеству в нём П.Н. Ардашева, Р.Ю. Виппера, В.И. Герье, М.С. Корелина и др. [6, с. 595].

Ученики Герье находились между собой в тесном личном общении, несмотря на то что с течением времени жизнь разбросала их по разным городам (Москва, Санкт-Петербург, Киев, Нежин, Одесса, Дерпт, Оксфорд и др.). Сохранилась обширная переписка учеников с учителем и между собой [10]. Она касается научных проблем, особенностей преподавания, вопросов публикации и рецензирования работ, создания научных обществ и различных общественно-политических инициатив.

Однако именно в этой переписке выявляются и основные линии соперничества учёных, диады и триады друзей и недоброжелателей. Основной причиной этого соперничества являлось стремление каждого из учеников стать профессором именно в Московском, а не другом университете. Количество профессорских ставок на историко-филологическом факультете было ограничено, и при этом существовала конкуренция за них между отдельными кафедрами. Имеющаяся возможность преподавания в качестве приват-доцента не приносила большого дохода и уверенности в завтрашнем дне. С 1865 г. Герье долгие годы был единственным преподавателем на кафедре всеобщей истории, что требовало от него ведения всех курсов от античности до современности. В начале 1870-х годов он озаботился задачей подготовки молодых учёных, которые могли бы стать его коллегами на кафедре.

Вольно или невольно Герье создавал конкуренцию, оставляя при университете для подготовки к профессорскому званию избыточное количество учеников. Возможно, это объяснялось тем, что два его первых ученика Н.Н. Высотский и Ф.С. Фортунатов надежду Герье не оправдали. Последний всё же стал учёным, преподавал и в Московском университете, и на Высших женских курсах, но диссертации так и не защитил [4].

Наиболее явное соперничество образовалось между Н.И. Кареевым и П.Г. Виноградовым, хотя в студенческие годы они дружили. Кареев вспоминал: «Мы очень быстро сблизились, стали часто видеться вне стен университета, бывать друг у друга» [2, л. 2-2об].

В течение ряда лет эти талантливые учёные сотрудничали, помогали учителю в преподавании. Однако в конечном итоге Герье оставил на кафедре Виноградова, а не Кареева, который раньше защитил диссертацию. Для Кареева же Герье выхлопотал ставку профессора в Варшавском университете, что огорчило молодого учёного и на несколько лет прервало его общение с учителем [6, с. 592]. Это привело и к охлаждению отношений между Виноградовым и Кареевым. Определённую роль в этом сыграл ещё один, оставленный в университете ученик Герье М.С. Корелин. Он тесно дружил с Кареевым ещё с гимназической скамьи. Они всегда поддерживали друг друга, и после отъезда Кареева находились в постоянной переписке. Для Корелина Виноградов был конкурентом на кафедре всеобщей истории в Москве. В начале 1890-х годов в отношениях Герье и Виноградова наметился кризис. Авторитет Павла Гавриловича среди студентов растёт, а Владимир Иванович в эти годы переходит на более консервативные позиции [8]. Герье теперь видит своего преемника в лице Корелина, а не Виноградова [10, к. 33, ед. хр. 3, л. 42 об].

В эти же годы нарастает соперничество между бывшими однокашниками и друзьями М.С. Корелиным и Р.Ю. Виппером. Когда в 1892 году на диспуте Корелина Герье предлагает дать ему вместо магистерской степени сразу докторскую, П.Г. Виноградов голосует против. А когда в 1894 году Герье предложил аналогично сразу присудить докторскую степень Р.Ю. Випперу, Корелин, хотя и проголосовал «за», но «в глубине души был против этого» [12, ч. II, л. 34]. Но именно Корелин помогает Випперу получить профессорскую кафедру в Новороссийском университете. В Одессе Випперу не понравилось, и он предпринимает несколько попыток перебраться в Москву, однако вакансий там, в университете, не было. Только преждевременная смерть М.С. Корелина в 1899 г. даёт Випперу возможность занять место штатного профессора. Герье, в силу

возраста, переходит на ставку сверхштатного профессора. В 1901 г. Виноградов по политическим причинам подает в отставку и уезжает в Оксфорд.

Наступает эпоха лидерства Р.Ю. Виппера на кафедре, при этом он, на наш взгляд, совершает ряд сомнительных с нравственной точки зрения поступков. Так, он отказывается делать доклад на заседании, посвященном памяти его друга М.С. Корелина, резко сужает общение с Герье. В 1909 г. Виппер демонстративно не приходит на официальное празднование юбилея своего учителя, а когда в 1919 г. Владимир Иванович умирает, он выступает против создания комиссии по увековечиванию памяти учителя [13, л. 61].

Виппер сыграл свою роль и в том, что в 1906 г. профессором кафедры всеобщей истории был избран не П.Г. Виноградов, а Д.М. Петрушевский. Р.Ю. Виппер выступил против защиты диссертации Е.Н. Щепкина, ученика В.И. Герье [10, к. 46, ед. хр. 56, л. 1-10б.].

Таким образом, описанная выше конкуренция, в основном, касалась возможности стать профессором Московского университета. Это негативно сказывалось на личных взаимоотношениях учеников В.И. Герье. И хотя научное сотрудничество ученых продолжалось, некоего акта коммеморации, ощущения учениками своей общности и принадлежности к единой школе в начале XX века уже не было.

Библиография

1. Ардашев П.Н. [Рец. на кн.:] Корелин М.С. Падение античного мирозерцания. Культурный кризис в Римской империи. СПб., 1895 // Русское богатство. 1896. № 1. С. 95-96.
2. Архив Московского государственного университета (АМУ). Ф. 213. Оп 1. Ед. хр. 57.
3. Владимир Иванович Герье и Московские высшие женские курсы: мемуары и документы. М.: Изд-во МПГУ, 1997. 158 с.
4. Иванова Т.Н., Агеева Н.Н. Род Фортунатовых: фортуна в колесе российской истории XVII – XXI веков // Диалог со временем. 2019. № 66. С. 392-404.
5. Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Школа В.И. Герье: основные черты и место в научном пространстве России // Диалог со временем. 2013. № 44. С. 165-185.
6. Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М.: Аквилон, 2014. 848 с.
7. Кареев Н.И. [Рец. на кн.:] Виноградов П.Г. Происхождение феодальных отношений в Лангобардской Италии. СПб, 1880// юридический вестник, 1881. № 5. С. 158-160.
8. Кирсанова Е.С. О влиянии отрицательных психологических особенностей характера основателя научной школы на ее развитие // Известия Томского политехнического университета. 2007. Т. 310, N 3. С. 134-137.
9. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: Опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с.
10. Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИФ РГБ). Ф. 70. Герье В.И.

11. НИОР РГБ. Ф. 119. Кареев Н.И. К. 9. Ед. хр. 78.
12. Центральный государственный архив Москвы (ЦГАМ). Ф. 2202. Оп. 3. Ед. хр. 1.
13. ЦГАМ. Ф. 1609. Оп. 6. Ед. хр. 3.

Иванова Татьяна Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Чувашский государственный университет имени И.Н. Ульянова, г. Чебоксары, Россия; tivanovan@mail.ru

Cooperation and rivalry as factors of scientific school development: students of V. I. Guerrier

Scientific communications between V. I. Guerrier's students are analyzed. The boundaries of this scientific school are defined. Common grounds for cooperation are highlighted: common views on general history, participation in opposition of dissertations, book reviews, collaboration in scientific and public-educational societies, etc. The main reason for the rivalry between Guerrier's students was the contention for professorship at Moscow University. The limited number of vacancies at the alma mater led to intense competition, which was sometimes expressed in unfriendly actions of fellow students towards each other.

Keywords: V.I. Guerrier school, cooperation and rivalry of N.I. Kareev, P.G. Vinogradov, M.S. Korelin, R.Yu. Vipper, E.N. Shchepkin, etc.

Ivanova Tat`yana Nikolaevna, Doctor of history, Professor, Chuvash State University named after I.N. Ulyanova, Cheboksary, Russia; tivanovan@mail.ru

УДК 930.2

Корзун В.П.

Н.И. Кареев в проекте «Русская наука»: особенности презентации отечественного историографического процесса

В статье речь идет о рукописи Н.И. Кареева «Новая история», предназначенной для сборника «Русская наука», который был задуман в 1916 году. В силу обстоятельств грандиозный академический проект оказался не осуществленным, а рукопись до последнего времени не была известна читателю. Выявлена мотивация обращения Кареева к конструированию историографического полотна. Как историограф Н.И. Кареев рассматривает развитие новистики в России в контексте динамики политических условий, специфики образовательной системы, методологических поисков мировой науки. В статье особое внимание уделяется схоларному осмыслению историком отечественного историографического процесса и презентации «Русской школы».

Ключевые слова: Н.И. Кареев, проект «Русская наука», новистика, «русская школа», историографический процесс, проблематика, институализация

Значимой вехой отечественной историко-научной мысли явился проект «Русская наука», задуманный в 1916 году и по ряду причин реализованный лишь частично. Как сама задумка, так

и причины неудачи грандиозного замысла, который был в тренде развития мирового науковедения и конструирования нового коммуникативного поля науки, достаточно хорошо представлены в современной историографии [1; 2; 3; 5; 7; 8; 9; 10; 13; 15; 16; 17]. Целью проекта была презентация русской науки в европейском научном пространстве (речь идет о союзниках России в Первой мировой войне, поскольку традиционные связи с немецкими учеными были практически прерваны) и осмысление ее пути развития на начало XX века, наличного ее состояния, нормативно-регулятивных рамок, что отвечало логике внутринаучного процесса. Предполагались различные формы презентации российской науки, но ядром проекта было создание сборника статей под аналогичным названием, авторами которого были звезды отечественной науки, представляющие ее различные дисциплинарные срезы. Из запланированных первоначально 59 очерков по истории отдельных наук вышли в свет в разных изданиях только 14, хотя к началу 1918 года их было собрано 22. В вышедшей недавно книге, которую по праву можно назвать научно-документальной монографией, «Судьба проекта “Русская наука”. 1916–1920 (К 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы» [14] собраны воедино сохранившиеся очерки по истории отдельных наук, в том числе авторам удалось обнаружить и ряд неопубликованных ранее материалов, среди которых рукопись Н.И. Кареева «Новая история» [6]. Рукопись самоценна в силу историографической практики известного историка, как отражение сложившегося образа историографии в русской культурной традиции, а также представлений о коммуникативных процессах и об осознании места отечественной исторической науки в общем русле развития мировой гуманитаристики. С большой долей уверенности можно предположить, что рукопись создавалась в 1917 – самом начале 1918 года. Так, в протоколе заседания Общего собрания Академии наук от 16 февраля 1918 г. она упоминается как уже предоставленная редактору сборника А.С. Лаппо-Данилевскому [14, с. 181], а предварительный срок сдачи материалов был назначен на 1 января 1918 года.

Прежде чем перейти к анализу кареевского очерка, кратко представлю «заявку» на требования к статьям задуманного сборника, которая была представлена в записке А.С. Лаппо-Данилевского, именно он и был интеллектуальным магнитом «Русской науки». Историк ориентирует участников проекта на создание общей картины развития русской науки, выяснение ее сходства и особенностей сравнительно с западноевропейской. Развитие

науки предлагалось анализировать по научным дисциплинам, внутри – по направлениям и школам с их традициями. Лаппо-Данилевским ставился вопрос о генезисе русской науки и русского научного сообщества в тесной связи с её институализацией. «Нежелательно» по Лаппо-Данилевскому ставить во главу традиционный биографический подход и рассматривать развитие науки «по лицам», то есть по персоналиям [1, л. 12]. Но этот фактор отнюдь не игнорировался ученым. Это был абрис концепции, который пока только вырисовывался, хотя в самом общем виде её версия была уже озвучена в Кембридже и затем представлена в обширной статье А.С. Лаппо-Данилевского [18].

Учитывая данные организационные и интеллектуальные факторы, обратимся к очерку Н.И. Кареева. Композиционно он состоит из трех частей. В первой историк констатирует факт отставания отечественной новистики от европейской и отмечает внутринаучные и общеполитические причины такого положения. Во второй части речь идет об историографической конкретике применительно к различным страноведческим сюжетам и проблемным блокам. Заключительная, третья, часть очерка посвящена истории исторической науки, как своеобразный итог самопознания научным сообществом своей профессиональной судьбы. Замечу, что сам автор в архитектонике текста выделяет девять разделов, семь из которых как раз и воссоздают детальную картину отечественной новистики. Первая и последняя часть – аналитическая огранка историографического процесса.

Причины отставания дисциплины Н.И. Кареев связывает с нехваткой научных кадров – «в России вообще мало было историков, специально изучавших историю чужих стран», с недостатками исторического образования студентов историко-филологического факультета, которые приходилось восполнять, «доучиваясь» в иностранных университетах. В то же время, выходя за рамки программы, намеченной Лаппо-Данилевским, он показывает, как изменение политической ситуации влияет на развитие науки: на протяжении долгого времени «политические строгости... делали почти невозможным изучение многих тем новейшей истории Запада, начиная с реформации» [6, с. 687]. «Улучшение общих условий для занятий новой историей» Кареев связывает с либеральными реформами Александра II. Историком (и это важно в науковедческом плане) предпринимается попытка показать взаимосвязь множества факторов развития науки. Даже благоприятные изменения политической ситуации «не могли дать своих плодов сразу». Для изменения внутринаучной ситуации потребовалось время – необходимо было, чтобы произошло разделение историко-филологических фа-

культетов на более специальные отделения, чтобы можно было начать чтение более специальных курсов, и чтобы образовался контингент молодых ученых, которые могли бы ехать за границу уже прямо для самостоятельной работы. Он отмечает появление научных центров в ряде университетов, «где утвердилось изучение новой истории», с 60 – 70-х годов XIX века преподавательская деятельность в этой области знания совмещается с самостоятельными научными работами – собственно с этого времени Кареев и приступает к науковедческому обзору русской новистики, и мы, соответственно, получаем возможность судить о практическом преломлении в его творчестве методологических принципов, рекомендованных А.С. Лаппо-Данилевским. Как видим, Кареев фиксирует связь институционального оформления науки с ее дисциплинарным становлением.

Вторая часть очерка, как было уже отмечено, содержит историографическую конкретику, в рамках которой профессионально-компетентная оценка вклада коллег историков в развитие отечественной новистики сочетается с довольно беглым, но тонким анализом складывающейся научной схолярности и национальной научной традиции в целом. Интенции Кареева вписываются в проблемное поле современной социологии науки – «как только научная практика пустит корни в новом месте, формируется национальное научное сообщество, члены которого работают над созданием специфической социальной идентичности» [4, с. 44]. Собственно, Кареев и начинает с общей характеристики отечественной научной традиции (и здесь совпадение с рекомендациями Лаппо-Данилевского несомненно). Он фиксирует «предпочтение, которое отдавалось русскими учеными вопросам внутренней истории перед историей международных отношений», что в общем вписывалось в современный Карееву историографический *mainstream*. Эпохами, которыми интересовались отечественные ученые в наибольшей степени, отмечает Кареев, были ренессанс, религиозная реформация XVIII век и французская революция, в последнее же время – и прошлое столетие (XIX век – *В.К.*). То, что труды русских ученых стали переводиться на языки изучаемых ими стран, свидетельствует, по Карееву, о достижении ими определенной степени зрелости. Эти принципиальные характеристики (определившаяся когнитивная интенциональность и зрелостный профессионализм отечественной новистики рубежа XIX–XX в.) Кареев конкретизирует в ходе последующего изложения.

В соответствии со спецификой предмета своего рассмотрения, хронологической и предметно-содержательной близости совре-

менной автору эпохе, Кареев акцентирует роль социально-политического контекста в историографическом процессе – политическая и социальная значимость темы, равно как ее научная актуальность, провоцируют исследовательский интерес. Историк, таким образом, и в ходе конкретного историографического рассмотрения придерживается принципа комплексного изучения различных факторов развития науки. Проблемы соотношения лиц и направлений, персональности и схолярности в науковедческом дискурсе, национальных особенностей развития русской научной мысли, поставленные Лаппо-Данилевским в неопределенно-общем виде, практически, по ходу изложения решается / снимается Кареевым следующим образом – главным критерием выступает значимость научных результатов (индивидуальных и групповых) и их признание в экспертном научном сообществе, в том числе и за рубежом. В качестве примера обратимся к репрезентации исследований по истории Франции XVIII века «с ее старым порядком, просветительской литературой и революцией». Значительность научного вклада российских историков привела к тому, отмечает Кареев, что «даже в самой Франции стали говорить о существовании особой русской школы». И именно «русская школа» оказывается наиболее «прописанной» Кареевым в науковедческом плане¹. Он выделяет научные центры и авторов, сыгравших значительную роль в становлении нового научного направления, основную проблематику научных изысканий. Первым проблемным блоком выступает «старый порядок», дореволюционная Франция. В свою очередь, этот проблемный блок распадается на более мелкие, степень изученности которых различна. В соответствии с определившимися предпочтениями исследователи, как отмечает Кареев, наибольшее внимание уделяют вопросам «социально-экономического быта» Франции перед революцией. Именно работа в этой области, изучение крестьянского вопроса накануне и во время революции, состояния промышленности и положения рабочего класса, ставшие классическими труды Н.И. Кареева, М.М. Ковалевского, И.В. Лучицкого, Е.В. Тарле, Г.Е. Афанасьева «дали возможность французам говорить о русской школе в деле изучения революционной эпохи» [6, с. 705]. К числу значимых факторов, свидетельствующих о сформированности научного дисциплинарного сообщества, как следует из логики изложения Кареева, относятся научные дискуссии и примером тому является знаменитая дискуссия между М.М. Ковалевским и И.В. Лучицким по вопросу о мелкой поземельной собственности в предре-

¹ О постановке и анализе Н.И. Кареевым схолярной проблематики и конкретно «особой “русской школы”» см.: [11, с. 19-22, 27-29].

волюционной Франции. Безусловным признаком складывающейся схолярности является появление учеников у ведущих ученых «русской школы», проведение практических занятий по экономической истории Франции эпохи революции. И конечно же, показателем профессионализации отечественной новистики являются успехи в области трансляции, популяризации исторических знаний, возрастающий интерес к проблемам историографии.

Кареев в заключение в третьей части работы выделяет ряд общих черт, «особенно характеризующих еще столь молодую русскую историческую литературу по истории западноевропейских наций». Самое любопытное в данном случае, что это молодость со знаком плюс, молодая русская наука становится носителем прогрессистских тенденций в научном пространстве «большого модерна». В научном поле российской новистики приоритет отдается вопросам внутренней истории, глубинных оснований и характеристик исторического процесса. Отсюда «очень маленькая доля» работ по традиционной истории международных отношений. И, наконец, нацеленность на «сущностное», общественное, идейное содержание истории имело своим последствием предпочтение, которое отдавали «русские ученые тем эпохам и странам, связанным, так или иначе, со значительными идейными и общественными движениями. Зрелая молодость (молодая зрелость) русской науки не только в научной актуальности проблематики, предмета исследования, но и в плодотворной научности, профессиональности методов исследования этого проблемного поля. Показателем зрелости отечественной новистики, по Карееву, является и способность ее представителей абстрагироваться «от националистических и партийных пристрастий» западного общества, адсорбировать ведущие тенденции мировой гуманитаристики, «профессионализировать» их. Кареев фиксирует в научной среде «все большее и большее тяготение к экономизму», в то же время исходя из позитивистской парадигмы, он считает, что у «настоящих историков» это тяготение «не принимает грубой формы экономического материализма». Развертывая этот тезис, историк считает показателем зрелости науки появление в отечественной историографии трудов по философии истории, восприятие исторической наукой ведущих философских течений – позитивизма, экономического материализма, «возрожденного идеализма», эмансипация от априорных философских теорий и публицистических споров, изучение истории Запада с опорой на современное научное сознание.

Как видим, публикуемый текст очерка Н.И. Кареева в основном отражает стратегические, программные установки / рекомен-

дации А.С. Лаппо-Данилевского, одобренные Комиссией по изданию сборника, хотя я отдаю себе отчет в том, что открытым является вопрос: в какой мере это результат непосредственной рецепции, а в какой – самостоятельного историографического анализа и осмысления собственного опыта как активного участника научного дисциплинарного поля. В пользу последнего свидетельствуют историографические исследования историка, написанные задолго до появления очертаний проекта¹.

Во всяком случае, задачу вписывания традиционной историографии в формирующееся науковедческое поле Кареев воспринял и реализовал в наибольшей степени из всех участников сборника. При этом не стоит сбрасывать со счетов роль институционального фактора. Комиссия, как институция безусловно выполняла не только организационную функцию, но и когнитивную, задавая масштабы и параметры исследования науки. В то же время вывод Кареева об эмансипации науки в начале XX века от посторонних, ненаучных влияний представляется наивно-оптимистичным для ситуации социального экстрима. В этой ситуации произойдет переакцентировка концепции развития науки – на первый план выйдут социальные детерминанты научного знания, что будет характерно не только для советской традиции, но и для международного сообщества социологов науки. В этой связи представляется важным сравнение основных положений и оценок кареевской «Новой истории» с его более поздней работой «Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926)», написанной по просьбе французского издания «Revue historique».

Но это сюжет уже для другой статьи.

Библиография

1. СПбФ АРАН. «А.С. Лаппо-Данилевский». Ф. 113. Оп. 2. Д. 67. Л. 12.

* * *

1. Басаргина Е.Ю. А.С. Лаппо-Данилевский – почетный доктор права Кембриджского университета // КЛИО: журнал для ученых, 2013. № 12. С. 57-60.

2. Есаков В.Д. Идея науки у А.С. Лаппо-Данилевского // Научное сообщество историков России: 20 лет перемен. М.: АИРО-XXI, 2011. С. 17-54.

3. Есаков В.Д. Неосуществленный проект Академии наук // Вестник РАН. М., 1997. Т. 67, № 12. С. 129-139.

4. Жэнгра Ив. Социология науки / пер. с фр. С.А. Гашкова; под. ред. О.И. Кирчик. М.: Изд. Дом Высшей школы экономики, 2017. 112 с.

¹ Сошлюсь на работу Г.П. Мягкова, в которой автор ссылается на предложения Н.И. Кареева по поводу презентации российской исторической науки в связи с подготовкой IV-го Международного конгресса историков, который должен быть состояться в 1918 году в Санкт-Петербурге [см.: 12].

5. Илизаров С.С. А.С. Лаппо-Данилевский – историк науки // Архив истории науки и техники. Вып. V (XIV) / отв. ред. С.С. Илизаров. М.: «Янус-К», 2015. С. 63-102.
6. Кареев Н.И. Новая история // Судьба проекта «Русская наука». 1916–1920 (К 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы / ред.-сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина, отв. ред. Ю.М. Батулин. СПб.; М.: ПЕРО, 2016. С. 687-724.
7. Корзун В.П. Концепция истории науки в работе А.С. Лаппо-Данилевского "Development of Russian sciences and Learning" // Вестник Челябинского гос. университета. История. 2015. № 6 (361). С. 124-131.
8. Корзун В.П. Невостребованное наследие: (Материалы по истории науки в архиве Лаппо-Данилевского) // Археографический ежегодник за 1994 год. М., 1996. С. 255-263.
9. Корзун В.П., Колеватов Д.М. Сборник «Русская наука»: к вопросу о причинах неудач великого замысла // Мир историка и пространство истории: к юбилею профессора Н.Н. Алеврас. Челябинск: Энциклопедия, 2018. С. 118-132.
10. Малинов А.В. Судьба проекта «Русская наука». 1916–1920 (к 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): статьи и документы / ред.-сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина, отв. ред. Ю.М. Батулин. СПб.; М., 2016. 848 с. // Вопросы истории естествознания и техники. 2017. № 1. С. 392-396.
11. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с.
12. Мягков Г.П. Сложилось ли научное сообщество историков в дореволюционной России? (по материалам подготовки к IV Международному историческому конгрессу) // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 29-32.
13. Ростовцев Е.А. Деятельность А.С. Лаппо-Данилевского в Российской академии наук // Источн. Историк. История. СПб., 2001. Вып. 1. С. 135-248.
14. Судьба проекта «Русская наука». 1916–1920 (К 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы / ред.-сост. В.М. Орел, Г.И. Смагина, отв. ред. Ю.М. Батулин. СПб.; М.: ПЕРО, 2016. 848 с.
15. Тункина И.В. К истории сборника «Русская наука» // Комиссия по истории знаний (1921–1932): Из истории организации историко-научных исследований и Академии наук. Сб. документов. СПб., 2003. С. 637-659.
16. Тункина И.В. О проекте многотомного издания по истории русской науки (1916–1930 гг.) // Петербургская Академия в истории академий мира. СПб., 1999. Т. 1. С. 182-194.
17. Dmitriev A. La «science nationale» et importations culturelles: Aleksandr Lappo-Danilevskij, le premier Pitirim Sorokin et Mihail Gruševskij, entre histoire et sociologie // Cahiers du Monde russe. Vol. 51. 2010. № 4. Octobre-décembre. P. 599-627.
18. Lappo-Danillevskky A.S. Development of Russian science and learning // Russian Realities and Problems / Edit. by J.D. Duff. Cambridge, 1917. 170 p.

Корзун Валентина Павловна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник Научно-технического отдела, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; korzunv@mail.ru

N.I. Kareev in the project "Russian Science": features of the presentation of domestic historiographic process

The article deals with the manuscript of N.I. Kareev's "New History", intended for the collection "Russian Science", which was conceived in 1916. Due to circumstances, the grandiose academic project was not implemented, and the manuscript was not known to

the reader until recently. The motivation for Kareev's appeal to the construction of a historiographic canvas is revealed. As a historiographer N.I. Kareev examines the development of novistics in Russia in the context of the dynamics of political conditions, the specifics of the educational system in Russia, and methodological searches of world science. The article pays special attention to the historian's scholarly understanding of the domestic historiographic process and the presentation of the "Russian School".

Key words: N.I. Kareev, project "Russian Science", novistics, "Russian school", historiographic process, problems, institutionalization.

Korzun Valentina Pavlovna, Doctor of History, Professor, leading researcher, Omsk State University F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; korzunv@mail.ru

УДК 930 + 001.32

Кузнецов А.А.

Влияние Н.И. Кареева на становление исторической науки в Нижнем Новгороде (Горьком): личностный аспект

В статье рассматриваются вопросы влияния Н.И. Кареева на рождение и развитие нижегородской исторической науки. Воздействие Н.И. Кареева на этот процесс происходило по двум личностным каналам. Н.И. Кареев стал неформальным рецензентом первых опытов С.И. Архангельского по аграрному законодательству Английской революции. С.И. Архангельский считается родоначальником нижегородской исторической науки. Его коллега Н.П. Соколов учился у Н.И. Кареева в магистратуре в 1914–1917 гг. В дальнейшем Н.П. Соколов подчёркивал роль Н.И. Кареева как своего наставника. Разные формы взаимодействия Н.И. Кареева с двумя историками даёт дополнительный материал для изучения складывания и функционирования научных школ в России.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, С.И. Архангельский, Н.П. Соколов, Английская революция, Нижний Новгород, Новая история, научная школа

XX век для России–СССР охарактеризовался рождением и развитием новых научно-образовательных центров. Они открывались там, где ранее не было университетов и других вузов, а, значит, не было и традиций тех или иных научных дисциплин. Их основоположниками становились либо «варяги», по разным причинам прибывшие из академических структур Москвы, Санкт-Петербурга, Ленинграда, Казани, Киева, Харькова, Дерпта, либо местные уроженцы, получившие высшее образование в вузах других городов. Они привносили влияние научных школ, в рамках которых формировались. В нынешнем состоянии российских вузов угадываются сплавы разных подходов, идущих от разных научных школ. Кроме того, в их «генеалогии» определяется наследие светил отечественной науки. Изучение феномена истоков, отцов-основателей

и истории научных школ в России XX в. позволяет лучше понять глубину, своеобразную логику и новые черты схолярных практик в областных и республиканских центрах.

Такая постановка проблемы справедлива при изучении биографии и деятельности Н.И. Кареева. Он проявился в становлении и нижегородского научно-исторического знания. Роль патриарха в этом процессе сыграл С.И. Архангельский (1882–1958), стремительно вошедший в «большую» науку в первой половине 1920-х гг. До этого он, выпускник Московского университета (1907 г.) и преподаватель нижегородских гимназий, имел две публикации в Журнале Министерства народного просвещения (о средневековой Флоренции (по итогам выпускного сочинения (под руководством Р.Ю. Виппера)) и об исторических взглядах С.В. Ешевского), несколько добротных статей в нижегородских краеведческих изданиях, заочно готовился к магистерским экзаменам у Р.Ю. Виппера и Д.М. Петрушевского [15, л. 13, 36 об.]. Начало его академической карьеры тоже не отличалось системной последовательностью: в 1920-е гг. руководил Нижегородским научным обществом по изучению местного края, писал о крестьянских выступлениях, формировании нижегородского пролетариата, занимался историей и методологией нижегородского краеведения, в 1925 г. перевёл и подготовил к изданию книгу Пиренна «Средневековые города и возрождение торговли», перевёл и издал «Закон императора Диоклетиана о таксах», переписывался с Н.И. Кареевым, С.Ф. Платоновым, М.М. Богословским, Д.М. Петрушевским, И.М. Гревсом, Б.С. Жуковым...

21.12.1924 г. академик Н.И. Кареев написал С.И. Архангельскому о том, что аграрная история Англии в эпоху Революции [XVII в.] почти не изучена, но в России этого сделать нельзя, и надо ехать в Оксфорд к П.Г. Виноградову [18, л. 1-2] (письмо нижегородца, на которое отвечал Н.И. Кареев, не обнаружено). Послание Кареева позволяет датировать выбор темы исследования (аграрное законодательство Английской революции), благодаря которому Архангельский войдёт в историографию и будет выбран в члены-корреспонденты АН СССР, – 1924 год.

До осени 1927 г. между Н.И. Кареевым и С.И. Архангельским шла редкая переписка по вопросам издания книги Анри Пиренна. В связи с этим Н.И. Кареев связал С.И. Архангельского с ...его университетским наставником Д.М. Петрушевским. Лишь с осени 1927 г. пошло интенсивное общение Н.И. Кареева и С.И. Архангельского по поводу англоведческих штудий. И два года Н.И. Кареев, почти как рецензент/оппонент, читал главы будущей книги,

делал подробные замечания и высылал их С.И. Архангельскому [9, с. 91-97]. Свою работу Н.И. Кареев отметил в Отзыве на труды нижегородца: «... («Аграрное законодательство в Англии в сороковых годах XVII века») имел в рукописи и очень внимательно читал, вступив даже в переписку с автором по этому поводу. Эти работы С.И. Архангельского принадлежат к области экономической и социальной истории... Незаконченная книга по аграрной истории Англии в XVII веке касается притом предмета еще сравнительно мало исследованного, большой, наконец, важности для понимания первой английской революции и вообще всего социально-экономического развития Англии в новое время» [5, с. 251].

Ныне выявлена научно-редакторская – тщательная – работа с начальными англоведческими текстами С.И. Архангельского лишь одного Н.И. Кареева. Практически его фразой из письма: «...аграрная история Англии в эпоху первой революции остаётся почти... неизвестной... Ваш вопрос не привлекал к себе... внимания исследователей... Историография больше занималась аграрной историей XVI в. ...Савин это делал и касался аграрной истории XVII в статье Журнала Министерства Народного Просвещения. Но он мало говорит о аграрном вопросе в “Лекциях по истории английской революции” (1924)» [18, л. 1-1 об.] – Архангельский начал рассказ о себе в историографическом обзоре «Роль русских историков в изучении истории Англии» [11, с. 214; в этой работе допущена опечатка: вместо номера архивного дела 235 ошибочно дан 285].

О такой весомой поддержке Архангельский молчал всю оставшуюся жизнь. Внутренние причины утаивания им – добросовестным, благодарным и этичным исследователем – роли старшего коллеги и полноценного консультанта не ясны. А ведь только Н.И. Кареев делами поддержал ещё колеблющийся выбор нижегородцем судьбоносной темы. Данный факт актуален в связи с гипотезой о том, что С.И. Архангельский сам определил проблематику исследования, желая найти ответы на вопросы о том, что представляла собой Русская революция, каковы перспективы советской России. Постигнуть это можно было через главный вопрос революции в России – аграрный. Но эта ниша была занята ангажированными властью и идеологией «красными профессорами». Французская революция была интеллектуально освоена Н.И. Кареевым и «русской школой». Поэтому перед Россией С.И. Архангельский поставил зеркало Английской революции [10, с. 219], и... вписался в англоведческую традицию родного московского университета «М.М. Ковалевский – П.Г. Виноградов – Д.М. Петрушевский – А.Н. Савин» [11, с. 215-216]. Эти учёные напрямую не повлияли на

становление исследовательского амплуа С.И. Архангельского-историка (они только учили его в университете или он читал труды). Но он, например, с 1946 г. стал указывать в анкетах, что слушал лекции и испытал влияние П.Г. Виноградова, хотя эти занятия были посвящены истории Греции [2, оп. 2, д. 21], и выписки студент С.И. Архангельский делал из книг П.Г. Виноградова отнюдь не англоведческих [2, оп. 2., д. 22]. А Д.М. Петрушевский в 18 письмах (1926–1942 гг.), по краткости более напоминавших телеграммы, лишь благодарил С.И. Архангельского за присланные работы, давал лаконичные хвалебные отзывы и вежливо отклонял просьбы бывшего студента дать критическое мнение о его работах [13]. С.И. Архангельский формировал себя как историк сам, по исследованиям предшественников и коллег, а в необходимый для анкет момент «активировал» подходящего наставника из «пула» тех, чьи лекции слушал. На протяжении 1920–1950-х гг. С.И. Архангельский менял в автобиографических документах набор университетских наставников: от Р.Ю. Виппера, М.К. Любавского, В.И. Герье, Д.М. Петрушевского (1920–1930-е гг.) к А.Н. Савину, П.Г. Виноградову, В.О. Ключевскому (с 1946 г.).

Этот ряд гигантов затенил колосса Н.И. Кареева в фактическом формировании Архангельского-историка. А ведь Кареев оказал самое мощное влияние на становление учёного-англоведа С.И. Архангельского, внесшего значительный вклад в историографию Английской буржуазной революции. Тот передал его своим ученикам, а они – следующему поколению историков.

Н.И. Кареев не думал о масштабах позитивных последствий оттачивания исторического стиля С.И. Архангельского. В мемуарах «Прожитое и пережитое», завершённых Н.И. Кареевым в 1928 г., не упоминается С.И. Архангельский, хотя общение с ним шло уже 4 года. Видимо, Н.И. Кареев ещё не придавал значения текущим заботам о штудиях С.И. Архангельского, зато мемуарист вспомнил другого историка, ещё одного – в будущем – «отца-основателя» горьковской/нижегородской исторической традиции – Николая Петровича Соколова (1890–1979), предугадав в нём «будущую научную силу» [6, с. 260]. А поспособствовал реализации этого предназначения С.И. Архангельский, добившись для Н.П. Соколова в 1942 г. преподавательской ставки в пединституте.

Н.П. Соколов, окончив Нежинский историко-филологический институт, в 1914–1917 гг. готовился к сдаче магистерских экзаменов у Н.И. Кареева, И.М. Гревса, а также у С.Ф. Платонова и М.И. Ростовцева [16, л. 3, 27]. Тема магистерского исследования Н.П. Соколова неизвестна, но по умолчанию предполагается, что она была

близка тематике выпускной работы в Нежинском институте и кандидатской диссертации, защищенной в 1943 г. в Казани – «Философско-исторические взгляды Тюрго». С 1944 г. Н.П. Соколов ушёл в иной период истории – Средние века, исследуя образование Венецианской колониальной империи в противоречивом соотношении с историей Византии и Крестовых походов. Переключение Н.П. Соколова на средневековую историю Средиземноморья, казалось бы, позволяет говорить о проявлении линия другого его наставника – медиевиста И.М. Гревса (с ним как с одним из руководителей краеведческого движения тоже общался в 1920-е гг. и С.И. Архангельский [17]). Тем не менее, на протяжении научной и преподавательской деятельности Н.П. Соколов обозначал Н.И. Кареева как своего наставника. Это отразилось в текстах о биографии Н.П. Соколова, написанных по его рассказам учениками и коллегами. В одном из них приводится свидетельство бережного отношения Н.П. Соколова к новогодней открытке, посланной Н.И. Кареевым [12, с. 52]. Н.И. Кареев повлиял на Н.П. Соколова и в этическом отношении. Горьковский профессор поведал о случае, когда он подарил Н.И. Карееву бутылку хорошего французского вина, и тот отверг её, так как не может пить вино, «если его не пьёт весь русский народ» в условиях «сухого закона» Первой мировой войны [14, с. 66].

Отнесение Н.П. Соколовым себя к ученикам Н.И. Кареева определялось и следованием его методологии – многофакторному историческому (не философскому!) позитивизму [4, с. 29, 33-35; 8, с. 59]. Это обуславливало и несколько ироничное отношение Н.П. Соколова к превознесению марксизма [4, с. 29-33, 34]. Усвоение Н.П. Соколовым кареевского общего подхода к истории и историческому исследованию происходило, когда ученику было 23–28 лет. А вот 42-летний С.И. Архангельский с уже сложившимся взглядом и подходом обратился к Н.И. Карееву. На научное мировоззрение С.И. Архангельского повлияли освоение познавательного потенциала материалистического подхода к истории, замечания Маркса об Английской революции [3, с. 319-328; 7, с. 335, 343]. Примечателен эпизод, когда локальный метод, предложенный С.И. Архангельским [1], не был принят Н.И. Кареевым [8, с. 100-101], но, именно, им нижегородец вошёл в классики отечественного краеведения 1920-х гг.

У двух столпов нижегородской/горьковской научной исторической традиции имеется общий наставник – Н.И. Кареев. Однако, природа его воздействия на них была различной. Парадоксально, но Н.И. Кареев оказался единственным полноценным научным

руководителем С.И. Архангельского по теме, с которой он войдёт в мировую историографию – аграрное законодательство Английской революции (все остальные фигуры, упоминавшиеся С.И. Архангельским, – либо его наставники по обучению в университете, либо источники влияния через научные тексты). Только в этом случае Н.И. Кареев учил не приёмам и технике ремесла, но – доводке, верификации, презентации результатов самостоятельного исследования. При таком скрытом присутствии в текстах С.И. Архангельского Н.И. Кареев вошёл в англоведение, проявился в изучении Английской революции. Для Н.П. Соколова Н.И. Кареев стал классическим научным руководителем: привил своё понимание Истории вчерашнему семинаристу и выпускнику Нежинского института, ряд установок поведения в науке, методологию её изучения (что проявилось и в изучении Венецианской империи). Через Н.П. Соколова влияние новиста Н.И. Кареева проявилось в историографии средневекового Средиземноморья – парадоксально. Н.П. Соколов воздал Учителю и прямой связанность кандидатской диссертации о Тюрго с Новым временем. И вот в городе Нижнем Новгороде/Горьком, где подлинное научное историческое образование развернулось лишь в 1930-е гг., Н.И. Кареев сыграл свою роль в актуализации большого потенциала обоих его творцов. С.И. Архангельский – подлинный патриарх – сверял свои штудии со взглядом Н.И. Кареева. С.И. Архангельский сформировал себя сам, но выход на высокий уровень оказался обусловлен сотрудничеством с Н.И. Кареевым. Н.П. Соколов – в полной мере наследник учёного, учителя и человека Н.И. Кареева.

Библиография

1. Архангельский С.И. Локальный метод в исторической науке // *Cogito. Альманах истории идей*. Вып. 5: Foundation. Ростов-н/Д., 2011. С. 432-447.
2. Архив РАН. Ф. 1530.
3. Будцын И.В. Концепция решения аграрного вопроса С.И. Архангельского в свете проблемы завершенности раннебуржуазных революций // *Диалог со временем*. Альманах интеллектуальной истории. 2012. Вып. 40. С. 317-331.
4. Золотов В.И. Учёный и эпоха. Н.П. Соколов в работе над историей Венецианской империи // *Учёный, эпоха, память*. К 120-летию со дня рождения профессора Николая Петровича Соколова. Нижний Новгород, 2011. С. 26-35.
5. Кареев Н.И. Отзыв о научных трудах С.И. Архангельского // *История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков: сборник статей*. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 251.
6. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Подг. текста, вст. статья и коммент. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. 384 с.
7. Кеткова И.В. Научное наследие С.И. Архангельского и современная историческая мысль // *Диалог со временем*. Альманах интеллектуальной истории. 2012. Вып. 40. С. 332-344.

8. Кузнецов Е.В. Профессор Н.П. Соколов как историк-исследователь, преподаватель, руководитель // Учёный, эпоха, память. К 120-летию со дня рождения профессора Николая Петровича Соколова. Нижний Новгород, 2011. С. 58-60.
9. Кузнецов А.А. Переписка Н.И. Кареева с С.И. Архангельским // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. 2017. Т. 58. С. 88-104.
10. Кузнецов А.А. Преломление политической истории первой половины XX в. в научном творчестве С.И. Архангельского // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: в 2 т. Казань, 2020. Т. 1. С. 218-222.
11. Кузнецов А.А., Селиванова О.В. Неопубликованный текст С.И. Архангельского «Роль русских историков в разработке истории Англии» («Социальная история Англии в работах русских историков»): историографический труд и эго-документ // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: в 2 т. Казань, 2020. Т. 1. С. 213-217.
12. Меженин В.М. Метки благодарной памяти // Учёный, эпоха, память. К 120-летию со дня рождения профессора Николая Петровича Соколова. Нижний Новгород, 2011. С. 36-57.
13. Переписка С.И. Архангельского и Д.М. Петрушевского // Альманах по истории Средних веков и раннего Нового времени. Выпуск 3–4. 2012–2013. Нижний Новгород, 2013. С. 128-139.
14. Телегина Э. П. Вспоминая учителя // Учёный, эпоха, память. К 120-летию со дня рождения профессора Николая Петровича Соколова. Нижний Новгород, 2011. С. 61-70.
15. Центральный архив Нижегородской области (ЦАНО). Ф. Р-2734. Оп. 9а. Д. 9.
16. ЦАНО. Ф. Р-2734. Оп. 9а. Д. 85.
17. ЦАНО. Ф. Р-6299. Оп. 1. Д. 147.
18. ЦАНО. Ф. Р-6299. Оп. 1. Д. 183.

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, г. Нижний Новгород, Россия; nalbuz@mail.ru

Influence of N. I. Kareev on the formation of historical science in Nizhny Novgorod (Gorky): personal aspect

The article discusses the influence of N.I. Kareev on the birth and development of Nizhny Novgorod historical science. N.I. Kareev's influence on this process took place through two personal channels. N.I. Kareev became an informal reviewer of S.I. Arkhangelsky's first experiments on the agrarian legislation of the English revolution. S. I. Arkhangelsky is considered the founder of Nizhny Novgorod historical science. His colleague N.P. Sokolov studied under N.I. Kareev for a master's degree in 1914-1917. In the future, N.P. Sokolov emphasized the role of N.I. Kareev as his mentor. Different forms of interaction N.I. Kareeva and two historians provide additional material for studying the formation and functioning of scientific schools in Russia.

Keywords: N.I. Kareev, S.I. Arkhangelsky, N.P. Sokolov, English revolution, Nizhny Novgorod, New history, scientific school

Kouznetsov Andrey Aleksandrovich, Doctor of History, Professor, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia; nalbuz@mail.ru

Мельникова О.М.

Судьбы научных школ в современном классическом университете

В статье обращено внимание на воздействие процессов реформирования высшего профессионального образования на способы коммуникаций внутри исторического сообщества в формате научных школ. Показано, что постоянная динамика реформационных процессов негативно сказывается на развитии научных школ.

Ключевые слова: научные школы, университеты, историческая наука

Университеты и кафедры стали важным институализирующим фактором в развитии научных дисциплин, в процессе которого стала складываться такая форма коммуникации профессионального научного сообщества как научная школа. Не случайно в созданных в 1970-е гг. на базе педагогических институтов практически повсеместно в областных центрах СССР классических университетах стали складываться научные школы, в том числе исторические.

Возникновение университетских научных школ в региональных вузах было естественным процессом, поскольку соединение преподавания и исследовательской деятельности – сущностное свойство университетского преподавателя. Многие научные школы в регионах определили имидж классических университетов.

Не явился исключением Удмуртский государственный университет, где процесс становления университетского образования привел к формированию целого ряда научных школ: археологической, этнографической, школы германистики. Основой для формирования таких коллективов стало участие в образовательном процессе ярких ученых-лидеров, способных генерировать мощные исследовательские программы, заниматься подготовкой молодого поколения исследователей; организовывать и координировать общие усилия; утверждать особые нормы взаимоотношений между членами научной школы как исследовательского коллектива [6, с. 56].

В позднесоветское время этому способствовали учебные планы, позволявшие организовывать специализации, проводить спецкурсы и спецсеминары. Наиболее эффективным путем формирования интеллектуальной культуры стало вовлечение студенчества высшей школы уже на начальных этапах на первом – втором курсах в реальный научно-исследовательский процесс. Это позволяло выбрать среди студентов наиболее подготовленных и обучать их на следующем уровне аспирантуры как в самом вузе, так и в из-

вестных научных организациях. Создание кафедр археологии и истории первобытного общества, этнологии и регионоведения, древнего мира и средних веков в УдГУ способствовало более глубокому предметному научному общению как внутри преподавательского сообщества, так и вовлечению в него студенчества. Организация диссертационного совета по защите кандидатских и докторских диссертаций позволила готовить кадры высшей квалификации не только для самого университета и поддерживать научные школы, так и для обширного Урало-Поволжского региона. Остепененные преподаватели пополняли ряды преподавательского сообщества, что давало в научном смысле продвигать исследовательскую программу научной школы, включая результаты научных изысканий в специальные курсы и спецсеминары

Становление научной школы германистики в УдГУ связано с именем профессора В.Е. Майера – одного из ведущих советских медиевистов, специалиста в области истории средневековой Германии. Для В.Е. Майера было крайне важным не только самому заниматься наукой, но и готовить учеников. С созданием УдГУ этому способствовала специализация по всеобщей истории. В 1973 г. по его инициативе открылась аспирантура по всеобщей истории, первой ученицей стала к.и.н., доцент Н.Г. Шишкина. Среди студентов и учеников В.Е. Майера немало действующих преподавателей Института истории и социологии и УдГУ – д.и.н., профессор В.Р. Золотых, к.и.н., доцент В.В. Иванов, к.и.н., доцент Н.Ю. Старкова, д.и.н., профессор В.А. Чиркин [9].

По инициативе В.Е. Майера из Свердловска в Ижевск была приглашена Р.Д. Голдина, ученица известного археолога В.Ф. Генинга. За короткий срок она смогла создать сплоченный коллектив из числа своих учеников. Кабинет археологии, Камско-Вятская археологическая экспедиция, лаборатория археологических исследований, проблемная лаборатория изучения истории и культуры финно-угорских народов, Институт истории и культуры народов Приуралья, кафедры археологии и истории первобытного общества стали институциональной основой, позволившей ижевским археологам громко заявить о себе в решении важнейших проблем этнической истории Камско-Вятского региона. Каждый из учеников исследовал свой аспект этой обширной проблемы, а полученные результаты легли в основу целостной концепции древней и средневековой истории удмуртского народа. Научные результаты транслировались в спецкурсы, что открывало возможность их включения в образовательный процесс и подключать студентов через курсовые работы к решению исследовательской программы [3].

Этнографическая школа УдГУ обязана университетской структуре. Выпускник кафедры этнографии МГУ профессор В.Е. Владыкин побуждал студентов увидеть исторический процесс не только на далеких островах Океании, а здесь, в регионе, где мы живем. Студенческий научный кружок «Ойкумена», специализация по этнологии, этнографические экспедиции, создание этнографического музея заложили прочные основы научной этнографической школы, где ее признанный лидер В.Е. Владыкин задал своим ученикам широчайший веер научных проблем, связанных с этнографией Удмуртии: от историко-научного изучения финно-угорской этнографии и теоретического осмысления ключевых понятий этнологии до исследования материальной и духовной культуры финно-угорских народов и народов, населяющих Удмуртию [1, с. 114-125].

Но начавшиеся преобразования в системе высшего образования стали непростыми для уже сложившихся научных школ. Институционализированные образовательные и исследовательские структуры стали разрушаться. Болезненными оказались процессы оптимизации, связанные с изменениями учебных планов, подушевым финансированием высшей школы. Забюрократизированная система требует большого внимания к созданию многочисленных документов, которые зачастую имеют формальный характер и являются весьма трудоемкими по своему выполнению. Часто изменяющиеся образовательные стандарты требуют от преподавателя постоянной готовности к мобильности: разработке новых курсов, созданию корпуса методического сопровождения. Одновременно эффективные контракты ориентируют преподавателя на серьезную исследовательскую работу, требования к конкурсному отбору, который зачастую проходит каждый год, также принуждают писать работы для публикации в рецензируемых изданиях. Постоянно снижающееся количество ставок вследствие сокращения бюджетных мест на направление «История» снижают мотивацию преподавателя к исследовательской деятельности. А сокращение мест в аспирантуру фактически прерывает важную линию преемственности в подготовке кадров.

Сегодня в УдГУ преподаватели, относящие себя к описанным научным школам, сегодня оказались на одной кафедре истории Удмуртии, археологии и этнологии. Сложным был период «притирки» преподавателей разных кафедр в одном структурном подразделении.

По одной из классификаций принято выделять образовательные, исследовательские, смешанные, сочетающие в себе черты первых двух, научные школы. Для первого типа характерно то, что

на первое место в них выступают задачи «приобщения учащегося к научной традиции данного учебного заведения путем неформального общения с преподавателем, выработки стиля научного мышления на основе обучения методологии и методике исследовательской работы, развития интереса к определенной проблеме. Исследовательские школы, в свою очередь, подразделяются на школы региональной истории, предметно-хронологические, концептуально-теоретические. Для этого типа школ характерны планирование и координация творческих усилий по реализации общей программы работ» [8, с. 394].

Университетские научные школы являются смешанными по своему типу. Сложно в таком формально созданном коллективе сразу выдвинуть единую исследовательскую программу. Рассматриваемые научные школы на данном этапе развития университета, с одной стороны нацелены на сохранение сформировавшейся научной школой исследовательской традиции, транслируемые в образовательный процесс, с другой их существование во многом вписывается в определяемую науковедами хронологию активного бытия научной школы. Считается, что научная школа включает в себя два поколения ученых, разрабатывающих новое направление [10, с. 116]. Минимальный цикл, на который можно фиксировать существование научной школы, составляет три поколения: учитель – ученики – учителя – ученики – и ограничивается периодом в два десятилетия [4, с. 80].

Г.П. Мягков, а вслед за ним О.Б. Леонтьева обратили внимание на то, что «научные школы являются открытыми системами, что им может быть присуще разнообразие внутришкольных ориентацией. В таком случае вполне возможна интерференция, взаимное пересечение научных школ [5, с. 152-155; 2, с. 228]. Такое взаимное пересечение научных школ в стенах классического университета, нацеленное на стремление к сохранению и передаче научных традиций ставит на повестку дня осмысление научного сообщества с позиций, иных близких категорий, коррелируемых с понятием «научная школа», описанных Т.Н. Поповой, таких как «республика ученых», «гранулированная среда», «научный коллектив», «научная молекула», «интеллектуальный коллектив», «профессорская корпорация» и проч. [7, с. 176].

Библиография

1. Владыкин В.Е., Загребин А.Е. Этнография на историческом факультете УдГУ // Историческая наука в УГПИ-УдГУ. Исторические очерки. 1931–2006 гг. Ижевск: Изд. дом «Удмуртский университет», 2007. С. 114-125.
2. Леонтьева О.Б. Дискуссия о схолярной принадлежности наследия Н.И. Кареева в отечественной историографии // История и историки в Казанском

университете: к 125-летию Общества археологии, истории и этнографии при Казанском университете. Ч. II. Казань: Казанский гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2005. С. 225-232.

3. Мельникова О.М. Научная археологическая школа Р.Д. Голдиной в Удмуртском университете. Ижевск: УдГУ, 2006. 142 с.

4. Мирский Э.М. Структура и динамика исследовательских объединений // Методологические проблемы науковедческих исследований. М., 1978. С. 53-89.

5. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт русской исторической школы. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с.

6. Никишенков А. А. Научные школы в период становления современной британской социальной антропологии (20–40-гг. XX в.) // Советская этнография. 1982. № 4. С. 55-67.

7. Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки: подходы и понятия. Одесса: Бондаренко М.А., 2019. 392 с.

8. Шаханов А.Н. Русская историческая наука второй половины XIX – начала XX века: Московский и Петербургский университета. М.: Наука, 2003. 419 с.

9. Шишкина Н.Г., Старкова Н.Ю., Черниенко Д.А. Биографическая справка и творческое наследие В.Е. Майера // Майер Василий (Вильгельм) Евгеньевич: к 90-летию со дня рождения. Ижевск, 2008. С. 3-20.

10. Штейнер Г. Связь социального и познавательного факторов в творческой деятельности научных школ // Школы в науке: Сб. статей. М.: Наука, 1977. С. 97-119.

Мельникова Ольга Михайловна, доктор исторических наук, доцент, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия; superlvovich2012@yandex.ru

The fate of scientific schools in the modern classical university

The article focuses on the impact of higher professional education reform processes on the ways of communication within the historical community in the format of scientific schools. It is shown that the constant dynamics of reformation processes negatively affects the development of scientific schools.

Keywords: scientific schools, universities, historical science

Melnikova Olga Mikhailovna, Doctor of History, Associate Professor, Udmurt State University, Izhevsk, Russia; superlvovich2012@yandex.ru

УДК 930 + 001.32

Михнева Р.А.

«Следы» Николая Кареева в коридорах Софийского университета

Изучение Всеобщей истории / Новой и новейшей истории и истории России в Болгарии начинается с 1888 г., с момента создания первого болгарского университета. С первого дня и до 1945 г. развитие университета оказалось связано с российскими профессорами – Н. Кареевым, М. Драгомановым, П. Милюковым, Э. Гриммом, В. Мякотиним, П. Бицилли и др. После Первой мировой войны впервые в учебных планах в рамках модуля «Всеобщая история» появляется дисциплина «Новая и новейшая история». Первым, кто читал ее, был профессор Э. Гримм. Ав-

тор прослеживает изменения учебного процесса на фоне становления самой образовательной структуры, личные судьбы, профессиональные контакты, определяет место профессоров по Новой и новейшей истории в интеллектуальных сетях России, выясняет влияние творческих идей Н.И. Кареева на становление и развитие историзнания в Софийском университете.

Ключевые слова: Н. Кареев, Софийский университет, исторический факультет, Новая и новейшая история, П. Милюков, Э. Гримм, В. Мякотин

Основные этапы развития болгарской исторической науки тесно переплетаются с укреплением нового болгарского государства. С историко-филологического факультета (тогда у него было другое имя) началась в 1888 г. и академическая история, и история университета им. Св. Климента Охридского. Изучение «Всеобщей истории» вообще и новой и новейшей истории, в частности, оказались подверженными изгибам политической судьбы Болгарии на протяжении этих 140 лет, особенно в периоды национальных кризисов как после 1918, 1944 гг., так и в последние десятилетия.

На фоне основных моментов становления болгарской университетской традиции исторического образования можно понять роль, которую сыграла российская академическая школа в лице русских преподавателей Софийского университета, уловить факторы той неформальной интеллектуальной сети, через которую болгарское научное сообщество ознакомилось с творчеством и исследовательскими подходами Н.И. Кареева.

Н.И. Кареев в своих воспоминаниях достаточно подробно описал свои две поездки в Болгарию, которые состоялись в 1900 и 1912 годах [18, с. 215-217]. Особенно плодотворной была вторая поездка, в ходе которой ученый посетил Софию, Софийский университет. Тогда он «побывал... на семинарии Шишманова, посетил несколько уроков истории и русского языка в двух-трех гимназиях и видел, как учатся по моему учебнику в болгарском переводе, и даже прочитал по-русски при большом стечении публики две публичные лекции» [18, с. 216]. Для величаемого Николая Ивановича «скупым гостем» – это показалось ученому «странным», но все прояснилось, когда он узнал, что «скопой» значит по-болгарски «дорогой» - хозяева перед отъездом устроили банкет. Из своей поездки в Болгарию Н.И. Кареев вынес убеждение в «культурном тяготении» ее к России; он зафиксировал и то, что «русский язык был очень распространен среди интеллигенции» [с. 217].

В данной статье ставится задача выяснить, кто из преподавателей Исторического факультета Софийского университета стоял по жизни и в идейном отношении близко к нему. Этот подход во многом гипотетичен. На данный момент, кроме приведенных сви-

детельств из воспоминаний Н.И. Кареева, нет прямых доказательств того, когда имя ученого, его идеи и при каких обстоятельствах звучали в аудитории университета. Хронология текста ограничивается окончанием Второй мировой войны и началом событий, которые повлияли негативно на университетское преподавание, на атмосферу на Истфаке в конце 40-х гг. [24].

Творчество Н.И. Кареева не было объектом изучения болгарских историков, хотя его соратники и ученики стоят у истоков преподавания новой и новейшей истории. К его идеям обращались и обращаются философы, социологи, юристы [32, с. 385-391]. Н.И. Кареева в Болгарии знали. Переводы его сочинений с 1896 и по 1914 издаются обычно с интервалом в год или чуть больше после публикации в России. На болгарском языке появились книги: «Роль идей, учреждений и личности в истории: публицистика», «Беседы о выработке мирозерцания», «Старые и новые этюды об экономическом материализме». «Мысли о сущности общественной деятельности» и другие сочинения Кареева. Часть из них издавались в Варне, другие – в Софии и Великом Тырнове. Особенно активным был социалист Георгий Бакалов. Внимание к Карееву как к автору привлекла и дискуссия, случившаяся в 1903 г. на страницах социалистического журнала между молодым философом Дмитриев Михалчевым и лидером болгарских социал-демократов Дмитрием Благоевым [28]. В 1903 г. на страницах журнала «Мисъл» Д. Михалчев, будущий профессора по философии, декан Историко-филологического факультета в 1922 г., первый болгарский посол в Чехословакии и СССР после 1934 г., начинает публикацию своего труда «Диалектический материализм и теория познания». Он опирается на некоторые идеи Н.И. Кареева в критике марксизма [31, с. 50]. Эта критика спровоцировала Д. Благоева, и в течение 1903 – 1904 г. на страницах журнала «Новое время» он публикует свои возражения. Полемика заняла свыше 350 страниц. В тот период, когда Д. Благоев учился на Историко-филологическом отделении, ведущим преподавателем по философии был проф. Крастё Крастев, философ, литературный критик, переводчик [2, с. 317-318]. Именно он подтолкнул Михалчева вступить в этот спор. Сам Крастев поддерживал связи с М. Горьким и писал для него статьи, которые не были опубликованными из-за идейных разногласий. Михалчев заручился письменной рекомендацией от проф. Милюкова и получил одногодичную стажировку в Петербурге.

Большую роль для реального имплементирования идей Кареева в университетской среде сыграло присутствие его учеников и коллег – историков-единомышленников в Софийском университете. Об этом косвенно можем судить по их преподавательской ра-

боте, лекционным курсам и по работе со студентами. В новоучрежденном университете с 1888 г. студенты выбирали из трех специальностей – «История и география», «Славянская филология и литература», «Философия и педагогика». Из числа семи преподававших 3-е получили образование в России: двое – в Киевской духовной академии, а один – в Московском университете [16, с. 41]. Историкам читали курсы по всеобщей истории, болгарской истории, географии, этнографии, археологии. Изучались классические и современные языки – французский и немецкий. Под понятием «Всеобщая история» подразумевался тематический модуль – лекции и семинары, охватывавшие период от античности до конца XIX в. Преподаватели сами подбирали конкретные темы, часто меняя их в зависимости от профессиональной ориентации.

Первым преподавателем, а с 1894 г. и профессором по всеобщей истории стал Дмитрий Агура, бессарабский болгарин, окончивший церковно-приходскую школу в Измаиле, семинарию в Яссах и там же Исторический факультет университета [15, с. 455]. Он преподавал студентам весь цикл лекций по основным периодам от Античности до Новой истории Западной Европы. Тогда рождается и традиция отдельно читать курс лекций по Истории России. Его личные интересы склонялись к дако-фракийским древностям. С его именем связана и публикация первого университетского учебного пособия по новой истории в 1892 г. «Новейшая история от французской революции до сегодняшнего времени» [1]. В труде он указал, что книга составлена по запискам проф. В.И. Григоровича.

С 1894 г. обучение проводится на отделении «Историко-филологических наук» [26, с. 175-176, 180], где с 1897–1898 учебного года появились институты, соответствовавшие специальностям. Во главе Исторического института был поставлен проф. Димитр Агура. Тогда именно в документах явилось и понятие «кафедра» как синоним тематического направления, цикл лекций, но не формальная структура. У студентов-историков было сначала 11, а с 1904 г. – уже 16 «кафедр»: по философии, истории философии, педагогике, истории и археологии классических и восточных народов, болгарской истории и истории балканских народов и языковая кафедра. На базе последней позднее родится специальность «Классическая филология» (после 1920 г.), но студенты-историки и студенты классического отдела слушали многие лекционные курсы вместе.

Нужда в более квалифицированных преподавателях заставляла университетские власти приглашать иностранных профессоров, в том числе из России – юристов, медиков, математиков, физиков,

богословов. Среди них оказались и российские историки – М.П. Драгоманов, П.Н. Милюков, В.А. Мякотин, Н.П. Кондаков, Э.Д. Гримм, П.М. Бицилли [7, с. 487-490]. Законом 1906 г. министру народного просвещения дано было право приглашать профессоров из иностранных университетов [26, с. 180-181].

Первым профессором, приступившим к чтению курсов по всеобщей истории в 1889/1890 учебном году, стал Михаил Драгоманов. Он преподавал до своей кончины 8 июня 1895 г. Драгоманов читал три лекционных курса по истории Востока, Греции и северо-западных народов [2, с. 182]. До 1875 г. Драгоманов был ординарным доцентом по всеобщей истории Киевского университета. Уволенный из университета без права читать лекции, он покинул Россию. Сразу после него с весны 1897 г. и по 30 июня 1898 г. в аудиторию входит проф. П.Н. Милюков, избранный ординарным профессором по всеобщей и славянской истории и истории христианской церкви, как указано в документах Софийского университета [2, с. 351]. Драгоманов и Милюков оказались в Софии прежде всего по причине того, что их считали «диссидентами от историков», но решение было продиктовано политическими мотивами. Болгарские власти старались отстаивать по любому поводу линию независимости принятия решения.

Из «Воспоминаний» Милюкова узнаем детали той человеческой и академической атмосферы, которая была характерна для Софийского университета и его отношений с болгарскими коллегами и их семьями, видим картину его преподавания, общения со студентами. Милюкова описывает трудности, сопутствующие созданию университета, сложности в отношениях властей с Россией. Его поразила аудитория, переполненная студентами, которые плохо говорили по русский, но приходили слушать русскую речь [21, с. 126]. Он утверждает, что приступил к чтениям со своего курса по «Славянским древностям и археологии». Университетская документация сохранила более точные названия первых курсов – Средняя история / история средних веков и Чешская история [2, с. 351]. К сожалению, его отношения с властями и на болгарской земле остались сложными. Новоназначенный в Софии посол России потребовал под нелепым предлогом от болгарских властей прекратить контракт П. Милюкова, что они и сделали, выплатив ему, как было предусмотрено по контракту, зарплату на год вперед [30, с. 151-168].

По имеющимся опубликованным материалам видно, что сразу после Первой мировой войны содержание обучения не меняется, на первый взгляд, в 1918/1919 и 1919/1920 учебных годах обучение

идет по учебному плану от 1910 г. [16, с. 85]. С 1921 г. студенты слушают лекции в рамках «5-ти кафедр», т.е. Истории Болгарии, Истории Восточной Европе (Византия, Турция, Балканские народы, Венгрия, Польша и России), отдельно работает семинар по Археологии и истории искусства. В 1921 г. Министерство народного просвещения, структурируя преподавание всеобщей истории, выделяет три курса: Истории восточных и классических народов, «средней истории» (цитирую буквально) и, как указано в параграфе 292, дисциплина/кафедра «Новая и новейшая история». Первым лектором последней становится проф. Э.Д. Гримм [26, с. 182]. К сожалению, понятие «кафедра» приводит многих исследователей к заблуждению, будто речь идет о структуре «кафедра», которой он руководил. Кафедра как структура создается лишь в 1951/1952 г., что было копированием советского опыта организации; тогда и выражение «занимает кафедру» заменяется понятием «заведовать кафедрой» [26, с. 180-187].

Новое хронологическое и тематическое размежевание лекционных курсов имело свое объяснение. Милюков рассказывает в своих воспоминаниях: *«Курсы новой, а особенно новейшей истории у нас казались почему-то обязательно ненаучными, и я помню наше общее неодобрение, когда такой курс (история XIX в.) начал читать в Петербурге профессор Кареев»* [21, с. 118]. После кровавых событий в начале века «Всеобщую историю» от древнего мира до средних веков перестали воспринимать как единственную «настоящую историю». *«Я прихожу к убеждению, что наше время, время грандиозного культурного перелома, не менее значительного и содержательного, нежели, скажем, переломы VI в. или XIV – XV вв., и предъявляет нам, историкам, соответствующие требования. Нам должно быть стыдно, что за нас делают нашу работу публицисты (Wells), математики (Spengler) и прочие. Работу осмысления истории, создания нового исторического синтеза»* – писал проф. Бицилли весной 1933 г. своему молодому коллеге Ивану Дуйчеву, проходившего стажировку в Италии [11; [Петкова, Г., Т. Галчева, с. 8, письмо от 5.IV.1933]. Желание понять и ответить просвечивает в самих названиях спецкурсов, формирующий пакет лекций по «Новой и новейшей истории».

Вторая волна профессоров из России появляется в Болгарии в ходе Гражданской войны или в 20-е годы, среди них немало историков [23, с. 143-167]. Руководство Историческим семинаром ИФФ осуществлял с 1911/1912 учебного года проф. Васил Златарский, коллега проф. Эрвина Гримма по Петербургскому университету и по выпуску 1891 г. Курсы по новой и новейшей истории, включая Рос-

сии, были предложены трем профессорам – историкам из России – Э.Д. Гримму, П.М. Бицилли и В.А. Мякотину. О последнем П. Милуков напишет: «С Мякотиним меня скоро соединила искренняя дружба, которую оба мы сохраняли до его случайной кончины в Праге, куда он приехал для занятий в качестве профессора Софийского университета в Болгарии...» [цит. по: 16, с. 41]. Первым приехал в Софию из Константинополя Эрвин Давидович Гримм. Его назначили ординарным профессором по «Новой и новейшей истории», в этой ипостаси он пребывает с 1.09.1920 г. по 20.06.1923 г. Курсы, которые слушают болгарские студенты, либо уже читались им в Петербурге, либо являлись новыми частями, хронологически их продолжавшими. Так обстоят дела с курсом «История Англии в XVII – XVIII вв.» – «Историю Англии до XVI в.» он читал в России в 1900/1901 и 1907 гг.; «Старый режим и революция во Франции» – это его курс «История Франции XVI – XVII вв.», который он представил студентам в 1908/1909 уч. году; курс «Эпоха Возрождения в Италии» он читал в Петербурге в 1910/1911 уч. году [13]. Появляются, однако, и новые, по новейшей истории: «Эпоха европейского империализма» и «История первой болгарской конституции», а курс «История Европы в первой половине XIX века», который он читал в канун войны, в 1914–1915 учеб. году, теперь уже посвящен второй половине XIX века. Таким образом, в Болгарии как лектор он полностью переходит к новой и новейшей истории.

К сожалению, в новоопубликованных работах российских коллег «Софийский период» Гримма присутствует фрагментарно и оценивается однобоко, его вклад в развитие специальности вообще не рассматривается. Авторы обращают прежде всего внимание на его политическую активность, между тем Гримм, кого считали учеником Кареева, в течение этих трех лет задал тон преподаванию по новому хронологическому периоду, включая современную тематику для поиска ответов на вопросы трудного времени и бытия эмигранта. Отсутствие информации о работе профессора Гримма в Болгарии, вероятно, позволяет утверждать, что Гримм отошел от того тематического круга, которым интересовался Н.И. Кареев [3, с. 199]. Проблемы Французской революции, русско-польских отношений и вопросы философии истории – три основные темы в исторических трудах Н.И. Кареева. Тематика спецкурсов Гримма в Софийском университете говорит об ином. Его занимали в Казанском университете изучение исламо-византийских отношений, политической истории и влияния Византии на исламский мир, что тоже нельзя назвать отходом от влияния Кареева. Эти сюжеты актуальны по сей день и будоражат умы востоковедов,

тюркологов, византинистов. Скорее всего, для Гримма понимание структур и процессов современного мира нуждается в знании о тех личностях и институтах древности, которые переходят к нам, являясь двигателем прогресса, именно этим и объясняется новый круг его занятий в Софии: этапы и характер трансформаций в английском обществе, идеи парламентаризма, путь Франции к революционным переменам конца XVIII в., европейский империализм и болгарский конституционализм как пример сожителства монархии и парламента. Надобности нового подхода к теме об историческом синтезе появляется чуть позднее в переписке П.М. Бицилли с Иваном Дуйчевым. А Гримм уже в Болгарии подходит к одной из тем Кареева – об империализме. Позднее, уже в СССР, ему придется ею вновь заниматься. В 1933 г. он готовит сборник документов «Международная политика эпохи империализма» [8, с. 20]. И во всем этом он остается близок к своему учителю и единомышленнику по партии Карееву [19]

Спустя год после драматического отъезда Гримма на Родину в 1924 г. его место занимает П.М. Бицилли в качестве ординарного профессора по новой и новейшей истории. Его трудоустройством занимался лично проф. В. Златарски, и, несмотря на сложности в начале 30-х годов, на этой должности в Историко-филологическом факультете он останется до своего увольнения в 1949 г. [12; 4; 14].

На Балканах – культурной и научной периферии – Петру Бицилли пришлось изменить своим научным интересам к средневековой истории Европы [11]. К этому времени, изучая средневековые тексты, он под влиянием П. Милюкова, Н. Кареева, И. Гревса сформировался как эпистемолог. Основные свои идеи П. Бицилли излагает в «Очерках по теории исторической науки» (1925), а в более поздней работе «Увод в новата и най-нова история. Опыт за периодизация» (1927) он демонстрирует возможности новых подходов для решения конкретных историографических проблем. Его труды по философии истории и методические подходы больше всего приближаются в идейном отношении к Н.И. Карееву. Бицилли читает студентам курсы «Новая и новейшая (политическая и социальная) история Западной Европы», «История европейской культуры», «Философия истории», «Политические теории», «Социальная утопия», «Историческая терминология». Своим присутствием на Историческом факультете Бицилли вносит серьезный вклад в формирование будущих историков Болгарии, но оставаясь иностранцем. Его неприятности усилились после того, как ушел из жизни проф. Златарски – однокурсник Э. Гримма, который приложил много сил в 20-е гг. для трудоустройства своих коллег из

России. Экономический кризис начала 30-х гг. заставил университетские власти начать подписывать с русскими преподавателями контракты на более короткие сроки [29].

Два года спустя к Э. Гримму присоединился проф. В.А. Мякотин, которому поручают лекции по истории России. Катаклизмы начала XX века заставляют и его обратить более пристальное внимание на современность. Таким образом, кроме классических знаний по истории России, устройству империи, историографии России и др., для болгарских студентов Мякотин подготовил чтения по политической и экономической истории России с 1881 по 1914 г., по истории российского общества в канун войны. В Софии он возвращается и к своей любимой до войны «польской тематике», так близкой и Карееву. Три курса посвящены Гетманской Малороссии в XVII – XVIII вв., Украине в XVII – XIX вв. и русско-польским отношениям в XVIII – XIX вв. [2, с. 398].

Даже поверхностное ознакомление с учебными планами межвоенного времени позволяет сделать вывод, что преподавание по «Новой и новейшей истории» в течение четверти века оставалось делом выходцев из России. Все это отчасти и объясняет кадровый погром после 1945 г., хотя после увольнения Петра Бицили кафедра переходит в руки его ближайшего ученика Христо Гандева. В обособленной новой учебной дисциплине сохраняется тематическая преемственность с творчеством Н.И. Кареева, однако появляются новые акценты, связанные с новейшей историей.

Почти все русские историки в Софийском университете были связаны с политической жизнью России. За их спиной была общая революционная деятельность в 1905 г., аресты и «знакомство» с тюремным казематом Петропавловской крепости [10, с. 119]. Известна акция 8-го января 1905 года, в которой участвовали В.А. Мякотин и Н.И. Кареев, с целью предотвратить кровопролитие 9 января [22, с. 166]. П. Милюков и Э. Гримм были известными деятелями кадетской, «профессорской», партии. С 1919 г. университет принял на различные должности свыше 40 профессоров – историков литературы, специалистов по экономической истории, социологов, юристов, медиков. На юридическом факультете читают лекции И.Г. Кинкель, С.С. Демостенов. Одновременно с Гриммом на факультете преподает и Никодим Павлович Кондаков, с которым их пути пересекались и в Петербурге, где он преподавал на кафедре Истории искусства, и еще раз в Софии, где с августа 1920 г. по апреля 1922 г. он тоже преподавал на кафедре по археологии и истории искусства [2, с. 305].

На филологическом отделении ИФФ проф. Новороссийского университета М.Г. Попруженко преподает историю русской литературы. Лекции читают К.В. Мочульский, И.П. Созонович, Н. Дилевский [23, с. 144-158]. С 1920 по 1922, в течение двух лет Н.С. Трубецкой читает лекции по сравнительному языкознанию. Здесь, в своем Софийском семинаре, он приступает к обсуждению евразийских идей.

Преподаватели из России внесли, по воспоминаниям их студентов и жителей города, струю демократичности в элитарное общество университета. Однако, нужно отметить, что жизнь в новой среде давалась им не просто. Временные контракты, лишения пенсии по увольнению, отсутствие рабочих кабинетов, неблагоустроенная послевоенная столица, пережившее две войны государство, принимавшее болгар – беженцев из Македонии, Румынии и Добруджы, провинциальность местной культурной и интеллектуальной жизни не могло предложить им тот уровень жизни, к которому они привыкли. Особенно тяготело состояние библиотек и отсутствие архивов. Так, например, Э.Д. Гримм работал в корчме «У Спаса», там писал свои лекции, там же и общался со своими студентами [23, с. 141]. Таким его запомнили и его коллеги в Ленинграде [8, с. 21-22]. П. Бицилли переписывался и консультировал будущего медиевиста акад. Ивана Дуйчева [11]. Гуляя по улицам и скверам, он вел длинные разговоры со своим учеником проф. Хр. Гандевым [12, с. 27].

Число преподавателей из России таково, что приводит к решению Академического совет Софийского университета допустить чтение лекций на русском языке [16, с. 87]. П. Бицилли, хотя и плохо, но читал на болгарском, но В. Мякотин – нет. Студенты не всегда его понимали, но следили, чтобы в аудитории присутствовало не менее двух студентов, чтобы проф. Мякотин не мог потерять свой контракт.

У истоков становления профессиональной среды, формирующей болгарское высшее образование по новой и новейшей истории, разные составляющие – и общая Альма-матер, и общие идейные взгляды, и общая интеллектуальная среда университетской России [25, с. 297, 351]. Историко-филологический факультет Петербургского университета – центр формирования ведущих научных школ гуманитарного знания, одним из самых ярких его представителей был проф. Н.И. Кареев [27, с. 36]. Московская школа славилась своим свободолобием. Динамично развивался новоучрежденный университет в Одессе; Киев тоже был серьезным академическим центром. Дух профессорской и студенческой корпорации российских университетов перекочевал в молодой уни-

верситет Болгарии. Таким образом, преподавание «Новой и новейшей истории» в течение четверти века попадает полностью в матрицу российской академической традиции и идет по «следам» Кареева. Русские преподаватели были, однако, не только историками, но и искусными в политике людьми. Можно не сомневаться, что они делились и своим житейским опытом со своей аудиторией. Дух профессорской и студенческой корпорации российских университетов перекочевал в молодой университет Болгарии.

Библиография

1. Агура Д. Новейша история от френската революция до днешно време. Състав (по записки на професора Григоровича) Димитър Д. Агура. София, 1892. 265 с.
2. Алманах на Софийския университет „Климент Охридски“. 1888–1939. София: УИ „Климент Охридски“, 1988.
3. Беляева О.М. Э.Д. Гримм в Петербургском университете – путь к профессорскому званию // Диалог со временем. 2011. Вып. 36. С. 198-220.
4. Бирман М.А. П.М. Бицилли (1879–1953). Жизнь и творчество. М.: Водолей, 2018. 444 с.
5. Бицилли П. Очерки по теории исторической науки. Прага, 1925. 230 с.
6. Бицилли П. Увод в изучаването на новата и найновата история. Опит за периодизация. 1927.
7. Бицилли П.М. Трагедия русской культуры. Исследования, статьи, рецензии. Москва; Берлин: DirectMEDIA, 2019.
8. Брачев В.С. Профессор Э.Д. Гримм (1870–1940) и его «дело» // Общество. Среда. Развитие. 2019. No 1. С. 19-25.
9. Вострякова В.В. Теория заимствования в интерпретации российских либералов начала XX века. – URL: <https://www.gramota.net/materials/3/2011/2-2/13.html>
10. Гапон Г.А. История моей жизни. М.: Юрайт, 2019. 154 с.
11. Петкова Г. Литературоведският проект на П.М. Бицилли между Салимбене и Пушкин. – URL: <https://litenet.bg/publish10/gpetkova/proekt.htm>
12. Гандев Х. Проф. Петър М. Бицилли // Векове. 1980. No 2.
13. Гримм Э.Д. – URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/343-grimm-ervin-davidovich.html>
14. Димитрова П. Познатият и непознатият Бицилли // Исторически бъдеще. 1997. No 2. С. 182-184.
15. Думиника И. Организация церковной жизни болгар Южной Бессарабии (1856–1878 гг.) // Дриновский сборник. Т. 4. 2011. Изд. ХНУ им. В.Н. Каразина. С. 451-459.
16. Илчев И., Колев В., Баева И., Калинова Е., Тодорова Цв. Софийски университет „Св. Климент Охридски – първите 130 години“. София: УИ „Св. Климент Охридски“, 2018.
17. Кареев Н.И. Политическа история на Европа от Френската революция до днес. Прев. Цв. Маринов. София: „Знание“, [б.д.]. 292 с.
18. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Подг. текста, вст. статья и коммент. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. 384 с.
19. Кареев, Николай Иванович // Биографика. – URL: <https://bioslovhist.spbu.ru/person/376-kareyev-nikolay-ivanovich.html>
20. Кулов В., Тодоров Д. Проф. Д. Михалчев. – URL: <http://www.philosophybg.com/2017/06/15/%D0%B0%D0%BA%D0%B0%D0%B4-%D0%B4%D0%B8%D0%BC%>

D0%B8%D1%82%D1%8A%D1%80-%D0%BC%D0%B8%D1%85%D0%B0%D0%BB%D1%87%D0%B5%D0%B2/

21. Милоков П. Воспоминания. М.: Политическая литература, 1991.
22. Минцлов С.Р. Петербург в 1903–1919 годах. Под ред. Л.М. Суриса. Москва; Берлин: DirectMEDIA, 2016. 367 с.
23. Михнева Р.А., Грозев Р.К., Рупчева Г. Малката Русия на жълтите павета Камея Груп, 2016.
24. Мутафчиева В., Чичовска В. (ред.). Съдът над историците. Българската историческа наука. Документи и дискусии. 1944–1950. София: АИ „Марин Дринов“, 1995.
25. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. Москва; Берлин, 2015.
26. Петров П. Със справочниците – компетентно и отговорно: Исторически факултет 1888-2008: алманах. Пропелер. София, 2015. 191 с.
27. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Историко-филологический факультет Петербургского университета в дореформенный период: проблемы коллективной биографии (1819–1917) // Клио. 2013. С. 36-41.
28. Тенев Др. Спомени за стара София. Проф. Д. Михалчев. – URL: http://www.omda.bg/public/biblioteka/dragan_tenev/stara_sofia_d_mihalchev.htm
29. Тесля А. Жизнь русского энциклопедиста в эмиграции и одиночестве. – URL: <https://regnum.ru/news/innovatio/2548571.html>
30. Трибунский П.А. П.Н. Милоков в Болгарии (1897–1899 гг.) // Новая и новейшая история. 2002. № 4. С. 151-168.
31. Цацаров Д. Димитър Михалчев – формирането на философа (1903–1904). София: Авангард Прима, 2019.
32. Янков-Вельовски Янко Н. Политически и правни учения (Основи на политикоправния генезис). Том 5. Средновековие. Книга 2. Русия. София: «Янус», 2007.

Михнева Румяна Ангелова, доктор исторических наук, профессор, ВСУ «Черноризец Храбър», секретарь Общества русистов Болгарии, София, Болгария; r.mihneva@mail.ru

“Traces” of Nikolai Kareev in the corridors of Sofia University

The study of General History / New and Modern and History of Russia begins with the first year of the newly established Bulgarian University in 1888. From the first day until 1945, the development of the university is associated with Russian professors – M. Dragomanov, P. Milyukov, E. Grimm, V. Myakotin, P. Bicilli and others. After the First World War, the discipline «Modern and Contemporary History» appeared in the curriculum for the first time within the framework of the «General History» module. The first professor was E.D. Grimm. In the report, changes in the educational content can be traced against the background of the formation of the educational structure itself. Tracing personal destinies, professional contacts and the place of professors of Modern and Contemporary History in Russia's intellectual networks, the influence of N.I. Karaev's creative ideas in finding an answer to the question of his invisible presence at Sofia University.

N.I. Karaev, Sofia University, Faculty of history, Modern and Contemporary History, P. Milyukov, E. Grimm, V. Myakotin

Mixneva Rumyana Angelova, Doctor of history, Professor, APU "Chernorizets Hrab", Secretary of the Society of Rusists of Bulgaria, Sofia, Bulgaria; r.mihneva@mail.ru

Раздел 3

ВЕЛИКАЯ ФРАНЦУЗСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ ГЛАЗАМИ РОССИЙСКИХ ИСТОРИКОВ: ОТ Н.И. КАРЕЕВА ДО «НОВОЙ РУССКОЙ ШКОЛЫ»

УДК 930.2+94(44).04

Афанасьева Ю.С.

Традиция изучения проблем Великой французской революции в творчестве учеников Н.И. Кареева (на примере А.М. Ону)

В статье рассматриваются аспекты преемственности и передачи исследовательского опыта Н.И. Кареева своим ученикам. Научные традиции и связи «учитель – ученик» по проблемам предреволюционной Франции показаны на примере научного творчества А.М. Ону.

Ключевые слова: историческая наука, научная школа, преемственность исторического знания, методология исторического исследования, историография Французской революции

Вклад русского ученого, общественного деятеля, члена-корреспондента Краковской и Петербургской академий наук, почетного академика АН СССР Н.И. Кареева (1850–1931) в исследование многих проблем европейской истории является неоспоримым. Его имя вошло в историографические издания и сборники, его цитаты и теоретические положения конкретизируют многие разделы научной и учебной литературы в области истории, философии, педагогики и социологии. Широкому кругу специалистов он известен не только как исследователь, философ и теоретик, но и как наставник и учитель, подготовивший целую плеяду историков.

Вопрос о «научной школе» Н.И. Кареева освещен в литературе. В.П. Золотарев выделил два этапа в её развитии: первый охватывает период с 1885 по 1899 гг., а второй связан с возвращением профессора в университет в 1906 г. и ликвидацией школы в 1930–1931 гг. На первом этапе из неё «выпустились» М.Г. Васильевский, В.А. Мякотин и В.А. Бутенко, на втором – А.М. Ону, П.П. Митрофа-

нов, В.В. Бирюкович, И.Л. Попов-Ленский, П.П. Щеголев, Я.М. Захер [1, с. 98-99].

Идентифицируя «школу Н.И. Кареева» по составу и проблематике, стоит добавить несколько моментов. Во-первых, к «школе Н.И. Кареева», на наш взгляд, следует относить не только тех, кто прошел семинарий профессора по истории Франции XVIII–XIX вв., но и тех, кто был оставлен для подготовки магистерской диссертации при университете на кафедре всеобщей истории в период заведования ею Н.И. Кареева. Среди них – Э.Д. Гримм, Г.П. Вебер, А.Я. Шульгин, С.В. Казанский, Н.П. Соколов. Во-вторых, история Франции не являлась общей проблематикой учеников профессора, единую исследовательскую тематику можно обозначить шире – новая история европейских стран.

Г.П. Мягков применил к «школе Н.И. Кареева» понятие «дочерняя школа», подчеркнув преемственность её теоретико-методологических традиций с «русской исторической школой», куда относил самого Н.И. Кареева [5]. В научном творчестве некоторых учеников профессора отчетливо прослеживается связь с «*École russe*», выражающаяся в тематике исследования (Французская революция), заграничных командировках, методологическом подходе к анализу источников и др. Примером, на наш взгляд, может служить исследовательский опыт ученика Н.И. Кареева, историка и государственного деятеля Александра Михайловича Ону (1865–1935).

Будучи студентом А.М. Ону записался в семинарий Н.И. Кареева. До «удаления» профессора из университета в 1899 г. его практические занятия были посвящены событиям французской и польской истории. Но уже тогда Кареев предложил перспективную тему о французских наказах своему ученику, несмотря на то что семинарий по этому источнику был введен им в 1906 г. после его возвращения на университетскую кафедру [4, с. 245]. Поначалу Ону неохотно занимался наказами 1789 г., чем вызывал сожаление у своего педагога. Только семь лет спустя, после окончания университета, он последовал совету написать книгу о *cahiers*.

Сохранение межличностных отношений и научной коммуникации между Н.И. Кареевым и А.М. Ону стало возможным благодаря существованию Исторического общества при Петербургском университете, созданного в 1889 г. по инициативе профессора. По мнению С.Н. Погодина, в развитии традиций «*École russe*» общество играло большую роль [7, с. 77]. Н.И. Кареев выступал в основном с докладами по историографическим проблемам Французской революции XVIII века. Рефераты и сообщения И.В. Лучицкого

(еще одного представителя «русской исторической школы») были связаны с историей французского крестьянства накануне и во время французской революции. По итогам заседаний материалы публиковались в сборнике «Историческое обозрение». Выступали с докладами и их ученики. В дискуссиях и обсуждениях актуальных вопросов истории происходила передача научного опыта, достижений и методических наработок молодым ученым. Членство в обществе стало полем для апробации научных результатов А.М. Ону [8].

Само исследование кануна революции во Франции по приказам А.М. Ону начал в 1894 г. Можно выделить несколько этапов его исследовательской работы. 1) Зарубежные командировки для поиска источников в Национальном архиве и Национальной библиотеке Парижа. Результатом поиска стал отбор двух категорий данных. К первой категории относились источники по истории выборов в Генеральные штаты (протоколы избирательных собраний, официальная переписка, тексты первичных наказов и т.д.). По словам Н.И. Кареева, этот обширный материал был известен лишь немногим историкам, но из них никто не изучал его исчерпывающим образом. Вместе с тем он отметил, что Ону изучил все имеющиеся в обеих сериях данные, сравнил их и обнаружил неточности [2, с. 211-212]. Вторую категорию источников Ону составили оригиналы брошюр. 2) Перевод источников с французского языка на русский, их изучение и интерпретация полученных из них сведений. На данном этапе историк сконцентрировался на поиске и разработке подходящей методики анализа наказов. 3) Апробация результатов исследования и подготовка к изданию монографии «Выборы во Франции в 1789 г. и указы третьего сословия с точки зрения их соответствия истинному настроению страны». Часть исследования еще до появления книги публиковалась историком на страницах журналов «La Revolution Française» и «Журнале Министерства народного просвещения». В 1909 г. по просьбе редактора журнала «La Revolution Française» А. Олара историком была подготовлена резюмирующая выводы его книги статья «Les elections de 1789 et les cahiers du tiers etat». В том же году А.М. Ону был приглашен в члены «Общества истории французской революции», что, безусловно, означало признание учеными-франковедами его вклада в разработку истории предреволюционной Франции.

Кратко перечислим составляющие этого вклада. В труде представлена широкая картина созыва Генеральных штатов не по конкретным областям, а в целом по стране, показан механизм выборов

1789 г. и составления наказов, а также условия и факторы, влияющие на него. Определен метод поиска признаков достоверности наказов, разработана их классификация, обозначены методологические требования к исследованию наказов (сопоставление сведений наказа с предшествующими и последующими событиями, в наказах смешанного типа сведения должны быть сгруппированы с однородными фактами из других наказов, применение статистического метода только при условии однородности сведений). Разработанный метод источниковедения позволил Ону установить информативные возможности источника и оценить его значение. Историк показал, что наказания отразили соотношение общественных сил накануне революции. Сквозь конкретные требования и жалобы наказов, а также факты избирательной борьбы в них, историк показал запутанный «клубок» социально-политических и сословных противоречий, тягости сельской жизни, децентрализацию и ослабление страны, свидетельствовавшие об общем кризисе феодально-абсолютистского строя во Франции. Cahiers безусловно отражали реалии надвигающейся революции.

В оценке некоторых вопросов А.М. Ону, без сомнения, являлся продолжателем Н.И. Кареева. Выбор проблематики исследования определял интерес к изучению аграрного вопроса. Приведенные им новые данные из наказов (сведения о числе жителей, задолженности деревень, сеньориальных повинностях и др.) доказывали многие положения профессора о состоянии французской деревни накануне революции, высказанные в его фундаментальном труде [3, с. 184-218]. Также, на наш взгляд, А.М. Ону «унаследовал» от профессора позитивистскую традицию отношения к историческому факту, уделяя пристальное внимание деталям и предельной точности в исследовании источников. Анализ многочисленных мелких исторических фактов отдельного наказа выводит читателя к широкому синтезу и целостному обобщению круга проблем предреволюционной Франции. Чуть позже сам А.М. Ону назвал этот методологический подход к изучению источников «русским методом» [6, с. 178-179]. Метод «русской школы» можно отнести и к исследовательской лаборатории самого историка.

Подводя итог, отметим, что продолжение изучения межпоколенческих связей «школы Н.И. Кареева» расширит знания о ее технологии исторического исследования и теоретико-методологических основах. Исследование творчества каждого из учеников профессора раскроет новые аспекты преемственности по линии «учитель-ученик», выявит традиции и новации в историографии,

сформирует полноценную историографическую картину по проблемам новой истории зарубежных стран в России.

Библиография

1. Золотарев В.П. Отечественные школы новоевропейской истории в России и в СССР (1860–1930 гг.) // Проблемы социально-политической истории зарубежных стран. Сыктывкар, 1996. С. 93-106.
2. Кареев Н.И. Историки французской революции. Т. III. Л., 1925.
3. Кареев Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в. М., 1879.
4. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Подг. текста, вст. статья и коммент. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. 384 с.
5. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с.
6. Ону А.М. Феодалные права во Франции накануне 1789 г. (о методе их изучения) // Н.И. Карееву ученики и товарищи по научной работе. СПб., 1914. С. 167-184.
7. Погодин С. Н. «Русская школа историков»: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997.
8. Рефераты, читанные в заседаниях Исторического общества за 1890–1914 гг. // Историческое обозрение. Т. 19. СПб., 1914.

Афанасьева Юлия Сергеевна, кандидат исторических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия; *afanasyeva.ys@mail.ru*

The tradition of studying the problems of the Great French Revolution in the works of N.I. Kareeva (on the example of A.M. Onu)

The article discusses aspects of the continuity and transfer of research experience of N.I. Kareev to his students. Scientific traditions and connections "teacher-student" on the problems of pre-revolutionary France are shown on the example of A.M. Onu`s scientific work.

Keywords: historical science, scientific school, continuity of historical knowledge, methodology of historical research, historiography of the French Revolution

Afanasyeva Yulia Sergeevna, Candidate of History, Associate professor, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia; *afanasyeva.ys@mail.ru*

УДК 930+94(44).04

Гордон А.В.

Великая французская революция: о понятии и понимании

В статье показано, что неприятие понятия Великая французская революция обусловлено критическим отношением к историографической традиции, которая осуждается за «апологетику» Революции. Автор статьи указывает на спорность обвинительных выводов и на то, что в «классической» историографической традиции

выразилось значение Революции как двигателя становления современной цивилизации при всей противоречивости этого процесса.

Ключевые слова: Великая французская революция, «классическая историография», «новая русская школа», исторический прогресс, культурная традиция, В.И. Герье, Н.И. Кареев

В минувшее десятилетие затеялся разговор о спорности бытующего в отечественной традиции понятия Великая французская революция. Критики ссылаются, в частности, на отсутствие подобного эпитета в мировой науке, точнее – в западной традиции. Что касается собственно термина, упреки в адрес отечественной традиции плод некоего недоразумения. В советское время во Франции XVIII–XIX вв. отмечали аж четыре «буржуазных» революции: 1789, 1830, 1848, 1870 гг.¹, тогда как во французском (а также в других западноевропейских) языке термин Французская революция закрепился лишь за первой из них. И отсутствие эпитета «великая» вовсе не означало умаления ее значения, напротив, так подчеркивались ее уникальность и масштабность.

Историческое значение Революции и явилось импульсом разночтений. Критики отвергают термин, считая его оценочно-публицистическим, недостойным бытования в исторической науке. Опровержение термина эволюционирует в критику самой Революции. Под этим углом зрения рассматривается, вернее, пересматривается историографическая традиция изучения Революции. Положительная оценка ее значения признается «апологетической», и ей противопоставляется «критическая»: И. Тэн, О. Кошен, Ф. Фюре, в России В.И. Герье².

При таком толковании Владимиру Ивановичу Герье отводится особый статус: он провозглашается подлинным основателем «русской школы» историков Французской революции, традицию коей критики продолжают самым названием своего объединения «новая русская школа» (НРШ). Приоритет Герье над признанным лидером международно-признанной (повторюсь) *école russe* Николаем Ивановичем Кареевым обосновывается не только тем, что именно Герье начал университетское преподавание истории Революции в России, но и тем, что он был настоящим ученым, беспристраст-

¹ Не считая Парижской Коммуны, которая почиталась особо как прототип пролетарской.

² Некий историографический «водораздел» виделся еще историку-марксисту Альберу Соболю. Многолетнему руководителю кафедры в Сорбонне и журнала *Annales historique de la Révolution française* принадлежит само определение «классическая историография» как тот комплекс трудов и взглядов, разрушить который взялись «ревизионисты», начиная с Альфреда Коббена [7].

ным, далеким от идеологических предпочтений, тогда как Кареев находился под влиянием либеральной идеологии [10, с. 8-29].

И если первое принимается мной безоговорочно, тем более сам Кареев всегда признавал и чтил Герье как своего учителя, то второе я считаю следствием недоразумения, не просто терминологического, а методологического. В перестроечные времена существовала иллюзия о возможности деидеологизированной истории, и сам лозунг «деидеологизации» имел тогда вполне субстанциональное значение в стремлении преодолеть ту заангажированность исторического знания, что возникла в результате идеологического контроля над ним.

А какую субстанциональность этот лозунг может иметь сейчас, когда с принципом партийности как будто покончено? У коллег из НРФ идеологизация науки о Революции отождествляется с положительным отношением к ней. Полноте! Никто из выдающихся историков прошлого при всем различии взглядов не избежал этой самой идеологизации. Жюль Мишле, создавая «Историю Французской революции», противопоставил либеральным и социалистическим предшественникам свои демократические и народнические взгляды, Ипполит Тэн взялся опровергнуть Мишле, придерживаясь консервативных позиций, Альфонс Олар опровергал труд Тэна с либеральных позиций, Огюстен Кошен разоблачал Олара в своей идейной борьбе с Третьей республикой. А Альбер Матъез оспаривал значение трудов того же Олара с лево-демократических позиций. И что же? Каждый из них оставил сочинения, имевшие, да и сохраняющие до сих пор свое познавательное значение в понимании тех или иных аспектов Революции.

Скажу больше. Именно приверженность, например Тэна к определенной системе взглядов, негативное отношение к участию народных масс в Революции ориентировала его на изучение крестьянских восстаний, ставшее отправной точкой для неприемлемых его политические выводы историков, как П.А. Кропоткин или А.В. Адо. Основатель кафедры Революции в Сорбонне Олар обратился к ее политической истории для обоснования режима Третьей республики. И создал труд, который использовал для характеристики якобинского правления его оппонент и противник республиканского режима Кошен.

Трактовка положительного значения Революции в контексте «апологетизации» вызывает лично у меня недоумение. Кого из классиков можно обвинить в ее безоговорочном восхвалении? Мишле, у которого обращение к Террору или описание Сентябрьских убийств вызывало невыразимые душевные страдания? «Я за-

нят очень трудным делом, – писал он в частном письме о работе над историей Революции, – мне нужно еще раз пережить, проделать, перестрадать Революцию. Я только что прошел через Сентябрь и все смертные муки; меня убивали в Аббатстве, а потом я шел в Революционный трибунал, то есть на гильотину» [8, с. 383]. «Варварская форма прогресса» для Жореса [4, с. 260], «катастрофа» сродни природным катаклизмам для Кропоткина – ужели это «апологетизация»?

Верно – и мне довелось об этом написать, – что в советской историографии произошла «диктаторско-террористическая рецепция» [2, с. 219-245] Революции с прославлением якобинской диктатуры и ее террора. Верно и то, что у либеральных историков, в частности у Олара, террор оправдывался «внешними обстоятельствами». Можно оспаривать аргументы Олара, хотя сбрасывать со счета в генезисе Террора войну с антифранцузской коалицией и порожденную ею психологическую атмосферу «осажденной крепости» я бы не стал. Притом в целом упрек об оправдании политики террора, предъявленный «классической историографии», некорректен. Мишле, Кропоткин или Кареев выступали противниками и диктатуры, и Террора.

Не представляется мне корректным и отрицание классового характера Революции. Полемически А.В. Чудинов совершенно прав: в советской, а отчасти и в зарубежной марксистской литературе происходило упрощение ее буржуазности [9, с. 100-127]. Отнюдь не протагонисты капиталистических отношений, не «капиталистические предприниматели» были в авангарде движения. Напротив, напрашивается метафора «восстание обреченных»: движущими силами оказались социальные слои, коим капиталистический прогресс сулил деградацию, а то и небытие. Но об этом явственно и у самого Маркса, и еще больше в марксистской литературе. Не говоря уже о Жоресе, выдвинувшем данный тезис, «экономическую реакционность» городских низов раскрывал фундаментальный труд Альбера Собуля «Парижские санкюлоты во время якобинской диктатуры» (М., 1966; 1-е фр. изд. 1958).

Можно ли при этом отрицать буржуазный характер Революции, ее значение в утверждении во Франции капитализма? А.В. Чудинов делает упор на том, что Франция в экономическом развитии стала заметно отставать от Англии. Действительно, Франция серьезно задержалась с «промышленной революцией». Едва ли не важнейшей причиной сделался дефицит дешевой рабочей силы, поскольку во Франции не произошло того катастрофического «исхода» из деревни, который состоялся в результате «пер-

воначального накопления» за Ла-Маншем. «Вина» Революции несомненна, ибо крестьянство, хотя и в меньшей мере, чем буржуазия, получило земли. Пусть это была «парцелла», но тем крепче крестьянин держался за собственность, которая избавляла его от превращения в паупера, в одного из тех «бродяг», что клеймила и отправляла в «рабочие дома» мчавшаяся по пути капиталистического прогресса Англия.

Политэкономически, однако, крестьянская собственность на землю – та же частная собственность, утверждение которой было квинтэссенцией переворота в аграрных отношениях, покончившего со Старым порядком. Верно, не до конца! В перераспределении земли победила буржуазия, результатом этой победы стало сохранение крупной собственности, которая и сделалась оплотом сохранения квазифеодальных отношений. И потому ее господству, как показал А.В. Адо, может быть адресован упрек в замедленности развития Франции [1, с. 354-375].

Даже если согласиться с мерилем капиталистического прогресса, нельзя не задуматься об иных критериях. Насколько прогрессивней революционного французского «транзита» было «раскрестьянивание» по английскому образцу? «Куда сомнителен мне твой, /Святая Русь, прогресс житейский! /Была крестьянской ты избой /Теперь ты сделалась лакейской», – писал поэт, между прочим, придерживавшийся не революционно-демократических, а консервативных взглядов.

И вот тут оселок моих разногласий с критиками Революции. Им представляется, что при оценке ее значения можно исключить политическую традицию, что именно такое элиминирование обеспечит подлинно научный характер изучения Революции. А возможно ли исключить политическую традицию при оценке исторического значения Революции, допустимо ли в историческом анализе исключить провозглашенные ею нравственные и гуманистические ценности? Критикам ведь придется отвергать не только «классическую историографию» в революционно-демократическом или либеральном ракурсах, а ревизовать культурную традицию в целом и далеко не только Франции.

Красноречиво, например, признание К.П. Победоносцева: «Несомненно, что великая революция имела всемирное значение. Из нее вышло много благодетельных мер и новых стремлений; она разрушила много обветшавших форм правления и общественных отношений» [6, с. 186].

Защищая ценности, провозглашенные Революцией, «классическая историография» выражала ее цивилизационное значение,

тот цивилизационный Проект, что был выдвинут Просвещением. Сошлюсь лишь на одно веское мнение: «Эти новые начала, новые и самостоятельные начала человеческих будущих обществ, сами из себя исходящие и сами в себе живую силу почерпающие, были уже известные европейскому человечеству начала выработанной им цивилизации – то есть наука, государство и мечта о справедливости, основанной единственно на законах разума. Франция лишь провозгласила самостоятельность этих начал революционерно, то есть полнейшую независимость их от религии, а вместе с ней от всяких преданий. Это делалось еще в первый раз в жизни человечества, и в этом состояла сущность французской революции» [З, с. 234].

НРШ заняла ведущие позиции в постсоветской историографии эпохи Революции и Наполеоновских войн: вышли в свет монографии А.В. Чудинова, Д.М. Бовыкина, Е.А. Прусской, других учеников А.В. Чудинова. Он награжден престижной академической премией, носящей имя Кареева. Научным подвигом А.В. Чудинова представляется возрождение «Французского ежегодника», превратившегося в авторитетное международное издание по актуальным вопросам истории Франции. Стараниями А.В. Чудинова основана серия публикаций «Мир Французской революции», в самой недавней из которых книге В.А. Погосяна «Историки Французской революции» (2019) дается положительная характеристика корифеев советской исторической науки. В той же серии ожидается выход в свет еще одной книги историка из Еревана.

При этом наряду с НРШ в современной российской науке трудятся исследователи, придерживающиеся собственных историографических подходов. Самого большого признания заслуживает школа Василия Павловича Золотарева в Сыктывкаре. Профессор В.П. Золотарев со своими учениками внес неоспоримый вклад в изучение классической «русской школы» изданием трудов Кареева, самое недавнее из которых «По большей дороге истории» было представлено на юбилейной конференции в Казани, многочисленными исследованиями о Карееве и историках, вышедших из его школы: Я.М. Захере, В.А. Бутенко, В.В. Бирюковиче, А.М. Ону.

В Брянске работает ученик А.В. Адо профессор С.Ф. Блуменау, у которого свои ученики, свои монографии, своя школа. Трудятся и другие ученики Адо: З.А. Чеканцева, Л.А. Пименова.

Лично мне, выходящу из советской исторической школы, ставшему ее историографом в драматическое время тотального пересмотра, близка позиция Кареева, учителя моего учителя Я.М. Захера. В постреволюционное время, когда либеральное окружение

ученого под влиянием гражданской войны, террора, военного коммунизма обратилось за пониманием Революции к Тэну, Кареев не поддался общему искушению. Критически оценивая «героизацию» Революции в ранней французской традиции, Кареев не стал пересматривать свой взгляд на сочинения Тэна, находя в них одно-стороннее выпячивание ее «патологии» [5, с. 292-293].

Когда-то Жорж Клемансо заключил: «Революция – это блок». Хочется, чтобы и историографию ее оценивали в целостности, не умаляя научное значение одних подходов и направлений в пользу других.

Александр Викторович Чудинов завершал книгу поучительной сентенцией: «Для исторической науки разрушительно не признание ее субъективности, а, напротив, провозглашение чьей-либо монополии на объективную истину. Пока же продолжается диалог, будет жива и наука истории» [10, с. 276].

Золотые слова.

Библиография

1. Адо А.В. Крестьяне и Великая французская революция: Крестьянское движение в 1789–1794 гг. М.: Изд-во Московского ун-та, 1987. 448 с.
2. Гордон А.В. Великая французская революция как явление русской культуры: К постановке вопроса // Исторические этюды о Французской революции: Памяти В.М. Далина (к 95-летию со дня рождения). М.: ИВИ РАН, 1998. С. 219-245.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч. Т. 21. Л.: Наука, 1980. 551 с.
4. Жорес Ж. Социалистическая история Французской революции Т. VI. М.: Прогресс, 1983. 535 с.
5. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Подг. текста, вст. статья и коммент. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. 384 с.
6. Победоносцев К.П. Сочинения. СПб.: Наука, 1996. 509 с.
7. Собуль А. Классическая историография Французской революции: о нынешних спорах // Французский ежегодник. 1976. М.: Наука, 1978. С. 155-170.
8. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 635 с.
9. Чудинов А.В. Французская революция: История и мифы. М.: Наука, 2007. 312 с.
10. Чудинов А.В. История Французской революции: Пути познания. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 280 с. (Мир Французской революции).

Гордон Александр Владимирович, доктор исторических наук, главный научный сотрудник, ИНИОН РАН, г Москва, Россия; gordon_aleksandr@mail.ru

Great French Revolution. On Concept and Conception

The article reveals that the rejection of the concept of the Great French Revolution is due to a critical attitude to the historiographic tradition, condemned for the "apologetics" of the Revolution. The author of the article points out the excessiveness of the accusatory conclusions and the fact that the "classical" historiographic tradition expressed the significance of the Revolution as an engine for the formation of modern civilization, despite the contradictory nature of this process.

Keywords: Great French Revolution, Classical historiography, New Russian school, historical progress, cultural tradition, V.I. Guerie, N.I. Kareev

Gordon Alexander Vladimirovich, Doctor of History, Principal Researcher, INION, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; gordon_aleksandr@mail.ru

УДК 930+94(44).04

Кутузова А.А.

О влиянии Н.И. Карева на Я.М. Захера и через него на В. Маркова в освещении движения «бешеных»

Наука требует всего человека, без задних мыслей, с готовностью все отдать и в награду получить тяжелейший крест трезвого знания.

А.И. Герцен [1, с. 66]

Статья посвящена рассмотрению вклада выдающихся советских ученых, входящих в «École russe» под главенством Н.И. Кареева (1850–1931 гг.), на примере Я.М. Захера (1893–1963 гг.). Пронеся сквозь свою жизнь не только принципы научного исследования, но и моральные убеждения, Захер смог войти в плеяду выдающихся русских исследователей. Изучение ранее непереведенного труда на русский язык выдающегося немецкого историка В. Маркова позволяет оценить не только вклад Захера в развитие исторической науки, но и определить значение русской исторической школы в раскрытии разнообразной проблематики Великой французской революции XVIII в.

Ключевые слова: русская историческая школа, Н.И. Кареев, Я.М. Захер, В. Марков, историография, «бешеные»

Когда мы начинаем осмысливать жизненный путь выдающегося человека, оставившего обширное научное наследие, мы не сосредотачиваемся только лишь на тех материальных моментах, количестве книг, статей, исписанных страниц. Отблеск жизни ученого можно найти и в тех, кто его окружал – учениках, коллегах, в сердцах и мыслях окружавших его людей, в стенах, где он работал. И тот, кто способен остаться не только на страницах пыльных фолиантов, но и олицетворять собой определенный этап развития научного знания, привлекает внимание исследователей и представителей последующих поколений научного сообщества. Таким был Николай Иванович Кареев (1850–1931 гг.), яркая личность и выдающийся исследователь, воспитавший целую плеяду ученых, ставший учителем и наставником для них. С его именем связано становление «École russe» («русской исторической школы»), получившей широкое международное признание не только за качественность, тщательность научных изысканий, но также за уникальные разработки. Можно найти множество восторженных статей, положительных ис-

следований и трудов, посвященных изучению жизненного пути и наследия Н.И. Кареева, но не менее ценным и значимым является признание его труда, вложенного в воспитание нового поколения ученых. Некоторые имена учеников Кареева несправедливо забыты, однако всплеск интереса к научной школе Николая Ивановича позволил выйти на совершенно новый уровень понимания его вклада в развитие русской исторической науки.

Ярким представителем «*École russe*» является советский историк Яков Михайлович Захер (1893–1963 гг.). Несмотря на трудную судьбу (здесь мы говорим о 15 годах заключения в Краслаге – с 1938 по 1953 гг.), он никогда не оставлял науку и не отказывался от своих убеждений. Прежде всего его имя ассоциируется с исследованием такого геополитического события в мировой истории, как Великая французская революция конца XVIII века. Именно ему принадлежит заслуга комплексного и системного исследования леворадикального движения «бешеных». Захер выступает знаковой фигурой для ученых таких стран как Англия, Франция, Германия, Италия, США, Австралия, Китай и некоторых других.

Наиболее важно в данном случае обратить внимание на имя Вальтера Маркова (1909–1993), немецкого историка, который не только рассматривал ту же историческую проблематику, что и Захер, но и тесно общался с ним. И именно он смог дать оценку Якову Михайловичу не только с точки зрения значимости его исследований, но и с точки зрения личности ученого. И здесь необходимо дать краткую справку о самом Вальтере Маркове. Марковский подход к истории лучше всего можно описать как «историю снизу». Изучая революции и революционные моменты в истории, он стал одним из самых важных немецких историков, работавших над проблемами Великой французской революции [4]. Продолжая традицию мировой истории, инициированную Карлом Лампрехтом и Институтом культурной и всеобщей истории, Марков стал директором этого института в 1949 г. и попытался объединить все региональные исследования в своем университете под одной крышей для сравнительных исследований. Развивая международное сотрудничество с учеными «по ту сторону железного занавеса», он надеялся на конструктивный диалог и взаимное обучение [4]. В. Марков, занявшись с 1954 г. изучением деятельности Жака Ру, направил просьбу в ЛОИИ выслать микрофильм монографии Я.М. Захера и там узнал о возвращении ученого к занятиям наукой. Тогда он обратился за содействием к А.С. Ерусалимскому как председателю комиссии историков СССР – ГДР. Тот не только переслал письмо Маркова Захеру, но и любезно предложил использовать

для этого его возможности [2]. Плодотворное сотрудничество продолжилось недолго – его оборвала смерть Захера в 1963 г.

Смерть историка вызвала волну публикаций в зарубежной научной периодике. В частности, В. Марков в некрологе, посвященном ученому утверждает, что Захер занимает особое положение, так как он открыл редкую специальную область для советской и мировой исторической науки, от которой он не должен был больше отходить и не отходил в течение всей своей жизни, и в которую за ним не пошли его соратники. Захер увидел в «бешеных» спонтанный ход народного движения. Ситуацию, в которой оказался Жак Ру, Захер отнес к проблемам революции и церкви, которой он посвятил двухтомную работу «Великая Французская революция и церковь» (М., 1930, 1931) [6]. И именно Марков заметил тот факт, что во многом Захер обязан Карееву, который рекомендовал ему исследовать ключевую проблематику французской революции – историю «бешеных». Марков писал о том, как Н.И. Кареев помогал своему ученику в его увлечении народным движением во Франции, результатом чего стала его первая публикация в 1921 г. «Парижские секции 1790-1795 гг. и их политическая роль, и организация» (Пг., 1921). Именно Кареев предоставил начинающему исследователю все необходимые документы и иные материалы, поддержал в написании и публикации работы.

Марков неоднократно упоминает имена Кареева и Захера вместе. Для подтверждения стоит обратиться к непереведенному на русский язык труду немецкого историка «Exkurse zu Jacques Roux» (Экскурс по Жаку Ру) 1970 г. [5]. Работа Маркова ценна не только фактическим материалом о жизни наиболее яркого представителя леворадикального движения «Бешеные», но и подробным анализом литературы по рассматриваемой тематике. Признание вклада Я. М. Захера в изучаемый вопрос демонстрируется многочисленными ссылками на труды советского историка на протяжении всей книги – его имя упоминается на 79 страницах издания. Марков упоминает монографии и статьи Якова Михайловича: «Жак Ру» (1922), «Очерки по истории «Бешеных»» (1925), «Клара Лакомб и клуб революционных республиканок 1793 года» (1927), «Бешеные» (1930), «Великая французская революция и церковь» (в 2 т. 1930 – 1931), «Движение «бешеных»» (1961). Марков обращает внимание читателей на тщательную работу Захера с источниками и внимание к деталям. Это он демонстрирует посредством уточнения дат, времени суток, и иной информацией, касающейся частной жизни исследуемого героя – Жака Ру [5, с. 7, 73]. Немецкий историк ставит представителя советской исторической науки в один ряд с выдаю-

щимися французскими и английскими историками – Матъезом, Роузом и т.д. [5, с. 68]. И во многом, имена Захера и Кареева стоят в исследованиях Маркова рядом. Что особо важно, при написании параграфа о парижских секциях, Марков не мог не отметить вклад как Кареева, так и Захера. Именно благодаря наставлениям Кареева Захер смог выпустить труд, который содержит сжатую и конкретную информацию по каждой секции в Париже («Парижские секции 1790–1795 гг.: политическая роль и организация», 1921 г.). Описывая деятельность секции Гравильи (от имени которой наиболее активно выступали «бешеные»), немецкий исследователь обращается к книгам Кареева («Неизданные документы по истории Парижских секций 1790–1795 гг.» 1912 г.) и уже упомянутым трудам Захера [5, с. 92]. Несмотря на признание важности и ценности выводов Якова Михайловича, Марков открыто с ним дискутирует по ряду вопросов, тем не менее, признавая право на мнение, не совпадающее с его собственным [5, с. 113-114].

В упомянутой работе Марков не только представляет Жака Ру как яркого представителя движения «бешеных», но и отдает дань выдающейся и колоссальной работе дореволюционных и советских историков, заложивших фундамент для дальнейших научных изысканий. Исследования движения «бешеных», по мнению Маркова, стало визитной карточкой советских историков-марксистов и в первую очередь Я. М. Захера [6]. Имена Захера и Маркова (как уже было сказано) ставились в один ряд по своей значимости и уникальности. В монографии американского историка М. Славина «Создание восстания: парижские секции и жиронда» (1986) присутствует множество ссылок на работы Я.М. Захера, вышедших в разные годы [7]. Исследования Захера и Маркова полностью восстановили историю «бешеных» как полноценный предмет исторических штудий [3].

Приведенные здесь малоизвестные факты упорно свидетельствуют о том, что выдающийся немецкий историк левого направления В. Марков вписывается в научную школу Кареева по новистике, что придает ей новые и яркие краски.

Библиография

1. Герцен А.И. Дилетантизм в науке // Собрание сочинений в тридцати томах. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1954.
2. Гордон А.В. Советские историки и «прогрессивные ученые» Запада (история с Ричардом Коббом) // Французский ежегодник, 2007. М., 2007. – URL: <http://annuaire-fr.narod.ru/statji/Gordon-2007.html>
3. Bouloiseau M. La République jacobine: 10 août 1792. 9 thermidor an II. Éditions du Seuil. 1972. 288 p.
4. Forsbach R. Walter Markov. NS-Widerstandskämpfer und Historiker (1909–1993). – URL: <http://www.rheinische-geschichte.lvr.de/Persoenlichkeiten/walter-markov/DE-2086/lido/57c948001986d3.25293569>

5. Markov W. Exkurse zu Jacques Roux. Berlin: Akademie-Verlag, 1970. 371 p.
6. Markov W. Zum Tode von Jakov Michailovic Sacher // Sonderdruck der Zeitschrift für geschichtswissenschaft. XI Jahrgang. 1963. Heft 7. S. 1350-1352.
7. Slavin M. The Making of an Insurrection: Parisian Sections and the Gironde. Harvard University Press. 1986. 236 p.

Кутузова Анастасия Александровна, аспирант, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия; azzazell-x@mail.ru

The influence of N.I. Karev on J.M. Zakher and through him on V. Markov in the coverage of the movement of «les Enragés»

The article is devoted to the consideration of the contribution of prominent Soviet scientists who are members of the École russe under the leadership of N.I. Kareev (1850-1931), on the example of J.M. Zakher (1893-1963). Zakher was able to enter the galaxy of outstanding Russian researchers, carrying through his life not only the principles of scientific research, but also moral convictions. The study of a previously untranslated work by the outstanding German historian W. Markov makes it possible to assess not only Zakher's contribution to the development of historical science, but also to determine the significance of the Russian historical school in revealing the various problems of the Great French Revolution at the end of the 18th century.

Keywords: Russian historical school, N.I. Kareev, J.M. Zakher, W. Markov, historiography, «les Enragés»

Kutuzova Anastasiya Aleksandrovna, Postgraduate Student, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia; azzazell-x@mail.ru

УДК 930.1

Русанова В.С.

Понятие «революция» в осмыслении П.А. Сорокина

В статье на основе ряда работ русско-американского социолога П.А. Сорокина, с привлечением теоретических наработок Н.И. Кареева предпринята попытка определить содержательную составляющую понятия «революция» в научном осмыслении первого. В ходе проведенного анализа было установлено, что социолог понимал революцию двояко – в широком и узком смыслах. Его подходы к изучению революции существенно разнятся с научным пониманием революционных событий в исторической концепции Н.И. Кареева.

Ключевые слова: Великая французская революция, Октябрьская революция 1917 г., П. А. Сорокин, «Социология революции», Н.И. Кареев

События последней четверти XVIII в., развернувшиеся во Франции, на долгие годы и даже столетия стали образцом борьбы народных масс западноевропейского общества (и не только) за свои гражданские права, национальные интересы. «От других многочисленных революций последних лет XVIII века она отлича-

лась не только своими масштабами или – если речь идет о государственной системе – централизованностью, не говоря уже о драматизме событий, но также, причем с самого начала, сознательной установкой на всемирное значение» [10, с. 54] – характеризовал Великую французскую революцию британский историк Э. Хобсбаум.

Идеи, символика, деятели Великой французской революции выступали в качестве критериев верификации в последующих революционных движениях XIX–XX вв. Не стали исключением и события 1917 г. в России. Уже тогда современники отмечали ряд сходств и заимствований политическими лидерами, в частности большевиками, атрибуты Великой французской революции. На это обратил внимание и молодой ученый, революционер Питирим Александрович Сорокин (1889–1968), впоследствии ставший заметной фигурой в мировой социологической науке XX в. Пережив три русские революции, в начале 1920-х годов Сорокин принял ряд попыток научного осмысления этого социального процесса. В Чехословацкой республике вышла его брошюра «Современное состояние России», он начал работу над крупной монографией «Социология революции» и вел дискуссию в журнале «Воля страны» с Е.Д. Кусковой об итогах и последствиях прихода к власти большевиков. Словом, социолог на долгие годы погрузился в революционную проблематику. Он стремился понять революцию. К сожалению, свежесть впечатлений от революционной борьбы, сложность адаптации в условиях эмиграции отпечатались на многих выводах П.А. Сорокина. Тем не менее это не умаляет научной ценности его трудов. Кроме того, устоявшаяся в научной литературе точка зрения, что Питирим Александрович не принял Великую Октябрьскую революцию и вследствие чего разочаровался в революции как средстве достижения народного блага, оттеснила на второй план проблему его научного понимания революции. Попробуем же восполнить эту лакуну.

Ретроспективный анализ взглядов П.А. Сорокина на революцию в целом и Французскую, и Русскую в частности демонстрирует его стремление к выработке единой схемы развития этого социально-политического явления. Наблюдая изменения во всех областях жизни российского общества, которые неизбежно возникают в периоды кризиса, социолог предпринял первую подобную попытку в мае 1917 г. В очередном выпуске газеты «Воля народа»¹ выходит его статья «Заметки социолога. Возможна ли в России реакция?», в которой читаем:

¹ О жизни и деятельности П.А. Сорокина подробнее см.: [1; 2; 4; 6].

«В самом деле, чему учит нас история всех революций? тому, что *всякая революция в своем развитии проходит два этапа* (выделено мною. – В.Р.): в первый период революционный маятник, раскачавшись, сносит все старое и в своем движении вперед достигает своего максимума; затем начинается второй этап: революционный маятник начинает ползти обратно, отдаёт одну позицию за другой, пока не останавливается на одном из пунктов довольно далеко от ранее достигнутой далекой точки» [8, с. 44]. В качестве аргумента, подтверждающего выдвинутый тезис Сорокин обращается к истории Великой французской революции, резюмируя: «Французская революция начала с декларации прав, с полноты свобод и неотъемлемых прав гражданина, кончила консульской конституцией и такими законами о личных правах, которые эти свободы оставляли почти лишь на бумаге» [8, с. 44]. Позже он расширил свою периодизацию революции, выделив в этом процессе *три фазы развития* (выделено мною. – В.Р.). «Первая из них – короткая – отмечена радостью освобождения от тирании старого режима и большими ожиданиями реформ, которые обещает каждая революция. <...> Короткая увертюра обычно сменяется второй, деструктивной фазой. Великая революция теперь превращается в вихрь, сметающий на своем пути все без разбора. <...> Если ураганная фаза не полностью превращает нацию в руины, революция постепенно вступает в третью фазу своего развития – конструктивную фазу. Уничтожив все контрреволюционные силы, она начинает строить новый социальный и культурный порядок и новую систему личностных ценностей» [7, с. 82]. В дальнейшем все факты о революциях он укладывал в эту концепцию. Перейдем же теперь от общей схемы революционного развития к более предметному сопоставлению.

Ярким примером сравнительного анализа Великой французской революции с событиями 1917 г. в России в научном наследии П.А. Сорокина, как уже было отмечено выше, стала монография «Социология революции» (1925 г.). В ней социолог дал неклассическую для историков характеристику явлений. Сделанный им акцент на безусловных и условных рефлексах человека, как определяющего критерия в развитии исторического процесса, даёт основание исследователям его научного творчества утверждать, что разработанная им теория революции зиждется на исследованиях бихевиористской школы. Опираясь на этот критерий, он выделяет те области человеческой действительности, которые наиболее, по его мнению, подвержены деформации в периоды кризиса (война, революция, эпидемия). Остановимся подробнее на общих составляющих для двух обозначенных революций в интерпретации П.А. Сорокина.

По мнению русско-американского ученого, для широких масс Великой французской и Великой русской революций (этот термин социолог часто использует в своих трудах) были характерны: 1) деформация «речевых» рефлексов; 2) угасание рефлексов повиновения; 3) изменения в трудовых рефлексах. Этот список ещё можно продлить. В этой же короткой статейке скажем о трех.

Сорокин полагал, что одной из характерных черт революционно настроенного общества является «революция языка». Под этим понятием он подразумевал увеличение числа митингов, протестов, рост числа периодических изданий, листовок, брошюр и так далее. Питирим Александрович пишет о том, что у большинства «развязывается» язык и отсюда появляется требование «свободы слова, собраний, печати». Подтверждение чему социолог находит, главным образом, в якобинских и большевистских периодических изданиях.

Относительно второй характерной для революций во Франции и России черты он пишет: «Вся государственно-политическая революция в первой своей стадии характеризуется прежде всего угасанием громадного количества реакций повиновения у значительной части граждан» [9, с. 75]. Сначала падает авторитет власти, затем прекращается повиновение руководителю, и после сын не считается со словом отца. По мнению П.А. Сорокина «Рефлексы неповиновения в глубоких революциях могут достигнуть этап своеволия, «неограниченного проявления «рефлексов свободы» [9, с. 76]. Он говорит о том, что «успех большевиков был неизбежен», как, собственно, и якобинцев, ввиду того что они не пытались обуздать толпу, а наоборот, способствовали развитию «рефлекса неповиновения». И те, и другие, как пишет социолог, образовали с народом «товарищество на крови». Террор же, стал «прививкой рефлексов повиновения» [9, с. 86], поэтому становится вполне закономерным явлением на завершающей стадии революции. «В итоге – рефлексы входят в берега, и революция заканчивается» [9, с. 77], – заключает социолог.

Третья характерная особенность для сравниваемых революций – изменения в трудовых рефлексах. Сорокин, анализируя поведение рабочего класса в революционное время отмечает, что рядовой рабочий начинает всё меньше по времени выполнять свои профессиональные обязанности. Его рабочее время тратится на участие в митингах, протестных демонстрациях, собраниях. И в конечном счете вместо восьми или шестичасового рабочего дня, которого изначально требуют рабочие, происходит увеличение его продолжительности. В свою очередь массовое невыполнение трудовых обязанностей приводит к экономической нестабильности, кризису или полной разрухе в стране, охваченной пожаром революции.

Иную точку зрения по заявленному вопросу выразил Н.И. Кареев. Отметим, что П.А. Сорокин находился в тесном контакте со своим учителем, а затем и старшим коллегой Н.И. Кареевым на протяжении 15 лет (1907–1922) [3]. И, несомненно, взгляды ведущего историка-новиста на Великую французскую революцию в частности, и на революцию как процесс в целом, оказали определенное влияние на социолога. Всё же данная проблематика рассматривалась ими отлично. Если Кареев подходил к изучению вопроса революции в большей степени с философско-исторической позиции, то Сорокина революционный процесс как научная проблема привлекал, скорее, в рамках социальной динамики. Говоря словами Николая Ивановича, его ученика интересовало «не данное нам в действительности прошлое всего человечества или отдельных народов, эпох <...>, а то «какие силы производят историческое движение» [5, с. 35]. Такие силы Сорокин видел в базовых рефлексах человека, исходя из чего следует, что Кареев подходил к анализу революции как историк, а Сорокин рассматривал её как социолог.

Добавим, что заявленная проблематика не раскрывается в данной статье в полном объеме. Тем не менее, отметим, что в качестве критериев сравнительного анализа отдельно взятых революций П.А. Сорокин выделяет социально-биологические изменения в массах, к которым относит деформацию речевых рефлексов; изменения общественных реакций в области повиновения и властвования; изменения в отношении к труду, собственности и многое другое.

В целом же понятие «революция» раскрывается П.А. Сорокиным двояко: [1] в широком смысле – философско-социологическое обобщение; [2] в узком – как конкретно-историческое понятие. Или, если в помощь призвать логику, то первый аспект может интерпретироваться как понятие *родовое*, а второй – как понятие *видовое*, выходящее из родового.

Обращаясь к конкретно-историческим примерам (Великая французская революция 1789 г. и события в России 1917 г.) Сорокин сравнивает лишь отдельные их периоды, а именно якобинский с Октябрьской революцией 1917 г. Итожа свои выводы, Сорокин отмечает, что революция не несет в себе никакой созидательной энергии, в ней отсутствуют положительные последствия для общества, пережившего эту болезнь. Всё же многие положения о периодах революции Сорокина звучат актуально в наше время.

Библиография

1. Василенко В.В. П.А. Сорокин. Опыт интеллектуальной биографии: монография. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2005. 216 с.
2. Голосенко И.А. Питирим Сорокин: судьба и труды. Сыктывкар: Коми книжное изд-во, 1991. 248 с.

3. Золотарев В.П. Н.И. Кареев и П.А. Сорокин // Наследие. 2013. № 3. С. 78-89.
4. Зюзев Н.Ф. Питирим Сорокин: ученик и жизнь: монография. Сыктывкар: Изд-во СГУ им. Питирима Сорокина, 2019. 208 с.
5. Кареев Н.И. Французская революция в философии истории. Т. IV. Историки французской революции / подготовка текста и вступительная статья В.П. Золотарева и Г.В. Аксеновой. Сыктывкар.: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1998. 215 с.
6. Русанова В.С. Питирим Александрович Сорокин и его неизвестные статьи в газетах партии социалистов-революционеров // Сорокин П.А. Неизвестные газетные статьи 1917 г. / Подготовка текста, авт. вступ. ст. и коммент. В.С. Русанова. М.: Изд-во «Перо», 2016. 156 с.
7. Сорокин П.А. Долгий путь. Автобиографический роман. Сыктывкар: СЖ Коми ССР, МП «Шыпас», 1991. 304 с.
8. Сорокин П.А. Заметки социолога. Социологическая публицистика. СПб.: Алетейя, 2000. 300 с.
9. Сорокин П.А. Социология революции. М.: РОССПЭН, 2005. 704 с.
10. Хобсбаум Э. Эхо «Марсельезы» / Дойчер И. Незавершенная революция. М.: «Интер-Версо», 1991. 272 с.

Русанова Вера Сергеевна, преподаватель, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия; vera.petrashun@yandex.ru

The concept of «revolution» in the implementation of Pitirim A. Sorokin

The author in the article made an attempt to determine the content of the concept of «revolution» on the basis of a number of works by the Russian-American sociologist P.A. Sorokin, using the theoretical developments of N.I. Kareev. It was found that the sociologist understood the revolution in two ways – in a broad and a narrow sense, in the course of the analysis. His approaches to the study of the revolution differ significantly from the scientific understanding of revolutionary events in the historical concept of N.I. Kareev.

Key words: Great French Revolution, October Revolution of 1917, P.A. Sorokin, «Sociology of Revolution», N.I. Kareev

Rusanova Vera Sergeevna, Lecturer, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia; vera.petrashun@yandex.ru

УДК 930 + 001.32

Таньшина Н.П.

От В.И. Герье к «новой русской школе»¹

Статья посвящена анализу ключевых аспектов развития историографии Французской революции в рамках «новой русской школы», являющейся наследницей как «русской школы» Французской революции, связанной с творческим наследием

¹ Исследование осуществлено по гранту Правительства РФ в рамках подпрограммы «Институциональное развитие научно-исследовательского сектора» государственной программы Российской Федерации «Развитие науки и технологий» на 2013–2020 гг. Договор № 14.Z50.31.0045.

В.И. Герье, так и советской историографии революции. В статье анализируются основные направления и методология исследований Революции в рамках «новой русской школы» и делаются выводы о перспективах развития отечественной историографии Французской революции.

Ключевые слова: Французская революция XVIII в., «русская школа» Французской революции, «новая русская школа», В.И. Герье, «смена вех»

Сто пятьдесят два года назад, 6 сентября 1868 г., Владимир Иванович Герье начал читать курс лекций по истории Французской революции в Московском университете [4, с. 153-164]. Этим событием можно датировать рождение отечественной традиции изучения Французской революции и «русской школы» (см.: [5, с. 14, 72-73; 6, с. 201-204, 279-282]).

За минувшие полтора столетия произошли грандиозные изменения в нашей стране. Нет Российской империи, когда возникла «русская школа», нет Советского Союза, когда эта школа была клеймена позором как «буржуазная» и благополучно забыта вплоть до 1950-х гг., когда началась ее постепенная реабилитация. Нет того поколения историков, которые в послевоенные годы составляли основу советской школы изучения Французской революции: Б.Ф. Поршнева, В.М. Далина, А.З. Манфреда, А.В. Адо, Г.С. Кучеренко.

Менялось название страны; менялось наименование событий во Франции конца XVIII в. – Великая французская революция, Французская буржуазная революция, снова Великая французская революция и, наконец, как принято во всем мире, просто – Французская революция. Неизменным оставалось лишь само слово – «революция».

Спал тот интерес к Революции, который был характерен для прежней России. Но что характерно: Французской революцией сейчас наиболее активно занимаются именно представители так называемой «новой русской школы», возникшей на рубеже веков и связанной с новым поколением отечественных ученых. Начало институциональному оформлению нового направления в развитии отечественной историографии Французской революции, получившего наименование «новой русской школы» дала статья А.В. Чудинова «Смена вех» (процесс «смены вех» получил подробное освещение в исторической литературе [1, с. 48-73; 3], в которой автор проследил основные тенденции и подвел общие итоги 200-летнего юбилея [10, с. 5-23]). На мой взгляд, эта программная статья А.В. Чудинова сопоставима по своим масштабам и последствиям со знаменитой лекцией Альфреда Коббена «Миф о Французской революции», прочитанной им в 1954 г. и давшей рождение «новым

прочтениям» Революции, а также с лекциями В.И. Герье, ознаменовавшими появление «русской школы» Французской революции.

Откуда пошло это название профессионального сообщества постсоветских исследователей Французской революции? Как пишет сам А.В. Чудинов, сегодня уже трудно установить, кто именно запустил в оборот этот термин. С большей или меньшей степенью вероятности можно лишь утверждать, что он появился во Всемирной паутине на рубеже нынешнего и прошлого столетий [9, с. 237]. Понятие «новая русская школа» сначала вошло в устный оборот, а потом быстро прижилось в научной среде, причем не только в русскоязычной, но и иностранной (о «новой русской школе» см. также: [8, с. 118-136]).

Являясь третьим этапом развития российской историографии Французской революции, «новая русская школа» сохраняет преемственность с обеими предыдущими. С «русской школой» ее сближают полный методологический плюрализм, акцентированное отмежевание от идеологически и политически окрашенных трактовок Французской революции, а также активная интеграция в международное научное сообщество. Преемственность с советской школой прослеживается в тематике части проводимых ею исследований и стремлении рассматривать Революцию в неразрывной связи с последующим периодом Наполеоновской империи, как это делал В.Г. Ревуненков [7]. Схожий подход характерен и для ряда французских авторов новейших обобщающих трудов.

Ядро «новой русской школы» составляют А.В. Чудинов, его коллеги, прежде всего Д.Ю. Бовыкин, а также ученики А.В. Чудинова, уже ставшие остепененными специалистами и авторами собственных монографий: Е.А. Прусская, А.А. Митрофанов, Н.В. Промыслов, М.Ю. Чепурина, и нынешние аспиранты: В. Болт, Д. Зайцева.

К настоящему времени в развитии «новой русской школы» можно выделить два периода, характеризующихся разной тематикой исследований.

Во второй половине 1990-х – 2000-х гг. основные направления исследований «новой русской школы» определялись стремлением ее представителей найти собственную идентичность, отличную от советской школы. Этим был обусловлен повышенный интерес историков к практически не изучавшейся в советское время консервативной и «ревизионистской» («критической») историографии Французской революции.

В 2010-е гг. в центре исследовательских интересов российских историков Французской революции оказались научные проблемы,

уже напрямую не связанные с наследием советской историографии. Одним из приоритетных направлений этого периода стали имагологические исследования, то есть изучение *образа Другого* и прежде всего – *образа Врага*, осуществляемые на материале Французской революции и Наполеоновских войн.

Другим главным направлением исследований историков «новой русской школы» стало изучение в исторической ретроспективе конфликта либерально-демократической и традиционалистской парадигм, лежащего в основе многих глобальных проблем современности. Работы по этой тематике ведутся под руководством А.В. Чудинова в творческом пространстве созданной в 2014 г. лаборатории «Мир в эпоху Французской революции и Наполеоновских войн» ИВИ РАН. Несмотря на относительно недавнее возникновение лаборатории, результатом ее деятельности стала публикация целой серии работ о сопротивлении революционной экспансии как в самой Франции, так и за ее пределами, а также о взаимоотношениях просвещенных элит и «низов» общества в революционном процессе. Уже третий год под эгидой лаборатории проводится Международная школа молодых ученых, в рамках которой с лекциями для слушателей из разных уголков России выступают ведущие российские и зарубежные исследователи.

Подводя итог, можно согласиться с мнением А.В. Чудинова, что стихийно возникшее понятие «новая русская школа» утратило со временем свой ироничный оттенок и имеет полное право на существование. Оно прекрасно выражает специфику современной отечественной историографии Французской революции – возрождение лучших традиций «русской школы» в новой России [9, с. 248]. Современной отечественной науке присуща не только глубокая специализация (как и французской), но и стремление к синтезу и комплексному анализу. И свидетельством этого является недавний выход в свет долгожданной обобщающей работы по Французской революции А.В. Чудинова и Д.Ю. Бовыкина, с чем я их от всей души поздравляю! [2]. Эта книга является не только важным этапом развития «новой русской школы», но и знаковым явлением в развитии историографии Французской революции и ждет своего осмысления.

Библиография

1. Бовыкин Д.Ю. О современной российской историографии Французской революции XVIII века (полемиические заметки) // Новая и новейшая история. 2007. № 1. С. 48-73.
2. Бовыкин Д.Ю., Чудинов А.В. Французская революция. М.: Альпина нон-фикшн: ПостНаука, 2020. 468 с.

3. Гордон А.В. Великая французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009. 380 с.
4. Иванова Т.Н. В.И. Герье и начало изучения Великой французской революции в России (по материалам лекционных курсов Герье) // Великая французская революция и Россия. М.: Прогресс, 1989. С. 153-164.
5. Мягков Г.П. «Русская историческая школа»: методологические и идейно-политические позиции. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1988. 198 с.
6. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 295 с.
7. Ревуненков В.Г. Очерки по истории Великой французской революции, 1789–1814. 3-е изд., доп. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. 514 с.
8. Таньшина Н.П. К 150-летию изучения Французской революции в России: от Герье до «новой русской школы» // Новая и новейшая история. 2018. № 6. С. 118-136.
9. Чудинов А.В. История Французской революции: пути познания. М.: РОС-СПЭН, 2017. 279 с.
10. Чудинов А.В. Смена вех: 200-летие Революции и российская историография // Французский ежегодник 2000 / Под ред. А.В. Чудинова. М., 2000. С. 5-23.

Таньшина Наталия Петровна, доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; профессор исторического факультета Государственного академического университета гуманитарных наук; Московского педагогического государственного университета, г. Москва, Россия; nata.tanshina@mail.ru

From V.I. Guerrier to the «new Russian school»

This article analyzes the key aspects of the development of the historiography of the French Revolution in the «new Russian school», which is a successor of a «Russian school» of the French Revolution related to the creative heritage of V. I. Guerrier, and the Soviet historiography of the Revolution. The article analyzes the main directions and methodology of Revolution research within the framework of the «new Russian school» and draws conclusions about the prospects for the development of the national historiography of the French Revolution.

Keywords: French Revolution of the XVIII century, the «Russian school» of the French Revolution, the «new Russian school», V. I. Guerrier, «volte-face»

Tanshina Nataliya Petrovna, Doctor of history, professor of the General History Department, the Institute of Social Sciences, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; professor of Modern History Chair, the Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia; nata.tanshina@mail.ru

Раздел 4

ЭНЦИКЛОПЕДИЯ АКТУАЛЬНЫХ ПРОБЛЕМ ВСЕОБЩЕЙ ИСТОРИИ СКВОЗЬ ПРИЗМУ НАСЛЕДИЯ Н.И. КАРЕЕВА

УДК 930 + 94(450).081

Артюх Г.Ю.

Энциклопедическая «Наполеониана» Н.И. Кареева

В статье исследуется «Наполеониана» – репрезентация образа Наполеона I и его эпохи в энциклопедических статьях словаря Брокгауза и Ефрона, написанных Н.И. Кареевым. Автор статьи подчёркивает, что Н.И. Кареев отражает новаторский для своего времени критический подход к изучению Наполеона и его эпохи. Автор приходит к выводу, что энциклопедическая «Наполеониана» Н.И. Кареева есть синтез его личных научных изысканий и достижений мировой исторической науки.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, Наполеон I, «Наполеониана», Наполеоновские войны, критическое направление, энциклопедические статьи

Термин «Наполеониана» достаточно широко распространён в публичном пространстве. Такая форма существительного, образованная от имени субъекта (писателя, композитора, политического деятеля), обычно применяется для обозначения собрания трудов на определённую тему. В книге А.И. Пикуль о знаменитом советском романисте В.С. Пикуле упоминается «...Наполеониана на русском языке...», под которой подразумеваются опять-таки монографии на заданную тему [3].

Это понятие существует и в польском интеллектуальном пространстве¹, «Napoleoniana» называется коллекция в библиотеке конгресса США, где хранится 55 изображений по данной теме [10].

В контексте нашего исследования под наполеонианой имеются в виду статьи о наполеоновской эпохе, написанные лично Н.И. Кареевым для Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона

¹ В польских словарях слово «Наполеониана» означает сборники о жизни Наполеона. Коллекционер Михал Степински назвал Наполеонианой коллекцию, в которой содержатся элементы эпохи (предметы одежды, картины, небольшие изображения и т.д.). Наконец, в 2008 г. в Польше, в городе Йонково прошёл международный фестиваль реконструкторов «Наполеониана – 2008». (См.: [2]).

(1890–1907 гг.). Это четыре статьи в двух изданиях [5, с. 539-546; 6, с. 534-539; 7. стлб. 886-893; 8, стлб. 895-906].

Статьи Кареева демонстрируют стремление автора уйти от «наполеоновской легенды». Однако и до него уже была предпринята попытка более объективного описания деятельности и личности Наполеона в первой в российской историографии биографии Наполеона [11]. Е.И. Бабакина отмечает тенденцию, что в России середины XIX в. появляется много статей о Наполеоне в специализированных военных энциклопедиях и словарях. «Отличительной чертой военно-исторического материала энциклопедии стала более сдержанная и объективная оценка деятельности Наполеона в 1812 году. Положительные отзывы о нем, как о “искусном тактике, мудром администраторе армии” и “величайшем военном ораторе”, говорили об усилении критического направления в отечественной историографии Наполеона» [1, с. 16].

В энциклопедических статьях Н.И. Кареева можно увидеть оценку Наполеона, которую он даёт, фиксируя различные вехи развития личности своего героя: в юности, после 18 брюмера, на вершине могущества.

Статью «Наполеон I» Н.И. Кареев сразу начинает оценочными словами: «...одна из замечательнейших личностей во всемирной истории». Как и в любой биографии, он уделяет внимание детству, в особенности выделяя роль отца в профессиональном становлении Наполеона: «Отец Наполеона стоял сначала на стороне Паоли, отстаивавшего независимость родины, но после его поражения изъявил покорность французскому правительству... Одним из результатов перехода Карла Бонапарта на сторону Франции было то, что его второй сын был принят (1779), на королевский счет, в бриеннскую военную школу». Кареев критически оценивает способности мальчика, которые он проявил в школе, обращая внимания на то, что он плохо знал французский язык: «В училище Наполеон был далеко не из первых; впоследствии компетентные люди замечали важные пробелы в его образовании; но способность к упорному труду и силу воли он обнаруживал и в школьные свои годы. Находясь во Франции, он враждебно относился к этой стране и благоговел перед Паоли». Кареев ссылается на его дневники и на один из его памфлетов 1790 года.

Следующая часть повествования – военная карьера. Кареев обозначает начало военной карьеры 1 сентября 1785 г. Службу Наполеон начал в чине артиллерийского поручика сначала в Гренобле, а затем в Валансе. Кареев обратил внимание на крайнюю ограниченность в средствах, что не позволяло молодому офицеру

появляться в обществе. Всё, что его забавляло, – это чтение исторических и политических книг. Что же до попытки прославиться на литературном поприще, то начал он с опыта написания истории Корсики, которую, как пишет Кареев, «довёл до Паоли». Свою рукопись он отправил самому Рейналю, крупному деятелю Просвещения, надеясь, вероятно, на отзыв, однако Кареев не сообщает, получил ли он отклик. Зато Н.И. Кареев подчёркивает, что осенью 1788 г. в своём дневнике Наполеон оставил рассуждение о королевской власти, проникнутое, по словам историка, «революционным духом».

С самого начала революции Наполеон сделался одним из её сторонников. В чём это выразилось? Осенью 1789 г. он принимает деятельное участие в борьбе партий на своей родине. Кареев достаточно подробно излагает его карьеру в революционных событиях и обращает внимание на те средства, которыми Наполеон пользуется для достижения цели. Цель была в том, чтобы добиться «избрания в начальники батальона национальной гвардии», и добивался он её, по словам Кареева «угрозами и насилием». Кареев описывает противоречивость чувств Наполеона по отношению к Революции и её методам. С одной стороны, он её радикальный сторонник, поскольку примкнул к радикальной партии, а в то же время народная составляющая революции вызывает в нём стойкое негодование. Автор ссылается на слова, сказанные Наполеоном своему товарищу: «Если бы у меня была пушка, я уложил бы на месте сотни четыре этой “сволочи”», имея в виду народ, ворвавшийся в Тюильри 20 июня 1792 г. При восстании 10 августа, когда «произошло крушение монархии», он негодовал по поводу нападения гражданских лиц на «людей в мундирах». Вскоре после этого новое правительство производит его в капитаны. Он в очередной раз уезжает в Аяччо. Здесь, по описанию Кареева, происходит семейная драма: в 1793 г. фамилию Бонапартов народное собрание Аяччо обвиняет в измене отечеству. Мать Наполеона с другими детьми спаслась бегством, дом был разграблен и сожжён. Наполеон попробовал оказать сопротивление, опираясь на французских солдат и местных сторонников Франции, попытавшись овладеть городом, но неудачно и вскоре оставил Корсику. Кареев пишет: «С этого времени личная его судьба связывается с событиями, происходившими во Франции».

Автор обращает внимание на всякого рода покровительства по отношению к Наполеону, будь то Конвент или Директория. Кареев подчёркивает, что это был один из рычагов для карьерного роста Наполеона: «Покровительство это ему скоро пригодилось» [5, с. 541]. Он стал начальником артиллерии во время осады Тулона, после взя-

тия которого Наполеон получает повышение, а после вандемьера и вовсе назначается командующим итальянской армии. Здесь и начинаются Наполеоновские войны, а вместе с ними – Наполеоновская эпоха. Наполеоновским войнам Н.И. Кареев посвятил в энциклопедии отдельную статью. По Карееву, Наполеоновские войны продолжаются с 1800 по 1815 гг., когда Наполеон уже приходит к власти в качестве первого консула и императора, хотя автор и делает ремарку: «В более широком смысле сюда относятся и итальянская кампания Наполеона (1796–1797), и его египетская экспедиция (1798–1799), хотя их (особенно итальянскую кампанию) обыкновенно причисляют к так называемым революционным войнам», а Н.И. Кареев придерживается того мнения, что цель этих войн была в установлении «всемирной монархии под главенством Франции». Данная идея не столь однозначна в историографии, поскольку источники говорят и в пользу этой версии, и в пользу её отрицания. Ссылается Кареев в защиту своей версии в том числе и на собственную оценку личности Наполеона, приводя в качестве определяющих факторов, во-первых, личностные качества Наполеона – «безграничное властолюбие», «честолюбие» и «страсть к войне», во-вторых, неспособность (по мнению Кареева) консолидированных действий государей европейских стран. Более того, в качестве потенциального союзника Наполеон видел Российскую империю.

В результате уже в 1803 гг. «Париж снова сделался центром раздачи всяких милостей...», поскольку Франция подчинила своему влиянию значительную часть германских земель, всю Италию, добилась примирения с Британией, создала множество стран-сателлитов. Однако, как нам кажется, эта политика уже заранее готовила новую коалицию.

Все эти процессы, как секуляризация, медиатизация, становление коалиций, оформление власти в ряде стран, которые оказались под влиянием Наполеона, продолжают и в последующие годы. Кареев отмечает, что в 1807 г. образовывается «аванпост» против России в виде великого герцогства Варшавского. Польский вопрос для Н.И. Кареева, как крупнейшего специалиста по истории Польши, является очень важным. Он особо выделяет воззвание Наполеона к полякам с призывом к обретению независимости. Кареев не раз обращается в своём творчестве к этому альянсу¹, хотя в данной энциклопедической статье он не уделяет этой теме большого внимания. В «Учебной книге по новой истории», которая,

¹ «Летом 1812 г. Наполеон двинул на Россию свою великую армию, нашедши ещё союзников в лице поляков, надеявшихся на восстановление Речи Посполитой и потому охотно шедших на войну с “Москвой”» [4, с. 156].

по заявлению самого Кареева, предназначена для самообразования взрослых, он останавливается на сопротивлении Наполеону в европейских странах: «главную силу, сокрушающую владычество Наполеона, был подъём национального духа в им порабощённых или боявшегося его народах». Первыми среди таковых народов он называет испанцев и португальцев. А далее речь идёт о поляках. «Из всех народов Европы только одни поляки были наполеонистами». Основание же великого герцогства Варшавского и объявление войны России «приняты были поляками за начало восстания прежнего их государства» [9, с. 232-233].

Ключевой вехой для Кареева была война 1812 г., и в обеих статьях он использует цитату дипломата Мориса Талейрана, который считал, что это было «начало конца». Далее в статье речь идёт о войне уже восставшей против Наполеона Германии и поражении в самой Франции. Кареев не расписывает все эти войны, поскольку в энциклопедии есть отдельные статьи по каждому из перечисленных предприятий, но автором их не был Кареев.

Статья о Наполеоновских войнах завершается описанием того, какое влияние оказала наполеоновская эпопея на Европу. Статья же о биографии Наполеона завершается крайне критической оценкой: «Идеи и планы Наполеона поражали своей грандиозностью, как и достигнутые им результаты, но были лишены истинного величия: центром и целью всего был он сам, и всемирная монархия, о которой он мечтал, должна была служить лишь пьедесталом для его личной славы».

Положения и основные мысли Н.И. Кареева касательно личности или эпохи, изложенные в энциклопедическом словаре, рассчитанном на широкий круг читателей, почти не отличаются и от содержания работ, основными читателями которых являлись бы студенты или представители профессионального сообщества¹.

Подводя итог, нужно отметить, что воззрения Кареева на личность Наполеона сформировались как раз на волне усиления критического подхода. Таким образом, энциклопедическая «Наполеониана» Кареева с одной стороны, это отражение результатов мировой, преимущественно европейской, историографии, с другой стороны – результат его личных изысканий, поскольку Наполеон фигурирует и в статьях, и в монографиях, и в курсах лекций.

¹ Правильнее было бы сказать, что они мало чем отличаются. Ср.: 6, с. 538 и 4, с. 138-139.

Библиография

1. Бабакина Е.И. Наполеон Бонапарт в войне 1812 г. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 2015.
2. В польском городе Йонково инсценировали наступление французов на русскую армию. – URL: <https://www.newkaliningrad.ru/news/culture/386449-.html> (дата обращения: 18.11.2020).
3. Пикуль А.И. Валентин Пикуль. Слово и дело великого романиста. М.: Вече, 2013. 719 с.
4. Кареев Н.И. XIX век. Консульство, Империя и Реставрация. М., 2017.
5. Кареев Н.И. Наполеон I // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Т. 40. СПб., 1897. С. 539-546.
6. Кареев Н.И. Наполеоновские войны // Там же. С. 534-539.
7. Кареев Н.И. Наполеоновские войны // Новый энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона. Пг., 1916. Т. 27. Стлб. 886-893.
8. Кареев Н.И. Наполеон I // Там же. Стлб. 895-906.
9. Кареев Н.И. Учебная книга по новой истории. Изд. 10-е. СПб., 1909.
10. Napoleoniana (электронный ресурс) // Library of Congress. – URL: <https://www.loc.gov/item/2005683258/> (дата обращения: 18.11.2020).
11. Полевой Н.А. История Наполеона. В 5 т. СПб., 1844.

Артюх Глеб Юрьевич, магистрант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; gleb.artyuh@yandex.ru

Encyclopedic "Napoleoniana" by N.I. Kareev

The article examines "Napoleoniana" – a representation of the image of Napoleon I and his era in the encyclopedic articles of the Brockhaus and Efron dictionary, written by N.I. Kareev. The author of the article emphasizes that N.I. Kareev reflects a critical approach to the study of Napoleon and his era, innovative for his time. The author comes to the conclusion that the encyclopedic "Napoleoniana" by N.I. Kareev is a synthesis of his personal scientific research and the achievements of world historical science.

Keywords: N.I. Kareev, Napoleon I, «Napoleoniana», Napoleonic wars, critical direction, encyclopedic articles

Artyukh Gleb Yurievich, student, Department of general history, Kazan Federal University, Kazan, Russia; gleb.artyuh@yandex.ru

УДК 930:29

Ахмадиев Ф.Н., Шмелёва Л.М.

Историографические обзоры в практике российских историков второй половины XIX в. – начале XX в.

Становление историографии как самостоятельной научной дисциплины в российской исторической науке происходит в одно время со становлением российской науки всеобщей истории. Это вторая половина XIX в. Важную роль в этом процессе играли историографические обзоры, которые являлись либо учебным материалом, либо предшествовали какому-либо историческому исследованию. Но, со временем, эти обзоры превратились в самостоятельные исследования и стали важной составляющей науки о всеобщей и отечественной истории.

Ключевые слова: историческая наука, историография, всеобщая история, антиковедение, историографический обзор, российский либерализм, политика

Вторая половина XIX века – начало XX века – исключительно важное время в формировании российской исторической науки. Именно в эти десятилетия она становится «полноценным» участником научной, общественной и политической жизни общества. С учетом того, что, с одной стороны, это было время глубоких реформ, острой политической борьбы, время соперничества враждующих политических и общественных движений, а с другой стороны, с учетом «высокой степени доверия к истории и социального престижа исторической науки, опиравшейся на укрепившееся в общественном сознании представления о преемственности исторического развития человеческой цивилизации и, соответственно, об уникальных возможностях использования опыта прошлого как средства решения проблем настоящего и построения будущего» [16, с. 11].

Одним из наиболее точных показателей, происходивших в историческом знании изменений, явилась историография, точнее, процесс ее формирования, которая из всех отраслей исторической науки не только наиболее точно отражала связь между наукой и социальным заказом¹, но и сама историография прошла во второй половине XIX века путь от вспомогательной, «подчиненной» дисциплины, существующей исключительно в рамках конкретно-исторического исследования, до самостоятельной, особой отрасли исторического знания со своим предметом, методами, методикой и пр.

Безусловно, что прикладная роль историографии сохраняется и по сей день, поскольку она является обязательной вводной частью любого серьезного исторического исследования, иллюстрируя среди прочего степень «погруженности» автора в свою проблему. Историографическая составляющая присутствует и при чтении общих и специальных исторических курсов и пр. Всё это нам знакомо. Но интересен именно процесс или ситуация, когда историография как бы «отрывается» от конкретно-исторического знания и присутствует на научном ландшафте уже в качестве истории самой исторической науки. Исследование этого процесса превращения историографии в «самодостаточную» величину может помочь в ответах на такие вопросы: 1) Какими путями формируется профессиональное исследовательское поле историков? 2) Каким обра-

¹ Связь, которую акад. Е.А. Косминский определил формулой: «Историография всегда ярко окрашена политикой» [13, с. 8].

зом с учетом этого явления меняется образовательное поле? 3) Каким образом возникает само профессиональное сообщество историков? 4) Как новые «технологии», говоря сегодняшним языком, а точнее, «плотное» знакомство российских исследователей с опытом, организацией, достижениями европейской (главным образом германской) исторической науки и образованием способствовали формированию соответствующего профессионального пространства в российской науке. Осмысливая это, можно понять, как изменялся облик российской исторической науки во второй половине XIX века – начале XX века с учетом возрастающей историографической составляющей.

Естественно, что изменения были обусловлены не только историографией, но, может быть, в первую очередь наращиванием соответствующей источниковой базы, ее кодификацией и превращением источниковедения, по сути, в самостоятельное, самодостаточное явление в рамках процесса накопления исторического знания. Но в рассматриваемом случае интересна именно историографическая составляющая.

Учитывая разнообразие форм и жанров исторической литературы, необходима оговорка, что мы имеем в виду под историографическим обзором. Историографический обзор трактуется как сосредоточение в рамках одного крупного исследования или цикла статей такого материала, который содержит понятия «школа», «течение», «направления», биографические очерки об ученых, описание и анализ крупных исследований, использование специфической методики и техники и пр. Примерами такого рода обзоров является, например «Историография средних веков» (1940) О.Л. Вайнштейна, «Историография средних веков» (1963) Е.А. Косминского, «Историография истории средних веков» (1985) Е.В. Гутновой, «Историография новой и новейшей истории стран Европы и Америки» (1977), «Славяноведение в дореволюционной России» (1979), «Историография античной истории» (1980) и т.д.

Общими особенностями этих работ являются: 1) все они были написаны и изданы в XX столетии советскими авторами; 2) все они определяются авторами или составителями как учебные пособия по учебному курсу «историография». Таким образом, очевиден факт того, что в наше время историография приобрела значение или функцию независимой от других исторических курсов учебной дисциплины. Иначе, названные выше историографические обзоры демонстрируют «самодостаточность» («статусность») в этом роде историографии. Но есть историографические обзоры, которые вы-

полняют не только прикладную, учебную роль. В этих обзорах сама историография является исследовательским полем.

Примером такого рода обзора может служить «Русская наука об античности» Э.Д. Фролова [17]. Книга выстроена на материале одной дисциплины – российское антиковедение. В чем ее автор видит разницу между, например, «Историографией античной истории» классическим, можно сказать «историографическим учебником» и его «Русской наукой об античности»? Обращаясь к книге Э.Д. Фролова, можно понять, что главными своими целями автор видел следующее: 1) «останавливаться на таких научных явлениях..., которые позволяют составить представление о главных, действительно интересных моментах в жизни нашей науки» [17, с. 8]; 2) дает возможность отказаться от «рабского следования правилам так называемого сбалансированного, т.е. усредненного и плоского изложения» [17, с. 8]; 3) у автора появляется возможность быть «субъективным», то есть писать о том, что ему лично интересно.

Возникают вопросы, суть которых в следующем. 1) Насколько разнятся между собой историографические обзоры «учебного» и «исследовательского» содержания? 2) Есть ли между ними какая-то ощутимая граница, кроме той, которая, с точки зрения Э.Д. Фролова, является формальной, т.е. субъективизм, иначе свобода исследовательского поиска в случае «исследовательского» варианта, либо нечто изначально заданное, «плоское, усредненное» в случае, если обзор решает не исследовательские, а учебные задачи. Автор ссылается на то, что «образцом», «замечательным источником сведений» для тех, «кто обращается к изучению и изложению фактов нашей науки» [17, с. 8] являются труды академика В.П. Бузескула [1]. Что здесь сказать? Замечательно то, что выдающийся антиковед наших дней считал возможным искать лучшие историографические «образцы» в сочинениях отечественных авторов, которые творили более ста лет назад. Но для нас очевидно и другое: вкус, интерес к историографии (в том числе интерес к историографии всеобщей истории) Бузескулу был привит его учителем М.Н. Петровым. Возникает очень интересная связь, точнее, преемственность, которую условно можно назвать историографической традицией, в рамках которой изменяется последовательно характер подходов авторов к историографии всеобщей истории: 1861 г. – появление «Новейшей национальной историографии в Германии, Англии и Франции» М.Н. Петрова; рубеж XIX–XX вв. – появление цикла историографических работ В.П. Бузескула, ключевой из которых было «Введение в историю Греции» [2] и, наконец, 1999 г. – книга Э.Д. Фролова «Русская наука об античности».

Уже в первых своих работах, еще в пору деятельности в Харьковском Императорском университете, Бузескул на постоянной основе обращался к историографическим сюжетам. Более того, историографическая тема для него нередко была независима от антиковедческой проблематики. Нередко антиковедение могло быть лишь фоном или поводом для размышлений, собственно, об историографии и её связи с общественно-политическими процессами, в частности, в Германии. Показательна в этом плане его статья о немецком антиковеде Максе Дункере [5], написанная в 1915 г. в разгар Первой мировой войны и озаглавленная в соответствии с этим историческим временем «Современная Германия и ее историческая наука», и последняя по времени написания (уже в советское время) «Всеобщая история и ее представители в России» (1929–1930 гг.), по сути био-библиографическое описание процесса формирования российской науки всеобщей истории, кстати, без всякой «политизации» этого процесса.

Пожалуй, самой объемной работой В.П. Бузескула стало ставшее затем «знаменитым» его «Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и в начале XX в.» [2]. Из 570 страниц текста этой комплексной работы 333 страницы «рабочего» текста – «Очерк разработки...». Это самая большая по листажу и, пожалуй, самая значимая работа из историографических сочинений Бузескула, подводящая своеобразный итог более чем столетней истории науки об античной Греции.

Так вот, в основе «Введения...», по признанию самого автора, лежат лекции, «читанные... в Харьковском университете» [2, с. XI]. То есть книга «выросла» из учебного курса, в том числе историографического, прикладного по своему значению курса по отношению к самой истории античной Греции. В 1910 году Бузескул написал еще и «Краткое введение в историю Греции» [4], по сути, сократив примерно в два раза объем предыдущей книги. Издавалась она, по признанию автора, с целью стать «пособием для студентов университета и слушательниц Высших женских курсов». Таким образом, получается, что для Э.Д. Фролова, критически отзывающегося об учебных курсах историографии, именно такого рода историографический курс, написанный В.П. Бузескулом, стал «лучшим образцом» в российском антиковедении.

И, отвечая на поставленный выше вопрос о границах между учебным (прикладным) курсом, который, как правило, существует в форме обзора и исследовательским по характеру историографическим сочинением, то границы между ними имеют по сути формальный, то есть условный характер, и в то время позволяют ис-

следователю проявить известную «свободу размышлений» (по Т.Н. Грановскому) или исследовательский субъективизм (по Э.Д. Фролову).

«Введение в историю Греции» было написано автором на основе чтения соответствующего учебного курса [4]. Но пятьюдесятью годами ранее Т.Н. Грановский, читая курс истории европейского средневековья в Московском университете, вполне обошелся без источниковедческого и историографического обзора [9]. На весь объем текста (более 300 страниц) приходится всего одиннадцать упоминаний работ европейских историков: Мишле, Гизо, Тьери, Эйхгорна, Ранке, Шлоссера. Безусловно, что Грановский был знатоком европейской исторической науки о средневековье. Практически, еще будучи студентом, он переводил на русский язык книгу О. Тьерри «Покорение Англии норманнами» [9, с. 319]. Более трех лет (1836–1839 гг.) он был в заграничной командировке (Берлин, Прага, Вена). Был лично знаком с Риттером (географ), Савиньи и др. В переписке со Станкевичем очень высоко отзывался о лекционном курсе Ранке по истории Французской революции. Но какого-то заметного «историографического следа» в наследии Грановского не обнаруживается. Тем более, историография не оформилась в форму какого-либо историографического обзора. Чем объяснить тот факт, что Грановский, можно сказать, пренебрег историографической составляющей и сосредоточился почти исключительно на конкретно-историческом материале, оформляя его в специфическую-учебную, то есть легкодоступную и популярную форму.

Грановский, действуя таким образом, исходил, на наш взгляд, из четкого понимания того, что и определило XIX века как «век истории», а именно из понимания того, что «в общественном сознании» было «представление о преемственности исторического развития... и соответственно... уникальных возможностях использования опыта прошлого как средства решения проблем настоящего и построения будущего» [16, с. 16].

Приведем еще две оценки личности и творчества Т.Н. Грановского. Они интересны тем, что принадлежат не просто современникам историка, но представителям различных политических «партий» в общественно-политической жизни России XIX века. Н.Г. Чернышевский писал в своем очерке: «Грановский служил не личной своей славе, а обществу. Этим объясняется весь характер его деятельности. Он был одним из сильнейших посредников между наукой и нашим обществом: очень немногие лица в нашей истории имели такое могущественное влияние на пробуждение у нас

сочувствия к высшим человеческим интересам» [18]. Можно добавить, что демократ писал и о другом российской историке – М.С. Куторге, одном из основоположников российского антиковедения. Соглашаясь с безусловной «научностью» работ антиковеда, Чернышевский в то же время подчеркивал, что «в настоящее время» (середина 50-х гг. XIX в.) российское «образование» нуждается не в историках-исследователях, а в историках «популяризаторах», «пропагандистах» исторического знания. Вторая оценка творчества Грановского принадлежит либералу В.И. Герье: «Значение исторической кафедры, когда ее занимал Грановский, выходило за предел университетской аудитории и глубоко захватывало всю область русского общественного сознания» [8].

Вообще Грановского как популяризатора, «пропагандиста» исторического знания можно с известной долей осторожности сравнить с немецкими историками – представителями малогерманской школы (Зибель, Дройзен, Трейчке и др.), которые в 70–90 гг. XIX столетия превратили историческую науку в инструмент политической борьбы за объединение германских земель и, с «легкой руки» Зибеля, в обиход, в том числе и в научный было введено понятие «историк-политик» [см.: 3]. Но такого рода стремление превратить исследовательское поле в «политическое поле» встречается и у Г.В. Плеханова [15], и у В.П. Бузескула, в уже упомянутой работе, появившейся в 1915 году [6].

Возвратимся к Т.Н. Грановскому. В 1852 г. ученый «произнес речь» в торжественном собрании Московского университета: «О современном состоянии и значении всеобщей истории» [10]. Конечно же, «торжественность» момента наложила свой отпечаток на содержание выступления Т.Н. Грановского. Он проговаривает обязательные в этом случае восхваления в адрес власти («русский профессор истории не может не упомянуть с благоговейной признательностью о царственном участии в судьбе его науки» и пр.). Но не это главное. Главное в том, что Грановский указывает на последовательный «рост» исторического знания с глубокой древности и до XIX века («века Нибура»), при этом обращая внимание на то, что наука истории есть результат «кабинетного» способа осмысления исторического опыта. Выступление Т.Н. Грановского в «торжественном собрании» содержит еще одно очень ценное наблюдение о том, что российская наука развивалась крайне неравномерно, что на «поприще отечественной истории» русскими историками «совершены» «в течение текущего столетия» превосходные труды», и именно эти успехи служат «надежною порукою за их успехи на более обширном поле всеобщей истории». Это

единственное упоминание такого рода о состоянии дел в российской науке первой половины XIX в., исключительно важно признание именно современника в том, что научное направление, в рамках которого изучалась отечественная история, намного «опережала» то направление, которое было сориентировано на всеобщую историю. Это, на наш взгляд, объясняет во многом и такую особенность российской науки всеобщей истории, как обширная историографическая составляющая, которая, безусловно, играя прикладную роль вплоть до 80-х годов, превращается позднее в самостоятельное научное направление. Примером такого рода «превращения» в новое качество стали работы Николая Ивановича Кареева, который с 1885 года начал читать в Санкт-Петербургском университете основные курсы по новой истории Европы. Обязательным элементом этих лекций были обширные историографические «вводные». Следующим шагом стало издание фундаментальной «Истории Западной Европы в новое время», каждый том которой содержал «Вступления» со сжатым, но очень «плотным насыщенным историографическим материалом». Новым шагом стало появление трехтомной книги с красноречивым названием «Историки Французской революции». Первые два тома – это рассказ о французских историках и публицистах XIX века (времени «Реставрации» и позднее): Минье, Тьер, Мишле, Токваль, Луи Блан, Кине и др.) Третий том «Историков Французской революции» – это историографический очерк об историках – «не французах»: Зибель, Гейссер, Шлоссер, Лоран (Бельгия), Ковалевский, Лучицкий, сам Николай Иванович и др.

Что же мы получаем в итоге? То, что историография Великой Французской революции как самостоятельная («самодостаточная») научная дисциплина «выкристаллизовалась» из учебного, иначе, прикладного цикла лекций профессора Кареева. Но были и другие «маршруты» превращения историографии в самостоятельную дисциплину.

В 1861 г. была издана книга М.Н. Петрова «Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции» [14]¹. Имея в виду, что до середины XIX в. в России не было системной науки всеобщей истории, М.Н. Петрову не о чем было бы писать, если бы не трехлетняя командировка в Англию, Францию, Италию и Германию в период с 1858 по 1860 гг. И сама его книга, ставшая в 1865 г. докторской работой, была результатом осмысления того,

¹ Рядом с названной работой М.Н. Петрова можно поставить «Очерк развития исторической науки» В.И. Герье [7]. С этой работы Герье Т.Н. Иванова начинает отсчет историографии как самостоятельной научной дисциплины [11].

что за «явление представляет новейшая литература европейской истории» [14, с. 8]. В 1884 г., 23 года спустя, М.О. Коялович издал книгу «История русского самосознания по историческим памятникам и научным сочинениям», первая глава которой была названа автором «Состояние науки русской истории и её литература». Это классическое историографическое исследование, подводящее своеобразный итог более чем столетнему опыту изучения российской истории. Именно эту работу Р.А. Киреева в своем исследовании «Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г.» [12]. предложила считать началом историографии как самостоятельной дисциплины в научной практике российских ученых.

Библиография

1. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Обзор источников и очерк разработки греческой истории в XIX и начале XX вв. Харьков, 1904.
2. Бузескул В.П. Введение в историю Греции. Харьков, 1904.
3. Бузескул В.П. Генрих Зибель как историк-политик. Харьков, 1896.
4. Бузескул В.П. Краткое введение в историю Греции. СПб., 1910.
5. Бузескул В.П. Новый взгляд на государственную деятельность Перикла. Харьков, 1887.
6. Бузескул В.П. Современная Германия и ее историческая наука. М., 1915.
7. Герье В.И. Очерк развития исторической науки. М.: Универс. тип. (Катков и К^о), 1865. 114 с.
8. Герье В.И. Тимофей Николаевич Грановский. В память 100-летнего юбилея со дня рождения. М.: А.И. Снегирева, 1914. 74 с.
9. Грановский Т.Н. Лекции по истории средневековья. М.: Наука, 1986. 429 с.
10. Грановский Т.Н. О современном состоянии и значении всеобщей истории // Полн. собр. соч. в 2-х т. Т. 2.
11. Иванова Т.Н. Научное наследие В.И. Герье и формирование науки всеобщей истории в России (30-е гг. XIX – начало XX века. Чебоксары: Изд-во Чуваш. унта, 2010. 382 с.
12. Киреева Р.А. Изучение отечественной историографии в дореволюционной России с середины XIX в. до 1917 г. М.: Наука, 1983.
13. Косминский Е.А. Историография средних веков. V в. – середина XIX в. Лекции. М.: Изд-во МГУ, 1963. 430 с.
14. Петров М.Н. Новейшая национальная историография в Германии, Англии и Франции. Харьков, 1861.
15. Плеханов Г.В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М.: Политиздат, 1963.
16. Репина Л.П. Историческая наука и современное общество // Новый образ исторической науки в век глобализации и информатизации. Сборник статей / Под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2005. С. 3-19.
17. Фролов Э.Д. Русская наука об античности: историографические очерки. 2-е изд. СПб., 2006.
18. Чернышевский Н.Г. Сочинения Т.Н. Грановского // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: В 15 т. Т. III. М., 1947.

Ахмадиев Фарит Нафисович, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; jurgarantiya@rambler.ru

Шмелева Людмила Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; procella@rambler.ru

Historiographic reviews in the practice of Russian historians of the second half of the XIX century - early XX century

The formation of historiography as an independent scientific discipline in Russian historical science occurs at the same time as the formation of the Russian science of general history. It is the second half of the 19th century. An important role in this process was played by historiographic reviews, which were either educational material or preceded any historical research whatsoever. However, over time, these reviews turned into self-sufficient studies and became a significant part of General History and Russian history

Keywords: Historical science, Historiography, General History, Antiquity Studies, historiographic review, Russian liberalism, historian-politician

Akhmadiyev Farit Nafisovich, Candidate of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; jurgarantiya@rambler.ru

Shmeleva Ljudmila Mihajlovna, Candidate of History, Associate Professor, Kazan federal university, Kazan, Russia; procella@rambler.ru

УДК 930+94(367)

Галямичев А.Н.

Вопросы истории западных славян в наследии Н.И. Кареева

В статье даётся суммарная характеристика вклада Н.И. Кареева в изучение истории зарубежных славянских народов. Выявляются основные слагаемые вклада учёного в изучение историко-славистической проблематики, даётся оценка научного значения исследований Н.И. Кареева в контексте современной ему историографии.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, русская историография, история западных славян

Одной из отличительных черт Н.И. Кареев была многоплановость научных интересов. Исключительная эрудиция, широкий кругозор позволяли ему на всём протяжении научно-педагогической деятельности с успехом обращаться к самым различным проблемам истории.

Наряду с другими достижениями следует отметить вклад Н.И. Кареева в изучение истории зарубежных славянских народов.

Интерес к истории славян пробудился у историка очень рано. Поступив в 1869 г. на историко-филологический факультет Московского университета, Н.И. Кареев первые три года обучался на славяно-русском отделении и лишь затем перешёл на историческое отделение под влиянием лекций профессора В.И. Герье. Отражением первоначальных научных интересов студента Н.И. Каре-

ева стал цикл его публикаций в воронежском журнале «Филологические записки», выдержанных в духе мифологической школы, ярчайшим представителем которой в России был профессор Ф.И. Буслаев – первый научный руководитель Н.И. Кареева. В числе других работ в «Филологических записках» увидела свет статья Н.И. Кареева «Славяне в древнейшие времена», в которой начинающий исследователь попытался реализовать возможности, которые давало «новое направление в филологии, умеющее из сказок и преданий, пословиц и загадок, поверий и заговоров, народных песен и т.п. извлекать черты древнейшего народного быта» [4].

После выбора в пользу всеобщей истории и блестящей защиты магистерской диссертации «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века» (1879) казалось, что пути Н.И. Кареева и славистики окончательно разошлись. Тема его докторской диссертации («Основные вопросы философии истории»), защищённой в 1883 г., также была достаточно далека от славяноведения. Следует при этом отметить, что научно-педагогической специализация в области всеобщей истории ориентировала русского историка прежде всего на изучение стран Западной Европы. В России второй половины XIX – начала XX вв. ведущую роль в славистике играли профессора специальных славяноведческих кафедр – славянской филологии и истории славянских законодательств (в 1863–1884 гг.). Представители кафедр всеобщей истории обращались к историко-славистическим сюжетам в тех случаях, когда поднимаемые в их исследованиях вопросы имели точки соприкосновения с историей стран Западной Европы, поэтому они практически не обращались к истории южного славянства. Предметом их изучения могли стать лишь некоторые аспекты истории западных славян, ставших со времён раннего средневековья частью мира западной цивилизации,

В середине – второй половине 1880-х гг. Н.И. Кареев выступил с рядом работ по истории Польши. Его обращение к тематике польской истории было во многом обусловлено не очень продолжительной работой в Варшавском университете (она охватывает время с осени 1879 до конца 1884 гг.). Отъезд Н.И. Кареева в 1884 г. из Варшавы был вызван тем, что в университете, призванном стать инструментом интеграции польских земель в Российскую империю, сложилась сложная обстановка в отношениях между администрацией и преподавательским корпусом, между польскими и русскими профессорами и даже в русской преподавательской среде, что не способствовало плодотворному научному творчеству и педагогической деятельности [13, с. 36-37].

Полонистическое наследие Н.И. Кареева, вышедшее в свет уже после отъезда учёного из Варшавы, свидетельствует о его искреннем интересе к судьбам польского народа, стремлении найти научную истину в разрешении сложных вопросов польской истории, которые приобрели предельную политическую актуальность во второй половине XIX века. Работы Н.И. Кареева по истории Польши были написаны настолько основательно, что, по мнению видного современного российского полониста Л.М. Аржаковой, заслуживают специального монографического исследования «на фоне современной ему польской и европейской исторической мысли» [2, с. 79].

Историк обращался к важнейшим сюжетам польской истории рубежа средних веков и нового времени. В числе их были проблемы исторической судьбы Речи Посполитой, осмысления причин её гибели, судеб польской Реформации [7; 8; 9].

Подобно своим предшественникам в русской историографии (С.М. Соловьёву, Н.И. Костомарову), Н.И. полагал, что гибель Речи Посполитой была закономерной. Однако при этом он уделил гораздо больше внимания внутренним процессам в Польском государстве, попыткам вывести его из кризиса и причинам их неудач [1, с. 36-45]. Н.И. Кареев привлекал новые источники (такие как дневники сеймов – «Диарии»), открыл новые исследовательские сюжеты, на которые историки ранее не обращали должного внимания (в частности, о взаимоотношениях между сеймом и сеймиками). Историк указывал на запоздалость проводившихся в XVIII в. польских реформ, которая не позволила преодолеть нараставший кризис, бессилие законодательной власти, ограниченность возможностей правительства. При этом Н.И. Кареев стремился последовательно стоять на позициях историзма в освещении проблемы, рассматривая «польские реформы как частный случай общего явления – преобразовательных движений XVIII в. исходя из рассмотрения реальных условий, в какие поставлена была Польша, условий, общих с другими государствами того времени или, наоборот, совершенно от них отличных». Такой взгляд он противопоставлял представлениям о том, что «бывают реформы, которые сразу и быстро могут самым прочным образом изменить целый государственный и общественный строй», сторонники которых упрекают «польские преобразования за то, что они не были таковыми», или доказывают, что «они непременно сделались бы таковыми, если бы им не помешали извне» [9, с. 183].

Работы Н.И. Кареева по этому вопросу стали во многом итоговыми для русской историографии, на долгие десятилетия определив представления о ней.

Другая часть полонистического наследия Н.И. Кареева была посвящена новой для русской историографии проблеме – судьбам польской Реформации, отступление которой отодвинуло её на периферию внимания исследователей. Н.И. Кареев посчитал важной исследовательской задачей осмыслить особенности судьбы реформационного движения в Польше и определить её основные исторические последствия.

Небольшая по объёму работа Н.И. Кареева «Вопрос о религиозной реформации XVI в. в Речи Посполитой» [5] наметила пути изучения этой проблемы, но дело её детальной разработки взял на себя преемник Н.И. Кареева на кафедре всеобщей истории Варшавского университета – Николай Николаевич Любович (1855–1935) [14; 15]. С Варшавским университетом была связана вся его научно-педагогическая деятельность, а тема реформационного движения в Польше осталась основной проблематикой исследований [3, с. 82-93]. Главной научной заслугой Н.Н. Любовича были неутомимые архивные разыскания, в ходе которых были введены в научный оборот многочисленные документы и материалы не только польских архивов, но и архивов других городов Европы. Но и труд Н.И. Кареева, поддержавшего опыты Н.Н. Любовича в деле изучения польской Реформации [10], сохранил своё значение прежде всего благодаря своим метким оценкам, основанным на широких сравнительно-исторических наблюдениях.

Полонистические работы Н.И. Кареева в целом во многом актуальны и сегодня, поскольку изучение проблематики истории Польши в нашей стране в XX – начале XXI вв. затруднялось и до настоящего времени затрудняется сложностью и неоднозначностью российско-польских отношений. Из последующих работ Н.И. Кареева для истории отечественной славистики имеют интерес экскурсии в историю славянских народов, которые содержатся в его капитальном многотомном труде «История Западной Европы в новое время» (семь томов вышли в 1892–1917 гг.).

История славянских народов затрагивалась в «Истории Западной Европы» преимущественно в связи с освещением роли славян в меняющейся системе международных отношений. Несмотря на то, что труд носил обобщающий характер и большей частью основывался не на самостоятельном исследовании источников, а на осмыслении данных литературы, в нём было немало оригинальных моментов. Примером этого может послужить освещение Н.И. Кареевым одного из ключевых событий истории Чехии – гуситского движения во втором томе «Истории Западной Европы», вышед-

шем в свет в 1898 г. и посвящённом истории Реформации и «политической жизни» XVI–XVII вв.

Подробно рассмотрев гуситоведческие наблюдения Н.И. Кареева, крупнейший специалист по русской историографии гуситского движения Л.П. Лаптева [12, с. 234-249] отнесла работу Н.И. Кареева к числу высших достижений русской гуситологии: «В домарксистской историографии освещение Н.И. Кареевым гуситского движения было одним из наиболее квалифицированных» [12, с. 248].

Таким образом, многогранное и многоплановое славистическое наследие Н.И. Кареева представляет собой яркое явление российской историографии второй половины XIX в., не имеющее аналогов, оно заслуживает, на наш взгляд, дальнейшего изучения.

Библиография

1. Аржакова Л.М. Н.И. Кареев и его интерпретация причин падения Речи Посполитой // Вестник Санкт-Петерб. гос. ун-та. Серия 2: История. 2010. № 3. С. 36-45.
2. Аржакова Л.М. Славистика в Санкт-Петербургском университете // Петербургские славянские и балканские исследования. 2017. № 2 (22). Июль – Декабрь. С. 172-184.
3. Иванов Ю.Ф. Научная деятельность Н.Н. Любовича // Советское славяноведение. 1980. № 4. С. 82-93.
4. Кареев Н.И. Славяне в древнейшие времена // Филологические записки. Воронеж, 1876. – URL: <https://web.archive.org/web/20131111103537/http://vrn-id.ru/filzaps76.htm> (дата обращения: 21.09.2020).
5. Кареев Н.И. Вопрос о религиозной реформации XVI в. в Речи Посполитой. М.: тип. В.С. Балашева, 1885. 55 с.
6. Кареев Н.И. Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. М.: тип. А.И. Мамонтова и К°, 1886. 192 с.
7. Кареев Н.И. Исторический очерк Польского сейма. М.: тип. А.Н. Мамонтова и К°, 1888. 163 с.
8. Кареев Н.И. Падение Польши в исторической литературе. СПб.: тип. В.С. Балашова, 1888. 407 с.
9. Кареев Н.И. Польские реформы XVIII века. СПб.: тип. В.В. Комарова, 1890. 184 с.
10. Кареев Н.И. Отзыв о сочинении профессора Любовича под заглавием «Начало католической реакции и упадок реформации в Польше». СПб.: тип. Имп. Акад. наук, 1892. 24 с.
11. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время (в 7 т.). СПб.: тип. И.А. Ефрона, 1898. Т. 2. С. 372-402.
12. Лаптева Л.П. Русская историография гуситского движения (середина XIX в. – 1917 г.). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1978. 340 с.
13. Михальченко С.И. Императорский университет в Варшаве: проблемы российско-польских взаимоотношений (1869–1915) // *Slavica Lundensia* / [Dep. Of Slavonic studies. Lund univ.]. Lund: Lund univ., 2005. Vol. 22. P. 33-46.
14. Любович Н.Н. История реформации в Польше: Кальвинисты и антиитритарианцы: (По неизд. источникам). Варшава: тип. Земкевича и Ноаковского, 1883. 348 с.
15. Любович Н.Н. Начало католической реакции и упадок реформации в Польше: По неизд. источникам. Варшава: тип. К. Ковалевского, 1890. 400 с.

Галымичев Александр Николаевич, доктор исторических наук, профессор Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия; galyamichev57@mail.ru

Issues of the history of Western Slavs in the legacy of N.I. Kareev

The article summarizes the contribution of N. I. Kareev to the study of the history of foreign Slavic peoples. The main components of the scientist's contribution to the study of historical and slavistic issues are identified, and the scientific significance of N. I. Kareev's research in the context of modern historiography is evaluated.

Keywords: N. I. Kareev, Russian historiography, history of the Western Slavs

Galyamichev Aleksandr Nikolaevich, Doctor of history, Professor, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia; galyamichev57@mail.ru

УДК 930+ 94(481).04

Ерохин В.Н.

Н.И. Кареев о причинах Реформации

Статья посвящена рассмотрению вклада Н.И. Кареева в изучение причин религиозной Реформации в Европе XVI–XVII вв. Как отмечает автор статьи, Н.И. Кареев представил периодизацию истории Реформации, которая в последующее время в отечественной исторической науке стала основой для определения подходов к изучению Реформации. Вместе с тем Н.И. Кареев детально рассматривал причины Реформации в контексте истории каждой европейской страны и показал, чем были привлекательны реформационные идеи, и какие задачи в истории той или иной европейской страны могли решить.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, новая история, Реформация, периодизация, религиозная история, социальная история

Николай Иванович Кареев (1850–1931) принадлежит к числу наиболее эрудированных, широко и глубоко мыслящих отечественных историков. Занимаясь и конкретной историей, и теоретико-методологическими вопросами исторического познания при большой занятости преподаванием, к чему его побуждали причины материального характера, он успевал много писать и публиковаться, оставив в результате очень значительное научное наследие [3].

При всей широте научных интересов Н.И. Кареева наибольший массив его публикаций посвящен периоду новой истории Европы и Америки. Вполне правомерно рассматривать Н.И. Кареева как основоположника новистики в отечественной исторической науке. Содержание и основные положения трудов Н.И. Кареева в области новистики по большей части не утратили своего научного значения по настоящее время. Преподавательская деятельность

побуждала его, судя по всему, к обобщению, систематизации знаний в изучении новой истории, в результате чего отечественная историческая наука обогатилась его семитомным трудом «История Западной Европы в новое время» (1892–1917). Сейчас, спустя более сотни лет после завершения работы Н.И. Кареевым над этим трудом, в отечественной исторической науке не найти лучшего введения в изучение истории нового времени. В этом труде, наряду с изложением событийной истории, содержится в тезисном виде много размышлений общего характера, которые способствуют продуктивной постановке исследовательских вопросов в области новистики по сей день. В содержании «История Западной Европы в новое время» сказалось и то, что Н.И. Кареев много занимался историей западноевропейского средневековья, в результате чего в этом труде прослежена глубокая связь между развитием европейской истории в позднее средневековье и новое время [1, с. 20-21].

Характеристика истории реформационного периода в трудах Н.И. Кареева способствовала упорядочению и систематизации знаний об истории Реформации, которые к концу XIX века были достигнуты в отечественной исторической науке. Н.И. Кареев предложил периодизацию истории реформационного периода в истории Европы, которая удачно и содержательно сформулирована и по-прежнему полезна для современных исследователей.

По оценке Н.И. Кареева, XVI и первая половина XVII в. в истории европейского Запада составляют особый период, вполне заслуживающий название реформационного, так как основным его фактом является «религиозная реформация со всеми непосредственно примыкающими к ней событиями». По словам Кареева, «беря круглые числа, мы можем сказать, что реформационный период заключается между 1520 и 1650 годами (или 1517 и 1648 гг.)» [2, с. 1].

Внутри реформационного периода Н.И. Кареев предлагал выделять три этапа. Первый из этих этапов (1517–1555) он считал обоснованным начинать от традиционной точки отсчета в истории Реформации – выступления Мартина Лютера с 95 тезисами против индульгенций 31 октября 1517 года (дата, которая по сей день является государственным праздником в девяти федеральных землях в ФРГ, а также в Словении и в Чили). Продолжался этот этап до 25 сентября 1555 года, когда было заключено соглашение на заседании Аугсбургского имперского рейхстага между, с одной стороны, лютеранскими и католическими субъектами Священной Римской империи германской нации и, с другой стороны, эрцгерцогом Австрии, королем Чешским и последующим императором

Священной Римской империи германской нации, основателем австрийской ветви дома Габсбургов Фердинандом I (1503–1564). По условиям Аугсбургского мира лютеранство было признано официальной религией в империи, имперские сословия получили право свободы вероисповедания, так что в истории Реформации это стало первым этапом в закреплении и легализации ее результатов. По характеристике Н.И. Кареева, в рамках первого этапа истории Реформации «главная роль в реформационном движении принадлежит Германии и немецкой Швейцарии, распространяется и утверждается главным образом лютеранизм, возникает, кроме того, англиканская церковь, реформа получает преимущественно монархический характер, и со стороны католицизма только к концу периода начинается настоящее противодействие протестантизму, который в то же время получает новую форму – кальвинизма» [2, с. 2].

В качестве второго этапа развития Реформации Н.И. Кареев выделял хронологический отрезок от Аугсбургского религиозного мира до Нантского эдикта, составленного и принятого 13 апреля 1598 года по распоряжению французского короля Генриха IV Бурбона (1589–1610) и утвержденного провинциальными парламентами во Франции. Нантский эдикт даровал полное равноправие протестантам с католиками во Франции и, по существу, знаменовал собой дальнейшее укрепление Реформации в Европе. По словам Н.И. Кареева, в рамках этого второго этапа «происходит распространение (во Франции, Шотландии, Нидерландах, Польше и т.д.) кальвинизма, вступающего в некоторых странах в борьбу с королевской властью и выставляющего идею народовластия, совершается сильная католическая реакция и происходят религиозные войны» [2, с. 2].

Третий же этап в развитии Реформации в Европе Н.И. Кареев обозначал как время от издания Нантского эдикта 1598 года (по его словам, фактически с рубежа XVI и XVII веков) до середины XVII века, и завершающим рубежом здесь стало окончание Тридцатилетней войны (1618–1648). Как отмечал Н.И. Кареев, в это время «на континенте происходит религиозно-политическая борьба..., а в Англии борьба между королевской властью и парламентом, завершающаяся первой революцией (1640–1649) и учреждением сектантской (индепендентской) республики» [2, с. 2]. Именно этот подход к периодизации истории Реформации, сформулированный Н.И. Кареевым, и стал в дальнейшем основой для изучения истории реформационного периода в отечественной исторической науке.

Н.И. Кареев также систематично охарактеризовал причины реформационного движения в Европе, дав ориентир для изучения Реформации последующим поколениям отечественных исследователей, который тоже остается значимым по сей день. В трактовке Кареева, «реформационное движение было явлением очень сложным... Прежде всего, реформация была движением чисто религиозным, крупным событием в истории западного христианства, как вероучения и церковной организации... заявленными целями реформации были «возвращение христианства к апостольским временам» посредством «очищения веры от людских выдумок» и «освобождение духа от мертвящей буквы предания». Результаты реформации в этом отношении – разрушение религиозного единства Западной Европы, образование новых исповеданий и основание новых церквей, развитие мистического и рационалистического сектантства, перерешение догматических, моральных и церковно-практических вопросов, новое направление теологического мышления, развитие новых религиозных принципов, вольномыслие антитринитариев и деистов... и вместе с тем оживление умиравшего католицизма, пересмотр его догматов, починка всей его внутренней организации» [2, с. 3-4]. Католицизм, по словам Кареева, был целой системой, налагавшей свои рамки на всю культуру и социальную организацию средневековых католических народов, и «значение реформации именно в том и заключается, что оппозиция католической культурно-социальной системы во имя чисто человеческих начал интереса и права пошла под знаменем реформированной религии» [2, с. 5].

Как обобщенно писал Н.И. Кареев о причинах Реформации, «религиозный протест против “порчи церкви”, оппозиция курии и клиру по побуждениям чисто светского характера, местные общественные дела – вот три категории элементов, участвовавших в реформационном движении XVI века... но местная политическая борьба не вызывала сама по себе религиозной реформации (пример – Испания)» [2, с. 5-6].

При этом, как отмечал Н.И. Кареев, основные причины реформационного движения были далеко неравномерно распределены по разным странам. По его словам, «не говоря уже о том, что у каждого народа в его внутренней жизни была своя “злоба дня”, у одного одна, у другого – другая, у одного – способная уладиться путем мирной реформы, у другого – необходимо вызывавшая революционное столкновение, отдельные народы были в своих массах и в своих правящих классах не совсем одинаково религиозны в количественном и качественном отношении и различным обра-

зом должны были относиться к далекой курии и своему собственному клиру, так как и курия, в сущности, вызывала к себе разные чувства, и клир одной страны не был похож на клир другой, и сами нации во всем остальном не вполне походили одна на другую... Мало того: в одной и той же нации реформация имела иногда совершенно разный успех у отдельных сословий и начиналась то снизу, от общества, то сверху, от власти... Исследовать с этой точки зрения происхождение реформации в каждой отдельной стране, анализируя факты... и сравнить результаты исследования – вот, по нашему мнению, единственный путь, чтобы не сделать скороспелых, односторонних или прямо неверных заключений о причинах возникновения реформационного движения вообще или в той или другой стране в частности».

Следует учитывать в анализе характера Реформации, прежде всего, местные условия. Как обратил внимание Н.И. Кареев, «форма правления, существовавшая в государстве, в общем, переносилась и в новое церковное устройство: реформация, возникшая в Германии и Англии, приняла монархический характер, а цюрихская или женеvская – республиканский... Реформа могла идти снизу, от народа, или сверху, от власти, могла быть общенародной или сословной, могла содействовать усилению государственной власти или расширению народных прав» [2, с. 7-8]. Эти методологические соображения при изучении эпохи Реформации сохраняют свое значение и в настоящее время.

Библиография

1. Ерохин В.Н. Пуританское движение в Англии в XVI – начале XVII вв. в освещении современной англо-американской историографии. Екатеринбург: Изд-во Уральского ун-та, 2001. 294 с.

2. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время (развитие культурных и социальных отношений). Т. II. Реформация и политическая жизнь в XVI и XVII вв. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1983. III, 618 с.

3. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое. Подг. текста, вст. статья и коммент. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. 384 с.

Ерохин Владимир Николаевич, доктор исторических наук, доцент, Северо-Восточный государственный университет, г. Магадан, Россия; erohin_vladimir@inbox.ru

N.I. Kareev on Causes of Reformation

The article deals with consideration of contribution made by N.I. Kareev into the study of causes of religious Reformation in Europe in 16th – 17th centuries. The author of the article underlines that N.I. Kareev presented periodization of Reformation history that later on became the basis of determining approaches to Reformation studies among Russian researchers till contemporary times. Alongside N.I. Kareev examined in detail causes of Reformation in the context of history of each European country and showed why

Reformation ideas were attractive and what tasks could be resolved in different European countries relying upon Reformation doctrine.

Keywords: N.I. Kareev, Modern History, Reformation, periodization, religious history, social history

Yerokhin Vladimir Nikolaevich, Doctor of History, Associate Professor, North-Eastern State University, Magadan, Russia; erohin_vladimir@inbox.ru

УДК 94(35)

Крих С.Б.

Н.И. Кареев: традиции и перемены в осмыслении древней истории Ближнего Востока¹

Не являясь специалистом в области древней ближневосточной истории или языков этого региона, Н.И. Кареев в основном интересовался этим периодом с историко-социологической точки зрения. В своих обобщениях он старался приводить в гармонию основные известные ему достижения науки в деле изучения Ближнего Востока и строить на них собственные обобщения. В условиях утраты единства исторического нарратива в постсоветской ситуации этот подход Кареева обретает черты особой привлекательности.

Ключевые слова: дореволюционная историография, древний Ближний Восток, курсы по древней истории

В конце XX в. обращение к дореволюционному прошлому отечественной исторической науки обрело ореол принятия утерянного наследия, предполагавшего восстановление связи между прошлым и настоящим «через голову» отвергнутого «среднего века» советского периода. Кареев с его ясным стилем и полнотой эпох мировой истории, затронутых им в лекционных курсах (которые, что важно, было опубликованы) или популярных книгах, вполне подходил на эту роль классика историографии нашего одновременно реального и воображаемого прошлого.

Это состояние, когда историографический факт, казалось бы, подтверждает историографический же стереотип, может длиться довольно долго, но оно в принципе является непродуктивным, поскольку способствует выстраиванию ложных логических связей в искажённой системе координат. Чтобы увидеть настоящую ценность кареевского наследия, его важно, наоборот, поместить в наиболее полный контекст – включая изменения в науке советского периода. Проиллюстрировать возможности этого приёма

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-09-41014) «От Святой Земли до рабовладельческой формации: история Древнего Ближнего Востока в российской исторической науке XX в.».

я намереваюсь через проблему понимания древней ближневосточной истории в трудах Кареева.

Русский историк не был ни ассириологом, ни египтологом, ни библеистом, и поэтому к узким специалистам по древневосточной истории его отнести нельзя. Собственно, это хорошо видно в его работах – он строит своё повествование на изложении и обсуждении результатов других исследований, при этом не испытывая слишком большого интереса к деталям. Основной акцент делается Кареевым на том, что он сам признаёт социологическим подходом и то, что мы могли бы отнести сейчас к исторической социологии: а именно, речь идёт о рассмотрении различных исторических общественных форм в свете современного (на тот период) понимания эволюции общества и в системе современной терминологии. Поэтому Карееву важно обсудить, насколько применима к истории древней экономики теория К. Бюхера или какой характер был у египетского феодализма; обращает внимание то, что, хотя Кареев в споре между Э. Мейером и К. Бюхером становится на позицию первого, но подробнее он излагает взгляды второго [1, с. 40-43] – потому что Бюхер социологичен. Конечно, он не может удержаться от того, чтобы, сравнивая Вавилонию и Ассирию, не приложить к ним теорию промышленного и военного типа обществ, популярную в социологии XIX в. [1, с. 74]. При этом, описывая Ниневию, к тому времени давно обнаруженную, Кареев предпочёл цитировать эффектное описание из книги пророка Ионы и лишь много позднее достаточно неопределённо упомянул о результатах раскопок, так и не уточнив, действительно ли требовалось три дня на обход города [1, с. 76, 94-95; ср.: 3]. Можно даже добавить, что к социологическим обобщениям историк добавляет описательные эффекты – например, довольно пространно цитируя победные реляции ассирийских царей с их обильными перечислениями кровопролитий, – хотя ниже оставляет читателю возможность понять, что это в значительной мере уравнивалось мирной деятельностью [1, с. 76-78, 81]. Само сочетание социологических обобщений и отдельных эмоциональных вставок является прототипическим, например, для советского школьного учебника по истории.

Конечно, построения Кареева нанизываются на единый стержень всемирной истории, и в этом смысле слова он показывает высокое мастерство в отборе, упорядочении, частично даже примирении различных достижений исторической науки того времени. Но как и любой талантливый популяризатор, он тесно связан с наличествующим состоянием исторической науки. Поэтому, некоторые идеи Кареева были сравнительно быстро деактуализиро-

ваны ростом знаний: попытка представить израильскую историю как набросок истории раннего государства интересна по большей части именно как шаг по нормализации библейского текста в роли исторического источника, но раскопки на Ближнем Востоке древнейших протогородов в первой трети XX в. сделают этот шаг уже не нужным. Нельзя сказать, что Кареев слишком успевал за развитием науки, если не считать того, что изредка он мог менять позицию: в одной книге он делит расы на высшие и низшие [2, с. 8], а в другой опровергает наследственный характер психотипа народов [1, с. 101-104].

В конечном итоге, однако, дело не в отдельных устаревших идеях и обобщениях, а в том, что Кареев всегда ориентируется на примирение новых течений своего времени с уже проверенными тезисами. Заслуживает уважения то, что при этом он базируется на собственном видении исторического процесса, но специфика заключается в том, что это его видение не является оригинальным. Если такие специалисты, как Б.А. Тураев или М.И. Ростовцев (даже в русский период его деятельности) всегда стремились самостоятельно оценить любое новое воззрение или переоценить уже устоявшееся в случае, если фактические данные или внутреннее убеждение заставляют их чувствовать несоответствие, и их вёл инстинкт историка, если Л.И. Мечников предлагал новое видение мировой истории и его вёл инстинкт социолога, то Кареев оказывается неизменно где-то посередине. Конечно, в этом случае произошедшая из-за эпохи потрясений смена парадигм резко снизила интерес к его работам – в советской системе воззрений на историю, которая начнёт обретать целостные черты уже в последние годы жизни Кареева, было гораздо больше монизма, чтобы она нуждалась в обобщениях «буржуазного» историка.

Шанс к возрождению подход Кареева получил уже в постсоветское время: утрата веры в безупречность советского метанарратива породила в отечественном интеллектуальном пространстве не отказ от метанарративов в принципе, а стремление к поиску более подходящей единой теории в сочетании с некоторой фрустрацией от обилия подходов и «поворотов» в современной гуманитаристике. Кареев с его умением примирять многообразие объяснений может сыграть здесь роль если не лекарства, то плацебо, призванного утолить боль утраты.

Библиография

1. Кареев Н.И. Монархии древнего Востока и греко-римского мира. Очерк политической, экономической и культурной эволюции древнего мира под господством универсальных монархий. СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1908. 406 с.

2. Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Очерк главнейших исторических эпох. СПб.: Брокгауз-Ефрон, 1903. 304 с.
3. Halton Ch. How Big Was Nineveh? Literal versus Figurative Interpretation of City Size // Bulletin for Biblical Research. 2008. Vol. 18. № 2. P. 193-207.

Крих Сергей Борисович, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; krikh@rambler.ru

Traditions and Changes in Views on the Ancient Near East History: Case of N.I. Kareev

N.I. Kareev was not a specialist in the Ancient Near Eastern history and languages and his interest to this topic lied mainly in perspective of the historical sociology. In his generalizations Kareev tries to make a harmony with all of the actual ideas and facts about ancient history. Nowadays post-Soviet intellectual nostalgia for methanarrative gives another chance for interest to the similar solutions.

Keywords: Russian pre-revolutionary historiography, Ancient Near East, courses on Ancient history

Krikh Sergei Borisovich, Doctor of History, Professor, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; krikh@rambler.ru

УДК 930 + 94(38)

Кудратов А.О., Онищенко Е.А.

Римские политические практики в свете представлений Н.И. Кареева о свободе в античности

В тексте поставлена задача сравнить современные историографические тенденции относительно трактовки идеи свободы в Древнем Риме с концепцией античной свободы Н.И. Кареева. Рассмотрен ряд вариантов реконструкции представлений о свободе в Древнем Риме, указаны существенные их отличия от свободы индивидуальной. На основе представленного анализа предложены возможные модели дальнейшего изучения античной свободы.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, свобода, филиация идеи свободы, история древнего Рима, историография, римские политические практики

Один из основателей школы анналов Л. Февр настаивал на том, что историк должен вмешиваться «во всё многообразие духовной жизни» [12, с. 31]. Н.И. Кареев в полной мере соответствовал такому пониманию образа действий историка-исследователя, ведь его «знали не только профессиональные историки – особой популярностью он пользовался среди так называемой прогрессивной интеллигенции, склонявшейся в философском смысле к позитивизму, а в политическом – к либерализму» [10, с. 37.]. Именно с последним В.А. Филимонов увязывает в своей диссертации фили-

ацию идеи свободы у Н.И. Кареева: «Повышенное внимание Н.И. Кареева к феномену античной свободы (равно как и к проблеме прогресса) обусловлено его принадлежностью к лагерю российской либеральной историографии» [13, с. 210]. При этом одна из значимых идей либерализма – это свобода личности, что также подчёркивает и Филимонов.

Представления о свободе в античности имеют дополнительный интерес для специального изучения в свете того факта, что в историографии отсутствует единое мнение по вопросу античной свободы. А значит целесообразным было бы сравнение концепции Н.И. Кареева с данными историографии, нахождение эвристического потенциала его концепции и выявление того места, которое его концепция занимает в трактовке феномена античной свободы.

В данном конкретном случае мы рассмотрим концепцию Н.И. Кареева в сравнении с историографией Древнего Рима. Это становится тем более актуальным, если принять во внимание утверждение историка Х. Мауритсена: фактически вся политическая борьба в римской Республике проходила под знаменем идеи свободы. Катилинарии, Цицерон, Клодий, а затем Цезарь и его убийцы – все апеллировали к идее *libertas* (свободы) [см. 6, с. 9].

В приведённой выше цитате просматривается как важность идеи свободы, так и её основополагающая роль – она являлась своеобразным знаменем, некоей легитимирующей силой политического действия в условиях кризиса.

Несколько иной подход, через сферу права отражён в монографии историка Х. Вирзубски: «римляне представляли себе *libertas* как приобретенное гражданское право, а не как врожденное право человека» [8, р. 3]. У него же представлена интерпретация идеи свободы через противопоставление, в котором проявляется сущность свободы с акцентом на формах правления: «В этом отношении противоположностью *libertas* является *regnum*, который, если использовать его в собственном смысле, неизменно подразумевает абсолютную монархию» [8, р. 5].

Эту неоднозначность идеи свободы в античном Риме ещё более полно отразил Дж. Конноли: «Республиканская свобода лучше всего понимается как концептуальный спектр, с одной стороны, свобода бедного гражданина от жестокого обращения со стороны магистрата, а с другой – понимание свободы, представленное Цицероном (свобода участвовать в управлении)» [2, р. 35]. Значение свободы, следуя за ходом его рассуждений, следует рассматривать как результат взаимодействия масс и элит в поле риторики. Исто-

рик утверждает: интересы элиты выдвигались в терминах, которые вызывали или, по крайней мере, были совместимы с риторикой народной свободы [см.: 2, р. 35].

Следует подчеркнуть характерный момент: изучение древнеримских представлений о свободе в современной историографии идёт по пути анализа риторического концепта свободы. С точки зрения методологии это можно было бы квалифицировать, как следствие лингвистического поворота. Современная историография говорит, главным образом, о том, как понимали свободу сами римляне.

Н.И. Кареев подходит к вопросу несколько иначе. Он рассматривает не античную свободу, как её понимали древние, а скорее «допрашивает» античность относительно интересующей его категории – свободы индивидуальной. В том виде, в каком выдвигает свою интерпретацию Кареев не могла не присутствовать некоторая модернизация римских представлений о свободе. Модернизация в таком случае связана с тем, что историк и римляне по-разному понимали сущность свободы.

Во-первых, Н.И. Кареев рассматривает индивидуальную свободу как внеисторический принцип. В этом отношении приходится, кстати, наблюдать Г.П. Мягкова о том, что «подход Н.И. Кареева к истории Греции и Рима преимущественно культурологичен...» [11, с. 274]. Свобода в античности показана им через противопоставление «государство – индивид», в то время как древними римлянами свобода мыслилась лишь в рамках политического и только в связи с государственным образованием. Кроме того, как было показано в реконструкциях модели свободы выше, для древних понимание свободы не было однозначным. Сосуществует несколько типов реконструкций: свобода как ценность тираноборческая, свобода как легитимирующая сила политической практики и, наконец, двоякая сущность свободы.

Во-вторых, для римлян ценность свободы, как и ряд других ценностей, служит прочным основанием их представлений о государстве и противопоставит тирании как врагу Республиканского строя. У Н.И. Кареева другая интерпретация: государство противопоставит личности, стремящейся к свободе.

Таким образом, в соответствии с точкой зрения Н.И. Кареева, античная свобода – это индивидуальная свобода, которую он ищет в рамках периода античной истории, но не свобода как её понимали древние. Он видит свободу исходя из либеральных ценностей и обращается к проблеме свободы как идее внеисторической.

С одной стороны, в таком подходе просматривается модернизация. С другой – цель Н.И. Кареева не реконструкция. Ему инте-

ресно не то, как видели свободу люди того времени, а проблема индивидуальной свободы вообще, генезис которой он изучает в контексте древней истории.

Всё это позволяет увидеть новые исследовательские повороты для изучения римских политических практик в их связи с представлениями о свободе. Но что может предложить метод рассмотрения античной свободы Н.И. Кареева для современных исследований? В каком ключе может быть использован его подход?

Концепция Кареева рисует римскую свободу широкими мазками, рассмотрение происходит в отношении долгих периодов и не берется в расчёт частности. Исследователь рассматривал свободу как противостояние двух начал: государственного и индивидуального. В зависимости от превалирования того или иного начала можно говорить о наличии свободы в обществе или о её отсутствии. Вооружившись такой исследовательской рамкой, можно убедиться, насколько продуктивна она оказывается для изучения конкретных периодов римской истории, в особенности кризисных.

Действительно, конфликт между требованием общества и индивидуальными стремлениями раскрывает себя как напрямую в римских источниках, так и в реконструкции римских гражданских ценностей, связанных с вопросами чести. Гражданское общество требовало от своих граждан стремления к добродетелям. Однако источники показывают, что преклонение римлян перед гражданскими добродетелями никогда не гарантировало следование провозглашённым нормам на деле. Бесконечно возвеличиваемое мужество, требуемое от граждан в целях защиты государства, часто шло вразрез с человеческим страхом перед страданиями и болью. Несмотря на желание быть смелыми, на возвеличивание воинской доблести, несмотря на то что понятие *virtus* (мужество) для римлян являлось синонимом добродетели как таковой, источники показывают множество примеров, когда римляне теряли голову из-за страха.

Представим два подобных примера. У Аппиана встречаем: «и небывалый страх напал на его войско, когда до него дошла весть о количестве войска, подготовленности и отчаянности противника (App., ВС., II. 103). Примерно в том же ключе повествует о страхе римлян Плутарх: «даже чванливая пышность драгоценного снаряжения отнюдь не была бесполезна, но делала свое дело, устрашая противника: сверкание оружия, богато украшенного золотом и серебром, яркие краски мидийских и скифских одеяний, сочетающаяся с блеском меди и железа, - все это волновалось и двигалось, создавая огненную, устрашающую картину, так что римляне сгрудил-

лись в своем лагере, и Сулла, который никакими уговорами не мог вывести их из оцепенения...» (Plut. Sulla. 16). Такой разрыв между провозглашаемым и реальностью позволяет расширить наше представление об изучаемом периоде.

Метод изучения свободы, предложенный Н.И. Кареевым, раскрывает конфликт между индивидуальными стремлениями человека и ущемляющими его свободу государственными институтами и общественной моралью. Всё это позволяет реконструировать то общее, что присуще человеку во все времена, позволяет выявить не столько конкретно историческое наполнение фактами, сколько имманентно присущие людям чувства, не зависящие от исторического контекста.

В этом смысле важно показать ещё одну грань рассмотрения античной свободы, нашедшую своё отражение в современной историографии истории Древнего Рима. Речь идёт о проблеме так называемой «римской смерти» – самоубийстве в римской культуре. Данная проблема имеет косвенную связь с методологической позицией самого Н.И. Кареева, известного как исследователя, уделявшего видное место социологии. Самоубийство уже в XIX веке стало одной из первых форм поведения, изучаемой посредством методов социологии. Каким образом «римская смерть» была связана с представлениями римлян о свободе?

Во-первых, общим пространством, где пересекаются смыслы двух рассматриваемых понятий, является римская гражданская этика. Историк Бартон, с которым сложно не согласиться, пишет: «Никакое изучение римских законов и институтов не может рассказать нам столько о том, как римляне осуществляли управление, сколько может рассказать изучение их механизмов позора и чести» [1, р. 19]. Как свобода, так и «римская смерть» тесно связаны с механизмами позора и чести.

Во-вторых, на пересечение смыслов свободы и добровольного ухода из жизни указывает историография рассматриваемого периода. Исследователь А. Ван Хуфф, говоря о периоде 49–42 гг. до н.э. пишет, что многочисленные самоубийства тех лет в Риме были представлены как символические смерти политической свободы [7, р. 10]. Эти случаи, по мнению учёного, объясняются исключительно попытками укрепить память об умирающих днях республики [7, р. 10]. Тот же момент отмечают другие исследователи М. Гриффин [4, р. 65-66] и Т. Хилл. Для последнего аристократическая смерть имеет форму политического протеста [5, р. 187].

О распространённости и даже очевидности такой интерпретации можно судить ещё и потому, что она свойственна учёным, не

специализирующимся на истории Рима. Доктор искусствоведения Паола Дмитриевна Волкова в своей книге «Мост через бездну. Комментарий к античности», в главе «Viva Roma!» высказывает своё мнение о сущности феномена самоубийства в Древнем Риме: «Самоубийство – **свободный** выбор конца жизни для любого римского гражданина. Не позор, не малодушие, а **право**. Право самому решать свою судьбу» [9, с. 178].

Подтверждает взаимосвязь самоубийства и свободы М. Фуко. Он пишет, что «Самоубийство ...прежде считалось преступлением, поскольку было способом присвоить себе право на смерть, отправлять которое мог лишь суверен...» [14, с. 242-243]. Можно возразить, сказав, что Фуко в данном случае пишет о феномене в целом, что это может не совпадать с исторической действительностью Рима. Но исследователь римской истории Джуди Гауган приходит к такому же пониманию насилия в работе «Murder was not a crime» [см.: 3, р. 23-53].

Данная проблема не могла войти в обзорное рассмотрение античной свободы Н.И. Кареева. Но подход, предложенный историком, уже содержит в себе эвристический потенциал для её изучения. Римские самоубийства неприемлемы с позиции римской гражданской этики. Но их можно интерпретировать и понять через предложенную Кареевым рамку противостояния государства и личности.

В конечном итоге различия между методом Кареева и современными подходами следует рассматривать как варианты исследовательской оптики, выбор которой зависит от конкретных исследовательских задач. Метод анализа античной свободы Н.И. Кареева можно рассматривать как вариацию метода «допроса источника». Его познавательный потенциал в том, что свобода в таком случае предстаёт в качестве реально действующей силы исторического процесса, а не только в качестве концепта, используемого для рационализации тех или иных политических действий. Другими словами, историк выводит свободу из узких рамок риторики. Анализ его концепции показывает, во-первых, что свободу в отношении античности можно изучать разными методами, а, во-вторых, каким образом, используя определённые постановки, её можно вписать в контекст всеобщей истории. Также можно утверждать, что метод изучения античной свободы Кареева позволяет искать новое знание в рамках антропологического подхода, отвечая на вопросы о том, что присуще человеку во все периоды истории.

Библиография

1. Barton C. Roman honor: the fire in the bones. London, University of California Press, 2001. 326 p.
2. Connolly J. The State of Speech. Rhetoric and Political Thought in Ancient Rome. Princeton: Princeton Univ. Press. 2007. 304 p.
3. Gaughan J. Murder was not a crime: homicide and power in the Roman republic. Austin: University of Texas Press. 2010. 224 p.
4. Griffin M. Philosophy, Cato, and roman suicide: I // Greece & Rome. Vol. XXXIII. № 1. 1986. P. 64-77.
5. Hill T. Ambitiosa Mors: Suicide and Self in Roman Thought and Literature. New York; London: Routledge, 2004. 240 p.
6. Mouritsen H. Plebs and Politics in the Late Roman Republic. Cambridge: Cambridge Univ. Press. 2001. 164 p.
7. Van Hooff A. From Autothanasia to Suicide: Self-Killing in Classical Antiquity. London; New York: Routledge, 1990. 306 p.
8. Wirszubski Ch. Libertas as a Political Idea at Rome during the Late Republic and Early Principate. Cambridge University Press. 1950. 182 p.
9. Волкова П.Д. Мост через бездну. Комментарий к античности. М.: АСТ, 2016. 720 с.
10. Колмаков В.Б. Ценность жизни в русском позитивизме. Н.И. Кареев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: философия. Воронеж: Изд-во Воронеж. гос. ун-та. 2017. № 3. С. 37-56.
11. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с.
12. Февр Л. Бой за историю. М.: Наука, 1991. 630 с.
13. Филимонов В.А. Н.И. Кареев как историк античности: дис. ...канд. ист. наук. 1999. 262 с.
14. Фуко М. Воля к истине: по ту сторону знания, власти и сексуальности. Работы разных лет. М.: Касталь, 1996. 448 с.

Кудратов Алик Олегович, аспирант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; alik.kudratov@gmail.com

Онищенко Евгений Александрович, аспирант, Казанский федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан; zhenya.onichenko1996@mail.ru

Roman political practices in the context of N.I. Kareev's ideas about freedom in Antiquity

The text aims to compare modern historiographical trends regarding the interpretation of the idea of freedom in ancient Rome with the concept of freedom in Antiquity by N.I. Kareev. A number of variants of the reconstruction of ideas about freedom in Ancient Rome are considered, and their essential differences from individual freedom are indicated. On the basis of the presented analysis, possible models for further study of freedom in Antiquity are proposed.

Keywords: N.I. Kareev, freedom, filiation of the idea of freedom, history of ancient Rome, historiography, Roman political practices

Kudratov Alik Olegovich, postgraduate, Institute of International Relations, Kazan federal university, Kazan, Russia; alik.kudratov@gmail.com

Onishhenko Evgenij Sergeevich, postgraduate, Institute of International Relations, Kazan federal university, Kazan, Russia; zhenya.onichenko1996@mail.ru

УДК 930 + 94(410)

Леонова Т.А., Галеева Т.Б.

**Современные исследования самоуправления
в средневековой приходской общине Англии
и наследие Н. И. Кареева**

Статья посвящена проблеме взаимоотношений локальных общин и духовенства католических приходов средневековой Англии. Рассматриваются современные точки зрения на возникновение и содержание самоуправления приходов, миряне которых обладали правами собственности на часть здания приходской церкви, деньги и контролем над деятельностью приходских клириков. В итоге раскрываются горизонтальные связи локального социума в контексте деятельности приходов по принципу, обозначенному в исследованиях Н.И. Кареева, «сочетания и взаимодействия» мирян и духовенства в предреформационной Англии.

Ключевые слова: Средневековая Англия, католическая церковь, приход, миряне, приходской священник, собственность, самоуправление

Проблема самоуправления приходской общины, взаимоотношения мирян и приходского духовенства Средневековья была поставлена в XX в. в русле исследования религиозных идей, противопоставивших «народную религиозность» официальной церковной догме, в работах Ж. Ле Гоффа и А.Я. Гуревича [3; 1]. Постановка проблемы в таком ракурсе дала толчок продолжению работ, посвященных изучению «народной религиозности» и роли церкви в ее формировании или коррекции. При этом Церковь стала рассматриваться не только в виде институциональной конструкции, довлеющей над сознанием и поведением любого христианина, но и локальных организаций в виде приходов и приходских священников, как проводников конфессиональной, этической и просветительской политики Церкви в мирской среде.

Такой поворот в исследованиях привел к поискам не противопоставления народной и ученой культуры и религиозности, а к тому, что в свое время Н.И. Кареев считал основой единства средневековой Европы и афористично назвал как «сочетание и взаимодействие» «политической системы и католицизма, как носителя духовной и культурной составляющей социума [2, с. 10]. Исходя из названного принципа, Н.И. Кареев выделил два возможных направления исследования позднесредневекового общества, особенно в связи с постановкой проблемы богатств церкви и идей секуляризации в виде социальной дихотомии: духовенство и дворянство; духовенство и крестьянство. Несмотря на особый статус католической церкви, имевшей независимую от светской власти организацию, законы и привилегии, ее члены,

подчеркивал Н.И. Кареев, были вместе с тем и членами одного из сословий средневекового общества [2, с. 157-158]. Мысль на опережение исследований взаимоотношения духовенства и мирян локальных общин в приходах Средневековья, в том числе и на материалах позднесредневековой Англии.

Предреформационный период неизменно вызывает интерес исследователей в связи с выяснением настроенности сельских общин по отношению не только к церковной организации, но и приходскому духовенству, как транслятору католической доктрины. Наиболее обсуждаемым стал вопрос именно о взаимоотношениях приходских клириков и прихожан, традиционно считавшихся недовольными своими малообразованными или и вовсе безграмотными пастырями.

В связи с этим в современной медиевистике, начиная с 1980-х гг., сложились направления исследований не только институциональной структуры позднесредневекового католичества, но и его коммунальных организаций – приходов, братств и гильдий. Они рассматриваются в тесной связи с тем социумом, который составлял их костяк – миряне локальных общин. Было высказано предположение об исключительно светском характере деятельности приходов. В частности, по определению Э. Брауна: «В идеале приходская церковь была центром сосредоточения светской корпоративной деятельности» [5, р. 86-87]. Внимание к горизонтальным связям, в которых происходила демонстрация коллективной ответственности, утвердило представление о корпоративности Средневековья, которая не столь очевидно проявлялась в иерархических структурах общества [4; 10; 11].

В современных исследованиях взаимоотношений приходского духовенства и мирян приходов, как правило, привлекаются документы как церковного, так и светского происхождения. Особенно ценными являются локальные источники: записи епископских визитаций приходов, книги записей и счетов церковно-приходских старост. Оба вида документов позволяют увидеть самых деятельных и влиятельных мирян, причастных к власти в приходской общине.

Не отрицая существования «антиклерикализма», современные исследователи используют понятие «живая религия» по отношению к предреформационному католицизму [10, р. 158; 16, р. 249]. С точки зрения исследователей, так называемый «кредит доверия» не только не был исчерпан на местах, в локальных общинах, но и предоставил прихожанам возможность активного участия в жизни местной церкви. Основы самоуправляющейся приходской общины были заложены в период между III (1179 г.) и IV (1215 г.)

Латеранскими соборами введением отдельной собственности в приходских церквях. В Англии практически до XIII в. нет иных свидетельств по ремонту и содержанию церковных зданий, кроме как за счет средств ректоров приходов. Первым свидетельством отдельного содержания приходских церквей, как считает К.Д. Краго, было распоряжение 1224 г. по диоцезу епископа Винчестерского Питера де Рокло (9, р. 31). К середине XIII в. новация епископа стала нормой для английской церкви, а к концу столетия синодальные декреты повсеместно закрепили за прихожанами ответственность за состояние церковной утвари и нефа церквей [12, р. 315]. Самым затратным для пастыря и его прихода было поддержание должного вида и убранства церкви, ремонт и строительные работы по возведению новых зданий. До сих пор мы не имеем точного представления о степени участия в этих работах приходской общины. Документы епископских регистров фиксируют противоречивую реакцию мирян на возложенную на них обязанность в связи с отдельной собственностью. С одной стороны, прихожане могли упорствовать в своем нежелании финансировать ремонт нефа, как это произошло в приходе Пенриф Карлайльского диоцеза. Епископу Томасу Эплби (1363–1395) пришлось пригрозить смутьянам вызовом в суд [15, р. 70-71]. С другой стороны, регистры Герефордского епископа Томаса Споффорда (1422–1448) зафиксировали обеспокоенность прихожан Ладлоу «пренебрежением ректора своими обязанностями». Они обратились с прошением к папе, который распорядился провести расследование по их петиции. Расследование провел епископ Споффорд вместе с 12 присяжными от приходской общины. Взаимными усилиями им удалось определить объем отчислений на содержание ректора и выделить деньги на ремонт церкви «под руководством священника и двух прихожан» [14, р. 150]. Современные исследователи подчеркивают, что активное участие прихожан в судьбе их церкви отражает формирование нового вида собственности приходской общины, которая постепенно вытеснила частное владение светского лорда [5, р. 95]. Обобщающие компаративные исследования состояния приходской жизни в предреформационной Европе, свидетельствуют, что миряне, получив частично право контроля над местной церковью, играли заметную роль в ведении дел своих приходов. Их контролирующие функции заметно усилились к началу XVI в. [13, р. 24-25; 9, р. 26; 17, р. 16].

С нашей точки зрения, формирование контролирующей функции прихожан происходило не только на основе отдельной собственности, но и благодаря сложившейся практике епископских

визитаций. Инспекции образа жизни мирян и клириков приходов основывались на опросах прихожан, что является официальным свидетельством возможного воздействия общины на приходское духовенство. С 1253 г. во всех диоцезах Англии использовался единый вопросник для проведения визитационного расследования. Он состоял из 68 пунктов, из которых 22 касались мирян прихода, а 46 – клириков прихода. Многие из вопросов были направлены не на богослужебные обязанности, а на выяснение подробностей личной жизни священников, что, по мнению ряда исследователей, поощряло доносительство и распространение порочащих приходское духовенство слухов [7, р. 283-284; 10, р. 302]. Например, такие слухи, полученные прихожанами Уолфорда в 1484 г. о священнике Томасе Дайере, как о человеке со сложным характером, привели его к конфликту с общиной. Прихожане запретили священнику, переведенному на службу из другого прихода, появляться в деревне. В качестве залога его доброго поведения и управления приходом с него потребовали залог в 40 фунтов. Главным доводом неприятия к священнику было предположение, что он собирается «ухудшить обычаи прихода, чего его предшественники никогда не делали» [5, р. 269-271].

Позднее Средневековье было временем изменений в католической церкви, что не равнозначно ее упадку. Время роста влияния мирян по приходам, в которых не только сложились основы для выражения религиозных чувств, но происходил процесс взаимопроникновения локальных и приходских организаций, в котором они усиливали друг друга [13, р. 22; 10, р. 165]. К XIV в. возникла и приобрела реальное выражение собственность приходской общины на часть церковного здания и денег, потеснив организационную и финансовую власть местных землевладельцев и духовенства. Совершенно очевидно, как свидетельствуют современные публикации о самоуправлении приходских общин Англии, исследование локальной истории Средневековья невозможно без учета контекста деятельности приходской организации церкви по принципу «сочетания и взаимодействия».

Библиография

1. Гуревич А.Я. Средневековый мир: культура безмолвствующего большинства. М.: Искусство, 1990. 396 с.
2. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Т. 1. Переход от средних веков к новому времени. Изд. 2-е. СПб., 1898. 410 с.
3. Ле Гофф Ж. Другое Средневековье: Время, труд и культура Запада. 2-е изд., испр. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2002. 328 с.
4. Сванидзе А. А. Средневековый коммунизм как общественный феномен и историческая проблема // Средние века. 1993. Вып. 56. С. 5-32.
5. Brown A. Church and Society in England, 1000–1500. Palgrave, 2003. 253 p.

6. Complaint of parishioners of Burmington against their chaplain (1484) // Pastors and the care of souls in medieval England / Ed. John Skinnners and W.J. Dohar. Notre Dame, 1998. P. 268-271.
7. Cutts E. Parish priests and their people in the Middle Ages England. New York, 1970. 717 p.
8. Cragoe C.D. The custom of the English parish church maintenance in England before 1300 // Journal of Medieval History, vol. 36 (2010). P. 20-38.
9. Dohar W.J. The Black Death and Pastoral Leadership. The Diocese of Hereford in the Fourteenth Century. Philadelphia, 1994. 192 p.
10. Duffy E. The stripping of altars: traditional religion in England, 1400–1500. Yale University Press, 1992. 654 p.
11. Harvey M. Lay Religious Life in Late Medieval Durham. Boydell Press, 2006. 246 p.
12. Hugh M. T. The Secular Clergy in England, 1066–1216. New York: Oxford University press, 2014. 480 p.
13. Kúmin B.A. The English parish in a European perspective // The Parish in English life, 1400–1600 / Ed. by K.L. French, G.G. Gibbs, B.A. Kúmin. Manchester; New York, 1997. P. 15-32.
14. Registrum Thome Spofford, episcopi Herefordensis. A.D. MCCCCXXII – XLVIII. Ed. by A.Th. Bannister. L., 1919. 381 p.
15. The register of Thomas Appleby, bishop of Carlisle. 1363–1395 / Ed. by R.L. Storey. V. 1. Rochester, 2006. 212 p.
16. Swanson R.N. Religion and devotion in Europe c. 1215–1515. New York: Cambridge University Press, 2004. 378 p.
17. Tanner N.P. The Church in the Late Medieval Norwich. 1370–1532. Political Institute of Medieval Studies, Toronto, 1984. 297 p.

Леонова Татьяна Алексеевна, кандидат исторических наук, доцент, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия; leonotan@mail.ru

Галеева Татьяна Борисовна, магистрант, Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, г. Уфа, Россия; galeewa.t@yandex.ru

Modern Studies of Self-Government in the Medieval Parish Community in England and N.I. Kareev's Legacy

The paper is devoted to the problem of the relationship between local communities and the clergy of Catholic parishes in Medieval England. The research examines modern points of view on the emergence and maintenance of self-government of parishes, the laity of which had property rights to a part of the building of the parish church, money and control over the activities of parish clerics. As a result, the horizontal connections of the local society in the context of the activities of parishes are revealed according to the principle "Combinations and Interactions" outlined in N.I. Kareev's studies of Laity and Clergy in Pre-Reformation England.

Keywords: Medieval England, catholic church, parish, laity, priest, property, self-government

Leonova Tatyana Alekseevna, Candidate of History, Associate Professor, Bashkir State Pedagogical University named after M. Acnullah, Ufa, Russia; leonotan@mail.ru

Galeeva Tatyana Borisovna, M.F. Student, Bashkir State Pedagogical University named after M. Acnullah, Ufa, Russia; galeewa.t@yandex.ru

Пиков Г.Г.

**Концептуальное освещение Н.И. Кареевым
взаимоотношений Европы и мусульманского Востока
в Средние века в контексте его общеисторических
взглядов**

Статья посвящена представлениям выдающегося русского исследователя Н.И. Кареева (1850–1931) об исламе и истории мусульманского востока в Средние века, его взаимоотношениям с христианской Европой. Он работал на широком фоне общеевразийской истории, с активным привлечением важнейших источников и литературы. Разрабатывая эту проблематику для учебных целей, Н.И. Кареев все же сумел провести глубокий и квалифицированный анализ этой истории и дать точную и исчерпывающую оценку многим конкретным проблемам.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, ислам, христианство, Европа, Восток, Средние века, историография

Рассмотрение взглядов того или иного крупного и влиятельного историка, тем более, на тему, имеющую принципиальное значение для реконструкции и осмысления исторического процесса, всегда не просто интересно и даже захватывающе, но важно и в историографическом плане, и с точки зрения общекультурной. Данная тема носит максимально универсальный характер и уже поэтому имеет общеисторический и мировоззренческий контекст, вдобавок она тесно связана с конфессиональной сферой отечественной культуры.

Здесь не менее важна личность и специфика деятельности Н.И. Кареева. Он был преподавателем в первую очередь и только потом исследователем. Об этом говорит многое: стиль изложения, использование почти исключительно общей и учебной литературы, стремление к синтезу, к решению общекультурных и общеисторических проблем и др. [13]. И все же Николай Иванович Кареев и здесь выделяется концептуальным мышлением, своей оригинальностью и масштабностью методологических и теоретических построений, глубоким интересом к проблемам философии истории и социологии. Можно говорить о существовании у него широкой и доскональной философско-исторической концепции в целом, опирающейся одновременно на длинный ряд конкретно-исторических и теоретических концепций и гипотез.

Н.И. Кареев был мыслящим преподавателем, и преподавание было для него тоже научным методом. Его интересуют большие эпохи типа Реформации, отношения между эпохами и мирами [3].

В этом плане стоит сразу же отметить: его интерес к Востоку – древнему [1; 2] и средневековому вообще и исламу в частности – неизбежен. Н.И. Кареев работал на основе почти исключительно светской литературы и в силу этого порой чувствуется его несколько поверхностное знакомство со специфическими религиозными проблемами. Это было естественно во времена, когда в Европе и России сложилась сложная социокультурная ситуация, происходило ослабление влияния религии и церкви и формировалась секулярная система образования.

Для реконструкции представления Н.И. Кареева о взаимоотношениях Европы и мусульманского Востока в средние века важно понимание им значения Востока в религиозной истории человечества [2, с. 30]. Он ссылается при этом на «формулу умственного развития человечества» О. Конта, который разработал теорию трех стадий интеллектуальной эволюции человечества. Н.И. Кареев обращает особое внимание на теологическую эру (до 1300 г.) как начало развития человеческого мышления, когда все явления объясняются с помощью религии.

Именно на первой стадии и именно на Востоке возникают великие религиозные системы (в Индии, Египте, Израиле). Восток стал также родиной «многих научных и технических знаний, плодами которых мы пользуемся до сих пор» [11; 12].

В этом цивилизационном процессе особую роль сыграла религия, о чем свидетельствует, с его точки зрения, «распадение христианского мира в Европе на греко-восточную и римско-католическую церкви и отторжение от этого мира азиатских и африканских областей бывшей Римской империи новой религией, исламом» [4, с. 90].

Основные представления Н.И. Кареева о представлениях Европы и мусульманского Востока, с некоторыми повторениями, изложены в нескольких его книгах: «Главные обобщения всемирной истории», «Общий ход всемирной истории» и «Учебная книга истории средних веков» [4; 5; 6]. В других работах используются лишь отдельные факты и замечания. Эти же издания, как он сам указывает, являются компиляцией из изданных им различных трудов. В то же время очевидно, что, хотя книги называются учебными и написаны как учебные по форме, по уровню они приближаются к монографиям.

Историю взаимоотношений средневековых цивилизаций, христианской и мусульманской, европейской и азиатской, Н.И. Кареев рассматривает на протяжении, по сути, нескольких тысячелетий, заглядывая вглубь веков [4, с. 14-52; 9; 7; 13].

Н.И. Кареев отталкивается от расового подхода [4, с. 9, 61; 5, с. 8; 2, с. 28-29, 31-32]. Он обращает особое внимание на то, что христианство, ислам, и в определенной степени иудаизм – порождение иной цивилизации («расы»), а именно семитической и выделяет ее особые заслуги в цивилизационном развитии Евразии [6, с. 33].

Н.И. Кареев не описывает подробно, как происходило волнообразное формирование этих идеологий, хотя и констатирует особую роль западного региона в этих процессах. Именно на Западе или с существенным использованием европейских идей и рецептов происходило существенное развитие или даже формирование мировых религий.

Действительно, все мировые религии были созданы либо на основе, либо с использованием «чужих» культур. Во всех евразийских цивилизациях наличествует деление всех культур на «свои», «чужие» и «иные». Соответственно, «чужие» культуры располагались вблизи границ своего «мира», а «иные» находились далеко. К таким «иным» культурам относились китайская, американская, африканская.

Стоит отметить, что культурное развитие Аравии он начинает лишь после рубежа эр и связывает это с культурным влиянием со стороны «исторических народов». В духе науки того времени он не видит, что аравитяне не жили замкнутой жизнью, а были частью достаточно интегрированного цивилизационно пространства от Гималаев до Средиземного моря. Множество представлений и даже идей были у них, что называется, «в крови». А это не только мифы и легенды, но и многие социальные, политические и даже юридические идеи.

В этом смысле вряд ли можно согласиться с логически напрашивающимся выводом, хотя и не сформулированным однозначно, о том, что цивилизационная история начинается в этом регионе лишь после активизации отношений со Средиземноморьем. Он подчеркивает, что арабы были лишь «грубыми идолопоклонниками». Стоит напомнить, однако, что среди аравийских «идолов» были и божества, которым поклонялись в Мекке, в частности Аллаха. Как писал Н.И. Кареев, «сами идолопоклонники признавали существование “Всевышнего Бога” (Аллах Теаля), но это религиозное понятие отличалось у них большой неопределенностью» [6, с. 34]. Между тем, практически всю религиозную жизнь полуострова он сводит к почитанию «священного черного камня» в стене святыни Каабы. Любопытно, что он знает о том, что это святилище «с незапамятных времен сделалось местом богомолья

для всех арабов». Именно с «черным камнем» связан культ Аллаха и, следовательно, он приобрел достаточно универсальный характер задолго до влияния средиземноморских культов. Однако для Кареева Н.И. важнее подчеркнуть, что среди идолов отдельных племен в Каабе, «числом до 360», были «изображения Авраама и Богоматери с младенцем Иисусом на руках».

Одну из отдаленных предпосылок проблемных отношений между Европой и исламским миром Н.И. Кареев видит в усилении межцивилизационного общения арийской и семитской рас и в широком распространении в Аравии иудаизма и христианства. Евреи с I в. н. э. и потом христиане принесли новые идеи на полуостров. Интересно, что исследователь особо отмечает, что христиане принадлежали к ересям ариан, несториан и монофизитов. Он не развивает далее эту мысль, но этот факт весьма примечателен. Ислам познакомился с этими двумя мировыми религиями в то время, когда они находились в сложном положении. Иудаизм переживал период своеобразной трансформации и превращения в идеологию «рассеянного этноса», а христианство все еще находилось преимущественно в виде длинного ряда групп и направлений. Это означает, что ислам не мог во время своего зарождения и формирования скопировать одно какое-либо течение и складывался как вполне самостоятельная религия. В то же время, между членами этих ересей и групп, с одной стороны, и духовными исканиями в Аравии, с другой, было немало общего, что в значительной степени обусловлено их общей принадлежностью к религиозно-культурному конгломерату «авраамического пространства».

Н.И. Кареев справедливо подчеркивает «особость» движения ханифитов в Аравии и те черты, которые, по его мнению, в полной мере проявятся в будущей мусульманской религии (вера в единого Бога, загробное воздаяние, склонность к мистицизму и прозелетизму). По мнению исследователя «все магометанство» развилось из ханифизма – тезис, как минимум, спорный.

Близость ислама с иудаизмом и христианством, как считал Н.И. Кареев, была впоследствии намеренно использована Мохаммедом, возможно, для того чтобы объединить все три течения и образовать единую религию, которая должна будет распространиться по всему миру и покончить с всеобщим неверием и язычеством [6, с. 37].

Н.И. Кареев делит историю арабского мира в средние века на два этапа. До появления халифата Аббасидов были «великие завоевания», после которых наступила «эпоха промышленного и культурного процветания» (особенно при Гаруне-аль-Рашиде,

современнике Карла Великого. Правда, одновременно «началось выделение из него отдельных государств», причины которого Н.И. Кареев все же четко не формулирует [6, с. 77].

Происхождение арабской культуры, про Н.И. Карееву, связано с Грецией [4, с. 121]. Именно это обстоятельство обусловило то, что эта культура некоторое время стояла выше и западноевропейской, и византийской, хотя это и было недолго. Арабы захватили эллинизированные области Византийской империи. Любопытно, что автор, не развивая дальше эту мысль, утверждает, что «многое из того, что было в этой основе позабыто Византией или отринуто, арабами было воспринято». Тезис достаточно дискуссионный, но действительно греческая культура, в полном объеме и классической форме не востребованная в средневековой христианской Европе, в эпоху Возрождения составит на некоторое время конкуренцию римско-латинской традиции.

Очень интересным представляется его наблюдение над историей империи Карла Великого. Монархия Карла объединила романские и германские нации для отражения внешних врагов и распространения западной культуры и обособила Запад от Востока, «завершив процесс, происходивший в варварскую эпоху, и подготовив совершенно новый порядок вещей» [6, с. 120].

Не развивая (увы, как он часто это делает!) свою мысль, он фактически отмечает, что именно создание халифата сузило зону существования христианского мира до собственно европейского пространства.

Он придает нападениям арабских пиратов из Северной Африки на юг Европы такое же значение, как и походам викингов. В совокупности с набегами венгров, эти походы знаменовали усиление натиска на европейские границы извне, по крайней мере, «начало государственной жизни» у них и у славянских народов [6, с. 74].

Но самое замечательное событие в классической эпохе общения двух миров, по мнению Н.И. Кареева, – это Крестовые походы, двухвековая (1096–1291 гг.) борьба христианской Европы с мусульманским Востоком, которая была уже наступлением Европы на Восток и потому имела громадное историческое значение во взаимных отношениях мусульманского и христианского миров. Крестовые походы Н.И. Кареев выделяет особо, ибо «это было самым крупным столкновением между христианским и мусульманским мирами, между которыми вообще шла борьба» [6, с. 106].

Особое значение имело и то, что перед началом крестовых походов на территорию Среднего и Ближнего Востока стали активно проникать тюркские роды и племена, которые основательно потес-

нили в управлении этой территории арабов, создавших систему халифатов. По мнению Н.И. Кареева, они были «народом завоевателей» и потому не сумели «поддержать выработанной арабами культуры». После крестовых походов наследниками турок «сельджукских», как выражался Н.И. Кареев, сделались в Азии турки «османские» и это тоже способствовало отходу от блестящей арабской культуры.

Н.И. Кареев разделяет паломническое движение, шедшее на протяжении двухсот лет, с конца XI в., и «отдельные предприятия», т.е. собственно Крестовые походы, которые, по его логике, лишь использовали идею паломничества.

В духе того времени его интересует социальный аспект движения. Он говорит о широком спектре интересов разных классов в этом движении и, в то же время, отмечает, что в национальном отношении абсолютно преобладали французы и немцы. Особенно активны французы, поэтому всех европейцев на востоке стали называть «франками». Папство использовало крестоносную идею «по своим чисто политическим соображениям» [6, с. 96]. Совершенно справедливо он акцентирует внимание на том, что в Крестовых походах приняли наиболее активное участие именно феодальные классы: «феодальное рыцарство» и «закрепощенное крестьянство», «нации, в которых было сильно развито феодальное рыцарство» [6, с. 99]. Крестовые походы «были предприятием феодального мира», а не королей [6, с. 98]. Сыграли свою роль и отношения с Византией. Считает это «как бы продолжением завоевательных походов нормандцев» [6, с. 98]. Считает, что помимо освобождения Гроба Господня, была еще цель завоевать новые земли. Он отмечает разные практические цели участников крестоносного движения. Французы преследовали исключительно феодальные цели, а у итальянцев превалировали торговые интересы. Видел разные цели у участников движения – попытка насильственного проникновения, распространение католицизма, «самостоятельное значение принадлежало и религиозному одушевлению» [6, с. 99].

Отмечает, что оба мира были раздробленными в разгар своего противостояния – халифат распался на отдельные государства, а «между христианами не было согласия» [6, с. 106]. У крестоносцев никогда не было единого руководителя и это имело немалое значение для того, что европейцы не закрепились на завоеванных землях. Обе стороны пришли в «соприкосновение с чуждою им материальною и духовною культурою» [6, с. 107].

После Крестовых походов наиболее активная борьба христиан и мусульман шла только там, где они непосредственно соприкаса-

лись в своем общении [6, с. 137]. После появления турок начинается принципиально новый этап в развитии отношений между двумя мирами.

Говоря о Европе и непосредственном Востоке, Н.И. Кареев решающим считает фактор взаимодействия религий. Экономические и политические различия (демократия, деспотия) аналогичного значения не имеют. Любопытно, что основной причиной конфликтов ему видится теоретическая и институциональная близость этих религий, происходящих из одной семитической культуры, хотя европейское христианство пропиталось и греко-римско-варварскими представлениями, обычаями и институтами. Ислам же в большей степени ориентировался на культурные достижения Азии и Африки.

В этом ключе Н.И. Кареев подчеркивает различия между христианством и исламом:

- 1) ислам признает многоженство;
- 2) в исламе отсутствует право собственности на землю. Земля считается «собственностью» Бога (Аллаха), от имени которого распоряжается ею имам (халиф) как тень Бога на земле. Остальные люди платят за пользование землей лишь налоги. На самом деле, и в Европе превалировала идея землепользования, а не землевладения, хотя, конечно же, частные права на землю в христианском мире все более расширялись;
- 3) в исламе нет различия между церковными и гражданскими законами. По его мнению, изменение в праве ведет к изменениям в религии в целом;
- 4) ислам получил широкое распространение у различных народов, тогда как христианство в Евразии меньше распространено;
- 5) образование мусульманского мира довольно долго, с VII по XV вв. Созданный арабами мир был обширный и стойкий;
- 6) ислам распространялся быстрее христианства («со страшной быстротой!»);
- 7) арабы, объединенные Мухаммедом, выступали как завоеватели. Они отобрали у «прежней всемирной монархии» почти все азиатские области и все африканские;
- 8) борьба между христианством и исламом составляет «одно из самых важных явлений истории средних веков» [6, с. 39];
- 9) при Абу Бекре и Омаре арабы захватили многие византийские владения вне Европы. Н.И. Кареев считает, что это всегда была *священная война*, «целью которой было распространение ислама» [6, с. 40];
- 10) халифат по устройству и характеру напоминает прежние восточные монархии;

- 11) весь VIII в. прошел в борьбе Византии и ислама;
- 12) ислам нанес изначально «чувствительный удар» христианству в Азии и Африке.

Таким образом, в целом борьбу мусульманского Востока с христианской Европой Н.И. Кареев считает одним из наиболее крупных явлений средневековой истории. Эта борьба, по его мнению, на самом деле началась еще в середине I тыс. до н.э., когда Европа стала опережать в цивилизационном развитии Азию и усилился «натиск варварства на более высокую культуру».

Н.И. Кареев на основе своего несколько поверхностного анализа делает безапелляционный вывод о том, что «арабская цивилизация была лишь блестящим эпизодом без прочного значения во всемирной истории: под ее влиянием совершалось культурное развитие целого ряда народов, которые оказались не в состоянии воспринять все то жизненное, что заключалось в арабской цивилизации ее блестящего периода, и в результате получилось то, что все мусульманские страны до сих пор находятся вообще на ступенях духовной культуры и социально-политического быта, на которых стояли царства древнего Востока... Нет, не здесь было главное русло всемирной истории». Естественно, по его мнению, вперед в конце средних веков вырвалась Западная Европа

Это позволяет ему сделать несколько поверхностный и категоричный вывод о том, что «в общем арабы сыграли только роль культурных посредников, оказавших влияние на западноевропейские народы при посредстве своих испанских и сицилийских единоверцев». Азия и Африка в период господства ислама «в конечном подсчете результатов не прогрессировала, а регрессировала»,

Не приводя достаточных аргументов, Н.И. Кареев утверждает, что «разобщение романо-германского, греко-славянского и мусульманского миров было, конечно, регрессом по отношению ко всему предыдущему ходу всемирной истории, совершавшемуся совсем в ином направлении, именно в смысле сближения и объединения». Его мнение преимущественно основывается на анализе политических процессов, объединявших в древности Запад и Восток в рамках Персидской монархии, эллинистического мира и Римской империи. Арабский халифат не вписывается в этот ряд, ибо он «сыграл великую объединительную роль на средневековом Востоке, но за счет прежнего греко-римского объединения. Отторжение исламом в VII в. азиатских и африканских областей от христианства, как прямого наследника античной цивилизации, было умалением прежнего главного исторического мира». Таким образом, автор не видит здесь того, о чем много писалось уже в XX в.,

а именно образования новых евразийских цивилизаций, в результате чего судьбы Запада и Востока пошли своим путем.

Краткий пересказ того, что Н.И. Кареев передавал в своих работах о взаимоотношения двух миров в средние века в целом неплохо иллюстрирует концептуальность его мышления и изложения исторического материала, свидетельствует, что он был действительно историком самого широкого плана и его интересы не замыкались в границах Европы. Конкретный материал позволяет сделать вывод, что научный подход был основой для учебного изложения материала, что позволяло студентам не только легко усваивать материал, но и быть вполне в курсе научной проблематики.

Библиография

1. Жигунин В.Д. Цивилизации Древнего Востока в освещении Н.И. Кареева // Николай Иванович Кареев: человек, учёный, общественный деятель / Материалы Первой всероссийской научно-теоретической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.И. Кареева. Сыктывкар, 5–6 декабря 2000 г. / Отв. ред. Золотарев В.П. Сыктывкар: Сыктывкар. ун-т, 2002. С. 88-93.
2. Жигунин В.Д., Мягков Г.П. Древний Восток в историософской концепции Н.И. Кареева // МННМА. Сб. научных трудов, посвященных памяти профессора Владимира Даниловича Жигунина. Казань: Изд. дом «Ритор», 2002. С. 24-44.
3. Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: Содержание и эволюция. Л.: Изд-во ЛГУ, 1988.
4. Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1903. 148 с.
5. Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории: Очерки главнейших исторических эпох. Заокский: «Источник жизни», 1993. 383 с.
6. Кареев Н.И. Учебная книга истории Средних веков. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1900. 236 с.
7. Мягков Г.П., Филимонов В.А. Н.И. Кареев о соотношении линейной и циклической моделей исторического времени // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. Сер. «Философия». Вып. II. Тольятти: ВУиТ, 2001. С. 159-165.
8. Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель (1869–2007) / Сост. В.А. Филимонов. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 224 с.
9. Погодин С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Луцицкий, М.М. Ковалевский. СПб., 1997. 377 с.
10. Филимонов В.А. Диалог культур как фактор исторического процесса в исторической концепции Н.И. Кареева // Межкультурное взаимодействие и его интерпретации. Мат. науч. конф. М.: ИВИ РАН, 2004. С. 137-140.
11. Филимонов В.А. Н.И. Кареев о рецепции античного культурного наследия в средние века и новое время // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 40. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 240-257.
12. Филимонов В.А. Феномен «профессорского учебника» (на примере «Учебной книги древней истории» Н.И. Кареева) // Ставропольский альманах Общества интеллектуальной истории. Вып. 4 (специальный). Москва; Ставрополь: ИВИ РАН, 2003. С. 63-70.
13. Филимонов В.А., Мягков Г.П. Проблема монархической власти и её организации в древних обществах в политико-историческом дискурсе Н.И. Кареева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4. Ч. 3. С. 161-167.

Пиков Геннадий Геннадьевич, доктор исторических наук, доктор культурологии, профессор кафедры всеобщей истории, Новосибирский государственный университет, г. Новосибирск, Россия; gennadij-pikov@yandex.ru

Conceptual Coverage by N.I. Kareev of the relationship between Europe and the Muslim East in the Middle Ages in the context of his general historical views

The article is devoted to the ideas of the outstanding Russian researcher N.I. Kareev about Islam and the history of the Muslim East in the Middle Ages, its relations with Christian Europe. He worked against a broad background of pan-Eurasian history, with active involvement of the most important sources and literature. Developing this problem for educational purposes, N.I. Kareev still managed to conduct a deep and qualified analysis of this history and give an accurate and comprehensive assessment of many specific problems.

Keywords: Kareev N.I., Islam, Christianity, Europe, East, Middle Ages, historiography

Pikov Gennadij Gennad`evich, Doctor of History, Doctor of Cultural Studies, Professor, Novosibirsk State University, Novosibirsk, Russia; gennadij-pikov@yandex.ru

УДК 930 + 94(567)

Попова А.А.

Реакция российского богословия на месопотамские открытия второй половины XIX – начала XX вв.¹

Автор исследует проблему введения новых источников в сферу библеистики и богословия в переломный период развития науки. Основное внимание уделяется рассмотрению выстраивания богословского нарратива: теориям и концепциям, лежащим в его основе, особенностям подачи и интерпретации материала, специфике подбора и представления доказательств. Богословский нарратив конца XIX – начала XX вв. зачастую носил критический, безапелляционный характер, но стремился учитывать критерии научности того времени, чтобы иметь возможность легитимироваться в поле современных наук.

Ключевые слова: российское богословие, российская библеистика, ассириология, археология Месопотамии, дореволюционная историография

Открытия в Месопотамии второй половины XIX в. оказали влияние на богословие и библеистику. С одной стороны, месопотамские источники проливали свет на неясные моменты Библии, с другой – ставили под сомнение основы Священного Писания.

¹ Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-09-41014) «От Святой Земли до рабовладельческой формации: история Древнего Ближнего Востока в российской исторической науке XX в.».

В этот же период активное развитие наук постепенно отодвигало ранее царившее богословие на второй план. Поэтому оно не только пыталось защититься от нападок ассириологии, но и вернуть себе былую славу, воспользовавшись новыми источниками для доказательства истинности библейских концептов.

Труды российских богословов подвергались цензуре [3, с. 218-219, 229-230], из-за чего мы не можем увидеть широкого спектра мнений, который обнаруживается в трудах их европейских коллег. Этим интересен кейс российского богословия, так как мы можем рассмотреть, как православие реагировало на внешний раздражитель в виде новых месопотамских открытий в узких рамках идеологии и цензуры. А также оценить позицию православной церкви, которая не была сформулирована в официальных документах, но прочитывается в трудах ее представителей.

Российские богословы видели положительные моменты в открытии новых источников. Некоторые из них говорили об общеисторической пользе: месопотамские тексты давали больше информации о политических отношениях и культуре древнего Востока [1, с. 9; 8 с. 15], но большинство считало ассириологию вспомогательной наукой, основной задачей которой было предоставление доказательств для исследований в области библеистики [9, с. 8; 2]. По мнению богословов, месопотамские источники позволяют лучше понимать язык Ветхого Завета, уяснить сущность неясных ранее терминов и понятий, скорректировать хронологию библейских событий [2, с. 741; 11, с. 542; 5, с. 2; 9, с. 20-21].

Некоторые авторы также видели пользу месопотамских источников в том, что те выступали доказательством неприменимости эволюционной теории по отношению к Библии, согласно которой израильская религия развивалась от примитивных верований к монотеизму. Это не соответствовало данным, содержащимся в Священном Писании. Факт, что у вавилонян еще до начала еврейской истории была развитая религиозная система, по мнению богословов, доказывал, что еврейская религия, появившаяся позже, не могла быть более примитивной, чем вавилонская, из чего следовало, что евреи пропускали этапы примитивных верований [9, с. 21].

Однако большую часть трудов богословов составляли попытки защитить священные тексты от критики, основанной на новых месопотамских данных.

Важной частью критического богословского нарратива было *возвеличивание предмета своих исследований*. Богодухновенность Священного Писания создавала ореол его неприкосновенности

и непогрешимости, тогда как тексты вавилонян и ассирийцев оценивались как тенденциозные, ошибочные, их культура и религия в морально-нравственном аспекте считалась более низкой, чем еврейская. Поэтому источники, дошедшие до нас от этих культур, могут только в деталях дополнять Священное Писание, но не спорить с ним [9, с. 34-35; 11, с. 552; 4, с. 15-23; 6, с. 9-11].

Исходя из этого понимания, выстраивалось дальнейшее исследование, задача которого состояла в том, чтобы показать несостоятельность критики ассириологии в отношении Библии. Ни один из аргументов ассириологов, который так или иначе затрагивал или предлагал пересмотреть основы священных текстов, не был принят. Какие-либо изменения в их понимание могли вносить только богословы. В связи с этим еще одной чертой богословского критического нарратива было *разделение исследователей по принципу “свой – чужой”*.

Кроме того, выстраивался некий образ врага. Наиболее ярые православные защитники Библии ставили ассириологию в один ряд с такими опасными для церкви явлениями, как изобретение электричества и дарвинизм, которые также применялись для разрушения ее авторитета. Причем борьба церкви с попытками науки внести изменения в ее каноны воспринималась как борьба света и тьмы [9, с. 93].

В ходе этой борьбы принимались различные приемы дискредитации противника. Одним из них было *упрощение позиций оппонентов*. Видный богослов А.П. Лопухин (1852–1904) отмечал, что основной аргумент критиков подлинности Пятикнижия заключается в том, что этот источник не мог появиться в столь ранний период истории еврейского народа, поскольку в то время евреи не имели собственной письменности [7, с. 470]. На самом деле это был не единственный довод критиков, но именно он легко опровергался при помощи новых месопотамских источников. Это, а также утаивание других аргументов оппонентов придавали позиции А.П. Лопухина видимость научно доказанного, аргументированного высказывания.

Еще одним приемом дискредитации противника являлось *обвинение в неоригинальности* выдвигаемых ассириологами идей [10, с. 124]. В.П. Рыбинский (1867–1944) уличал ассириологов в том, что идея заимствования элементов вавилонской литературы в Библии не является новой в богословской среде, но она не имела широкой популярности ни внутри нее, ни за ее пределами [10, с. 124].

Ассириологи и их сторонники обвинялись в непрофессионализме [9, с. 18; 6, с. 9], их выводы зачастую считались поспешными, непродуманными, основанными на неверном понимании источников, а методология, базирующаяся на сравнительном анализе, неверной [9, с. 25].

В описываемый период времени методологическая база богословия утрачивала свою легитимность, поэтому появилась необходимость заимствования методов смежных наук, чтобы играть по правилам, формируемым в рамках сциентистской парадигмы. Под воздействием ассириологии происходила эволюция библеистики. Отрицая необходимость и порой возможность сравнения вавилонской и еврейской религий [9, с. 25], богословы в своих трудах обращались к этому методу. Сравнительный анализ у православных богословов мог использоваться для доказательства превосходства еврейской религии [6, с. 9-11; 4, с. 23, 81-82; 9, с. 33-35], для подтверждения истинности библейских концептов [11; 12; 4, с. 15-17], для объяснения несостоятельности критики Священного Писания и утверждения нового знания [2; 8]. Кроме того, богословие воспринимало современные критерии научности для построения собственного нарратива и вводило в оборот новый корпус источников.

Библиография

1. Ассиро-вавилонские клинообразные надписи и Ветхий Завет // Ярославские Епархиальные Ведомости. 1879. № 2. С. 9-12.
2. Елеонский Ф.Г. Филологические услуги ассириологии в деле изучения ветхозаветных книг // Христианское чтение. 1889. № 11-12. С. 741-744.
3. Карпук Д.А. Духовная цензура в России во второй половине XIX в. (по материалам фонда Санкт-Петербургского духовного цензурного комитета) // Христианское чтение. 2015. № 2. С. 210-250.
4. Кременецкий Н. Библия и миросозерцание Вавилона: (По поводу тенденции «панвавилонизма» в русской исторической науке). М.: Тип. Штаба Моск. воен. окр., 1909. 209 с.
5. Лопухин А.П. Толкования Библии или комментарий на все книги Св. Писания Ветхого и Нового Завета (в семи томах). Т. 1. Пятикнижие Моисеево. СПб., 1904. 672 с.
6. Лопухин А.П. Вавилонский царь правды Аммураби и его новооткрытое законодательство в сопоставлении с законодательством Моисеевым. СПб.: Типография П.П. Сойкина, 1904. 53 с.
7. Лопухин А.П. Голос истории против отрицательной критики // Христианское чтение. 1895. № 11-12. С. 468-488.
8. Петрово-Соловово М.М. Краткий очерк отношений между Ассиро-Вавилонией и евреями. СПб.: Типография князя В.П. Мещерского, 1895. 116 с.
9. Рыбинский В.П., Лопухин А.П., Вебер, еп. Библия и Вавилон. Апологетический очерк. СПб., 1904. 136 с.
10. Рыбинский В.П. Вавилон и Библия. (По поводу речи Ф. Делича на тему "Babel und Bibel") // Труды Киевской духовной академии. 1903. Т. 2. № 5. С. 113-145.

11. Якимов И.С. Ветхозаветные священные книги и вавилонско-ассирийские памятники клинообразного письма // Христианское чтение. 1884. № 3-4. С. 532-552.

12. Якимов И.С. Опыт соглашения библейских свидетельств с показаниями памятников клинообразных писем // Христианское чтение. 1884. № 7-8. С. 21-62.

Попова Алиса Андреевна, аспирант, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; alispopova13@yandex.ru

Russian theologians' reaction to the discoveries in Mesopotamia in the second half of the 19th – early 20th centuries

The author researches the problem of introducing new sources into the field of biblical studies and theology. The focus is on the consideration of the construction of theological narrative: the theories and concepts which form the narrative's basis, the peculiarities of the presentation and interpretation of the sources, the specifics of the selection of the evidence. Theological narrative of the late 19th – early 20th centuries often had a critical character and did not accept any objections, but the theological narratives were created in accordance with requirements of the modern scholarship in order to be able to legitimize itself in this field.

Keywords: Russian theology, Russian biblical studies, Assyriology, archeology of Mesopotamia, pre-revolutionary historiography

Popova Alisa Andreevna, Postgraduate Student, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky; Omsk, Russia; alispopova13@yandex.ru

УДК 930 + 94(=411.16)

Филимонов В.А.

Н.И. Кареев о «еврейском вопросе» в Западной Европе и в России

В статье изложены взгляды российского историка Н.И. Кареева по так называемому «еврейскому вопросу», который стал особенно актуальным в России в конце XIX – начале XX веков. Анализируются его социально-политические установки, отношение к делу Дрейфуса во Франции и делу Бейлиса в России, еврейская тематика в исторических трудах ученого.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, еврейский вопрос, антисемитизм в Европе, антисемитизм в России

В 1913 г. российской общественностью широко отмечалось 40-летие ученой и преподавательской деятельности выдающегося российского историка и социолога, профессора Петербургского университета Н.И. Кареева. Во многих изданиях самой разной направленности были по этому случаю опубликованы приветствия юбиляру [см., например: X]. Однако черносотенная газета «Земщина» в анонимной заметке с характерным названием «Чествуют...» разразилась резкой инвективой: «не будучи никем останов-

лен, в первой Государственной Думе он [Н.И. Кареев. – В.Ф.] договорился до уничтожения самого названия "Россия", и этим, конечно, похоронил себя в глазах всего русского общества. Теперь только иудейская печать и вспоминает об этом жалком компиляторе, возведенном в "ученые" лишь безграмотностью аптекарских помощников» [XI]. Чем же была вызвана столь резкая реакция на деятельность почтенного профессора?

Автор заметки в «Земщине» и через семь лет не может простить Карееву выступления в I Государственной думе (3 мая 1906 г.), в котором тот, призывая к равноправию наций, сказал буквально следующее: «Россия, однако, не есть только русская земля. В России, кроме русской земли, есть земля польская, латышская, эстская, грузинская и разных других национальностей. И тогда только можно будет назвать Россию русской землей, когда все эти национальности, оставаясь поляками, евреями, немцами, грузинами и так далее, будут считать себя русскими гражданами» [II, с. 122]. Идеолог и организатор черносотенного «Всероссийского национального союза» М.О. Меньшиков негодовал по этому поводу: «Наши кастрированные в национальном чувстве кадеты под внушением разлагающей пропаганды евреев, не имеющих отечества, порешили на том, что все племена в России полноправны и каждая, хотя бы засохшая ветка какой-нибудь расы имеет право на "национальное самоопределение". На этом основании первый кадет от Петербурга в первой Думе, профессор Кареев, предложил даже отменить название "русское государство", ибо наше государство будто бы не русское, а русско-польско-татарско-литовско-финско-армянско-грузинско-киргизско-эстонско-самоедское, что ли. Хотя взгляд отменно простодушного кадета не имел успеха, однако множество так называемых либеральных людей близки к мысли, что равноправие племен разумно и справедливо. Именно с этой мыслью, глупой и несправедливой, придется вести борьбу Национальному союзу» [IX]. Это очень характерное высказывание черносотенца-юдофоба хорошо отражает атмосферу первых десятилетий XX в. в России, когда, по словам С.С. Вермея, «ненависть к евреям считалась чуть ли не гражданским долгом» [I, с. 5].

Надо сказать, что еврейская тема стала частью бурных дебатов Первой Думы и была представлена широким спектром мнений, хотя откровенно антисемитских выступлений не было. Для либералов решить еврейский вопрос означало приблизить формирование гражданского общества и ввести в жизнь один из важных компонентов гражданского равенства новой России. Еврейские национальные деятели решением вопроса считали распутывание слож-

ного клубка внутренних проблем своего народа – или путем культурно-национальной автономии (бундовцы), или путем создания еврейского государства (сионисты Шмарьягу Левин и Шимон Розенбаум). Причем сионисты выступали за создание в России демократического государства как хорошей основы для дальнейшей алии (репатриации евреев в Палестину), как благоприятный климат для воспитания свободных граждан будущего еврейского государства (подробнее см: [1]; см. также: [2]).

Для понимания позиции Кареева важны две ремарки, прозвучавшие в упомянутых ранее публикациях: «взгляд отменно простодушного кадета не имел успеха» и «не будучи никем остановлен». Действительно, несмотря на демократическое (кадетское) большинство в I-й Думе, позиция Кареева не нашла поддержки у депутатов, а скорый роспуск первого российского парламента и вовсе оставил вопрос открытым. После разгона Думы Кареев надолго отошел от активной политической жизни, вернувшись в нее только в 1917 г., да и то не как практикующий политик, а как публицист, поддержавший Февральскую революцию и не принявший крайностей Октябрьской. При этом состояние травмы, возникшее в связи с непониманием и неприятием его позиции не только противниками, но и соратниками, осталось. Мы нашли только одно высказывание Кареева по «еврейскому вопросу» в последующей периодике – сочувственную рецензию на книгу еврейского публициста и историка Ильи (Элиягу) Галанта «Черта еврейской оседлости» [VII].

Известно также, что в период следствия и подготовки к знаменитому процессу Бейлиса Кареев вместе с другими деятелями культуры поставил свою подпись под обращением «К русскому обществу. По поводу кровавого навета на евреев», составленном В.Г. Короленко (было опубликовано 30 ноября 1911 г. в «Речи» (орган кадетской партии), перепечатано многими другими газетами, а также вышло отдельным изданием в 1912 г.) [VIII]. Всплеск юдофобии в начале Первой мировой войны вызвал ответную реакцию среди широких кругов интеллигенции. С целью координации борьбы с антисемитизмом было создано «Общество изучения еврейской жизни» (более известное под неофициальным названием «Общество борьбы с антисемитизмом»), основатели которого, Л. Андреев, М. Горький и Ф. Сологуб, распространили за своими подписями «Воззвание к русскому обществу». К нему, в числе многих деятелей культуры (И. Бунин, З. Гиппиус, Н. Бердяев и др.), присоединился и Кареев (подробнее см.: [3]). Понятно, что все эти акции «не тянут» на полновесный ответ на обвинения в непатрио-

тизме. Средством такого ответа Кареев выбрал не газетную полемику, а более привычный для себя формат – исторические труды, как теоретического, так и конкретного содержания.

Впервые еврейский вопрос на материале европейской истории XIX в. стал предметом рефлексии Кареева еще в 1902 г., при изложении дела Дрейфуса в книге «Политическая история Франции в XIX веке». Автор попытался избегать политических оценок, однако ему трудно было скрыть свою симпатию к дрейфусарам: «На защиту поруганной справедливости – пишет Кареев, – встали лучшие умственные силы Франции и многие видные политические деятели, а против них образовалась сплоченная клерикально-милитаристическая и антисемито-националистическая оппозиция, заговорившая о "подкупе дрейфусаров жидовским синдикатом"» и далее: «на дело Дрейфуса многие стали смотреть, как на поворот к внутреннему оздоровлению Франции, которое составляет задачу XX века» [VI, с. 294-295]. Именно желанием «оздоровления», но теперь уже России, с учетом французского опыта, следует объяснять смысл выступления Кареева с думской трибуны.

После разгона I-й Думы реакция перешла в наступление и для Кареева важно было еще раз проанализировать западноевропейский опыт, сопоставив его с российскими реалиями. Надо сказать, что XIX век был временем постепенного улучшения правового положения евреев на Западе, от которого в этом отношении сильно отстала Россия со своей «чертой оседлости» и другими ограничениями прав еврейского населения, усилившимся к концу XIX – началу XX в., когда антисемитизм был фактически возведен в ранг государственной политики. Истории еврейского вопроса в Европе Кареев уделил несколько страниц глав XV («Германия времен "социальной республики"») и XVI («Франция после победы республиканской партии») II-й части VI тома «Истории Западной Европы» [IV].

Проследивая происхождение и эволюцию германского антисемитизма, Кареев утверждает, что начало эмансипации евреев, было положено еще Французской революцией, и уже тогда в германской печати высказывалось опасение, «что евреи никогда не могут быть хорошими гражданами вследствие своих религиозных воззрений, враждебных христианству» [IV, с. 126]. 60-е годы XIX в., бывшие, по словам Кареева, «временем оживления в германском обществе прогрессивных стремлений», стали временем поворота как общественного мнения, так и законодательства в благоприятную для евреев сторону, хотя «не было по-прежнему недостатка в неприязненных евреям заявлениях в печати и притом даже со стороны таких крупных людей, как государствовед Роберт фон

Моль или композитор Рихард Вагнер» [IV, с. 126], имея в виду печально известное эссе последнего «Иудаизм в музыке» (1850) в котором, в частности, говорилось о евреях, «представляющих смертельную опасность как для германской расы, так и для германской музыки и культуры» (цит. по: [5]).

Новый взрыв антисемитизма в Германии, по мнению Кареева, был вызван знаменитым грюндерским крахом 1873 г. Поход против евреев, из которых, действительно, многие, участвовали в спекуляциях, открыла клерикальная газета «Germania», начавшая обвинять новую империю «в потворстве "интернациональной золотой шайке" во вред христианству» [IV, с. 127]. Эту юдофобскую проповедь Кареев связывал с критикой тогдашнего союза Бисмарка с национал-либералами, среди которых были и евреи. В реакционной печати евреи провозглашались врагами религии, государства, германской национальности. К концу 1870-х годов появилась и специальная юдофобская пресса – в 1880 г. в журнале Вильгельма Марра «Zwanglose Antisemitische Heft» («Свободная антисемитская тетрадь») в первый раз были употреблены термины «антисемиты», «антисемитизм». Книгу Глогау «Der Börsen- und Gründer-schwindel in Berlin» Кареев считает произведшей особенно сильное впечатление в разных кругах германского общества и не без иронии указывает, что в ней «сваливались в одну кучу политический либерализм, экономическое манчестерство, грюндерство, культуркампф и еврейская опасность, благо – вожди национал-либералов Ласкер и Бамбергер были евреи» [IV, с. 127]. Русским историком не оставлено без внимания и участие в этой кампании и такого «горячего сторонника пруссачества и Бисмарка» [IV, с. 68], каким был крупный немецкий историк, литературный критик, профессор, автор «Истории Германии в XIX веке» Карл фон Трейчке, который, как известно, в 1879 году опубликовал статью «О нашем еврействе», вызвавшую шумную полемику в обществе. Резонансным стало его высказывание: «Наше требование к нашим согражданам-евреям элементарно: пусть они станут немцами, просто и истинно будут чувствовать себя немцами, не искажая при этом свои старинные, святые для них воспоминания и веру, уважаемую всеми нами» (цит. по: [4]). Сообщая об антисемитском конгрессе в Дрездене (1882), Кареев не преминул отметить, что «на этом съезде выражено было полнейшее сочувствие антиеврейским мерам русского законодательства» [IV, с. 128].

Разбирая историю германского антисемитизма, Кареев выявляет как причины роста этих настроений, так и их постепенного спада, связывая этот процесс с подъемом демократических устрем-

лений в германском обществе: «Раздоры между самими антисемитами, но особенно то обстоятельство, что самые радикальные представители партии [христианско-социальной. – В.Ф.] голосовали в рейхстаге очень часто заодно с консерваторами, не могли служить укреплению антисемитизма в германской нации. В другой раз «изменников» уже не выбирали, и они во время новых выборов агитировали в свою пользу только в таких округах, где их не знали <...> Во всяком случае к концу XIX в. воинствующий антисемитизм в Германии заметно пошел на убыль» [IV, с. 129-130].

Антисемитизм, считает Кареев, не мог не вызвать в виде реакции националистического движения между самими евреями. Ассимиляция их с нациями, среди которых им суждено было жить, была объявлена изменой национальности: среди евреев возникло так называемое сионистское движение, националистическая проповедь о необходимости обособления евреев: «автоэмансипации», возвращения в Палестину, образования в ней собственного еврейского государства. Сионизм создал свою литературу и получил широкое распространение среди евреев разных стран, в том числе и России. Сионизм и антисемитизм, делает вывод Кареев, в сущности, были порождением того общего обострения национального самосознания, которое порой принимает «характер резкой исключительности, враждебного отношения ко всему не своему или так называемого "чужебесия"» [V, с. 259].

Что касается Франции, то и здесь, по аналогии с Германией, Кареев прослеживает генезис и развитие антисемитизма, исходным пунктом которого, по его словам, «были клерикальные круги, лозунгом – социальная защита сорока миллионов французского народа, т.е. крестьян и рабочих от эксплуатации со стороны восьмидесяти тысяч живущих во Франции евреев» [IV, с. 193]. Кареев отмечает появление юдофобской прессы («L'Antijuif», «L'Antisémitique», «La Libre parole»), авторов (Дрюмон), организаций («La Ligue antisémitique de France»), однако наибольший интерес для него, несомненно, представляет так называемое «дело Дрейфуса». Не ограничиваясь подробным рассмотрением всех перипетий «дрейфусиады», Кареев отмечает громадное общественное значение «l'affaire Dreyfus», как в фокусе сосредоточившее в себе борьбу реакции и прогресса без чего оно, «конечно, не могло бы произвести такого сильного впечатления на современников и перейти в историю, как один из самых ярких эпизодов французской истории конца прошедшего столетия» [IV, с. 202]. Тезис, которым Кареев завершает обзор дела Дрейфуса, содержит легко читаемую аллюзию на российскую действительность: «если францу-

зы сумели придать частному случаю совершенной несправедливости под влиянием некультурных инстинктов и предрассудков интерес крупного общественного события в глазах всего цивилизованного мира, то это только показывает, что демократическая и интеллигентная Франция все еще остается страной, особенно умеющею приковывать к себе внимание и сочувствие образованных людей всех наций» [IV, с. 203].

В следующем томе «Истории Западной Европы» Кареев, возвращаясь в делу Дрейфуса, идет дальше в оценке этого феномена, отмечая, что в лагере сторонников пересмотра дела оказались «все прогрессивные люди и группы Франции, а в их числе особенно представители неполитической интеллигенции (*les intellectuels*), или "идеологи", т.е. ученые, литераторы и т.п., понявшие антидрейфусистскую агитацию против "жида", как нападение на самые важные приобретения цивилизации, а свое дело, как борьбу за культуру. Их кампания много содействовала оздоровлению моральной атмосферы во Франции и объединению ее прогрессивных сил, а также поражению врагов республики, которые после «дрейфусиады» уже не решались более делать открытого и общего натиска на республику и на завоевания культурного прогресса» [III, с. 54]. Здесь, помимо исторического контекста, можно уловить сожаление о том, что российская интеллигенция оказалась не готова возглавить общество в борьбе за прогресс и демократию во времена I-й Думы, и о том, что дело Бейлиса не стало для России тем, чем стало дело Дрейфуса во Франции.

Подведем итоги. Анализ «еврейского дискурса» Кареева подтвердил, что в национальном вопросе он остается приверженцем либеральной доктрины. Для историка совершенно естественным выглядит подчинение этнических ценностей общедемократическим, а именно – признание принципа этнокультурного плюрализма, т.е. равной значимости и поддержки культур всех этнических общностей, населяющих страну; приоритет прав человека над правами этнической группы и нации; равенство всех людей перед законом; продвижение к пониманию нации как гражданско-политического сообщества людей, составляющего многонациональное государство.

Библиография

Источники

- I. Вермель С.С. В.Г. Короленко и евреи. Воспоминания, письма. М.: тип. "Печатный станок", 1924.
- II. Государственная Дума. Стенографические отчеты. 1906 г. Сессия 1-я. Т. 1: Заседания 1–18. СПб.: Государственная тип. 1906.

- III. Кареев Н.И. История Западной Европы в начале XX столетия. Т. VII. Ч. 1. СПб., 1916.
- IV. Кареев Н.И. История Западной Европы. Т. VI. Ч. 2. СПб., 1910.
- V. Кареев Н.И. Общий курс истории XIX века. СПб., 1910.
- VI. Кареев Н.И. Политическая история Франции в XIX веке. СПб., 1902.
- VII. Кареев Н.И. Черта оседлости (по поводу брошюры И. Галанта «Черта еврейской оседлости») // Киевские вести. 1910. № 298.
- VIII. Короленко В.Г. «К русскому обществу. По поводу кровавого навета на евреев» // LDN – приватное собрание книг [Сайт]. – URL: http://ldn-knigi.lib.ru/JUDAICA/Korol_Beilis.htm (дата обращения: 07.11.2020).
- IX. Меньшиков М.О. Письма к русской нации [1908]. М.: Изд-во журн. "Москва", 1999. 558 с. – URL: http://liv.piramidin.com/politica/menshikov_pisma/menshikov_pisma.htm#_ftn52 (дата обращения: 07.11.2020)
- X. Речь. 1913. № 307.
- XI. Чествуют... // Земщина. 1913. № 1500.

Литература

1. Бриман Ш. Евреи Русской Думы [2001] // Хроники Иерусалима [сайт]. – URL: <http://gazeta.rjews.net/Lib/briman/03-briman.shtml> (дата обращения: 07.11.2020).
2. Вишневецкий А. 1906 год в еврейской истории // Еврейский камертон. Ежегод. приложение к газ. «Новости недели». 2006. 21 сент. – URL: http://alvishnev8391.narod.ru/1906_year_in_jewish_history.html (дата обращения: 07.11.2020).
3. Земцова И.В. Отношение русской интеллигенции к еврейской интеграции в русскую культуру (2-я половина XIX – начало XX вв.) // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2012. № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-russkoy-intelligentsii-k-evreyskoy-integratsii-v-russkuyu-kulturu-2-ya-polovina-xix-nachalo-xx-vm> (дата обращения: 12.11.2020).
4. Истоки антисемитизма в Германии эпохи Вильгельма (Второй Рейх) // Хавура – еврейское семейное образование [сайт]. – URL: <http://jhistory.nfurman.com/lessons10/10-19.htm> (дата обращения: 07.11.2020).
5. Манин Е. Гений и злодейство // Чайка – Seagull magazine. Американский журнал на русском языке. 2001. № 1. – URL: <http://www.chayka.org/oarticle.php?id=110> (дата обращения: 07.11.2020).

Филимонов Владимир Альбертович, кандидат исторических наук, доцент, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия; klub-nica@yandex.ru

N.I. Kareev on the "Jewish issue" in Western Europe and Russia

The article presents the views of the Russian historian N.I. Kareev on the so-called "Jewish question", which became especially relevant in Russia in the late 19th – early 20th centuries. Analyzed are his socio-political attitudes, attitude towards the Dreyfus case in France and the Beilis case in Russia, Jewish themes in the scientist's historical works.

Ключевые слова: N.I. Kareev, the Jewish question, anti-Semitism in Europe, anti-Semitism in Russia

Filimonov Vladimir Al`bertovich, Candidate of History, Associate Professor, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia; klub-nica@yandex.ru

Шмелева Л.М.

**Отношения Рима с этрусским городом Вейи
в VIII – IV вв. до н.э.**

В статье рассматривается история взаимоотношений Рима и этрусского города Вейи в VIII–IV вв. до н.э. Это время существования в Италии небольших городов-государств, которые стремились подчинить себе как можно большие земельные ресурсы, а также установить свое господство над торговыми путями в регионе Центральной Италии. Автор приходит к выводу, что именно этим и обуславливались отношения Рима и Вей, которые стремились поставить под свой контроль торговые пути между Этрурией, Лацием и Кампанией. В конечном итоге Рим к IV в. до н.э. смог собрать достаточно ресурсов, чтобы стать главным соперником этрусков в Италии. Это позволило римлянам завоевать Вейи и основать на этой территории новые трибы, населенные римскими гражданами.

Ключевые слова: Рим, Вейи, Фидены, латины, этруски

В VIII–IV вв. до н.э. в Лации и Этрурии существовали небольшие общины, в которых шел процесс социальной дифференциации и формирования государства. Для Этрурии характерно формирование территориального государства с одним ведущим центром и несколькими небольшими городами и поселками. В Лации формировались города-государства с небольшой сельской территорией. Исключением здесь можно назвать Рим, который как считает Г. Чифани, формировался как территориальное государство по этрусскому образцу [4, р. 63-64]. Связи Рима с Этрурией были очень сильными, особенно в правление так называемой этрусской династии, что нашло отражение в ряде заимствований как в политической сфере (атрибуты власти римских магистратов), так и в религиозной (культ Капитолийской триады, конструкция храма). В то же время отношения с этрусскими городами далеко не всегда были мирными. Показательны в этом плане отношения Рима с этрусским городом Вейи, с которыми римляне вели войны за контроль над торговыми путями между Этрурией, Лацием и Кампанией.

Этрусский город Вейи находился вблизи современного Isola Farnese (на Тибре) на высоком туфовом плато, которое представляло собой естественную крепость, кроме того, город был обнесен стеной [3, с. 170]. Описание города мы встречаем у Дионисия Галикарнасского (*Dion. Hall.* XII. 15. (21)) и Плутарха (*Plut. Camillus.* II). Оба автора указывают на удачное расположение города и его богатство. Первое столкновение между Римом и Вейями произошло в самом начале римской истории – в правление Ромула (*Liv.* I.15.1-

5). Ливий также писал, что оно было неудачно для вейян: они получили перемирие на сто лет и лишились ряда территорий (*Liv. I.15. 5*). Дионисий Галикарнасский уточняет, что столкновений было два, а также называет какие именно земли достались Риму по итогам конфликта – «передать римлянам область, прилегающую к Тибру, так называемые «Семь пагов», и оставить соляные разработки, что в устье реки» (*Dion. Hall. II. LV. 5*). В результате римляне получили область Септемпаги, а также соляные варницы в устье Тибра, где позднее была основана колония Остия, что позволило Риму контролировать продажу соли и торговый путь по Тибру.

Следующее столкновение между Римом и Вейями связано с присоединением к Риму Альбы-Лонги и восстанием в Фиденях против римской гегемонии. В этом конфликте Рим снова одерживает победу. В правление римского царя Анка Марция римлянам также пришлось вести войну с Вейями. Причиной конфликта стало увеличение влияния Рима в Лации, а также желание вейян вернуть соляные промыслы. В правление римского царя Тарквиния Древнего, боясь дальнейшего усиления города и контроля над торговыми путями, этрусский союз 12 городов, в который входили и Вейи, объявил Риму войну. Однако Тарквинию Древнему удалось одержать ряд побед над этрусскими войсками и вернуться в Рим с богатой добычей. После смерти Тарквиния Древнего этрусские и латинские города перестали соблюдать договоры, объясняя это тем, что договоры они заключали лично с царем, не со всей римской общиной. Новому римскому царю Сервию Туллию пришлось, как сообщает Дионисий Галикарнасский, двадцать лет вести войну с этрусками, которая закончилась победой Рима. Новые договоры были заключены на следующих условиях: «всем прочим городам, оставшимся верными договорам, заключенным с ними Тарквинием, предоставляет просто и без всякого гнева управлять своими внутренними делами и пользоваться своим имуществом; а три города, из их числа, которые сами восстали первыми и других подстрекали начать войну против римлян – церийцев, тарквинийцев и вейян – наказал, отняв у них землю, которую распределил между римлянами, что недавно получили гражданство» (*Dion. Hall. IV. XXVII. 1-6*). В правление римского царя Тарквиния Гордого отношения с Вейями были мирными. Более того, в своей строительной политике царь ориентировался на этрусские образцы, а многие украшения для храмов заказывал именно в Вейях (*Plin. N.H. XXXIII. 7.36*) [1]. В 509 г. до н.э. этрусские города Вейи и Таркви-

нии содействовали возвращению династии Тарквиниев в Рим, но потерпели поражение (*Dion. Hall. V. XIV. 1; XVII. 1*).

В V в. до н.э., уже в период Республики, отношения между двумя городами не были мирными. У Ливия и Дионисия Галикарнасского мы постоянно встречаем информацию о набегах вейян на римские земли и набегах римлян на Вейи (например, *Dion. Hall. VIII; IX; Liv. II. 49.10*). После столкновения 474 г. до н.э. между Римом и Вейями был заключен мир на 40 лет (*Dion. Hall. IX. XXXVI. 1-3; Liv. II. 54.1*). По условиям мирного договора этруски отказывались от Фиден, которые контролировали часть торгового пути по Тибру [2, с. 350]. По истечении срока мирного договора стороны возобновили военные действия, но они носили характер приграничных стычек.

Следующее столкновение с Вейями произошло из-за Фиден в 437–434 г. до н.э., однако это выступление не было поддержано другими этрусскими городами (*Liv. IV. 17.1; Dion. Hall. XII.V.(2).1*). Столкновение 428 г. до н.э. закончилось победой римлян и с Вейями было заключено перемирие на 20 лет (*Liv. IV.30-35*). Ключевое противостояние между Римом и Вейями приходится на 406–396 гг. до н.э. Римляне нашли себе союзников лице латинов и герников, Вейи же получили небольшое подкрепление только от Капен, Фалерий и Тарквиний. Если верить сообщению Тита Ливия, то военные действия свелись к осаде Вейя римлянами (*Liv. IV.61.1*), а также к небольшим столкновениям между римлянами и этрусками. В 396 г. до н.э. римляне взяли город штурмом (*Liv. V.19.10-11; 20;21*). Пленные вейяне были проданы в рабство (*Liv. V. 22.1*), земли отошли к Риму, но сам город был разрушен не сразу, о чем упоминает Тит Ливий (*Liv. V. 24.6*).

В 386 г. до н.э., когда римлянам удалось захватить часть Этрурии, на захваченных землях были учреждены четыре новые трибы и расселены римские граждане [3, с. 254]. Таким образом, территория Вей была включена в состав римского государства.

Отношения между Римом и Вейями в VIII–IV вв. до н.э. были обусловлены борьбой за господство над торговыми путями между Этрурией, Лацием и Кампанией. Хотя в периоды мирного сосуществования именно в Вейях римляне заказывали скульптурный декор храмов. В конечном итоге, когда к IV в. до н.э. Римское государство окрепло и стало вести активную завоевательную политику в Италии, отношения Рима и этрусков свелись к обычному завоеванию. В начале IV в. до н.э. Рим подчинил себе Вейи, а в середине этого же века – Цере. Прямым следствием этого стало утверждение в регионе римского полиса и исчезновение этрусской цивилизации.

Библиография

1. Гаврилин К.Н. Искусство раннего Рима и Южной Этрурии эпохи расцвета (VI–V вв. до н. э.) по материалам короластики. М.: Прогресс-Традиция, 2015. 240 с.
2. Моммзен Т. История Рима. Т. 1. Кн. 1, 2. М.: ООО «Изд-во АСТ»; Харьков: «Фолио», 2001. 523 с.
3. Немировский А.И. История Раннего Рима и Италии. Воронеж: Изд-во Воронеж. ун-та, 1962. 302 с.
4. Cifani G. State Formation and Ethnicities from the 8 th to 5 th Century BC in the Tiberine Valley (Central Italy) // Social Evolution and History. 2010. № 9, 2 Semtember. С. 53-69.

Шмелева Людмила Михайловна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Республика Татарстан; procella@rambler.ru

Relations of Rome with Etruscan city Veii in VIII – IV centuries B.C.

The article examines the history of relations between Rome and the Etruscan city of Veii in the VIII-IV centuries BC. This is the time of existence in Italy of small city-States that sought to subdue as much land resources as possible, as well as to establish their dominance over the trade routes in the region of Central Italy. The author concludes that this is what caused the relationship between Rome and the Veii, who sought to put under their control the trade routes between Etruria, Latium and Campania. Eventually, Rome by the fourth century BC was able to gather enough resources to become the main rival of the Etruscans in Italy. This allowed the Romans to conquer Veii and establish new tribes on this territory, inhabited by Roman citizens.

Keywords: Rome, Veii, Fidenae, the Latins, the Etruscan

Shmeleva Ljudmila Mihajlovna, Candidate of History, Associate Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; procella@rambler.ru

Раздел 5

В ПОИСКАХ НОВОЙ МЕТОДОЛОГИИ ИСТОРИЧЕСКОГО ПОЗНАНИЯ: УРОКИ Н.И. КАРЕЕВА ПЕРЕД ВЫЗОВАМИ XXI ВЕКА

УДК 930 + 001.32

Алеврас Н.Н.

Деятельность и опыт Н.И. Кареева на поприще формирования российской диссертационной культуры¹

Анализируются особенности деятельности Н.И. Кареева, нацеленной на поддержание и укрепление традиций подготовки ученых-историков высокой профессиональной квалификации. Рассматривается совокупность видов научной активности ученого в пространстве диссертационной культуры, реализуемой посредством публикации в «Историческом обозрении» по его инициативе неофициальных протоколов диссертационных диспутов, его оппонентских выступлений, активности в сфере формирования когорты соискателей ученых степеней.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, диссертационная культура, историко-научное сообщество, Петербургский университет, диссертационный диспут, школа Кареева

Имя известного историка сохраняет в отечественной историографии устойчивый интерес [7]. Масштабы и многогранность его деятельности не могли не включить в ареал его интересов развитие такого университетского локуса как диссертационная культура.

Склад личности и эмоциональная энергия Кареева стали основой появления в его лице ученого-коммуникатора, способного вовлекать в орбиту своих научных и организационных инноваций значительное число представителей научного сообщества. Он был не только активистом научной среды, но являл собой тип ученого, способного эту среду формировать. Его можно отнести к той кате-

¹ Статья подготовлена при поддержке фонда перспективных научных исследований (ФПНИ) Челябинского государственного университета. Тема гранта: «Истоки современной диссертационной культуры России». Приказ от 02.02. 2021. № 72-1.

гории современников, кто понимал действенность двух сил в деле формирования научного сообщества. Первая олицетворялась таким академическим инструментарием как защита диссертаций, открывавшим неопиту путь в научное сообщество. Вторая порождалась инициативными усилиями самих ученых, нацеленных на отбор и подготовку молодых претендентов на ученые степени, и создание условий их научного роста.

Карееву – одному из немногих – удалась попытка объединить интересы историко-научной среды и стимулировать процесс формирования профессиональных ученых-историков при помощи первого научного издания по исторической проблематике «Историческое обозрение» (далее – ИО), редактором которого он стал. Этому изданию предназначалась роль общероссийского коммуникативного центра ученых-историков. Редактор подчеркивал, определяя его программу: «Издаваясь в столице государства и ученым Обществом¹, имеющим среди своих членов весьма почтенное количество иногородних деятелей науки, наш сборник как бы предназначен к тому, чтобы сделаться со временем центральным органом исторической науки в России» [8, с. V-VI]. Впоследствии Кареев раскрыл историю создания «сборника» и объяснил трудности его журнальной судьбы [4, с. 188-200; 5, с. 191].

В системе разнообразных аспектов программы ИО ставилась задача информирования представителей науки о претендентах, выдвинутых «для приготовления к профессорскому званию» и диссертационных диспутах. Уже в 1 томе издания был реализован опыт освещения событий защит десяти диссертаций, прошедших в 1890 г. – в Петербургском (6), Московском (2), Харьковском (1) университетах и Петербургской духовной академии (1) [1, с. 276-310].

Первичные задачи рубрики о диспутах в данном томе ИО характеризуют позицию редакции и предполагаемые масштабы освещения этой стороны университетской жизни: «Редакция сборника надеялась поместить отчеты *обо всех исторических диспутах*, происходивших в 1890 г. <...> (курсив мой – Н.А.). Но инициаторы идеи вынуждены были признать, что «многие обещанные отчеты ей своевременно доставлены не были» [1, с. 276].

Этому есть некоторое объяснение. В силу юридической автономности существования университетов научно-профессиональные связи между университетскими корпорациями ученых были слабо развиты. Поэтому требовались *особые* усилия для консолидации общероссийских научных интересов, в том числе связанных

¹ Имелось в виду «Историческое общество» (с 1889).

с подготовкой научных кадров высшей квалификации. Кареев как редактор пытался осуществить процесс интенсификации научных контактов посредством создания для российских ученых-гуманитариев единого научно-информационного пространства.

Взятый редколлегией ИО курс на публикацию материалов диссертационных диспутов, был ориентирован на презентацию защит соискателей различных гуманитарных специальностей, близких интересам историко-научного сообщества. Это привело к замене в 5 томе ИО названия прежней рубрики «исторические диспуты» на более широкую междисциплинарную рамку – «университетские диспуты».

Публикуемые в ИО материалы о диспутах обладают высокой информативностью: здесь представлены биографические сведения о соискателях, содержание их вступительных речей (иногда – дословно) и выступлений оппонентов с критическими замечаниями в адрес диссертантов. Нередко воспроизводились полемические диалоги оппонентов и соискателей [1, с. 276-310; 2, с. 171-177; 3, с. 205-223; 10, с. 177-226].

Учитывая предельную лапидарность официальных протоколов диспутов и отсутствие практики их стенографирования, трудно переоценить беспрецедентную по замыслу акцию редактора и редакции ИО. Впервые представителям научного сообщества был предложен опыт целостного воспроизведения «сценариев» диспутов.

Задуманная рубрика не стала постоянным элементом во всех томах издания. Однако предпринятое *на неофициальной основе* начинание вполне выражает понимание Кареевым значимости диссертационных диспутов в жизни историко-научного сообщества и объясняет стремление запечатлеть подобные факты в анналах научной истории. Впоследствии интересующие нас аспекты из истории диссертационной культуры найдут продолжение в других историко-научных изданиях – «Научном историческом журнале» (1913–1914), созданном Кареевым, ряде университетских периодических изданий.

Инициативы ИО станут основой появления когорты добровольных «протоколистов» диссертационных диспутов. Распространенной практикой представителей научной среды университетов будет также фиксация хода диспутов в мемуарах, дневниках, переписке историков.

В поле современной ему диссертационной культуры Кареев реализовывал себя и в других ролях. По его инициативе ряд талантливых студентов ИФФ были рекомендованы в категорию «профессорских стипендиатов». Историк всегда занимал принципиальную

позицию в процедуре подобного отбора. Характерна его «Докладная записка об условиях оставления кандидатов <...> для подготовки к профессорскому званию», представленная им в ИФФ Петербургского университета в ноябре 1913 г. Смысл его предложений сводился к необходимости разработки четких правил выдвижения кандидатур, которые бы гарантировали высокий научный потенциал соискателей ученых степеней [9, л. 1-2].

Кареев не менее восьми раз являлся официальным оппонентом на защитах диссертаций. Хорошо известно его резко-критическое отношение к докторской диссертации Н.Д. Чечулина. Историк отказался от предложенной ему роли официального оппонента. Выступив неофициальным оппонентом, он доказывал, что диссертация соискателя не имеет научных достоинств, соответствующих уровню докторской степени. В этой принципиальной оценке Кареев был солидарен со своим учеником и другом В.А. Мякотиним и известным историком и библиографом А.И. Браудо [6, с. 12-14].

Диссертационная культура как институциональный и историко-научный феномен неразрывно связана с процессами формирования научных школ, являвшихся площадками научной подготовки и воспитания остепененных ученых. В этом контексте фигура Кареева в современной историографии предстает в качестве объекта отдельного внимания.

Вместе с тем схолярная линия его деятельности (в виде «школы Кареева») имеет сложный абрис и социокультурную природу. По разным причинам многие из тех, кого Кареев считал своими учениками (к этому кругу сам он отнес не менее 12 персон) [5, с. 185-189; 193-194; 259-260], не подготовили диссертаций или не стали профессиональными историками-учеными, что актуализирует дальнейшее изучение данного феномена.

Линия влияния научных идей и проблематики Кареева на современное ему научное сообщество как предмет изучения вошла в историографию XX в. Эстафета изучения истории «кареевской культуры» продолжается в наши дни, в том числе, в современных диссертационных исследованиях, посвященных мэтру науки и научным судьбам его учеников.

Библиография

1. Исторические диспуты // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском С.-Петербургском университете за 1890 год. Т. I. СПб., 1890.
2. Исторические диспуты // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества при Императорском С.-Петербургском университете, издаваемый под редакцией Н.И. Кареева. СПб., 1891. Т. 2.

3. Исторические диспуты // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества... СПб., 1891. Т. 3.
4. Кареев Н.И. Краткий обзор деятельности Исторического общества за двадцатипятилетие 1889–1914 гг. // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества... Пг., 1915. Т. 20.
5. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / Подг. текста, авт. вступ. ст. и комментариев В.П. Золотарев. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. 384 с.
6. Мякотин В.А. Диспут и ученая степень // Русское богатство. 1897. № 7 (июль).
7. Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель (1869–2007) / Сост. В.А. Филимонов. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 224 с.
8. От редактора // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества... СПб., 1891. Т. 2.
9. ОР РНБ. Ф. 865 (Шляпкин И.А.). Оп. 1. Д. 373.
10. Университетские диспуты // Историческое обозрение. Сборник Исторического общества... СПб., 1892. Т. 5.

Алеврас Наталия Николаевна, доктор исторических наук, профессор, Челябинский государственный университет, г. Челябинск, Россия; vhist@mail.ru

The work and experience of N. I. Kareyev in the formation of Russian dissertational culture

This article analyses the details of N.I. Kareyev's work to maintain and support the traditions of training highly qualified historians. The authors investigate the combination of different types of academic activity of this researcher in the framework of the dissertational culture that was manifested in publishing unofficial minutes of dissertational disputes at his initiative in Istoricheskoye Obozreniye, as well as his opponency speeches, and actions associated with the formation of degree candidate cohort.

Keywords: N.I. Kareyev, dissertational culture, historical academic community, St. Petersburg University, dissertational dispute, Kareyev's school

Alevras Natalia Nikolaevna, Doctor of History, Professor, Chelyabinsk state university, Chelyabinsk, Russia; vhist@mail.ru

УДК 930.1

Воробьева О.В.

Когнитивная история: самонадеянность или широта открываемых горизонтов?

В статье рассматриваются теоретические вопросы взаимодействия истории с когнитивными науками; анализируются новые предметные поля исторической науки, возникшие на пересечении истории и когнитивных наук; обсуждаются проблемы, подходы и перспективы применения нейронауки в современных исторических исследованиях.

Ключевые слова: когнитивная история, социальный мозг, когнитивистика, расширенное познание, ко-эволюция генов и культуры

Последняя четверть XX – начало XXI века прошли в мире под знаком т.н. когнитивного поворота. Однако вследствие первоначального акцента на работу с искусственным интеллектом и мозгом как физическим объектом в число когнитивных наук изначально вошли только шесть – психология, нейробиология, философия сознания, искусственный интеллект, лингвистика и культурная (на Западе – когнитивная) антропология. Но по мере того, как когнитивные науки углублялись в проблемы сознания, все более очевидной становилось невозможность объяснения его деятельности сугубо «мозговым субстратом». В результате в современной когнитивистике возникли т.н. социальные нейронауки и культурные нейронауки – и в том, и в другом случае под вопрос ставится чисто биологическая природа мозга, и все большее распространение получает гипотеза ко-эволюции генов и культуры, согласно которой социокультурный контекст оказывает влияние на структурные и функциональные перестройки головного мозга, обеспечивая тем самым юстировку его когнитивного инструментария [2; 3; 6]. Но есть и встречное движение. Свидетельство тому – растущая волна работ и исследовательских направлений, ранее находившихся за рамками когнитивных наук, – когнитивная экономика, когнитивная социология, когнитивная география и др.

Особая ситуация сложилась с когнитивной историей. Нельзя сказать, что историки ранее этой проблематикой не занимались – проблемы исторического сознания и исторического познания находились в центре их внимания со времени возникновения дисциплины. Но если вести речь о развитии, диверсификации, ветвлении исторической мысли и обособлении отдельных ее ветвей, то можно констатировать, что до недавнего времени проблемы когнитивной истории не занимали самостоятельного места в историческом познании и включались в общий поток теоретических, источниковедческих, историографических, методологических рассуждений и рассматривались несколько в ином ключе, чем тот, который предлагают современные когнитивные историки. В немалой степени это было связано с сомнительным и откровенно редуционистским характером большинства естественнонаучных концепций, предлагаемых к объяснению поведения человека в истории.

Оформление когнитивной истории началось с конца 80-х годов прошлого века. Ее маркерами стал ряд международных симпозиумов и выпущенных по их итогам тематических сборников, номеров журналов, монографий [7; 8; 9; 10], а также основание в 2013 году *Журнала когнитивной историографии* (*Journal of Cognitive*

Historiography – JCH), ставшего первым рецензируемым изданием, посвященным взаимодействию между историей / историографией, археологией и когнитивными науками. Если отвлечься от конкретики, то все авторы, критикуя детерминизм и редукционизм, выступают за «объяснительный плюрализм» и «комплементарность» при анализе исторической причинности, утверждая, что социальные и культурные факторы образуют эмерджентные уровни реальности и потому могут дать объяснения человеческого поведения, которые дополняют эволюционную психологию. Ничто не может быть исключено при изучении человеческого поведения: ни наличие когнитивных аттракторов, существующих на всем пути вверх и вниз; ни культурной и генетической ткани, из которых состоит каждый субъект; ни социальный и культурный контекст; ни эпистемологические установки, позволяющие осуществлять отбор данных и формулировать исторические обобщения. Диапазон проблем, с которыми пытаются сегодня работать когнитивные историки, обширен: изучение артефактов и материальной культуры, религии, истории науки, памяти, эмоций, аффектов, и др.

Однако формирование новой междисциплинарной области нельзя назвать беспроблемным – вокруг эпистемологических и эвристических возможностей использования когнитивизма в «ремесле историка» разворачиваются серьезные споры. Одна из исходных сложностей состоит в том, что в науке до сих пор не существует единого мнения относительно того, что объединяет все те разнообразные способности и виды деятельности, которые мы определяем как *ментальные* [1]. Остальные возражения и аргументы против когнитивной истории условно можно разделить на две большие группы. Первая объединяет типичные претензии, предъявляемые к исторической науке, хотя и рассмотренные в контексте когнитивной истории. Вторая группа возобновляет старые дискуссии о природе и специфике разных областей научного знания. Цель рассмотрения этих взаимных претензий состоит не в том, чтобы убедить обе стороны в отсутствии отраслевой или дисциплинарной специфики. Скорее – в возможности и продуктивности объяснительного плюрализма, показывающего, что традиционные исторические исследования и когнитивные науки могут взаимно обогатить друг друга. Современная наука показывает, что *знание – это особый вид со-настройки с реальностью*, и между природой и культурой нет той реальной пропасти, какой она виделась прежде: это две стороны одной и той же ленты Мёбиуса. *«Культурные и поведенческие (фенотипические) предпочтения, являющиеся конечным результатом случайного или преднаме-*

ренного выбора, могут действовать как избирательная сила на будущие поколения, воздействуя на процессы обучения в процессе развития и оказывая влияние как на фенотипы, так и (в долгосрочной перспективе) на генотипы. Таким образом, модифицированная культурная и когнитивная ниша может – через историю – стать частью социальной, межпоколенческой наследственности» [5, p. 143-144].

Конечно, такое сотрудничество (скорее даже то, что платоники называют «сопричастностью») между когнитивным историком и историзирующим ученым требует более тонких настроек по отношению друг к другу, особенно в плане инструментария и способов взаимодействия. Критики идеи расширенного или распределенного познания уже отмечают трудности при работе с большим разнообразием факторов, которые следует принимать во внимание при анализе ментальной жизни. Обращается внимание, что разнообразие когнитивных инструментов, устройств и средств памяти образуют настолько «пеструю коллекцию, что она уже не может служить основой для сколько-нибудь значительного теоретизирования» [4, p. 63]. В любом случае полезность когнитивной истории может быть оценена только на практике.

Библиография

1. Печенкова Е.В., Фаликман М.В. Сознание и мозг: когнитивная наука по обе стороны психофизической проблемы // Когнитивная психология. Феномены и проблемы / под ред. В.Ф. Спиридонова. М.: УРСС, 2013. С. 229-255.
2. Рычкова О.В. «Социальный мозг» новый объяснительный конструкт в психологии?» // Научные ведомости БелГУ. Серия: Гуманитарные науки. 2010. № 24. Вып. 8. С. 335-344.
3. Фаликман М.В., Коул М. «Культурная революция» в когнитивной науке: от нейронной пластичности до генетических механизмов приобретения культурного опыта // Культурно-историческая психология. 2014. Т. 10. № 3.
4. Adams F., Aizawa K. The Bounds of Cognition // Philosophical Psychology. 2001. Vol. 14. P. 43-64.
5. Ambasciano L. What is Cognitive Historiography, Anyway? Method, Theory, and a Cross-Disciplinary Decalogue // Journal of Cognitive Historiography. 2017. Vol. 4.2.
6. Chiao J.Y., Blizinsky K.D. Culture-gene coevolution of individualism-collectivism and the serotonin transporter gene // Proceedings of the Royal Society. B. 2010. Vol. 277. P. 529-537.
7. Martin L.H., Sørensen J. (eds). Past Minds: Studies in Cognitive Historiography. London and Oakville, CT: Equinox Publishing, 2011.
8. Nitecki M.H., Nitecki D.V. History and Evolution. Albany, NY: State University of New York Press, 1992.
9. Shaw D.G., Pomper P. The Return of Science: Evolutionary Ideas and History // History and Theory. Issue 38. 1999.
10. Xygalatas D., McCorkle Jr. W.W. (eds.). Mental Culture: Classical Social Theory and the Cognitive Science of Religion. Durham: Acumen Publishing, 2013.

Воробьева Ольга Владимировна, кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института всеобщей истории РАН; доцент, старший научный сотрудник Центра когнитивных программ и технологий Российского государственного гуманитарного университета, г. Москва, Россия; vorobushek1@yandex.ru

Cognitive History: Overconfidence or the Breadth of Open Horizons?

The article deals with theoretical issues of interaction between history and cognitive sciences; analyzes new subject fields of historical science that have emerged at the intersection of history and cognitive sciences; discusses problems, approaches and prospects for applying neuroscience in modern historical research.

Keywords: cognitive history, social brain, cognitive science, extended cognition, culture-gene coevolution

Vorobyeva Olga Vladimirovna, Candidate of History, Leading Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Sciences; Associate Professor, Senior Researcher, Research-education Centre for Cognitive Programs and Technologies, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; vorobushek1@yandex.ru

УДК 930.2

Маловичко С.И.

Изучение форм исторических нарративов в историографии XX – начала XXI века¹

Исследуются основные практики изучения форм исторических нарративов в XX – начале XXI в. Автор обратил внимание на нарратологическую проблему, связанную с формами историописания. В качестве классификационной единицы выбрана категория «вид», которая (в отличие от понятий «работа» и «жанр») позволяет осуществлять источниковедческий анализ историографических источников в контексте европейской исторической культуры.

Ключевые слова: форма нарратива, произведение, жанр, историографический источник, вид

В историографии стало вполне привычным называть произведения историков: «труд», «работа», «произведение» («werk» – нем., «work» – англ.) и, в принципе, употребление таких понятий приемлемо, если современный исследователь не проводит их историографический анализ. Однако практика систематизации произведений историков вынуждает исследователей обращаться к ставшему традиционным в литературоведении понятию «жанр».

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00186 «Культура духа» vs «Культура разума»: Интеллектуалы и Власть в Британии и России в эпоху Перемен (XVII-XVIII вв.).

В зарубежной и в отечественной научной практике это понятие стало довольно распространенным. Например, советские лингвисты, говоря о классификации произведений, обладающих научным (академическим) стилем, выделяли: монографию, статью, научный доклад [см.: 10, с. 45]. К жанрам научных текстов по функциональному признаку были отнесены: «книга, монография, статья, диссертация, доклад <...>, учебник <...>, энциклопедический словарь <...>, очерк» и т.д. [см.: 11, с. 42].

Нет ничего удивительного, что в исторической науке с XIX века – в целом, а затем и в истории истории стало традиционным систематизировать исторические произведения по *жанрам*. Наиболее показательна статья «История» в издававшемся в последней четверти XX века в Германии «Словаре основных исторических понятий» (в 8 т.). Понятие «жанр» в «Словаре» отнесено и к жанру истории (в отличие от литературы), и непосредственно – к историческим произведениям, в зависимости от их структурно-композиционного построения [см.: 9].

При систематизации таких историографических источников как произведения историков в отечественной историографии *жанровый подход* применяется довольно. В 60-х гг. XX в. его применяли О.Л. Вайнштейн и М.В. Нечкина, а в начале XXI в. выделяют жанры исторических работ некоторые соискатели научных степеней [см.: 1, с. 457; 8, с. 10; 3, с. 18]. Несмотря на это, некоторые историки предлагали и предлагают классифицировать их по видам, происхождению и авторству [см., напр.: 2, с. 126; 4, с. 502-505].

В последние годы историки ставят вопросы о недопустимости размывания границ между научной и ненаучной историографией, в том числе, в виде «популярных форматов истории». Преградой такому размыванию, по мнению Д. фон Лаака, может стать введение в профессиональную подготовку историков предметов, связанных с изучением процедуры исторического письма как культурной практики [14, s. 345]. Неоклассическая модель науки ведет поиск *строгих научных* оснований профессиональной деятельности историков и рефлексировать о новых познавательных возможностях истории. В этой связи необходимо вспомнить, что среди представителей литературной теории довольно давно появился скепсис по отношению к категории жанра [см., напр.: 12; 5]. Однако, как отмечает испанский историк А. Хауми, «несмотря на существенную критику литературных жанров [в литературоведении], в историографии этот вопрос вообще игнорируется» [13, p. 145].

По мнению А. Хауми, большинство историков не настроено думать о формах своих произведений, и неслучайно, самым попу-

лярной (и самой узнаваемой) формой историописания до сих пор признается монография [13, р. 145, 147-148]. Неслучайно, даже авторы учебных книг по историографии (которые призваны формировать профессиональные качества будущих историков) могут писать, что к концу XVII в. в России «стали появляться исторические труды, напоминавшие собой монографии», а «издание И.И. Голикова [«Деяния Петра Великого» в 12 ч. (1788–1789)] являлось <...> крупнейшей монографией [sic!] о деятельности реформатора» [см.: 7, с. 78, 133].

Сегодня присутствует два взгляда историков на понятие «жанр». Одни подразумевают под жанрами типы истории: социальная история, экономическая история, интеллектуальная история и т.д. Другие понимают под ними отдельные подходы к истории: марксистский, этнокультурный, фрейдистский и т.д. Таким образом, как справедливо заключает А. Хауми, историки часто путают форму с содержанием [13, р. 150-151].

А. Хауми задал вопрос, является ли «жанр» – полезной категорией для проведения исторического (и историографического) анализа?». Историк не дал на него окончательный ответ, но напомнил, что в номенклатуре жанров следует разобраться, так как выбор тем или иным исследователем одного из них «является результатом решения о способе, с помощью которого организуется знание о прошлом» [13, р. 149]. Думается, можно заключить, что категория «жанр» – не лучший помощник для проведения анализа исторических произведений, а значит, и для выполнения строгого историографического исследования.

Рефлексия о неоклассической модели исторической науки, об истории как *строгой науке* позволила Научно-педагогической школе источниковедения (сайт Источниковедение.ru) актуализировать формирование предметного поля – *источниковедение историографии* в междисциплинарном пространстве интеллектуальной истории. На наш взгляд историографические источники – это группа видов исторических источников, реализующих функции презентации и позиционирования исторического знания, как научного, так и социально ориентированного. Применение источниковедческого подхода позволяет нам выявлять типы исторического знания и проводить видовую (а не жанровую) классификацию историографических источников (произведений историков) на основании принципа целеполагания конкретных авторов исторических произведений и культуры их времени. На мой взгляд, в данном случае, источниковедение историографии выполняет не только функцию *системности*, но еще и *функцию экспертную*,

столь необходимую в ситуации, когда ширится состав субъектов, располагающих возможностью позиционирования того или иного взгляда на прошлое.

Каждый продукт человеческого интеллекта, как отмечала О.М. Медушевская, структурирован своей целью [6, с. 258]. Поэтому произведения авторов историй функциональны, они несут в себе обозначение своей функции в системе исторического знания, т.к. цели, ставившиеся историописателями при написании больших национальных историй, учебных книг по истории и т.д., не могли быть одинаковыми. Сегодня мало кто усомнится, что, изучая практику историописания того или иного историка, необходимо учитывать, в произведении какой видовой принадлежности она была выражена – в очерках по истории, научной статье, учебной книге по истории и т.д.

Представляется важным обратить внимание на нарратологическую проблему, связанную с формами историописания и практику использования *дискурс-анализа* при изучении форм исторических нарративов XVIII века. Дискурс-анализ, оформившийся на стыке социо-гуманитарных дисциплин, позволяет исследовать письменную речевую деятельность в структуре, например, исторического знания XVIII века на лингвистическом уровне. Интерес представляет рефлексия авторов о выбранной форме и цели повествования, их обращение к невидимому читателю, обнаружение нарративных маркеров, с помощью которых позиционировался вид произведения. Манифестируемая авторами XVIII века цель историописания, а также экспликация исторического контекста позволяют в предметном поле источниковедения историографии проводить процедуру классификации историографических источников, присущих исторической культуре XVIII века.

Проведение подобного исследования в рамках видовой структуры историографических источников, свойственных европейской исторической культуре XVIII века («полные» истории, исторические описания, статьи и др.), позволяет в том числе выявить практику историописания, представленную разновидностями *очерка*: опыт (*essay, versuch*), начертание (*abriß*), изображение (*tableau*), записки (*notes, notizen*). В таких формах исторических нарративов исследователь обнаруживает дефинирующие их признаками очеркового вида историописания: авторская позиция (испытание), несовершенство / ограниченность нарратива и др., которые можно свети к одному основному – *не репрезентативность* (по сравнению со строгой научной практикой историописания).

Библиография

1. Вайнштейн О.Л. Западноевропейская средневековая историография. М.; Л.: Наука, 1964. 483 с.
2. Зевелев А.И. Историографическое исследование: методологические аспекты. М.: Высшая школа, 1987. 160 с.
3. Игишева Е.А. Политическое развитие Урала в 1920-е гг. в отечественной историографии: Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2010. 48 с.
4. Ипполитов Г.М. Классификация источников в проблемно-тематических историографических исследованиях и некоторые подходы к их анализу // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2011. Т. 13. № 3. С. 502-505.
5. Киреева Н.В. Изучение категории жанра в эпоху жанровой деканонизации // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. Социальные, гуманитарные, медико-биологические науки. 2015. Т. 17. № 1-2. С. 421-424.
6. Медушевская О.М. Теория и методология когнитивной истории. М.: РГГУ, 2008. 361 с.
7. Наумова Г.Р., Шикло А.Е. Историография истории России: учеб. пособие [4-е изд.]. М.: Изд. центр «Академия». 2011. 480 с.
8. Нечкина М.В. История истории (некоторые методологические вопросы истории исторической науки) // История и историки. Историография истории СССР. М.: Наука, 1965. С. 6-21.
9. Понтеру Х., Козеллек Р., Майер К., Энгельс О. История (Geschichte, Historie) // Словарь основных исторических понятий: Избранные статьи в 2-х т. Т. 1. М.: НЛО, 2014. С. 45-239.
10. Сенкевич М.П. Стили научной речи и литературное редактирование научных произведений: учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1976. 263 с.
11. Федоровская О.А. О жанровой классификации научно-технических документов и их лингвистических особенностях (на материале русского языка) // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвостилистические особенности. М.: Наука, 1989. С. 37-45.
12. Derrida J. The Law of Genre / Jacques Derrida // Critical Inquiry. 1980. Vol. 7. № 1. P. 55-81.
13. Jaume A. Rethinking historical genres in the twenty-first century // Rethinking History: The Journal of Theory and Practice. 2015. Vol. 19. No. 2. P. 145-157.
14. Laak D. van. Zeitgeschichte und populäre Geschichtsschreibung: Einführende Überlegungen // Zeithistorische Forschungen / Studies in Contemporary History. 2009. No. 6. S. 332-346.

Маловичко Сергей Иванович, доктор исторических наук, профессор, Государственный гуманитарно-технологический университет, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия.

Study of the forms of historical narrations in the historiography of the XX – the beginning of the early XXI century

In this paper the main practices of studying of forms of historical narration in the XX – the beginning of the XXI century are investigated. The author paid attention to the narratological problem connected with the forms of historical writing. As classification unit the category «kind» which (unlike the concepts «work» and «genre») allows to carry out the source study analysis of historiographic sources in a context of the European historical culture is chosen.

Keywords: form of narration, work, genre, historiographic source, kind

Malovichko Sergej Ivanovich, Doctor of history, Professor, State University of Humanities and Technology, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia.

Недашковская Н.И.

**К новой «всеобщности»: художественный мир
в цифровую эпоху как объект интеллектуальной
истории**

В статье в ракурсе интеллектуальной истории рассматриваются методологические аспекты процессов воспроизводства художественного мира в цифровой среде, проанализировано их преломление в образовательной деятельности и в области изучения искусства. Анализируется модель кураторства-соавторства, лидирующая в создании контента, конструирующего художественный мир человека нового тысячелетия.

Ключевые слова: художественный мир, цифровая гуманитаристика, образовательная медиасреда, куратор данных, интеллектуальная история

Художественный мир произведения / автора / эпохи или целого вида искусства по своей природе схож с цифровой культурой и в некотором смысле генетически связан с ней. В обоих случаях речь идет об условной реальности, созданной условным или реальным автором-творцом и досозданной рецепиентом, причем обе стороны продуцируют в этой деятельности весь свой культурный багаж, который полностью диктует им оптику, смыслы и инструменты. Закономерно, что в настоящее время цифровая культура признана самостоятельным междисциплинарным направлением знания на грани науки, политики, идеологии, культуры. А культура (совокупность произведений, знаний, практик) доцифровой эпохи, являющаяся и основным содержанием образования, оказалась как бы реликтом, «следом» прошлого в современной образовательной ситуации, как и в других сферах производства, хранения и присвоения знания. В связи с этим, наиболее актуальными для нас в проблеме «перевода» художественного мира в цифровую среду в исследовательской и образовательной деятельности представляются не инструментальные или этические, а методологические аспекты, связанные с генезисом и преемственностью аналитических моделей и психолого-педагогических идей.

Один из первых в Европе XX в. исследователей феномена цифровой культуры и массмедиа, медиевист, писатель, журналист и политик Умберто Эко [2; 12; 17], помимо семиотического анализа изменений, происходящих в культуре в связи с цифровым поворотом, предложил прогностическую модель подлинно демократического интернета и медиасреды как мировой публичной библиотеки

высоких технологий справедливого общества и духовного возрождения [19]. Цифровая эпоха создает не только новые оболочки знания, социальности, власти / контроля / принуждения, но вторгается в область качественных изменений идентичности человека и социума, последняя радикальная перестройка которой была предпринята творцами идеи нации и национального государства еще в XIX столетии.

Однако большинство исследований до настоящего времени держат в фокусе анализа преимущественно процессы и инструменты обезличивания и обесчеловечивания ментальности цифровой эпохой, при всех снисходительных параллелях с революцией Гуттенберга и признании неизбежности «четвертой революции» в этом ряду [3]. У. Эко – первый и до настоящего времени почти уникальный теоретик культуры, который увидел неутилитарный гуманистический потенциал Цифры, хотя множество последовавших эмпирических исследований [6; 16] дают большой материал к размышлению в этом направлении. В исследованиях разных лет и жанров он снова и снова возвращался к мысли о не новой модели цифровой революции в культуре, которая закономерно предполагает продолжение поисков в области проблематизации путей гуманизации человеческого сознания и бытия [20].

В работах широкого круга наук о человеке от экзистенциальной философской аналитики до теории коммуникации и медиа среди основных проблем дигитальной культуры называется проблема редукции вовлеченности человека в мир, разрыв его связей с миром. Однако, вслед за У. Эко, обратим внимание на генетически связанную с природой цифровой культуры мысль гуманистики Постмодернизма о соавторстве автора и читателя любого произведения культуры от древности до наших дней, множественности образов / прочтений и соответственно множественности и определенной виртуальности самой культуры в зависимости от тех глаз / сознаний, которые ее воспринимают. Осознание культуры как мирового гипертекста аккумулирует в себе все важнейшие вопросы, встающие перед исследователем-«чтецом» и учителем, смысл деятельности которого заключается в приобщении ученика к процессу культурного наследования.

Гипертекстуальность и диалогичность культуры закономерно спровоцировала в большинстве принятых в разных странах мира на государственном уровне программ создания цифровых хранилищ национальной культуры и образовательных сред. Им присущи общие важные интенции, среди которых особенно значимой представляется установка на индивидуализацию стратегий сбора, ин-

терпретации информации и также, индивидуализацию обучения при помощи новых цифровых инструментов [15; 11; 13; 14; 9], что, с одной стороны, предполагает углубление внимания к личности обучаемого, а с другой, имеет потенциал возрождения на новом уровне модели школы и процесса учения Классической эпохи – модели «Учитель – Ученик» [18].

Эта тенденция одинаково актуальна как для средней, пред-профессиональной, так и для высшей школы, поскольку все они так или иначе связаны с традицией XIX столетия структурно и содержательно.

Люди, входящие сегодня в пространство исследования искусства – дети Цифровой эпохи, объективно вовлеченные во все процессы цифровизации культуры. Главная опасность Больших Данных, которые окружают их в Интернете, во всех видах искусства, в том числе, и в сфере музыки – безграничные объемы этих данных, качество предоставляемых ресурсов, проблемы навигации при ограниченности / отсутствии культурного опыта и, возможно, неустойчивом / несформированном художественном вкусе. Отсюда – обесценивание оригинальных редакций произведений, исполнительских артефактов и всего прочего, что существует в единственном экземпляре и нередко в определенной точке времени, из-за колоссальных количеств версий и вариаций. При этом популярная культура, вирусные видео и исполнители предлагают легкую замену «старой» профессиональной критике источников. Массмедиа стремятся производить Знание и управлять им. Достаточно перепоручить свой выбор группам «знатоков» и, несмотря на определенные издержки, можно получать готовый продукт, который незаметно начинает управлять своим пользователем, ибо выбор – это интерпретация и, следовательно, власть [1, p. 183; 5; 4].

Мировая теоретическая рефлексия этих процессов сама подводит наблюдателя – ученого и учителя к возрождению его традиционной еще с эпохи раннего Нового времени роли – в новой форме «куратора данных» и «конструктора» как глобального знания о мире, так и индивидуальной образовательной цифровой среды [17; 8; 10]. Кроме важнейших социогуманитарных и образовательных целей, такой подход решает и одну из самых больных психолого-педагогических проблем сегодняшней средней, профессиональной и высшей школы – проблему дискommunikации учителя и ученика, исследователя и объекта вследствие вероятности частичного или полного несовпадения культурных контекстов. Так, признана необходимость издавать комментированные произведения А.С. Пушкина, практически весь художественный мир XX, XIX

и далее столетий уже недоступен прочтению с точки зрения повседневного «здорового смысла».

В силу специфики искусства, масштабов стоящего за ним культурного багажа именно профессиональный исследователь и преподаватель проектирует первоначальную модель художественного мира для общества и ученика, которую последний выстроит в будущем в соответствии с запросами своей личности. В отличие от других сфер здесь учитель приобретает возможность быть больше, чем только куратором, т.е. ограничиться авторитарным выбором и указанием на лучшее и более адекватное поставленным задачам от ступени к ступени обучения. Культурная эмпатия по отношению к личности ученика, профессионально отрефлексированная и осознанно направляемая специалистом, позволяет шагнуть дальше, превращает учителя из куратора в переводчика на язык мировых культурных образов заложенной в личности обучаемого программы создания собственного художественного мира.

Собирая уникальный, индивидуальный для каждого учебный контент как коллаж (вспомним известную метафору культуры как великого единого интертекста у постмодернистских теоретиков) из произведений, лиц великих музыкантов, великих учителей, талантливых дебютантов и высокопрофессиональных педагогов, выдающихся теорий и книг, образов музыкальных столиц мира и фольклорных мировых традиций, мест памяти, историй выдающихся школ и даже личных текстов (дневники, воспоминания музыкантов), а также всех следов всего этого в культуре (книги, фильмы, театральные постановки и пр.), учебных тренажеров разных уровней, учитель выступает не в роли Пигмалиона (как скульптора личности) или Гермеса (как посредника земли и неба, человеческих возможностей и многовековой традиции школы), но в роли соавтора репрезентации учеником художественного мира при добровольном принятии соавторства друг друга. При этом идеи У. Эко о гуманизации права на производство, экспертизу и трансляцию знания и образов мира позволяют выстроить гипотезу возможности построения транснациональной структуры, преемственной старому университету, которая бы основывалась на полностью горизонтальных взаимосвязях и самоконтроле.

Библиография

1. Ball S. Foucault and Education: Disciplines and Knowledge. L.; N.Y.: Routledge, 1991. P. 183.
2. Bouchard N. Eco and popular culture // Peter Bondanella (ed.) New essays on Umberto Eco. N.Y.: Cambridge University Press, 2009. P. 1-16.
3. Tofts D., Jonson A., Cavallaro A. Prefiguring Cyberculture. An Intellectual History. MIT Press, 2002.

4. Асмолов А.Г. Психология личности: Культурно-историческое понимание развития человека. 3-е изд., испр. и доп. М.: Смысл; Издательский дом «Академия», 2007. 526 с.
5. Выготский Л.С. Психология развития человека. М.: Изд-во Смысл; Эксмо, 2005. 1136 с.
6. Демистификация цифры. Интервью с Яном Красни. – URL: http://cultlook.org/jk_demystification_digital
7. Иоскевич Я.Б. Интернет как новая среда художественной культуры. СПб.: РИИИ, 2006. 168 с.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ, 2000. 608 с.
9. Концепция развития дополнительного образования детей. Утв. Распоряжением Правительства РФ от 04.09.2014 г. № 1726-р. – URL: <http://government.ru/media/files/ipA1NW42XOA.pdf>
10. Маклюэн Г.М. Понимание медиа: Внешние расширения человека. М.: Кучково поле, 2003. 464 с.
11. Национальный проект «Образование». – URL: <http://static.government.ru/media/files/UuG1ErcOWtjfOFCsqdLsLxC8oPFDkmBB.pdf>
12. Петров В.О. Умберто Эко как музыковед (осмысливая труд «Открытое произведение») // Композиторская техника как знак: Сборник статей к 90-летию со дня рождения Юзефа Геймановича Кона / ПГК им А. М. Глазунова. Петрозаводск, 2010. С. 123-130.
13. Приоритетный проект «Современная цифровая образовательная среда в РФ». – URL: <http://neorusedu.ru/about>
14. Трудности и перспективы цифровой трансформации образования / А.Ю. Уваров, Э. Гейбл, И.В. Дворецкая и др.; под ред. А.Ю. Уварова, И.Д. Фрумина; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики», Ин-т образования. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2019.
15. Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. N 204 "О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года". – URL: <http://kremlin.ru/acts/bank/43027>
16. Усманова А.Р. E-Effect: цифровой поворот в гуманитарных и социальных науках. Topos-1-2. 2017. № 4. – URL: https://www.academia.edu/34464410/_E-Effect_Digital_Turn_in_Humanities_and_Social_Sciences_-_Topos-1-2_2017-4.pdf.pdf
17. Усманова А.Р. Умберто Эко: парадоксы интерпретации. Минск: «Пропилей», 2000. 200 с.
18. Фуко М. Что такое Просвещение? Пер. с фр. и прим. Н.Т. Пахсарьян // Вестник Московского университета. Сер. 9. Филология. 1999. № 2. С. 132-149. – URL: <http://lit-prosv.niv.ru/lit-prosv/articles-all/fuko-что-такое-prosveschenie.htm>
19. Эко У. Картонки Минервы. Заметки на спичечных коробках. СПб.: Симпозиум, 2010.
20. Эко У., Карьер Ж.-К. Не надейтесь избавиться от книг! СПб.: Симпозиум, 2010.

Недашкова Надежда Игоревна, кандидат филологических наук, доцент, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия; n.nedashkovskaya@yandex.ru

Towards a new ‘universality’: the art world in the digital age as an object of intellectual history

In terms of intellectual history, the article discusses methodological aspects of the processes of reproduction of the artistic world in the digital environment, and analyses

their refraction in educational activities and in the field of art study. The model of curatorship-coauthorship leading in the creation of content that constructs the artistic world of man of the new millennium is analyzed.

Keywords: artistic world, digital humanities, educational media environment, data curator, intellectual history

Nedashkovskaya Nadezhda Igorevna, Candidate of Philology, Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; n.nedashkovskaya@yandex.ru

УДК 930.2

Репина Л.П.

Роль метафор в историческом синтезе Н.И. Кареева

В статье представлен предварительный анализ метафорических высказываний при рассмотрении проблем философии истории и теории исторического процесса в основных работах Н.И. Кареева. Автор исходит из понимания креативного характера историографических метафор и подчеркивает особую эффективность использования Кареевым их когнитивного потенциала.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, метафора, когнитивный потенциал, исторический процесс, прагматика и культура, синтез

Начиная с рубежа XX–XXI вв. обнаруживается пристальное внимание отечественных историков, социологов, философов к разработанной Н.И. Кареевым теории исторического процесса, или к его «историологии», выстроенной «на общей основе синтетического понимания исторического процесса, как взаимодействия прагматики и культуры, сводящегося в последнем анализе к разнообразным взаимодействиям между отдельными людьми...» [5, с. 252]. Отстают культурологи, пока, очевидно, не осознавшие, как много они могли бы открыть для себя в наследии Кареева. Как подчеркнул в одной из своих работ Г.П. Мягков: «Известно: обратного хода в науке нет, но есть практика масштабного использования “забытых” или не востребованных в свое время идей» [9, с. 274]. И все же практическое использование неисчерпаемого богатства кареевских идей в современных конкретно-исторических и историко-историографических исследованиях остается малозаметным.

Что касается многочисленных работ историков философии и социологии, в них, как правило, предметом анализа, а иногда просто подробного пересказа или раскавыченного изложения, становится совокупность основных философских идей, теоретических положений и концептуальных высказываний Н.И. Кареева. Между тем, особенности языка этих высказываний остаются без внима-

ния. Не ставя перед собой, такую задачу в ее полном масштабе, я хотела бы обратить внимание на три взаимосвязанных момента: 1) использование языковых метафор и развернутых метафорических высказываний в качестве эффективного способа передачи значимой информации в теоретических текстах Кареева (как и в дидактических – но это отдельная тема), когда ярко выраженный образ отвлеченной, абстрактной идеи облегчает ее восприятие; 2) критический анализ Кареевым метафорических репрезентаций, организующих специфику исторического мышления историков определенных направлений и разных эпох. Сразу подчеркну, что мое обращение к этому второму моменту имеет в своей основе выдвинутое и детально разработанное Войцехом Вжосеком понятие (идею) историографической метафоры как символической парадигмы исторического мышления и «как категории, служащей для эпистемологически ориентированного историографического анализа», т.е. речь идет о когнитивном потенциале метафоры, наиболее последовательно раскрытом в его книге «Культура и историческая истина» [1]; и 3) вытекающий из второго вопрос: о каком именно типе исторического мышления свидетельствуют собственные историографические метафоры – модели исторического движения в историологии, или теории исторического процесса Н.И. Кареева?

Примечательно, что в дефиниции «исторического изучения чего бы то ни было», данной Н.И. Кареевым, присутствуют все базовые (коренные) метафоры, задающие категориальную сеть классической философии истории и историографии: и генезис, и изменение, и развитие: это «такое изучение, которое берет предмет в его прошлом, в его происхождении (генезисе), видоизменениях (трансформациях), развитии (эволюции). Подобно тому, как понятие истории в смысле простого повествования о случившемся, развилось до понятия исторической науки, так и понятие об истории, как о простой совокупности фактов прошлого, развилось до понятия **об историческом процессе**» [3, с. 1-2]; «...эволюция истории вся идет к тому, чтобы сделать возможным развитие личной инициативы, обнять в системе социальных взаимоотношений все человечество и *осуществить в жизни новые идеи, постепенную эволюцию идеалов* (курсив мой. – Л.Р.)» [6, т. 1. С. 238]. И к этим базовым метафорам присоединяются дополняющие и расширяющие их категории движения и прогресса / регресса. Для Кареева вопрос о смысле истории – есть вопрос о прогрессе (в его собственном авторском понимании): «...в идее прогресса мы имеем лишь руководящую идею при оценке действительного хода истории

и при предъявлении требований наших к имеющей еще совершиться истории» (8, с. 97).

Идея однонаправленного линейного движения, связанная с событийной историографией и присущей ей генетической каузальностью, дискредитируется и ей, с помощью многочисленных креативных метафорических высказываний, противопоставляется собственная интерпретация «исторического движения». Особенно богаты такими яркими метафорическими образами книга «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» (третий том «Основных вопросов философии») [7] и, конечно, «Историология» с ее знаменитой развернутой метафорой «хода истории», существенно корректирующей прямолинейность классических теорий прогресса. Кареев создает здесь яркий образ, не просто напоминающий, но, к тому же, поддающийся, на мой взгляд, виртуальному моделированию: «Течение исторической жизни в каждом конкретном случае есть нечто донельзя сложное, состоящего из необозримого количества более простых элементов в самых разнообразных сочетаниях, и каждый из этих элементов, так сказать, подчиняется своему закону, как и результат каждой комбинации тоже вытекает с необходимостью из данного сочетания действия законов. Когда птица летает и кружится в воздухе по разным направлениям, особенно если она еще ловит при этом пролетающих мимо насекомых, что заставляет ее беспрестанно отклоняться в сторону от принятого направления, все в этом ее полете совершается по естественным законам, но если бы мы захотели найти какую-либо правильность в сложной линии, по которой совершался полет птицы, то стали бы перед этой задачей в полный тупик» [5, с. 36-37].

Подчеркивая необходимость отказаться от поиска общей формулы хода истории, Кареев буквально нанизывает одну метафору на другую, усиливая эффект образной выразительности и персуазивности в своей коммуникации с читателем: «Если бы существовала такая общая история, повторяющаяся неизменно в истории отдельных стран, существенные черты каждой из них так же сходствовали между собою, как главнейшие признаки, напр., всех людей или всех берез. Между тем истории отдельных народов, – это, фигурально выражаясь, не разные экземпляры одного и того же вида березы, а как бы разные деревья: одна – береза, другая – дуб, третья – сосна, четвертая – кипарис, пятая – финиковая пальма, – до такой степени мало сходства между историями отдельных стран». И далее: «Рассматривая историю как движение (“историческое движение”), мы должны помнить, что пользуемся в данном случае метафорическим выражением, и что здесь нет такой единой

движущей силы, как в случае падения тела, нет единой точки, в движении к которой заключается самое падение. <...> внутренний строй общества, его размеры, изменения, в нем происходящие, и т.п., вовсе не даны ему искони в том, что можно назвать его эмбрионом, а зависят от множества условий, в какие жизнь ставила общество. <...> в жёлуде заключен весь будущий дуб, с его корнями, стволом, ветвями, листвой, общества же подобны постепенно растущим и приобретающим новые формы кристаллам, а что даст процесс кристаллизации в каждом отдельном случае, это будет зависеть не только от качества кристаллизующегося вещества, но и от его количества, и еще от условий внешней среды» [5, с. 50-53].

Ту же функцию выполняет развернутая метафора театрального представления из раздела «Значение в истории прирожденных свойств расы»: «Если сравнить историю какого-нибудь народа с разыгрываемой на театральной сцене пьесой, то страна, где совершается история, со всеми своими климатическими, оро- и гидрографическими и всякими иными условиями, остающимися в большинстве случаев неизменными, – во всяком случае очень постоянными, – может быть уподоблена сцене с ее декорациями и всею обстановкою. Оседлая жизнь обуславливает единство места пьесы, в разыгрывании которой участвует – в разных ролях – всё население страны. Актеры, однако, не одни и те же на протяжении всей пьесы. Ежегодно, даже ежедневно одних похищает смерть, они уходят со сцены, другие рождаются, для того чтобы со временем вступить в деятельную жизнь данного общества. Беря более продолжительные промежутки времени, мы видим, что из старых исполнителей на сцене никого уже нет: разыгрывают пьесу уже новые актеры, из которых постоянно одни тоже постепенно уходят и к которым непрерывно прибавляются свежие силы. Параллельно с ходом пьесы, с происходящим в стране историческом процессом, идет другой процесс, смена поколений народа, работа Рождения и Смерти, процесс биологический. Но биологический процесс совершается еще и между рождением и смертью каждого отдельного участника, – хотя бы в роли статиста, – исторической драмы: молодое растет, старое старится, и каждый участник такого театрального представления не остается неизменною фигурою за все время своего нахождения на сцене» [5, с. 83-84].

Общественная жизнь не представляет собой неизменно поступательного движения вперед: «Исторический процесс, взятый с прагматической стороны, складывается из акций и реакций, из шагов вперед и назад» [5, с. 226]. И вновь – точная метафора: «Общим движением жизни одно проталкивается вперед, другое,

уже успевшее продвинуться, отбрасывается назад... Ткань Пенелопы в очень частых случаях может служить символом исторического процесса, как чередования акций и реакций, хотя в общем и целом история все-таки идет вперед» [5, с. 236]. Итак, историческое движение имеет чрезвычайно сложный маршрут. Мы обнаруживаем метафоры движения – отнюдь не линейного: вперед, вверх, вниз, отступление назад и т.п. Такое движение отражает особую модель причинно-следственной связи, когда «в порождение поступков поступками... постоянно вторгаются отдельные акты психической жизни индивидуумов» [4, с. 301-302], и человеческие поступки могут быть порождены не только внешними, но и сугубо внутренними, психологическими причинами: человек способен обдумать и предпринять «действие, не имеющее своей причины непосредственно в определенном внешнем толчке» [5, с. 175], причем «влияния одних людей на других подвергаются большей или меньшей внутренней переработке, прежде чем стать причинами новых поступков...» [см.: 7, с. 376-381]. Возможно ли при этом ставить перед историками задачу открывать законы исторического движения? И здесь – блестящая метафора: «Исторические законы – могила истории. Кто хочет убить науку, тот не может найти лучшего средства, как навязать ей несвойственную задачу» (6, т. 1, с. 142). Нет законов истории, но есть законы социологии и психологии, на основе которых можно объяснить историческое движение, т.е. историю как «изменяющуюся во времени совокупность явлений духовной и общественной жизни человека» [6, т. 1, с. 113]. И здесь неизбежно возникает **проблема корректного междисциплинарного трансфера знаний**, столь занимающая умы гуманитариев XXI века.

Говоря о предложенной Н.И. Кареевым синтетической модели исторического процесса как взаимодействия прагматики и культуры, добавим несколько ее важных штрихов. Прагматическая история, по Карееву, это не только действия людей, складывающиеся в события, но и любые человеческие поступки. Вся деятельность членов общества «протекает в известной культурно-социальной среде», в «совокупности условий, на нее влияющих, и совокупности форм, в которых совершаются отдельные акты деятельности». Реальной стороной своего поступка субъект не только может вызвать поступок другого (прагматическая сторона процесса), но и изменить сами условия его жизни и деятельности (влияние прагматики на культуру) [5, с. 250]. Не слишком ли много отличий от традиционной и даже модернистской моделей и, напротив, явных сближений с продвинутыми интегративными социальными теориями

второй половины XX – начала XXI в., прежде всего с теорией структуризации Энтони Гидденса [2]?

Позволю себе сделать сугубо предварительный вывод: ни традиционная (событийная), ни модернистская (сциентистская) историографическая метафора не являются определяющими в синтезирующем историческом мышлении Н.И. Кареева.

Библиография

1. Вжосек, Войцех. Культура и историческая истина / Пер. с польск. К.Ю. Ерусалимский. М.: Изд-во «Кругъ», 2012. 336 с.
2. Гидденс, Энтони. Устроение общества: Очерк теории структуризации. М.: Академический проект, 2003. 528 с.
3. Кареев Н.И. Главные обобщения всемирной истории: Учеб. пособие для сред. образования. СПб.: Тип. М. Стасюлевича, 1903. 148 с.
4. Кареев Н.И. Историко-философские и социологические этюды. 2 изд., с переменами. СПб.: Издатель, 1899. 518 с.
5. Кареев Н.И. Историология: Теория исторического процесса. Изд. 2-е. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2011. 328 с.
6. Кареев Н.И. Основные вопросы философии истории. Критика историософических идей и опыт научной теории исторического прогресса. Т. 1–2. М.: Тип. А.И. Мамонтова и К°, 1883. 456 с., 400 с.
7. Кареев Н.И. Сущность исторического процесса и роль личности в истории. СПб.: тип. М. Стасюлевича, 1890. 628 с.
8. Кареев Н.И. Философия, история и теория прогресса // Собрание сочинений Н.И. Кареева. В 3 т. Т. 1: История с философской точки зрения. Санкт-Петербург: «Прометей» Н.Н. Михайлова, 1911. 204 с.
9. Мягков Г.П. Н.И. Кареев о роли традиции в механизме исторического процесса // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследие. Материалы Всероссийской научной конференции / Отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 274-275.

Репина Лорина Петровна, член-корреспондент РАН, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института всеобщей истории РАН, профессор кафедры теории и истории гуманитарного знания, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия; lorinarepina@yandex.ru

The role of metaphors in the historical synthesis of N.I. Kareev

The article presents a preliminary analysis of metaphorical statements when considering problems of philosophy of history and theory of historical process in the main works of N.I. Kareev. The author proceeds from an understanding of the creative nature of historiographic metaphors and emphasizes the particular effectiveness of Kareev's use of their cognitive potential.

Keywords: N.I. Kareev, metaphor, cognitive potential, historical process, pragmatics and culture, synthesis

Repina Lorina Petrovna, Member of the RAS, Doctor of History, Chief Researcher, Institute of World History of the RAS? Professor, Department of Theory and History of the Humanities, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; lorinarepina@yandex.ru

Ростиславлева Н.В.

**Макс Вебер о российской государственности:
историографические аспекты¹**

В статье рассматривается историографическая рецепция представлений Макса Вебера о российской государственности в 1905–1918 гг. В отечественной гуманитаристике этот сюжет стал популярен в 1990-е гг., что явилось импульсом переводов на русский язык веберовских статей о России. «Русская тема» затрагивалась в биографиях Вебера зарубежных исследователей. Наиболее скрупулезно восприятие Вебером России изучено немецким историком Д. Дальманом.

Ключевые слова: Макс Вебер, Российское государство, историографическая рецепция

«Макс Вебер и Россия» – одна из волнующих и дискуссионных тем современной отечественной и зарубежной историографии. Макс Вебер (1864–1920) был современником Н.И. Кареева, в жизни их пути не пересекались. Кареев в начале XX в. немало сюжетов, правда, в рамках Новой истории Европы посвятил Германии. В начале Первой мировой войны он был задержан на несколько недель на территории Германской империи. В 1923 г. под его редакцией на русском языке была издана работа М. Вебера «Город».

Немецкий социолог проявил интерес к России в связи с началом Первой русской революции, написав свои статьи о положении в России. После революции ученый принимал участие в заседаниях «Национал-социального союза» в Гейдельберге, где обсуждались вопросы, связанные с Россией; он откликнулся на события февральской революции 1917 г. и, конечно, затрагивал роль России в своих размышлениях о проблеме виновников Первой мировой войны.

Российские историки впервые стали обсуждать представления Вебера о России в 90-е гг. XX в. А.И. Патрушев в 1992 г. издал книгу «Расколдованный мир Макса Вебера», в которой впервые в отечественной историографии представил довольно краткий анализ веберовских работ о России. Так, он отмечал леволлиберальный характер статей ученого «К положению буржуазной демократии в России» и «Переход России к псевдоконституционализму» и делал акцент на неприятии Вебером выступлений пролетариата, ко-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00426 А). The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00426 A).

торые укрепляют самодержавие и реакцию [3, с. 14]. Другой аспект интереса Вебера к России был связан, по мнению А.И. Патрушева, с осмыслением ситуации в Германии накануне войны. Историк писал: «События в России казались ему (Веберу. – *Н.Р.*) волшебным зеркалом, отразившим возможную будущность в Германии» и подчеркивал убеждение Вебера в «солидарности династических интересов» и «сходстве двух ограниченных в способностях монархов» [3, с. 41], которые не допускают к политике крупных реформаторов. Российский историк, конечно, отметил статью Вебера, в которой тот возлагал главную вину в войне на русский царизм и полагал, что неудача Вебера как политика – это не что иное как крах либерально-демократического индивидуализма, не нашедшего себе достойного применения в империалистическую эпоху [3, с. 90].

Русским студиям Вебера впервые было уделено достаточно внимания в опубликованной в Германии книге Юрия Давыдова и Пиамы Гайдено «Россия и Запад». Ю. Давыдов в очерке этой книги «Шансы свободы в России. Взгляд Макса Вебера на проблемы революции 1905 г.» подчеркивал протестантскую интерпретацию свободы М. Вебером и называл ситуацию в годы Первой русской революции «драмой свободы», «трагедией опоздавшей свободы» и подчеркивал ее антитезу к экономической необходимости [7, S. 73, 75, 76]. Оценки достаточно пессимистичны.

Вопрос о становлении демократии в России затрагивался в работах социологов. Р.П. Шпакова утверждает, что после Февральской революции в России, несмотря на победу республики, тема утверждения гражданского общества снимается [4, с. 109-114].

В начале XXI в. вышел в свет сборник «Вебер о России», где на русском языке впервые были представлены статьи ученого на «русскую тему». Предисловие к сборнику принадлежит перу А. Кустарева, который, размышляя об интересе Вебера к России, объяснял его разными обстоятельствами: во-первых, исключительным аппетитом Вебера на фактуру. Во-вторых, очевидной энергетической мощью и драматизмом того, что происходило в России на его глазах. В-третьих, – и это самое важное – его озабоченностью перспективами свободы и либеральной конституции. А. Кустарев отмечал, что Вебер в России видел возможности зарождения свободы «не в сфере религиозного переживания, как это было в Европе, а в сфере политической программы и политического процесса» [1, с. 7]. Анализируя работу Вебера «Переход России к псевдоконституционализму», автор подчеркивал: этот вопрос интересовал ученого в плане превращения самодержавия как рос-

сийского варианта абсолютной монархии в конституционную [1, с. 7] и уточнял, что пристальное внимание при этом Вебер уделял не конституции или системе разделения властей, а «разделению ролей между аппаратом власти (бюрократией) и политическим руководством», критикуя «взаимное позиционирование думы, царя и правительства в структуре российского государства», непарламентский характер российской монархии, непомерный рост бюрократии [1, с. 9-10]. Однако вывод Кустарева не столь пессимистичен, он писал: Вебер «первым на Западе понял, какое значение имеет Россия для будущего европейской цивилизации», и призвал учитывать опыт России, проверяя концепции всемирной истории [1, с. 13. См. также: 2].

Проблема «Вебер и российская государственность» нашла отражение в зарубежной историографии, прежде всего в немецкой. Нельзя утверждать, что это центральная проблема в зарубежном вебероведении. Иногда интерес ученого к России воспринимался абсолютно иррационально. Так, например, И. Радкау, автор книги «Макс Вебер. Страсть мысли», в главе «"Юг – Север – Запад – Восток": непостоянные попытки духовного завоевания мира» упоминал статьи Вебера о России, но его интерес к ней он обозначает как «иррациональный прыжок в неизвестное» и утверждает, что тот обратил свой взор на Восток, так как был сильно измотан работой над «Протестантской этикой и духом капитализма» и своей редакторской деятельностью в журнале «Архив социальной науки и социальной политики». В представлении автора Вебер жаждал новых ощущений, чтобы все начать сначала [9, S. 362].

Эта точка зрения не нашла поддержки среди немецких историков. Признанным специалистом по изучению проблемы «Макс Вебер и Россия» является Д. Дальман. Он – автор предисловия и комментариев десятого тома Полного собрания сочинений Вебера, где опубликованы основные работы ученого по русской проблематике, а также ряда программных статей. Так, в очерке «Макс Вебер и Россия» он не только скрупулезно анализирует аспекты интереса Вебера к России, но и дает краткий обзор рецепции творчества Вебера в России, отмечая, что первые переводы его работ появляются в России в конце XIX в., а «на заре советской эры [?] специалист по аграрной истории и истории Франции Н.И. Кареев в 1923 г. опубликовал перевод "Города"» [6, S. 86]. Также Дальман упоминает публикации о социологии Вебера А.И. Неусыхина, И.М. Гревса, отмечает, что в эпоху сталинизма исследования о Вебере в СССР были невозможны, а вышедшая на русском языке в 1972 г. «Протестантская этика и дух капитализма» Вебера имела

гриф «для служебного пользования» [6, S. 87]. Автор демонстрирует хорошую осведомленность о посвященных Веберу публикациях в период перестройки и после развала СССР, особо отмечая работы Ю. Давыдова и П. Гайденко [6, S. 87].

Статьи Вебера о Первой русской революции историк рассматривает в контексте поражения России в русско-японской войне и связывает возможности распространения свободы с потенциалом свободного экономического развития, противопоставляя ему «авторитарный характер европейского капитализма» [5, S. 2-3]. Автор во многом следует логике самого М. Вебера, указывавшего на роль военных поражений в движении к свободе. Исследователь обращает внимание на связь работы «Протестантская этика и дух капитализма» с изучением и представлением Вебером событий русской революции 1905 г. [5, S. 4-5]. Определенную роль в заинтересованном отношении немецкого социолога к России сыграло, по мнению Дальмана, и его окружение. Гейдельберг, где тогда жил и работал ученый, был одним из центров русской интеллигенции за границей, а Б.А. Кистяковский, который защитил диссертацию под руководством Г. Еллинека, был своеобразным «мостом» Вебера в его познании российских событий. В представлении Дальмана немецкий социолог интерпретировал русскую революцию 1905–1907 гг. с позиций рациональности и видел в ней возможность сохранить и расширить границы свободы индивидуума, однако отмечал, что, по Веберу, возможности для свободы в России были ограничены, ее традиции в общественной мысли вытеснялись «государственным и общественным континуитетом Российской империи» [6, S. 95, 97].

Историк увязывает изучение Вебером России с необходимостью, с одной стороны, прояснить роль демократизации Германии как сильного национального государства, а с другой – с его заботой «о дальнейшем развитии формально свободного общества, испытывавшего давление со стороны растущей бюрократизации, прогрессирующей рациональности, “расколдовывания” мира» [6, S. 96].

Интерес Вебера к России сохранялся и после поражения Первой русской революции, он хотел зимой 1912 г. посетить Москву, летом совершить путешествие в Петербург и затем поехать по стране. Замыслы Вебера не были реализованы. Вновь он обратил свой взор к России в 1917–1918 гг.: появились его статьи «Переход России к псевдемократии», «Русская революция и мир», «Социализм», которые, по мнению Дальмана, генетически были связаны с работами о Первой русской революции [6, S. 99], по-

сколькo социолог увязывал свои размышления о возможности победы демократии в России с проблемами демократизации тогдашней Германии.

Более пристальное внимание анализу восприятия Вебером России в 1917–1918 гг. уделял В. Моммзен, изучавший роль Вебера в политических процессах Германии, который утверждал, что создание Вебером этих статей было продиктовано его опасением, что деятельность большевиков станет примером для левого крыла немецкой социал-демократии [8, S. 283].

Историографическая рецепция представлений Вебера о России не обрела пока устойчивой константы, а исследовательские подходы не только связаны с национальной оптикой, но и иногда со стремлением переосмыслить биографию великого мыслителя.

Библиография

1. Кустарев А. Предисловие // Вебер М. О России. М.: РОССПЭН, 2007. С. 5-55.
2. Кустарев А. Макс Вебер, русская революция, вестернизация // Космополис. 2005. № 3/13. С. 46-67.
3. Патрушев А.И. Расколдованный мир Макса Вебера. М., 1992.
4. Шпакова Р.П. Макс Вебер о становлении демократии в России // Социс. 2003. № 3. С. 109-114.
5. Dahlmann D. Einleitung // Weber M. Gesamtausgabe. Bd. 10. Abteilung I. Tübingen, 1989. S. 1-54.
6. Dahlmann D. Max Weber und Russland // Max Weber in der Welt. Rezeption und Wirkung. Tübingen, 2014. S. 81-102.
7. Davydov Jurij, Gaidenko Piama. Russland und der Westen. Frankfurt am Main, 1995.
8. Mommsen W. Max Weber und die deutsche Politik. Tübingen, 1959.
9. Radkau J. Max Weber. Die Leidenschaft des Denkens. München, 2013.

Ростиславлева Наталья Васильевна, доктор исторических наук, профессор, директор Российско-германского учебно-научного центра, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия; ranw@mail.ru

Max Weber on Russian statehood: historiographic aspects

The article considers the historiographic reception of Max Weber's ideas about Russian statehood in 1905-1918. In Russian humanities, this plot became popular in the 1990s, which was the impetus for translating Weber's articles about Russia into Russian. The «Russian theme» was touched upon in the biographies of Weber by foreign researchers. The German historian D. Dahlmann studied Weber's perception of Russia most scrupulously.

Keywords: Max Weber, Russian State, Historiographic Reception

Rostislavleva Natal'ya Vasil'evna, Doctor of History, Professor, Director of Russian-German Center for Study and Research, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; ranw@mail.ru

Румянцева М.Ф.

**Труды Н.И. Кареева в «Методологии истории»
А.С. Лаппо-Данилевского**

На основе подхода источниковедения историографии проанализированы обращения А.С. Лаппо-Данилевского в «Методологии истории» к работам Н.И. Кареева. Акцент на видовой природе труда Лаппо-Данилевского как пособия к лекционному курсу позволил выделить три разных варианта апелляции Лаппо-Данилевского к работам Кареева, показать, что – ввиду радикального различия методологических подходов – Лаппо-Данилевский не задействовал произведения Кареева при разработке наиболее оригинальной части своего произведения – методологии источниковедения, но проявил внимание к концепции своего авторитетного современника, включив его концепцию в интеллектуальный контекст методологии исторического познания.

Ключевые слова: источниковедение историографии, историографический источник, рецепция, методология истории, русская версия неокантианства

Наверное, трудно найти на рубеже XIX–XX вв. столь различных по методологическим подходам авторов, как Н.И. Кареев (1850–1931) и А.С. Лаппо-Данилевский (1863–1919). Однако в «Методологии истории» Лаппо-Данилевский неоднократно обращается к трудам Кареева. Тем интересней разобраться в причинах и смысле таких отсылок. Понять их смысл можно только на основе источниковедения историографии, то есть отталкиваясь от видовой характеристики историографического источника [4]. Историки часто апеллируют к «Методологии истории» Лаппо-Данилевского, но без учета того существенного обстоятельства, что это не эпистемологический трактат (и тем более не монография), а пособие к лекционному курсу, который Лаппо-Данилевский читал с 1906 г. в Санкт-Петербургском университете (1-е изд. СПб., 1910–1913. Вып. 1-2). Видовая природа историографического источника – пособия к лекционному курсу – диктует автору необходимость, во-первых, не только излагать свою теорию, но и ставить ее в широкий историографический контекст, взятый как в горизонтальном / ко-эксистенциальном, так и в вертикальном / историческом плане, знакомить слушателей с разными подходами, сформировавшимися в методологии исторического познания, и, во-вторых, предлагать слушателю (студенту) / читателю определенную целокупность, не все составляющие которой в равной степени являются оригинальными методологическими разработками автора. При таком понимании видовой природы историографического источника весьма эффективным будет подход, предложенный М.П. Вальц при

изучении рецепции идей немецких ученых в «Методологии истории» Лаппо-Данилевского. Исследовательница разделила обращения Лаппо-Данилевского к трудам немецких мыслителей на *историографическую практику* и *практику рецепции* – в зависимости от целеполагания автора [1, с. 18].

«Методология истории» Лаппо-Данилевского фактически состоит из Введения и трех частей: часть 1 «Теория исторического знания» [3, т. 1, с. 136-363], часть 2. «Методы исторического изучения», которая, в свою очередь, разделена на два отдела, по сути автономных: «Методология источниковедения» [3, т. 2, с. 5-392] и «Методология исторического построения» [3, т. 2, с. 395-542] (в 1910–1913 гг. были опубликованы только часть 1 и первый отдел части 2). Существенное значение имеет то, в какой из частей Лаппо-Данилевский обращается к интеллектуальному наследию того или иного автора, в том числе Кареева.

Введение и первая часть – это фактически историография вопроса, в ней автор рассматривает основные направления теории исторического знания, уделяя особое внимание актуальной для того времени проблеме различий номотетического и идиографического построения истории. Во Введении Лаппо-Данилевский обращается к трудам Кареева дважды (§ 3. Краткий очерк развития методологии истории в прошлой и современной литературе). Говоря о выработке методологии истории или с номотетической, или с идиографической точек зрения, Лаппо-Данилевский отсылает читателя к библиографическим указаниям, имеющимся в литературе, в том числе и в труде Кареева «Основные вопросы философии истории» (причем упоминает 3-е, сокращенное изд. 1897 г.) [3, т. 1, с. 100, прим.]. Второй раз Лаппо-Данилевский обращается уже непосредственно к этому труду Кареева, к его концепции, упоминание которой как *идиографической* следует сразу же за отсылкой к лекции Э. Фримена «Единство истории» (*The Unity of History*, 1872). Лаппо-Данилевский сближает подход Кареева с позицией английского историка: «В русской литературе, в сущности, аналогичное понимание истории также отчасти обнаружилось, например, в трудах Н.И. Кареева. В своих “Основных вопросах философии и истории” Н.И. Кареев развивает мысль, что “философия истории” не занимается разысканием законов, но пользуется законами психологии и социологии для философского изображения всемирной истории...». Характеризуя понимание истории Кареевым как идиографическое, Лаппо-Данилевский отмечает, что оно было сформулировано еще в то время, когда «...чисто логическое различие между двумя познавательными целями науки или точками

зрения: номотетической и идиографической, еще слишком мало было выяснено в литературе...» [3, т. 1, с. 123-124].

В первой части «Методологии истории» работы Кареева упоминаются только в сносках. Характеризуя концепции построения исторического знания с номотетической точки зрения, Лаппо-Данилевский отсылает читателей, дабы расширить их видение проблемы, к труду Кареева «Старые и новые этюды об экономическом материализме» (СПб., 1896) [3, т. 1, с. 154, прим.]. Размышляя о «специфическом характере собственно исторических фактов» как фактов воздействия индивидуума на среду, автор отсылает читателя к работе Кареева «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» (СПб., 1890), поясняя: «здесь можно найти обзор мнений о подобного рода воздействиях и критический их разбор» [3, т. 1, с. 355, прим.]. Определяя «главный объект исторической науки» как «целостную действительность или целокупность исторических фактов», Лаппо-Данилевский обращается к Карееву, помещая его труд «Основные вопросы...» в перечень трудов по философии истории, затрагивающих проблему исторического целого, в ряду таких авторов, как Боссюэ, Лессинг, Гегель, Маркс, Конт, Бернгейм [3, т. 1, с. 360, прим.].

В отделе «Методология источниковедения» Лаппо-Данилевский предлагает оригинальную концепцию понимания природы исторического источника, их классификации, интерпретации и критики, имеющую в своей основе русскую версию неокантианства [2]. Здесь он ссылается на Кареева только единожды, причем на обзор «Неизданные документы по истории парижских секций в 1790–1791 гг.» (Записки историко-филологического отделения Академии наук. 1912. Т. XI. № 2) для *иллюстрации* весьма банального утверждения, что и источники Нового времени не всегда хорошо сохранились [3, т. 2, с. 371, прим.].

Любопытен второй отдел второй части – «Методология исторического построения». На мой взгляд, это наименее проработанная часть концепции Лаппо-Данилевского. Неслучайно она не вошла в публикацию его пособия 1910–1913 гг., а сохранилась только в виде литографии 1909 г. и была впервые включена в публикацию полного текста «Методологии истории» в 2010 г. [3]. В этом отделе Лаппо-Данилевский также отсылается к фундаментальному труду Кареева «Основные вопросы философии истории» [3, т. 2, с. 412-413, 535, прим.]. Но при подготовке издания 1910–1913 гг. автор дословно перенес эти упоминания трудов Кареева в первую часть своей книги [3, т. 1, с. 123-124, 360, прим. – соответственно].

В целом, используя терминологию, предложенную М.П. Вальц, мы можем сделать вывод об *историографическом*, а не *рецептивном* характере обращения А.С. Лаппо-Данилевского к трудам Н.И. Кареева. Причем Лаппо-Данилевский не только вовлек в рассмотрение, хотя и весьма бегло, концепцию Кареева, но и несколько раз ссылался на его работы с тем, чтобы порекомендовать приведенные в них обзоры литературы и библиографию для расширения кругозора читателей / слушателей лекций Лаппо-Данилевского по методологии истории в Санкт-Петербургском университете.

Библиография

1. Вальц М.П. Рецепция идей немецких ученых в работе А.С. Лаппо-Данилевского «Методология истории»: автореф. ...дис. канд. ист. наук. М., 2016. 25 с.
2. Введенский А.И. О пределах и признаках одушевления: новый психофизиологический закон в связи с вопросом о возможности метафизики. СПб.: тип. В.С. Балашева, 1892. 119 с.
3. Лаппо-Данилевский А.С. Методология истории: [в 2 т.]. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. Т. 1–2.
4. Маловичко С.И., Румянцева М.Ф. Источниковедение историографии как предметное поле интеллектуальной истории // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2017. Вып. 11. С. 77-99.

Румянцева Марина Федоровна, кандидат исторических наук, доцент, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия; *mf-r@yandex.ru*

N.I. Kareev's Works in the «Methodology of History» by A.S. Lappo-Danilevsky

Based on the approach of source studies of historiography, the author analyzes the references of A.S. Lappo-Danilevsky to the works of N.I. Kareev in the “Methodology of history”. The emphasis on the type of historiographic source of Lappo-Danilevsky's work as a guide to the lecture course allowed us to distinguish three different versions of Lappo-Danilevsky's appeal to Kareev's works, to show that, – due to the radical difference in methodological approaches, – Lappo-Danilevsky didn't use Kareev's works for developing the most original part of his work – the methodology of source study, but paid attention to the concept of the authoritative scholar, including his concept in the intellectual context of the methodology of historical knowledge.

Keywords: source study of historiography, historiography source, reception, methodology of historical knowledge, Russian version of neo-Kantianism

Rumyanceva Marina Fedorovna, Candidate of History, Associate Professor, National Research University Higher School of Economics; Moscow, Russia; *mf-r@yandex.ru*

Тарасютина Е.В.

Социологические подходы к изучению наследственного права в центральной России и на окраинах в 1920-е годы¹

Советская правовая система подстраивала под себя устаревшее имперское законодательство. Переход к Новой Экономической Политике и создание гражданского кодекса, сделало возможным полноценную работу нотариусов и развитие института наследования. Завещание было четким юридическим актом, но внутри него развивалась собственная структура, которая зависела от различных социальных ролей того, кто оставлял завещание.

Ключевые слова: нотариат, НЭП, завещания, СССР, гражданский кодекс, реформы, история повседневности

Благодаря своеобразию темы, историография данной проблемы является не слишком обширной. Историки, видимо, считают, что она в значительной степени правоведческая, а правоведов не слишком волнует то, что было давно и юридической силы уже не имеет. Но, тем не менее, нельзя сказать, что историография полностью отсутствует. Существует несколько работ методологически-обобщенного характера, которые использовались нами. Данные работы были написаны в русле социологии это работы Дональда Блэка [1] ряд статей в сборнике «Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов [2]», в частности, статьи К. Сэррона и Ф. Мангера [7], а также П. Эвик и С. Силби [6]. Во многом эти работы похожи: на примере различных социальных групп исследуется то, как начинает вести себя закон. Пожалуй, к этой группе можно отнести и статью О.Б. Вахромеевой [5].

Провозглашение НЭПа на время положило конец многим дискуссиям на тему советского законодательства. Довольно скоро стало понятно, что полностью уйти от традиций законодательства Российской империи не получится. Было очевидно, что многие вещи элементарно устарели и их нужно менять. Но именно менять, а не полностью от них отказываться. Так, один за другим появились гражданский и уголовный кодексы. Окончательно возобновил свою работу нотариат, к которому было много вопросов в первые годы после Октября 1917 года. Гражданская война сошла на нет,

¹ Исследование выполнено по гранту РФФИ 20-09-00426 «Окраины Российской империи в политике самодержавия: государственное управление и национальный вопрос (1894–1914 гг.)».

большевики провозгласили СССР, у части людей стали появляться мысли, что большевики, возможно, надолго и не исключено, что имеет смысл узаконивать с советским государством отношения. Люди продолжали рождаться и умирать, владели имуществом. Личное имущество можно было оставить потомкам. Существовал довольно простой и необременительный способ наследования по закону, но, судя по количеству завещаний, которые были довольно популярным актом, заверенным в нотариальной конторе, этот способ удовлетворял не всех.

Благодаря анализу завещаний, мы смогли увидеть, что, несмотря на наличие в каждом обязательной структуры, многие завещания оказывались по-своему индивидуальны, чаще всего это были какие-то небольшие внеформулярные вставки, которые относились к личности завещателя или к личностям наследников. Бросавшихся в глаза своей индивидуальностью завещаний было не так много.

Таким образом, не может не встать вопрос о том, кем были люди, составлявшие завещания в нотариальных конторах в 1920-е годы.

Первый критерий, который мы можем ввести, это кто с точки зрения гендерной принадлежности оставлял чаще завещания. В среднем можно заметить, что мужчины оставляли завещания в среднем в три раза чаще, чем женщины. В общем-то, с одной стороны, это не то, чтобы удивительно, революция прошла не так давно, и женщины пока еще были не на первых ролях в отношении владения собственностью в семье. Видимо, чаще женщины оставляли завещания, когда мужа уже не было в живых, и они становились главой семейства.

С точки зрения гражданства, состав был довольно однородный, но встречались и представители периферийных и пограничных территорий. Принадлежность могла указываться по нации или по городу, допустим: «польский гражданин [8, д. 3, л. 128]» или «уроженец города Варшавы» [8, д. 22, л. 45-46]. Обычно завещатели свое гражданство не отмечали. В основном все клиенты-завещатели были людьми грамотными, как минимум настолько, чтобы суметь расписаться за себя сами.

Далее мы можем обратиться к составу завещателей с точки зрения рода их занятий. Для нашего исследования довольно удобно, что правоведы включили этот пункт в основную структуру советских завещаний, хотя это правило и не выполнялось на 100%. Тут выгодное отличие от дореволюционных завещаний, поскольку там в основном указывалось только сословие (мещанин, купец, крестьянин) и довольно редко, хотя иногда и указывались, чины или должности (статский советник, обер-прокурор и т.д.).

Профессиональная дифференциация завещателей была довольно разнообразна и характерна для периода НЭПа: сотрудник НКВД по иностранному партотделу, домашняя хозяйка (следует отметить, что здесь и далее женщины в завещаниях писались исключительно домашними хозяйками или же их профессиональная специализация вообще не упоминалась), заведующий утилизационным заводом, служащий, врач, бухгалтер, химик, парикмахер, член Московской губернской коллегии защитников, инженер-технолог, архитектор, конторщик, профессор, служащий, сторож, профессор Московского промышленно-экономического института, компаньон медно-литейной мастерской, народный комиссар просвещения, легковой извозчик, мастер-серебряник, коммерсант, продавец, мраморщик, крестьянин, железнодорожный служащий, надзиратель, извозопромышленник и т.д. [8].

Как мы можем видеть, профессиональный состав достаточно разнообразный, время для завещания находится и у крестьянина, и у наркома просвещения. Интересно то, что среди клиентов нотариальной конторы довольно много представителей интеллигенции, с одной стороны, и профессионалов – другой, которые и до революции скорее всего работали в похожей сфере. Так называемые нэпманы были вообще частыми посетителями нотариальной конторы, поскольку, как мы помним, нотариусы занимались удостоверением различных сделок. Кого в нотариальной конторе фактически нельзя было встретить, так это представителей рабочего класса. Но при указании профессий иногда присутствовала некоторая расплывчатость, не то, чтобы нотариусы или завещатели ввели, но отчасти не договаривали.

И это могло бы быть, с одной стороны, просто удобными недоговорками, которые к тому же были вполне соответствующими истине. Но помимо анализа написанного текста, еще более полезным может оказаться текст ненаписанный.

При формулярном анализе текста завещания оказывается, что был довольно спорный пункт: с одной стороны, этот пункт был обязательным, и распоряжений касательно отмены этой обязательности мы не имеем, но с другой – указание профессии примерно равномерно отмечается у половины завещателей с 1923 по 1927 год. Пытаясь отыскать информацию о завещателях с неуказанной профессией, мы получили крайне интересные результаты. Завещателями были довольно значимые фигуры, и они фигурировали в завещаниях без указания профессий. Это были купцы, владельцы фабрик, дворяне и т.д. [3; 4; 8, д. 42, л. 90]. Следующая категория граждан довольно очевидная, но разыскать информацию о них оказалось сложнее.

Если о дворянах и фабрикантах остается много источников, в памяти они сохраняются лучше и интерес к ним выше, то с простыми церковнослужителями дело обстоит куда сложнее.

Но в любом случае теория о том, что часть «безработных» могла быть церковнослужителями, имеет право на существование. Если дворянам и фабрикантам было можно, то почему нельзя было оставить завещание какому-нибудь священнику.

Таким образом, контингент нотариальной конторы был довольно «старорежимным», во-первых, конечно, в силу возраста, большинству жить в Советской России было в новинку, но и с точки зрения социума клиенты, приезжавшие оставить завещание, были в основном интеллигенция, дворяне, промышленники. Это вполне объясняет, что советское понятие «гражданин» часто путалось с понятием «гражданин города N, N-ского уезда».

Вообще же появляется интересный вопрос, насколько такой порядок был санкционирован сверху. Скорее всего об этом знали и смотрели на это сквозь пальцы, скрыть подобную информацию достаточно сложно, поскольку большинство «безработных» были людьми довольно известными.

Еще один вопрос, насколько эти завещания получали ход, если завещатель умирал все-таки в годы НЭПа, ведь отсутствие обязательного пункта в завещании могло быть хорошим поводом его опротестовать. С 1927 года, нам думается, даже с правильно составленным завещанием могли возникнуть проблемы.

Но в любом случае, учитывая, кто составлял большую часть контингента нотариальной конторы, и присовокупив к этому нотариусов, добрая часть которых работали до революции, можно прийти к выводу, что нотариальные конторы в годы НЭПа были эдакими «старорежимными» заповедниками.

Таким образом, если во многих правовых отраслях и особенно в уголовном праве происхождение и род деятельности имели довольно важное значение, то имущественное право допускало определенную гибкость на этот счет, пока все происходящее не мешало делу революции и способствовало поступлениям в государственную казну средств в виде налогов от совершенных сделок.

Библиография

1. Black D. The Behavior of Law. Academic Press, 1976.
2. Вахромеева О.Б. Практика наследования для женщин в дореволюционной России // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2016. № 1-1.
3. Кузьмин И.В., Юдин И.Ю. Академик С.С. Юдин – ссыльный хирург и вынужденный онколог: еще раз о погубленных талантах и невостребованных специалистах мирового класса. – URL: <http://www.sakharov-center.ru/asfcd/auth/?num=4860&t=page> (дата обращения: 18.06. 2016).

4. Логинова Н.С. Предприниматели, меценаты и благотворители Арманды. – URL: <http://pushkino.tv/news/kray-rodnoy/61773/> (дата обращения: 18.06. 2016).
5. Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов / Под ред. Э.Л. Панеях. М., 2014.
6. Силби С.С., Эвик П. Обыкновенное право: истории из повседневной жизни. Часть третья // Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов. М., 2014. С. 221-245.
7. Сэррон К., Мангер Ф. Право и неравенство: раса, гендер... и разумеется, класс // Право и правоприменение в зеркале социальных наук: хрестоматия современных текстов. М., 2014.
8. ЦМAM. Ф. 1441. Оп. 1.

Тарасютина Евгения Валерьевна, младший научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, г. Москва, Россия; limonza@mail.ru

Sociological approaches to the study of hereditary law in central Russia and the suburbs in the 1920s

The Soviet legal system rebuilt and replaced obsolete imperial legislation. The transition to the New Economic Policy and the creation of a civil code made possible the work of notaries and the development of the institution of inheritance. The will was a clear legal act, but within it its own structure developed, which depended on the different social roles of the one who left the will.

Keywords: notary, NEP, wills, USSR, civil code, reforms, history of everyday life

Tarasyutina Evgeniya Valer`evna, Associate Researcher, Institute for Universal History of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; limonza@mail.ru

УДК 930.2

Чеканцева З.А.

Н.И. Кареев, историка и проблемы междисциплинарности в XXI веке

Богатое интеллектуальное наследие Н.И. Кареева в стремительно меняющемся мире сохраняет свою историчность. Разработанная ученым теория исторического знания (*историка*) в условиях рефлексивного поворота в познании «одновременно историографического и эпистемологического» (Ф. Артог) может быть включена в переосмысление дисциплинарного статуса истории и ее роли в междисциплинарных коллаборациях современности.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, *историка*, историография, социальные науки, дисциплина, междисциплинарность, трансдисциплинарность, историческая эпистемология, антропоцен

Николай Иванович Кареев был уникальным ученым интеллектуалом с трансдисциплинарным мышлением. Основательное филологическое, историческое и философское образование, интерес к синтезу наук и теоретическим аспектам научного поиска, интуи-

ция, проницательность и работоспособность позволили ему оставить огромное интеллектуальное наследие (более 600 работ), которое и сегодня сохраняет свою историчность. Однако его тексты изучают в основном философы и социологи. Историкам, на мой взгляд, еще предстоит поработать, чтобы показать современному читателю креативность мышления ученого.

Историк-исследователь, один из авторов знаменитой *école russe* был также выдающимся историографом социального знания, в котором его особенно интересовали история и социология. Историография, позволяя связать научную деятельность с современностью и ее проблемами, предстает в работах Кареева как союзник в изучении прошлого и настоящего социума, помогая непрерывно переосмысливать и наращивать накопленные знания. При этом он не просто рассказывал в своих текстах об ученых и их трудах, но осмысливал процесс познания в русле предложенной им системы исторического знания, в которой большое место принадлежало философии.

Н.И. Кареев формировался как ученый и всю жизнь работал на пересечении филологии, истории, социологии, литературоведения, педагогики и философии. История его интересовала и как процесс и как наука, которую он считал феноменологической, а не только идеографической. Он был убежден, что эта сложная наука нуждается в специальной теории. В разработанной Кареевым структуре исторического знания наряду с *историологией*, изучающей онтологию исторического процесса, важное место занимала специальная историческая дисциплина, которую он назвал *историкой (historice)*, [см. подробнее 6]. Слово «*historice*» (историка) в смысле искусства истории встречается еще у Квинтилиана. Первый трактат, в котором «*ars historica*» трактовалась как совокупность правил бытописания, вышел в 1623 г. Кареев понимал дисциплину *историку* как то, что делают историки, когда занимаются своей наукой. Сегодня это называют исторической эпистемологией или эпистемологией историка. Похожее наполнение термина русский мыслитель нашел у оригинальных немецких ученых XIX в. Георга Готфрида Гервинуса, который в числе первых обосновал важность теории для истории, и Иоганна Густава Дройзена, намного опередившего свое время. Н.И. Кареев был убежден, что исторических законов нет и быть не может, существуют только законы психологические и социологические, поэтому историк обязан постоянно следить за состоянием других социокультурных дисциплин, которые изучают человека, окружающую его среду и жизненные процессы.

Дисциплинарные процедуры в истории, как и в большинстве социальных наук, нормализованы, поэтому исследователь работает

в соответствии в определенном порядке дисциплинарного сообщества, не слишком отклоняясь от установленных норм. Это означает, что в организации научной деятельности присутствует дисциплинарная функция ограничения, которая в принципе противоречит идее свободного исследования. Между тем эта идея – кредо настоящего ученого и основа исследовательского университета. Начиная с 1960-х годов в условиях радикальных перемен идут активные дебаты по поводу природы и истории дисциплинарности [10]. В последнее время растет признание внутренней сложности концепта дисциплины, восстанавливается его семантика и предпринимаются попытки создать эффективный критический дискурс о дисциплинарности [см., например, 4]. В то же время множественная и разнообразная трансдисциплинарная проблематика основательно изучается специалистами по истории науки и философии, которые показывают, что каждая из наук прагматически ориентирована на то, чтобы переводить критику дисциплинарных ограничений в новые обходные конструкции и в конечном счете конструировать новые концепции путем трансформации проблем. В этом контексте возникла и развивается концепция трансдисциплинарности как продукт методологической и философской рефлексии над новыми исследовательскими процессами [2; 3].

Предлагаются различные способы выхода за пределы «тирании дисциплины». Например, французский географ Жак Леви пишет о постдисциплинарности, имея в виду «недисциплинированную дисциплинарность», которая, по его мнению, больше всего подходит для социальных наук [9]. Такая стратегия способствовала бы появлению науки о социальном, в едином эпистемическом пространстве которой можно разрабатывать наддисциплинарные мегатеории, помогающие думать. Теория, перекрывающая все социальное, предстает как общий кругозор всех исследователей, занятых в проекте. Особого эпистемического пространства требует также продуктивный диалог между социальными науками, историей и философией, который до сих пор отличается эпистемологической слабостью.

В последнее десятилетие реализуются многочисленные и разнообразные трансдисциплинарные проекты как конкретно-исторические, так и науковедческие на национальном и транснациональном уровне. Их историографическое осмысление, возможно, поможет лучше прояснить как именно проходит та или иная коллаборация, какие проблемы при этом возникают, каковы пути их решения. Такая работа уже идет. Например, много сделано для понимания взаимодействия историков и антропологов [8], а также историков и социологов [7], но этого явно недостаточно. Дисци-

плинарное принуждение в ведомственных отраслях социальных и гуманитарных наук существует уже более века почти без изменений. Впрочем, дело не только в архаичности норм. У предметной дисциплинарности есть даже свои преимущества. Серьезные эпистемологические и психологические проблемы возникают в процессе коммуникации специалистов с разным профессиональным андеграундом. Есть также общие теоретические вопросы науковедческого и организационного порядка связанные с проблемами образования, университетами и государственной политикой.

В современной историографии много сделано для прояснения содержания и динамики антропоцентричных версий междисциплинарных подходов в исторической науке, сложившихся преимущественно во второй половине прошлого века. [5; 7] Однако стремительно меняющийся мир поставил перед человечеством целый ряд новых вопросов, ставших серьезными вызовами для познания. Глобальной рамой для осмысления таких вызовов становится проблематика антропоцена, заменяющая базовые дихотомии устоявшихся познавательных практик *природакультурой, межвидовой коммуникацией и агентностью*. Изучение исторических практик и идей в трансдисциплинарном режиме показывает, что историография как историческое знание – это не только «среда социальных наук» (М. Фуко). Исследовательская деятельность историка, включающая в себя поэтическое, научное, философское и политическое измерение в тесной связи со сложной механикой памяти, является носителем де-дисциплинарного начала, которое укоренено не только в профессиональном сообществе, но и за пределами интеллектуального поля в повседневной историчности индивидуальных и коллективных опытов со своими особыми темпоральностями и ритмами, которые, как правило, не укладываются в хронологические порядки календарного времени. Не удивительно, что именно история сегодня оказывается в центре трансдисциплинарных дискуссий о проблемах прошлого, настоящего и будущего.

Библиография

1. Кареев Н.И. Избранные произведения. М.: РОССПЭН, 2010. 600 с.
2. Киященко Л.П., Моисеев В.И. Философия трансдисциплинарности. М.: ИФРАН, 2009. 205 с.
3. Князева Е.Н. Трансдисциплинарные стратегии исследований // Вестник ТГПУ (TSPU Bulletin). 2011. 10 (112). С. 193-201.
4. Попова Т.Н. Дисциплинарный образ науки. Подходы и понятия. Одесса: Бондаренко М.А., 2019. 392 с.
5. Репина Л.П. Междисциплинарность и история // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 11. М.: Едиториал УРСС, 2004. С. 5-17.
6. Сафронов Б.Г. Н.И. Кареев о структуре исторического знания. М.: Изд-во Московского ун-та, 1995. 272 с.

7. «Стены и мосты»: междисциплинарные подходы в исторических исследованиях: материалы Международной научной конференции, Москва, РГГУ, 13–14 июня 2012 г. / Отв. ред. Г.Г. Ершова, Е.А. Долгова. М.: Совпадение, 2012. 343 с.

8. Dimpflmeier F. towards a Path of Social Responsibility: Interdisciplinary Approaches between History and Anthropology // G. Czene (ed.), Good Governance, Sustainable Development and the Education of the Future Generation of Scientists, Grafcom, Budapest, 2014. P. 119-157.

9. Lévy J. Espaces épistémiques // Géographie et cultures [En ligne], 100 | 2016, mis en ligne le 07 juin 2018, consulté le 09 juin 2018. – URL: <http://journals.openedition.org/gc/4672>; DOI: 10.4000/gc.4672

10. Osborne P. Problematizing Disciplinarily // Theory, Culture & Society 2015, Vol. 32 (5-6) 3-35 Special Issue: Transdisciplinary Problematics.

Чеканцева Зинаида Алексеевна, доктор исторических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории Российской академии наук, г. Москва, Россия; zinaidachekantseva@gmail.com

N.I. Kareev, *historice* and problems of Interdisciplinarity in the XXI century

The rich intellectual heritage of N.I. Kareev retains its historicity in a rapidly changing world. The report shows that the scientist's theory of historical knowledge (*historice*) in the context of a reflexive turn “both historiographic and epistemological” (F. Argot) can be included in the rethinking of the disciplinary status of history and its role in interdisciplinary collaborations of our time.

Keywords: N.I. Kareev, *historice*, historiography, social sciences, discipline, Interdisciplinarity, transdisciplinarity, historical epistemology, Anthropocene

Chekantseva Zinaida Alekseevna, Doctor of History, Professor, Chief Researcher, Institute of World History, Russian Academy of Science, Moscow, Russia; zinaidachekantseva@gmail.com

УДК 94(410)

Чернова Л.Н.

Раннетюдоровский Лондон сквозь призму персональной истории

В контексте персональной истории в статье реконструируется жизнь и карьера одного из купцов рубежа XV–XVI вв., которому удалось прочно закрепиться в лондонском обществе. В качестве примера рассмотрена успешная деятельность линкольнширца Николаса Элвина, который сумел не только стать заметным в Лондоне купцом, но и занять высшую городскую должность мэра.

Ключевые слова: Лондон, торговля, купечество, ливрейные компании, мерсеры, купцы-авантюристы, олдермен, мэр

Правление ранних Тюдоров в истории Англии стало важным этапом в исторически длительном процессе становления социаль-

ных, политических, экономических и культурных новаций на фоне изменения и адаптации традиционных элементов в новых условиях. И для английского города это было время, когда переплеталось то, что еще очень прочными узами было связано со Средневековьем, и то, что вело к Новому времени, порождая самые причудливые конфигурации в разных сферах.

В Лондоне – самом крупном, богатом, политически наиболее значимом городе Англии, центре общенационального и международного уровня, данные процессы протекали интенсивнее и ярче, а их непосредственными творцами и участниками были активные и предприимчивые горожане. Но воссоздание биографий «простых» людей, не принадлежавших к когорте выдающихся исторических деятелей, а еще и живших на рубеже XV–XVI вв., – задача не самая простая по причине почти полного отсутствия документов личного происхождения. Однако с появлением в последней четверти XX в. новой биографической (персональной) истории, в рамках которой речь идет о выявлении частного, уникального в конкретных человеческих судьбах и одновременно – всего спектра возможностей, которыми располагает человек в рамках данного культурно-исторического контекста [5, с. 289-291], открылись новые перспективы в изучении исторических судеб людей «второго плана, живших в отдаленные эпохи.

Одной из интереснейших фигур раннетюдоровского Лондона, пока не удостоившейся должного внимания в историографии, является Николас Элвин. Этот выходец из графства Линкольншир сумел не только стать известным в Лондоне торговцем роскошными тканями (мерсером), купцом-складчиком и купцом-авантюристом, но и получить должность мэра, достигнув тем самым вершины городского властного олимпа и реализовав цель всей своей жизни.

Основываясь на информации из завещаний Николаса Элвина [1; 2], попытаемся реконструировать его жизнь и карьеру и выяснить, какие личностные качества и поведенческие модели этого человека позволили ему прочно закрепиться в лондонском обществе.

Николас родился, вероятно, в 1436 г. в городе Спалдинге в графстве Линкольншир. Его родителями были некие Ричард и Маргарет Элвин, имевшие достаточно средств, чтобы обеспечить будущее сына. В 1452 г. Николас был отдан в обучение к Джону Бродсворту, лондонскому мерсеру и купцу-авантюристу [3, р. 190]. Такая родительская забота полностью соответствовала устоявшейся в обществе традиции, предусматривавшей, что юные отпрыски семей из провинциальных городов и младшие сыновья джентри направлялись в крупный город, чтобы там обучиться ремеслу или

торговле. Компании мерсеров, куда определили юного Николаса, была самой богатой, престижной и влиятельной корпорацией среди «Двенадцати Больших ливрейных компаний» Лондона. Основой ее могущества была торговля шерстью, тканями, одеждой и другими товарами, в том числе продовольствием, винами, предметами повседневного спроса как на ранках Англии, так и во Фландрии, Франции, Италии, германских землях, городах Ганзейского союза, Испании [7, с. 58]. Обучение и последующее вхождение в состав такой компании должны были обеспечить будущее Николаса Элвина. Компания купцов-авантюристов (или странствующих купцов, *The Merchant Adventurers*) возникла в результате структурных изменений в английской торговле, произошедших к середине XV в. Купцы-авантюристы сконцентрировали в своих руках торговлю сукном, а порты Нидерландов, особенно Антверпен, были её воротами на континент [4, с. 38]. В компании объединились богатейшие лондонские купцы во главе с мерсерами, к которым присоединились торговцы некоторых провинциальных городов.

В конце 1450-х гг. Джон Бродсворт умер, и Элвин был переведен к респектабельному мерсеру Ричарду Ричу, благополучно закончил у него 10-летнее обучение и в 1463 г. был принят в компанию. Николасу был присвоен статус купца – владельца лавки. Это означало, что его капитал оценивался в 100 ф. ст. [3, р. 191-192]. Это была начальная ступень в его продвижении по карьерной лестнице.

Элвин нескольких лет обучался искусству торговли мерсера и купца-авантюриста за границей, в том числе в Нидерландах. Он научился продавать английские ткани на ярмарках в Брабанте и покупать лучшие сукна. В конце 1470-х гг. Николас занялся еще и торговлей шерстью. В мае 1480 г. Элвин значился в таможенных отчетах как мерсер и купец-стапельщик [3, р. 191]. Хотя со второй половины XV в. компания купцов-складчиков (стапельщиков) Кале начала клониться к упадку, постепенно уступая позиции купцам-авантюристам, она продолжала оставаться важным игроком на рынке, сосредоточив в своих руках около 80% торговля сырой шерстью и овчинами [6, с. 148].

Очевидно, что для успешной торговли за пределами Англии Элвин должен был овладеть французским и голландским языками, а также немного латынью для ведения счетов. Знание языков и деловые способности сыграли важную роль в карьере Николаса, обеспечив ему признание и авторитет в купеческом сообществе. Все чаще его привлекали к выполнению ответственных миссий. В частности, в качестве советника по разрешению споров он входил

в состав посольства, в 1468 г. направленного купцами-авантюристами для переговоров с герцогом Бургундским по вопросу о введенном им запрете на ввоз английских тканей. Спустя несколько лет Элвин оценивал состояние своих коллег-мерсеров для выплаты беневоленций Эдуарду IV (1461–1470, 1471–1483) перед его военной экспедицией во Францию. Затем Николас был отобран для встречи короля по его возвращении в Англию и один из немногих участвовал в закупке по этому случаю ткани для ливрей. Элвин входил в комитеты, создаваемые для обсуждения самых разных насущных вопросов: об уплате королевских пошлин, о контроле над торговцами уостедской шерстью из Норича, которые вторгались на шерстяной рынок Лондона, о запрете молодым людям из компании мерсеров посещать ярмарки и продавать товары за пределами города. Он участвовал в обсуждении вопроса о реформе английской монеты в связи с потребностями торговли за Ла-Маншем, в 1487–1488 гг. представлял интересы мерсеров в торговле с Нидерландами [3, р. 192-193].

Николас Элвин неуклонно укреплял свои административные позиции в компании, в 1495–1496 гг. став мастером. С 1466 г. и до самой своей смерти он брал учеников, некоторые из которых были родом из его родного графства Линкольншир или из Спалдинга [3, р. 193].

Элвин продвигался вверх по карьерной лестнице и в городском сообществе, хотя его карьера в городе началась довольно поздно. К концу 1470-х гг. он был простым советником, и потребовалось немало времени, чтобы он поднялся выше: в 1482 и 1483 гг. Николас был одним из двух городских аудиторов, в 1491 г. представлял Лондон в парламенте, служил шерифом с 1494 по 1495 гг., а с июля 1496 г. избирался олдерменом. Последнее дало ему возможность обзавестись собственным гербом [3, р. 194], что еще больше укрепило его статус и амбиции и стало важным социальным маркером: чтобы стать олдерменом, необходимо было иметь движимого имущества (денег и товаров) на одну тыс. ф. ст. [6, с. 77]. К этому времени Элвин владел внушительной собственностью. Своим наследникам он завещал только в Лондоне и его предместье Саутуорке 16 усадеб, 11 садов, более 400 ф. ст. наличными деньгами, а также ренты, серебряные и серебряные с позолотой ложки, солонки, блюда, кубки и драгоценности. А на свои похороны и поминальные службы в Лондоне Николас оставил около 500 ф. ст., приблизительно столько же – на благотворительные цели [1; 2].

Но на этом Элвин не остановился, его мечты простирались дальше: он жаждал стать мэром Лондона. И это желание осуще-

ствилось: в 1499 г., в возрасте 64-х лет, он был избран на высшую городскую должность, что стало кульминацией его карьеры в столице. 28 октября 1499 г. в присутствии уходящего со своего поста прежнего мэра, а также олдерменов и шерифов Николас Элвин произнес клятву в Гилдхолле и устроил по случаю своего избрания «пир мэра» – на собственные средства и в собственном доме в приходе св. Марии на Кордвейнер-стрит. Этот дом с залом, гостиной, прихожей и часовней стал символом достижений Николаса Элвина. Здесь он не только жил, но и в течение года выполнял обязанности мэра Лондона. На следующий день, 29 октября, Элвин направился по Темзе в Вестминстер, чтобы поклясться перед баронами Казначейства. В этой процессии его сопровождали представители всех ливрейных компаний, расположившиеся на принадлежавших им баржах, а мерсеры заняли почетное место в окружении менестрелей, с трубами и развевающимися знаменами. После присяги Элвин вернулся домой, где продолжилось праздничное пиршество, а вечером того же дня побывал в собор св. Павла, где помолился у надгробья родителей св. Томаса Бекета, и при свете факелов вернулся домой [3, р. 194-195]. Подобные публичные ритуалы имели важное значение для городского общества. Они служили мощным фактором формирования авторитета городской власти, ее утверждения и поддержания. Благодаря публичным церемониям мэр мог не только презентовать себя и свое могущество, но и расположить к себе горожан, заручившись их поддержкой и доверием [7, с. 64].

Время пребывания Николаса Элвина на посту мэра не было отмечено знаменательными событиями. Нам ничего не известно и о последних годах его жизни. Умер он 29 января 1506 г. и был похоронен в Лондоне, предварительно подробно, буквально в деталях, расписав процедуру собственных похорон и оставив для этого внушительные средства. Проводы в последний путь стали еще одним проявлением честолюбивых устремлений этого незаурядного человека.

Николас Элвин был одним из наиболее успешных английских купцов второй половины XV – начала XVI в. Оказавшись в Лондоне, этот выходец из Линкольншира сумел прочно закрепиться в его деловом мире и достигнуть вершины городского самоуправления, проявив целеустремленность, настойчивость, завидную энергию, предприимчивость и способность к социальному диалогу – качества, которые будут особенно востребованы в новационном обществе. Вместе с тем судьба Николаса Элвина соответствует общей модели поведения выходцев из английских графств, которые

устремлялись в Лондон в надежде обрести богатство, успех и общественное признание.

Библиография

1. Calendar of wills proved and enrolled in the court of Husting, London. A.D. 1258–1688: in 2 vols. / ed. by R. Sharp. L.: John Edward Francis, 1889. Vol. 2. Wills: 11–24 Henry VII (1495–1509). – URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp594-614> (дата обращения: 09.02.2020).
2. Calendar of wills proved and enrolled in the court of Husting, London. A.D. 1258–1688: in 2 vols. / ed. by R. Sharp. L.: John Edward Francis, 1889. Vol. 2. Wills: anno 9 Henry VIII. – URL: <https://www.british-history.ac.uk/court-husting-wills/vol2/pp614-628> (дата обращения: 09.02.2020).
3. Medieval Londoners: essays to mark the eightieth birthday of Caroline M. Barron / ed. E.A. New and C. Steer. L.: University of London Press, 2019. 384 p.
4. Маркова С.П. Английские купцы-авантюристы. СПб.: Алетейя, 2011. 192 с.
5. Репина Л.П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ, 2011. 560 с.
6. Чернова Л. Н. Под сенью Святого Павла: деловой мир Лондона XIV–XVI вв. М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 366 с.
7. Шайхутдинова Е.Н. Значение публичных торжественных ритуалов в процессе сакрализации власти монархов в средние века и раннее новое время в исследованиях британских и американских ученых конца XX – начала XXI в. // Вестник Кемеровского государственного университета. 2015. № 3 (63). Т. 2. С. 61-64.

Чернова Лариса Николаевна, доктор исторических наук, заведующий кафедрой всеобщей истории, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, г. Саратов, Россия; larisachernova@mail.ru

London under the Early Tudors through the prism of personal history

In the context of personal history the article reconstructs the life and career of one of the merchants of the turn of the 15th – 16th centuries, who managed to establish himself firmly in London society. The successful activity of the Lincolnshire man Nicholas Alvin, who was able not only to become a prominent merchant in London, but also to achieve the highest city office of mayor, is examined as an example.

Keywords: London, trade, merchants, Livery companies, Mercers, Merchants Adventurers, Alderman, Mayor

Chernova Larisa Nikolayevna, Doctor of History, Head of the Department of World history, Saratov National Research State University named after N.G. Chernyshevsky, Saratov, Russia; larisachernova@mail.ru

Раздел 6

ТРАНСФОРМАЦИЯ КОММУНИКАТИВНОГО ПОЛЯ ИСТОРИЧЕСКОЙ НАУКИ: ОТ XIX К XXI ВЕКУ. ПАНТЕОН КЛАССИКОВ ИСТОРИОГРАФИИ В КОНТЕКСТЕ СМЕНЫ ПОЗНАВАТЕЛЬНЫХ ПАРАДИГМ

УДК 930.23

Бодров О.В., Закиров А.В.

Гэбриэл Колко и ревизионистская критика внешней политики США XX в.

Гэбриэл Колко – профессор университета Йорка в Торонто, влиятельный и последовательный историк-ревизионист внешней политики США в XX в. По своим убеждениям он принадлежит к экономическим детерминистам, отсюда его постоянное внимание к соотношению внутренней и внешней политики, причем последней он отводит подчиненную роль.

Ключевые слова: международные отношения, внешняя политика США в XX в., историки-ревизионисты, «корпоративный либерализм», «политический капитализм», «холодная война», Г. Колко

Историки-ревизионисты появились в интеллектуальной среде США на волне общественного движения 1950 – 1960-х гг. Они основательно критиковали традиционные идейные устои американской внешней политики, которые отражали американскую исключительность. Наиболее последовательным критиком либеральной парадигмы внешней политики США был историк Гэбриэл Колко, профессор университета Йорка в Торонто. Основная проблема его исследований – современный внешнеполитический курс США и его истоки [10, р. 11]. По своим убеждениям он принадлежит к экономическим детерминистам, отсюда его постоянное внимание к соотношению внутренней и внешней политики, причем последней он отводит подчиненную роль [10, р. 9-10]. Он признан крупным теоретиком «корпоративного либерализма», который писал о тесной связи между правительством и крупным бизнесом на протяжении всего XX в., начиная с прогрессивной

эры [10, р. 12]. Он подтвердил, что свободное предпринимательство и конкуренция были яркими страницами первых двух десятилетий XX в., однако в последующем «корпоративная элита обратилась к поддержке от правительства, т.к. уже в конце XIX в. она осознала, что конкуренция слишком непокорна, чтобы гарантировать долю на рынке» [10, р. 12]. В международных отношениях это привело к стремлению воплотить в жизнь во всем объеме доктрины Вильсона, цель которой заключалась в достижении мирового господства США. В итоге сложилось опасное положение в мире: США выступили как против нарастающего антиколониального движения во главе с СССР, так и против равноправного гаранта мирового капитализма и колониализма Великобритании [5, р. 624-625].

Этапы жизни и творчества Гэбриэла Колко

Г. Колко родился в еврейской семье учителей в г. Патерсон (Нью-Джерси), учился в Кентском государственном университете, где изучал американскую экономическую историю (получил степень бакалавра в 1954 г.), продолжил учёбу в Университете Висконсина, где изучал американскую социальную историю (получил степень магистра в 1955 г.) [13]. В этот период выходят его работы по социальной истории: «Распределение доходов в Соединенных Штатах» (1955) [8]; «Богатство и власть в Америке: анализ социального класса и распределение доходов» [12]; «Триумф консерватизма: переосмысление американской истории, 1900–1916» [11]; «Железные дороги и регулирование, 1877–1916 годы» [9]. Последние работы этого периода показывают эволюцию историка и его углубление в историю внешней политики, в них он начал увязывать её с проблемами внутренней политики [13].

После окончания Гарварда Колко преподавал в Университете Пенсильвании и в Университете штата Нью-Йорк в Буффало. С 1970 г. после нескольких смен университетов из-за своих неконформистских позиций, а также за осуждение внешней политики США во Вьетнаме он был вынужден переехать в Канаду, где преподавал на историческом факультете Йоркского университета в Торонто, оставаясь там почетным профессором истории до своей смерти в 2014 г. [10, р. 17].

Обращаясь к политической истории США, Г. Колко утверждал, что «принцип «открытых дверей» стал первостепенным для понимания истории американской внешней политики» [10, р. 17]. Историк отмечал, что «проведение его в жизнь фактически ставит государство в положение «регулятора» экономических отношений американского капитала с остальным миром, а тесные связи аме-

риканского империализма с мировой экономикой, в особенности с экономикой «третьего мира», дают ключ к пониманию политики США в сегодняшнем мире» [5, р. 14].

Однако он подчеркивал, что «борьба с революционным антиколониальным движением в условиях современного мира просто не под силу США» [5, р. 14]. С подобной точкой зрения Колки соглашались и интеллектуалы реалисты, которые резко разошлись с ним только в оценке пригодности экономического детерминизма как универсального средства для объяснения мотивов политики Вашингтона [14].

В связи с этой полемикой интересен анализ двух работ Колко: «Политика войны: мир и внешняя политика Соединенных Штатов, 1943-1945 годы» [5] и «Корни американской внешней политики: анализ власти и цели» [5, р. 11]. В них излагалась сама концепция Г. Колко, а также на фактах и примерах из истории чрезвычайно важного периода международных отношений раскрывались внешнеполитические цели США.

Г. Колко детально проследил, как США пытались добиться своих главных экономических целей во второй мировой войне – полной мировой гегемонии в финансово-экономической сфере. «Взгляд Вашингтона на окончательные цели мира с самого начала войны отражал прочно установленные американские принципы внешней политики, унаследованные почти целиком из мировоззрения В. Вильсона и сводившиеся в общем и целом к доктрине «открытых дверей» [5, р. 241].

В книге содержится значительное количество реалистических суждений. Г. Колко безоговорочно признал решающую роль СССР в ходе и исходе войны [5, р. 19-20]. «Напротив, американские лидеры, – пишет Колко – совершенно не считаясь с политической реальностью, хотели осуществить свои цели в полном объеме, а именно достичь полного и безраздельного господства в мире». Это делало неизбежным переход к «холодной войне», «ибо народы мира отнюдь не для того вели кровопролитную войну, чтобы склониться перед новыми претендентами на мировое господство. Борьба с силами антиколониальной демократии придала особую остроту агрессивному внешнеполитическому курсу США: военное вмешательство, осуществляемое практически во всех районах мира, стало основой послевоенной внешней политики» [5, р. 603]. Конфликт с СССР становился неизбежным, поскольку «политические руководители США усматривали в России и левом движении причину, а отнюдь не следствие краха капитализма; они считали их ответственными за крушение этой системы в громадных райо-

нах земного шара» [5, р. 622-624]. Обоснованность суждения Г. Колко был вынужден признать и постоянный критик «ревизионистов» Г. Моргентау [14, р. 75].

В 1972 г. увидело свет новое исследование Г. Колко в соавторстве с женой «Пределы власти: внешняя политика мира и США, 1945–1954 годы» [7]. Оно было посвящено анализу американской внешней политики за первое послевоенное десятилетие. В книге развиваются и уточняются концепции, сформулированные в предшествующих трудах. Исходным пунктом монографии является тезис о том, что плодотворное рассмотрение внешней политики США возможно только в системе глобальных международных отношений. А американо-советские отношения являются лишь частью этой системы. По словам авторов, цель США в конце второй мировой войны заключалась в сохранении и реформировании международного капитализма. Трудность одновременного достижения этих двух целей не дала в итоге США возможности решить их удовлетворительно для себя. Вашингтон стремился ликвидировать не только последствия второй мировой войны для международной политики, но и последствия кризиса 1929–1933 гг. и даже первой мировой войны. Цель была колоссальной и недостижимой [7, р. 11].

В работе «Эпоха войны: Соединенные Штаты противостоят миру» (2006) [4] Колко продолжает возлагать ответственность за все военные действия в мире на США (коммунистическую угрозу заменила террористическая, а цель одна – доминирование экономики и политики США в мире, которая не была достигнута в XX в.). Колко показывает, как внешняя политика США основывается на предположении, что все проблемы могут быть решены с помощью оружия. Автор пишет, что «США сумели присвоить себе долю суверенитета каждой страны в мире до такой степени, что США сегодня в состоянии решить все проблемы, с какими сталкиваются, но обстановка в мире от этого становится более неустойчивой и опасной» [16].

В работе «Мир в кризисе: конец американского века» [6] Колко обозначил тенденцию снижения американской гегемонии в конце 1990-х и начале 2000-х годов, по ряду экономических, политических и военных причин. В ходе глобализации, которая хоть и частично выгодна американской державе, был нанесён также и ущерб американскому «корпоративному либерализму». С одной стороны, свободная торговля привела к перемещению производства, а также экспорту капитала и инвестиций. С другой стороны, дерегулирование финансового сектора в последние десятилетия

способствовало принятию чрезмерных рисков, что привело к финансовому кризису 2008 года [6, р. 18]. Кроме того, традиционные механизмы экономического регулирования, прежде всего национального масштаба, оказались неспособными регулировать глобализированный капитал [6, р. 26]. Таким образом, американская экономическая и финансовая мощь неуклонно снизилась при глобализирующемся капитализме.

Колко настаивает на том, что внешняя политика не является продуктом процесса рациональной оценки, а скорее зависит от экономических факторов, которые ограничивают варианты политики, от структуры власти, которая определяет относительное влияние заинтересованных сторон, и от личных амбиций, которые фильтруют принятие политических решений и связывают его с индивидуальным карьерным ростом [6, р. 40-41]. Кроме того, подробно рассматривается разрыв между внешней политикой и реальностью, описываемой спецслужбами.

Колко дает хорошо задокументированное описание того, как внешняя политика США (по крайней мере при президенте Джордже Буше-мл.) полностью не соответствовала реальному положению международной конъюнктуры, поскольку она служила продвижению политической карьеры некоторых людей вместо того, чтобы служить национальным интересам США.

Как убедительно демонстрирует Колко на протяжении всей книги, именно эрозия способности США регулировать ныне глобализированную капиталистическую систему, структурно ошибочная и хронически неадекватная внешняя политика США, а также их давняя неспособность выигрывать войны, в которых они участвуют, приводят к прекращению их гегемонии.

Библиография

1. Согрин В.В. Идеология в американской истории: от отцов основателей до конца XX века. М., 1995.
2. Согрин В.В. Исторический опыт США. М., 2010.
3. Согрин В.В. Критические направления немарксистской историографии США XX века. М., 1987.
4. Kolko G. The Age of War: The United States Confronts the World. Boulder: Publishers, 2006.
5. Kolko G. The Politics of War. The World and United States Foreign Policy 1943–1945. N.Y., 1968.
6. Kolko G. World in Crisis: the End of the American Century. London: Pluto Press, 2009.
7. Kolko J., G. The Limits of Power. The World and United States Foreign Policy 1945–1954. N. Y., 1972.
8. Kolko G. Distribution of Income in the United States. New York: Student League for Industrial Democracy, 1955.

9. Kolko G. Railroads and Regulation, 1877–1916. Princeton, NJ: Princeton University Press, 1965.
10. Kolko G. The Roots of American Foreign Policy. Boston, 1969.
11. Kolko G. The Triumph of Conservatism: A Reinterpretation of American History, 1900–1916. New York: The Free Press, 1963.
12. Kolko G. Wealth and Power in America: An Analysis of Social Class and Income Distribution. New York: Praeger, 1962.
13. McKean M. Gabriel Kolko: A leftist academic who saw things differently. – URL: <https://www.theglobeandmail.com/news/world/gabriel-kolko-a-leftist-academic-who-saw-things-differently/article19167221/?page=all> – свободный. Проверено 12.05.2018.
14. Morgenthau H. Truth and Power. N.Y. 1970.
15. Stromberg Joseph R. Gabriel Kolko Revisited, Part 1: Kolko at Home. The Future of Freedom Foundation. 1/09/2013. – URL: <https://www.fff.org/explore-freedom/article/gabriel-kolko-revisited-part-1-kolko-at-home/> – свободный. Проверено 12.05.2018.
16. Stromberg Joseph R. Gabriel Kolko Revisited, Part 2: Kolko abroad. The Future of Freedom Foundation. 1/10/2013 – URL: <https://www.fff.org/explore-freedom/article/gabriel-kolko-revisited-part-2-kolko-abroad/> – свободный. Проверено 12.05.2018.

Бодров Олег Вячеславович, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; ovbodrov@mail.ru

Закиров Алмаз Васильевич, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; almazakiro@yandex.ru

Gabriel Kolko and revisionist critic of U.S. foreign policy of the 20th century

Gabriel Kolko – Professor at the University of York in Toronto, an influential and consistent historian-revisionist of US foreign policy in the XX century. In his beliefs, he belongs to the economic determinists, hence his constant attention to the relationship of domestic and foreign policy, and the latter he assigns a subordinate role.

Key words: international relations, US foreign policy in the XX century, revisionist historians, “corporate liberalism”, “political capitalism”, “cold war”, G. Kolko

Bodrov Oleg Vyacheslavovich, Candidate of History, Associate Professor, Kazan federal university, Kazan, Russia; ovbodrov@mail.ru

Zakirov Almaz Vasilovich, Candidate of History, Senior lecturer, Kazan federal university, Kazan, Russia; almazakiro@yandex.ru

Бычков С.П.

**Образы Святой Руси в исторической концепции
А.В. Карташева¹**

Статья посвящена раскрытию содержания образов Святой Руси в интерпретации А.В. Карташева. Определяется несколько смысловых полей этого понятия, его историческая подоплека и политический, религиозный, культурный контексты формирования. Рассматривается и взаимосвязь с концепцией истории русской православной церкви, сформулированной А.В. Карташевым в 1950-х гг.

Ключевые слова: А.В. Карташев, история Русской Православной Церкви, концепция церковной истории, историософия, Святая Русь, Москва – III Рим

Антон Владимирович Карташев (1875–1960) – выдающийся церковный историк создал концепцию истории русской православной церкви, которая, с одной стороны, замыкала собой целый ряд академических концепций русской национальной церкви, созданных в XIX веке, с другой – вобрала в себя политический и социальный опыт существования церкви в пору последнего этапа существования самодержавия, революционную и советскую эпохи. В уже новых исторических условиях второй половины 1950-х гг. при написании «Очерков по Истории Русской Церкви» автор понимал необходимость не только обозначения тех концептуальных точек, на которых остановилась русская церковно-историческая мысль в начале 1920-х гг. из-за политических и идеологических особенностей Советской системы. За три с лишним десятилетия стали стираться образы старой России, когда Европа, мир и Россия прошли через полосы невероятных испытаний и выросли новые поколения, которым уже была неведома старая Россия ни с ее худших, ни лучших сторон. Сам Антон Владимирович, выступающий как связующее звено, живой участник, свидетель и носитель академической традиции Петербургской духовной академии, активных общественных философско-религиозных поисков начала XX века, буквы и духа Серебряного века и «Руси уходящей», считал необходимым передать новым поколениям ценности и смыслы той России, которую он любил и знал.

Размышляя над историческим путем России и православия, Карташев пытался ответить на главнейший вопрос – что высочайшего и вечного оставила после себя ушедшая Россия, какая идея,

¹ Работа выполнена при поддержке РФФИ, грант 18-09-00172 «В поисках Святой Руси: биография А. В. Карташёва (1875–1960)».

сформулированная духом народа, стала его историческим оправданием и смыслом существования? И такой идеей, с его точки зрения, стала идея Святой Руси.

А.В. Антощенко, в своих трудах сравнивая концепцию Святой Руси А.В. Карташева и евразийства, указывал, что обе они возникли в эмиграции и стали результатом попыток интеллектуального, культурного, религиозного преодоления разрыва, который возник в результате революции 1917 г. в России. Пропасть, перед которой оказалась русская эмиграция, видевшая крушение старой России и не принявшая Советскую Россию, могла быть преодолена только через какое-то принципиально новое прочтение русского прошлого, которое и было явлено в евразийском и в карташевском прочтениях [1, с. 3]. При этом, соглашаясь с выводами о предназначении понятия Святой Руси и с теми акцентами, которые были сделаны преимущественно на теократическом аспекте концепта «Святой Руси», проведем более полную его детализацию.

У самого Антона Владимировича можно увидеть как минимум четыре разных прочтения этого понятия. С одной стороны, это образ Руси, формировавшийся народным религиозным сознанием как земли, исхоженной Христом Спасителем, земли, покрытой храмами и монастырями, и в этом смысле земли благословенной. Погружение христианства в глубь народной жизни, выразившееся в восприятии аскетического идеала спасения, странничество в монастыри как причалы Царства Небесного, ставшее обязательным в быту ежедневное молитвенное правило, вплетение христианских праздников и циклов в бытовую жизнь, хозяйственные, аграрные циклы, присутствие Храма, одним видом своим и звоном колоколен зовущего в Царство Небесное, наличие домового красного угла как малого храма, Домострой как религиозная модель семьи, особый Богородичный культ – все свидетельствовало об успешности восприятия христианства, переформатировании его на национальную русскую почву. Национальное уравнивание «русский – равно православный» стало ярчайшим признаком укорененности православия в «глубинном народе». Появившееся понятие «Святой Руси» в народной среде демонстрировало, что христианская прививка на русскую почву удалась, хоть и не без проблем, хоть и в основном через обрядоверие [4, с. 158-164].

Второй смысл Святой Руси – это и образ христианского государства, устроенного по Византийскому образцу, в котором государственная власть выше, первичнее и сильнее власти церковной. Глава государства – это одновременно священник без священства, ответчик за народ и церковь перед Богом. Это русский цезарепа-

пизм, симфония государственной и церковной власти. Цезарепапистская симфония государственной и церковной властей была воспринята уже князем Владимиром и жила во все периоды жизни исторической России вплоть до окончания империи. Русский цезарепапизм достиг своего подлинного величия и максимума в идее «Москва – III Рим».

Таким образом, третий смысл Святой Руси – это Русь как III Рим. Созданная идея преемственности власти от Византии придала максимальную религиозную насыщенность и санкцию власти Московских князей. Эта идея, по мысли А.В. Карташева, стала высшей точкой развития русского национального самосознания, выше которого русская религиозная мысль так и не смогла подняться [3, с. 152]. Русь взяла на себя непомерную ношу доведения мира до второго пришествия Христа Спасителя, сохранения мирового православия. Своего максимума и почти моментального исторического воплощения идея Святой Руси как III Рима получила в достаточно короткий промежуток исторического времени – от Ферраро-Флорентийского собора 1438–1445 гг., автокефалии русской церкви 1448 г., физического падения II Рима – Константинополя – в 1453 году, получения византийских регалий Иваном III и до прямого постулирования в трудах Филофея в 1520-х гг. Эта Святая Русь несколько раз находилась на грани гибели: в период Смуты, раскола [2, с. 40-43].

Она была изрядно «переформатирована» и в императорский период. «Петр I противопоставил тезису Св. Руси антитезис светского государства и светского просвещения. Он сделал России насильственную прививку великих переживаний возрождения и гуманизма. И она блестяще удалась. Св. Русь в этой ломке и в этом искушении приобрела то, чего русскому православному народу не хватало для его же духовной самообороны. Св. Русь через петровскую выучку облеклась в броню и латы гуманистического просвещения и научной техники. Правда, этот более чем двухсотлетний послепетровский период творимого русским народом синтеза Св. Руси и духа гуманистической культуры представляет довольно мучительную картину всяких идейных монстров, но вместе с тем и увлекающее зрелище великих достижений» – отмечал Антон Владимирович [2, с. 44].

И наконец, четвертый смысл «Святой Руси», это тот, которого еще нет в истории, это вариант ожидаемый, когда она будет воссоздана. А.В. Карташев попытался прочертить только самый общий контур воссоздания духа «Святой Руси». Он мыслился им как новый союз, новая симфония, но не церкви и государства. В связи

с тем, что вариант симфонии церкви и государства в имперских условиях искажился, а потом и вовсе рухнул в ходе революции, то, по мысли А.В. Карташева, новая Святая Русь будет строиться в посткоммунистической России, но уже не на платформе государственно-церковной симфонии, а на базе договора церкви и общества. Опираясь церкви в этом процессе воссоздания «в арматуре новой государственности» придется, по его мысли, на сеть православных братств, которые будут состоять из сознательных добровольцев, готовых служить на благо общества и церкви [2, с. 154-157].

При этом важно понимать, что концепция истории русской православной церкви не совпадала с концепцией «Святой Руси» ни хронологически, ни содержательно. Если «Святой Руси» еще не было, или она еще только росла, формировалась как на бытовом, так и на государственном уровнях, то церковь уже была. Почти исчезавшая Святая Русь в эпоху Смуты, раскола, в имперский период и совершенно практически скрывшаяся как Град Китеж в советский период, к счастью, не влекла за собой полного обессиливания церкви и ее исчезновения. Церковь продолжала свое существование иногда совершенно в невыносимых политических и социокультурных условиях, ограниченная только требоисполнением и лишенная возможностей активного социального и политического строительства. В такие времена свидетельствовавшая преимущественно о Боге и Граде Небесном, борющаяся за личное спасение своих прихожан, она все-таки продолжала хранить образ Святой Руси, память о ней.

Библиография

1. Антощенко А.В. «Евразия» или «Святая Русь» (Российские эмигранты в поисках самосознания на путях истории). Петрозаводск, 2003. 392 с.
2. Карташев А.В. Воссоздание Святой Руси. М.: Столица, 1991. 256 с.
3. Карташев А.В. Судьбы «Святой Руси» // Карташев А.В. Церковь. История. Россия. М.: Пробел, 1996. С. 134-154.
4. Карташев А.В. Русское христианство // Карташев А.В. Церковь. История. Россия. М.: Пробел, 1996. С. 155-167.

Бычков Сергей Павлович, кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; srbychkov@mail.ru

Images of Holy Russia in the historical concept of A.V. Kartashev

The Article is devoted to the disclosure of the content of images of Holy Russia in the interpretation of A.V. Kartashev. Several semantic fields of this concept, its historical background and political, religious, and cultural contexts of formation are defined. The

article also examines the relationship with the concept of the history of the Russian Orthodox Church formulated by A. V. Kartashev in the 1950s.

Keywords: A.V. Kartashev, history of the Russian Orthodox Church, concept of Church history, historiosophy, Holy Russia, Moscow – III Rome

Bychkov Sergey Pavlovich, Candidate of History, Associate professor, Omsk State University F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; sbychkov@mail.ru

УДК 930 + 001.32

Волошина В.Ю.

Коммуникативное поле эмигрантского научного сообщества историков в 1920 – 1930-е гг.¹

Статья посвящена рассмотрению трансформации в 1920-1930-е гг. коммуникативного пространства эмигрантского сообщества ученых-историков, возникшего при разрыве прежде единого российского дореволюционного научного сообщества. В статье прослеживаются три уровня научных коммуникаций (внешние, внутрикорпоративные и личностные). Автор делает вывод, что, эмигрантские условия существования привели к сужению коммуникативного пространства эмигрантского сообщества российских историков и постепенному исчезновению последнего.

Ключевые слова: научное сообщество, ученые-эмигранты, коммуникативное пространство, формы научных коммуникаций, историческая наука русского зарубежья

Существование любого научного сообщества невозможно без наличия коммуникативного поля, т.е. без «социального пространства институций, акторов и связей, в котором рождаются, функционируют, распространяются, трансформируются и умирают научные идеи» [5, с. 293]. К формам интеллектуального диалога между учеными, как правило, относят рецензирование, личную переписку, составление библиографических указателей, книгообмен, выступления и личное общение на научных мероприятиях разного уровня, совместное участие в работе различных научных институций и т.п. В ходе взаимодействия между членами сообщества происходит передача информации, вырабатываются критерии оценки результатов научного творчества, формируются корпоративные представления о вкладе каждого в развитие науки, а также формируется общепринятый для данного сообщества язык, тип поведения, система ценностей сообщества. Колоссальные социальные по-

¹ Работа написана в рамках гранта РФФИ (18-09-00397) «Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.)».

трясения, произошедшие в нашей стране в 1917–1920 гг. привели к разрыву прежде единого российского научного сообщества на эмигрантское и советское. В данной публикации я хотела бы охарактеризовать трансформации, произошедшие в коммуникативном пространстве научного сообщества российских историков-эмигрантов в 1920–1930-е гг.

Прежде чем характеризовать сложившееся коммуникативное поле в научном сообществе зарубежья, нужно несколько слов сказать о факторах, влияющих на практику коммуницирования в указанный период. Во-первых, ученые-эмигранты, отрицая советские нововведения, позиционировали себя за границей в качестве единственных полномочных представителей российской науки, поэтому в своем стремлении возродить научное сообщество вдали от родины, они строго следовали дореволюционным традициям и формам. Во-вторых, одной из основных причин создания эмигрантского научного сообщества стало оказание помощи ученым в их профессиональной и социальной адаптации в инокультурной среде. Это обусловило социальную направленность деятельности эмигрантского сообщества в начале его создания. Третьим фактором, влияющим на функционирование последнего, можно считать специфическую правовую, экономическую, политическую ситуацию в каждой конкретной стране проживания и в геополитике в целом на протяжении 1920–1930-х гг.

На эмигрантское научное сообщество влияли также и трансформации, происходящие в это время в мировом научном сообществе. Исследователи, изучающие социальную историю науки, отмечают, что в ходе Первой мировой войны начался переход от транснационального понимания научного творчества к «государственно регулируемому взаимодействию исследователей, определяемых в первую очередь в качестве представителей собственной нации, дисциплин и национально научных школ» [3, с. 56]. После окончания войны это привело к коренной реконструкции сложившейся ранее системы международных научных организаций и изменению характера международного научного сотрудничества, в котором стали доминировать политические и национальные приоритеты. Перестает существовать Международная ассоциация академий. Взамен создаются Международный союз исследователей и Международный академический союз, к участию в которых не допускались ученые стран побежденного Тройственного союза. Это неизбежно вело к принципиальному изменению международного статуса российской науки в целом и характера ее связей с зарубежными научными союзами.

В начале 1920-х гг. мировое научное сообщество еще рассматривало историков-эмигрантов как представителей российской науки. Так, в заседаниях Международного академического союза, объединяющего с 1919 г. научные ассоциации по гуманитарным специальностям, от Российской академии наук принимали участие историки М.И. Ростовцев и П.Г. Виноградов. Вместе с тем, стоит признать, что научные сообщества стран-реципиентов неохотно интегрировали в свои ряды русских ученых-эмигрантов, особенно гуманитариев, а с конца 1920-х гг. практически перестали их включать и в состав международных научных организаций, поскольку с укреплением позиций советской науки, снижался статус эмигрантского научного сообщества. Исключение составляет Федерация исторических обществ Восточной Европы, существовавшая в 1927–1939 гг. В работе этой институции принимали участие и российские историки-эмигранты, а А.В. Флоровский даже входил в состав ее правления.

В практике международных съездов историков просматривается та же тенденция: участие эмигрантской науки здесь постепенно снижается. В рассматриваемый период состоялось четыре международных конгресса историков (V – Брюссель 1923; VI – Осло, 1928; VII – Варшава, 1933; VIII – Цюрих, 1938). На V конгрессе уже не было единой делегации от российской исторической науки. Официальное приглашение получили члены Союза русских академических организаций за границей (П.Г. Виноградов, М.И. Ростовцев, П.Б. Струве, Е.Ф. Шмурло) и представители Российской академии наук (В.В. Бартольд, Е.В. Тарле и Н.П. Оттокар) [1, с. 297]. На норвежском конгрессе главу советской делегации М.Н. Покровского избрали в президиум, а эмигрантам было отказано в формировании единой делегации от эмигрантского исторического сообщества. Они должны были входить в национальные делегации стран проживания. Так, П.Н. Савицкий и А.В. Флоровский входили в состав чехословацкой делегации, М.И. Ростовцев – американской, А.М. Кулишер и А.Н. Грабар – французской, а А.К. Елачич – югославской. Их также лишали права выступать с приветственными речами и самостоятельными докладами на секциях. Исключение составили братья А.М. и Е.М. Кулишеры (Германия), выступившие на специальной секции направления «Население» с докладами «Войны и миграции» и «Направления народных движений» соответственно. На съезде славянских филологов в Праге в октябре 1929 г. эмигрантской делегации, в состав которой входили и историки, не дали слова для приветствия, поскольку было принято решение, что, она «может выступать на съезде только

с докладами и в научной дискуссии, представительские же функции будут исполнять только члены национальных делегаций от славянских стран». [цит. по: 4, с. 85]. Исключение из складывающегося правила составил VIII конгресс историков в Цюрихе, на котором российскую историческую науку представляли только эмигранты. Но произошло это потому, что сюда отказалась приехать советская делегация.

В условиях гетерогенности российского научного сообщества связи с коллегами, оставшимися в России, переносятся из внутрикорпоративных в разряд внешних контактов. Исследование на эту тему, проведенное нами в рамках гранта РФФИ (18-09-00397) «Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.)», показало, что на протяжении 1920-х гг. сохранялись, хотя и не столь интенсивные, связи между отдельными учеными и институтами с обеих сторон. Интерес к общению проявляли в основном представители старшего поколения как советских, так и эмигрантских ученых, принадлежавшие к дореволюционным школам отечественной исторической науки (московской и петербургской) и сохранившие верность этосу науки. Эмигрантская периодика, в том числе и научная, содержит немало материалов, свидетельствующих о пристальном внимании изгнанников к состоянию научного сообщества в СССР в целом и научно-исторической мысли, в частности. Что же касается молодой амбициозной генерации советских ученых, обязанной своей карьерой новой социально-политической системе, то они демонстративно дистанцировались от своих соотечественников за границей, будучи уверенными в необходимости ниспровержения «старой буржуазной» и в создании «новой пролетарской» науки. [2, 262.] К сожалению, идеология воздвигала все более непреодолимый барьер на пути плодотворного научного взаимодействия двух сообществ. После реформирования АН СССР, проведения репрессий против ученых на рубеже 1920–1930-х гг. («дело Жебелёва», «академическое дело» и др.) тонкие нити связей (эпизодическое рецензирование работ, составление библиографических обзоров, обмен изданиями, встречи на международных научных мероприятиях, редкие заграничные командировки советских ученых) практически оборвались.

В условиях эмиграции возрастает роль межличностных научных коммуникаций и, прежде всего, эпистолярного общения. Наиболее распространенными темами в переписке в начале 1920-х гг. были темы, связанные с возможностью отъезда из России и трудоустройства за границей (специфика научного мира такова, что без

авторитетных рекомендаций получить работу почти невозможно, особенно в условиях эмиграции). Часто встречающейся темой был поиск необходимой литературы и обмен информацией о недавно вышедших работах коллег. Особенностью эмигрантской переписки можно считать наличие в ней сюжетов, связанных с моральной и материальной поддержкой. Порой к тоске по общению добавлялась тоска по родине. Постепенно к концу 1920-х гг. в личной переписке эмигрантов на первое место выходят вопросы, связанные с научными интересами, осуждением и публикацией книг, рецензий, и т.п. Это свидетельствует о завершении процесса психологической адаптации ученых в новой среде.

Формой скрытой научной коммуникации на личном уровне можно считать взаиморецензирование. В связи с понятным ограничением доступа к источниковой базе для ученых, занимающихся проблемами отечественной истории, приоритетными для них становятся такие жанры научного творчества как рецензии и обзоры. Они регулярно появлялись на страницах наиболее популярных эмигрантских периодических изданий. При этом нельзя не обратить внимание на достаточно короткий временной промежуток между выходом научного труда и рецензии на него, что свидетельствует о непрекращающемся книгообмене внутри научного сообщества.

Ученые-эмигранты пытались воссоздать и другие каналы внутрикорпоративных коммуникаций (научные диспуты при защитах диссертаций, доклады в научных обществах и прессе). Однако эмигрантские условия существования не позволили сделать это в полной мере. Несмотря на то, что Союзу русских академических организаций за границей удалось сохранить в зарубежье основные компоненты практики воспроизводства научных кадров, следует признать, что большого распространения она не получила. Специально созданные испытательные комиссии в основном принимали магистерские экзамены, дающие право преподавания в вузах. Желая защитить диссертацию в русских академических группах становилось все меньше, поскольку большинство молодых ученых-эмигрантов пыталось интегрироваться в вузы и научные учреждения стран проживания и научную карьеру стремилось делать уже там. С началом 1930-х гг. в связи с укреплением позиций СССР на международной арене и ростом авторитета советской науки свертывается финансирование большинства научных институций зарубежья. В условиях развернувшегося экономического кризиса местные кадры, даже хуже подготовленные, неизбежно теснили пришельцев с российскими дипломами, и ученые-эмигранты имели не много шансов для продолжения научной карьеры.

В целом следует признать, что вопреки стремлениям ученых-эмигрантов в зарубежье либо исчезают, либо становятся ограниченными прежние формы научных коммуникаций, что неизбежно вело к сужению коммуникативного пространства научного сообщества российских историков и постепенному исчезновению институтов последнего.

Библиография

1. Бочарова З.С. Русский мир в XX веке: Феномен зарубежной России 1920-х гг. // Русский мир в XX веке: в 6 т. / под общ. ред. Г.А. Бордюгова, А.Ч. Касаева. Т. 2. М.: АИРО-XXI, 2013.
2. Волошина В.Ю., Груздинская В.С., Колеватов Д.М., Корзун В.П. Из двух углов: отечественный историографический процесс в оценке эмигрантских и советских историков (1920–1930-е гг.). Омск: Изд-во ОмГУ, 2020. 336 с.
3. Дмитриев А.Н. От академического интернационализма к системе национально-государственной науки // Наука, техника и общество: России и Германии во время Первой мировой войны / под ред. Э.И. Колчинского, Д. Байрау, Ю.А. Лайус. СПб.: Нестор-История, 2007. С. 32-56.
4. Досталь М.Ю. Российские эмигранты и советские слависты: проблемы взаимоотношений // Российские ученые-гуманитарии в межвоенной Чехословакии: Сборник ст. М.: Институт славяноведения РАН, 2008. С. 80-89.
5. Корзун В.П. Коммуникативное поле исторической науки: новые ракурсы историографического исследования // История и историки в пространстве национальной и мировой культуры XVIII–XXI веков / под ред. Н.А. Алеврас, Н.В. Гришиной, Ю.В. Красновой. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 290-302.

***Волошина Валентина Юрьевна**, доктор исторических наук, профессор, Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; valvoloshina@rambler.ru*

Communicative space of the emigrant scientific community historians the 1920s – 1930s.

The article is devoted to the transformation in the 1920s-1930s of the communicative space of the emigrant community of scientists and historians, which arose when the previously unified Russian pre-revolutionary scientific community was torn apart. The article traces three levels of scientific communication (external, internal and personal). The author concludes that the emigrant conditions of existence led to a narrowing of the communicative space of the emigrant community of Russian historians and the gradual disappearance of the latter.

Keywords: scientific community, expatriate scientists, communicative space, forms of scientific communication, historical science of the Russian diaspora

***Voloshina Valentina Yurievna**, Doctor of History, Professor, Omsk State University F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; valvoloshina@rambler.ru*

Зорина А.А., Лукина С.Г.

Научные контакты российских историков искусства с зарубежными коллегами во второй половине XIX века: Н.П. Кондаков, Н.В. Покровский и Дж.Б. де Росси

В статье рассматривается процесс коммуникации российских историков христианского искусства с зарубежными коллегами во второй половине XIX века, организация научных поездок молодых ученых университетами и духовными академиями, их маршруты и результаты, а также контакты с Д.Б. де Росси.

Ключевые слова: история искусства, христианская археология, научные путешествия, иконографические исследования

Современное отечественное византиноведение уделяет большое внимание исследованию процесса становления в России научной дисциплины, изучающей историю христианского искусства. В России ее формирование во второй половине XIX века происходило стараниями представителей как светской, так и церковной науки, а основоположниками стали Никодим Павлович Кондаков [4; 8; 9; 12] и Николай Васильевич Покровский [1; 5; 11].

Будучи современниками, специалистами в одной и той же научной области, Н.П. Кондаков и Н.В. Покровский демонстрируют нам два характерных для того времени варианта получения образования – светского и духовного. Никодим Павлович обучался в Москве сначала в церковноприходском училище, затем во 2-й гимназии, а с 1861 по 1865 гг. был студентом историко-филологического факультета Московского университета. Николай Васильевич учился в духовном училище и духовной семинарии в Костроме, после чего поступил в Санкт-Петербургскую духовную академию на Церковно-практическое отделение, которое закончил в 1874 году.

История искусства как научная дисциплина в России в тот период переживала стадию оформления. Отдельные курсы читались в стенах университетов и духовных академий, но апробированной годами системы профессионального обучения еще не существовало. Актуальными задачами были подготовка отечественных специалистов и максимальное освоение ими мирового опыта. В этом контексте важным фактором становления молодых исследователей по истории христианского, византийского искусства являлись стажировки за границей. Они воспринимались как необходимый этап профессионального роста, так как давали возможность начинающим ученым познакомиться с корифеями западной науки, изучить

зарубежные музейные коллекции и библиотечные фонды, участвовать в коллективных международных проектах.

Одним из наиболее авторитетных специалистов по изучению христианских древностей во второй половине XIX века являлся Джованни Баттиста де Росси. «Отец христианской археологии», он совмещал научную деятельность с активной популяризацией своих знаний среди широких слоев общества через публикации, публичные лекции, экскурсии [2; 3]. Во многом именно его усилиями была создана римская школа католической археологии. В 1875 г. он основал Общество христианской археологии, по его инициативе стал издаваться «Бюллетень христианской археологии». Последние годы жизни он посвятил подготовке Международного Конгресса христианской археологии [13].

Отличительной особенностью де Росси была его открытость для научного общения, он «стремился к нему и создал систему связей с коллегами из Италии и других стран Европы, особенно Франции и Германии» [3, с. 441]. С ним были знакомы и сотрудничали российские историки искусства Ф.И. Буслаев, А.С. Уваров, И.В. Цветаев, Н.П. Кондаков, Н.В. Покровский, его доклад слушали в 1891 г. в Риме Д.В. Айналов и Е.К. Редин [7, с. 317]. Для начинающих в 70-е годы XIX века свою научную карьеру Н.П. Кондакова и Н.В. Покровского встречи с де Росси сыграли значительную роль.

Знакомство Н.П. Кондакова с де Росси произошло в Риме в 1875 году. В этот период своей жизни Н.П. Кондаков служил в Новороссийском университете в Одессе на должности доцента кафедры теории и истории искусств. Заграничная командировка в Италию была организована для поиска материалов по теме докторской диссертации «История византийского искусства и иконографии по миниатюрам греческих рукописей». Она длилась больше года, была чрезвычайно насыщенной и плодотворной по своим масштабам и объему выполненной работы в музеях, галереях и библиотеках Флоренции, Пармы, Болоньи, Равенны, Пизы, Сиены, Неаполя, Палермо. Больше месяца исследователь провел в Риме, где, по мнению И.Л. Кызласовой, состоялось его первое серьезное выступление в «уникальном международном содружестве ученых» [10, с. 112].

Внимание Н.П. Кондакова привлекла базилика святой Сабины на Авентинском холме, в которой сохранились уникальные мозаики, резные плиты и деревянные двери из кипариса, установленные в античном портале и богато украшенные барельефами. В историографии того времени существовали разные датировки этих дверей, но детальное исследование памятника отсутствовало. Н.П. Конда-

ков взялся за работу со свойственными ему скрупулезностью и усердием. Сохранилось письмо, в котором он пишет: «Дверь Св. Сабины могла простоять и еще много лет, прежде чем кто-либо занялся бы ею подробно. Чтобы видеть хорошо все сюжеты, нужно, как сделал я, в продолжение месяца осматривать их с лестницы с разных пунктов» [10, с. 112].

В результате кропотливой работы появилась статья, в которой был осуществлен иконографический анализ сюжетов барельефов, аргументирована датировка, отмечены некоторые стилистические особенности изображений, прослежены последствия нескольких реставраций. Н.П. Кондаков обосновал вывод о значимости памятников IV–VI вв. для формирования средневекового христианского искусства, об их новизне и отличиях от «той узко духовной и жалкой в техническом отношении области, которая, содержа в себе живопись катакомб и скульптуры саркофагов, носит название примитивного древнехристианского искусства» [10, с. 129].

Статья получила одобрение де Росси, состоялось ее обсуждение на одном из заседаний Академии христианской археологии в Риме, после чего она была напечатана на французском языке в «Revue archéologique» [2; 10, с. 112]. Н.П. Кондаков стал членом организованного де Росси Общества любителей христианской археологии, прослушал несколько лекций П. Роза и Р.А. Ланчиани. Таким образом, вхождение Н.П. Кондакова в круг ведущих мировых специалистов по истории христианского искусства произошло при непосредственном участии Д.Б. де Росси.

Знаковым событием в научной биографии явилось знакомство с де Росси и для Н.В. Покровского. Его путь в науку начался в сфере церковного образования, с которой он будет связан всю последующую жизнь. Окончив в 1874 г. Санкт-Петербургскую духовную академию и защитив диссертацию о местах богослужебных собраний в раннехристианскую эпоху, Н.П. Покровский стал приват-доцентом кафедры церковной археологии и литургики. Для знакомства с передовыми разработками в области христианской археологии он был направлен в зарубежную командировку по ходатайству Церковно-практического отделения духовной академии.

Как и в случае с Н.П. Кондаковым, поездка Н.В. Покровского длилась больше года. Он побывал в Германии, Австрии, Франции, Швейцарии, Чехии и Италии, где изучал музейные коллекции, библиотечные фонды, посещал картинные галереи. В Страсбурге Н.В. Покровский слушал лекции по археологии и истории искусства Ф.К. Крауса и А. Крауса (учеников де Росси), в Вене – профессора Рикера по католической литургики, профессоров Отто и Сибе-

рини по церковной истории и литургике [1, с. 3-10; 11]. По мнению А.А. Алексеева, столь активные контакты Н.В. Покровского с маститыми зарубежными учеными находились в русле целенаправленной политики руководства Санкт-Петербургской духовной академии, ориентированной на овладение всей полнотой общехристианских знаний, полученных, в том числе, при общении с протестантскими и католическими специалистами [1, с. 4-5].

Встреча Н.В. Покровского с Д.Б. де Росси произошла в феврале 1877 г. Он прибыл в Рим из Страсбурга с письмом для де Росси от профессора Ф.К. Крауса и сразу же был введен в Общество христианской археологии. За два последующих месяца Н.В. Покровский посетил лекцию де Росси в катакомбах св. Каллиста, осмотрел другие катакомбы подземного Рима, работал в Латеранском и Ватиканском музеях. Впоследствии он вспоминал об этом периоде как о моменте «очаровательного погружения в сферу археологии первых веков христианства» [11, с. 43].

Если Н.П. Кондаков к моменту знакомства с де Росси уже являлся состоявшимся ученым, благодаря своему наставнику Ф.И. Буслаеву давно определившимся со сферой научных интересов, то Н.В. Покровский находился в самом начале исследовательского пути. Церковной археологией он увлекся сравнительно недавно в 1873–1874 гг. Этот выбор был обусловлен не только его личной инициативой, но и потребностями духовной академии, остро нуждающейся в кандидатуре для преподавания данной дисциплины. Поэтому для него общение с «Отцом христианской археологии» стало во многом определяющим для всей последующей научной и преподавательской деятельности. Во-первых, полученные в ходе поездки знания Н.В. Покровский внедрил в обновленный курс по церковной археологии и литургике, который он начал читать в Санкт-Петербургской духовной академии. Во-вторых, он ввел эти сведения в оборот русской исторической науки и сформулировал ряд важных выводов относительно раннехристианских древностей. Искусство катакомб он стал рассматривать, прежде всего, как погребальное. Также им были установлены связи христианского искусства с античным по форме и по содержанию. Эти идеи способствовали появлению нового для отечественной церковной археологии подхода, в котором религиозный памятник рассматривался не только как святыня, но и как объект изучения в контексте сложных исторических взаимосвязей [6, с. 136-137]. В-третьих, европейский опыт организации и функционирования музеев христианских древностей Н.В. Покровский использовал в 1878–1879 гг. при работе над созданием Церковно-археологического музея в Петербурге.

Таким образом, для Н.П. Кондакова и Н.В. Покровского зарубежные стажировки 1875/76 и 1876/77 гг. стали важным этапом научного роста. Их командировки были организованы по схожему сценарию, длились примерно одинаковое время, географически были ориентированы на города с наибольшей концентрацией христианских памятников, музеев, галерей, библиотек. Обязательным элементом поездок являлись посещение лекций и личное общение с ведущими мировыми специалистами в области изучения христианских древностей. Знакомства Н.П. Кондакова и Н.В. Покровского с Д.Б. де Росси произошли с разницей в полтора года, когда он находился на пике научной карьеры, совмещая исследовательскую деятельность с издательской и организационной, занимаясь активной популяризацией сведений по христианской археологии. Его открытость к общению сыграла немаловажную роль в судьбах молодых российских ученых, с легкой руки де Росси вошедших в круг увлеченных специалистов, посвятивших изучению истории искусства всю свою жизнь.

Библиография

1. Алексеев А.А. Николай Васильевич Покровский – доктор церковной истории // Покровский Н.В. Очерки памятников христианского искусства. СПб.: Лига Плюс, 1999. С. 3-10.
2. Беляев Л.А. Христианские древности: введение в сравнительное изучение. СПб.: Алетейя, 2000. 575 с.
3. Беляев Л.А. Де Росси // Православная энциклопедия. Т. XIV. М., 2006. С. 440-441.
4. Вздорнов Г.И. Н.П. Кондаков в зеркале современной византистики // Труды Отдела древнерусской литературы ИРЛИ РАН. 1996. Т. 50. С. 792-797.
5. Вздорнов Г.И. О Николае Васильевиче Покровском и его книге «Евангелие в памятниках иконографии» // Покровский Н.В. Евангелие в памятниках иконографии. М.: Прогресс – Традиция, 2001. С. 5-10.
6. Зорина А.А. Византийское наследие в искусстве средневековой Руси. Отечественная историография второй половины XIX – начала XX веков. Казань: Изд-во Казанск. ун-та, 2005. 188 с.
7. Иодко О.В. Е.К. Редин: жизнь и деятельность (по материалам петербургских архивов) // Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга. СПб., 2004.
8. Кызласова И.Л. История изучения византийского и древнерусского искусства в России. Ф.И. Буслаев, Н.П. Кондаков: методы, идеи, теории. М.: Изд-во Московского университета, 1985. 183 с.
9. Кызласова И.Л. Кондаков Никодим Павлович // Православная энциклопедия. Т. XXXVI. М., 2014. С. 599-601.
10. Мир Кондакова: Публикации. Статьи. Каталог выставки / Сост.: И.Л. Кызласова. М.: Русский путь, 2004. 392 с.
11. Пивоварова Н.В. Н.В. Покровский: личность, научное наследие, архив // Мир русской византистики: материалы архивов Санкт-Петербурга / Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 2004. С. 41-118.
12. Тункина И.В. Н.П. Кондаков: обзор личного фонда // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге / Под ред. И.П. Медведева. СПб.: Изд-во «Дмитрий Буланин», 1995. С. 93-119.

13. Хрушкова Л.Г. О международных конгрессах по христианской археологии // Российская археология. 1998. № 2. С. 207-214.

Зорина Анна Александровна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия; zorina1970@mail.ru

Лукина Светлана Германовна, кандидат исторических наук, доцент кафедры истории Удмуртии, археологии и этнологии, Удмуртский государственный университет, г. Ижевск, Россия; lukina25@udm.ru

Scientific contacts of russian historians of art with foreign colleagues in the second half of the XIX century: N.P. Kondakov, N.V. Pokrovsky and J.B. de Rossy

The article examines the process of communication of Russian historians of Christian art with foreign colleagues in the second half of the 19th century, the organization of scientific trips of young scientists by universities and theological academies, their routes and results, as well as contacts with J.B. de Rossi.

Keywords: history of art, Christian archeology, scientific travel, iconographic research

Zorina Anna Aleksandrovna, Candidate of Histori, Associate Professor, Udmurt state University, Izhevsk, Russia; zorina1970@mail.ru

Lukina Svetlana Germanovna, Candidate of Histori, Associate Professor, Udmurt state University, Izhevsk, Russia; lukina25@udm.ru

УДК 930.2 + 001.32

Лучицкая С. И.

Казанский университет начала 70-х гг. XIX в. глазами киевского магистранта И.В. Лучицкого (по материалам Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского)

В основу статьи положены эпистолярные источники из Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского – письма известного историка И.В. Лучицкого (1845–1918) из Казани, написанные в октябре 1871 г. и рассказывающие о научной жизни Казанского университета этого времени. Неизвестная до сих пор страница истории вуза освещается на примере защиты И.В. Лучицким магистерской диссертации в Казани.

Ключевые слова: российская историография, история Средних веков, история, Казанский университет, И.В. Лучицкий (1845–1918)

История защиты магистерской диссертации известным историком и представителем *école russe* И.В. Лучицким в Казанском университете в 1871 г. уже подробно освещалась в научной литера-

туре [5, с. 292-331]. Но до сих пор специалисты не обращали внимание на целый ряд писем, хранящихся в практически не изученном фонде ученого в Институте рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского [2, с. 185-190]. Письма, написанные ИВ. Лучицким из Казани примерно в течение двух недель (с 3 по 17 октября 1871 г.), проливают новый свет на важный эпизод в его жизни.

Напомним, что историк приехал из Киева в Казань для защиты магистерской диссертации. Речь шла о его монографии «Феодальная аристократия и кальвинисты во Франции» [3]. Эта книга, в которой молодой историк разработал новаторскую концепцию религиозных войн, была высоко оценена отечественными и зарубежными специалистами [6]. Ее появление было отмечено специальной рецензией французского историка А. Мори в *Journal des Savants* [4, р. 415-426; 501-513], а публикация во Франции найденных им в Императорской публичной библиотеке документов привлекла внимание председателя Общества по изучению французского протестантизма Ф. фон Шикклера [1, р. 147]. Именно этот труд о религиозных войнах во Франции, со временем признанный классическим, представлялся на суд казанских историков.

И.В. Лучицкий рассчитывал на то, что защита пройдет быстро, но в силу бюрократических процедур диспут был отложен на две недели. В результате историк должен был почти на полмесяца задержаться в Казани. У киевского магистранта, скучавшего в чужом городе, где у него не было ни друзей, ни знакомых, оказалось много свободного времени, и он коротал дни, общаясь с местной профессурой, посещая лекции и местный клуб, а также заседания органов местной администрации. Так, он познакомился со многими видными преподавателями университета, профессорами университета: изучавшим российскую словесность Н.Н. Буличем, специалистом по политической экономии Ю.А. Микшевичем, юристом С.М. Шпилевским, историком церкви И.М. Добротворским. Он подружился с магистрантом по русской истории Д.А. Корсаковым, общался с медиевистом Н.А. Осокиным, славистом М.П. Петровским. Он также встречался с деканом историко-филологического факультета Н.А. Фирсовым, который поддержал его планы искать доцентуру в Казани. Кроме того, Иван Васильевич соприкасался с председателем Казанской уездной земской управы Г.И. Горталовым, попечителем Казанского учебного округа и известным историком и этнографом П.Д. Шестаковым, бывшим ректором Одесского университета и видным российским математиком И.Д. Соко-

ловым, юристом профессором Казанского и Харьковского университетом А.Г. Станиславским и др.

За две недели он отослал восемь писем своим родителям – Анне Яковлевне и Василию Ивановичу Лучицким, в которых он делится с ними впечатлениями о пребывании в Казани. Первое и самое короткое письмо он написал утром 3 октября, как только приехал в город: *«Приехал сегодня в девять часов утра в карете. Был у Осокина. Он уже написал отзыв. Диспут может состояться через неделю. О выборе еще ничего не говорил. Схожу к Фирсову и на почту. Вечером напишу подробно. Жив и здоров. Весь Ваш. Иван Лучицкий»* [Ф. III. № 57283].

И вечером того же дня последовал более обстоятельный рассказ о первых знакомствах в Казани и о том, как продвигается дело защиты диссертации: *«Я только что от Булича, читающего русскую словесность. Провел время отлично и пресвесело. Много смеялся. Булич малоросс, из Черниговской губернии, остряк и очень умный человек. Принял меня отлично... Я познакомился еще и с молодым магистрантом по русской истории¹, и та скука и тоска, которую я испытывал днем, один чужой в чужом городе, ослабела... Осокин подал мнение. Булич согласился возражать и занялся с сегодняшнего дня изучением моей книги. Насчет выбора еще не говорил с Осокиным, но Фирсов сегодня, когда я был у него, спросил, в какой вы университет? и намекнул, что можно и в Казанский. Авошь, дело пойдет хорошо»* [Ф. III. № 57284, л. 1-2].

Постепенно Иван Васильевич осваивается в новом городе: он не только встречается с новыми коллегами, но и, желая, по его выражению, «убить время», посещает заседание местных органов. Об этом он сообщает родителям в следующем разнообразного содержания письме от 4 октября 1871 г.: *«Был я сегодня на земском собрании, слушал речи, правда, нашел, что говорят глупости, отличающиеся редким недоразумением, но зато хоть был в людском обществе, видел воочию то, что читал не раз и в журналах, и в газетах. Видел баринов, рассуждающих о том, как бы взять лишние деньги на расходы, бар, сидящих в креслах вокруг стола, и крестьян, прислонившихся к стене, сидящих смиренно на деревянных скамейках и удивляющихся обилию слов, идея, тахітит, тіпїтит, принцип, момент и проч., и проч., которыми обычно уснащают свои речи гг. гласные...»* [Ф. III. № 57285, л. 1].

В этот же день историк посетил казанского магистранта Д.А. Корсакова, с которым у него завязались дружеские отношения.

¹ Речь идет о Дмитрие Александровиче Корсакове (1843–1919), будущем профессоре русской истории в Казанском университете.

Лучицкий извещает родителей об этом визите, попутно жалуясь на скуку, которая одолевает его во незнакомом городе: *«Вечером, часов в 6, отправился к Корсакову, тому магистранту по русской истории, о котором я писал, такому же, как я, “едоку”, живущему со стариками, отцом и матерью. Пил “семейно” чай... Как бы убить время и завтра. Возможности есть. Пойду к Фирсову – просил заходить. Меня принимают радушно, значит, дело отчасти в шляпе. Я еще ни разу не испытывал такого состояния, как теперь. В Петербурге у меня была работа, были развлечения, там я не скучал. Здесь же! Нет, здесь не останусь, лучше за границу»* [Ф. III. № 57285, л. 2].

И заканчивает Иван Васильевич свое письмо подробным описанием вояжа по Волге, представив обещанный родителям рассказ о поездке сначала из Владимира в Нижний Новгород в шикарном спальном вагоне первого класса, и о последующем путешествии по Оке и Волге парохомом «Императрица», во время которого он любовался *«Волгой, приводившей меня в восхищение своей широтой и раздольем»*, а также познакомился с американским консулом и обсудил с ним *«французские дела»* [Ф. III. № 57285, л. 3-4].

О том, как стремительно быстро расширялся круг знакомств молодого историка, свидетельствует следующее письмо, отправленное молодым историком из Казани 6 октября. Иван Васильевич явно подружился с Н.Н. Буличем. В письме родителям он пишет: *«Только что вернулся из клуба и сажусь писать Вам... Меня водил и привел из клуба Булич, который чувствует, как видимо, большую симпатию ко мне и нравится мне больше всех. Это, действительно, одна из лучших и редких личностей; человек простой и добрый и в то же время чрезвычайно общительный и разносторонних познаний. Как кажется, он будет моим оппонентом: я просил его об этом, и он согласился»* [Ф. III. № 57286, л. 1].

Рассказывает историк и о других своих контактах в Казанском университете: *«Я познакомился со многими профессорами, которые удивляются моему молодому виду... Особенно подтрунивает Станиславский из Харькова, воспитанник Киевского университета... Впрочем и он, как и все другие, относится ко мне и тепло, и с уважением. Осокин наговорил очень много о моей книге. Сам он отзывался о ней мне очень хорошо, и говорил одному из знакомых своих (Корсакову), что только он (Осокин), да я и умеем писать по всеобщей истории»* [Ф. III. № 57286, л. 2].

И далее он пишет: *«В клубе я познакомился с профессором политической экономии, Микшевичем, и он прямо предложил мне искать здесь штат доцента и советовал откровенно погово-*

речь об этом с Фирсовым. Ergo: дело идет добре. Одно жаль, что Осокин не дал мне удовлетворительного и прямого ответа, хотя и заговаривал об этом. Посмотрим» [Ф. III. № 57286, л. 2-3].

День ото дня Иван Васильевич описывает будничную жизнь Казани и незаметно для себя привыкает к новым обстоятельствам. В недатированном письме он очень коротко сообщает о своих впечатлениях о Казанском университете: *«Люди здесь ничего хорошие. Меня встречают хорошо, любезно. Корсаковы зовут на обед. Осокин и другие делают все, что я ни попрошу, но я все же не могу свыкнуться с здешними нравами и той официальнойностью, которая наложила глубокую печать, и этими вицмундирами, и порядком ..., от которого далеко от света, от Европы» [Ф. III. № 57287, л. 1].*

Киевский историк постоянно общается, заводит контакты, его все время зовут в гости, и он наносит визиты не только университетским коллегам, но и представителям местной элиты. Судя по письму, написанному в воскресенье, Иван Васильевич посещает Г.И. Горталова, председателя земской уездной управы, *«к которому меня завезли Корсаковы, и где я провел прехорошо и весело время» [Ф. III. № 57288, л. 1]* и где в числе гостей был и Н.А. Осокин. Историк отзывается о казанском чиновнике Г.И. Горталове как *«одном из лучших людей»*: *«Он – дворянин и землевладелец, но человек, отрешившийся от дворянской дурацкой спеси, подающий руку гласному крестьянину, как и – дворянину!» [Ф. III. № 57288, л. 1].*

В это же время, судя по письму, предпринимаются последние шаги, связанные с предстоящей защитой И.В. Лучицкого: *«Вчера вечером у меня был Осокин, Петровский (проф[ессор] славянских языков) и Корсаков. Время провел отлично. Первые два явились ко мне с извещением, что диссертация моя принята официально (заседание состоялось только вчера). И диспут назначен на 17 октября на 11 часов. Оппоненты: Фирсов, Осокин... Булича не будет: у него умер брат» [Ф. III. № 57288, л. 2].*

Эти последние дни перед диспутом Иван Васильевич проводит в прежнем ритме, посещая лекции и заседания и размышляя о планах на будущее: *«Я постоянно хожу в профессорский лекторий, беседую с профессорами, был на каф[едре] у Шпилевского, профессора по истории русского права. Словом, моя жизнь развлекает меня, спасает от тоски по Вам и страшной скуки. Когда некуда идти – иду в земское собрание, о котором пишу корреспонденцию в Пет[ербургские] Ведом[ости]. Завтра же пойду в окружной суд. Еще 8 или 9 дней – и я уеду. Насчет доцентуры*

пока не говорю. Заговорю с Фирсовым после диспута. Теперь совместно и неудобно. Одно скверно – здесь правило – говорить речь. Я уже обдумал ее и напишу на днях» [Ф. III. № 57288, л. 2-3].

Перед защитой он выполняет все необходимые формальности и посещает попечителя Казанского учебного округа: «Книги получил... и был у попечителя (Шестакова) и у помощника (Соколова, бывшего ректора Одесского университета). Оба приняли меня очень любезно, особенно Шестаков, ждавший меня с нетерпением, счастливый, что познакомился со мной! Право, меня тут совсем избалуют. Здесь между профессорами нет той пошлой официальности, которая господствует у нас, хотя здесь все ходят в вицмундирах» [Ф. III. № 57288, л. 3-4].

В следующем письме от 12 октября Иван Васильевич сообщает уже точные сведения о защите: «Я здоров, жив. Буду дискутировать в воскресенье (17 октября) в 11 часов утра. Оппоненты: Фирсов и Осокин. Положения уже напечатаны...» [Ф. III. № 57289, л. 1].

И вот, наконец, в последнем недатированном письме И.В. Лучицкий пересказывает родителям свои впечатления от отзыва Н.А. Осокина [5, с. 309-313]. Киевский магистрант, обласканный местной профессурой, совсем не ожидал такого отклика на свою работу, а рассуждения рецензента вызвали его полное недоумение:

«Вчера я был у Добротворского... и перечитывал мнение Осокина. Представьте мое изумление и злость, когда я увидел, что Бильбасов написал бы то же самое. Такого наглого... разбора, как разбор Осокина, я не видел. Фатовство, стремление показывать себя великим учителем и громадное самолюбие, над чем потешались все знакомые Осокина, сказываются здесь в полной силе. Я ожидал основательный разбор и нашел такую вещь, что, если я явлюсь с ней в Киев, то провалюсь самым блистательным образом... Вот образчики: забывает ход мировой истории. Игнорирует “возрождение католицизма”... Неизвестно (?) на какую сторону: религ[иозную] или политич[ескую], обращает главное внимание. Не знает истории Лангедока. Нового ничего не сделал. Не доказал то, что говорит. Не знает литературу гугенотскую во всем объеме: именно Ла-Бюэти (он не заметил, что на 40 стр. я цитирую его). Тенденциозен, с предвзятою идеею. Без критики источников... и проч., и проч. И все это без доказательств, в противоречие с тем, что говорится в моей книге. Я не ожидал такого наглого разбора. Я не знаю теперь, что и делать. Придется телеграфировать Делянову, что я выдержал диспут, просить заграничной посылки» [Ф. III. № 57290, л. 1-3].

Несмотря на довольно пристрастный и необоснованный отзыв Н.А. Осокина, И.В. Лучицкому удалось на диспуте 17 октября отстоять свои научные позиции и успешно защитить магистерскую диссертацию. Эта защита открыла молодому ученому путь в науку. А казанский период не прошел бесследно в его судьбе, так как он завязал с коллегами дружбу, которая продолжалась в течение долгих лет его жизни. Правда, после защиты магистерской диссертации Лучицкий все-таки не стал просить доцентуры в Казани, но, выхлопотав у Министерства народного просвещения зарубежную научную командировку, выехал за границу, где в архивах Нима, Тулузы, Монтобана и Гренобля его ждала огромная удача.

Библиография

Источники

Ф. III. – Институт рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского. Ф. III.

Литература

1. Bulletin de la Société de l'histoire du protestantisme français (BSHPF). 1874. Т. XXIII. P. 146-157.

2. Загуляева (Логунова) Н.А. Осоковий фонд І.В. Лучицького як джерело вивчення громадсько-політичної діяльності вченого (друга половина XIX – початок XX ст.) // Архівознавство, археографія, джерелознавство / Держархів України. Київ, 2004. Вип. 7. С. 185-190.

3. Лучицкий И.В. Феодалная аристократия и кальвинисты во Франции. Киев, 1871 (2-е изд. 2011).

4. Maury A. Journal des savants. 1873. Juillet. P. 415-426; Août. P. 501-513.

5. Мягков Г.П., Хамматов Ш.С. «Печальная история моего диспута», или как состоялась «лучшая страница моей жизни»: Казань в научной судьбе И.В. Лучицкого // Мир историка. Историографический сборник. Омск, 2013. Вып. 8. С. 292-331.

6. Петров Е. Исследования И.В. Лучицкого по социальной истории Франции в эпоху религиозных войн // Научно-исторический журнал. 1914. № 1. С. 9-17.

Лучицкая Светлана Игоревна, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник, Институт всеобщей истории РАН, Москва, Россия; odysseus1989@mail.ru

Kazan University in the seventies of the 19th century through the eyes of Kievan historian (based on the materials from the Institute of manuscripts, Vernadsky National Academy of Ukraine)

This article is based on the epistolary sources from the Institute of manuscripts (Vernadsky National Library of Ukraine), that is the letters written from Kazan by famous historian Ivan Luchitsky in October 1871. The letters inform us about scientific life at the Kazan University of this time. The story about Luchitsky's thesis defence will be seen in the article as page in the history of the University.

Keywords: Russian historiography of Middle Ages, history of Kazan university, I.V. Luchitsky (1845–1918).

Luchitskaya Svetlana Igorevna, Doctor of History, Professor, Institute of World History of the Russian Academy of Sciences; svetlana-luchitskaya@yandex.ru

Мартынов Д.Е.

Цинская историография и немецкая культурно-историческая школа: о некоторых параллелях

В статье рассматриваются исторические взгляды И. Дройзена (1808–1884), чьи методологические взгляды опередили современную историографию на 80 лет. Параллельно охарактеризованы взгляды Чжан Сюэчэна (1738–1801) на фоне цинской историографии. Сделан вывод о невозможности прямого сопоставления в синхронном аспекте. Однако на базе *Kulturgeschichte* возможно элементарное «наведение мостов» и методологически корректное сравнительное исследование.

Ключевые слова: *Kulturgeschichte*, позитивизм, цинская историография, Иоганн Густав Дройзен, Чжан Сюэчэн

Используя термин «немецкая культурно-историческая школа», мы задействуем его в несколько нестандартном значении. В устоявшемся в историографии варианте (отсылаем читателя, например, к «Большой российской энциклопедии») данное понятие связано как с методологией позитивизма, так и предметным полем литературоведения и искусствознания [2]. Обращаясь к фигуре И.Г. Дройзена (1808–1884) и его открытиям в области теории исторической науки, именно немецкая *Kulturgeschichte* оказывается весьма удобной для сопоставления синхронных с нею открытий китайских методологов истории, действовавших при династии Цин (1644–1912). В русле современного развития науки особое внимание исследователей привлекают учёные, «опередившие» своё время, находясь притом всецело в русле породившей их культурной и социальной среды.

Для творцов исторической науки XIX в. на Западе одним из важнейших вопросов (ибо действовали они как философствующие историки) стало представление об исторической реальности. Иоганн Густав Дройзен значительно опередил своё время, выдвинув теорию социальной реальности как предмета исторического исследования. Одним из важнейших его открытий (озвученном в лекционном курсе), стало то, что результатом работы («критики») с источником является не «подлинный исторический факт», а лишь материал для «относительно точного и конкретного мнения» [1, с. 474]. По Дройзену, предметом исторической науки является не прошлое как таковое, а «волевые акты», т.е. человеческие действия, совершённые в прошлом. Эти акты историк должен вычленить из течения событий («положения дел») [1, с. 470, 488].

Очевидно, что проникновение в сознание людей прошлого невозможно, поэтому даже самый проникательный исследователь будет иметь дело лишь с действиями [1, с. 477]. Поскольку именно И. Дройзен был одним из самых выдающихся специалистов по источниковедению XIX в. и подвёл черту под важным этапом в развитии этой дисциплины, он тонко чувствовал разницу между нарративом, донесённым в тексте, и памятью, передаваемой в ритуале, образцах поведения и прочее [1, с. 469].

Если перейти к проблемному полю китайской историографии, то здесь можно найти весьма примечательные концепты. Уже поздние современники (такие как Лян Цичао, 1873–1929) рассматривали цинскую историографию как «новаторскую» [5, р. 376]. Для демонстрации проблемного поля завершающего этапа традиционной китайской историографии воспроизведём в существенных чертах таблицу, предложенную проф. У Хуайци [5, р. 377-380]:

Табл. 1

Жанр	Основные представители	Комментарий
Официальная (образцовая) историческая хроника	Ван Сытун («История [династии] Мин»)	Текст лег в основу официальной «Истории Мин», санкционированной императором в 1739 г.
Частные дополнения к официальным историям	Ван Сыда	Взгляды Ван Сыда оказали сильное влияние на Чжан Сюэчэна, Дай Чжэня и Жуань Юаня
Частные трактаты (как субжанр официальной истории)	Хун Лянцзи	Хун Лянцзи на пять лет раньше Т. Мальтуса сформулировал принципы мальтузианского прироста населения
История древности	Ма Су («Разматывающая нить истории»)	Трактат в 160 свитков-цзюаней, посвящённый доциньской (до 221 г. до н.э.) истории Китая.
Историко-географическое описание	Гу Цзуюй (1631 – 1692). Трактат «Читая географические трактаты в династических историях» в 130 свитках (36 таблиц, 35 карт)	114 свитков были посвящены империи Мин: физической географии, администрации, границам, гарнизонам, достопримечательностям, каналам и дорогам
Интеллектуальная история	Хуан Цзунси («Отчёт об учениях минских конфуцианцев»)	Классификация 19 неоконфуцианских школ, биографии 308 мыслителей
Текстология	Янь Жоцюй («Комментарий к <i>Шан шу</i> в версии древних знаков»)	Текстология и историография становится составной частью любого исторического сочинения

Историография	Ван Миншэн («Критический обзор историй 17 династий»)	Основное внимание уделяется «передаче истинного учения»
Продолжения образцовых исторических сочинений	Би Юань («Продолжение <i>Цзычжунцзянь</i> »)	Образцовая хроника «Всеобщее зеркало, правлению помогающее», была создана эталонным неоконфуцианцем Чжу Си
Энциклопедия	Чжу Юй, Дай Чжэнь и др.	В XVIII в. создаются образцовые словари китайского языка, энциклопедия «Полное собрание книг древности и современности» (10 000 свитков, около 160 млн иероглифов) и библиотека-серия «Полное собрание книг по четырём разделам»

Современные американские исследователи китайского происхождения У. Аньцзу и Э. Ван отмечали, что вынужденное обращение цинских учёных к источниковедению (маньчжурские власти запрещали исследования современной истории) привело к последовательной историзации прошлого. В свою очередь, это привело к возрождению «Ханьского учения» и дискуссий по вопросу аутентичности текстов «древних» и «современных знаков». Крупнейший цинский философ Дай Чжэнь (1724–1777) поставил под сомнение существование неизменного фундаментального первопринципа истории. Поскольку он занимался естественными науками (и опубликовал трактат о неперовых логарифмах), то пришёл к выводу о том, что мир представляет собой бесконечный поток перемен – это соотносилось с конфуцианской и даосской космологией. Следовательно, понятия о «правильном» и «неправильном» также подвержены переменам и не являются абсолютными [3, р. 247-249].

Величайшим цинским историком являлся Чжан Сюэчэн (1738–1801) [5, р. 385]. Важнейший его труд «Проникновение в смысл литературы и истории» (文史通義, 9 свитков-цзюаней) был опубликован при жизни лишь частично и был мало известен вплоть до 1920-х гг. Первый свой трактат он опубликовал ещё в 1760-е гг. («Десять предложений для составителей провинциальных историй»), когда работал вместе со своим отцом над описанием уезда Тяньмэнь. Чжан Сюэчэн поднял вопрос о сохранении местных архивов и объективности историка [4, р. 26-28]. В дальнейшем он участвовал в составлении ещё нескольких описаний уездов, в которые неизменно включал публикации важнейших доку-

ментов. В истории уезда Юнцин большую часть объёма занимал экономический раздел, в таблицах которого был скрупулёзно зафиксирован порядок цен по состоянию на 1770-е гг. [4, р. 44-46, 82-83].

Как мы уже упоминали, новаторство Чжан Сюэчэна совершенно не противоречило культурной обусловленности поставленных им исследовательских задач. Как и все его современники-конфуцианцы он оперировал категорией «возвращения к древности» (*фу гу* 复古). Однако в русле прагматического подхода Чжан утверждал, что канон сам по себе не является неизменным и в древности имел другую функциональную роль. Равным образом не является канон и выражением Дао во всей его полноте. Отсюда формула «Шесть классических канонов – это все история» (六經皆史也) [5, р. 387]. В то же время Чжан Сюэчэн сознательно стремился осуществить историографический «прорыв» и хорошо осознавал, что его индивидуальные навыки понимания библиографии, историографической базы, её интерпретации уникальны.

Прямое сопоставление опыта западной и китайской философии истории в синхронном и диахронном аспектах, конечно же, невозможно. Тем не менее применение функционального подхода позволяет добиться некоторых любопытных результатов, которые не могут не быть предварительными. Интеллектуальная история Китая до сих пор не вышла за пределы круга тем, персоналий и интерпретаций, определённых Лян Цичао и Ху Ши. Критики современных интерпретаций Чжан Сюэчэна (такие как Ли Цымин, Ван Жунцзу) вообще склонны утверждать, что «новаторство» является лишь проекцией собственных взглядов интерпретаторов и не базируется на глубоком анализе оригинальных трудов учёного. Тем не менее, именно на почве *Kulturgeschichte* возможно элементарное «наведение мостов» и методологически корректное сравнительное исследование.

Библиография

1. Дройзен И.Г. Историка: лекции об энциклопедии и методологии истории / пер. с нем. Г.И. Федоровой; под ред. Складнева Д.В.; вст. ст. Савельева И.М. СПб.: Владимир Даль, 2004. 582 с.
2. Т.Ю. Культурно-историческая школа // Большая российская энциклопедия. Т. 16. М.: БРЭ, 2010. С. 319.
3. Ng On Cho, Wang Q.E. *Mirroring the Past: the Writing and Use of History in Imperial China*. Honolulu: University of Hawai'i Press, 2005. XXIII, 306 p.
4. Nivison D.S. *The Life and Thought of Chang Hsüeh-ch'eng, 1738–1801*. Stanford: Stanford University Press, 1966. IX, 336 p.
5. Wu Huaiqi. *An Historical Sketch of Chinese Historiography* / Tr. by Zhen Chi. Berlin: Springer-Verlag GmbH, 2018. VII, 503 p.

Мартынов Дмитрий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; dmartynov@yandex.ru

Qing historiography and German *Kulturgeschichte*: some parallels

The article examines the historical views by I. Droysen (1808–1884), whose methodological views are 80 years ahead of modern historiography. In parallel, the views by Zhang Xuecheng (1738-1801) are characterized against the background of Qing historiography. The conclusion is made about the impossibility of direct comparison in the synchronous aspect. However, on the basis of *Kulturgeschichte*, elementary “bridge building” and methodologically correct comparative research are possible.

Keywords: *Kulturgeschichte*, positivism, Qing historiography, Johann Gustav Droysen, Zhang Xuecheng

Martynov Dmitry Evgenyevich, Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; dmartynov@yandex.ru

УДК 930 + 001.32

Метель О.В.

Как не стать советским «классиком»: случай Д.М. Петрушевского¹

В статье рассматриваются этапы «возвращения» имени Д.М. Петрушевского в историю отечественной медиевистики. Автор полагает, первый этап его «реабилитации» был связан с именем Е.А. Косминского и пришелся на первую половину 1940-х гг. Именно тогда в советской историографии начался процесс формирования корпуса «классики» и «восстановления» связей с дореволюционной традицией, разорванных десятилетием ранее. Однако идеологические кампании конца 1940-х гг. сделали невозможным превращение «идеалиста» Д.М. Петрушевского в одного из советских «классиков». И в дальнейшем, в работах советских медиевистов 1950 – 1970-х гг., он выступал в качестве крупного «буржуазного» автора, перешедшего, однако, после революции на «антимарксистские» позиции.

Ключевые слова: классическое наследие, Д.М. Петрушевский, советская историография, Институт истории АН СССР, Е.А. Косминский

Во второй половине 1930-х гг. в истории советской исторической науки начался новый этап ее развития, связанный с попыткой преодоления «ошибок школы М.Н. Покровского» и «возвращением» в историографию имен «буржуазных» историков. Однако процесс «обретения» советскими учеными недавно отвергнутого прошлого оказался непростым, и далеко не все ранее критикуемые ав-

¹ Публикация подготовлена при финансовой поддержке Гранта Президента РФ МК-309.2020.6 «Советская историческая наука 1940 – 1980-х гг.: опыт институциональной истории».

торы быстро заняли свое место в историографических нарративах и в памяти корпорации.

Весьма показателен в данном отношении пример Д.М. Петрушевского (1863–1942), известного отечественного историка-медиевиста, оказавшегося в годы «культурной революции», наряду с Е.В. Тарле, Н.И. Кареевым, Р.Ю. Виппером, В.П. Бузескулом и др., в числе «буржуазных историков Запада», осуждаемых советскими авторами за свои «немарксистские» взгляды. В частности, по словам Н.М. Лукина «вина» Д. М. Петрушевского состояла в том, что после революции 1917 г. некогда «прогрессивный» ученый, стоявший на позициях экономического материализма, «перешел» в лагерь «идеалистов» и «солидаризировался с антимарксистской концепцией Допша» [1, с. 47-48]. Но если Е.В. Тарле и Р.Ю. Виппер к началу 1940-х гг. были обласканы властью и признаны (пусть и с существенными оговорками) новыми советскими «классиками», то «реабилитация» «немарксиста» Д.М. Петрушевского и поиск его места в истории отечественной исторической науки заняли более продолжительное время и имели весьма неоднозначный результат.

Первые попытки вернуть имя Д.М. Петрушевского в историю отечественной медиевистики были предприняты его ближайшими учениками и коллегами еще в начале 1940-х гг., когда Е.А. Косминский, А.И. Неусыхин и некоторые другие авторы хотя и признавали серьезные методологические «ошибки» московского медиевиста, доказывали, что он внес огромный вклад в развитие *советской* медиевистики и подготовил плеяду выдающихся советских историков-марксистов – сотрудников Института истории АН СССР [8]. Особенно отчетливо подобная линия аргументации проявилась в работах Е.А. Косминского, стремившегося представить развитие отечественной медиевистики как непрерывным процесс эволюции от «школы П.Г. Виноградова» к советским ученым конца 1930-х гг. и рассматривавшего Д.М. Петрушевского в качестве своего рода «медиатора», обеспечившего преемственность между дореволюционной и советской исследовательскими традициями [5].

Однако борьба с «буржуазным объективизмом», развернувшаяся в советской исторической науке в конце 1940-х гг., сделала невозможным подобное прочтение истории советской науки. Как убедительно показал В.В. Тихонов, работавший со стенограммами заседаний, прошедших в конце 1940-х гг. в научных учреждениях столицы, стремление Е.А. Косминского представить развитие отечественной медиевистики в качестве эволюционного процесса вызвало резкую критику со стороны его коллег, которые, если гово-

рительными словами З.В. Мосиной, были не готовы рассматривать себя в качестве «охвостья виноградовской школы» [9, с. 151]. В результате Е.А. Косминский был вынужден в целом отказаться от своих прежних «ошибочных» утверждений и признать, что советская медиевистика является «совершенно новым» этапом в развитии данной дисциплины [9, с. 153], и, следовательно, автор «Восстания Уотта Тайлера», выступавший после революции 1917 г. с «идеалистических позиций», никак не мог сыграть ключевую роль в воспитании целой плеяды выдающихся советских историков-марксистов (хотя от стремления к взвешенным оценкам наследия дореволюционной науки Е.А. Косминский все же не отказался [10]).

В результате провал попытки классикализации и мемориализации фигуры Д.М. Петрушевского остро поставил проблему *историографического* осмысления фигуры московского медиевиста и определения его роли в развитии отечественной науки. В целом эта задача была решена в работах советских историков 1950–1970-х гг. (А.И. Данилова, Б.Г. Могильницкого, Е.В. Гутновой, О.Л. Вайнштейна и др.), рассматривавших творческую эволюцию Д.М. Петрушевского в контексте общих трансформаций отечественной исторической науки [2; 3; 4; 7]. Фактически, возвращаясь к тезису рубежа 1920–1930-х гг. о том, что после 1917 г. московский медиевист перешел на «антимарксистские» позиции и отказался от своих прежних «прогрессивных» воззрений, авторы специальных историографических работ тех лет подводили под него новую доказательную базу, обнаруживая в фигуре Д.М. Петрушевского закономерную «ограниченность» «буржуазной» медиевистики. И хотя в середине 1970-х гг. в статье, приуроченной к очередному юбилею Академии наук, Б.Г. Могильницкий постарался представить Д.М. Петрушевского как первого *советского* академика-медиевиста, сыгравшего положительную роль в истории советской науки (в частности, подготовившего кадры историков-марксистов) [6, с. 186], подобная точка зрения все же не получила дальнейшего развития в официальных историографических нарративах.

Размышляя о причинах, приведших к подобному результату и не позволивших Д.М. Петрушевскому войти в число признанных советских «классиков», мы полагаем, что необходимо обратить внимание на два фактора. С одной стороны, выводы московского ученого во многом действительно противоречили новому советскому «канону»: и его трактовка феодализма, и его выводы о раннем развитии капиталистических отношений в Англии, в целом не совпадали с концептуальными построениями советских авторов. В то же время вплоть до своей смерти в 1942 г. Д.М. Петрушевский

не стремился к публичным «покаяниям» и «признанию» своих методологических ошибок. В результате, не получив признание со стороны власти (как Р.Ю. Виппер или Е.В. Тарле), он не был «реабилитирован» своими учениками в конце 1940-х гг. и оставался для советских историков лучшим представителем «буржуазной» науки конца XIX – начала XX вв., обнаружившим после 1917 г. резкую враждебность марксизму.

Библиография

1. Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.) // Историк-марксист. 1931. № 21. С. 44-86.
2. Вайнштейн О.Л. История советской средневековедения 1917–1966. Л.: Наука, 1968.
3. Гутнова Е.В. Историография истории средних веков (середина XIX в. – 1917 г.). М.: Высшая школа, 1974.
4. Данилов А.И. Эволюция идейно-методологических взглядов Д.М. Петрушевского // Средние века. М., 1955. Вып. 4. С. 297-323.
5. Косминский Е.А. Изучение истории западного средневековья // Вестник АН СССР. 1945. № 10-11. С. 43-60.
6. Могильницкий Б.Г. Академик Д.М. Петрушевский // Средние века. М., 1975. Вып. 38. С. 186-194.
7. Могильницкий Б.Г. Д.М. Петрушевский как историк западноевропейского феодализма: Автореф. дис. ...канд. ист. наук. Томск, 1958.
8. Средние века. М., 1946. Вып. 2.
9. Тихонов В.В. Идеологические кампании «позднего сталинизма» и советская историческая наука (середина 1940-х – 1953 г.). СПб.: Нестор-История, 2016.
10. Шарова А.В. Историк средневековой Англии в советской России: ком-промиссы академика Е.А. Косминского // Одиссей. Человек в истории. 2003: Язык Библии в нарративе. М.: Наука, 2003. С. 256-296.

***Метель Ольга Вадимовна**, кандидат исторических наук, доцент, Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского, г. Омск, Россия; olgametel@yandex.ru*

How not to become a Soviet «classic»: the case of D.M. Petrushevsky

The Author of this article analyzes the process of «rehabilitation» of D.M. Petrushevsky in Soviet historiography. In 1928-1931 historians-marxists (N.M. Lukin, G. S. Friedland and others authors) accused D.M. Petrushevsky of idealistic and anti-Marxist ideas. In the early 1940s, E. A. Kosminsky wanted to prove that D.M. Petrushevsky made a contribution to the development of Soviet science. But the struggle against «bourgeois objectivism» stopped this process. In the 1950s and 1960s, Soviet historians recognized D.M. Petrushevsky's contribution to the development of «bourgeois» mediaeval studies, but claimed that after 1917 he switched to «anti-Marxist» positions.

Keywords: the classical heritage, D.M. Petrushevsky, the Soviet historiography, the Institute of history of Academy of science of URSS, E.A. Kosminsky

***Metel Olga Vadimovna**, Candidate of History, Associate Professor, Omsk State University named after F.M. Dostoevsky, Omsk, Russia; olgametel@yandex.ru*

Рибар Л.

Матуш Фило и образ России в словацкой публицистике конца XIX века

В конце XIX века многие торговцы из словацкого региона приезжали торговать в Россию. Это были так называемые дротары, ремесленники и купцы товарами кустарного производства. Одним из них был словацкий купец и путешественник Матуш Фило, который посетил Россию (а также в Закавказье и Среднюю Азию) во второй половине XIX – начале XX века. О своих путешествиях он написал много интересных статей, которые регулярно публиковались в 1885–1904 годы на страницах словацких газет «Slovenské pohľady» и «Národné noviny». В этих статьях Матуш Фило описывал различные аспекты социально-экономической жизни России конца XIX века. В 1895 году он совершил плавание по Волге, во время которого посетил несколько портовых городов, среди которых была и Казань. Сохранились описания Казани, сделанные Фило, в том числе социально-культурной и экономической жизни города. Учитывая, что заметки Фило не всегда соответствовали исторической действительности, они тем не менее являются интересным источником, сохранившим образ России и Поволжья глазами словацкого путешественника.

Ключевые слова: словацко-российские отношения, XIX век, Казань, Волга, путешественники, торговля

В конце XIX века в Россию часто приезжали торговцы кустарными изделиями из Словакии, таких ремесленников-торговцев называли дротарами. Одним из них был словацкий торговец и путешественник Матуш Фило, который посетил Россию, Закавказье и Среднюю Азию во второй половине XIX – начале XX веков. О своих поездках он оставил много интересных заметок и статей, которые регулярно публиковались на страницах словацких газет «Slovenské pohľady» и «Národné noviny» в 1885–1904 годы. Матуш Фило стал одним из тех, кто привнес в словацкую культурную среду отчеты и образы незнакомых дальних стран, находившихся на востоке Европы и дальше за ее пределами. город Турчанский Святой Мартин

Матуш Фило родился 21 февраля 1852 года в селе Валча, недалеко от города Турчанский Святой Мартин. Многие торговцы (изготовители лечебных масел, жестяных изделий и товаров домашнего обихода) путешествовали с торговыми целями не только из Валче, но и всего Турчанского региона в различные области Европы и Азии. Матуш Фило происходил из семьи торговцев, мелких купцов. Его отец Игнац Фило часто ездил торговать в Россию. Позже Матуш унаследовал профессию мелкого торговца вслед за своим отцом. Матуш вырос без отца, который во время одной из поез-

док, еще до рождения сына, был убит предположительно «татарами» недалеко от города Ленкорань в Закавказье. После этого с целью обеспечить своим детям полноценное семейное воспитание его мать, Анна Орсагова, вышла замуж за Матуша Фило, родственника Игнаца. Маленький Матуш получил начальное образование в родном городе Валче, а затем продолжил учебу в немецкой гимназии в Кремнице. Как наследник семейных купеческих традиций, он стал торговать уже в молодом возрасте.

О личной жизни Матуша Фило сохранилось мало данных: известно, что после своей второй поездки в Россию в 1878 году он женился на Анне Орсаговой. В браке у них родилось трое детей: две дочери (Анна и Антония) и один сын (Александр). Во время очередной поездки на Кавказ в 1883 году, в Пятигорск и Кубань, к нему приехала его жена Анна с двумя дочерьми, старшей Анной и младшей Антонией. В 1897 году, когда семья Фило была в Баку, Анна умерла, предположительно из-за нездорового каспийского климата. Поскольку было нужно заботиться о детях, через год после смерти Анны он женился второй раз на молодой 24-летней Антонии Бакошовой из словацкого села Слованы. В этом браке у них родилась дочь Мария.

Первая поездка Фило в Россию, в Киев, состоялась, когда ему было 17 лет. О своих впечатлениях он писал в статье «За Днепром», опубликованной в газете «*Národné noviny*» в мае 1887 года. Первое путешествие он совершил в качестве подмастерья в сопровождении более опытных и старших торговцев. В дальнейшем свою вторую поездку в царскую Россию Фило предпринял в 1878–1879 годы уже как самостоятельный торговец. Во время поездок на восток, в частности Россию, которые состоялись в 1869–1905 годы, ему удалось побывать в Варшаве, Киеве, на Кавказе, Самаре, Баку, Ашхабаде, Самарканде. О своих впечатлениях он писал воспоминания и путевые заметки, которые отправлял для публикации в словацкие газеты – *Slovenské pohľady* и *Národné noviny*.

В результате сложной политической и экономической ситуации, которая сложилась в Словакии в начале XX века, Фило, как и многие его соотечественники, уезжает в США. Перед отъездом из Европы ему удалось посетить свой родной Турец, а в 1906 году он отправился в Америку с двумя детьми от первого брака, Антонией и Александром. Его вторая жена Антония оставалась в Баку до 1918 года и вернулась в Словакию незадолго до окончания Первой мировой войны. Матуш Фило со своими детьми поселился в Питтсбурге. О его дальнейшей жизни сохранилось мало информации, так как он окончательно прекратил литературно-публицисти-

ческую деятельность в 1904 году. Точная дата его смерти также неизвестна, но из переписки и отчетов его родственников можно предположить, что он умер в 1913 году.

Путешествие по Волге. В своих статьях Матуш Фило описывал разные сферы социальной и экономической жизни России конца XIX века. Очень интересны его наблюдения во время плавания по Волге, которое он совершил в 1895 году. Путешествие началось в Нижнем Новгороде, где он сел на пароход «Цесаревна Мария» и продолжил плавание вниз по реке до Астрахани. Реку Волгу он описал как «тихая, мутная и разливная мать-Волга», которая произвела на него такое же впечатление, как «море, когда его он впервые увидел». Из его описания можно узнать, что по Волге в конце XIX века плавало много судов, большинство из которых были торговыми, на них перевозили различные товары, например, хлопок из Средней Азии, керосин из Баку и рыбу из Астрахани, а также соль, меха, шерсть и персидский изюм. Помимо торговых судов по реке плавали и пассажирские. По словам Фило, пароходы были удобные и элегантные, на них кипела общественная жизнь. По слова путешественника, «...в судовом буфете пассажир получает все, что ему нужно. Кроме московских пирожков и сарептских пряников, здесь продаются книги и газеты, а также свежие живые цветы...». Во время плавания по Волге он посетил несколько городов, и среди них Казань, Самара, Саратов, Царицын, Астрахань.

О своих впечатлениях он писал, что «...это прекрасно развитые города, которыми Россия может гордиться». Первым из них был город Казань, который Фило описывает как большой город с населением около 200 000 человек (тут Фило слишком преувеличил реальное население города в конце XIX века). По его словам, здесь находилось несколько промышленных предприятий и оживленный бизнес. Кроме того, это был культурный центр татарского региона, где располагались университет, несколько низших школ, театры, парки и различные архитектурные памятники. «По красоте построек Казань можно сравнивать с видными городами России. Асфальтированные тротуары, конка, телефон, электричество, водоснабжение и другое упоминать не придется, поскольку все это уже давно есть. Город с его высокими храмами и старинной татарской крепостью – прекрасно виден с Волги».

В заметках словацкого путешественника сохранилось описание казанской свадьбы. Фило отмечал, что «она похожа на нашу, а ...во время свадебной церемонии подружки держат венок над головой невесты и золотую корону над головой жениха, а они

держат свечи в руках». Он также оставил описание похорон бедного молодого человека, который был «лучшим певцом в церковном хоре. Во время похоронной процессии, помимо семьи, сопровождала его большая толпа поклонников. Самую большую печаль проявила дева, верная любовница бедняка, жалостно шедшая за гробом».

Среди прочих заметок Фило стоит упомянуть описание судьбы его земляка, уроженца из города Тренчин, Йозефа Дочара, который в молодости покинул Словакию и уехал работать в Россию. Здесь он основал свое дело в Саратове, которое принесло ему немалое богатство и хорошую репутацию. Вместе с братом Юраем он стал владельцем нескольких нефтяных скважин в Баку и собственным нефтеперерабатывающим заводом. Братья Дочари возили керосин из Баку в Самару, где находился главный склад и управление их предприятия. Впоследствии встреча с Дочарами изменила жизнь Матуша Фило, поскольку они предложили ему управление своим филиалом в городе Баку. Фило воспользовался этой возможностью и переехал в Баку, где и остался со своей семьей до 1904 года. Но это уже другая история.

Из заметок Матуша Фило очевидно, что в конце XIX века русские города Поволжья (включая Казань) были важными экономическими центрами царской России, в которых, кроме торговли и промышленности, процветали культура, образование и общественная жизнь. Воспоминания путешественника, торговца и предпринимателя Матуша Фило являются редким и ценным источником о том, какой образ России и, в частности, Поволжья сохранился в словацкой публицистике конца XIX века.

Библиография

1. Даниш М., Рыбар Л. Словаки и Азербайджан в XIX – начале XX веков // *Bakı Universitetinin Xəbərləri. Humanitar elmlər seriyası*. 2019. №3. С. 81-90.
2. Пинегин М. Казань в ее прошлом и настоящем. СПб., 1890. 604 с.
3. Daniš M., Rybár L. *Dejiny Azerbajdžanu*. Bratislava: Vysoká škola Danubius, 2014. 503 с.
4. Ferko V. *Svetom moje svetom. Slovenskí drotári doma i vo svete*. Bratislava: Tatran, 1978. 332 с.
5. Filo M. *Nepokojná krv. Upravil a úvod napísal Š. Veselý*. Martin: Matica slovenská, 1971. 242 с.
6. Hrozienci J. *Turčianski olejkári a šafraníci*. Bratislava: Tatran, 1981. 172 с.
7. *Slovenský biografický slovník*. II. zväzok E-J. Martin: Matica slovenská, 1987. 592 с.

Рибар Лукаш, доктор философии, кандидат исторических наук, Университет им. Я.А. Коменского, г. Братислава, Словацкая Республика; lukas.rybar@uniba.sk

Matus Filo and the image of Russia in the Slovak journals in the end of 19th century

Towards the end of the 19th century, many people from Slovak region were coming to Russia to pursue a trade. Most of them were engaged in a retail trade. They were called “drotars” (tinkers). One of them was the Slovak merchant and traveller Matus Filo, who came to Russia (later to South Caucasus and Central Asia) during the second half of the 19th – early 20th century. He left many interesting notes and articles about his travels which were regularly published in the period from 1885 to 1904 in the Slovak newspapers “Slovenské pohľady” and “Národné noviny”. In his articles, Matus Filo described various aspects of the social and economic life of Russia at the end of the 19th century. In 1895, he accomplished the voyage along the river Volga. During his voyage he also visited several port cities. One of them was the city of Kazan. Filo described the city and its socio-cultural and economic life. Even if his notes on Russia in several cases are not entirely accurate, they are an interesting source of the socio-economic history of Russia during the aforementioned period.

Keywords: Slovak-Russian relations, 19th century, Kazan, Volga, travellers, trade

Rybar Lukas, Ph.D, Candidate of History, Comenius University, Bratislava, Slovak Republic; lukas.rybar@uniba.sk

УДК 94(495) + 001.32

Сашанов В.В.

**«В университете он был одним из первых студентов, проявивших интерес к византиноведению...»:
Марк Давидович Тубянский (1916–1942)**

Исследование посвящено неизвестному эпизоду из жизни научного сообщества ленинградских византистов конца 1930-х – начала 1940-х гг. – поступлению и отчислению из аспирантуры ЛОИИ историка М.Д. Тубянского. Изучается его жизненный путь и несостоявшаяся карьера как византиста: прекращение обучения в аспирантуре в связи с обязанностью работать по распределению, уход в 1941 г. на фронт и последующая гибель. Судьба М.Д. Тубянского рассматривается в контексте общего развития византиноведения в указанные годы.

Ключевые слова: М.Д. Тубянский, М.В. Левченко, советское византиноведение, ЛОИИ, Великая Отечественная война

Осенью 1939 г. при Ленинградском отделении Института истории АН СССР была организована Группа византиноведения, в составе М.В. Левченко – руководителя группы, с.н.с. Е.Э. Липшиц и м.н.с. М.А. Шангина. Создание группы заложило основу для научного развития не только местного, но в дальнейшем и всесоюзного византиноведения в целом. В период его институционального оформления, в 1940–1950-е гг., ленинградские историки являлись интеллектуальной опорой для советских ученых, занимавшихся проблемами истории Византии.

Несмотря на малочисленность группы, перед ней был поставлен ряд крупных задач: «1) сосредоточиться на разработке важнейших вопросов социально-экономической истории Византии, в частности вопросов аграрной истории V–VII вв.; 2) по возможности пробудить общественный интерес к византиноведческим занятиям, показать значение и роль Византии в мировой истории путем издания общего курса истории Византии; 3) начать публикацию новых, не изданных еще византийских источников, хранящихся в наших (ленинградских – В.С.) библиотеках; 4) объединить вокруг себя наличные кадры советских византинистов; 5) начать подготовку кадров византинистов на Историческом факультете Ленинградского государственного университета»[2, с. 378].

Подготовка новых кадров являлась наиболее острой проблемой, стоящей перед ленинградскими византинистами. Тяжелые постреволюционные годы и упадок византиноведения в 1920–1930-е гг. нанесли значительный ущерб количественному составу научного сообщества: умерли П.В. Безобразов, Н.А. Скабаланович, Ф.И. Успенский, отказался возвращаться из зарубежной научной командировки А.А. Васильев, репрессированы И.И. Соколов, Ф.И. Шмит, В.Н. Бенешевич (последние двое расстреляны), был вынужден на время уйти из науки М.Я. Сюзюмов, прекратили активную исследовательскую деятельность В.Э. Регель, А.П. Рудаков.

Малочисленность византинистов и фактическое отсутствие молодых специалистов привело к тому, что первая с 1917 г. и единственная в 1930-е гг. защита кандидатской диссертации по истории Византии состоялась в 1936 г., когда искомая степень была присуждена Е.Э. Липшиц.

Проблема кадрового дефицита начала решаться уже в год создания Группы византиноведения – в сентябре 1939 г. в аспирантуру ЛОИИ был принят выпускник исторического факультета Ленинградского университета Марк Давидович Тубянский (1916–1942).

Марк Давидович Тубянский родился 30 июня 1916 г. в Петрограде, в семье служащего. После окончания в 1931 г. семилетней школы поступил в ФЗУ оптики и механики, в котором проучился два года [3]. В 1933 г. поступил в Ленинградский областной пединститут на историческое отделение [1, с. 296]. Как указывает сам Тубянский в автобиографии при поступлении в аспирантуру, программа педагогического университета его не устраивала, в связи с чем он перешел на исторический факультет Ленинградского университета, который окончил с отличием в 1939 г. [3].

В университете М.Д. Тубянский занимался на кафедре истории средних веков «главным образом историей Византии, учил древ-

ние языки. Летом ездил в археологические экспедиции в Херсонесский музей» [3]. Имеются данные о занятиях Тубянского в семинаре профессора С.Я. Лурье [1, с. 296].

На сегодняшний день точно неизвестно, кто являлся научным руководителем М.Д. Тубянского и тема курсовой (дипломной) работы. В то же время, ввиду его дальнейшей судьбы, и тех немногочисленных документов, имеющих в нашем распоряжении, можно с уверенностью говорить о том, что на проявившего способности к изучению истории Византии студента обратил свое внимание Митрофан Васильевич Левченко, читавший на факультете данный спецкурс. Позднее, в своем письме на имя наркома просвещения РСФСР В.П. Потемкина в 1940 г., М.В. Левченко так характеризует уже своего аспиранта: «В университете он был одним из первых студентов, проявивших интерес к византиноведению и специализировавшихся в этой области. Университет ходатайствовал (думается, не без протекции самого Левченко – В.С.) пред Наркомпросом об оставлении Тубянского в аспирантуре» [4, л. 36].

Появление своего аспиранта стало важным событием для византинистов Ленинградского отделения – после затянувшегося кризиса отечественная византистика вновь начала пополняться молодыми специалистами, способными продолжать изучение византийской истории. Однако уже в 1940 г. развернулись события, которые поставили крест на научной карьере М.Д. Тубянского и на время вновь приостановили подготовку аспирантов-византинистов в Ленинграде.

Как можно понять из тех материалов, которыми мы располагаем, после окончания университета М.Д. Тубянский по распределению был направлен на педагогическую работу в Бурят-Монгольскую АССР. По всей видимости, имевший возможность развивать свою научную карьеру историк не захотел уезжать на несколько лет в столь отдаленный регион и решил поступить в аспирантуру. Выскажу предположение, что стремление Тубянского остаться в Ленинграде и продолжить изучение истории Византии было поддержано и М.В. Левченко, заинтересованным в новых кадрах.

Уклонение от предложенной работы не осталось незамеченным в Наркомпросе РСФСР, и уже весной 1940 г. М.Д. Тубянский получил предписание отчислиться из аспирантуры ЛОИИ и выехать к месту распределения.

Важно отметить, что руководство Ленинградского отделения пыталось предотвратить отчисление и хотело сохранить у себя подававшего надежды специалиста.

17 апреля 1940 г. и.о. заведующего Отделением С.Н. Валк направил письмо в Наркомпрос с просьбой оставить Тубянского в аспирантуре ЛОИИ, высоко оценивая его научные перспективы: «В течение полугода занятий т. Тубянский обнаружил большие способности и успехи в работе в области этой сложной и мало у нас изучаемой отрасли знания. Уже эти первые шаги его работы показали, что из тов. Тубянского выработается крупный специалист, весьма полезный для нас при общем недостатке специалистов истории Византии» [4, л. 30].

К сожалению, в наркомате просвещения не прислушались к просьбам ленинградских ученых – в ответном письме от 26 апреля С.Н. Валку было сообщено, что «Тов. Тубянский обязан выехать на преподавательскую работу по направлению Наркомпроса РСФСР». Более того, письмо заканчивалось тем, что «Дело о злостном уклонении тов. Тубянского М.Д. от выезда по направлению передано в прокуратуру» [4, л. 29].

Попытку сохранить Тубянского в аспирантуре ЛОИИ предпринял и А.Д. Удальцов, заместитель директора Института истории АН СССР, однако и его ходатайство на имя наркома просвещения потерпело неудачу.

1 июня 1940 г. М.Д. Тубянский был отчислен из аспирантуры ЛОИИ и направлен на работу в Улан-Удэ старшим преподавателем истории в Бурят-Монгольский педагогический институт [1, с. 296].

Несмотря на сложившуюся ситуацию, неблагоприятную как для самого Тубянского, так и для византинистов Ленинградского отделения, можно предположить, что Марк Давидович, отработав по распределению положенный срок, скорее всего вернулся бы в родной город и, весьма вероятно, продолжил бы исследования в области истории Византии. Но если у начинающего византиниста и были такие планы, осуществиться им было не суждено.

В 1941 г., с началом Великой Отечественной войны, М.Д. Тубянский мобилизуется в действующую армию. По воспоминаниям матери, сын «на фронт ушёл добровольцем в июле 1941 года. Был сначала направлен в Лодейное поле Ленинградской области, служил в морской пехоте. Затем был в Саранске, собирался в Севастополь, но опоздал, так как к тому моменту Севастополь был окружён. В 1942 году читал лекции в Горьком, затем был направлен на Сталинградский фронт, где погиб между августом – октябрём 1942 года» [5].

По открытым данным, младший лейтенант Марк Давидович Тубянский погиб 28 августа 1942 г. Награжден медалью «За оборону Сталинграда».

Несостоявшаяся научная карьера и трагическая судьба М.Д. Тубьянского, только вступившего на ниву византийских исследований, в значительной степени отражают непростое положение самой дисциплины. Первая попытка византистов Ленинградского отделения Института истории начать подготовку новых специалистов по истории Византии не увенчалась успехом, начавшаяся же вскоре Великая Отечественная война и тяжелые послевоенные годы отложили этот процесс вплоть до начала 1950-х гг.

Библиография

1. Книга памяти Ленинградского – Санкт-Петербургского университета. 1941–1945. Вып. 1 / Ред. Л.А. Вербицкая и др. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского ун-та, 1995. 350 с.
2. Левченко М.В. В Византийской группе Ленинградского отделения Института истории Академии наук СССР // Византийский временник. 1947. Т. 1 (26). С. 378-380.
3. Санкт-Петербургский филиал Архива РАН (СПбФ АРАН). Ф. 133. Оп. 1. Д. 1607. Л. 40.
4. СПбФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1640.
5. <https://pobeda.spbu.ru/museum/item/1222-тубьянский-марк-давидович-1916–1942.html> (дата обращения: 20 ноября 2020 г.)

Сашанов Владимир Владимирович, старший научный сотрудник, Центр историко-культурного наследия г. Челябинска, г. Челябинск, Россия; sashanov.hist@mail.ru

"At the University, he was one of the first students to show interest in Byzantine studies...": failed byzantinist Mark Davidovich Tubyansky (1916–1942)

The study is devoted to an unknown episode from the life of the scientific community of Leningrad Byzantinists in the late 1930s – early 1940s. – historian M.D. Tubyansky. His life path and his failed career as a Byzantinist are being studied - the termination of his postgraduate studies due to the obligation to work according to distribution, leaving in 1941 to the front and subsequent death. The fate of M.D. Tubyansky is considered in the context of the general development of Byzantine studies in the years indicated.

Keywords: M.D. Tubyansky, M.V. Levchenko, Soviet Byzantine studies, Leningrad branch of the Institute of History, Great Patriotic War

Sashanov Vladimir Vladimirovich, Senior researcher, Center for Historical and Cultural Heritage of Chelyabinsk, Chelyabinsk, Russia; sashanov.hist@mail.ru

Сидорова Т.А.

Ф.У. Мейтленд и проблема методологического синтеза в британской исторической науке рубежа XIX – XX вв.

Статья посвящена исследованию методологических основ историко-правовой доктрины выдающегося английского современника Н.И. Кареева – Ф.У. Мейтленда. Предпринята попытка выборочного, точечного сопоставления методологических основ исследований английского и русского историков в формате синтеза методологий. Рассмотрены составляющие синтезных методологий Ф.У. Мейтленда и Н.И. Кареева, акцентировано значение позитивизма как научно-мировоззренческого фундамента и системообразующего компонента синтезных методологий истории в английской и русской историографии рубежа XIX–XX вв.

Ключевые слова: Ф.У. Мейтленд, Н.И. Кареев, методологический синтез, ранкеанство, позитивизм, неокантианство, марксизм, британская историография критического направления, русская историография рубежа XIX – XX вв.

Рубеж XIX – XX вв. был ознаменован общим методологическим кризисом европейской исторической науки, поисками преодоления которого занимались многие крупные историки, философы и социологи, в том числе в Великобритании и России.

Фредерик Уильям Мейтленд (1850–1906) и Николай Иванович Кареев (1850–1931) относятся к плеяде блестящих исследователей, научное творчество которых протекало в условиях этого кризиса, что, несомненно, наложило отпечаток на их взгляды и теоретико-методологические установки.

Судьбы историков связаны лишь темпорально и объединяются одним историческим временем, эпохой, ее тенденциями развития исторической науки в едином европейском научном пространстве, академическими традициями, вызовами в области методологии истории и теории научного познания, которые обусловили их склонность к методологическому синтезу. Иные жизненные и научные сферы биографий ученых не имели непосредственного соприкосновения.

Ф.У. Мейтленд посвятил свою жизнь реконструкции истории английского средневекового права и истории Англии эпохи Средневековья, но широкое использование историко-сравнительного и ретроспективного методов позволяло ему углубляться в историю средневекового права Франции, Германии и других стран. Он был по преимуществу медиевистом, однако его научные изыскания в области истории конституционного права Англии позволяют говорить о нем как о крупном новисте, исследовавшем историю британского конституционализма с периода раннего Средневековья до конца XIX в. Научные интересы Ф.У. Мейтленда группирова-

лись вокруг актуальной в то время для английской историографии проблеме «открытия архивов» и введения в научный оборот колоссального массива юридических источников, почти не использовавшихся ранее для изучения английского Средневековья. Он был мастером исторической и историко-правовой детали и с большим недоверием относился к широким социологическим обобщениям [8, р. 285; 17, с. 99]. Ф.У. Мейтленд специально не занимался теорией и методологией истории, но оставил новаторское методологическое наследие, отраженное в его трудах [1; 2; 3; 4; 5; 6].

Н.И. Кареев вошел в историю науки не только как историк, но и как выдающийся социолог и один из крупнейших теоретиков и философов истории в России. В сферу его исследовательских интересов входили аграрные вопросы во Франции Нового времени, история Французской революции, история Западной Европы Нового времени, история Древнего мира и Средних веков. Особую группу исследований Н.И. Кареева составляли труды теоретико-методологического плана [9; 10; 11; 12; 13; 14 и др.].

Временная связь во многом обусловила общность вектора научно-теоретических исследований Ф.У. Мейтленда и Н.И. Кареева, направленного на разработку новых парадигм научного исследования. Эти вопросы решались ими по-разному, сообразно личному опыту, ситуации, сложившейся в национальных историографиях к рубежу XIX–XX вв., традициям историописания, запросам и потребностям исторической науки и научных сообществ каждой страны.

Потребность в создании концепций, основанных на методологическом синтезе, была обусловлена возможностью конструирования многосложных, комбинированных методологических основ исторических исследований, состоявших из апробированных и надежно зарекомендовавших себя моделей историописания – позитивистской, ранкеанской, неокантианской, марксистской. Оба исследователя были противниками монистических объяснительных парадигм исторического прошлого, признавая их ограниченность и посредством комбинирования методологических принципов исследования раздвигали границы и познавательные возможности своих предметов изучения.

Особая роль в синтезных методологиях Ф.У. Мейтленда и Н.И. Кареева принадлежала позитивизму как ведущему направлению методологии науки середины XIX – начала XX вв., подвергавшемуся масштабной критике, но сохранявшему свою значимость и в период кризиса. Оба исследователя традиционно позиционируются как крупнейшие представители позитивистской историографии [15, с. 123, 123, 141; 16, с. 220-223].

В отличие от Н.И. Кареева, тяготевшего к синтезу позитивизма, элементов марксистского экономизма и ранкеанства [16, с. 188, 220, 222, 223, 225], Ф.У. Мейтленд опирался на сплав позитивизма, ранкеанства и неокантианства, как рабочих инструментов, органичность которому придавала опора на позитивистско-рационалистическую эпистемологию, выполнявшую функцию внутреннего скрепа его методологии истории, и исключавшую внутренние противоречия и «конфликты» методологий. Использование такого подхода позволило Ф.У. Мейтленду полнее и адекватнее отобразить историю средневековой Англии, нежели его предшественникам и современникам.

Методология истории Ф.У. Мейтленда была именно синтезной, не эклектичной, хотя нельзя не признать, что комбинированные методологии содержат элемент эклектики, степень редуцирования к уровню которой определяется профессиональным мастерством исследователя, целями и задачами его научного труда.

Ф.У. Мейтленд осознавал недостаточность познавательных возможностей позитивистской методологии истории в конце XIX в., что сподвигло его к дополнению и расширению позитивистских установок элементами ранкеанской и неокантианской методологий, но не стремился к отказу от позитивизма, оказывавшему значительное влияние на британскую историческую науку на протяжении всей его научной биографии. Позитивизм воспринимался английскими историками не только как эффективная, но и «домашняя» методология – англичане Дж.Ст. Милль, Г.Т. Бокль, Г. Спенсер были родоначальниками и крупнейшими представителями позитивизма.

В британской историографии устойчивые позиции сохраняло также ранкеанство. Учителями английских историков в области теории исторического познания были немецкие коллеги, труды которых вооружали их передовыми по меркам того времени идеями, концепциями и методами научного поиска. Исследовательская стратегия Ф.У. Мейтленда, ориентированная на углубление знаний об историческом прошлом путем его максимальной детализации источниковым материалом, приближала его к достижению главной цели – «показать, как это было в действительности». Этой цели соответствовали достижения немецкой исторической школы: своими великими немецкими учителями он считал Б. Нибура, Л. Ранке, Г. Бруннера, Г. Маурера, А. Мейцена, О. Гирке, Ф. Кейтгена. «Критическая» историко-правовая концепция Ф.У. Мейтленда родилась на базе его фундаментального исследовательского метода – метода критического анализа, который он воспринял от Б. Нибура

ра и Л. Ранке [7, р. 61-64]. Талантом Ф.У. Мейтленда критический метод был поднят на уровень философии научного творчества: на нём покоилось его убеждение в возможности объективной реконструкции истории средневековой Англии посредством опоры на юридические источники. Поэтому критический метод исследования наделялся Ф.У. Мейтлендом огромными методологическими возможностями познания исторической действительности [18, с. 178-180].

Неокантианские идеи в меньшей степени оказали влияние на формирование теоретико-методологических взглядов Ф.У. Мейтленда. Следование им в практической плоскости имело место скорее подсознательно и проявилось в определенном увлечении фактографией, локальной тематикой, применении метода отнесения к ценностям, «идеальных типов», что способствовало тщательному критическому анализу господствовавших в средневековой теории и базовых понятий английского феодализма.

Комбинированная синтезная методология истории Ф.У. Мейтленда являлась ни ранкеанской, ни позитивистской, ни неокантианской, и представляла собой новый альтернативный вариант методологического подхода к исследованию истории Англии эпохи Средневековья историков критического направления в британской историографии. Синтезные методологии истории не утратили своей актуальности и в настоящее время.

Библиография

1. Maitland F.W. Constitutional History of England: A Course of Lectures. Ed. by H.A.L. Fisher. Cambridge: University Press. 1908; 547 p.
2. Maitland F.W. Domesday Book and Beyond: Three Essays in the Early History of England. Cambridge: University Press. 1897. 548 p.
3. Maitland F.W. Political Theories of the Middle Ages, by Dr. Otto Gierke. Translated with an Introduction, by F. W. Maitland. Cambridge: University Press, 1900. 197 p.
4. Maitland F.W. Roman Canon Law in the Church of England. Six Essays. The Ford Lectures 1897. London: Methuen. 1898. 199 p.
5. Maitland F.W. The History of English Law before the Time of Edward I. By Sir F. Pollock and F.W. Maitland. 2 Vols. Cambridge: University Press. 1895. 678 p.
6. Maitland F.W. Township and Borough: The Ford Lectures. Cambridge: University Press. 1898. 231 p.
7. Sidorova T.A. The German Historical School in the British Historiography of the Critical Trend. The End of the XIX-th – the First Half of the XX-th Centuries // Global science. Development and novelty. On materials of the X International scientific-practical conference 25.12.2019, Munich, Germany. Ed. SPC "LJournal", 2019. 92 p. P. 61-64.
8. Vinogradoff P. Frederic William Maitland // The English Historical Review. 1907. April. Vol. XXII. № LXXXV. P. 280-289.
9. Кареев Н.И. Историология: (теория исторического процесса). Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1915. 320 с.

10. Кареев Н.И. Великая Французская революция. Пг.: Изд. Т-ва А.Ф. Маркса. 1918. 476 с.
11. Кареев Н.И. Историка: (теория исторического знания). Пг.: Тип. М.М. Стасюлевича. 1916. 291 с.
12. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. В 7 томах. СПб.: Тип. И.А. Ефрона. 1892–1917.
13. Кареев Н.И. Очерк истории реформационного движения и католической реакции в Польше. Москва: Тип. А.И. Мамонтова и К. 1886. 192 с.
14. Кареев Н.И. Очерк истории французских крестьян с древнейших времен до 1789 года. Варшава: Тип. К. Ковалевского. 1881. 149 с.
15. Коллингвуд Р.Дж. Идея истории. Автобиография. Москва: Наука. 486 с.
16. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та. 2000. 295 с.
17. Савин А. Н. Памяти Мэтланда // Русская мысль. М., 1907. Кн. 10. С. 80-106.
18. Сидорова Т.А. Фредерик Уильям Мейтленд и английская историография критического направления. СПб.: Алетейя, 2014. 696 с.

Сидорова Тамара Анатольевна, доктор исторических наук, профессор, заведующая кафедрой всеобщей истории, Сочинский институт (филиал) РУДН, г. Сочи, Россия; tasidorova-05@mail.ru

F.W. Maitland and the problem of methodological synthesis in British historical sciences at the turn of the XIX-th and XX-th centuries

The article focuses on the study of methodological basis of the historical and law concept of F.W. Maitland – the eminent British contemporary of N.I. Kareev. A sample point review of the components of their synthesis methodologies was attempted. The importance of positivism as scientific and ideological systemically important component of synthesis methodologies in British and Russian historiography at the turn of the XIX-th and XX-th centuries is emphasized.

Keywords: F.W. Maitland, N.I. Kareev, methodological synthesis, Rankeanism, positivism, neo-Kantianism, Marxism, British historiography of the critical trend, Russian historiography at the turn of the XIX-th and XX-th centuries

Sidorova Tamara Anatolyevna, Doctor of History, professor, Head of the Department of World History of Sochi Institute (affiliated branch) of Peoples' Friendship University of Russia; tasidorova-05@mail.ru

УДК 930(485)

Тоштендаль-Салычева Т.А.

Основные этапы развития шведской историографии XX века

В статье представлено развитие исторических исследований в Швеции на протяжении XX века. Автор показывает ряд новых явлений в шведской историографии, связанных со сменой парадигм в исторической науке страны в первые два десятилетия XX века, а также с влиянием новых европейских тенденций, таких как социальная и глобальная история, гендерные исследования и новая политическая история.

Ключевые слова: шведская историография, братья Вейбулли, критика историка, социальная история, школа «Анналов», глобальная история, гендерная перспектива, новая политическая история

На рубеже XIX – XX вв. был сделан решающий шаг на пути глобальной профессионализации исторической науки. Оптимизм основателей исторических школ в Европе и Америке, среди которых выделяются создатели новых идей и авторы учебников Бернгейм в Германии и Ланглуа и Сеньобос во Франции, а также те, кто способствовал развитию их взглядов, такие как Тёрнер и Бирд в США, Лауриц и Курт Вейбулли в Швеции, Хальвдан Кут и Эдвард Буль в Норвегии, основывался на уверенности в возможности достижения истинно научных результатов путем получения специального профессионального образования по истории.

В Северной Европе пионером в деле институционализации профессиональных объединений историков была Дания, где национальное Историческое общество появилось в 1839 г. В 1870 г. была создана организация историков Норвегии, а в 1875 г. – Финляндии. История локальных профессиональных объединений историков Швеции прослеживается еще с 1860-х годов, однако к началу 1880-х годов Швеция была единственной страной на Севере Европы, где не было общенациональной организации историков [см.: 20]. Первое заседание Шведского исторического общества (ШИО) – Svenska historiska föreningen (SHF) состоялось 10 мая 1880 г., до конца 1950 годов в нем главным образом доминировали историки консервативного направления из Уппсальского университета.

Харальд Ерне (Harald Hjärne, 1848–1922) был крупной фигурой – историком-исследователем и историком-педагогом, известным политиком Швеции и, кроме того, политическим журналистом. Его авторитет обеспечивал доминирование среди членов ШИО, хотя он и не занимал официальных постов в этой организации. С 1885 г. и до самого выхода на пенсию в 1913 г. Х. Ерне занимал должность профессора (с 1889 – ординарного) истории в Университете Уппсалы. В список ученых званий Харальда Ерне входят: доктор философии с 1872 г., доктор юридических наук с 1893 г., доктор теологии с 1912 г. На рубеже XIX–XX веков печатный орган ШИО – журнал *Historisk tidskrift* – был изнутри «завоеван» учениками Харальда Ерне [6].

Уже в докторской диссертации Ерне уделил большое внимание анализу собираемого материала – ранних законов шведских провинций, а также единого для всей страны закона. Автор четко выдвигал требование критики источников. Он полагал, что законы

должны рассматриваться как продукт своего времени. Эрне осуществлял критику по трём направлениям. В программном заявлении на эту тему он провозгласил следующее: «В каждой своей работе историк должен проводить самую жесткую критику, критику основ и происхождения традиционных представлений, критику свидетельств, содержащихся в источнике, и происхождения самого источника, критику в большей или меньшей степени осознанных целей, которые преследовали исторические институции и исторические личности» (цит. по: 17, S. 261). В работе «История скандинавского законодательства» этот принцип анализа материала получил свое продолжение и стал теоретически легитимен. Уже здесь проявился значительный интерес Эрне к вопросам теории истории. В докладе 1880 года он утверждал, что историку, для того чтобы объяснять связь между различными фактами, а не только собирать таковые и предъявлять их публике, необходимо иметь четкие понятия и определения. А чтобы создавать и формулировать такие понятия, ему необходимо прибегать к помощи философии. Даже в чисто эмпирической науке, как указывал Эрне, имеется «значительный философский элемент» (цит. по: 17, S. 251)

Х. Эрне был очень разнообразен в выборе тематики, находя новые аспекты не только шведской истории, но и истории других стран. При этом он практически не писал фундаментальных монографий, его талант проявился в небольших по формату сочинениях, зачастую это были статьи или короткие эссе, в которых он «благодаря своей громадной начитанности пробуждал ассоциации и делал сравнения на широком материале» [S. 72]. Как пишет о Эрне Р. Тоштендаль, «скорее эссеистика, а не полное деталей и сносок эмпирическое исследование была или, точнее, со временем стала его стихией» [21, С. 29]. Однако, присутствие Эрне неоранкианство, влияние шведского историка и философа Эрика Густава Гейера приводили к тому, что его политический реализм сводился к изучению мотивов поведения главным образом властных структур.

Новый этап в развитии шведских исторических исследований, называемый иногда сменой парадигм [14, S. 10], связан с именами двух историков, братьев Лаурица (Lauritz Weibull, 1873–1960) и Курта (Curt Weibull, 1886–1991) Вейбуллей. Старший из братьев в 1919 г. стал профессором истории в Лунде, младший занял в 1927 г. такой же пост в университете Гётеборга. «Школа Вейбуллей», «вейбуллианцы», «вейбулльское направление» – эти названия используются при определении нового явления в шведской историографии начала XX века [16, S. 107]. Публикация в 1911 г. книги

Л. Вейбулль «Критические исследования в области Североевропейской истории в период около 1000 года» [19] положила начало новому явлению в исторической науке Швеции. Произошел отход от идеалистического подхода при оценке роли государства. «Когда Вейбулль в 1919 г. стал профессором истории, впервые со времен Гейера эту кафедру занял представитель совсем иных взглядов по сравнению с гейерскими», – пишет Р. Тоштендаль в своем фундаментальном труде [17, S. 378]. Вейбулльскому направлению присуще экстремально критическое отношение при оценке материала источника. Созданный Л. Вейбуллем и Э. Арупом в 1928 году журнал с иным пониманием Scandia опубликовал сформулированное этими историками кредо исторической науки: «Исследование, не построенное на исторических фактах, добытых из критически просеянного материала, а вращающееся в трясине свободных предположений и романтических гипотез, не достигнет никаких прочных научных результатов». Информация, которая не могла быть доказана, не имела права, по мнению Вейбуллей, быть представленной на страницах научных работ. Естественно-научный идеал нового направления, однако, не выходил за рамки идей Ш. Ланглуа и Ш. Сеньобоса.

Новые веяния в европейской историографии, датируемые 1955 годом, проявились в Швеции на десять лет позже – в 1965 году [2, S. 135]. Именно тогда начались серьезные дебаты о связи исторических и обществоведческих научных изысканий. Были организованы регулярные конференции стран Северной Европы для обсуждения не только, как это было прежде, содержания нарратива, но и для ведения дискуссий по поводу методов исторических исследований и шире – теоретических проблем историописания. В 1960-е годы стартовали новые коллективные проекты. С начала 1970-х годов подверглась реформированию система докторантуры. Появились новые профессорские ставки под такие темы, как народные движения (Карл Ёран Андрэ, Уппсала), женская история (Гуннар Квист, Гётеборг) и др. В истории начали применяться количественные методы исследования с использованием тогда еще громоздких компьютеров.

Важным моментом развития исторических исследований были дебаты о методе и дискуссии о значении теории в историописании, открылись двери для использования историками обществоведческих теорий. Шведские историки начали внедрять наработки социологии, публикации отражали их интерес к теории и идеологии исторической науки [18]. Если Биргитта Уден ближе всех подошла к проблематике и методам французской школы «Анналов»,

то Рольф Тоштендаль следовал традициям и развивал идеи немецкой билефельдской школы, где доминировал социологический подход при написании исторических работ.

«Красная волна» 1960–1970-х годов вызвала интерес историков Скандинавии к социальной проблематике в марксистской трактовке, однако в этих работах затрагивались социальные приоритеты в более широком по сравнению с классовым подходом плане: интерес к жизни людей, их повседневности, ментальным представлениям. Заметное место в научных изысканиях шведских историков получили исследования о жизни рабочих и труды по истории женщин.

Пришедшая на смену женской истории в конце 1980-х годов история гендера обозначила четкие границы между биологическим и культурным. «Теория полов» оформилась в «гендерную перспективу» и даже в «гендерную систему» [5]. Новым в гендерной историографии Швеции был также интерес учёных к роли государства в различные периоды истории страны. Именно в разработке гендерной проблематики шведская историография встала вровень с передовой исторической наукой Европы.

Если 1960-е годами можно датировать начало роста социальных исследований в шведской историографии, а 1980-е годы отмечены появлением гендерной перспективы, то политическая история в это время переживала период упадка. Из предмета, охватывающего почти все стороны общества, она превратилась в узкую область, которую ей оставили смежные разделы исторической науки. После обсуждения вопроса о плачевном положении политической истории на собрании, созванном по инициативе Совета по исследованиям в области гуманитарно-общественных наук (Humanistisk-Samhällsvetenskapliga Forskningsrådet – HSFR) в 1987 г., были приняты административно-финансовые меры [7], которые привели к новому витку теоретического осмысления проблем политической истории в Швеции. Продвинутость исследований в области социальной истории и возросшая потребность в теоретических обобщениях способствовали тому, что было расширено понятие «политическая история», в которое попали как социальная история [1; 13], так и история государства [9; 10]. Вышедшая в 1993 г. комментированная библиография по политической истории поместила в свой перечень практически все публикации, имеющие даже отдаленное отношение к вопросам политики [11].

До начала XXI века подавляющее большинство трудов шведских исследователей касалось прежде всего проблем истории своей собственной страны. Интерес к международной перспективе про-

являлся и раньше: в книгах Йорана Рюстада (Göran Rystad), Свена Тэгиля (Sven Tägil) из Лунда и некоторых других историков география нарратива вышла за пределы Швеции и даже Европы. В первые два десятилетия века нынешнего направление глобальной истории проявилось в работах таких историков, как Стефан Эклёф Амирель [4], Ханна Ходакс [8], Лео Мюллер [12], Гуннель Седерлёф [3], в публикациях экономического историка из Уппсальского университета Йорана Рюдена, а также в сборнике статей под его редакцией [15].

Библиография

1. Åmark K. Facklig makt och fackligt medlemskap. De svenska fackförbundens medlemsutveckling 1890–1940. Lund, 1986. 230 s.
2. Åmark K. Teoretiska intåg i svensk historieforskning // *Historieskrivningen i Sverige* (red. Gunnar Artéus, Klas Åmark). Lund, 2012. 222 s.
3. Cederlöf G. *Faunding an Empire on India's North-Eastern Frontiers 1790–1840. Climate, Commerce, Polity*. NewDelhi, 2014. 272 p.
4. Eklöf Amirel S. Power and political culture: the Indonesian Democratic Party (PDI) and the decline of the New Order (1986 – 98). Lund, 2002. 369 p.
5. Hirdman Y. Genussystemet – reflexioner kring kvinnors sociala underordning // *Kvinnovetenskaplig tidskrift*. 1988. Nr. 3.
6. *Historisk tidskrift*. 1980. Nr. 1-2. S. 109.
7. *Historisk tidskrift*. 1987. Nr. 1. S. 157.
8. Hodacs H. *Converging World Views. The European Expansion and Early-Nineteenth-Century Anglo-Swedish Contacts*. Uppsala, 2003. 250 p.
9. Lindegren J. *Varat, staten och diket: tre historieteoretiska uppsatser*. Uppsala. 1988.
10. Lindkvist Th. *Plundring, skatter och den feodala statens framväxt. Organisatoriska tendenser i Sverige under övergången från vikingatid till tidig medeltid*. Uppsala. 1990.
11. Lövgren B., Möller T., Nilsson T., Petterson L. *Svensk politisk historia. En kommenterad litteraturöversikt*. Uppsala, 1993.
12. Müller L. *Consuls, Corsairs, and Commerce. The Swedish Consular Service and Long-distance Shipping, 1720–1815*. Uppsala, 2004. 268 p.
13. Nybom Th., Torstendahl R. (red.). *Byråkratisering och maktfördelning*. Lund, 1989.
14. Odén B. *Lauritz Weibull och forskarsamhället*. Lund, 1975. 280 s.
15. *Sweden in the Eighteenth-Century World. Provincial Cosmopolitans* (edited by Göran Rydén). Farnham & Burlington, 2013. 355 p.
16. Torstendahl R, Odén B. *Den Weibullska riktningen // Historieskrivningen i Sverige* (redaktörer: Gunnar Artéus, Klas Åmark). Lund: Studentlitteratur. 2012. 222 s.
17. Torstendahl R. *Källkritik och vetenskapssyn i svensk historisk forskning 1820 – 1920*. Uppsala. 1964. 426 s.
18. Torstendahl R., Nybom, Th. *Historievetenskap som teori, praktik, ideologi*. Stockholm. 1988. 228 s.
19. Weibull L. *Kritiska undersökningar i Nordens historia omkring år 1000*. Lund, 1911. 195 s.
20. Салычева Т.А. Шведское историческое общество (ШИО) // *Национальные исторические организации в странах Западной Европы и США*. М.: ИВИ АН СССР. 1982. С. 90-107.

21. Тоштендаль Р. Полтава: сражение, история и символ // Полтава. Судьбы пленных и взаимодействие культур / ред. Т. Тоштендаль-Салычева и Л. Юнсон. Москва: РГГУ, 2009. С. 21-44.

22. Тоштендаль Р. Профессионализм историка и историческое знание. М.: Новый хронограф, 2014. 345 с.

Тоштендаль-Салычева Тамара Алексеевна, кандидат исторических наук, почетный доктор Уппсальского университета, Швеция; tamarats@inbox.ru

The main stages of Swedish historiography of the XX century

The article presents the development of historical research in Sweden during the twentieth century. The author shows a number of new phenomena in Swedish historiography associated with the paradigm shift in the historical science of the country in the first two decades of the XX century, as well as with the influence of new European trends, such as social and global history, gender studies and new political history.

Keywords: Swedish historiography, the Weibull brothers, strict scrutiny of sources, social history, Annales school, global history, gender history, new political history

Torstendahl Salytjeva Tamara, Candidate of History, Honorary Doctor of Uppsala University, Sweden; tamarats@inbox.ru

УДК 930 + 001.32

Чикалова И.Р.

В тени мэтра: коллега Н.И. Кареева, неутомимый просветитель широких читательских масс П.Г. Мижуев

Статья посвящена знатоку англо-саксонского мира Павлу Григорьевичу Мижуеву, создавшему цельную картину не только разных сторон жизни Великобритании и доминионов в их исторической динамике, а также колониальной политики Англии, издавшему первую историю США, Канады и Новой Зеландии, последовательно умеренно-либеральной и позитивистской школы Н.И. Кареева. Сделана попытка реконструировать коммуникативные связи между двумя учеными.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, П.Г. Мижуев, популяризация научных знаний, научная коммуникация

Павла Григорьевича Мижуева (1861–1931) трудно назвать членом профессиональной корпорации историков. За его спиной не было магистерской и докторской диссертаций: он закончил Морской кадетский корпус, семнадцать лет преподавал французский язык в Петербургской гимназии. С 1902 г. был главным библиотекарем Императорского технологического института, одновременно преподавая студентам французский язык. С этого момента, как пишет в своей автобиографии Мижуев, «я намеривался посвятить себя всецело изучению разных наук. <...> В течение многих лет я занимался <...> всеми сторонами жизни англосаксонских стран»

[5, л. 9–10]. С 1891 г. Мижуев начал публиковаться на страницах журналов. Впервые опубликованные в журналах, многочисленные работы Мижуева выходили затем отдельными изданиями.

Не имея академической подготовки в области истории, Мижуев внес исключительный вклад в российское англоведение – не менее 80 работ [18], американистику – более 50 книг, статей и очерков в этой области [19]. Павел Григорьевич, первопроходец в области изучения британского колониализма, в том числе освоения Американского континента, сам отмечал это обстоятельство, представляя книгу «История колониальной империи и колониальной политики Англии»: это «в русской исторической литературе первый опыт обзора истории английской колонизации» [8, с. 7]. Все книги и статьи Мижуева были обращены к самым широким читательским слоям.

Тем не менее, оставив в стороне анализ тем работ Мижуева, попробуем реконструировать его некоторые коммуникативные практики: на продуктивность такого подхода указывает Г.П. Мягков: это «позволит выйти за пределы традиционных предметных областей, сводящихся, как правило, к изучению институций и концептуальных построений» [15, с. 25].

До 1901 г., судя по всему, Мижуев не входил в коммуникативное пространство Кареева, которое было огромным «как по субъектам, так и по типам связей (личное знакомство, принадлежность к той или иной профессиональной, научной, общественной, политической или мировоззренческой корпорации, переписка, рецензирование, цитирование и т. д.)» [16, с. 164]. Такой случай представился, когда в 1901 г. издательство «Брокгауз и Ефрон» приступило к выпуску коллекции научно-популярных книг «История Европы по эпохам и странам в Средние века и Новое время» под редакцией Н.И. Кареева и И.В. Лучицкого. И хотя в анонсе имя Мижуева в списке предполагаемых авторов серии книг не значилось, он вошел в нее тремя работами – «История колониальной империи и колониальной политики Англии» (1902) [8], вышедшей одновременно с книгой Кареева «Политическая история Франции в XIX веке» [1], а затем в 1909 г. – и вторым, дополненным изданием [9], «История великой американской демократии» (1906) [10] и «Политическая история Англии в XIX в.» (1908) [11].

Площадкой для коммуникации ученых стал «Новый энциклопедический словарь», который стал публиковаться в 1911 г. «Брокгаузом и Ефроном». Кареев был приглашен в качестве одного из редакторов его «Исторического раздела». Начиная с 16 (1914) и по последний изданный том – 29 (1916) – имя Мижуева находит-

ся в списке сотрудников НЭС. Скорее всего, приглашение поступило от Кареева. В 17-м томе словаря была помещена крупная статья Мижуева – «Женский вопрос и женское движение», целиком написанная на западном материале [11]. Учитывая, что Кареев симпатизировал требованиям женского равноправия, а Мижуев был его самым горячим сторонником, обращался к нему в своих публикациях, несомненно, участие с такой статьей явилось результатом прямой поддержки со стороны Кареева. Можно предположить, что помещение в 26-м томе (1916) «Нового энциклопедического словаря» биографической справки о Мижуеве [14, стб. 455-456] тоже было поддержано Кареевым при том, что аналогичной справки о самом Карееве в соответствующем, 20-м, томе не было.

Еще одной работой, связавшей Кареева и Мижуева общей целью, было приглашение в 1917 г. сразу после отречения императора принять участие в сборнике «Свободный государственный строй». Россия стояла перед выбором формы правления, и сборник содержал статьи, «авторы которых имели в виду дать читателям фактический материал, необходимый для всестороннего обсуждения этого вопроса» [4, с. 12]. Так Кареев выступил со статьей «Государственный строй современной Франции» [2], Мижуев – «Соединенные штаты Америки» [13].

В Петроградский университет Мижуев пришел работать в зрелом, 57-летнем, возрасте, опубликовав уже к этому времени свои основные труды. Была ли это рекомендация авторитетного Кареева? Как знать... Отток преподавателей с университетских кафедр, видимо, способствовал получению места. В стенах университета они могли встречаться на протяжении примерно пяти лет: в течение одного семестра в 1918 г. на кафедре всеобщей истории, с 1919 по 1923 г. на факультете общественных наук. В 1923 г. Кареев опубликовал обзор основной литературы по истории стран Запада 1859–1914 гг. В нем российскую историографию истории внеевропейских стран представляют только книги Мижуева: «В начале нынешнего столетия появилась и русская история Северо-Американских Соединенных Штатов П.Г. Мижуева, который перед этим дал читателям еще историю отделения Штатов от Англии в конце XVIII века» [3, с. 115]. Подобную ремарку можно считать большим комплиментом...

В 1924 г. Мижуев вышел на пенсию, как «профессор Ленинградского университета» [6, л. 3; 7, л. 2]. Тогда же начало разворачиваться наступление против старой интеллигенции. Прекратили издавать работы Кареева. Сын Кареева был выслан из Ленинграда. 18 октября 1930 г. сам Кареев подвергся «критике» на заседании

методологической секции «Общества историков-марксистов». Не выдержав нападок, 18 февраля 1931 г. он ушел из жизни, а 15 марта 1931 г. было принято Постановление ЦК ВКП(б) о работе Комакадемии, определившее направления работы историков. 4 июля 1931 г. на фоне происходивших событий не стало и Мижуева [5, л. 12].

Самую емкую характеристику Мижуеву дал в свое время Е.В. Тарле, назвав его «знатоком англо-саксонского мира» [17, с. 74]. Имя этого последователя умеренно-либеральной, позитивистской школы Н.И. Кареева было несправедливо на долгие годы вычеркнуто из российской историографии.

Библиография

1. Кареев Н.И. Политическая история Франции в XIX веке. СПб.: «Брокгауз-Ефрон», 1902. 300 с.
2. Кареев Н.И. Государственный строй современной Франции // Свободный государственный строй. М.: Научное слово, 1917. С. 77-100.
3. Кареев Н.И. Новейшее время от 1859 до 1914 г. Историографические очерки. Пг.: Наука и школа, 1923. 119 с.
4. Кизеветтер А. Задачи момента // Свободный государственный строй. М.: Научное слово, 1917. С. 3-12.
5. Мижуев П.Г. Автобиография // РГАЛИ. Ф. 18. Оп. 1. Д. 22. Л. 1-12.
6. Мижуев П.Г. Curriculum vitae проф. П.Г. Мижуева. 11 января 1928 г. // РГАЛИ. Ф. 1337 (Коллекция воспоминаний и дневников). Оп. 4. Д. 26. Л. 1-3.
7. Мижуев П.Г. – академику В.И. Вернадскому от 01.04.1929 г. // Архив РАН. Личный архив академика В.И. Вернадского. Ф. 518. Оп. 3. Д. 1067. Л. 1-3.
8. Мижуев П.Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб.: «Брокгауз-Ефрон», 1902. 215 с.
9. Мижуев П.Г. История колониальной империи и колониальной политики Англии. Изд. 2-е доп. СПб.: «Брокгауз-Ефрон», 1909. 216 с.
10. Мижуев П.Г. История великой американской демократии (С. Американских соединенных штатов). СПб.: «Брокгауз-Ефрон», 1906. [4], 276, [3] с.
11. Мижуев П.Г. Политическая история Англии в XIX в. СПб.: «Брокгауз-Ефрон», 1908. 280 с.
12. Мижуев П.Г. Женский вопрос и женское движение // Новый энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: Тип. Акц. О-ва «Брокгауз-Ефрон», 1915. Т. 17. С. 772-784.
13. Мижуев П.Г. Соединенные штаты Америки // Свободный государственный строй. М.: Научное слово, 1917. С. 101-145.
14. Мижуев Павел Григорьевич // Новый энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Ефрона. СПб.: «Брокгауз-Ефрон», 1911–1916. Т. 26. 1916. Стб. 455-456.
15. Мягков Г.П. Научное сообщество в исторической науке: опыт «русской исторической школы». Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2000. 298 с.
16. Мягков Г.П., Филимонов В.А. Казанские ученые в коммуникативной стране Н.И. Кареева // Ученые записки Казанского государственного университета. Гуманитарные науки. 2009. Т. 151. Кн. 2. Ч. 1. С. 164-173.
17. Тарле Е.В. [Рецензия]: П.Г. Мижуев. История колониальной империи и колониальной политики Англии. СПб., 1902 г. // Мир Божий. 1903. № 1. С. 74-75.

18. Чикалова И.Р. Знаток англо-саксонского мира Павел Григорьевич Мижуев // Чикалова И.Р. Великобритания: осмысление исторического опыта в Российской империи (XIX – начало XX в.). Минск: Беларуская навука, 2018. С. 230-265.

19. Чикалова И.Р. Основоположник российской американистики Павел Григорьевич Мижуев (1861–1931) // Американистика: Актуальные подходы и современные исследования. Вып. 12. Курск: Курск. гос. ун-т, 2020. С. 405-437.

Чикалова Ирина Ромуальдовна, доктор исторических наук, профессор, Белорусский государственный педагогический университет имени Максима Танка; Институт истории НАН Беларуси, г. Минск, Беларусь; irina_chikalova@mail.ru

**In the Shadow of the Master: Nikolai Ivanovich Kareev's
Colleague, the Tireless Educator of the Masses of Readers
Pavel Grigorievich Mizuev**

The article is dedicated to the connoisseur of the Anglo-Saxon world, Pavel Grigorievich Mizhuev, who created an integral picture of not only different aspects of the life of Great Britain and the dominions in their historical dynamics, as well as the colonial policy of England, who published the first history of the USA, Canada and New Zealand, a follower of the moderate liberal and positivist school of N.I. Kareev. An attempt is made to reconstruct the communication links between the two scientists.

Keywords: popularization of scientific knowledge, scientific communication, N.I. Kareev, P.G. Mizuev

Chikalova Irina Romualdovna, Doctor of History, professor, the Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank / leading researcher at the Institute of History of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus; irina_chikalova@mail.ru

Раздел 7

ИСТОРИК И ПОЛИТИКА. ОБЩЕСТВЕННО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКАЯ МИССИЯ ИСТОРИКА: ОТ Н.И. КАРЕЕВА ДО ИСТОРИКА НАЧАЛА XXI ВЕКА

УДК 396

Антонова Н.В.

Фигура Карлоса V на страницах “El País”: *humani nihil a me alienum puto*

В статье рассматривается актуальная в наши дни тенденция к применению научных изысканий для создания около-исторических текстов, характерная для прессы, и ее влияние на мировоззрение народа. Данная тенденция изучается на примере образа Карлоса V на страницах испанского публицистического издания “El País”. Описывается стратегия приближения исторической науки к интересам среднего обывателя, изменение тематических рамок. Выделяются основные характеристики псевдонаучного повествования и его отличия от подлинно научного исследования. В заключении автор указывает на влияние данного феномена на формирование образа Карлоса V в ментальности современного обывателя.

Ключевые слова: Карлос V, “El País”, образ монарха, имидж монарха, популярная история

История – постоянное движение. Мир развивается, меняется, трансформируется, адаптируется к новым условиям, и вместе с ним меняются формы его репрезентации. Если в XIX веке средний обыватель интересовался в основном событиями региона своего обитания, то в XX веке с развитием технологий в поле зрения индивида все чаще попадают события государственного и даже мирового масштаба. Похожая картина предстает перед нами и в отношении государственных мужей. Для представителя XVI века правитель – лицо почти священное, обладающее властью и далекое от народа, к XIX веку нижние социальные слои общества все чаще оказываются в конфронтации с представителями власти, а в XXI веке мы становимся свидетелями распространения официальных опросов об эффективности управления того или иного административного или политического деятеля. Тенденция к аппроксимации правите-

ля к народу коснулась и исторической науки. И если еще в XX веке традиционно профессиональными историками создавались научные труды, плод тщательного анализа источников, многолетних исследований и долгих обсуждений с коллегами, то сегодня мы видим лавину псевдоисторических и около-исторических статей. Нередко подобные «источники» содержат частично проверенную информацию, иногда – заведомо искаженную, ряд работ основан на вполне достоверных фактах, но все они отличаются упрощенным подходом и специфическим тематическим уклоном.

В Испании образом, который не дает покоя историкам, политикам, социологам и просто представителям общественности, является Карлос V (1519–1556). «Черная легенда» о Филиппе II (1556–1598) не оставила без внимания и его родителя. На протяжении веков его образ менял свою окраску, император успел несколько раз побывать и положительным, и отрицательным героем, в зависимости от господствующей тенденции в политической и культурной жизни государства. Но процесс, который можно наблюдать сегодня в открытых информационных источниках, превосходит все инсинуации прошлых веков. Речь идет о тенденции к своего рода вульгаризации образа короля.

Данный анализ был проведен на основе материалов популярного испанского периодического издания “El País”. Эта газета выпускается в Испании с 1976 года, т.е. с момента перехода к демократии, и позиционирует себя как про-демократическое издание¹. “El País” пользуется репутацией надежного источника, публикующего на своих страницах наиболее точную и проверенную информацию, потому вполне логичным будет рассматривать ее как отражение официальной политики государства в области информирования народных масс. Предметом исследования была выбрана статья Моника Саломонте от 3 августа 2006 г. «В мумии императора Карлоса V ищут малярию».

Уже заглавие представляет собой яркий пример, во-первых, адаптации истории к интересам широких масс, во-вторых, искажения информации с целью создания сенсации. Если просто прочитать текст статьи, то становится очевидным, что никто не исследует всю мумию, анализу подвергся лишь мизинец короля, который в силу ряда обстоятельств оказался вне саркофага. Как в названии, так и в тексте публикации очевидно стремление максимально при-

¹ EL PAÍS es el diario español de información general de mayor difusión e influencia. Su primer número apareció el 4 de mayo de 1976, cuando España iniciaba la transición a la democracia. Cuatro décadas después, sigue siendo el medio español de referencia dentro y fuera de España. URL: <https://escuela.elpais.com/historia-de-el-pais/>

близить повествование к образу мышления обычного человека. На это указывает ряд признаков:

1) Подробное описание простых, человеческих проблем, касающихся императора, которые имеют сомнительное историческое значение в точки зрения его вклада в развитие истории Испании (страдания от подагры).

2) Приведение воспоминаний участников исследования, рассказ о их эмоциях, ощущениях, разочарованиях.

3) Метод формулирования вопросов, направленный на разжигание любопытства простого обывателя (как то: принадлежит ли мизинец Карлосу, почему его тело мумифицировалось, как мизинец оказался вне саркофага?).

4) Обильное использование эпитетов, интенсифицирующих эффект от повествования (чрезвычайный, огромный, невообразимый...).

5) Многочисленные упоминания ученых без конкретизации (крупные ученые заявили, по мнению выдающихся специалистов), акцент на их статусе и опыте.

В результате анализа структуры текста можно выявить ключевые характеристики данной популярной статьи.

1) Заглавие – максимально привлекающее внимание, в данном случае, акцент делается на мумии императора Карлоса V. Учитывая, что для многих факт нахождения мумии в саркофаге не является секретом, разрешение на эксгумацию (которой на самом деле не было) само по себе привлекает внимание читателя.

2) Формулировка темы – подчеркивается величина исследования и его масштабы (упоминание имени короля), при этом особое внимание обращается на общность болезни Карлоса и страданий обычных представителей народа.

3) Введение – в отличие от научного труда, в нем излагается основная идея, к которой автор будет возвращаться постоянно на протяжении всей статьи, которая является продолжением заглавия в расширенной форме.

4) Цитирование высказываний ученых, публицистов, пользующихся широкой известностью, подтверждающих идею величия сделанного открытия (Хулиан де Сулета), связанных преимущественно с обстоятельствами научной работы, но не с сутью.

5) Постановка вопросов, нацеленных на создание интриги вокруг излагаемого события, не имеющих решающего значения для научного оригинального исследования (правая или левая рука?, почему нельзя увидеть мумию?, как мизинец оказался вне саркофага? и т.п.).

6) Ответы на поставленные вопросы, основанные на интервью и воспоминаниях, переходящие в долгую историю с избытком деталей (об обстоятельствах обнаружения фото мумии, описание белых перчаток монаха и рассуждения о причине выбора белого цвета), но лишенную конкретики (отсутствуют и имя американского исследователя, который работал с мумиями, и имя человека, сообщившего о существовании мизинца вне саркофага) и ярко эмоционально окрашенную.

7) Научные факты умалчиваются как предмет авторских прав¹.

8) Подробное рассуждение о возможности того, что мизинец не принадлежал Карлосу V и история его появления (в оригинале статьи, опубликованной в медицинском журнале *The New England Journal of Medicine*, кратко указано, что мизинец на основании исторических документов считается частью тела Карлоса V, но подтверждения в виде анализа ДНК нет).

9) Тенденция давать ответы на поставленные вопросы (например, почему тело императора мумифицировалось?) без фактического научного подтверждения.

Таким образом, на примере данной статьи мы видим тенденцию последних десятилетий к вульгаризации истории и исторических персонажей в средствах массовой информации и околонучной публицистике. Из перечисленных характеристик рассмотренной публикации становится вполне очевидным, что само по себе научное открытие является лишь громким названием, о нем говорить немного и лишь в той степени, в которой оно может иметь интерес для удовлетворения любопытства простого обывателя. При сравнении рассматриваемого публицистического издания с оригиналом статьи Хулиана де Сулуеты, опубликованной в медицинском журнале «*The New England journal of medicine*», замечаются явные расхождения в акцентах.

В научной статье в центре внимания медицинский анализ конечности короля и историческое значение открытия, заключающееся в обнаружении научного доказательства того, что Карлос страдал подагрой. Данное открытие органично дополняет группу исторических свидетельств в пользу убеждения биографов императора,

¹ The Severe Gout of Emperor Charles confirm that the Holy Roman Emperor Charles V suffered from what physicians had long suspected was severe tophaceous gout. Lead poisoning may also have contributed to the decline and fall of this emperor. Saturnine gout results from exposure to lead through the addition of lead sugar (acetate) to wine to sweeten it and from the leaching of lead from glazes on amphora or from pewter drinking vessels. Voracious consumption of wine (and lead) addled not only the Romans, but also the bibulous, podagrous English aristocrats of the 18th century...

утверждающих что именно эта болезнь стала одной из основных причин, побудивших испанского монарха отречься от престола. С точки зрения исторической науки вышеназванное открытие имеет решающее значение при раскрытии мотивов политических решения Карлоса и позволяет освободить его образ от изрядной доли домыслов и недоразумений.

В популярной статье, несмотря на сходство исходного материала с научной версией, акценты значительно смещены. Имидж короля максимально приближается к уровню простого человека. В то время, как в XVI веке, вокруг императора создавался мифический ореол, в данной публикации он методично изживается, акцентируются наиболее приземленные аспекты личности Карлоса, описываются подробности личного характера, приводится множество пикантных деталей, причем не обязательно относительно персоны короля, речь может идти, в частности, о судьбе его праха. Отношение к королевским останкам со стороны автора говорит о многом, место бывшего уважения занимает любопытство, они становятся предметом праздного интереса. Тем самым образ императора, столь тщательно культивируемый в эпоху испанского Ренессанса, теряет свою мифичность и приравнивается к статусу современных поп звезд, препарируется с достаточной долей фамильярности и бесцеремонности. Возникает двойственность, с одной стороны, вполне научное открытие, имеющее историческое значение для испанского народа, с другой – досужие рассуждения об обстоятельствах работы над научным проектом и личности монарха. Что спровоцирует такое отношение к науке, во что выльется популяризация и вульгаризация образа тех, кто когда-то был героем – на этот вопрос предстоит ответить историкам последующих поколений, которые увидят его плоды.

Библиография

1. César Cervera. La exhumación (profanación) que sufrió la momia del emperador Carlos V por milicianos en la guerra civil. ABC. – URL: https://www.abc.es/historia/abci-exhumacion-profanacion-sufrio-momia-emperador-carlos-milicianos-guerra-civil-201910040335_noticia.html
2. Historia de El País, URL: <https://escuela.elpais.com/historia-de-el-pais/>
3. Jaume Ordi, M.D., Pedro L. Alonso, M.D., Julian de Zulueta, M.D., Jordi Esteban, M.D., Martin Velasco, M.D., Ernest Mas, M.D., Elias Campo, M.D., Pedro L. Fernández, M.D. The Severe Gout of Emperor Charles V. The New England Journal of medicine, 2006. Pp. 516-520.
4. Mónica Salomone. Se busca malaria en la momia del emperador Carlos V. El País. – URL: https://elpais.com/diario/2006/08/03/revistaverano/1154556001_850215.html

Антонова Наталья Васильевна, кандидат исторических наук, доцент, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; natallin1710@hotmail.com

Figure of Carlos V on the pages of "El pais": humani nihil f me alienum puto

The article deals with the current trend towards the use of scientific research to create near-historical texts, characteristic of the press, and its impact on the worldview of the people. This trend is studied on the example of the image of Carlos V on the pages of the Spanish journalistic publication El País. The strategy of approximation of historical science to the interests of the average man in the street, changing the thematic framework is described. The main characteristics of pseudoscientific narrative and its differences from a truly scientific study are highlighted. In conclusion, the author points to the influence of this phenomenon on the formation of the image of Carlos V in the mentality of the modern man in the street.

Keywords: Carlos V, El País, the image of the monarch, the image of the monarch, popular history

Antonova Natal'ya Vasil'evna, Candidate of History, Assistant Professor, Kazan federal university, Kazan, Russia; natallin1710@hotmail.com

УДК 930 + 94(47).083

Бахтурина А.Ю.

Административная политика самодержавия на окраинах Российской империи начала XX в.: историографические интерпретации и политический контекст¹

В статье рассматривается развитие термина «русификация» в отечественной и зарубежной историографии. Показаны изменения в трактовке российской политики на окраинах в начале XX века под влиянием политической конъюнктуры. Сделан вывод о том, что подходы к изучению политики Российской империи в отношении нерусских народов изменились под влиянием представлений о национальной безопасности и государственных интересах.

Ключевые слова: Российская империя, национальные окраины, историография, национальная политика

Взаимоотношения Российской империи с окраинами в начале XX в. строились в направлении формирования единого имперского административного и правового пространства. В оценках этой политики в историографии в течение длительного времени с негативным оттенком использовалось понятие «русификация», появившееся в отечественной историографии в конце XIX – начале XX в.

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00426 А).

После революции 1917 г. в 1920-х гг. окраины империи изучались как территории, насильственно включенные в ее состав, подвергавшиеся колониальной эксплуатации и активно боровшиеся за независимость. Концепция угнетения народов России царизмом полностью соответствовала лозунгам интернационализма первых послереволюционных лет и задачам национально-государственного строительства первой половины 1920-х годов. С середины 1930-х годов на смену однозначно негативным характеристикам российской национальной политики пришла концепция «наименьшего зла», оставаясь преобладающим подходом в изучении национальной политики Российской империи вплоть до начала 1990-х годов.

В условиях «холодной войны» зарубежные исследования вплоть до середины 1980-х гг. разделяли оценки российской дореволюционной и советской историографии, используя понятие «русификация» [10]

В конце 1970 – начале 1980-х гг., когда ряд немецких и американских ученых пришли к выводу, что оценивать российскую национальную политику только как «русификаторскую» невозможно, негативные оценки постепенно трансформируются. Э. Таден предложил делить «русификацию» на незапланированную, культурную и административную, одновременно на основе анализа политики российского самодержавия в Финляндии и Прибалтике в конце XIX – начале XX в. делая вывод о том, что «русификация никогда не стирала культурной идентичности» и «не задерживала социальное и национальное развитие» этих регионов [9, с. 463]. А. Каппелер считал, что такое структурирование понятия надуманно, а термин «русификация» применим только к политике, направленной на языковую и культурную ассимиляцию нерусских этносов русским. Он заключил, что «русификация» в российской национальной политике «не оформилась во всеохватывающую концепцию» [2, с. 138].

Русификация в зарубежной историографии 1980-х гг. объяснялась двояко: ростом русского национализма [10, с. 87; 11] или как следствие на пути выполнения глобальных задач имперской политики.

Последний тезис нашел обоснование в исследованиях финляндских историков. Изменение политики в отношении Великого княжества Финляндского они нередко связывают с внешнеполитическими и экономическими задачами имперской политики, а не безудержным национализмом [8]. На основании материалов российских и финляндских архивов Т. Полвинен подробно исследовал политику генерал-губернатора Н.И. Бобрикова в княжестве в нача-

ле XX в. и пришел к выводу о том, что русификация в области культуры и языка осталась лишь в планах российского правительства, а преобладали административные мероприятия [5, с. 253].

Во второй половине 1990-х годов, когда однозначная критика политики самодержавия начинает ослабевать, российские исследователи также пришли к выводу о необходимости структурировать понятие «русификация». А.И. Миллер в своей монографии рассмотрел политику самодержавия в малороссийских губерниях, сделав вывод о закономерности ассимиляторской политики на определенном этапе развития государств-империй. «В рамках государственного национализма государство стремится минимизировать внутреннюю этническую разнородность». Для этого оно активно утверждает единый язык «высокой культуры, администрации и образования, а также общенациональной идентичности, которая могла подавлять региональные отличия, а могла и терпеть их, но лишь как подчиненные» [3, с. 27]. Ассимиляционная политика государства предстает в работе Миллера не как зловещая «русификация», а как закономерность в развитии полиэтнического государства конца XIX – начала XX в., направленная на достижение государственной стабильности.

Рядом исследователей также было отмечено, что в России XIX – начала XX в. «понятия «нации» и «империи» оказались нераздельно взаимосвязанными», нерусские народы не противопоставлялись русскому как народы колоний народу метрополии, но «инкорпорировались» в состав государства. Этот процесс имел двойные последствия: с одной стороны, стимулировал политику русификации, «проводившуюся с тем большей бесцеремонностью, что все народы империи символически как бы уже были приобщены к русскому государству», с другой, давал возможность «развития местной национальной культуры, национальных административных и религиозных институтов» [1, с. 17].

Таким образом, исследования 1990-х гг. в оценке политики самодержавия в отношении нерусских народов империи находились в некой «промежуточной» позиции, отходя от критики самодержавия, находя объяснения тем или иным решениям, с одной стороны, с другой – одновременно выделяли и негативные стороны в этой политике. Двойственность выражалась и в использовании понятия «административная русификация», которое по своей сути и объясняло политику самодержавия на окраинах как комплекс административных мер и одновременно сохраняло его негативную «русификаторскую» оценку. Но с этого начинался важный этап в развитии историографии окраинной политики самодержавия, подводя

историческую науку и выводу о том, что национальная политика России, как, впрочем, и любое другое историческое явление, крайне сложно поддается однозначной оценке [7, с. 153-157].

В 1980 – 1990-х гг. значительная часть исследователей прошла к заключению о том, что в политике Российской империи на окраинах в начале XX в. доминировал не этнический, а наднациональный компонент, а главной ее целью было достижение единства административного и правового пространства Империи в преддверии Первой мировой войны.

В российских исторических исследованиях 2000-х гг. определилась новая тенденция в оценках внутренней политики России. Последняя начинает рассматриваться с точки зрения проблемы государственных интересов и государственной безопасности. Это оказывает заметное влияние на развитие истории политики на окраинах. Российская политика в Великом княжестве Финляндском, Прибалтийских губерниях и др. рассматривается как создание системы безопасности и защита интересов государства за счет укрепления русского национального ядра, границ, административных структур, где русификация не являлась целенаправленным политическим курсом самодержавия [6, с. 121]. Пересматриваются и подходы царского правительства к национальной политике в целом, которая рассматривается как формирование силами имперской администрации оптимального баланса взаимоотношений всех народов Империи, но действия в этом направлении не дали ожидаемого эффекта, не обеспечили стабильность, а усилили национальную самоидентификацию народов империи [4, с. 93].

Политика Российской империи на окраинах в исторических исследованиях нередко трактовалась в контексте тех или иных текущих политических задач. Отношение к нерусским народам империи нередко становилось и продолжает оставаться предметом политических манипуляций. Несмотря на это, в последние десятилетия были созданы исследования, далекие от политизации и однозначных оценок политики России на окраинах в начале XX в.

Библиография

1. Казань, Москва, Петербург: Российская империя под взглядом из разных углов. М., 1997.
2. Капшелер А. Мазепинцы, малороссы, хохлы: украинцы в этнической иерархии Российской империи // Россия – Украина: история взаимоотношений. М., 1997.
3. Миллер А.И. «Украинский вопрос» в политике властей и русском общественном мнении (вторая половина XIX в.). СПб., 2000.
4. Миллер А.И. Империя Романовых и национализм: эссе по методологии исторического исследования. М.: НЛЮ, 2008.

5. Полвинен Т. Держава и окраина. Н.И. Бобриков – генерал-губернатор Финляндии. 1898–1904 гг. СПб., 1997. (Первое издание на финском языке: Tuomo Polvinen. Valtaakunta ja Rajamaa. Helsinki, 1984).
6. Риббер А. Изучая империи // Исторические записки. М., 2003. Вып. 6 (124).
7. Российская многонациональная цивилизация. Единство и противоречия. М., 2003.
8. Puntila L.A. The Political History of Finland. 1809–1966. London. 1975.
9. Russification in the Baltic Provinces and Finland. (1855–1914). Princeton. 1981.
10. Seton-Watson H. Nations and States. An Enquiry into the Origins of nations and the Politics of Nationalism. Methuen-London, 1977.
11. Weeks T.R. Nation and the State in late imperial Russia. Nationalism and Russification on the Western Frontier. 1863–1914. Illinois, 1996.

Бахтурина Александра Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, г. Москва, Россия; a-yu-b@yandex.ru

Administrative Policy of autocracy on the outskirts of the Russian Empire of the early twentieth world: historiographic interpretations and political context

The article examines the development of the term «Russification» in Russian and foreign historiography. Changes in the interpretation of Russian policy in national regions at the beginning of the twentieth century under the influence of political conjuncture are shown. It is concluded that approaches to studying the policy of the Russian Empire towards non-Russian peoples have changed under the influence of ideas about national security and state interests.

Keywords: Russian Empire national suburbs historiography national politics

Bachturina Aleksandra Yur`evna, Doctor of History, Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; a-yu-b@yandex.ru

УДК 94(497.1)

Белов М.В.

Календарь праздничных дат как инструмент исторической политики в странах бывшей Югославии¹

Государства бывшей Югославии в разной мере используют официальный календарь как инструмент исторической политики. Короткий срок существования независимой государственности во многих случаях привел к концентрации на датах, связанных с событиями XX века (его последнего десятилетия) или начала следующего столетия. В ряде стран наследие межэтнических конфликтов 1990-х задало конфронтационную и околомилитарную модель в сетке государственных праздников и памятных дней. Культурный акцент в официальном календаре характерен

¹ Работа выполнена при финансовой поддержке РФФИ. Проект № 19-09-00163.

лишь для Словении, избежавшей при выходе из Федерации участия в продолжительном конфликте.

Ключевые слова: историческая политика в странах бывшей Югославии, государственные / национальные праздники и памятные дни

Праздничные и памятные дни справедливо относятся к разряду менее стабильных национальных символов по сравнению с фольклором и архитектурой, гербом или флагом [3; 6]. Впрочем, создание независимой государственности на руинах коммунистических федераций повлекло за собой чрезвычайно масштабные перемены в символическом инвентаре. И поскольку распад Югославии сопровождался рядом длительных и кровопролитных конфликтов, это в отдельных случаях усилило отторжение прежних символов и предопределило крайности новаторства.

В Хорватии это вызвало особую подвижность официального календаря, оказавшегося в сильной зависимости от электоральных циклов. Но кроме того, в результате перетасовки праздничных и памятных дат, согласно последней реформы 2019 г., еще более усилился акцент на героической и виктимной памяти, смещенной к событиям 1990-х гг., в свете которых культивируется образ нации-жертвы [1].

Главным соперником Хорватии в характерной для посткоммунистических государств «конкуренции жертв» предсказуемо является Сербия. Ее официальный календарь сосредоточен на днях памяти воинской славы и потерь, а также на датах героической борьбы, отсылающих к обретению национальной самостоятельности. Главным официальным праздником является Сретенье – День государственности Сербии, связанный с началом Первого сербского восстания (1804–1813) и принятием первой конституции (1835)¹. К разряду государственных праздников относятся также Новый год (1–2 января), Праздник труда (1–2 мая), День победы 9 мая и День перемирия в Первой мировой войне 11 ноября. Выделены нерабочие дни для религиозных праздников четырех общин (православных, католиков, мусульман и иудеев), при этом два православных праздника (Рождество и Пасха) имеют статус общезначимых. К этому прибавляются праздники, отмечаемые в рабочие дни: Святой Савва – День духовности (27 января), День памяти о жертвах холокоста, геноцида и других жертв фашизма во Второй мировой войне (22 апреля), Видов день в память о Косовской битве

¹ Критики указывали на религиозный аспект этого праздника, что противоречит принципу светского государства и дискриминирует представителей неправославных конфессий.

(28 июня) и День памяти о сербских жертвах во Второй мировой войне (21 октября). К этому перечню жертвенных праздников в последнее пятилетие усилиями президента (а до этого премьера) Александра Вучича и его коллеги из Республики Сербской в Боснии и Герцеговине Милорада Додика добавился День памяти обо всех пострадавших и изгнанных сербах в вооруженной акции «Буря» 4 августа. Это день – самый яркий пример мемориального контрпрограммирования – отмечается в пику празднованию Дня победы в Отечественной войне (1991–1995), как именуется в Хорватии этот сербско-хорватский конфликт [2].

Экстремальным случаем разрозненного календаря праздничных дат является случай Боснии и Герцеговины, где «отсутствие объединяющих символов» у трех общин (бошняков, сербов и хорватов), разделенных как бы «прозрачной стеной», является следствием «замороженного» под давлением извне военного конфликта первой половины 1990-х. И если даже нейтральные праздники, вроде Нового года здесь не так однозначны, то даты, связанные с недавней историей, закономерно превращаются в яблоко раздора. Так случилось с Днем Республики Сербской, отмечаемого 9 января – в память о событиях 1992 г., предшествовавших началу гражданской войны [4; 5].

В старой редакции закона о государственных праздниках Македонии (1998) значились три даты: День Республики (2 августа – начало Илинденского восстания 1903 г.), День независимости (8 сентября – дата референдума 1991 г. с вопросом о самостоятельности Македонии и допущении о вхождении ее в обновленный союз суверенных государств Югославии), а также День восстания Македонии (11 октября – в память о начале антифашистской вооруженной борьбы в 1941 г.). После конституционной реформы, вызванной выступлениями албанского меньшинства в начале нулевых, в этот закон были внесены изменения (2007). Список государственных праздников расширился за счет Дня славянских просветителей («Св. Кирилл и Мефодий» – 24 мая), Дня македонской революционной борьбы (23 октября, когда в далеком 1893 г. в Салониках была образована Македонская революционная организация) и Св. Климент Охридский (8 декабря – день памяти этого святого покровителя Македонии, одного из учеников славянских просветителей св. Кирилла и Мефодия. Наибольшие возражения вызвало появление праздника, связанного с родословной правящей партии ВМРО-ДПМНЕ, что рассматривалось как способ использования государственной власти во имя партийной индоктринации. К тому же критики указывали на то обстоятельство, что созданная

в конце XIX века революционная группа (будущая ВМРО) исходила из целей объединения македонских земель с Болгарией в результате освобождения от власти Османской империи, а вовсе не была носителем эксклюзивной национальной идеи.

В новой редакции расширился и перечень нерабочих дней, связанных с религиозными праздниками. Для всех граждан такими стали Рождество и Пасха православного календаря, а также первый день по окончании Рамадана (Ураза-байрам). Кроме того, для разных религиозных и этнических общин были выделены дополнительные нерабочие дни. Больше всего таких было определено для православных верующих (5), но кроме того, по одному нерабочему дню выделено для иных общин: албанцев, мусульман, католиков, сербов, влахов, евреев, турок, цыган, бошняков.

В Черногории двумя главными государственными праздниками в соответствии с законами 2007 и 2013 гг. являются День независимости, отмечаемый 21 мая в память о референдуме 2006 г., обозначившего выход из Союза с Сербией, а также День государственности 13 июля. Он отсылает к более давней истории – решению Берлинского конгресса (1878) о признании независимости тогдашнего Княжества и началу антифашистского восстания в 1941 г., то есть совмещает два разных события.

В полупризнанном Косово главным государственным праздником стал День независимости 17 февраля. В 2008 г. в этот день Парламент Косова в одностороннем порядке принял Акт о независимости от Сербии. К тому же году отсылает и День конституции 9 апреля, когда был ратифицирован в Парламенте ее текст. Прочие нерабочие дни (за исключением Международного Дня труда 1 мая и Нового года) относятся к религиозным праздникам трех общин – мусульман, католиков и православных.

Относительно благополучный исход этнически однородной Словении, избежавшей вовлеченности в длительные и кровопролитные конфликты на просторах бывшей Югославии, предопределил мирную палитру ее праздничного календаря¹. Наряду с датами, маркирующими формирование национальной территории²

¹ В первоначальный текст закона 1991 г. неоднократно вносились изменения (вплоть до появления Дня словенского спорта в 2020 г., приуроченного к 23 сентября).

² Учрежденный в 2005 г. День Рудольфа Майстера, возглавлявшего в 1918 г. отряды словенских добровольцев, захватившего Марибор, что обеспечило вхождение в Королевство сербов, хорватов и словенцев северных и северо-восточных территорий нынешней Словении. В 2006 г. появился праздничный День воссоединения словенцев Прекмурья с материнским народом (17 августа) в память о событиях 1919 г. А 15 сентября (с 2005 г.) отмечается День воссоединения Приморья с Отечеством, согласно мирному договору с Италией в 1947 г.

и обретенный суверенитет¹, а также самое раннее начало антифашистской борьбы в сравнении с прочими подобными датами постъюгославских государств (27 апреля – День восстания против оккупации), в словенский официальный календарь включены и даты, ассоциированные с деятелями и процессами формирования национальной культуры. 8 февраля отмечается День Прешерна, праздник словенской культуры, приуроченный дате смерти величайшего национального поэта Франца Прешерна (1800–1849). Учрежденный еще в 1945 г., в 1991 г. он стал нерабочим днем. 8 июня празднуется День Приможа Трубора (1508–1586) – деятеля Реформации и первого издателя книг на словенском языке. А 31 октября стал отмечаться как День Реформации – в память о первом всплеске национальной культуры, вызванном усилиями того же Трубора и других подвижников XVI века протестантского толка. Впрочем, только часть из перечисленного имеет статус государственных праздников.

Календарь праздничных дат в разной степени задействован как инструмент исторической политики в странах бывшей Югославии. Наиболее интенсивно он используется в Сербии и Хорватии, вовлеченных в затяжной конфликт при распаде Федерации. А межэтнический раскол в Боснии и Герцеговине, закрепленный после 1995 г., блокирует выработку единой праздничной памяти. В качестве главных государственных праздников нередко преобладают даты из XX или даже начала XXI века. А память о войнах и связанных с ними жертвах дополняется в ряде случаев религиозными или этноцентричными праздниками как свидетельствами о признании прав меньшинств и преобладании большинства. Включение памяти о вехах в развитии национальной культуры ощутимо лишь в Словении, чей выход из Федерации был наиболее быстрым и наименее болезненным.

Библиография

1. Белов М.В. Официальный календарь как инструмент исторической политики: случай Хорватии // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2020. № 5. С. 17-29.
2. Едемский А.Б. Конфликт исторической памяти на периферии Евросоюза: хорватский праздник vs. сербский траур // Между Москвой и Брюсселем / Отв. ред. К.В. Никифоров. М.: Ин-т славяноведения РАН, 2016. С. 311-319.

¹ День государственности 25 июня, отсылающий к принятию одновременно с Хорватией решения о выходе из состава Федерации в 1991 г. (затем отложенного), и День независимости и единства (28 декабря) в память о референдуме 1990 г. С 2015 г. отмечается еще и День суверенитета 25 октября, связанный с выводом Югославской народной армии с территории Словении.

3. Ефремова В.Н. Национальные праздники как «нестабильные символы» национальной идентичности // Символическая политика. Вып. 1. Конструирование представлений о прошлом как властный ресурс. Сб. науч. тр. / Отв. ред. О.Ю. Малинова. М.: ИНИОН РАН, 2012. С. 308-315.

4. Руднева И.В. Смысл Дня независимости для новых балканских государств // Центральноевропейские исследования. 2018. Вып. 1 (10). День в календаре. Праздники и памятные даты как инструмент национальной консолидации в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XIX–XX вв. / Отв. ред. О.В. Хаванова. Сборник статей. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 110-123.

5. Энгельгардт Г.Н. Референдум о Дне Республики Сербской – политический ответ на манипуляции в сфере исторической политики // Центральноевропейские исследования. 2018. Вып. 1 (10). День в календаре. Праздники и памятные даты как инструмент национальной консолидации в Центральной, Восточной и Юго-Восточной Европе XIX–XX вв. / Отв. ред. О.В. Хаванова. Сборник статей. СПб.: Нестор-История, 2019. С. 143-163.

6. National day's: Constructing and mobilizing national identity / Ed. by McCrone D., McPherson G. N.Y.: Palgrave Macmillan, 2009. 283 p.

Белов Михаил Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой новой и новейшей истории, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; belov_mihail@mail.ru

Public holidays as a tool of the politics of history in the countries of the former Yugoslavia

The states of the former Yugoslavia use the official calendar as an instrument of the politics of history. The short period of existence of independent statehood in many cases has caused special attention to the dates associated with the events of the 20-th century (its last decade) or the beginning of the next century. In a number of countries, the legacy of the interethnic conflicts of the 1990s set a confrontational and near-military model in the list of public holidays and commemorative days. The cultural accent in the official calendar is typical only for Slovenia, which avoided participation in a prolonged conflict after leaving the Federation.

Keywords: politics of history in the countries of the former Yugoslavia, public / national holidays and commemorative days

Belov Michael Valerievich, Doctor of History, the Head of the Chair of Modern and Contemporary History at the Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod, Russia; belov_mihail@mail.ru

УДК 930+94(47).084

Кузнецов А.А.

Представители научной школы Н.И. Кареева в Министерстве иностранных дел Российской республики в 1917 г.

Историк Н.П. Соколов (1890–1979) в 1914–1917 гг. был в магистратуре Н.И. Кареева. Недавно изученные документы свидетельствуют о том, что в это время Н.П. Соколов работал в Министерстве иностранных дел. В 1917 г. Н.П. Соколов во-

шёл в состав информационного бюро при Министерстве иностранных дел Временного правительства. Возглавлял это бюро В.А. Бутенко (1877–1931). В.А. Бутенко – историк, представитель научной школы Н.И. Кареева. Сведения об информационном бюро дают новые факты по политической истории России 1917 г. Руководство В.А. Бутенко информационным бюро – новый, ранее неизвестный факт его биографии. Участие Н.П. Соколова в работе бюро – новый факт его биографии.

Ключевые слова: Н.И. Кареев, Н.П. Соколов, В.А. Бутенко, М.И. Терещенко, Новая история, Временное правительство, Министерство иностранных дел, осведомительное/информационное бюро, научная школа

В сентябре 1938 г. в Горьком был арестован учитель истории и завуч средней школы Николай Петрович Соколов (1890–1979). Его обвинили в антисоветской агитации и шпионаже. В январе 1939 г. дело было закрыто, Н.П. Соколова освободили [8]. С 1942 г. он стал преподавать в высшей школе Горького, в 1943 г. защитил кандидатскую диссертацию по философско-историческим взглядам Тюрго, затем посвятил научно-исследовательскую деятельность образованию Венецианской колониальной империи (защита докторской диссертации в 1954 г.).

На следствии, кроме обвинений в антисоветской агитации и шпионаже, будущему историку-медиевисту пришлось объясняться и по другому поводу. В Справке, составленной для санкционирования ареста Н.П. Соколова, указывалось, что он с 1914 г. по февраль 1917 г. служил в Министерстве иностранных дел и составлял обзоры иностранной прессы, трудов зарубежных государственных деятелей, а «в Октябрьскую революцию 1917 г.» в кабинете Министерства иностранных дел готовил «материалы для доклада к поездке Скобелева и Терещенко во Францию» [8, л. 1].

На допросе Н.П. Соколов заявил, что работал только для МИД Временного правительства (см. ниже) [8, л. 12]. Следователи к вопросу о его справочно-аналитической деятельности для МИД с 1914 г. по февраль 1917 г. не возвращались. Но есть основания изучить это сведение из Следственного дела. В 1988 г. вышел биографический очерк о Н.П. Соколове. Авторами являются младший коллега и ученик мэтра. В основе многих приведённых фактов были разговоры авторов с Н.П. Соколовым. Без ссылок на источник они указали, что Соколов не был мобилизован в 1914 г., но его привлекали к переводу зарубежных газет для российского МИД [2, с. 129]. Соотнесение того, что следователи в 1938 г. знали, но не могли доказать этот факт, а биографы Соколова могли только от него услышать данное сведение, позволяет утверждать, что его работа на царский МИД действительно была.

О своей справочно-информационной деятельности при МИД Временного правительства подследственный Н.П. Соколов рассказывал, что она носила разовый характер и заключалась в подготовке материалов для доклада министра иностранных дел М.И. Терещенко по «политико-экономическому состоянию Югославии» (sic!), и в этой работе Соколов был связан с В.А. Бутенко, руководившим «информационным или осведомительным бюро» при МИД и командированным в Саратовский университет [8, л. 12, 13].

Естественно, что на следствии Н.П. Соколов должен был уменьшать свою роль при МИД Временного правительства. Однако в 1960–1970-х гг. сетовал, что Временное правительство осталось ему должно серьёзную сумму денег за переводы [3, с. 38]. Эти жалобы если не подрывают тезис о разовых поручениях МИДа, то делают их значимыми.

Показание Соколова о том, что он разово готовил обзор по политико-экономическому состоянию Югославии (данности 1938 г., не существовавшей в 1917 г.), можно гипотетически развить. Г.Н. Михайловский писал о втором министре иностранных дел Временного правительства М.И. Терещенко: «Если Милюков по балканским вопросам, например по константинопольскому, занимал свою собственную позицию и заставлял ведомство её принимать, то Терещенко, наоборот, очень внимательно слушал, что ему говорили, и всегда соглашался...» [5, с. 417]. И вот к подбору материала по балканским делам оказался причастен Н.П. Соколов.

После допроса уже не поднимался вопрос о подготовке Н.П. Соколовым во время Октябрьской революции материалов о поездке М.И. Терещенко и М.И. Скобелева на конференцию в Париж. Косвенно о таком биографическом факте опять свидетельствуют статьи о Н.П. Соколове, написанные знавшими его людьми. Согласно переданным ими его воспоминаниям, он 25 октября 1917 г. завершил составление обзора французских газет и покинул Зимний дворец [4, с. 168-169]. Фигурировавший в Справке Матвей Иванович Скобелев – в 1917 г. меньшевик, заместитель председателя Исполкома Петроградского совета рабочих и солдатских депутатов, с мая по август – министр труда Временного правительства; 3–5 октября 1917 г. – на закрытых заседаниях ВЦИК был выдвинут депутатом «революционной демократии» на Парижскую конференцию с целью заключения мира без «аннексий и контрибуций, на основе права наций на самоопределения». Был репрессирован и расстрелян в 1938 г. [6]. Из допросов Скобелева чекисты могли получить сведения о референте Н.П. Соколове при МИД Временного правительства

и конкретно о его работе 25 октября 1917 г. Но более вероятным источником такой информации мог быть историк Вадим Аполлонович Бутенко (1877–1931).

В.А. Бутенко – историк-новист, ученик Н.И. Кареева, изучавший политическую историю Франции XIX в., в октябре 1917 г. уехал в Саратов [1, с. 32-33], где в 1918 г. стал деканом историко-филологического факультета. В 1928 г., по сути, был изгнан / уволен из Саратовского университета [7, с. 180]. А в 1929 г. В.А. Бутенко был арестован в 1929 г. по «Академическому делу», осужден на 10 лет и умер в 1931 г. в лагерном госпитале. Знакомство с биографией В.А. Бутенко позволяет сказать, что её автору С.Л. Егоровой по объективным причинам не удалось изучить Следственное дело: на запросы из архива ФСБ приходили лишь справки. А потому осуждение на 10 лет лишения свободы и быстрая смерть от стремительного туберкулёза справедливо трактуются общими словами (а что ещё остаётся делать в этой ситуации?) о необоснованном обвинении и наказании. Вероятно, в его деле есть упоминания информационного / осведомительного бюро при МИД Временного правительства, возглавляемого, по словам Н.П. Соколова, В.А. Бутенко [8, л. 13]. От него советские репрессивные органы могли получить информацию о работе Н.П. Соколова в аппарате Временного правительства.

О факте существования информационного (осведомительного) бюро при МИД Временного правительства известно из соколовского Следственного дела. Этот факт является новым и в биографиях Бутенко и Соколова, и в политической истории 1917 г. Он же позволяет выдвинуть источниковедческую гипотезу: в недоступном историкам Следственном деле самого Бутенко могут быть показания об этом бюро и его участниках, а, значит, и Соколове.

Н.П. Соколов, как и В.А. Бутенко, – это ученик Н.И. Кареева. Н.П. Соколов – выпускник Нежинского историко-филологического института – в 1914 г. стал учеником Н.И. Кареева. Однако в 1918 г. был вынужден покинуть Петроград и уехать на родину – в Нижегородскую губернию.

Руководитель образованного при МИД Временного правительства бюро В.А. Бутенко был сторонником подхода «войны до победного конца», а победа же для него заключалась в разгроме оплота европейской реакции – Германии [1, с. 29-30]. Наверное, в бюро В.А. Бутенко подбирал знакомых, коллег из числа единомышленников, к которым относился и Н.П. Соколов. Он, очевидно, уже имел опыт работы референтом при (царском) МИД.

К сожалению, неизвестна тема научного исследования Н.П. Соколова, которую ему поставил Н.И. Кареев. Априори считается, что она была связана с темой его выпускного в Нежинском институте сочинения и будущей кандидатской диссертации – историко-философские взгляды Тюрго. Даже если не так, то, всё равно, проблематика научной работы Н.П. Соколова в 1914–1918 гг. соотносится с историей Нового времени. Францию XIX в. изучал В.А. Бутенко. В МИД Временного правительства демократической России 1917 г. возникла потребность в экспертах. И именно ученики Н.И. Кареева, изучавшие политические документы Нового времени как исторические источники, знакомые с предпосылками и истоками проблем международных отношений закономерно оказались готовыми к этой роли. Информация, подготовленная ими, влияла на внешнеполитические решения России в европейском масштабе. Другой вопрос, насколько устойчивой была эта тенденция, ведь тот же В.А. Бутенко в октябре 1917 г. (до штурма Зимнего дворца) уже оставил Петроград и, соответственно, руководство информационным бюро. Однако Н.П. Соколов даже в день Октябрьской революции тоже работал с документами. Последовавшее установление Советской власти остановило практику привлечения в высшие эшелоны власти экспертов из числа историков.

Библиография

1. Егорова С.Л. Историк В.А. Бутенко. Портрет на фоне эпох. Сыктывкар: Редакционно-издательский отдел Коми НЦ УрО РАН, 2013. 140 с.
2. Кузнецов Е.В., Меженин В.М. Николай Петрович Соколов // Горьковский государственный университет: Выдающиеся учёные. Горький, 1988. С. 127-137.
3. Меженин В.М. Метки благодарной памяти // Учёный, эпоха, память. Нижний Новгород, 2011. К 120-летию со дня рождения профессора Николая Петровича Соколова. Сборник статей и материалов. Нижний Новгород, 2011. С. 36-57.
4. Меженин В.М., Кузнецов Е.В. Страницы нижегородской историографии: профессор Н.П. Соколов // Исследования по истории России. Нижний Новгород, 1996. С. 165-174.
5. Михайловский Г.Н. Записки. Из истории российского внешнеполитического ведомства. 1914–1920. В двух книгах. Т. 1. М.: Международные отношения, 1993. 520 с.
6. Райхцаум А.Л. Скобелев Матвей Иванович // Политические деятели России, 1917 год биографический словарь. М.: Научное изд-во «Большая российская энциклопедия», 1993. – URL: https://1351.slovaronline.com/285-скобелев_матвей_иванович (дата обращения: 26.08.2020).
7. Учёный в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 512 с.
8. Центральный архив Нижегородской области. Ф. Р-2209. Оп. 3. Д. 782.

Кузнецов Андрей Александрович, доктор исторических наук, профессор, Нижегородский государственный университет имени Н.И. Лобачевского, Нижний Новгород, Россия; nalbuz@mail.ru

Representatives of the scientific school of N.I. Kareev in the Ministry of foreign Affairs of the Russian Republic in 1917

The historian N.P. Sokolov (1890–1979) in 1914-1917 was in the master's program of N.I. Kareev. Recently studied documents indicate that at this time N. p. Sokolov worked in the Ministry of foreign Affairs. In 1917, N.P. Sokolov joined the information Bureau of the Ministry of foreign Affairs of the Provisional government. This Bureau was headed by V.A. Butenko (1877–1931). V.A. Butenko was a historian, a representative of the scientific school of N.I. Kareev. Information about the information Bureau is provided by new facts on the political history of Russia in 1917. The Leadership of V.A. Butenko information Bureau – a new, previously unknown fact of his biography. Participation of N.P. Sokolov in the work of the Bureau is a new fact of his biography.

Keywords: N.I. Kareev, N.P. Sokolov, V.A. Butenko, M.I. Tereshchenko, New history, Provisional government, Ministry of foreign Affairs, information Bureau, scientific school

***Kouznetsov Andrey Aleksandrovich**, Doctor of History, Associate professor, Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky, Nizhny Novgorod, Russia; nalbuz@mail.ru*

УДК 930 + 001.32

Мальшева С.Ю.

Д.М. Одинец: историк в политических событиях XX века

Жизнь историка Д.М. Оди́нца рассматривается как уникальная и одновременно как типичная для представителей его поколенческой группы университетариев, молодых профессоров российских университетов. Констатируется, что при всей широте диапазона поведенческих стратегий университетских людей, при выборе этих стратегий они во многом руководствовались университетской доксой и соответствующей системой ценностей.

Ключевые слова: Д.М. Одинец, Русская общественная библиотека имени И.С. Тургенева, Русское Зарубежье, Украинская Народная Республика, концентрационный лагерь в Компьене

В истории знаменитой Тургеневской библиотеки – Русской общественной библиотеки им. И.С. Тургенева в Париже, основанной в 1875 г. Г.А. Лопатиным и пропавшей в 1940 г., во время Второй мировой войны (библиотека воссоздана заново в 1959 г.), среди множества знаменитых имен значится и имя профессора Дмитрия Михайловича Оди́нца (1883–1950), долгие годы бывшего членом ее правления, товарищем председателя и председателем правления, фактически – последним директором. Судьба Оди́нца, с одной стороны, уникальна [4; 5]. С другой стороны, на примере его биографии высвечиваются поведенческие стратегии представителей

университетского сообщества в драматических событиях XX в., а также факторы и ценности, их определявшие.

Сын военного врача, выпускник Ярославской гимназии, а затем – юридического факультета Петербургского университета (1906), один из последних учеников В.И. Сергеевича, оставленный им при кафедре истории русского права для приготовления к профессорскому званию, Одинец являл собой тип университетария, не только увлеченного кабинетными академическими исследованиями. Он много сил и времени отдавал организационно-преподавательской работе в петербургских гимназиях, на юрфаке Психоневрологического института и на Высших женских историко-литературных и юридических курсах, в Обществе народных университетов.

Кроме того – в соответствии с гумбольдианскими представлениями об идее и миссии классического университета (а Одинец два семестра 1903 и 1904 гг. был слушателем Берлинского университета), предписывающими университетариям активную общественную позицию и ответственность за судьбы страны, формирование гражданского сознания, – он вступает и на политическую стезю, став членом партии народных социалистов и войдя в 1906 г. в ЦК Трудовой группы. Февральскую революцию и Временное правительство Одинец поддержал. Летом 1917 г. член ЦК Трудовой народно-социалистической партии Одинец отправляется в Киев, где, будучи руководителем Киевского отдела партии, в ноябре 1917 г. вошел в правительство, сформированное Украинской Центральной Радой и ее главой, известным историком М.С. Грушевским. Одинец стал одним из трех министров по делам национальностей – по великорусским делам. Однако уже в марте 1918 г., при сохранении двух других министерств (по польским и еврейским делам), министерство Одинца упраздняется, а 28 апреля сама Рада была разогнана германским командованием. Дмитрий Михайлович продолжает активную политическую деятельность, возглавляя Южный комитет Союза возрождения России, основанного в 1918 г. членами партий кадетов, энесов и эсеров в противовес советскому правительству. Взятие Красной Армией Киева и постепенная утрата Украинской Народной Республикой контроля над ее территориями вновь вынуждают Одинца сделать выбор. В декабре 1919 г. историк уезжает в Одессу, оканчивает пулеметные курсы и вместе со своей воинской частью оказывается в Румынии.

С интернирования в 1920 г. началась вторая, эмигрантская, половина его биографии. Его эмигрантский маршрут – Белград (где он руководил мужской гимназией), Варшава (и членство в Рус-

ской школьной комиссии), наконец, после высылки из Польши, – Париж. Во французской столице Одинцу в первый год пришлось зарабатывать физическим трудом. Но уже с 1922 г. он возобновляет свою преподавательскую деятельность, преподает как в эмигрантских, так и во французских учебных заведениях (Дмитрий Михайлович с юности прекрасно владел французским и немецким языками) – в Русском народном университете, Франко-русском институте, французском лицее, в Сорбонне. В 1920 – 1930-х гг. Одинец ведет и организационную работу в вузах: член правления и товарищ председателя Русского народного университета, член совета профессоров русского отделения Сорбонны, товарищ председателя и генеральный секретарь Русского академического союза во Франции, председатель Русского педагогического союза во Франции. Эти годы стали плодотворными и с точки зрения исследований. Наконец, Д.М. Одинец мог посвятить себя научным трудам: он опубликовал десятки работ, в том числе семь монографий, посвященных проблемам истории права и государственного строя Древней Руси, взаимоотношений Украины и Московского государства.

Важной частью его жизни стала крупнейшая библиотека русского зарубежья: в 1927 г. Д.М. Одинца избирают членом правления, товарищем председателя, а позже – председателем правления Русской общественной библиотеки им. И.С. Тургенева в Париже. Это обстоятельство сыграет значимую роль в его судьбе. Спустя месяц после оккупации Парижа, в сентябре 1940 г. его посетил Гельмут Вайс, эмиссар Альфреда Розенберга, главы Внешнеполитического управления НСДАП, с предложением от имени Рейха о продаже библиотеки. Вайс получил категорический отказ, который профессору Одинцу придется повторить еще не однажды, несмотря на угрозы, что рейх информирован о его «антигерманских настроениях» «еще со времен гетманской Украины» [6, с. 86]. Обращение Одинца за помощью в сохранении библиотеки к префекту департамента Сены не возымело действия: Вайс явился с автоматчиками и отобрал ключи от библиотеки, после чего она была увезена в неизвестном направлении [2, с. 125].

В попытке спасти библиотеку Одинец совершает опасный, но тщетный шаг – просит помощи у советского посольства в Париже. Это была не последняя его просьба: оккупация Парижа и гибель библиотеки стали поворотным моментом в его, вероятно, многолетних размышлениях о происходящем в Европе и очередной «развилкой» его биографии. В марте 1941 г. профессор ходатайствует о возвращении на родину. Однако 22 июня 1941 г. он был интернирован нацистами, как сотни русских эмигрантов в Париже,

и девять месяцев провел в концлагере в Компьене, даже там продолжая преподавательскую и общественную деятельность [3, с. 22-32]. После освобождения все военные годы он жил в Париже частными уроками. Одинец не отказался от мысли о возвращении в Россию, советское гражданство он получил в 1946 г. Входящий с 1944 г. в руководство просоветских организаций (Союз русских патриотов, Союз советских патриотов, последний он вскоре возглавил), редактор газеты «Советский патриот», в 1948 г. он был арестован и выслан из Франции в СССР. В столицы вернуться ему не позволили, Одинец был направлен в Казань и два последних года жизни служил профессором кафедры истории СССР Казанского государственного университета. Ему поручили вести спецкурсы по истории Киевской Руси и Московского государства XIV–XVI вв. Однако профессор не изменял себе и был весьма свободен и критичен в суждениях, поэтому коллеги и студенты относились к нему настороженно. После смерти Одинца некоторые его книги и архив с рядом уникальных документов были переданы в Отдел рукописей и редких книг библиотеки Казанского университета. Благодаря одной из этих книг спустя 20 лет его имя вернулось в историографию [1, с. 52-56].

При всей уникальности личности и судьбы Д.М. Одинца, они являют и черты типичности, характерные для представителей когорты молодых – 30–40-летних российских профессоров, чьи биографии пережили крутые повороты в связи с политическими событиями в России 1917 – начала 1920-х гг. Диапазон поведенческих стратегий университетских людей перед лицом драматических событий XX в. в России и Европе оказывался не столь широк, и он определялся не только личными качествами или политическими взглядами. Стратегии поведения на «развилках» этих событий, главными из которых оказались Революция 1917 г. в России и Вторая мировая война, при всей изменчивости политической конъюнктуры и взглядов университетариев, в значительной мере определялись системой ценностей университетского сообщества, его этосом.

Библиография

1. Аристов В.В. Подарок декабриста. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1970. 121 с.
2. Кнорринг Н.Н. Гибель Тургеневской библиотеки в Париже // Простор. 1961. № 8. С. 123-126.
3. Малышева С.Ю. Автографы Компьеньского концлагеря // Евреи в культуре русского зарубежья. Иерусалим, 1996. Вып. 5. С. 22-32.
4. Малышева С.Ю. Наш человек из Парижа: Судьба с казанским эпилогом // Татарстан. Казань, 1995. № 1-2. С. 79-84.

5. Скоробогатов А. Историк русского зарубежья. Дмитрий Одинец // Гасырлар авазы = Эхо веков. 1999. № 1-2. С. 143-148.

6. Фирсов Г.Г. Тургеневская общественная библиотека в Париже // Русская литература. 1968. № 4. С. 80-88.

Мальшиева Светлана Юрьевна, доктор исторических наук, профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; Svetlana.Malycheva@kpfu.ru

D.M. Odinets: one historian in the political events of the 20th century

The life of historian D.M. Odinets is considered as unique and, at the same time, as typical for representatives of his generation group of university people, young professors of Russian universities. It should be noted that despite the wide range of behavioral strategies of university people, in choosing these strategies they were largely guided by the university doxa and value system.

Keywords: D.M. Odinets, I.S. Turgenev Russian Public Library, Russian Abroad, the Ukrainian National Republic, Concentration Camp in Compiègne

Malysheva Svetlana Yurievna, Doctor of History, Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; Svetlana.Malycheva@kpfu.ru

УДК 930

Худолеев А.Н.

Д.И. Иловайский и журнал «Русская старина»: опыт научного сотрудничества

В статье рассматриваются исследования дореволюционного историка Д.И. Иловайского, опубликованные в журнале «Русская старина». Анализируются историко-критические статьи Д.И. Иловайского по проблемным вопросам российской истории. С точки зрения Д.И. Иловайского анализируются объективность и аргументированность позиций авторов, репрезентативность источниковой базы их исследований. Делаются выводы о важности критических замечаний Д.И. Иловайского для развития отечественной исторической мысли второй половины XIX – начала XX вв.

Ключевые слова: Д.И. Иловайский, историческая мысль, дореволюционная историография

Основанный в 1870 г. М.И. Семевским журнал «Русская старина» несколько десятилетий объединял вокруг себя как профессиональных историков, так и просто любителей русской старины. Одним из тех, кто долгие годы тесно сотрудничал с этим историческим изданием, был Д.И. Иловайский (1832–1920) – один из самых колоритных исследователей второй половины XIX – начала XX вв. Убежденный антинорманист, автор оригинальной «Истории России» и популярных школьных учебников, яркий и талантливый

полюемист, с удовольствием вступающий в дискуссии, давая порой нелюбопытные оценки тем или иным историческим концепциям.

В частности, на страницах «Русской старины» Д.И. Иловайский раскритиковал сторонника норманизма, библиотекаря Императорской Санкт-Петербургской академии наук Н.П. Ламбина, посвятившего немало времени доказательству объективности «Повести временных лет». Он категорически не принимал точку зрения Дмитрия Ивановича о мифологичности, недостоверности, баснословности и сказочности летописи. Отрицание Д.И. Иловайским призвания варягов, его мнение о легендарности фигуры Рюрика, нечеткости образа конунга Олега, размытости его деяний в древнерусской истории выглядели для Н.П. Ламбина кощунственно. На его взгляд, все это исходило только из желания Д.И. Иловайского «хозяйничать с известиями нашей летописи» и убажывать свое высокомерное самолюбие [10, с. 125].

Околонаучные выпады Н.П. Ламбина вынудили Дмитрия Ивановича с сожалением констатировать, что «в сущности приходится вести борьбу не против существенных основ норманнской теории, а против того способа полемики, к которому прибегают защитники этой теории» [4, с. 420]. Тем не менее он считал нужным разъяснить оппоненту, почему не считает сказание о походе Олега в 907 г. на Константинополь достоверным. В летописном своде посреди этого сказания вставлены отрывки из предварительного договора 912 г. Эти вставки так очевидны, что указывать на них «можно разве только в школе при чтении летописи с учениками, а не в научной полемике» [4, с. 421]. К тому же византийские источники не упоминали о данном походе. Легенду о Рюрике с двумя братьями Д.И. Иловайский относил к творчеству новгородцев, которые придумали ее в качестве ответа на киевскую легенду о Кие также с двумя братьями. В итоге, как бы не старались норманисты доказать невозможное, «никакие натяжки не помогут, и для науки басня всегда останется басней» [3, с. 569].

Гораздо более снисходительно Д.И. Иловайский отнесся к труду коллеги по антинорманскому направлению Н.И. Костомарова, заступившись за него после критики профессора Марбургского университета Когена Германа [6]. Несмотря на ряд «несущественных» недостатков в восприятии польских мемуаров и мелких «небрежностей» в стилистической обработке текста, по мнению Дмитрия Ивановича, автор посредством живого литературного изложения представил «русской читающей публике возможно полное и популярное изложение важнейших событий, приведших Польшу к потере самобытности» [5, с. 186].

Интересны оценки, данные Д.И. Иловайским исторической концепции В.О. Ключевского. Д.И. Иловайский упрекал В.О. Ключевского в увлечении «варяжством», однако был одним из его оппонентов на защите докторской диссертации «Боярская дума Древней Руси» и в целом дал на работу положительный отзыв, хотя и отмечал в ней серьезные недостатки. Преамбула выступления Д.И. Иловайского на диспуте сводилась к следующему тезису: «<...> книга уважаемого В.О. Ключевского составляет очень ценный вклад в науку по отношению к XV–XVII вв. нашей истории. К сожалению, предыдущие века, т.е. первые главы, портят общее впечатление» [8, с. 619]. Первые главы диссертации В.О. Ключевского посвящались древнерусскому периоду. Во-первых, Д.И. Иловайский не поддержал теорию В.О. Ключевского о торгово-экономической основе Киевской Руси. Во-вторых, по мнению Дмитрия Ивановича, работе не хватает национального духа, поэтому «в начале русской истории мы здесь почти не находим русского народ» [8, с. 616]. В-третьих, Д.И. Иловайский считал, что соискатель, прямо об этом не говоря, поддерживает норманнскую школу, так как много пишет о варягах, мало о русских и игнорирует его исследования по этому вопросу.

В канун празднования 900-летия крещения Руси Дмитрий Иванович высказал свою точку зрения по этому поводу. По его мнению, 988 г. нельзя считать датой крещения Руси. Исторически верным было бы отмечать юбилей в следующем – 1889 г., поскольку летописные известия о походе князя Владимира в Тавриду, возвращении его на Русь и крещении киевлян, включающие в себя различные промежуточные вехи (продолжительная осада Корсуня, переговоры с византийским двором, сватовство Владимира Святославича, прибытие в Корсунь невесты, свадьба и т.д.) никак не могли произойти в один год [7].

Д.И. Иловайский старался внимательно отслеживать все новые труды по истории древней и средневековой Руси. Поэтому мимо его внимания не прошла рецензия профессора русской истории из Нежина М.Н. Бережкова. Давая в целом положительную оценку работе Д.И. Иловайского о Смутном времени, автор высказал ряд замечаний. Во-первых, в исследовании не уделено достаточного внимания деятельности земства в период Смуты; во-вторых, нечетко определена позиция по вопросу ограничения власти Михаила Федоровича; в-третьих, рецензент отметил бездоказательность суждений о том, что князь Д.М. Пожарский добивался престола всеми способами вплоть до подкупа [1, с. 109-112]. Д.И. Иловайский, отметив компетентность и дельность критики в адрес его

книги, частично согласился с первым замечанием, сославшись на скудность исторических источников, которые могли бы пролить свет на роль городских и сельских общин в эпоху Смуты [2, с. 649]. Относительно второго замечания Дмитрий Иванович предостерег от преувеличения роли земства на соборе 1613 г. Инициатива по ограничению власти царя (в случае с Василием Шуйским и королевичем Владиславом) исходила от Боярской думы. Бояре же руководили судьбоносным собором. Что касается Д.М. Пожарского, то московский историк был уверен в его желании получить престол. Однако «скромность и здравый смысл князя в том и выражались, что он скоро отказался от своей кандидатуры и принял стору Романова» [2, с. 649].

4 апреля 1897 г. Д.И. Иловайский выступил с публичной лекцией о смоленском походе воеводы М.Б. Шеина в период русско-польской войны 1632–1634 гг. Лектор дал нелицеприятную оценку действиям и решениям М.Б. Шеина под Смоленском, согласился с объективностью вынесенного ему царем Михаилом Федоровичем смертного приговора, назвав полководца русским Базеном XVII в. (французский маршал, во время франко-прусской войны 1870 г. сдавший крепость Мец). Такое мнение возмутило археографа Н.Н. Оглоблина. Он отнес Д.И. Иловайского в разряд наивных историков, продолжающих верить «лживой мотивировке "боярского приговора" 1634 г.» [11, с. 879]. Дмитрий Иванович ответил оппоненту, указав, что «не думал обвинять Шеина с сознательной измене; а обвинили его так современники» [9, с. 440]. Воевода дал достаточно поводов для этого. Н.Н. Оглоблин сам страдает тем же пороком – наивностью, так как не учитывает, что в период Смутного времени термин «измена» понимался в более широком смысле, чем в конце XIX в.: «всякое нерадение государственным делом могло считаться за измену» [9, с. 443]. Дело не в отсутствии доказательств подкупа М.Б. Шеина поляками, а в том, что бездействие его под Смоленском вполне могло дать повод московскому правительству и обществу обвинить в измене.

Подводя итог опыту научного сотрудничества Д.И. Иловайского в журнале «Русская старина» можно сделать следующие выводы. Спектр направлений, по которым Д.И. Иловайский принимал участие в деятельности данного журнала, был достаточно широк. Это историко-критические статьи, заметки и рецензии, публикация материалов «Истории России». В целом статьи Д.И. Иловайского в журнале «Русская старина» позволяют проследить дискуссионные темы в изучении древней и средневековой Руси в отечественной исторической науке второй половины XIX – начала XX в.

Библиография

1. Бережков М.Н. Смутное время Московского государства. Соч. Д. Иловайского (Окончание истории России при первой династии). Москва, 1894 // Сборник Историко-филологического общества при Институте князя Безбородко в Нежине. Киев: Тип. Г.Т. Корчак-Новицкого, 1896. Т. I. С. 108-112.
2. Иловайский Д.И. Историко-критические заметки // Русская старина. 1896. Т. 88. Вып. 10–12. С. 649-651.
3. Иловайский Д.И. К вопросу о начале Руси. Тмутараканская Русь г. Ламбина // Русская старина. 1874. Т. 9. Вып. 1–4. С. 569-574.
4. Иловайский Д.И. К вопросу о происхождении русского народа. Заметка о новом возражателе // Русская старина. 1873. Т. 8. Вып. 7–12. С. 420-426.
5. Иловайский Д.И. Костомаров Н.И. Последние годы Речи Посполитой. СПб., 1870 // Русская старина. 1874. Т. 10. Вып. 5–8. С. 186-189.
6. Иловайский Д.И. О критике Германа // Русская старина. 1874. Т. 9. Вып. 1–4. С. 791-795.
7. Иловайский Д.И. По поводу 900-летия крещения Руси // Русская старина. 1888. Т. 58. Вып. 4–6. С. 203-204.
8. Иловайский Д.И. Поборники норманизма и туранизма // Русская старина. 1882. Т. 36. Вып. 10–12. С. 585-620.
9. Иловайский Д.И. М.Б. Шеин при ином историческом освещении // Русская старина. 1898. Т. 96. Вып. 10–12. С. 439-450.
10. Ламбин Н.П. Действительно ли поход Олега на Царьград – сказка? (Вопрос г. Иловайскому) // Журнал Министерства народного просвещения. 1873. Ч. 168. С. 115-127.
11. Оглоблин Н.Н. Правда о боярине М.Б. Шеине // Исторический вестник. 1898. Т. 72. С. 877-897.

Худолеев Алексей Николаевич, доктор исторических наук, профессор, Новокузнецкий институт (филиал), Кемеровский государственный университет, г. Новокузнецк, Кемеровская область, Россия; khudoleev73@mail.ru

D.I. Ilovaisky and the journal «Russian antiquity»: experience of scientific cooperation

The article deals with the research of the pre-revolutionary historian D.I. Ilovaisky, published in the journal «Russian antiquity». The article analyzes the historical and critical articles of D.I. Ilovaisky on problematic issues of Russian history. From the point of view of D.I. Ilovaisky, analyzes the objectivity and reasonableness of the authors' positions, the representativeness of the source base of their research. Conclusions are drawn about the importance of D.I. Ilovaisky's critical remarks for the development of national historical thought in the second half of the XIX – early XX centuries.

Keywords: Dmitry Ivanovich Ilovaisky, historical thought, pre-revolutionary historiography

Khudoleev Alexey Nikolaevich, Doctor of History, Professor, Novokuznetsk Institute (branch), Kemerovo state University, Novokuznetsk, Kemerovo region, Russia; khudoleev73@mail.ru

ВМЕСТО ЗАКЛЮЧЕНИЯ

УДК 930.2

Мягков Г.П.

**«Наследие Н.И. Кареева предельно актуально
и в начале XXI века».**

Интервью - беседа с профессором В.П. Золотаревым¹

Редакция предлагает вниманию читателей текст беседы с доктором исторических наук, профессором Сыктывкарского государственного университета **Василием Павловичем Золотаревым** о достижениях и проблемах изучения наследия Н.И. Кареева

Ключевые слова: Н.И. Кареев, карееведение, В.П. Золотарев, карееведение, марксизм, либерализм, народный демократ

Г. Мягков: Василий Павлович, Вы по праву считаетесь ведущим карееведом. Вы из тумана времени на свет божий вывели Н.И. Кареева, защитили о творчестве ученого две диссертации: кандидатскую и докторскую. Первая посвящена Карееву как педагогу и методисту-историку средней и высшей школы [12], вторая – как историку Франции и философу истории [11]. Подготовили и опубликовали рукопись воспоминаний Кареева «Прожитое и пережитое» (1990 г.) [VII], выдающийся документ, в котором отражена сложная реальность России и некоторых зарубежных стран второй половины XIX и первых трех десятилетий XX века. Мемуары Кареева стали бестселлером. К слову сказать, «Прожитое и пережитое» на Всемирной книжной выставке в Париже в 1991 г. было признано лучшим изданием. К 170-летию со дня рождения Кареева Вы со своими учениками подготовили к изданию объемную рукопись Кареева «*По большой дороге истории*» [VI]. Эта уникальная монография, думаю, станет событием в русской исторической мысли (и не только в русской!).

¹ Интервью взято в ноябре 2020 г. и авторизовано респондентом в сентябре 2021 г.

Наша беседа проходит после того, как состоялась конференция, посвященная 170-летию со дня рождения Н.И. Кареева (1850–1931). Она прошла спустя 20 лет после организованной Вами первой юбилейной, посвященной 150-летию ученого, Научно-теоретической конференции, работавшей в г. Сыктывкаре 5–6 декабря 2000 г. Как Вы оцениваете разворачивавшийся на всем протяжении этого, по сути, целого историографического этапа, процесс развития феномена, обозначаемого термином **карееведение**. Этот термин уже принят историографической наукой. Каково, на взгляд ученого, предложившего этот термин, его содержание? И соответственно, какие пути освоения накопленных знаний Вы можете рекомендовать?

В. Золотарев: начну с последних вопросов. Верно, я склонен говорить о КАРЕЕВЕДЕНИИ = КАРЕЕВИСТИКЕ. Эти совсем недавно возникшие понятия постепенно, но неуклонно утверждаются в литературе о Карееве и его научной школе по новистике. Каково же их содержание? **«Карееведение»**, **«кареевистика»** означают *ведать, вести*, то есть *знать всего Кареева*: человека, ученого большого размаха (история Запада, теория гуманитарного знания, философия, педагогика – и много еще чего, всего не перечесать!). Видим: эти понятия чрезвычайно богаты по своему содержанию. От них, возможно, отпочкуются в недалеком будущем, к примеру, философская кареевистика, педагогическая кареевистика (в том числе историко-методическая), зарубежная кареевистика и т.д. Что же касается термина **«кареевистика»**, то он синоним **«карееведению»**, но они, как видим, имеют не полное звуковое и буквенное совпадение, что придает последнему некоторый сердечный оттенок – основательно знающим Кареева людям вести душевный, роскошный разговор, беседу об историке и большом русском просветителе Н.И. Карееве.

Далее. Учитывая, что жизнь и творчество Н.И. Кареева привлекали и привлекают к себе внимание исследователей вот уже 150 лет, если считать первым вкладом в становление соответствующего научного направления публикацию в 1869 г. рецензии [41] на брошюру Кареева «Фонетическая и графическая система древнего эллинского языка» (М., 1868. 32 с.), то становится совершенно ясно: для создания «картины» отечественного карееведения потребуется не статья, а целая монография. И вот для всех тех, кто интересуется Кареевым и его научным наследием, **очень важна**, образно говоря, **«лоция»** [от голл. *loodsen* – вести корабль], созданная доцентом Сыктывкарского госуниверситета В.А. Филимоновым под Вашим, его научного руководителя по диссертационному исследова-

нию, оглядом. В данном случае мы имеем в виду труд «*Николай Иванович Кареев. Биобиблиографический указатель (1869—2007)*. Казань, 2008» [24]. Этот всеобъемлющий справочник карееведам был крайне необходим. Полагаю, что мой прогноз по поводу роли такого издания, данный еще тогда, когда работа над Указателем шла полным ходом, в 2001 г., что он «*сильно будет способствовать прогрессу отечественного карееведения*» [25, с. 12], полностью оправдался. Теперь никто из историков, философов, педагогов, филологов, исследуя жизнь Кареева и его наследие, не может обойтись без упомянутой лоции. Именно она помогла ученым в обозреваемое время подготовить монографии и диссертации о научном творчестве почетного члена АН СССР.

Г. М.: Спасибо, Василий Павлович, за оценку этого издания и труда его автора. Пользуясь случаем, хочу подчеркнуть, что именно Вы стояли у истоков интереса Владимира Альбертовича к творчеству Н.И. Кареева, определили его научную судьбу, рекомендовав в аспирантуру по кафедре всеобщей истории Казанского университета, дав и мне возможность работать и сотрудничать вот уже многие годы с В.А., ученым-подвижником, энтузиастом, внесшим огромный вклад в карееведение. Отмечу, что в работу по выявлению трудов Н.И. Кареева, их библиографированию внесен значительный вклад и Вами [VII, с. 362-368], ее продолжают и коллеги-социологи [21, с. 369-418], и уже представители нового поколения карееведов [39, с. 165-173], и т.д.

Естественно, Ваш опыт изучения предмета нашего разговора не только дает Вам право на обобщения, но, я бы сказал, обязывает. Какие этапы становления и развития карееведения Вы можете выделить?

В. З.: Я предложил бы следующую периодизацию изучения жизни и творчества Н.И. Кареева, его наследия и его времени. Она включает шесть этапов:

[1] **1869—1913 гг.** От первой рецензии 1869 г. до 13 ноября 1913 г. В этот день отмечался сорокалетний юбилей профессорской деятельности Кареева [26]. Это время становления методологии и практики изучения лишь некоторых сторон жизни и наследия Кареева.

[2] **1913—1923 гг.** От сорокалетнего юбилея научной деятельности, включая пятидесятилетний юбилей [14]. Характерная особенность указанного десятилетия – постепенное и неуклонное затухание карееведения. Такова была тогда ситуация в России и мире.

[3] **1923—1931 гг.** От пятидесятилетнего юбилея научной работы Кареева до его смерти 18 февраля 1931 г. Ведущая черта этого семилетия – резкая, нередко не основанная на фактах, надуманная

критика Кареева и его исследований привела к полному забвению великого русского советского ученого.

[4] **1931–1955 гг.** От смерти Кареева 18 февраля 1931 г. до появления первых исследований о некоторых трудах Н.И. Кареева И.И. Фроловой [38], Б.Г. Вебера [3] и некоторых других авторов. Это время робких попыток фрагментированного характера исследований творчества Кареева.

[5] **1955–2000 гг.** От фрагментарного изучения творчества Кареева и его наиболее значимых трудов к комплексному исследованию его наследия.

[6] **2000–2020 гг.** Полное возрождение карееведения и его быстрое развитие.

Г. М.: Как я понимаю, предложенная *периодизация* при всей ее условности (как и любая другая) основана на далеко не просто добытых знаниях о Карееве в самые разные времена, в условиях даже разных общественных устройств. Но будучи первой в отечественной историографии, она имеет немало оснований стать исследовательским ключом, который послужит прогрессу в отечественном и зарубежном карееведении. Сегодня нас интересует, какими достижениями в карееведение, на Ваш взгляд, вошли первые два десятилетия XXI века, разумеется, в контексте и на фоне общего процесса развития историографии?

В. З.: Если тезисно, то: на сегодня о Н.И. Карееве написано и защищено по меньшей мере 14 диссертаций, из них 13 диссертаций на ученую степень кандидата наук и одна диссертация на ученую степень доктора исторических наук. Первая диссертация о Карееве как историке-методисте была защищена мною в Москве в 1965 г. За нею последовали диссертации Л.В. Гнатюк, К.В. Романова, Ю.Г. Коргунюка, В.П. Золотарева, Т.А. Двуреченской, В.А. Филимонова, И.С. Лысковой, Е.Л. Егоровой (Клестовой), О.И. Зезеговой, Ю.В. Мамоновой, Т.В. Павловой, Ю.С. Афанасьевой (Волковой), Т.П. Филипповой, Е.А. Долговой. Были подготовлены и изданы научные труды Кареева, хранившиеся в отечественных архивах [VII, IV и др.]. Особо отмечу публикацию монографии Н.И. Кареева «*Французская революция в философии истории*» [19], завершившей знаменитый его труд «*Историки французской революции*», первые три тома которого были изданы в Ленинграде издательством «Колос» в 1924 г. В 2003 г. издательство «Наука» опубликовала сборник стихотворений советских историков «*Вторая муза истории: неизученные страницы русской культуры XX столетия*» [4], который открывается подборкой стихотворений Н.И. Кареева [4, с. 14-28]. Сборник «*Ученый в эпоху перемен*»:

Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы» (автор-составитель Е.А. Долгова) [36] вобрал в себя весьма большое количество архивных документов личного происхождения, сохраняемых в Отделе рукописей Российской государственной библиотеки.

Неоценимое значение имеют публикации архивных документов малой формы, такие как письмо Н.И. Кареева в редакцию «Малой советской энциклопедии» об его отношении к К. Марксу и марксизму [IX, с. 169-176], написанное 3–8 января 1931 г. Не меньшее значение для историографов приобрел «Отчет [Кареева] о русской исторической науке за 50 лет (1876-1926)», впервые опубликованный во Франции в 1927 г. Его перевод на русский язык увидел свет на страницах журнала «Отечественная история» в 1994 г. [V, с. 136-154]. Обзор Н.И. Кареева – пример того, как нужно анализировать и оценивать исторические исследования и их авторов вне зависимости от той природной и политической «погоды», которая установилась в стране.

Бесспорно, самым результативным в карееведении стал шестой этап (2000–2020 гг.). Об этом свидетельствую и проведенные в эти годы многочисленные конференции самого разного уровня. Об этом говорят цифры. Если к 150-летию со дня рождения Н.И. Кареева была проведена Первая Всероссийская научно-теоретическая конференция (о чем уже упоминалось), то к 170-летию со дня его рождения – три, причем разного уровня: в Казанском федеральном университете – международная (ее главные организаторы – названный университет и Сыктывкарский университет) и две в Санкт-Петербурге. Одна была посвящена *социологии и историософии Н.И. Кареева* (организаторы РГПУ им. А.И. Герцена, СПбГУ, Социологическое общество им. М.М. Ковалевского) [32], другая – «Ученый и эпоха» – посвящена празднованию двух юбилеев – «170-летию со дня рождения Н.И. Кареева и С.В. Ковалевской» (среди организаторов – Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, Санкт-Петербургский научный центр РАН и другие) [31]. Если на Первой всероссийской конференции (Сыктывкар, 2000) был представлен 31 доклад о Карееве и его школе по новистике, то на трех последних конференциях – 82 доклада.

Г. М.: Но при всей важности работы ученых в формате научно-теоретических конференций, очевидна необходимость обратиться к специально посвященным Н.И. Карееву трудам историков, социологов, политологов, историков культуры и т.д. Но помня Ваш тезис о трудности объять сделанное, на какие публикации Вы обра-

тили свое *особое* внимание, к каким публикациям Вы оказались пристрастными?

В. З.: Интересный поворот. Как вы знаете, меня всегда волновало поэтическое творчество ученого. Вот я и не мог пройти мимо публикации доцентом кафедры теории и истории социологии Санкт-Петербургского государственного университета М.В. Ломоносовой рукописи стихотворения Н.И. Кареева «*На смерть Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева*», отложившейся в Пушкинском Доме. В своих комментариях М.В. Ломоносова не один раз называет опубликованную рукопись «*некрологом в стихах*». Хорошо известно, что некролог – это «статья по поводу смерти какого-н. человека с сообщением сведений о его жизни и деятельности» [34, с. 436]. Стало быть, стихотворение Кареева никак нельзя назвать «некрологом в стихах». Это скорбный отклик на убийство двух политических деятелей. Пойдем далее. Автор утверждает: стихотворение Н.И. Кареева «становится доступным **лишь сейчас, спустя столетие**, благодаря публикации <...> на страницах научного журнала. Таким образом, архивный документ, сохранившийся в фондах Пушкинского Дома, вовлекается в научную коммуникацию» [25, с. 117; выделено мною. – В.З.]. Почему я так детализирую? Все же хотелось, чтобы наши молодые коллеги уважительнее относились к историографии. Ведь не только этот документ, но еще два десятка стихотворений Кареева стали доступными не «**лишь сейчас**», а **в 2003 году** в первом уникальном собрании художественных произведений 42 российских историков XX века, опубликованных в книге «Вторая муза истории» [4]. И открывается эта книга, созданная выдающимся медиевистом и известным поэтом, Аделаидой Анатольевной Сванидзе, «*Частицей поэтического наследия Н.И. Кареева*» [4, с. 12-28], извлеченной из Санкт-Петербургского отделения Архива РАН (Ф. 980).

Г. М.: Спасибо, Василий Павлович, что напомнили об этой удивительной книге, о ее создателе. Могу засвидетельствовать, что информация о том, что Вы уже пропагандируете поэтическое творчество Кареева, была получена Адой Анатольевной от меня. Во время одного из посещений сектора Средних веков ИВИ, 1 декабря 2000 года, Ада Анатольевна (так позволительно было звать ее близким коллегам и друзьям) подарила мне сборник своих стихов «Годы – птицы» и стала рассказывать о замысле книги «Вторая муза историка», в которой были бы собраны художественные произведения российских историков. По сообщенному мной адресу пошло Вам письмо, в ответ на которое, сужу по тексту вступительной статьи А.А., уже в феврале 2001 г. Вы прислали «краткую

справку о Карееве» вместе со стихами и комментариями к ним, сообщив, что около ста стихотворений ученого хранятся в Ф. 980 Санкт-Петербургского отделения Архива РАН. 15 апреля 2004 г. автором-составителем мне была вручена книга «Вторая муза историка» со словами благодарности «за содействие в поисках “историков-поэтов”».

В. З.: Но я продолжу. Марина Васильевна делает предположение, что Кареев, по всей видимости, планировал опубликовать «некролог в стихах» на смерть своих соратников и друзей <...>» [25, с. 114]. Хотелось увидеть факты, которые раскрывают эту «видимость». Их нет. Но приведем факты, подтверждающие, что и такого намерения у него не было. *Факт первый.* Кареев оценивал свои стихи здраво. В 1928 г. он в своих воспоминаниях начертил: «...для меня стихи мои – забава для себя и для других, так как мои старые опыты серьезной поэзии я сам давным-давно признал неудачными. Мой жанр – эпиграммы, акrostихи, шуточные оды – особенно расцвел в Узком с его часто праздным препровождением времени» [VII, с. 302-303]¹. *Факт второй.* В силу этого Кареев, насколько мне известно, за свою долгую жизнь не опубликовал ни одного своего поэтического опыта.

В контексте разговора о стихотворном наследии Н.И. Кареева скажу, что самое благоприятное впечатление произвела статья Любви Алексеевны Сидоровой «Стихи российских историков как исторический и историографический источник», опубликованная в 12 выпуске «Мира историка» в 20219 г. [33]. Автор показала значение поэтических занятий ученого и созданного в результате особого вида эго-источников для понимания его научных и общественных взглядов. Л.А. Сидоровой удалось высветить нравственные позиции Н.И. Кареева, которые он сохранял в условиях совершавшихся в стране перемен после Октября 17 года. Статья завершается тезисом, очень созвучным позиции, высказанной мною выше: работа с поэтическим наследием историков требует «вдумчивого и профессионального подхода» [33, с. 242].

В потоке публикаций особо радуют те, что делают архивное наследие Н.И. Кареева доступным широкому кругу читателей. Назову здесь публикации Е.А. Долговой и А.В. Малиновым фрагментов из работы Кареева «*Общая методология гуманитарных наук*», хранящейся в отделе рукописей РГБ [II]. Продолжением этой публикации является еще один фрагмент из упомянутой ра-

¹ «Узкое» - санаторий Центральной Комиссии по улучшению быта ученых (ЦСКУБУ) в селе Узком под Москвой, в котором Кареев в 1924 г. и 1925 г. отдыхал по одному летнему месяцу. – *Прим. ред.*

боты Кареева, подготовленный А.В. Малиновым, Е.А. Долговой и В.В. Слисковой: «Непосредственное наблюдение и констатация фактов в гуманитарных науках» [III]. Пример глубокой работы с архивными материалами дает интересная статья Е.А. Долговой «Заграничная корреспонденция Н.И. Кареева: темы и адресаты в 1910–1920-х гг.» [7, с. 25-30], написанная на основе некоторой части эпистолярного наследия Кареева, хранящегося в РГБ. Как, впрочем, и другие исследования уважаемого автора.

Из работ, которые сам читал в последнее время, назову убедительно аргументированную статью профессора Санкт-Петербургского государственного университета Н.А. Головина «"Рефлексологизм для меня совершенно неприемлем": влияние критики Н.И. Кареева на теоретическую основу "Системы социологии" П.А. Сорокина» [5, с. 97-112]. Она показывает отход Сорокина от рефлексологии В.М. Бехтерева под влиянием Н.И. Кареева. Исследование Н.А. Головина является еще одним весомым фактом, подтверждающим то огромное влияние, которое оказал Кареев на формирование научных интересов П.А. Сорокина, чему в свое время я посвятил статью «Н.И. Кареев и П.А. Сорокин» [13, с. 78-88].

Г. М.: Спасибо Вам, Василий Павлович, за этот поучительный обзор. Полагаю, Вам удалось продемонстрировать, что за последние десятилетия в отечественной гуманитарной мысли появились разнообразные труды, авторы которых вносят новый вклад в изучение поистине огромного наследия Н.И. Кареева, в осмысление массы идей и выводов, концептуальных построений ученого.

Продолжим наш разговор об актуальных проблемах, поставленных и разрешенных Н.И. Кареевым. В числе тем, бывших центральными в интересах ученого, всегда была Великая французская революция, именно так называл ее историк. Понимая многоаспектность и многогранность ее, спрошу, на что бы Вы обратили внимание в свете того разговора, что шел на секции нашей конференции?

В. З.: На мой взгляд, участники дискуссии явно незаслуженно обошли своим вниманием «извечную проблему» – крестьянский вопрос. А ведь наилучшим, эпохальным исследованием Кареева стала его магистерская диссертация «*Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. Историческая диссертация*» [17]. Приведу (по причине длинного названия диссертации) интересный факт. Исследование готовилось Кареевым в Париже на основе архивных источников. Изучив их, Кареев и сформулировал название диссертации «Французская революция и крестьяне». В это же время (1877–1878 гг.) жил и работал в Па-

риже «ветеран революционной теории» П.Л. Лавров. Он был непререкаемым авторитетом для прогрессивно мыслящей русской молодежи, да к тому же выдающимся, энциклопедически образованным ученым, мыслителем. Отношения между Лавровым и Кареевым заслуживают специального исследования.

В данном контексте лишь скажу, что эти отношения были отношениями любящего отца к любимому сыну. Так вот, Кареев в одну из встреч с Лавровым на его парижской квартире показал папку с рукописью своей диссертации Лаврову. Петр Лаврович взглянул на название своими близорукими глазами – «Французская революция и крестьяне» и – ахнул. «Коля, – сказал он, – будь в России мудрым как змий. Тебе в России с таким заглавием диссертации не только не дадут возможности защищаться, но и даже её опубликовать». В России в это время запрещено было употреблять в печати слова «революция», «прогресс». Вот Лавров и Кареев (совместными усилиями) сформулировали длинное название, в котором слово «революция» исчезло, но появилось (вместо него) четырехсловие: «в последней четверти XVIII века». Мало-мальски образованный человек хорошо знал, что за событие происходило во Франции в это время. Книга была спасена и опубликована.

Исследования Кареева о крестьянах Франции кануна и самой революции была первой большой и оригинальной работой в России на эту тему. Она единодушно была названа «пионерским исследованием». Во французских научных кругах работа получила восторженные оценки. Она трижды была переведена на французский язык и издана во Франции в 1879, 1889, 1989 гг. В России/СССР/РФ ни одного раза не была переиздана. Вот такой парадокс. Хотя с выхода в свет исследования Кареева прошло более 140 лет, оно тем не менее не утратило своего значения и сегодня.

Многие обратили внимание прежде всего на выбор Кареевым темы для своего исследования – *крестьянство страны*, а оно составляло подавляющее большинство нации. Это очень точно выразил уже упомянутый П.Л. Лавров: «*Нужно было действительное участие представителей нации в истории, чтобы историк обратил внимание на историю народа*».

Г. М.: Поистине, «нет пророка в отечестве своем».

В. З.: Да, это выражение из Евангелия тут как нельзя уместно.

Г. М.: А какие проблемы Вы бы выделили из числа тех, которые формировали и формируют даже не тот образ ученого, который принято называем негативным – это, как известно, из практик историографий, бытующей в условиях господства моноидеологий, скорее, мифологизированный образ?

В. З.: И таких немало. Одним из вымыслов является оценка Кареева, восходящая к «Малой советской энциклопедии». В ее третьем томе, вышедшем из печати в середине 1930 г. (редакционная работа над ним была окончена 1 июня 1929 г. – такова пометка на обороте титульного листа), Кареев был назван «*историком-идеалистом и противником марксизма*» [22, с. 722]. Поскольку в редакционный совет «МСЭ» входили Н.М. Лукин-Антонов, Н.М. Лукина-Бухарина и др., а редактором Отдела всеобщей истории был Г.С. Зайдель, с большой долей вероятности можно утверждать, что автором этих слов был последний.

Ученый увидел этот том в декабре 1930 г. Тогда же проработка Кареева, Петрушевского, Бузескула и других «старых профессоров» была продолжена на заседании методологической секции Общества историков-марксистов [см.: 1, с. 41-86]. Кареев был расстроен донельзя и решил протестовать против подобного рода оценок его исторических взглядов. Он подготовил за шесть январских дней (3–8 янв[аря]1931 г.) протестное, хорошо аргументированное, написанное в спокойных тонах письмо о своем отношении к марксизму и идеализму. Ему осталось жить совсем немного: 18 февраля 1931 г. историк скоропостижно скончался. Поскольку лучше Кареева никто не сможет сказать о его отношении к Марксу, я предлагаю опубликовать полный текст письма Кареева в редакцию МСЭ в качестве приложения к данному интервью.

Прочитавший письмо не может не признать: Кареев сам развеял миф о своем отношении к его оценке двусловия «*противник марксизма*», состряпанного в редакции МСЭ. Это письмо было опубликовано мною в 2002 г. в журнале «Исторический архив» [IX, с. 169-175]. Однако в появившихся за последние два десятилетия статьях и монографиях, авторы которых исследовали тему отношения Н.И. Кареева к марксизму, читатель, пожалуй, за одним исключением, о котором скажу ниже, не найдет обращения к этому принципиально важному документу. Но зато могут прочитать, что ваш покорный слуга «*считал Кареева марксистом*» [см.: 23, с. 141; 30, с. 120]. Этот тезис, сформулированный С.Н. Погодиным еще на исходе 90-х годов прошедшего века [27, с. 151], с упорством, достойным лучшего применения, повторяется им из публикации в публикацию (см.: [29, с. 329; 28, с. 286]. Более того, С.Н. Погодин в книгах 1997 и 2017 г. категорически утверждает: «*...мы полностью согласны с мнением отечественного историка Б.Г. Могильницкого, назвавшего Кареева “воинствующим противником материалистического понимания истории”*» [27, с. 157; 28, с. 292].

Новейшая «Избранная библиография работ о Н.И. Карееве» [39, с. 172] обратила наше внимание на две статьи, в названиях которых вынесен, по сути, вопрос «*Был ли Н.И. Кареев марксистом?*» [30; 23]. Оказывается, им занимается кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры мировой политики факультета международных отношений Санкт-Петербургского университета А.С. Матвеевская, задумавшая уже не вопрошать, а дать ответ на вопрос об «*отношении Н.И. Кареева к марксизму*» [23]. И хотя заголовки статей разные, но знакомство с ними показало: перед нами абсолютно одинаковые тексты. Кто плагиатор? Если руководствоваться временем выхода в свет упомянутых книг (1997, 2000), то «плагиаторами» следует считать проф. С.Н. Погодина и старшего преподавателя кафедры международных отношений Санкт-Петербургского политехнического университета Е.Н. Плотникову [28]. И уж совсем на поверхности «опыт» А.С. Матвеевской, представленный в сборнике трудов, вышедшего под редакцией И.Д. Осипова и... С.Н. Погодина [23]. Однако, было и «новое» по сравнению с «первоисточником» [27, с. 157]: в обеих статьях их «авторы» подчеркивают: «Мы всецело разделяем мнение отечественного историка Б.Г. Могилевского (!?), назвавшего Николая Ивановича Кареева “воинствующим противником материалистического понимания истории”» [30, с. 125; 23, с. 146].

Хотелось бы полагать, что эти авторы, взявшие на себя труд «исправить» мои «неточности» [27, с. 142; 28, с. 278; 30, с. 120; 23, с. 141], скорректируют свои взгляды, учтя опубликованный и в данной книге принципиально важный документ, адресованный Н.И. Кареевым, очевидно, не только критикам-современникам, но и тем, кто пойдет по их пути. Только это вряд ли, поскольку тут, к сожалению, не действительна ни товарищеская критика, ни появление таких исследований, которые фактически заступают дорого антиисторическим взглядам.

В первом случае я имею ввиду свою рецензию на книгу С.Н. Погодина 1997 г. [27], опубликованную в журнале «Новая и новейшая история» в 2001 г. [9], где говорилось, что «*уточнения*», вносимые петербургским историографом по вопросам «Кареев и марксизм» и «Кареев и революция», «*представляются историкоисследовательски мало обоснованными*» [9, с. 234]. Была сформулирована и моя позиция: «В долгой жизни Кареева эти проблемы не решались им столь прямолинейно (как это сделано в рецензируемой книге. – В.З.). Кареев не был ни антимарксистом, ни марксистом – он был реалистом: односторонний моноподход к истории в своей историографической практике не демонстрировал, а науч-

ные принципы марксизма использовал, что подтверждается его многочисленными работами» [9, с. 234].

Второй же тезис связан со статьей, опубликованной в 2011 г. тогда еще только вступающим на путь большой науки аспирантом РГГУ Е.А. Долговой [6]. Полагаю, она выстраивала свое видение проблемы, испытав влияние письма Н.И. Кареева в редакцию МСЭ, прислушалась к словам его автора и сочла важным процитировать: «...я ценю Маркса как историка, его взгляды отразились и на моих исторических высказываниях... с этой стороны говорить обо мне как о противнике марксизма не приходится» [6, с. 228; цит. по: IX, с. 171], признала «убедительной» защиту Кареевым своих позиций относительно марксизма, подчеркивавшего: «В качестве социолога или теоретика исторического знания и исторического процесса я, действительно, подвергал своему суждению ту часть или ту сторону марксизма... но если я и явился противником чего-то, то этим что-то было не учение Маркса о материальном базисе общественной жизни, а возведение его в исключительный принцип объяснения исторического процесса» [6, с. 228; цит. по: IX, с. 171]. Добротная работа с источниками, учет сделанного предшественниками позволили Евгении Александровне уже в этой статье предложить научному сообществу научный ответ на поставленную проблему. Но, судя по изложенному выше, ни этот опыт, ни иные достижения коллег не оказывались в поле внимания С.Н. Погодина и его единомышленников.

В этой связи прав один из философов, утверждающий: «Сегодня Россия попала в мир аномии – отсутствия нормы. И теперь как бы все можно... Всякий право имеет. В том числе обливать помоями... усопших». Теперь и живым мало кому удастся противостоять лжи, тем более кто ушел в мир иной. «Мы настолько расчеловечились, что не можем укротить» жуликов [40, с. 3].

Г. М.: Не могу не согласиться с тем, что Письмо Н.И. Кареева в редакцию МСЭ – очень полезный для понимания эволюции теоретико-методологических позиций Кареева в самом широком смысле. Поэтому согласен: правильно будет опубликовать его в качестве приложения к нашей беседе. А какой другой вымысел о Карееве?

В. З.: Другим вымыслом (мифом) являются политические взгляды Кареева. В литературе о Карееве и его наследии некоторые авторы пишут о нем как об «одном из основателей» [2, с. 311], другие – как о *руководящем деятеле* партии кадетов [3, с. 651], третьи – как о *члене ее центрального комитета* и, разумеется, как о либерале [8, с. 88].

Вот что писал на этот счет член-корреспондент АН СССР А.В. Ефимов: «Как известно, либерализм Кареева в 70-х годах [XIX в.] имел народнический оттенок, затем принял те черты, которые можно было ожидать от члена центрального комитета партии кадетов. Кареев был либералом, следовательно, он предпочитал умеренную конституцию самодержавию. Но именно потому, что Кареев был либералом, он враждебно относился к народным движениям, отдавал в истории свои симпатии жирондистам и яростно нападал на якобинцев, называя Марата “кровожадным чудовищем”» [10, с. 88]. Алексей Владимирович в приведенной короткой цитате (7 строк) трижды называет Кареева либералом и не без иронии вбросил фразу, что «можно было ожидать от члена центрального комитета партии кадетов». Читатель не информируется автором, на основании каких источников он приходит к своим заключениям. И не потому ли серьезный историк допустил в 7 строках 4 фактических ошибки?

Во-первых, Н.И. Кареев не был членом ЦК кадетской партии, что мною было доказано на основе многих и разных источников [12]. *Во-вторых*, Кареев писал о народных движениях с сочувствием (чтобы убедиться в этом, достаточно хотя бы взглянуть в его «Историю Западной Европы в Новое время» [16]), он хорошо запомнил заветы своего учителя С.М. Соловьева: в революции народные массы не виноваты, виновником революций являются власти.

В-третьих, какое содержание А.В. Ефимов «вкладывал» во фразу: «он [Кареев] предпочитал умеренную конституцию самодержавию», трудно сказать!

В-четвертых, Кареев по своим политическим убеждениям если и был либералом, то особого извода, даже, полагаю, что в том понимании этого термина, когда признаком последнего считалась готовность следовать за «последним словом западноевропейских стран», он не был. Тема эта требует специального разговора. Сейчас ограничусь определением, кем же был ученый?

В 1906 г. Кареев призывал депутатов Думы «...основать новую Россию, которую точно так же будем любить [как и нынешнюю], но Россию, которая будет существовать <...> для своих граждан» [I, с. 121]. Емкие слова (и дела), которые подчеркивают его любовь к родине, к России. В начале своего научного пути, 23 октября 1877 г., Кареев, находясь в Париже, где он работал над магистерской диссертацией, пишет письмо своему ученику и приятелю М.С. Корелину: «Скучно иногда бывает по Родине, потому что ведь и “дым отечества нам сладок и приятен”» [X, л. 39]. И спустя сорок лет, в годы революционных испытаний Кареев верит: «Наступит день,

и ваш завет / Узрит пречистая Россия, когда воспримет правды свет / Народа темная стихия» [4, с. 16]. Прочитав эти строки из стихотворения Кареева «Венцы мученья вы стяжали», посвященного убийству деятелей партии кадетов Ф.Ф. Кокошкина и А.Н. Шингарева, А.А. Сидорова сделала вывод, который я отстаиваю и целиком разделяю, что «...эти слова являются еще одним подтверждением мысли Н.И. Кареева о том, что “лихолетье” в России минует и страна встанет на конституционно-демократический путь развития, о котором мечтал сам автор и герои его стихотворения (Ф.Ф. Кокошкин и А.Н. Шингарев – В.З.)» [33, с. 235].

Кто-то подумает и скажет: «Все это слова, и где же поступки Кареева, свидетельствующие о его любви к “родному пепелищу”»? А вот вам и мужественный поступок Кареева, определивший его дальнейшую жизнь. После свершения Октябрьской революции в России большинство русской либеральной интеллигенции саботировало новую власть и боролось с ней, нередко вооруженным путем. Многие покидали свою Родину. Кареев же, как только наладилась мирная жизнь, пошел учить рабочую и крестьянскую молодежь. Надо учесть, что Кареева, владевшего 13 языками, мог принять любой европейский университет – ведь его знали как ученого, пролагающего новые пути в гуманитарной мысли, но он остался в советской России.

Так кем же был Кареев по своим политическим взглядам? Сказанное позволяет, по-моему, утверждать: он либералом не был. Он – не монархист. Он – не утопист. Он – не коммунист. Кареев был и оставался до конца своего земного пути **ПОДЛИННЫМ НАРОДНЫМ ДЕМОКРАТОМ**. Об этом свидетельствует его политические выступления в Первой государственной думе, на митингах во время выборов в Думу, его смелая деятельность по предотвращению кровавых событий в Петербурге 9 января 1905 г. и т.д.

Г. М.: Василий Павлович, скажите, каково содержание словосочетания «народный демократ».

В. З.: Отвечу на заданный вопрос словами гениального юноши, «будителя русской мысли», Д.И. Писарева (1840–1868). Народный демократ (по его убеждению) – это человек, который решает любой вопрос с позиции «голодных и раздетых». О.Г. Верейский (1915–1993), академик Академии художеств СССР, внук Кареева, в нередких беседах со мной часто называл своего прославленного деда «народным демократом» и просил меня это принять к сведению в моих публикациях. Не потому ли этот термин в нынешней России редкий гость.

Г. М.: Большое спасибо за столь развернутые, интересные ответы. Чтобы Вы хотели пожелать тем, кто встал на нелегкий, но благодатный путь исследователей Н.И. Кареева, его исторического и историографического времени?

В. З.: Все же хочу подчеркнуть: у меня сформировалось твердое убеждение в том, что Кареев пока считается **недочитанным и недопонятым**. Отсюда прямо следует вывод: громадное научное наследие Н.И. Кареева **предельно актуально и в начале XXI века**, оно требует самого серьезного отношения от тех, кто взялся его дочитать и понять. А еще – применительно к современной ситуации в нашей науке, ситуации, обостряемой процессом смены поколений в неординарных условиях, – правомерно помнить сказанное в завещании князя Московского Симеона Гордого (1340–1353), старшего сына Ивана I Даниловича Калиты (1325–1340). Умирая от настигшей его «черной смерти», он написал заповедь, в которой сказано: «По отца нашего благословению, что приказал нам жить за один; также и я вам приказываю, своей братие, жить за один; лихих людей, не слушайте; слушайте отца нашего владыку Алексия, кто да старых бояр, которые отцу нашему и нам добра хотели. **Пишу вам это слово для того, чтобы не перестала память родителей наших, и наша чтоб свеча не угасала**» [цит. по: 38, с. 950; выделено мною. – В. З.]. И наша с вами, дорогие карееведы, свеча, зажженная в декабре 2000 г. в Сыктывкарском университете, чтобы не угасла!

Г. М.: Полагаю, казанская конференция и конференции, организованные коллегами в Санкт-Петербурге, поддержали эстафету. В свою очередь позвольте Вам, Василий Павлович, пожелать здоровья, благополучия, новых успехов Вам и Вашим ученикам в столь важном и благородном деле, как возвращение в нашу науку имен и наследия и выдающихся, и забытых скромных тружеников русской историографии.

Библиография

I. Государственная дума 1906 год: Стенографический отчет. Сессия первая. Том первый. Заседания 1–18 (с 27 апреля по 30 мая). СПб.: Государственная типография, 1906.

II. Долгова Е.А., Малинов А.В. «Понять чужую душу»: Фрагменты из неопубликованного труда историка, социолога, методолога науки Н.И. Кареева // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 236–247.

III. Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук / Подготовка текста В.В. Слисковой, Е.А. Долговой и А.В. Малинов // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 2. С. 64–85.

IV. Кареев Н.И. Основы русской социологии / Под ред. проф. И.А. Голосенко. СПб.: Изд. Ивана Лимбаха, 1996. 368 с.

V. Кареев Н.И. Отчет о русской исторической науке за 50 лет (1876–1926) / Публ., предисл., комм. И примеч. В.П. Золотарева, пер. с фр. А.Н. Лобовикова и В.П. Золотарева // Отечественная история. 1994. № 2. С. 136-154.

VI. Кареев Н.И. По большой дороге истории: монография; рук. проекта, вступит. ст., отв. ред. В.П. Золотарев; подготовка текста и коммент. Е.В. Карпова, Л.А. Куплевич, А.А. Кутузова, В.С. Русанова. Москва: ИНФРА-М, 2020. 342 с.

VII. Кареев Н.И. Прожитое и пережитое / Подгот. текста, вступ. ст. и коммент. В.П. Золотарева. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1990. 384 с.

VIII. Малинов А.В., Долгова Е.А., Слискова В.В. Наблюдение в социальных науках (по материалам рукописи Н.И. Кареева "Общая методология гуманитарных наук") // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 2. С. 53-63.

IX. «Многие его взгляды отразились и на моих исторических высказываниях»: Письмо Н.И. Кареева в редакцию «Малой советской энциклопедии» о его отношении к К. Марксу и марксизму. 1931 г. / публ. В.П. Золотарева // Исторический архив. 2002. №6. С. 169-175. Современное местонахождение рукописи: НИОР РГБ. Ф. 119. К. 43. Д. 7.

X. Центральный государственный архив г. Москвы. Ф. 2202. Оп. 3. Д. 3.

* * *

1. Буржуазные историки Запада в СССР (Тарле, Петрушевский, Кареев, Бузескул и др.) // Историк-марксист. 1931. Т. 21. С. 41-86.

2. Вайнштейн О.Л. Историография средних веков. М.; Л.: Соцэргиз, 1940. 376 с.

3. Вебер Б.Г. Первое русское исследование французской буржуазной революции XVIII в. // Из истории социально-политических идей. М., 1955. С. 643-663.

4. Вторая муза истории: Неизученные страницы русской культуры XX столетия / сост., коммент. А.А. Сванидзе. М.: Наука, 2003. 782 с.

5. Головин Н.А. «Рефлексологизм для меня совершенно неприемлем»: влияние критики Н.И. Кареева на теоретическую основу «Системы социологии» П.А. Сорокина // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 2. С. 97-112.

6. Долгова Е.А. «Исследование не может вестись каким-либо одним методом...»: марксизм в работах Н.И. Кареева 1918–1931 годов // Известия Смоленского государственного университета. 2011. № 3 (15). С. 223-231.

7. Долгова Е.А. Заграничная корреспонденция Н.И. Кареева: темы и адреса в 1910–1920-е гг. // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы ХLI Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук «Ученый и эпоха: к 170-летию со дня рождения Н.И. Кареева и С.В. Ковалевской». Вып. XXXVI. СПб.: СПбФ ИИЕТ РАН; Скифия-принт, 2020. С. 25-30.

8. Ефимов А.В. Некоторые вопросы методики истории как науки // Труды института методов обучения Академии педагогических наук РСФСР. Вып. 99. М.: Изд-во АПН РСФСР, 1958.

9. Золотарев В.П. [Рец.:] С.Н. Погодин. "Русская школа" историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997, 380 с. // Новая и новейшая история. 2001. N 3. С. 233-234.

10. Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева. Содержание и эволюция. Л.: Изд-во Ленинградского ун-та, 1988. 160 с.

11. Золотарев В.П. Историческая концепция Н.И. Кареева: содержание и эволюция. Автореф. дис. ...докт. ист. наук. СПб., 1992.

12. Золотарев В.П. Н.И. Кареев – историк-методист. Автореф. дис. ...канд. пед. наук. М., 1965.

13. Золотарев В.П. Н.И. Кареев и П.А. Сорокин // Наследие. 2013. №3. С. 78-89.

14. Из далекого и близкого прошлого: Сб. этюдов из всеобщей истории в честь пятидесятилетия научной жизни Н.И. Кареева. Пг.; М., 1923.

15. История философии / Ред. колл.: М.А. Дынник, М.П. Иовчук и др. Т. 5. М., 1961.
16. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Т. 5, 6 (любое издание).
17. Кареев Н.И. Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII века. Историческая диссертация. М., 1879. 422 стр. текста + приложения и дополнения стр. III-LXXXIX.
18. Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства. СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1908. 496 с.
19. Кареев Н.И. Французская революция в философии истории. Т. IV. Историки французской революции / Подготовка текста, вступит. ст. В.П. Золотарева и Г.В. Аксеновой. Сыктывкар: Изд-во Сыктывкарского ун-та, 1998. 215 с.
20. Кареев Николай Иванович // Малая Советская энциклопедия. В 10 т. М., 1928–1931. Т. 3. М., 1928. С. 722.
21. Козловский В.В., Осипов И.Д. Библиография // Социология истории Николая Кареева: Межвуз. сб. / под ред. А.О. Бороноева, В.В. Козловского, И.Д. Осипова. СПб.: Изд-во СПбУ, 2000. С. 369-418.
22. Ломоносова М.В. «На смерть Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева»: рукопись Н.И. Кареева в Пушкинском Доме // Социология науки и технологии. 2020. Т. 11. № 2. С. 113-127.
23. Матвеевская А.С. Об отношении Н.И. Кареева к марксизму // Философия марксизма. История и современность. К 200-летию со дня рождения Карла Маркса. Монография. Под редакцией И.Д. Осипова, С.Н. Погодина. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2018. С. 140-147.
24. Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель (1869–2007) / сост. В.А. Филимонов. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 224 с.
25. Николай Иванович Кареев: человек, ученый, общественный деятель. Материалы Первой Всероссийской научно-теоретической конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Н.И. Кареева. Сыктывкар: Изд-во СыктГУ, 2002. 221 с.
26. Николаю Ивановичу Карееву ученики и товарищи по научной работе. К сорокалетию профессорской деятельности. 1873–1913. СПб., 1914.
27. Погодин С.Н. «Русская школа» историков: Н.И. Кареев, И.В. Лучицкий, М.М. Ковалевский. СПб.: Изд-во СПбГТУ, 1997. 379 с.
28. Погодин С.Н. Николай Иванович Кареев // Погодин С.Н. Очерки русской историографии (конец XIX – начало XX века). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 276-331.
29. Погодин С.Н. Социально-политические исследования Н.И. Кареева по истории Франции // Социология истории Николая Кареева: Межвуз. сб. / под ред. А.О. Бороноева, В.В. Козловского, И.Д. Осипова. СПб.: Изд-во СПбУ, 2000. С. 324-338.
30. Погодин С.Н., Плотникова Е.Н. Был ли Н.И. Кареев марксистом? // Философия русской революции / под ред. И.Д. Осипова, С.Н. Погодина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 119-126.
31. Программа XLI Международной годичной научной конференции «Ученый и эпоха: к 170-летию со дня рождения Н.И. Кареева и С.В. Ковалевской» (26–30 октября 2020 года). СПб., 2020. 24 с.
32. Программа Международной научно-теоретической конференции «Социология и историософия Николая Ивановича Кареева. К 170-летию со дня рождения Н. И Кареева». 8–9 октября 2020 года. СПб., 2020. 6 с.
33. Сидорова Л.А. Стихи российских историков как исторический и историографический источник // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-т, 2019. С. 227-243.

34. Словарь иностранных слов. Изд. шестое., перераб. и дополн. Глав. ред. Ф.Н. Петров. М.: Изд-во «Советская энциклопедия», 1964. С. 436.

35. Соловьев С.М. История России с древнейших времен: в 6 кн. СПб.: Изд-во «Общественная польза», [1895]. Кн. 1. С. 950 [Т. 3].

36. Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы / автор-составитель Е.А. Долгова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 512 с.

37. Фохт Р.А. [Рец. на брошюру Кареева...] // Журнал Министерства народного просвещения. СПб., 1869. Ч. 145, сент. С. 175-182.

38. Фролова И.И. Значение исследований Н. И. Кареева для разработки истории французского крестьянства в эпоху феодализма // Средние века. Вып. 7. 1955. С. 315-334.

39. Щедрина Т.Г. Избранная библиография работ о Н.И. Карееве (2008–2019) // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / под редакцией Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. Сер. Философия России первой половины XX века. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 165-173.

40. Яковлева А. О плясках на костях // Литературная газета. 2021. №37. 15-21 сентября.

Мягков Герман Пантелеймонович, доктор исторических наук, профессор, Казанский инновационный университет имени В.Г. Тимирязова (ИЭУП); профессор, Казанский федеральный университет, г. Казань, Россия; gmyagkov@yandex.ru

Золотарев Василий Павлович, доктор исторических наук, профессор, Сыктывкарский государственный университет им. Питирима Сорокина, г. Сыктывкар, Россия; oleg-zolotarev@mail.ru

"The legacy of N.I. Kareev is extremely relevant and at the beginning of the XXI century" Interview with Professor V.P Zolotarev

The editorial board offers readers the text of a conversation with Doctor of Historical Sciences, Professor of Syktyvkar State University Vasily Pavlovich Zolotarev about the problems of studying the heritage of N.I. Kareev

Keywords: N.I. Kareev, V.P. Zolotarev, Kareev studies, Marxism, liberalism, people's democrat

Myagkov German Panteleimonovich, Doctor of history, Professor, Kazan Innovative University named after V.G. Timiryasov (IEML), Kazan, Russia; Professor, Kazan Federal University, Kazan, Russia; gmyagkov@yandex.ru

Zolotarev Vasilij Pavlovich, Doctor of history, Professor, Syktyvkar State University named after Pitirim Sorokin, Syktyvkar, Russia; oleg-zolotarev@mail.ru

Письмо Н.И. Кареева в редакцию МСЭ

3-8 января 1931 г.

В Малой Советской энциклопедии при моем имени стоит отметка «историк-идеалист и противник марксизма». В каком, однако, смысле употреблено слово идеалист? Марксисты противопоставляют идеализм материализму, но последнее правильнее было бы противопоставлять спиритуализм[у], если под идеализмом разумеется или именно спиритуализм в теологическом или метафизическом его аспекте, то я считаю себя резко отрешенным от идеализма. Идеализму правильнее противопоставлять реализм, к каковому я себя и причисляю. Устраняя третье значение идеализма, относящегося не к области познания, а к поведению (здесь я мог бы пожалеть, что не обладаю идеализмом в полной мере), можно еще под тем же термином разуместь признание за реальными человеческими поступками значение действующих в истории сил, то этот идеализм, в сущности, есть идеологизм или, вернее говоря, вообще психологизм, которому я действительно в истории придавал больше значения, чем марксисты, и, защищая эту точку зрения, я действительно являюсь по отношению к марксизму...

Но поскольку, прежде всего, в какое отношение я становился к марксизму в своих многочисленных писаниях. О нем, именно, я говорил или как конкретный историк или как социолог-теоретик исторического знания, методолог. В первом отношении ссылаюсь на V том своей «Истории Западной Европы», где Марксу было посвящено [немало] страниц. Здесь я только излагаю учение Маркса с его германо-франко-английским генезисом и его политическими выводами, да и в последующих томах слежу за действием идей Маркса в социально-политической истории Западной Европы и делаю это, смею думать, более полно и систематически, чем какой бы то ни было другой, не специалист историк новейшего времени. В качестве историка я ценю Маркса, как историка, и многие его взгляды отразились и на моих исторических высказываниях, начиная с моей магистерской диссертации «Крестьяне и крестьянский вопрос во Франции в последней четверти XVIII в.», книге, которая получила одобрение самого Маркса. Итак, с этой стороны говорить обо мне, как о противнике марксизма не приходится.

В качестве социолога или теоретика исторического знания и исторического процесса я, действительно, подвергал своему суждению ту часть или ту сторону марксизма, которую представляет экономический материализм, чему посвятил ряд статей и целую книгу «Старые и новые этюды об экономическом материализме». Выступая критиком последнего, я не отвергал его во имя какого бы то ни было идеализма, а только находил резюмирующим одну стороны исторического процесса, экономическую, - материальную, рядом с которой есть другая стороны, психологическая, идеалистическая. Пусть для ортодоксальных марксистов это будет признание себя мною самим, как дуалиста и эклектика, но меня это нисколько не устрашает, не делает в собственных глазах ненаучным мыслителем. В философском отношении я очень далек от декартовского дуализма духа и материи, и мой монизм, как историка, имеет своим отправным пунктом единство человеческой личности, как физико-психологического аппарата, составляющего часть более грандиозного целого, природы, которая есть тоже некоторое единство. Если я и явился противником чего-то, то этим что-то было не учение Маркса о материальном базисе общественной жизни, а возведение его в исключительный принцип объяснения исторического процесса. К самому содержанию экономического материализма я отнесся настолько невразумительно, что признал его правоту, как одного из направлений социологии, которое должно войти в общий синтез социальной науки. Одновременно с указанными «Этюдами» я напечатал книгу под заглавием «Введение в изучение социологии», где именно и указывал на необходимость социологического синтеза, - точка зрения, сохранившаяся и в более поздних моих в этой теоретической области. В моей мысли был именно такой синтез, каким является и само учение Маркса, в котором слились в одно целое элементы немецкой идеалистической философии, французского утопического социализма и английской буржуазной экономической науки. С этой точки зрения я даже приветствовал тех марксистов, которые, как мне казалось, вступили на путь такого социологического синтеза экономического и психологического направлений в социологии. В том, что марксисты называют историческим идеализмом, я вижу не противоположность экономическому материализму, как спиритуализм противоположен материализму, и идеализм – реализму, а его дополнение, другую соподчиненную с ним единство отдельной личности и всего общества сторону реального бытия, подлежащую научному познанию. Для

сторонников ортодоксального марксизма я, действительно, являюсь противником, еретиком, неэкономистом, но это не значит, что я противник тех марксистских тезисов, которые воспринял с самого начала моего знакомства с учением Маркса.

В своих исторических занятиях я всегда старался стоять на реалистической точке зрения и в исторических работах о Марксе всегда ценил их реализм в смысле трезвого отношения к действительности, чуждого всякой идеализации прошлого, не отрицая, однако, идеалистических, в этическом смысле, мотивов человеческого поведения. Мое истор[ическое] мирозерц[ание] стало складываться под влиянием позитивизма, отвергавшего всякую метафизику, но к социологии Конта я с самого начала относился критически и между прочим не соглашался с его основным законом социальной эволюции, по которому все исторические перемены объяснимы в умственной сфере. По отношению к этому идеологическому тезису исторический материализм явился для меня экономическим антитезом, за которым должна была наступить пора социологического синтеза, возвращения к первой ступени, но уже отягощенной всем содержанием второй ступени. Поэтому я всегда с удовлетворением относился к заявлениям авторитетных марксистов против вульгарного прочтения основной мысли Маркса, против непосредственного сведения всего содержания культуры к голому экономизму. Самый отказ некоторых марксистов от обозначения их социологического учения экономическим материализмом; замена у них этого прилагательного другим (исторический, диалектический) был воспринят мною за признак более широкого понимания исходного пункта марксистской социологии, чем то, которое мы находим у некоторых вульгаризаторов экономического материализма».

*Опубликовано: «Многие его взгляды отразились и на моих исторических высказываниях»: Письмо Н.И. Кареева в редакцию «Малой советской энциклопедии» о его отношении к К. Марксу и марксизму. 1931 г. / публ. В.П. Золотарева // Исторический архив. 2002. №6. С. 169-175.
Современное местонахождение рукописи:
НИОР РГБ. Ф. 119. К. 43. Д. 7.*

Н.И. КАРЕЕВ: БИОБИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ (2008–2021 гг.)¹

Составители библиографического указателя считают возможным предварить его кратким введением. Предлагаемый список является продолжением ранее изданного «*Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель (1869–2007)*» (Казань, 2008). В результате все те, кто интересуется историей социально-гуманитарных наук в России, жизнью, деятельностью, наследием Н.И. Кареева, могут обратиться к **двум указателям**, которые содержат самую полную на сегодняшний день информацию, *во-первых*, о трудах, **изданных при жизни ученого**, и о **публикациях и републикациях работ Кареева после 1931 г.**, *во-вторых*, о **трудах, написанных о Карееве и его научном наследии**, начиная с первой рецензии профессора Р.А. Фохта на студенческую статью «Фонетическая и графическая система древнего эллинского языка» (1869 г.) и кончая материалами, опубликованными на середину 2021 г., к моменту издания материалов международной научно-образовательной конференции «Николай Иванович Кареев: жизненный путь и научное наследие в трансдисциплинарном контексте современного историознания», посвященной 170-летию со дня рождения ученого.

Надеемся, что названные указатели будут способствовать развитию углубленного интереса к изучению жизни и научно-исследовательской работы Н.И. Кареева в многостороннем контексте его времени. Накопленный опыт в карееведении в который раз подтверждает глубокую правоту известного русского библиографа Ф.Т. Тарасова: «Хорошо поставленная библиография обуславливает и дальнейшее правильное развитие всей литературы»². Составители готовы принять все замечания о неточностях и пропусках, которых, очевидно, было трудно избежать.

В.П. Золотарев, Г.П. Мягков, В.А. Филимонов

1. Библиография научных трудов Н.И. Кареева

а) работы Н.И. Кареева, опубликованные отдельными изданиями³

1. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии: избранные статьи по социологии / отв. ред. А.О. Бороноев. СПб.: Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2008. 815 с.

¹ Составители Золотарев В.П., Мягков Г.П., Филимонов В.А.

² Тарасов Ф.Т. Наша библиография // Северный вестник. 1890. №5. С. 206.

³ Список сверен с Электронным каталогом Российской государственной библиотеки.

2. Кареев Н.И. Беседы о выработке мировоззрения. 4-е изд. М.: URSS, 2009. 178 с.¹
3. Кареев Н.И. Западноевропейская абсолютная монархия XVI, XVII и XVIII веков: общая характеристика бюрократического государства и сословного общества «старого порядка». М.: Гос. публичная историческая б-ка России, 2009, 462, [1] с.
4. Кареев Н.И. Письма к учащейся молодежи о самообразовании. Изд. 10-е. М.: URSS, 2009. [4], 164 с.
5. Кареев Н.И. Избранные труды; сост., авт. вступит. ст. и коммент. К.А. Соловьев; Ин-т обществ. мысли. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. 597 с.
6. Кареев Н.И. Исследования в области древней мифологии. М.: URSS, 2010. 97, [2] с.
7. Кареев Н.И. Общие основы социологии. Изд. 2-е, испр. М.: URSS, 2010. 247 с.
8. Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории очерки главнейших исторических эпох. Изд. 2-е М.: Либроком, 2010. 303 с.
9. Кареев Н.И. Теория исторического знания. 2-е изд. М.: КРАСАНД, 2010. 320 с.
10. Кареев Н.И. Историология: Теория исторического процесса. Изд. 2-е, [репр. воспр. изд.]. М.: Книжный дом «Либроком», 2011. 328 с.
11. Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории: очерки главнейших исторических эпох. М.: Либроком, 2011. 304 с.
12. Кареев Н.И. Политическая история Франции в XIX веке: правительственные формы и внутренняя политика, политические партии и общественные классы. Изд. 2-е М.: Либроком, 2011. 300, [2] с.
13. Кареев Н.И. Философия истории в русской литературе. 2-е изд. М.: Либроком, 2011. 236 с.
14. Кареев Н.И., Чупров А.И., Водовозов В.В. Введение в изучение социальных наук: социология, политическая экономия, правоведение. Изд. 2-е. М.: URSS, 2012. 234 с.
15. Кареев Н.И. В каком смысле можно говорить о феодализме в России по поводу теории Павлова-Сильванского. Изд. 2-е М.: URSS, 2014. 146 с.
16. Кареев Н.И. Государство-город античного мира: опыт исторического построения политической и социальной эволюции античных гражданских общин. 4-е изд. М.: Ленанд, 2014. 350 с.
17. Кареев Н.И. Государство-город античного мира: опыт исторического построения политической и социальной эволюции античных гражданских общин. М.: Гос. публичная ист. б-ка России, 2014. 479 с.

¹ Н.И. Кареев озаглавил свой труд «Беседы о выработке миросозерцания». Он выдержал 5 изданий, переведен на болгарский и немецкий языки. См.: Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель... С. 54-55. Неправильное название повторено и при следующем переиздании (см.: М.: Либроком, 2020).

18. Кареев Н.И. Монархии Древнего Востока и греко-римского мира: очерк политической, экономической и культурной эволюции Древнего мира под господством универсальных монархий: [репр. изд.]. Изд. 4-е. М.: Ленанд, 2014. 406 с.

19. Кареев Н.И. Очерки истории французских крестьян с древнейших времен до 1789 года. Изд. 2-е. М.: Ленанд, 2014. 149, XXX с.

20. Кареев Н.И. Поместье-государство и сословная монархия Средних веков очерк развития социального строя и политических учреждений в Западной Европе в Средние века. Изд. 4-е, [репр. изд.]. М.: URSS, 2014. 446 с.

21. Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства: исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века / предисл.: А.В. Сазонов. М.: Гос. публ. истор. б-ки России (ГПИБ), 2014. 624 с.

22. Кареев Н.И. В каком смысле можно говорить о существовании феодализма в России?: По поводу теории Павлова-Сильванского. Изд. 2. М.: URSS, 2015. 152 с.

23. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Реформация и политическая жизнь в XVI и XVII вв. М.: Гаудеамус: Академический проект, 2015. 558, [1] с.

24. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Восемнадцатый век и Французская революция. М.: Гаудеамус Академический проект, 2015. 603 с.

25. Кареев Н.И. Литературная эволюция на Западе: очерки и наброски из теории и истории литературы. 2-е изд. М.: URSS, 2015. 344 с.

26. Кареев Н.И. Монархии Древнего Востока и греко-римского мира: очерк политической, экономической и культурной эволюции Древнего мира под господством универсальных монархий. М.: Гос. публ. ист. б-ка России, 2015. 477, [1] с.

27. Кареев Н.И. Монархии Древнего Востока и греко-римского мира: Очерк политической, экономической и культурной эволюции Древнего мира под господством универсальных монархий. Изд. 4. М.: URSS. 2015. 424 с.

28. Кареев Н.И. Общие основы социологии. М.: Либроком, 2015. 248 с.

29. Кареев Н.И. Политическая история Франции в XIX веке. Правительственные формы и внутренняя политика, политические партии и общественные классы. М.: Либроком, 2015. 312 с.

30. Кареев Н.И. Поместье-государство и сословная монархия Средних веков. Очерк развития социального строя и политических учреждений в Западной Европе в Средние века. М.: Ленандр, 2015. 752 с.

31. Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства: исторический очерк конституционных учреждений и учений до середины XIX века. Изд. 2-е. М.: Ленанд, 2015. 506 с.

32. Кареев Н.И. Старые и новые этюды об экономическом материализме: материалы для истории и критики экономического материализма. Изд. 2-е, [репр.]. М.: URSS Ленанд, 2015. VIII, 305 с.
33. Кареев Н.И. Старые и новые этюды об экономическом материализме: материалы для истории и критики экономического материализма. Изд. 2. М.: URSS: Ленанд, сор. 2015. VIII, 304 с.
34. Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы / автор-составитель Е.А. Долгова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 512 с.
35. Кареев Н.И. Введение в курс истории Древнего мира Греция и Рим. Изд. 4-е. М.: URSS, 2016. 106 с.
36. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Переход от Средних веков к Новому времени. М.: Академический проект, 2016. 384 с.
37. Кареев Н.И. Мысли о сущности общественной деятельности. Изд. 3-е. М.: URSS, 2016. 184 с.
38. Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории: очерки главнейших исторических эпох: читает Обоянка Вероника. Москва: ИДДК, 2016. 1 файл (16 ч. 19 мин. 50 с). Формат записи: МРЗ. – Режим доступа: по подписке. – URL: <https://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=606066>
39. Кареев Н.И. Учебная книга древней истории. (С историческими картами). Изд. 10. М.: URSS, 2016. 328 с.
40. Кареев Н.И. Философия культурной и социальной истории Нового времени (1300–1800): введение в историю XIX века (основные понятия, главнейшие обобщения и наиболее существенные итоги истории XIV–XVIII веков). М.: URSS, 2016. 206 с.
41. Кареев Н.И. Историческая философия гр. Л.Н. Толстого в "Войне и мире" // Чертков В.Г. О революции: насильственная революция или христианское освобождение? Обращение к верующим в Бога русским людям. С предисловием Л.Н. Толстого. Кареев Н.И. Историческая философия гр. Л.Н. Толстого в "Войне и мире". Изд. 2. М.: URSS, 2017. С. 57-120.
42. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. 1-е изд. М.: Изд-во Юрайт, 2018. 319 с. (Серия: Антология мысли). *Переизд.: 2019, 2020.*
43. Кареев Н.И. Город-государство античного мира. М.: Вече, 2018. 351 с.¹
44. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Развитие культурных и социальных отношений. Последняя треть XIX века. Часть 1 (1867–1880 гг.). М.: Академический Проект, 2019. 400 с.

¹ Три издания труда Н.И. Кареева, опубликованные в 1903, 1905 и 1910 годах вышли под названием: «Государство-город античного мира». См.: См.: Николай Иванович Кареев. Библиографический указатель (1869–2007) / сост. В.А. Филимонов. Казань, 2008. С. 73.

45. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время. Последняя треть XIX века. Часть II (1880–1900-е гг.). М.: Академический проект: Трикста, 2019. 556 с.

46. Кареев Н.И. Уильям Годвин и его "Политическая справедливость" // Социологические исследования. 2019. № 8. С. 101-113.

47. Кареев Н.И. Беседы о выработке мировоззрения. М.: Либроком, 2020. 182 с.

48. Кареев Н.И. Введение в изучение социологии. М.: Изд-во Юрайт, 2020. 319 с.

49. Кареев Н.И. Введение в курс истории Древнего мира: Греция и Рим. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 92 с.

50. Кареев Н.И. Западная Европа и новое время (Революция и Наполеоновская Эпоха). Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2020. 146 с.

51. Кареев Н.И. Историология: Теория исторического процесса. Изд. стереотип. М.: URSS, 2020. 326 с.

52. Кареев Н.И. Общий ход всемирной истории. Очерки главнейших исторических эпох. Изд. стереотип. М.: Либроком, 2020. 304 с.

53. Кареев Н.И. По большой дороге истории монография / рук. проекта, вступит. ст., отв. ред. В.П. Золотарев; подг. текста и коммент. Е.В. Карпова [и др.]. М.: ИНФРА-М, 2020. 341 с.

54. Кареев Н.И. Теория исторического знания. М.: Красандр, 2020. 326 с.

55. Кареев Н.И. Философия истории в русской литературе. М.: URSS, 2020. 246 с.

56. Кареев Н.И. Исследования в области древней мифологии. М.: Либроком, 2021. 104 с.

57. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время: развитие культурных и социальных отношений: в 7 томах. Репр. изд. 1892 г. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. Том 1. Переход от Средних веков к Новому времени. 572 с.

58. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время: развитие культурных и социальных отношений: в 7 томах. Репр. изд. 1893 г. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. Том 2. Реформация и политическая жизнь в XVI–XVII вв. 626 с.

59. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время: развитие культурных и социальных отношений: в 7 томах. Репр. изд. 1893 г. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. Том 3. «Восемнадцатый век» и Французская революция. 659 с.

60. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время: развитие культурных и социальных отношений: в 7 томах. Репр. изд. 1894 г. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. Том 4. XIX век. Консульство, империя и реставрация. 674 с.

61. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время: развитие культурных и социальных отношений: в 7 томах Репр. изд. 1898 г. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. Том 5. XIX век. Средние десяти-

летия — от июльской революции до падения Второй Империи (1830–1870 гг.). 896 с.

62. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время: в 7 томах. Репр. изд. 1909 г. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. Том 6. Последняя треть XIX века. Часть 1. 1867–1880 гг. 446 с.

63. Кареев Н.И. История Западной Европы в Новое время: в 7 томах. Репр. изд. 1910 г. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. Том 6. Последняя треть XIX века. Часть 2. 1880–1900 гг. 647 с.

64. Кареев Н.И. История Западной Европы в начале XX столетия (1901–1914 гг.): в 7 томах. Репр. изд. 1916 г. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. Том 7. Часть 1. 408 с.

65. Кареев Н.И. История Западной Европы в начале XX столетия (1901–1914 гг.): в 7 томах. Репр. изд. 1917 г. Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. Том 7. Часть 2. 376 с.

66. Кареев Н.И. Новейшее время от 1859 до 1914 г.: историографические очерки: Москва; Берлин: Директ-Медиа, 2021. 152 с.

67. Кареев Н.И. Учебная книга новой истории: От появления европейцев в других частях света до всемирного господства европейского Запада. 1492–1914: с цв. ист. картами. М.: URSS, 2021. 368 с.

б) работы Н.И. Кареева, опубликованные в журналах и сборниках статей

68. Письма В.П. Бузескула Н.И. Карееву, 1899 г. / Публ. и комм. В.А. Филимонова // Харківський історіографічний збірник. Вип. 9. Харків: Вид-во НУА, 2008. С. 238-241.

69. Рецензии Н.И. Кареева на книги В.П. Бузескула / Публ. и комм. и пер. с фр. В.А. Филимонова // Харківський історіографічний збірник. Вип. 9. Харків: Вид-во НУА. 2008. С. 241-249.

70. Кареев Н.И. Мои отношения к «Отечественным запискам» и «Русскому богатству» (1868–1918) / Публ. и комм. В.А. Филимонова и Г.П. Мягкова // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 6. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 353-366.

71. Письма Н.И. Кареева [к В.И. Герье] // Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М.: Изд-во РОССПЭН, 2010. С. 110-147.

72. Кареев Н.И. Личное начало и роковые силы в истории // Труды кафедры истории Нового и новейшего времени. 2011. № 6. С. 116-125.

73. Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук / Подгот. текста, вступ. статья, коммент. А.В. Малинова // Вече: журнал русской философии и культуры. 2011. Вып. 22. С. 147-174.

74. Кареев Н.И. Понятие науки и классификация наук / Подгот. текста, коммент. А.В. Малинова // Клио. 2013. № 2 (74). С. 28-34.

75. • Кареев Н.И. Два новых научных труда по социологии (НИОР РГБ. Ф. 119. Н.И. Кареев. К. 43. Д. 9. Л. 2-54. Автограф. Подлинник.

Черновик) [рецензия на работу П.А. Сорокина «Система социологии»]. Публ. Е.А. Долгова // Социологический журнал. 2014. № 4. С. 95-120¹.

76. Кареев Н.И. Два новых научных труда по социологии [Часть 2] «Наука об общественной жизни» К.М. Тахтарева (НИОР РГБ. Ф. 119. Н.И. Кареев. К. 43. Д. 9. Л. 1-49. Автограф. Подлинник. Черновик) // Социологический журнал. 2015. №1. С. 78-100.

77. Кареев Н.И. Кризис исторической науки. Проф. Р. Виппер. Кризис исторической науки. Казань. 1921 / Публикация Г.П. Мягкова // Романтизм и позитивизм как историографические эпохи: современный взгляд. Сборник материалов методологического семинара. Самара: Изд-во Самарского гос. медицин. ун-та, 2015. С. 5-9.

78. Кареев Н.И. Новая история // Судьба проекта «Русская наука». 1916–1920 (К 100-летию Комиссии по изданию сборника «Русская наука»): Статьи и документы / Отв. ред. чл.-корреспондент РАН Ю.М. Батурин; ред.-составители В.М. Орёл, Г.И. Смагина. СПб.; М., 2016. С. 687-758.

79. Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук. Глава 2. Логические предпосылки всякой методологии / Подг. текста к публ. и комм. А.В. Малинова и Е.А. Долговой // Социологическое обозрение. 2017. Т. 16. № 3. С. 327-365.

80. • Долгова Е.А., Малинов А.В. «Понять чужую душу»: Фрагменты из неопубликованного труда историка, социолога, методолога науки Н.И. Кареева // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 236-247.

81. Кареев Н.И. Общая методология гуманитарных наук / Подготовка текста В.В. Слисковой, Е.А. Долговой и А.В. Малинов // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 2. С. 64-85.

82. Кареев Н.И. Теоретические гуманитарные науки (фрагменты главы VI рукописи "Общая методология гуманитарных наук") // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 130-134.

2. Библиография работ, посвященных Н.И. Карееву

2008

1. • Аржакова Л.М. Труды Н.И. Кареева по истории Польши и его «Основные вопросы философии истории» // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 290-292.

¹ Здесь и далее знаком • помечены работы, вошедшие в библиографию: Щедрина Т.Г. Избранная библиография работ о Н.И. Карееве (2008–2019) // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / под редакцией Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. Сер. Философия России первой половины XX века. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 165-173.

2. Байссвенгер М. Н.И. Кареев – критик евразийства // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 299-301.

3. Варшер Т.С. Последние годы Н.И. Кареева при большевиках / Публ. и комм. В.А. Филимонова // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 10. Ставрополь; Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2008. С. 420-427.

4. Волкова Ю.С. Преемственность исторического знания учителя и учеников («школа Герье» и «школа Кареева») // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 189-194.

5. Золотарев В.П. В.И. Герье и Н.И. Кареев: к истории взаимоотношений // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 152-173.

6. Золотарев В.П. «Быстрый труд»: к истории создания Н.И. Кареевым докторского исследования // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 282-283.

7. Золотарев В.П. Неопубликованный труд Н.И. Кареева «По большой дороге истории»: взгляд с рубежа веков // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 284-286.

8. Ефименко В.П. Н.И. Кареев и А.Н. Веселовский // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 294-296.

9. Корелина Н.П. Моя полувековая дружба с Николаем Ивановичем Кареевым / Публ. и комм. В.А. Филимонова // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 10. Ставрополь; Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2008. С. 427-433.

9а Кручковский Т.Т. Этноконфессиональный образ Беларуси в русской историографии второй половины XIX в. (на примере двух подходов: Н.И. Кареев и М.О. Коялович) // Хрысціянства у гістарычным лёсе беларускага народа: зб. навук. арт.; рэдкал.: С.В. Марозава [і інш.]. Гродна: ГрДУ, 2008. С. 348-357.

10. Лаптева Л.П. Исследование Н.И. Кареева по истории Чехии и контакты с чешскими учеными // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 292-294.

11. •Мамонова Ю.В. Н.И. Кареев о роли субъективной школы в генезисе и развитии русской социологии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия Социология. Политология. 2008. Т. 8. № 1. С. 66-69.

12. Милуков П.Н. Памяти Н.И. Кареева / Публ и комм. В.А. Филимонова // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 10. Ставрополь; Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2008. С. 416-420.

13. Мягков Г.П. Он был «хозяином в любой области историографии»: эмпирическое и философско-историческое в творчестве Н.И. Кареева // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 303-305.

14. Мягков Г.П., Федорова Н.Г. Как сделаться историком? Гимназические годы в воспоминаниях Н.И. Кареева и М.М. Ковалевского // Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ. Сб. статей и сообщений Всероссийской научно-практической конференции. Ижевск: Изд-во УдГУ, 2008. С. 75-82.

15. Мягков Г.П., Филимонов В.А. Н.И. Кареев и казанские социологи // Вестник экономики, права и социологии. Рецензируемый Федеральный науч.-практ. и аналит. ж-л. Казань, 2008. № 6 С. 115-122.

16. Николай Иванович Кареев. Биобиблиографический указатель (1869—2007) / Сост. В.А. Филимонов. Казань: Изд-во Казан. гос. ун-та, 2008. 224 с.

17. Павлова Т.В. «Рождение шедевра» (О методологии истории «Парижских секций» Н.И. Кареева) // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 288-290.

18. Павлова Т.В. Некоторые проблемы истории Парижских секций в освещении Н.И. Кареева // Проблемы социально-политической истории международных отношений зарубежных стран в новое и новейшее время. Сыктывкар: СыктГУ, 2008. С. 134-140.

19. Павлова Т.В. От термидора к вандемьеру (история парижских секций в научном наследии Н.И. Кареева) // Мир в новое время. Сборник материалов Десятой Всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых по проблемам мировой истории XVI—XXI вв. СПб.: СПбГУ, факультет международных отношений, 2008. С. 200-202.

20. Покатов Д.В. Н.И. Кареев о сущности общественной деятельности и роли политической элиты // Известия Саратовского университета. Новая серия. 2008. Т. 8. Серия Социология. Политология. Вып. 2. С. 3-5.

21. Филимонов В.А. Библиография как основа электронной коллекции. Опыт создания информационно-справочной системы «Н.И. Кареев. Биобиблиографический указатель» // Проблема качества исторического образования в системе высшей школы. Сб. науч. ст. и сообщений. Казань: Изд-во Института истории АН РТ, 2008. С. 233—235.

22. Филимонов В.А. Лекционные курсы Н.И. Кареева по древней истории // Историк и его дело: судьбы ученых и научных школ. Сб. ст. Меж-

дун. науч.-практ. конф., посв. 90-летию со дня рожд. проф. В.Е. Майера. Ижевск: НИЦ «Регулярная и хаотическая динамика», 2008. С. 68-75.

23. ●Филимонов В.А. Н.И. Кареев в дискуссии о месте классических дисциплин в гуманитарной науке и образовании // Формирование единого пространства образования и науки в российской высшей школе: история и перспектива. Сб. ст. науч. конф., посв. пам. проф. А.В. Арсеньевой / Отв. ред. Л. П. Кураков. Чебоксары: Изд-во Чуваш. ун-та, 2008. С. 347-354.

24. ●Филимонов В.А. Н.И. Кареев и В.П. Бузескул: материалы к характеристике взаимоотношений историков // Харківський історіографічний збірник. Вип. 9. Харків: Вид-во НУА, 2008. С. 230-249.

25. ●Филимонов В.А. Н.И. Кареев и В.И. Герье: опыт реконструкции межличностных коммуникаций // История идей и воспитание историей: Владимир Иванович Герье / под ред. Л.П. Репиной. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 174-188.

26. Филимонов В.А. Н.И. Кареев о национальной детерминанте в истории России // Национальная идентичность в проблемном поле интеллектуальной истории. Мат. межд. науч. конф. Ставрополь; Пятигорск; Москва: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2008. С. 81-84.

27. Филимонов В.А. Н.И. Кареев: in memoriam (к публикации малоизвестных биографических материалов об историке) // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 10. Ставрополь; Пятигорск: Пятигорский гос. лингв. ун-т, 2008. С. 408-416.

28. Филимонов В.А. «Основные вопросы философии истории» и «Сущность исторического процесса и роль личности в истории» Н.И. Кареева в рецензиях отечественных исследователей // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 286-288.

29. Филимонов В.А., Козлова М.И. Научное наследие Н.И. Кареева в библиографическом измерении: опыт создания справочно-информационной системы на основе гипертекста // Теории и методы исторической науки: шаг в XXI век. Материалы международной научной конференции / отв. ред. Л.П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. С. 305-307.

2009

30. Аржакова Л.М. Опыт польско-российского диалога: Н.И. Кареев, Н.А. Попов и М. Бобжиньский // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2009. Сер. 2. История. № 3. С. 9-17.

31. Буланова М.Б. Модель социологического образования, разработанная Н.И. Кареевым и М.М. Ковалевским // Вестник РГГУ. Серия: Философия. Социология. Искусствоведение. 2009. № 2. С. 113-122.

32. Васильев Ю.А. О методологических основаниях русской исторической школы: историософские аспекты. Часть I // Знание. Понимание. Умение. 2009. № 1. С. 49-58.

33. Васильев Ю.А. О методологических основаниях русской исторической школы: историософские аспекты // Историки размышляют: сб. ст. Вып. 6 / ред.-сост. Семенникова Л.И. М.: Изд-во Московского ун-та, 2008. С. 51-83.

34. Волкова Ю.С. Линия «учитель – ученик» в научной биографии А.М. Ону: влияние Н.И. Кареева и А. Бретта // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 20-22.

35. Гордон А.В. Великая Французская революция в советской историографии. М.: Наука, 2009. 380 с. Кареев Н.И.: с. 19-20, 26-28, 33-34, 77-79 95 и др.

36. Зезегова О.И. Два поколения научной школы по новистике Н.И. Кареева: возможности интеграции в трансформирующееся общество // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 17-20.

37. Кручковский Т.Т. Польский вопрос в России начала XX века в оценке Н. Кареева // Вести Ин-та соврем. знаний. 2009. № 4 (41). С. 48-52.

38. Лаптева Л.П. Н.И. Кареев (1850–1931): его исследования по истории Чехии и контакты с чешскими учеными // Средневековый город: Межвузовский научный сборник. Вып. 20. Саратов: Изд-во Саратовского гос. ун-та, 2009. С. 264-278. Переизд.: Лаптева Л.П. Русско-чешские научные связи во второй половине XIX – начале XX в. (по данным переписки). М.: ПОЛИМЕДИА, 2016. С. 621-636.

39. •Мягков Г.П., Филимонов В.А. Казанские ученые в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. 2009. Т. 151, кн. 2, ч. 1. С. 164-173.

40. Никифоров Ю.С. Культура историка последней четверти XIX – начала XX века (на примере представителей «русской исторической школы») // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2009. № 101. С. 34-37.

41. Павлова Т.В. Научные сообщества России и работы Н.И. Кареева по истории Парижских секций времен Французской революции конца XVIII века // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 15-17.

42. Павлова Т.В. Революции начала XX века в России и исследовательский праксис Н.И. Кареева // Историк и его эпоха: Вторые Даниловские чтения / Тюменский гос. ун-т / под ред. А.Г. Еманова. Тюмень: Мандр и К⁰, 2009. С. 310-313.

43. Подвойский Д.Г. КАРЕЕВ // Большая российская энциклопедия. Том 13. М., 2009. С. 126.

44. Репина Л.П. Понятие всеобщей истории в российской интеллектуальной традиции (XIX – начало XX вв.) // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 294-297.

45. Филимонов В.А. М.С. Куторга и Н.И. Кареев: коммуникативная специфика и трудности верификации // Сообщество историков высшей школы России: научная практика и образовательная миссия. М.: ИВИ РАН, 2009. С. 271-274.

46. Филимонов В.А. Н.И. Кареев и Первая мировая война: взгляд очевидца и рефлексия историка // Образ войн и революций в исторической памяти. Мат. между. науч. конф. Пятигорск; Ставрополь; Москва: ПГЛУ, 2009. С. 178-186.

47. Филимонов В.А. Список трудов как основа электронной коллекции: опыт работы над информационным справочным ресурсом «Н.И. Кареев. Библиографический указатель» // Духовное наследие народов Республики Коми: история и современность. Мат. Всеросс. науч.-практ. конф. Сыктывкар: СыктГУ, 2009. С. 257-261.

48. Чудинов А.В. «Русская школа» историографии французской революции XVIII в.: выбор пути // Французский ежегодник. 2009: Левые во Франции. М.: Либроком, 2009. С. 330-347.

2010

49. Аржакова Л.М. Два историка — одна проблема: трактовка причин падения Речи Посполитой С.М. Соловьевым и Н.И. Кареевым // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследие. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 264-266.

50. ● Аржакова Л.М. Н.И. Кареев и его интерпретация причин падения Речи Посполитой // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. История. 2010. № 3. С. 36-45.

51. Аржакова Л.М. К вопросу о так называемом перевороте в польской историографии и его восприятии в России // Вестник Российского государственного университета им. И. Канта. 2010. № 12. С. 85-91.

52. Аржакова Л.М. Российская историческая полонистика и польский вопрос в XIX веке. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2010. 543 с.

53. Васильев Ю.А. Феномен “Ecole Russe”: теория истории Н.И. Кареева (начало) // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 2. С. 124-128.

54. Васильев Ю.А. Феномен “Ecole Russe”: теория истории Н.И. Кареева (окончание) // Знание. Понимание. Умение. 2010. № 3. С. 121-134.

55. ● Гребенкин А.Н. Философия истории Н.И. Кареева // Булгаковские чтения. 2010. № 4. С. 270-276.

56. Егорова С.Л. В.А. Бутенко — последователь кареевской концепции цивилизационного процесса // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследие. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 288-290.

57. Зезегова О.И., Павлова Т.В. Переписка Н.И. Кареева и В.А. Мякотина как исторический источник // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследие. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 292-293.

58. Золотарев В.П. Эссе Н.И. Кареева «О духе русской науки»: новое прочтение // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследие. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 276-277.

59. Кареева Н.С. Н.И. Кареев и методологическое наследие немецкого идеалистического историзма середины XIX века // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследие. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 277-279.

60. Кручковский Т.Т. Н.И. Кареев о цивилизационном выборе польского народа в средневековье // Весн. Гродз. дзярж. ун-та імя Янкі Купалы. Сер. 1. 2010. № 1. С. 78-86.

61. Кузнецов А.А. Письма Н.И. Кареева к С.И. Архангельскому // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследие. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 294-295.

62. Лаптева Л.П. Контакты русских ученых с чешскими ученым и политическим деятелем Т.Г. Масариком (до 1917 г.) // Мыслящие миры российского либерализма: Павел Милюков (1859–1943): Материалы Международного научного коллектива; Составитель: М.Ю. Сорокин. М.: Изд-во «Любавич», 2010. С. 237-248. Кареев Н.И.: с. 237-242. *Переизд.*: Лаптева Л.П. Русско-чешские научные связи во второй половине XIX – начале XX в. (по данным переписки). М.: ПОЛИМЕДИА, 2016. С. 637-650.

63. Липницкая И.Б. Н.И. Кареев – Н.П. Соколов: проблема преемственности // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследие. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 290-292.

64. Лукоянов В.В. Н.И. Кареев и позитивистская философия истории // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследие. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 279-280.

65. ●Лыскова И.Е. Научно-педагогические взгляды Николая Ивановича Кареева. Сыктывкар: КРАГСиУ, 2010. 180 с.

66. Лыскова И.Е. Самообразование русской молодежи конца XIX – начала XX вв. и Н.И. Кареев // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследие. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 285-286.

67. ●Мамонова Ю.В. Н.И. Кареев как историк отечественной социологии: Автореф. дис. ... канд. социол. наук. Саратов, 2010.

68. ●Мамонова Ю.В. Н.И. Кареев как историк отечественной социологии: дис. ...канд. социол. наук. Саратов, 2010. 182 с.

69. ●Минаев А.И. Н.И. Кареев о британском парламентаризме // Национальный / социальный характер: археология идей и современ-

ное наследие. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 283-285.

70. Мягков Г.П. Н.И. Кареев о роли традиции в механизме исторического процесса // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследие. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 274-275.

71. ●Мягков Г.П., Филимонов В.А. Н.И. Кареев в 1899–1906 годы: «досуговый дискурс» историка // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. 2010. Т. 152. Кн. 3. Ч. 1. С. 169-178.

72. Никифоров Ю.С. Культура российского историка последней трети XIX – начала XX в. (на примере представителей «русской исторической школы»): автореф. дис. ...канд. ист. наук. Ярославль, 2010. 24 с.

73. Никифоров Ю.С. Педагогическая деятельность историков «Русской школы» // Ярославский педагогический вестник. 2010. № 1–2. С. 38-42.

74. Павлова Т.В., Зезегова О.И. Переписка Н.И. Кареева и В.А. Мякотина как исторический источник // Национальный / социальный характер: археология идеи и современное наследие. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 292-293.

75. Павлова Т.В. Исследования Н.И. Кареева по истории парижских секций в оценках его современников // Национальный / социальный характер: археология идеи и современное наследие. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 281-282.

76. ●Поздеева Г.Г. Историческое видение Н.И. Кареева. Глазов: Глазовский гос. пед. ин-т, 2010. 88 с.

77. Попов А.С. Социально-философские идеи представителей «субъективной школы» в отечественной социологии. Учебное пособие. Мичуринск: Мичуринский гос. пед. ин-т, 2010. 239 с.

78. ●Ревазов В.Ч. Кареев Н.И. — как первый систематизатор субъективной школы в русской социологии // Труды СКГМИ (ГТУ). 2010. № 17. С. 200-203.

79. Резниченко А.И. Кареев Николай Иванович // Новая философская энциклопедия. В четырех томах. / Ин-т философии РАН. Научно-ред. совет: В.С. Степин, А.А. Гусейнов, Г.Ю. Семигин. М.: Мысль, 2010. Т. II, Е – М. С. 217.

80. Филимонов В.А. In memoriam: некрологи Н.И. Кареева как дополнительный источник к биографии историка // Национальный / социальный характер: археология идей и современное наследие. Материалы Всероссийской научной конференции. М.: ИВИ РАН, 2010. С. 287-288.

81. ●Филимонов В.А. М.С. Куторга и Н.И. Кареев: коммуникативная специфика и трудности верификации // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 30. М.: КРАСАНД, 2010. С. 223-235.

82. Филимонов В.А. Н.И. Кареев и антиковеды Варшавского университета: к характеристике взаимоотношений // Историческая память, власть и дисциплинарная история. Мат. Всеросс. науч. конф. Пятигорск; Ставрополь; Москва: Изд-во ПГЛУ, 2010. С. 126-131.

83. •Филимонов В.А. Универсальный дискурс Н.И. Кареева как опыт репрезентации античной истории // Древности 2010. Харьковский историко-археологический ежегодник. Вып. 9. Харьков: Изд-во ХИАО, ООО «НТМТ», 2010. С. 325-332.

84. Филимонов В.А., Мягков Г.П. Н.И. Кареев и «толстые журналы» его времени: в поисках «своего» издания // Мир историка: историографический сборник / под ред. В.П. Корзун, А.В. Якуба. Вып. 6. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2010. С. 347-353.

85. Цыганков Д.А. Кареев Николай Иванович // Императорский Московский университет: 1755–1917: энциклопедический словарь / составители А.Ю. Андреев, Д.А. Цыганков. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2010. С. 305-307.

86. Цыганков Д.А. Профессор В.И. Герье и его ученики. М.: Изд-во РОССПЭН, 2010. 503 с.

2011

87. •Васильев Ю.А. Феномен «ecole russe»: критика Н.И. Кареева // Знание. Понимание. Умение. 2011. № 3. С. 121-127.

88. •Виноградов А.И. Взгляды Н.И. Кареева на проблему субъектов истории // Ученые записки Петрозаводского государственного университета. 2011. № 7–1 (120). С. 92-95.

89. •Виноградов А.И. Нравственный аспект представлений П.Л. Лаврова, Н.К. Михайловского и Н.И. Кареева о субъекте истории // Вестник военного университета. 2011. №1 (25). С. 10-15.

90. Демьяненко Н.В. Социология Герберта Спенсера в становлении российской «субъективной» школы XIX столетия // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2011. №3 (65). С. 48-65.

91. •Долгова Е.А. В поисках «Общей методологии гуманитарных наук»: Синтез истории, социологии и психологии в работах Н.И. Кареева (1918–1931 гг.) // Будущее нашего прошлого: современные проблемы и состояние научного знания: материалы Всероссийской научной конференции / отв. ред. А.П. Логунов. М.: ИЦ РГГУ, 2011. С. 118-127.

92. •Долгова Е.А. «Исследование не может вестись каким-либо одним методом...»: марксизм в работах Н.И. Кареева 1918–1931 годов // Известия Смоленского государственного университета. 2011. № 3 (15). С. 223-231.

93. Долгова Е.А. Социально-бытовые контуры частной жизни Н.И. Кареева в 1917–1931 гг. // «Частное и общественное: границы, наполнение, политики интерпретации в прошлом и настоящем»: материалы IV международной научной конференции РАИЖИ и Инсти-

туда этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, Ярославль. М.: Изд-во ИАЭ РАН, 2011. С. 106-115.

94. Дунаева Ю.В. 2011. 03. 021. Поздеева Г.Г. Исторические взгляды Н.И. Кареева: монография. Глазов: Глазовский гос. пед. ин-т, 2010. – 90 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Реферативный журнал. 2011. № 3. С. 107-110. [Рец.].

95. Егорова С.Л. «Комета» февраля глазами очевидцев // Современные научные исследования и инновации. 2011. № 6 [Электронный ресурс]. URL: <https://web.snauka.ru/issues/2011/10/4710>.

96. Егорова С.Л. Место Психоневрологического института в высшем образовании императорской России // Московское научное обозрение. 2011. № 7 (11). С. 07-09.

97. Егорова С.Л. Страница из истории Александровского Лицея // Вестник гуманитарного научного образования. 2011. № 5. С. 02-03.

98. •Иванова Т.Н., Зарубин А.Н. Н.И. Кареев и П.Н. Ардашев: к публикации забытого некролога // Диалог со временем. 2011. Вып. 34. С. 236-248.

99. Кручковский Т.Т. Польская проблематика в русской историографии первой половины XIX века: историческая тематика и польский вопрос. Гродно, 2011. 418 с.

99а. Кручковский Т.Т. Проблема цивилизационного выбора Польши в оценке русской историографии XIX – начала XX вв. // История Польши в историографической традиции XIX – начала XX вв.: материалы Международной научной конференции / под общ. ред. Т.Т. Кручковский. Гродно: ГрГУ, 2011. С. 30-42.

100. Кузнецов А.А. Отзывы Н.И. Кареева, Е.А. Косминского, В.Н. Бочкарева в 1929 г. о научных работах С.И. Архангельского // История и историки в пространстве национальной культуры XVIII – начала XXI вв. Челябинск: Энциклопедия, 2011. С. 245-253.

101. •Малинов А.В. Н.И. Кареев. Общая методология гуманитарных наук. Предисловие к публикации // Вече. 2011. № 22. С. 147-151.

102. •Мальсагова Х.И. О. Конт и Н.И. Кареев: развитие позитивизма в России // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2011. № 4. С. 208-220.

103. •Осипов И.Д. История и культура в философии Н.И. Кареева // Вече. 2011. № 22. С. 174-185.

104. •Павлова Т.В. Парижские секции времен Великой Французской революции конца XVIII века в освещении Н.И. Кареева: автореф. дис. ...канд. ист. наук. Казань, 2011. 23 с.

105. •Павлова Т.В. Парижские секции времен Великой Французской революции конца XVIII века в освещении Н.И. Кареева. Дис. ...канд. ист. наук. Казань, 2011.

106. Павлова Т.В. Самоорганизация общества глазами русской интеллигенции конца XIX – начала XX в. // Интеллигенция и мир. 2011. № 1. С. 50-67.

107. Подоль Р.Я. Экономический детерминизм в русской социологии начала XX века // Вестник Московского государственного областного университета. 2011. № 1. С. 211-219.

108. Филимонов В.А. Антиковеды Варшавского университета в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева // Ставропольский альманах Российского общества интеллектуальной истории. Вып. 12. Ставрополь: Изд-во СГУ, 2011. С. 229-240.

109. Филимонов В.А. Н.И. Кареев о еврейском вопросе в Западной Европе и в России // Образ «Другого» в поликультурных обществах. Мат. Междун. науч. конф. Ставрополь; Москва: Изд-во ПГЛУ, 2011. С. 430-437.

2012

110. ●Бороноев А.О., Глотов М.Б. М.М. Ковалевский в истории русской социологии Н.И. Кареева // Общество. Среда. Развитие (Тerra Humana). 2012. № 2. С. 68-72.

111. Васильев Ю.А. Взгляд на эпометаморфоз сквозь призму всемирно-исторической точки зрения // Век глобализации. 2012. № 1. С. 46-57.

112. Васильев Ю.А. Теория и методы в русской исторической школе: теория исторического знания, теория исторического процесса, психологическое направление. М.: URSS, 2012. 272 с.

113. ●Васильев Ю.А. Феномен «ecole russe»: историология Н.И. Кареева // Знание. Понимание. Умение. 2012. № 1. С. 72-81.

114. ●Гончарова Т.Н. Увлекательная манера письма и лекторское мастерство на службе исторической науки: плеяда выдающихся историков Французской революции и Наполеона на кафедре истории нового и новейшего времени (Н.И. Кареев, Е.В. Тарле, В.Г. Ревуненков) // Актуальные проблемы истории и историографии стран Западной Европы и Америки в Новое и Новейшее время. памяти наших учителей – создателей ленинградской–петербургской школы историков: материалы научной конференции / отв. ред. Н.П. Евдокимова. Ишим: Изд-во ИГПИ им. П.П. Ершова, 2012. С. 21-35.

115. Глотов М.Б. Н.И. Кареев о личных контактах с М.М. Ковалевским // Третьи Кареевские чтения. Материалы научной конференции с международным участием. Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, Факультет социальных наук, кафедра истории и теории социологии. СПб., 2012. С. 13-16.

116. ●Долгова Е.А. Документальные источники к научной биографии историка Н.И. Кареева 1917–1931 гг. // Отечественные архивы. 2012. № 2. С. 75-82.

117. ● Долгова Е.А. Из истории издания работы Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук». 1922–1924 гг. // Вестник архивиста. 2012. № 1. С. 239-245.

118. Долгова Е.А. Концепция «Общей методологии гуманитарных наук»: Теоретические поиски в гуманитарном знании в 1920-е годы // Стены и мосты: Междисциплинарные подходы в исторических исследованиях. М.: РГГУ, 2012. С. 222-234.

119. ● Долгова Е.А. Научная биография Н.И. Кареева (1917–1931 гг.) // Проблемы российской историографии середины XIX – начала XX в.: сборник трудов молодых ученых / Отв. ред. А.С. Усачев. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2012. С. 151-205.

120. ● Долгова Е.А. Неизученные страницы жизни Н.И. Кареева // Вопросы истории. 2012. № 8. С. 131-137.

121. Долгова Е.А., Тихонова А.В. «Тяжелое материальное положение должно будет отразиться и на ходе научных работ...»: частная жизнь Н.И. Кареева 1917–1931 гг. // Родина. 2012. № 7. С. 158-160.

122. Дунаева Ю.В. 2012. 02. 002. Лыскова И.Е. Научно-педагогические взгляды Николая Ивановича Кареева. – Сыктывкар: КРАГСиУ, 2010. 180 с. // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Реферативный журнал. 2012. №2. С. 13-18. [Рец.]

123. ● Иванова (Косарская) Е.С. Социокультурная типология Н.И. Кареева // Глобальный научный потенциал. 2012. № 6 (15). С. 48-50.

124. Кручковский Т.Т. Интерпретация польского вопроса в России Н.И. Кареевым в «Польских письмах» // Белорусская политология: многообразие в единстве. Политическое знание в современном социальном и образовательном пространстве: тезисы докладов V международной научно-практической конференции. В 2 ч. Ч. 1 / ред. кол.: В.Н. Ватыль, [и др.]. Гродно: ГрГУ, 2012. С. 288-291.

125. Леонтьева О.Б. Интеллектуальная история России XIX – начала XX вв. Самара: Изд-во «Самарский университет», 2012. 428 с. *Кареев Н.И.*: с. 192-202.

126. ● Малинов А.В. Из переписки двух историков (к публикации писем Н.И. Кареева В.И. Ламанскому) // Клио. 2012. № 10 (70). С. 14-20.

127. ● Мальсагова Х.И. Особенности концепции человек – общество в социологии Н.И. Кареева // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2012. № 4. С. 190-199.

128. ● Мягков Г.П., Ходячих С.С. Нормандское завоевание Англии в исследовательском поле российских историков XIX – начала XX вв. (В.И. Герье, Н.И. Кареев, П.Г. Виноградов) // Ученые записки Казанского государственного университета. Сер. Гуманит. науки. 2012. Т. 154, кн. 3. С. 142-152.

129. Мягкова Е.М., Репников А.В. Образы французской революции в общественной мысли России XIX века // Россия XXI. 2012. № 5. С. 102-123.

130. Никифоров Ю.С. Историки «Русской школы» о методологии и культуре исторического исследования // Ярославский педагогический вестник. 2012. № 4. С. 40-43.

131. ●Попов А.С. Н.И. Кареев о «субъективном элементе» в общественном познании // Философские традиции и современность. 2012. № 1 (1). С. 87-94.

132. ●Филимонов В.А. Антиковеды – авторы «Энциклопедического словаря Брокгауза и Ефрона» в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 41. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 129-164.

133. Филимонов В.А. Антиковеды – авторы «Энциклопедического Словаря» Брокгауза и Ефрона в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева // Историческая наука и образование в России и на Западе: судьбы историков и научных школ. Мат. Всеросс. науч. конф. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 74-77.

134. Филимонов В.А. Н.И. Кареев как гимназический преподаватель: постижение профессии и коммуникативные практики // Историческое произведение как феномен культуры. Сб. науч. ст. Вып. 7. Сыктывкар: Коми пединститут, 2012. С. 66-80.

135. ●Филимонов В.А. Н.И. Кареев о рецепции античного культурного наследия в Средние века и Новое время // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 40. М.: ИВИ РАН, 2012. С. 240-257.

2013

136. ●Долгова Е.А. Методология исторической науки в работах Н.И. Кареева 1917–1931 гг. Автореф. дис. ...канд. ист. наук. М., 2013. 26 с.

137. ●Долгова Е.А. Методология исторической науки в работах Н.И. Кареева 1917–1931 гг. Дис. ...канд. ист. наук. М., 2013. 261 с.

138. ●Долгова Е.А. «Общая методология гуманитарных наук» Н.И. Кареева (1850–1931) // Историческая психология и социология истории. 2013. Т. 6. № 2. С. 185-198.

139. ●Долгова Е.А. Роль и функциональные особенности истории в системе гуманитарного знания в работах Н.И. Кареева 1917–1931 гг. // На пути к гражданскому обществу. 2013. № 1-2 (9-10). С. 90-96.

140. ●Долгова Е.А. «Своё право писать ... я обосновал на нашем товариществе по науке»: деятельность Н.И. Кареева в Комитете по оказанию помощи русским в Германии. 1914 г. // Исторический архив. 2013. № 3. С. 126-136.

141. ●Золотарев В.П. Н.И. Кареев и П.А. Сорокин // Наследие. 2013. № 3. С. 78-89.

142. ●Золотарев В.П. Об исследовательской лаборатории Н.И. Кареева (к постановке проблемы) // Патриотизм и гражданственность в повседневной жизни российского общества (XVIII–XXI вв.): Матери-

алы международной научной конференции. Под общей редакцией В.Н. Скворцова. СПб.: Изд-во ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2013. С. 267-272.

142а Кручковский Т.Т. Шляхетское общественно-государственное устройство Польши в оценке Н.И. Кареева // Смена парадигм в историографии всеобщей истории в Республике Беларусь и Российской Федерации: сб. науч. ст.; редкол.: Л.П. Репина [и др.]; под науч. ред. А.Н. Нечухрина. Гродно, 2013. С. 220-233.

143. ●Лыскова И.Е. Проблема качества образования в освещении Н.И. Кареева (1850–1931) // Экономика и управление в XXI веке: тенденции развития. 2013. № 12. С. 240-248.

144. ●Малинов А.В. Теория исторического процесса Н.И. Кареева // Малинов А.В. Очерки по философии истории в России. Т. 2. СПб.: Интерсоцис, 2013. С. 3-122.

145. ●Малинов А.В. Теория исторического процесса Н.И. Кареева // Клио. 2013. № 2 (74). С. 23-27.

146. ●Мальсагова Х.И. Теория и методология социологического знания Н.И. Кареева // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2013. №2. С. 167-173.

147. ●Мягков Г.П., Филимонов В.А. Проблема монархической власти и ее организации в древних обществах в политико-историческом дискурсе Н.И. Кареева // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2013. № 4. Ч. 3. С. 161-167.

148. Никифоров Ю.С. Общественная деятельность историков «Русской школы» в социокультурном пространстве Российской империи конца XIX – начала XX в // Ярославский педагогический вестник. 2013. № 2. С. 33-38.

149. Новиков М.В., Никифоров Ю.С. Система образования Российской империи конца XIX – начала XX в. В свете теоретических воззрений историков «Русской школы» // Ярославский педагогический вестник. 2013. №2. С. 39-43.

150. ●Оганян К.К. Взаимоотношения личности и общества в социологических концепциях Н.И. Кареева и П.Ф. Лилиенфельда // Концепт. Научно-методический электронный журнал. 2013. № 7. С. 36-40.

151. ●Оганян К.К. Историко-социологический анализ нравственной личности в концепции Н.И. Кареева и А.И. Стронина // Фундаментальные исследования. 2013. № 8-5. С. 1250-1254.

152. Ростовцев Е.А., Баринов Д.А. Историко-филологический факультет Петербургского университета: Проблемы коллективной биографии (1819–1917) // Клио. 2013. № 10. С. 36–41.

153. Сазонов А.В. Николай Иванович Кареев и его «Народно-правовое государство»: ученый в контексте эпохи // Кареев Н.И. Происхождение современного народно-правового государства. М.: Гос. публичная историческая б-ка России, 2014.

154. Филимонов В.А. Антиковедение в Историческом Обществе при Петербургском университете (1889–1917): малоизвестные страни-

цы // Двадцатая годовичная сессия Ученого совета Сыктывкарского государственного университета (Февральские чтения). Сб. материалов. Сыктывкар: СыктГУ, 2013. С. 202-207.

155. Филимонов В.А. Греко-римский дискурс Н.И. Кареева как коммуникативный феномен // Историческое произведение как феномен культуры. Сб. науч. ст. Вып. 8. Сыктывкар: Коми пединститут, 2013. С. 68-88.

156. Филимонов В.А. Издательский проект как научная коммуникация (на примере «Истории Европы по эпохам и странам в средние века и новое время» под редакцией Н.И. Кареева и И.В. Лучицкого) // Двадцатая годовичная сессия Ученого совета Сыктывкарского государственного университета (Февральские чтения). Сб. материалов. Сыктывкар: СыктГУ, 2013. С. 216-220.

157. Филимонов В.А. Н.И. Кареев и М.С. Корелин: коммуникация в рамках греко-римского дискурса // Историк в историческом и историографическом времени. Материалы Международного форума, посвященного 100-летию со дня рождения профессора А.С. Шофмана. Казань: Изд-во «Яз», 2013. С. 285-289.

2014

158. Баженова А.Ю. Историки Императорского Варшавского университета 1869–1915: просвещение, наука, политика. Люблин: Instytut Europy Środkowo-Wschodniej, 2014. 408 с.

159. Бочкарева В.И. Отечественные социологи-современники (Н.И. Кареев – П.А. Сорокин) // Наследие. 2014. № 2 (5). С. 111-128.

160. ● Долгова Е.А. Неизвестный труд Н.И. Кареева: предисловие публикатора // Социологический журнал. 2014. №4. С. 90-94.

161. Долгова Е.А. Об одной «стратегии» социальной адаптации «старой профессуры» в 1920-е гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2014. №1 (123). С. 188-193.

162. Иванова Т.Н., Мягков Г.П. Феномен школы В.И. Герье: коммуникативные практики в пространстве научного знания (раздел 4.2. в коллективной монографии) // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М.: «Аквилон», 2014. С. 573-644. Кареев Н.И.: с. 579-599.

163. ● Лыскова И.Е. Н.И. Кареев о проблемах экономического образования в России конца XIX – начала XX века // Современные тенденции в экономике и управлении: новый взгляд. 2014. № 26. С. 16-24.

164. ● Лыскова И.Е. Н.И. Кареев о проблемах женского образования в России в аспекте персонального менеджмента // Женщина в российском обществе. 2014. № 3 (72). С. 80-86.

165. ● Лыскова И.Е. Н.И. Кареев о цели жизни и жизненном призвании // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 7–2. С. 162-166.

166. Лыскова И.Е. К вопросу истории экономического образования в России конца XIX начала XX века // Экономика и современный менеджмент: теория и практика. 2014. № 38. С. 27-34.

167. •Лыскова И.Е. Мотивация персонального развития в системе взглядов П.Л. Лаврова и Н.И. Кареева (к вопросу истории персонального менеджмента в России) // Фундаментальные и прикладные исследования в современном мире. 2014. Т. 2. № 8. С. 65-69.

168. Лыскова И.Е. Философские и социологические корни персонального менеджмента // В мире научных открытий. 2014. № 7-2 (55). С. 757-776.

169. Никифоров Ю.С. Историки «Русской школы» в эпоху Первой мировой войны (1914–1918 гг.) // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1. № 2. С. 54-59.

170. Никифоров Ю.С. Коммуникативная культура российских историков конца XIX – начала XX в.: взаимодействие и конфликты в университетской среде // Диалог со временем. 2014. № 48. С. 138-164.

171. Никифоров Ю.С. Происхождение и характер Первой мировой войны в либерально-патриотическом дискурсе историков «русской школы» (1914–1916 гг.) // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1. № 3. С. 45-52.

172. Никифоров Ю.С. Социокультурный контекст формирования российского историка последней трети XIX – начала XX в // Ярославский педагогический вестник. 2014. №1. С. 50-56.

173. •Новикова Д.А. Рецепция взглядов Н.И. Кареева в историографии второй половины XX века // Наука и Мир. 2014. № 9 (13). С. 83-85.

174. Оганян К.К. Ю. Геккер о русской социологии и взглядах С.Н. Южакова: предисловие переводчика // Социологический журнал. 2014. №2. С. 114-119.

175. Погодин С.Н. "Русская школа" историков и социология // Многоликая современность: Сборник к 60-летию доктора философских наук, профессора Владимира Вячеславовича Козловского. СПб.: Фонд "Международный Фонд поддержки социогуманитарных исследований и образовательных программ "Интерсоцис", 2014. С. 86-114. *Н.И. Кареев*: с. 88-94 и др.

176. Сафронов Б.Г., Самсонова Н.Г. Кареев Николай Иванович // Русская философия. Энциклопедия. Изд. 2-е, дораб. и доп. Под общ. ред. М.А. Маслина; сост. П.П. Апрышко, А.П. Поляков. М.: Кн. клуб Книговек, 2014. С. 266-267.

177. Селиванова О.В. К портрету В.П. Бузескула – историографа (по материалам его переписки с И.Н. Бороздиным и Н.И. Кареевым) // Мир историка: Историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-та, 2014. С. 393-401.

178. Сидненко Т.И. К истокам компетентностного подхода (либеральные историки конца XIX – начала XX вв. о реформе образования в России) // Современные проблемы науки и образования. 2014. № 6. С. 1491.

179. Сидненко Т.И. Концепция «правового государства» в контексте теории конфликтов в истории Н.И. Кареева // Конституция – основной закон государства. Материалы Международной научно-практической конференции с элементами научной школы, посвященной 20-тилетию Конституции Российской Федерации. М., 2014. С. 12-19.

180. Смирнов Т.А. Проблемы социализации личности в теориях русских философов // Мир науки, культуры, образования. 2014. № 3 (46). С. 363-366.

181. Terra Eurgora: интеллектуальное пространство московских историков второй половины XIX века / под общей редакцией Д.А. Цыганкова. М.: Политическая энциклопедия, 2014. Кареев Н.И.: с. 120-129 и сл.

182. ●Филимонов В.А. Издательский проект как площадка научной коммуникации («История Европы по эпохам и странам в Средние века и Новое время» под редакцией Н.И. Кареева и И.В. Лучицкого) // Ученые записки Казанского университета. Сер. Гуманит. науки. 2014. Т. 156. Кн. 3. С. 197-206.

183. ●Филимонов В.А. Н.И. Кареев и М.С. Корелин: коммуникация в рамках греко-римского дискурса // Диалог со временем. Альманах интеллектуальной истории. Вып. 49. М.: ИВИ, 2014. С. 138-162.

184. Филимонов В.А. Н.И. Кареев и М.И. Ростовцев: к характеристике научной коммуникации // Университетская корпорация: память, идентичность, практики консолидации: Материалы всероссийской научной конференции с международным участием, посвященной 210-й годовщине основания Казанского университета / составители и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во «Яз», 2014. С. 162-165.

185. Филимонов В.А. Российские антиковеды в коммуникативном пространстве Н.И. Кареева (Раздел 4.3 в коллективной монографии) // Идеи и люди: интеллектуальная культура Европы в Новое время / Под ред. Л.П. Репиной. М.: «Аквилон», 2014. С. 643-708.

186. Филимонов В.А. Эллинистический мир как результат межкультурного взаимодействия в историософии Н.И. Кареева // Свой – другой – чужой в коммуникативном пространстве контактных зон / Мат. Всеросс. науч. конф. М.: ИВИ РАН, 2014. С. 141-143.

2015

187. Антипов В.С. Отечественная историография политики просвещённого абсолютизма в зарубежных странах (1917 – начало 1930-х годов) // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки. 2015. №1. С. 21-28.

188. Аржакова Л.М. История польского сейма как одна из ключевых проблем российской исторической полонистики XIX века // Таврические чтения 2015. Актуальные проблемы парламентаризма: история и современность. Сб. научных статей. Под редакцией А.Б. Николаева. 2016. С. 160-169.

189. •Афанасьева Ю.С. Научная школа Н.И. Кареева по новистике: проблема идентификации // *Ceteris Paribus*. 2015. № 4. С. 63-65.

190. •Афанасьева Ю.С. Подходы к изучению научных сообществ в исторической науке (на примере научной школы Н.И. Кареева) // Взаимодействие науки и общества: проблемы и перспективы. Сб. статей Международной научно-практической конференции / отв. ред. А.А. Сукиасян. Уфа: ООО "Аэтерна", 2015. с. 68-71.

191. Долгова Е.А. Предисловие // Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы / автор-составитель Е.А. Долгова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 3-19.

192. •Долгова Е.А. Научная биография Н.И. Кареева 1914–1931 гг. // Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. Исследования и материалы / автор-составитель Е.А. Долгова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. С. 21-63.

193. Долгова Е.А. «Смерть моя была бы громадной семейной катастрофой...»: сюжеты из жизни «буржуазного» профессора // Российская история. 2015. Вып. 4. С. 77-89.

194. Дунаева Ю.В. 2015. 04. 005. Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг.: исследования и материалы / авт.-сост. Долгова Е.А. М.: Политическая энциклопедия, 2015. – 512 с // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5. История: Реферативный журнал. 2015. № 4. С. 37-41. [Рец.].

195. Жуков В.Н. Социология права в дореволюционной России: основные направления и идеи // Право и государство: теория и практика. 2015. № 2 (122). С. 33-39.

196. •Зезегова О.И. Один день 1917 года в дневниках Н.И. Кареева // Россия в зеркале военной истории. Материалы II Международной научно-практической конференции. Кострома: КГТУ, 2015. С. 183-187.

197. •Кручковский Т.Т. История Польши в историософской концепции Н.И. Кареева // Вестник Барановичского государственного университета. Серия: Исторические науки и археология, экономические науки, юридические науки. 2015. № 3. С. 30-44.

197а. Кручковский Т.Т. Польско-германское противостояние X–XVI веков в оценке русской либеральной историографии второй половины XIX – начале XX века (на примере С.М. Соловьева, В.О. Ключевского, Н.И. Кареева) // Идеологические аспекты военной безопасности. 2015. № 2. С. 53-59.

198. •Кутузова А.А. Два российских интеллигента: Я.М. Захер и Н.И. Кареев // Интеллигенция и мир. 2015. № 4. С. 98-108.

199. ●Мартынович С.Ф. Опыт истории русской социологии: Н.И. Кареев // Евразийское Научное Объединение. 2015. Т. 2. № 5 (5). С. 151-154.

200. ●Морова О.В. Педагогические идеи Н.И. Кареева: актуальные смыслы (взгляд через столетье) // Вестник Московского государственного областного гуманитарного института. Серия: Педагогика и психология. 2015. Т. 1. № 1–1. С. 19-22.

201. Мягков Г.П. «Кризис исторической науки» в координатах науки (Н.И. Кареев vs Р.Ю. Виппер) // Романтизм и позитивизм как историографические эпохи: современный взгляд. Сборник материалов методологического семинара. Самара: Изд-во Самарского государственного медицинского ун-та, 2015. С. 10-19.

202. ●Самойлова М.П. Проблема рецепции античного наследия на примере творчества Н.И. Кареева // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н.А. Добролюбова. 2015. № 30. С. 156-161.

203. ●Тесля А.А. Разные ракурсы. Рец.: Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914-1931 гг. Исследования и материалы / автор-составитель Е.А. Долгова. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 512 с. // Историческая экспертиза. 2015. № 1 (2). С. 78-83.

204. ●Филимонов В.А. Н.И. Кареев и Первая мировая война: взгляд очевидца и рефлексия историка // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2015. № 1. С. 106-112.

205. Филимонов В.А. Некрологи Н.И. Кареева в эмигрантской прессе как дополнительный источник биографии ученого // Историческое произведение как феномен культуры. Материалы IX международной научной конференции. Сыктывкар: СГУ им. Питирима Сорочкина, 2015. С. 140-153.

2016

206. Блинов А.О., Лыскова И.Е. Международное общественное движение за распространение университетского образования как социальная инновация конца XIX – начала XX веков // Alma mater (Вестник высшей школы). 2016. № 10. С. 85-92.

207. ●Комочев Н.А. Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. исследования и материалы // Российская история. 2016. № 2. С. 228-230. [Рец.]

208. Косарская Е.С. Проблема типологии социокультурного развития в философии истории русского позитивизма конца XIX – начала XX века: дис. ...канд. филос. наук. М., 2016. 187 с.

208а. Кручковский, Т.Т. История Польши в основных концепциях русской историографии XIX – начала XX века: моногр. Гродно: ГрГУ, 2016. 383 с.

208б. Кручковский Т.Т. Польский вопрос накануне Первой мировой войны в оценке Н.И. Кареева // Военно-историческое наследие

Первой мировой войны в Республике Беларусь и Российской Федерации: проблемы изучения, сохранения и использования: сб. науч. ст.; редкол.: А.Н. Нечухрин (гл. ред.) [и др.]. Гродно, 2016. С. 112-122.

208в. Кручковский Т.Т., Хилюта В.А. Результаты Первой мировой войны для Польши в интерпретации Н.И. Кареева // Военно-историческое наследие Первой мировой войны в Республике Беларусь и Российской Федерации: проблемы изучения, сохранения и использования: сб. науч. ст.; редкол.: А.Н. Нечухрин (гл. ред.) [и др.]. Гродно, 2016. С. 122-127.

209. Лаптева Л.П. Н.И. Кареев (1850–1931): его исследования по истории Чехии и контакты с чешскими учеными // Лаптева Л.П. Русско-чешские научные связи во второй половине XIX – начале XX в. (по данным переписки). М.: ПОЛИМЕДИА, 2016. С. 621-636.

210. • Леонченко Т.И. Взгляды В.О. Ключевского и Н.И. Кареева на предмет и структуру исторического знания: сравнительный анализ // Вестник Гродненского государственного университета им. Янки Купалы. Серия 1. История и археология. Философия. Политология. 2016. Т. 8. № 3. С. 66-72.

211. Лыскова И.Е. Идея прогресса в аспекте персонального менеджмента // Современный менеджмент: проблемы и перспективы. Сборник статей: в двух частях. СПб.: Санкт-Петербургский государственный экономический университет, 2016. С. 66-70.

212. Малинов А.В. История Русского социологического общества им. М.М. Ковалевского (1916–1923): К 100-летию со дня основания // Социологические исследования. 2016. № 5 (385). С. 141-145.

213. • Малинов А.В. Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. исследования и материалы // Вопросы философии. 2016. № 3. С. 212-213. [Рец.]

214. • Малявин С.Н. Социология и историческая наука у Н.И. Кареева // Пятые Кареевские чтения. История и теория социологии. Материалы конференции / отв. ред.: профессор А.В. Воронцов, науч. ред. и сост.: профессор С.Н. Малявин. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2016. С. 100-103.

215. Михайлов А.А. Цели и специфика преподавания истории в техническом вузе в трактовке Н.И. Кареева // Гуманитарная образовательная среда технического вуза. Материалы международной научно-методической конференции. Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого. СПб., 2016. С. 156-158.

216. Мухатаев П.Н. Интерпретация понятия «социал-дарвинизм» в Западной и отечественной историографии конца XIX – начала XXI века // Самарский научный вестник. 2016. №4 (17). С. 126-133. *Кареев Н.И.*: с. 128, 130.

217. • Останина О.А. Н.И. Кареев о процессе правообразования // Право и практика. Научные труды Научных институтов Московской государственной юридической академии им. О.Е. Кутафина в г. Кирове. 2016. № 1 (15). С. 67-69.

218. ●Павлова Т.В. Российское высшее образование на рубеже XIX–XX веков: семинарии Н.И. Кареева и формирование научной школы по новистике // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2016. № 1 (63). С. 129-132.

219. Павлова О.К. Наука история и исторические школы в Санкт-Петербургском политехническом институте. Начало XX века // Россия в глобальном мире. 2016. № 9 (32). С. 553-560.

220. ●Погодин С.Н. Позитивистские истоки мировоззрения Н.И. Кареева // Россия в глобальном мире. 2016. № 9 (32). С. 549-552.

221. Попов А.С. К вопросу о теоретико-методологических основаниях историософской концепции Н.И. Кареева // Сборник научных трудов, посвященный 85-летию Мичуринского государственного аграрного университета. В 4 т. Мичуринск, 2016. С. 194-198.

222. ●Ревенко Д.С. Древневосточные общества и античность в перспективе социально-культурной типологии Н.И. Кареева // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2016. № 3. С. 157-169.

223. Репинецкий А.И., Репинецкая Ю.С. Из истории становления теории и методологии исторической науки (конспективное изложение обширной и сложной научной проблемы) // Актуальные проблемы гуманитарных и социально-экономических наук. 2016. Т. 10. № 1. С. 136-141.

224. ●Соловьев К.А. Кареев Николай Иванович // Россия в 1905–1907 гг. Энциклопедия. Институт общественной мысли. М.: РОССПЭН, 2016. С. 407-410.

225. ●Тихонов В.В. Ученый в эпоху перемен: Н.И. Кареев в 1914–1931 гг. исследования и материалы. М., 2015 // Новая и новейшая история. 2016. № 2. С. 204-205. [Рец.]

226. Филимонов В.А. «Ни под одним актом публичного академического сервизизма перед советской властью не стояла подпись Кареева»: некрологи историка в эмигрантской прессе // Российское научное зарубежье: люди, труды, институции, архивы: сб. науч. тр. / отв. ред. П.А. Трибунский. М.: Институт российской истории РАН, 2016. С. 537-549.

227. Чудинов, А. В. "Новая русская школа" в историографии Французской революции: ad fontes! // Universitas historiae: Сборник статей в честь Павла Юрьевича Уварова. М.: Институт всеобщей истории РАН, 2016. С. 523-534.

2017

228. Аржакова Л.М. Славистика в Санкт-Петербургском университете // Stud. Slav. Balc. Petrop. SSBP Петербургские славянские и балканские исследования. 2017. №2 (22). С. 172-184.

229. Бочкарева В.И. Участие отечественных социологов в литературном процессе (середина XIX – начало XX века) // Актуальная социология и вызовы современности: новые тенденции в теории и мето-

дах. Сборник научных статей по итогам VI Социологической Школы СПбГУ. Под редакцией Е.С. Богомягковой. СПб., 2017. С. 185-191.

230. ● Долгова Е.А., Малинов А.В. «Понять чужую душу»: Фрагменты из неопубликованного труда историка, социолога, методолога науки Н.И. Кареева // Вестник архивиста. 2017. № 4. С. 236-247.

231. ● Иванова Т.Г. Кареев Николай Иванович // Русские фольклористы: Биобиблиографический словарь. XVIII–XIX вв. В 5 томах. Санкт-Петербург, 2017. Т. 2. С. 517-521.

232. ● Колмаков В.Б. Ценность жизни в русском позитивизме. Н.И. Кареев // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Философия. 2017. № 3 (25). С. 37-56.

232а. Кручковский Т.Т. История Польши в концепциях российской историографии XIX – начала XX века: дис. ... д-ра ист. наук. Минск, 2017. 338 л.

233. ● Кузнецов А.А. Письма Н.И. Кареева С.И. Архангельскому // Диалог со временем. № 58. М.: ИВИ РАН, 2017. С. 88-104.

234. Мархевски О. Русская историософия и философия истории как предмет изучения в Словакии // Россия в глобальном мире. 2017. № 11 (34). С. 221-233.

235. Мягков Г.П. Рецепция античности – социальный конструкт? // Вестник экономики, права и социологии. 2017. № 1. С. 150-154.

236. ● Никифоров Ю.С. Великая российская революция 1917 г. и культура историка: размышления Н.И. Кареева // Ярославский педагогический вестник. 2017. № 4. С. 332-336.

237. ● Погодин С.Н. Николай Иванович Кареев // Погодин С.Н. Очерки русской историографии (конец XIX – начало XX века). СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 276-331.

238. ● Погодин С.Н., Плотникова Е.Н. Был ли Н.И. Кареев марксистом? // Философия русской революции / под ред. И.Д. Осипова, С.Н. Погодина. СПб.: Изд-во Политехн. ун-та, 2017. С. 119-126.

239. ● Попов А.С. Н.И. Кареев о смысле и направленности исторического процесса // Актуальные проблемы науки и образования / под общ. ред. В.Я. Никульшина. Мичуринск: МГАУ, 2017. С. 196-198.

240. Самойлова М.П. Значение термина «рецепция античного наследия» в России в XIX – начале XX вв. в социально-политической сфере // *Via in tempore*. История. Политология. 2017. №1 (250). С. 71-75.

241. Федосеева К.В. Формирование идейно-теоретических и методологических взглядов д.и.н., члена-корреспондента АН СССР С.И. Архангельского // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2017. № 5. С. 59-72.

242. Филимонов В.А. Н.И. Кареев и М.И. Ростовцев: к характеристике взаимоотношений историков // Историческое произведение как феномен культуры. Вып. 11. Сыктывкар: СГУ им Питирима Сорокина, 2017. С. 97-112.

243. ●Философско-методологические проекты русских историков и современные проблемы методологии исторического познания. К 180-летию В.И. Герье. Материалы конференции - "круглого стола" / Б.И. Пружинин, И.И. Бендерский, О.В. Воробьева [и др.] // Вопросы философии. 2017. № 9. С. 24-61.

244. Чудинов А.В. История Французской революции: пути познания. М.: Политическая энциклопедия, 2017. 280 с.

245. Шарифжанов И.И. Польша в научных трудах и воспоминаниях Н.И. Кареева // Россия в польской историографии, Польша в российской историографии (к 50-летию Комиссии историков России и Польши). М.: «Индрик», 2017. С. 202-216.

2018

246. Аржакова Л.М. Польша, как это ни странно, — неведомая страна, terra incognita, для русского человека... // Новейшая история России. 2018. №1. С. 130-141.

247. Бендерский И.И. К проблеме понимания сказанного об истории в книге «Война и мир» Л.Н. Толстого // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2018. № 1 (43). С. 12-20.

248. Гордиенко Д.О. Особенности изучения Английской революции в русской исторической традиции второй половины XIX – начала XX в. // Национальное культурное наследие России: региональный аспект: VI Всероссийская научно-практическая конференция в рамках VII Всероссийского конкурса-фестиваля исполнителей и балетмейстеров народного танца имени Геннадия Власенко. Самара: Самарский государственный институт культуры, 2018. С. 219-227.

249. Егорова С.Л. Российское токвилеведение во второй половине XIX – начале XX века // Манускрипт. 2018. №2 (88). С. 22-26.

250. Живаева Л.Н., Шувалов В.И. Принципы общего образования в научном наследии Н.И. Кареева // Современное образование: научные подходы, опыт, проблемы, перспективы: Сборник статей XIV Международной научно-практической конференции / Под общей редакцией М.А. Родионова. Пенза: Пензенский государственный университет, 2018. С. 28-32.

251. Кручковский Т.Т. Взгляды Н.И. Кареева на проблематику разделов Речи Посполитой в оценке польской историографии // Klio polska. 2018. № 10. С. 117-145.

251а Кручковский Т.Т. История Польши в концепциях российской историографии XIX – начала XX века: автореф. дис. ...д-ра ист. наук; Белорусский государственный университет. Минск, 2018. 49 с.

251б Кручковский Т.Т. Польша в начальный период нового времени (XVI – XVII века) в оценке Н.И. Кареева // Государства Центральной и Восточной Европы в исторической перспективе. Сборник научных статей по материалам третьей международной научной конференции. Пинск: Полесский государственный ун-т, 2018. С. 88-92.

252. ● Мартианова И.Ю. Жизненный мир русского интеллигента в первые годы Советской власти (по воспоминаниям историка Н.И. Кареева) // *Общественные науки в современном мире: политология, социология, философия, история: сб. ст. по материалам XIV междунар. науч.-практ. конф. № 8(10)*. М.: Изд. «Интернаука», 2018. С. 26-30.

253. ● Матвеевская А.С. Об отношении Н.И. Кареева к марксизму // *Философия марксизма. История и современность. К 200-летию со дня рождения Карла Маркса. Монография. Под редакцией И.Д. Осипова, С.Н. Погодина*. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2018. С. 140-147.

254. ● Мишина О.К. Николай Иванович Кареев о развитии общества // *Генетическая социология XXI*. 2018. № 1-2 (6-7). С. 138-143.

255. ● Мотовникова Е.Н. К истории развития понятия типа (и типологического метода) в методологических работах Н.И. Кареева // *Studia Culturae*. 2018. № 36. С. 60-70.

256. Погодин С.Н. Марксизм и "русская школа" историков // *Философия марксизма. История и современность. К 200-летию со дня рождения Карла Маркса. Монография. Под редакцией И.Д. Осипова, С.Н. Погодина*. СПб.: ПОЛИТЕХ-ПРЕСС, 2018. С. 127-139. *Н.И. Кареев*: с. 128-133 и др.

257. ● Попов А.С. Теоретико-методологические основания социально-исторических взглядов Н.И. Кареева // *Наука и Образование*. 2018. № 1. С. 33.

258. Таньшина Н.П. К 150-летию изучения Французской революции в России: от Герье до «новой русской школы» // *Новая и новейшая история*. 2018. № 6. С. 118-136.

259. Чикалова И.Р. "Старый порядок" и революция конца XVIII в. Во Франции в трудах российских историков рубежа XIX–XX вв. // *История и историография: объективная реальность и научная интерпретация: Сб. науч. ст. по материалам международной научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения академика В.И. Пичеты / Гл. ред. А.Д. Король*. Минск: Белорусский гос. ун-т, 2018. С. 371-380.

260. ● Шалашников Г.В. Моральные аспекты выбора целей и средств для общественной деятельности в философских воззрениях Н.И. Кареева и П.Л. Лаврова // *Современные проблемы права, экономики и управления*. 2018. № 1 (6). С. 167-173.

261. Шарова А.В. Первая мировая война как личный опыт историков // *Шаги/Steps*. 2018. №2. С. 150-165.

262. ● Шмерлина И.А. Социальная жизнь животных в осмыслении отечественных социологов: П.Л. Лавров и Н.И. Кареев // *Социологический журнал*. 2018. № 3. С. 141-162.

2019

263. Буланова М.Б. Социология и социологи на факультете общественных наук Петроградского университета // *Наследие*. 2019. № 2 (15). С. 89-98.

264. ●Буренина М.П. В.И. Герье в воспоминаниях Н.И. Кареева // Владимир Иванович Герье: у истоков высшего женского образования: материалы межвузовской научно-практической конференции. М.: Московский пед. гос. ун-т, 2019. С. 81-85.

265. Гарбузов Д.В., Николаев Н.Ю., Рамазанов С.П. Николай Иванович Кареев о войне и мире // Диалог со временем. 2019. № 68. С. 267-281.

266. Глотов М.Б. Кареев Николай Иванович // Социология России в лицах: история и современность. Энциклопедическое издание / Автор предисл. и пред. ред. совета акад. РАН М.К. Горшков. М.: Изд-во «Весь Мир», 2019. С. 35-36.

267. Долгова Е.А. «Восьмидесятилетних юбилеев не бывает»? пять памятных дат жизни Н.И. Кареева, 1917–1931 гг. // Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого). Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием. В 2-х частях. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. Ч. 1. С. 143-148.

268. Долгова Е.А. «Одна профессура по социологии»: всероссийский конкурс и институционализация новой кафедры в Петроградском университете, 1919–1922 гг. //Академик А.С. Лаппо-Данилевский в памяти научного сообщества. Сб. статей. Отв. редакторы В.В. Козловский, А.В. Малинов. Санкт-Петербург, 2019. С. 195-211.

269. Долгова Е.А. О неопубликованной работе Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук» (1922) // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / под редакцией Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. Сер. Философия России первой половины XX века. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 14-45.

270. Долгова Е.А. Указатель исходящей корреспонденции Н.И. Кареева. 1914–1931 гг. // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / под редакцией Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. Сер. Философия России первой половины XX века. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 127-164.

271. Долгова Е.А., Слискова В.В. Методологическое наследие Н.И. Кареева: исследование, подготовка к изданию, комментарии // Вече. 2019. № 31. С. 270-278.

272. Дунаева Ю.В. 2019.02.012. Эммонс Т. История и политика в России накануне революции. Emmons T. History and politics in Russia before the revolution // J. of modern Russian history and historiography. Leiden, 2017. Vol. 10, N 1. P. 112-124 // Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Сер. 5, История: Реферативный журнал. 2019. №2. С. 103-107. [Рец.]

273. Живаева Л.Н., Шувалов В.И. Концепция «новой школы» в педагогических работах Н.И. Кареева // *European Social Science Journal*. 2018. № 7–2. С. 180-188.

274. Живаева Л.Н., Шувалов В.И. Проблемы образовательного процесса в педагогических работах Н.И. Кареева // *Современное образование: научные подходы, опыт, проблемы, перспективы. Материалы XV Международной научно-практической конференции. Посвящается 80-летию Педагогического института им. В.Г. Белинского / Под общ. ред. М. А. Родионова*. 2019. С. 29-33.

275. Зацепин А.В., Попов А.С. К вопросу о классификации наук по Н.И. Карееву // *Вестник Московского государственного университета культуры и искусств*. 2019. № 4 (90). С. 37-43.

276. Зацепин А.В., Попов А.С. Философия истории по Н.И. Карееву // *Вестник ВГУ. Серия: Философия*. 2019. №4. С. 11-18.

277. Золотарев В.П. Национальный вопрос как культурологический феномен в историческом пространстве России начала XX века // *Человек. Культура. Образование*. 2019. № 4. С. 54-67.

278. Ломоносова М.В. Заново обретая утраченное: о малоизвестном очерке Н.И. Кареева // *Социологические исследования*. 2019. № 8. С. 96-100.

279. Лыскова И.Е. Н.И. Кареев и П.А. Сорокин об экономической природе личности // *Питирим Сорокин и парадигмы глобального развития XXI века (к 130-летию со дня рождения): сборник научных статей*. Сыктывкар: Сыктывкарский гос. ун-т им. Питирима Сорокина, 2019. С. 63-70.

280. Малинов А.В. *Историология литературы Н.И. Кареева // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / под редакцией Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. Сер. Философия России первой половины XX века. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 57-101.*

281. Малинов А.В. Славянофильство и западничество в судьбе русских историков: к вопросу личных и профессиональных связей В.И. Ламанского и Н.И. Кареева // *Вестник ТвГУ. Серия: История*. 2019. №2. С. 35-52.

282. Малинов А.В. В.С. Соловьев и Н.И. Кареев (К истории взаимоотношений) // *Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / под редакцией Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. Сер. Философия России первой половины XX века. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 108-121.*

283. Малинов А.В. Эволюция методологий: Н.И. Кареев и А.С. Лаппо-Данилевский // *Творческая лаборатория историка: горизонты возможного (к 90-летию со дня рождения Б.Г. Могильницкого). Материалы Всероссийской науч. конф. с международным участием. В 2-х ч. Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2019. С. 36-41.*

284. Малинов А.В., Долгова Е.А. «Общая методология гуманитарных наук» Н.И. Кареева и преподавание методологии истории в высшей школе: диахронический и синхронический контекст // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. 2019. №3. С. 48-59.

285. Мартианова И.Ю. Жизненный мир вузовского преподавателя в конце XIX в. по воспоминаниям и трудам профессора Н.И. Кареева // Высшее образование: проблемы и трансформации: Коллективная монография / Отв. ред.: А.Ю. Нагорнова. Ульяновск: ИП Кеньшенская Виктория Валерьевна (изд-во "Зебра"), 2019. С. 113-126.

286. Микешина Л.А. Эпистемология и российская социология: взаимодействие в развитии // Социологические исследования. 2019. № 9. С. 19-27.

287. Мотовникова Е.Н. К истории развития понятия типа (и типологического метода) в методологических работах Н.И. Кареева // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / под редакцией Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. Сер. Философия России первой половины XX века. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 46-56.

288. Мягков Г.П., Сыченкова Л.А. Русская медиевистическая культурология: опыт актуализации непризнанного наследия // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-т, 2019. С. 177-204.

289. Насибуллин Р.А. История венгерского государства в трудах Н.И. Кареева // Проблемы истории общества, государства и права. Сб. науч. трудов. Екатеринбург, 2019. С. 279-307.

290. Никонов Л.А. Социально ориентированное государство в интерпретации Н.И. Кареева // Вестник Тверского государственного университета. Сер.: Философия. 2019. № 2. С. 128-134.

291. Репина Л.П. Концепции «единого человечества» и «общего прошлого» в интеллектуальном наследии русской исторической школы // Запад – Восток. 2019. № 12. С. 13-28.

292. Сидорин В.В. Секуляризация этики в философии русского народничества: искушение психологизмом // Полилог. 2019. Т. 3. № 4. С. 3.

293. Сидорова Л.А. Стихи российских историков как исторический и историографический источник // Мир историка: историографический сборник / [редкол.: В.П. Корзун (отв. ред.), С.П. Бычков (отв. ред.), Н.Н. Алеврас и др.]. Вып. 12. Омск: Изд-во Ом. гос. ун-т, 2019. С. 227-243.

294. Соболева Н.А. Культурно-социальная среда в воззрениях Н.И. Кареева // Вестник Тверского государственного технического университета. Сер.: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2019. № 3 (18). С. 11-17.

295. Соболева Н.А. Учебники по всеобщей истории Н.И. Кареева: культурологический аспект // Образование в пространстве культуры.

Сборник научных трудов / Под редакцией Э.Ю. Майковой. Тверь, 2019. С. 157-162.

296. Федорова Н.Г. Учебники по истории средних веков конца XIX – начала XX вв.: от «коммерческого издания» к «научной книге» // В.К. Пискорский и развитие науки всеобщей истории в России: сборник научных статей / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2019. С. 280-290.

297. Филимонов В.А., Долгова Е.А. [сост.] Хроника событий жизни и творчества Н.И. Кареева // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / под редакцией Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. Сер. Философия России первой половины XX века. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 122-126.

298. Чикалова И.Р. Великобритания: осмысление исторического опыта в Российской империи (XIX – начало XX в.). Минск: Беларуская навука, 2018. *Кареев Н.И.*: с. 79-82 и др.

299. Щедрина Т.Г. [сост.] Избранная библиография работ о Н.И. Карееве (2008–2019) // Методология истории: Н.И. Кареев, А.С. Лаппо-Данилевский, Д.М. Петрушевский, В.М. Хвостов / под редакцией Т.Г. Щедриной, Б.И. Пружинина. Сер. Философия России первой половины XX века. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 165-173.

2020

300. Бондарева Я.В., Михайлова Е.Е. Новый учебник по философии: приглашение к теоретическому разговору о проблемах современности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Философские науки. 2020. № 4. С. 103-106.

301. Васильев Ю.А. Теория и методы в русской исторической школе: Теория исторического знания, теория исторического процесса, психологическое направление. 2-е издание, стереотипное. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2020. Раздел II. Феномен “ECOLE RUSSE”. С. 29-121.

302. Войцеховский С.Н. Историческая социология Н.И. Кареева и Н.С. Розова: сравнительный анализ идей // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2020. №6 (36). С. 34-53.

303. Гелла Т.Н. Процессы демократизации политических учреждений Англии в конце 60-70-х годах XIX века в оценке Н.И. Кареева // Ученые записки Орловского государственного университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. 2020. № 4. С. 7-11.

304. Глотов М.Б. Методологические основы социологии Н.И. Кареева // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2020. № 6 (36). С. 22-33.

305. Глотов М.Б. Участие Н.И. Кареева в процессах институционализации социологии в России // Социологический журнал. 2020. № 2. С. 144-152.

306. Головин Н.А. «Рефлексологизм для меня совершенно неприемлем»: влияние критики Н.И. Кареева на теоретическую основу «Си-

стемы социологии» П.А. Сорокина // Социология науки и технологий. 2020. Т. 11. № 2. С. 97-112.

307. Грошева И.А., Грошев И.Л. Концепция прогресса в научном наследии Н.И. Кареева и Н.К. Михайловского // Государство, общество, церковь в истории России XX– XXI веков: материалы XIX Международ. науч. конф. Иваново: Иван. гос. ун-т, 2020. С. 286-291.

308. Даниш М. Н.И. Кареев в чешской и словацкой истории и историографии // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2020. № 6. С. 99-110.

309. Дементьева В.В. Вхождение Н.И. Кареева в научно-образовательную среду: рецензия на первую публикацию // Учен. зап. Казан. ун-та. Сер. Гуманит. науки. 2020. № 6. С. 111-120.

310. Долгова Е.А. Заграничная корреспонденция Н.И. Кареева: темы и адресаты в 1910–1920-е гг. // Наука и техника: Вопросы истории и теории. Материалы XLI Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук. СПб.: СПбФ ИИЕТ им. С.И. Вавилова РАН, 2020. С. 25-30.

311. Долгова Е.А. Н.И. Кареев как профессор: учебные курсы постреволюционного пятнадцатилетия // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: В 2 т. Т. 1 / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. С. 198-202.

312. Долгова Е.А. Размышления «о проблемах кочевниковедения»: неопубликованное письмо П.А. Савицкого Н.И. Карееву, 1928 // Интеркультурная философия: полилог традиций: Сб. трудов конференции / Отв. ред. А.В. Малинов, А.Е. Рыбас. СПб.: Интерсоцис, 2020. С. 229-230.

313. Долгова Е.А. Рождение советской науки: ученые в 1920–1930-е гг. М.: Российский государственный гуманитарный университет, 2020. 471 с.

314. Золотарев В.П. В.И. Ульянов (Ленин) и Н.И. Кареев // Всеобщая история и историческая наука в XX – начале XXI века: сборник статей и сообщений: В 2 т. Т. 1 / сост. и отв. ред. Г.П. Мягков, Е.А. Чиглинцев. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2020. С. 165-169.

315. Золотарев В.П. Историк Н.И. Кареев и его труд «По большой дороге истории» // Кареев Н.И. По большой дороге истории: монография / рук. проекта, вступит. ст., отв. ред. В.П. Золотарев; подг. текста и коммент. Е.В. Карпова [и др.]. М: ИНФРА-М, 2020. С. 3-24.

316. Касьянова И.В. Эволюция методологических взглядов Н.И. Кареева // Актуальные проблемы социальной истории, философии и социальной работы. XXI всероссийские научные чтения: тезисы докладов и сообщений научно-теоретической конференции. Новочеркасск, 2020. С. 56-59.

317. Косоурова Н.Р., Михайлова Е.Е. Интерактивное обучение в высшей школе: эффект работы в группе // Образование в XXI веке. Сб. научных трудов, посвященный 90-летию профессора

Т.П. Долговой (1930–2000). Под редакцией Э.Ю. Майковой. Тверь, 2020. С. 54-60.

318. Котусев Е.Н., Кручковский Т.Т. Реформации в Польше: оценочные подходы Н.Н. Любовича и Н.И. Кареева // Религия и общество – 14. Сб. научных статей XIV Международной научно-практической конференции. Под общей редакцией В.В. Старостенко, О.В. Дьяченко. 2020. С. 102-105.

318а Кручковский Т.Т. Воспоминания Н.И. Кареева о Варшавском университете как феномен исторической памяти о российско-польских отношениях // Социальные, культурные и коммуникативные практики в динамике общественного развития: сборник научных статей / гл. ред. Т.А. Пивоварчик; редкол.: В. А. Белозорович [и др.]. Гродно: ГрГУ им. Янки Купалы, 2020. С. 76-81.

319. Кутыкова И.В. Значение духовного наследия Н.И. Кареева в контексте поиска смыслов на исторических рубежах // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2020. № 6 (36). С. 69-79.

320. Ломоносова М.В. «На смерть Ф.Ф. Кокошкина и А.И. Шингарева»: рукопись Н.И. Кареева в Пушкинском Доме // Социология науки и технологии. 2020. Т. 11. № 2. С. 113-127.

321. Лыскова И.Е. Н.И. Кареев и И.И. Янжул о сущности профессионального менеджмента // The Scientific Heritage. 2020. № 47. С. 9-13.

322. Малинов А.В. В.С. Соловьев и Н.И. Кареев (к истории взаимоотношений) // Малинов А.В. Исследования и статьи по русской философии. СПб.: РХГА, 2020. С. 169-186. То же: Малинов А.В. Вл. Соловьев и Н.И. Кареев (к истории взаимоотношений) // Журнал социологии и социальной антропологии. 2003. № 2. С. 55–64.

323. Малинов А.В., Долгова Е.А. Социология и право (по материалам рукописи Н.И. Кареева) // Социологические исследования. 2020. № 8. С. 120-129.

324. Малинов А.В., Долгова Е.А. Социология как теоретическая наука (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук») // Социологический журнал. 2020. № 4. С. 116-136.

325. Малинов В.М., Долгова Е.А., Слискова В.В. Наблюдение в социальных науках (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук») // Социология науки и техники. 2020. Т. 11. № 2. С. 54-62.

326. Митрофанов В.В. Причастность С.Ф. Платонова к допуску учебников Н.И. Кареева и В.Г. Виноградова в учебный процесс // Вестник ВлГУ (Владимир). Серия: Социальные и гуманитарные науки. 2020. № 4 (28). С. 28-39.

327. Михайлова Е.Е. Две версии конструирования философии истории в русском позитивизме: Н.И. Кареев и Р.Ю. Виппер // Наука как общественное благо. сборник научных статей Второго Международного конгресса Русского общества истории и философии науки. Санкт-

Петербургский государственный университет; Русское общество истории и философии науки. М., 2020. С. 118-122.

328. Михайлова Е.Е. Дискурсивная полилогичность трудов Н.И. Кареева // Интеркультурная философия: полилог традиций: Сб. трудов конференции / Отв. ред. А.В. Малинов, А.Е. Рыбас. СПб.: Интерсоцис, 2020. С. 46-48.

329. Михайлова Е.Е. Эволюция историософских воззрений Н.И. Кареева: от Москвы до Петербурга // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 1 (51). С. 210-222.

330. Михайлова Е.Е., Соболева Н.А. Н.И. Кареев о диалоге культур в русле воззрений западноевропейских философов XVIII–XIX веков // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия. 2020. № 3 (53). С. 150-161.

331. Оганян К.К. Анализ роли личности в истории по концепции Н.И. Кареева как основа развития инновационной модели личности в современном обществе // Социальная, профессиональная и персональная ответственность личности в современном обществе. Материалы Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. Редколлегия: Л.И. Дементий (гл. ред.), А.Ю. Маленова (отв. ред.), А.А. Маленов. 2020. С. 36-41.

332. Осипов И.Д., Погодин С.Н. Концепция культуры в социологии истории Н.И. Кареева // Социология науки и технологий. 2020. № 2. С. 86-96.

333. Павлова О.К. Преподаватель-историк Н.И. Кареев. Из истории Политехнического института Петра Великого // Наука и техника: Вопросы истории и теории: Материалы XLI Международной годичной научной конференции Санкт-Петербургского отделения Российского национального комитета по истории и философии науки и техники Российской академии наук. СПб.: Санкт-Петербургский филиал Института истории естествознания и техники им. С.И. Вавилова РАН, 2020. С. 90-91.

334. Попов А.С. Проблема социально-исторического прогресса в историософских построениях Н.И. Кареева // Державинский форум (Тамбов). 2020. Т. 4, № 14. С. 66-73

335. Романов К.В. Идеи Н.И. Кареева в контексте философии образования // Проблемы деятельности ученого и научных коллективов. 2020. № 6 (36). С. 54-68.

336. Сидорин В.В. Вл.С. Соловьев и Н.И. Кареев: к творческой истории «оправдания добра» // Соловьевские исследования. 2020. № 4 (68). С. 8-19.

337. Сидорова Л.А. «О времени и о себе»: поэтические опыты историков России // Эго-документы XX века. Литература, культура, история. Фединские чтения. Коллективная монография. Саратов, 2020. С. 223-233.

338. Слискова В.В. Французский диалог Н.И. Кареева: переписка 1910–1920-х гг. // Интеркультурная философия: полилог традиций: Сб. трудов конференции / Отв. ред. А.В. Малинов, А.Е. Рыбас. СПб.: Интерсоцис, 2020. С. 232-233.

339. Соболева Н.А. Диалог Запада и Востока в учебно-теоретическом наследии Н.И. Кареева // Наука как общественное благо. Сб. научных статей Второго международного конгресса Русского общества истории и философии науки. Санкт-Петербургский государственный университет; Русское общество истории и философии науки. М., 2020. С. 131-134.

340. Соболева Н.А. Конструктивно-критическая оценка контизма в трудах Н.И. Кареева // Проблемы управления в социально-гуманитарных, экономических и технических системах. VIII ежегодный сборник научных трудов преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов факультета управления и социальных коммуникаций ТвГТУ. В 2 ч. Под общ. ред. И.И. Павлова. Тверь, 2020. Ч. 1. С. 41-47.

341. Соболева Н.А. Н.И. Кареев об общегуманитарном характере философии истории Ф. Шеллинга // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2020. № 4 (23). С. 20-26.

342. Соболева Н.А. Теория круговорота культур Н.Я. Данилевского в оценке Н.И. Кареева // Образование в XXI веке. Сб. научных трудов, посвященный 90-летию профессора Т.П. Долговой (1930–2000). Под редакцией Э.Ю. Майковой. Тверь, 2020. С. 151-155.

343. Соболева Н.А. Философия истории Гегеля в интерпретации Н.И. Кареева // Вестник Тверского государственного технического университета. Серия: Науки об обществе и гуманитарные науки. 2020. № 2 (21). С. 20-26.

344. Хасанов Р.Р. Австро-Венгрия глазами историков «русской школы» // Молодёжь третьего тысячелетия. Сборник научных статей. Омск, 2020. С. 82-86.

345. Шляпников В.В. Кареев Н.И. о сущности общественной деятельности // Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества. 2020. № 3 (48). С. 11-14.

2021

346. Арефьев М.А., Давыденкова А.Г., Зыкин А.В. Историософия Николая Ивановича Кареева: прошлое и настоящее // Манускрипт. 2021. Т. 14. № 4. С. 698-702.

347. Буллер А.Л. Фон Ранке и Н.И. Кареев ИЛИ «Уроки истории» XIX столетия // Преподавание истории в школе. 2021. № 7. С. 3-5.

348. Герш К.В. Петербургский университет в судьбах русских историков (на примере источников личного происхождения И.М. Гревса и Н.И. Кареева) // Вестник Омского университета. Серия «Исторические науки». 2021. № 2. С. 54-64.

349. Долгова Е.А., Малинов А.В. Прикладное знание в гуманитарных науках (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук») // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. 2021. Т. 14. Вып. 1. С. 4-13.

350. Долгова Е.А., Малинов А.В., Слискова В.В. Теоретические гуманитарные науки (по материалам рукописи Н.И. Кареева «Общая методология гуманитарных наук») // Вопросы философии. 2021. № 5. С. 94-107.

351. Козлова Л.А. «Переход от истории к социологии» в учении Н.И. Кареева и историческая социология // Социологические исследования. 2021. № 4. С. 15-24.

352. Малинов А.В. Эволюция философских взглядов Н.И. Кареева // Science SPbU-2020: Сборник материалов Международной конференции по естественным и гуманитарным наукам, Санкт-Петербург, 25 декабря 2020 года. СПб.: ООО «Скифия-принт», 2021. С. 1452-1453.

353. Петрова И.В. Научный фазис Н.И. Кареева. К проблеме квазисубъекта в цифровой социологии образования // Современное общество в условиях социально-экономической неопределенности. XV Международная научная конференция «Сорокинские чтения-2021». М., 2021. С. 1166-1169.

354. Сиземская И.Н. Общественный идеал как априорный концепт отечественной философии истории (вторая половина XIX – начало XX века) // Полилог. 2021. Т. 5. № 2. DOI 10.18254/S258770110015860-8.

355. Zatsepin A.V. Kareev's view on the philosophy of history // Вестник НУУз. 2021. No 1.4.1. P. 78-81. Национальный университет Узбекистана им. Мирзо Улугбека.

Указатель имен

Антипов В.С. 187

Арефьев М.А. 346
Аржакова Л.М. 1, 30, 49, 50, 51, 52,
188, 228, 246
Афанасьева (Волкова) Ю.С. 4, 34,
189, 190

Баженова А.Ю. 158

Байссвенгер М. 2
Баринов Д.А., 152
Бендерский И.И. 243, 247
Блинов А.О. 206,
Бондарева Я.В. 300
Бороноев А.О. 110
Бочкарева В.И. 159, 229
Буланова М.Б. 31, 263
Буллер А.Л. 347
Буренина М.П. 264

Варшер Т.С. 3

Васильев Ю. А. 32, 33, 53, 54, 87,
111, 112, 113, 301
Виноградов А.И. 88, 89
Войцеховский С.Н. 302
Воробьева О.В. 243

Гарбузов Д.В. 265

Гелла Т.Н. 303
Герш К.В. 348
Глотов М.Б. 115, 266, 304, 305
Головин Н.А. 306
Гончарова Т.Н. 114
Гордиенко Д.О. 248
Гордон А.В. 35
Гребенкин А.Н. 55
Грошев И.Л. 307
Грошева И.А. 307

Давыденкова А.Г. 346

Даниш М. 308
Дементьева В.В. 309
Демьяненко Н.В. 90
Долгова Е.А. 91, 92, 93, 116, 117, 118,
119, 120, 121, 136, 137, 138, 139,
140, 160, 161, 191, 192, 193, 203,
230, 267, 268, 269, 270, 271, 297,
310, 311, 312, 313, 323, 324, 325,
349, 350
Дунаева Ю.В. 94, 122, 194, 272

Егорова С.Л. 56, 95, 96, 97, 249

Ефименко В.П. 8

Живаева Л.Н. 250, 273, 274

Жуков В.Н. 195

Зарубин А.Н. 98

Зацепин А.В. 275, 276, 355
Зезегова О.И. 36, 57, 196
Золотарев В.П. 5, 6, 7, 58, 141, 142,
277, 314, 315
Зыкин А.В. 346

Иванова (Косарская) Е.С. 123

Иванова Т.Г. 231
Иванова Т.Н. 98, 162

Касьянова И.В. 316

Козлова Л.А. 351
Козлова М.А. 29
Колмаков В.Б. 232
Комочев Н.А. 207
Корева Н.С. 59
Корелина Н.П. 9
Косарская Е.С. 208
Косоурова Н.Р. 317
Котусев Е.Н. 318
Кручковский Т.Т. 9а, 37, 60, 99,
99а, 124, 142а, 197, 197а, 208а,
208б, 232а, 251, 251а, 251б, 318,
318а
Кузнецов А.А. 100, 233
Кутузова А.А. 61, 198
Кутыкова И.В. 319

Лаптева Л.П. 10, 38, 62, 209

Леонтьева О.Б. 125
Леонченко Т.И. 210
Липницкая И.Б. 63
Ломоносова М.В. 278, 320
Лукоянов В.В. 64
Лыскова И.Е. 65, 66, 143, 163, 164,
165, 166, 167, 168, 211, 279, 321

Малинов А.В. 101, 126, 144, 145, 212, 213, 230, 280, 281, 282, 283, 284, 322, 323, 324, 325, 352

Мальсагова Х.И. 102, 127, 146
Малявин С.Н. 214

- Мамонова Ю.В. 11, 67, 68,
Мартианова И.Ю. 252, 285
Мартынович С.Ф. 199
Мархевски О. 234
Матвеевская А.С. 253
Микешина Л.А. 286
Милюков П.Н. 12
Минаев А.И. 69
Митрофанов В.В. 326
Михайлов А.А. 215
Михайлова Е.Е. 300, 317, 327, 328,
329, 330
Мишина О.К. 254
Морова О.В. 200
Мотовникова Е.Н. 255, 287
Мухатаев П.Н. 216
Мягков Г.П. 13, 14, 15, 39, 70, 71,
128, 129, 147, 162, 201, 235, 288
- Насибуллин Р.А. 289**
Никифоров Ю.С. 40, 72, 73, 130,
148, 149, 169, 170, 171, 172, 236
Николаев Н.Ю. 265
Никонов Л.А. 290
Новиков М.В. 149
Новикова Д.А. 173
- Оганян К.К. 150, 151, 174, 331**
Осипов И.Д. 103, 332
Останина О.А. 217
- Павлова О.К. 219, 333**
Павлова Т.В. 17, 18, 19, 41, 42, 57,
74, 75, 104, 105, 106, 218
Петрова И.В. 353
Плотникова Е.Н. 238
Погодин С.Н. 175, 220, 237, 238,
256, 332
Подвойский Д.Г. 43
Подоль Р.Я. 107
Поздеева Г.Г. 76
Покатов Д.В. 20
Попов А.С. 77, 131, 221, 239, 257,
275, 276, 334
Пружинин Б.И. 243, 269
- Рамазанов С.П. 265**
Ревазов В.Ч. 78
Ревенко Д.С. 222
Резниченко А.И. 79
Репина Л.П. 44, 291
- Репинецкая Ю.С. 223
Репинецкий А.И. 223
Репников А.В. 129
Романов К.В. 335
Ростовцев Е.А. 152
- Сазонов А.В. 153**
Самойлова М.П. 202, 240
Самсонова Н.Г. 176
Сафронов Б.Г. 176
Селиванова О.В. 177.
Сидненко Т.И. 178, 179
Сидорин В.В. 292, 336
Сидорова Л.А. 293, 337
Сиземская И.Н. 354
Слискова В.В. 271, 325, 338, 350
Смирнов Т.А. 180
Соболева Н.А. 294, 295, 330, 339,
340, 341, 342, 343
Соловьев К.А. 224
Сыченкова Л.А. 288
- Таньшина Н.П. 258**
Тесля А.А., 203
Тихонов В.В. 225
Тихонова А.В. 121
- Федорова Н.Г. 14, 296**
Федосеева К.В. 241
Филимонов В.А. 3, 9, 12, 15, 16, 21,
22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 39,
45, 46, 47, 71, 80, 81, 82, 83, 84,
108, 109, 132, 133, 134, 135, 147,
154, 155, 156, 157, 182, 183, 184,
185, 186, 204, 205, 226, 242, 297
- Хасанов Р.Р. 344**
Ходячих С.С. 128
- Цыганков Д.А. 85, 86, 181**
- Чикалова И.Р. 259, 298**
Чудинов А.В. 48, 227, 244
- Шалашников Г.В. 260**
Шарифжанов И.И. 245
Шарова А.В. 261
Шляпников В.В. 345
Шмерлина И.А. 262
Шувалов В.И. 250, 273, 274
- Щедрина Т.Г. 299**

Составители А.А. Кутузова, В.С. Русанова

СОДЕРЖАНИЕ

Открывая новые страницы наследия выдающегося историка (вместо предисловия) Р.Р. Хайрутдинов, Г.П. Мягков	3
---	---

Раздел 1. Н.И. Кареев как субъект и объект историографических и научно-педагогических исследований

Герш К.В. Н.И. Кареев и И.М. Гревс: прожитое и пережитое	8
Грошева И.А., Грошев И.Л. Формула прогресса в научном наследии Н.И. Кареева	13
Девятайкина Н.И. Научно-эпистолярная культура медиевистов 1920-х гг. в советской раме (три письма Н.И. Кареева А.С. Неусыхину)	18
Дементьева В.В. Рецензия Р.А. Фохта на первую публикацию Н.И. Кареева о фонетической и графической системе древнегреческого языка	24
Иваскевич А.Н. Я.Г. Гуревич и Н.И. Кареев	28
Левченко В.В. Одесские ученые-историки – соавторы сборника к сорокалетию профессорской деятельности Н.И. Кареева в коммуникативном пространстве юбиляра	33
Леонтьева О.Б. «Сложная линия полета»: Н.И. Кареев о статусе истории как науки	37
Николаев Н.Ю. Антивоенные идеи в труде Н.И. Кареева «История Западной Европы в новое время»	41
Павлова Т.В. Концепция всеобщей истории в учебниках Н.И. Кареева и историческое образование в современной школе	45
Пфаненштиль Н.Г. Учебные пособия по всеобщей истории Н.И. Кареева – «новые» возможности «старых» учебников	50
Сальникова А.А., Мягков Г.П. Автобиографический жанр в отечественной историографии: Н.И. Кареев «Прошлое и пережитое»	56
Сыченкова Л.А. Рецензии Кареева как культурологические исследования	62
Чиглинцев Е.А. Н.И. Кареев как историк-биограф	69

Раздел 2. Научная школа Н.И. Кареева и развитие схолярных исследований в современной науке

Зезегова О.И. Школа Н.И. Кареева: по материалам энциклопедических и биобиблиографических изданий	75
---	----

Зипунникова Н.Н. Схолярная проблематика в юридических и историко-правовых исследованиях: некоторые вопросы	81
Иванова Т.Н. Сотрудничество и соперничество и как факторы развития научной школы: ученики В.И. Герье	87
Корзун В.П. Н.И. Кареев в проекте «Русская наука»: особенности презентации отечественного историографического процесса ...	92
Кузнецов А.А. Влияние Н.И. Кареева на становление исторической науки в Нижнем Новгороде (Горьком): личностный аспект	100
Мельникова О.М. Судьбы научных школ в современном классическом университете	107
Михнева Р.А. «Следы» Николая Кареева в коридорах Софийского университета	111

Раздел 3. Великая французская революция глазами российских историков: от Н.И. Кареева до «новой русской школы»

Афанасьева Ю.С. Традиция изучения проблем Великой французской революции в творчестве учеников Н.И. Кареева (на примере А.М. Ону)	123
Гордон А.В. Великая французская революция: о понятии и понимании	127
Кутузова А.А. О влиянии Н.И. Кареева на Я.М. Захера и через него на В. Маркова в освещении движения «бешеных»	134
Русанова В.С. Понятие «революция» в осмыслении П.А. Сорокина	138
Таньшина Н.П. От В.И. Герье к «новой русской школе»	143

Раздел 4. Энциклопедия актуальных проблем всеобщей истории сквозь призму наследия Н.И. Кареева

Артюх Г.Ю. Энциклопедическая «Наполеониана» Н.И. Кареева	148
Ахмадиев Ф.Н. Практика историографических обзоров в российской науке всеобщей истории второй половины XIX – начала XX вв.	153
Галямичев А.Н. Вопросы истории западных славян в наследии Н.И. Кареева	162
Ерохин В.Н. Н.И. Кареев о причинах Реформации	167
Крих С.Б. Н.И. Кареев: традиции и перемены в осмыслении древней истории Ближнего Востока	172
Кудратов А.О., Онищенко Е.А. Римские политические практики в свете представлений Н.И. Кареева о свободе в античности	175
Леонова Т.А., Галеева Т.Б. Современные исследования самоуправления в средневековой приходской общине Англии и наследие Н.И. Кареева	182
Пиков Г.Г. Концептуальное освещение Н.И. Кареевым взаимоотношений Европы и мусульманского Востока в Средние века	

в контексте его общеисторических взглядов	187
Попова А.А. Реакция российского богословия на месопотамские открытия второй половины XIX – начала XX вв.	196
Филимонов В.А. Н.И. Кареев о «еврейском вопросе» в Западной Европе и в России	200
Шмелева Л.М. Отношения Рима с этрусским городом Вейи в VIII – IV вв. до н.э.	208

Раздел 5. В поисках новой методологии исторического познания: уроки Н.И. Кареева перед вызовами XXI века

Алеврас Н.Н. Деятельность и опыт Н.И. Кареева на поприще формирования российской диссертационной культуры	212
Воробьева О.В. Когнитивная история: самонадеянность или широта открываемых горизонтов?	216
Маловичко С.И. Изучение форм исторических нарративов в историографии XX – начала XXI века	220
Недашковская Н.И. К новой «всеобщности»: художественный мир в цифровую эпоху как объект интеллектуальной истории .	225
Репина Л.П. Роль метафор в историческом синтезе Н.И. Кареева.	230
Ростиславлева Н.В. Макс Вебер о российской государственности: историографические аспекты	236
Румянцева М.Ф. Труды Н.И. Кареева в «Методологии истории» А.С. Лаппо-Данилевского	241
Тарасютина Е.В. Социологические подходы к изучению наследственного права в центральной России и на окраинах в 1920-е годы	245
Чеканцева З.А. Н.И. Кареев, <i>историка</i> и проблемы междисциплинарности в XXI веке	249
Чернова Л.Н. Раннетюдоровский Лондон сквозь призму персональной истории	253

Раздел 6. Трансформация коммуникативного поля исторической науки: от XIX к XXI веку. Пантеон классиков историографии в контексте смены познавательных парадигм

Бодров О.В., Закиров А.В. Гэбриэл Колко и ревизионистская критика внешней политики США XX в.	259
Бычков С.П. Образы Святой Руси в исторической концепции А.В. Карташева	265
Волошина В.Ю. Коммуникативное поле эмигрантского научного сообщества историков в 1920–1930-е гг.	269
Зорина А.А., Лукина С.Г. Научные контакты российских историков искусства с зарубежными коллегами во второй половине XIX века: Н.П. Кондаков, Н.В. Покровский и Дж.Б. де Росси	275
Лучицкая С.И. Казанский университет начала 70-х гг. XIX в. глазами киевского магистранта И.В. Лучицкого (по материалам	

Института рукописи Национальной библиотеки Украины им. В.И. Вернадского)	280
Мартынов Д.Е. Цинская историография и немецкая культурно-историческая школа: о некоторых параллелях	287
Метель О.В. Как не стать советским «классиком»: случай Д.М. Петрушевского	291
Рибар Л. Матуш Фило и образ России в словацкой публицистике конца XIX века	295
Сашанов В.В. «В университете он был одним из первых студентов, проявивших интерес к византиноведению...»: Марк Давидович Тубянский (1916 – 1942)	299
Сидорова Т.А. Ф.У. Мейтленд и проблема методологического синтеза в британской исторической науке рубежа XIX – XX вв.	304
Тоштендаль-Салычева Т.А. Основные этапы шведской историографии XX века	308
Чикалова И.Р. В тени мэтра: коллега Н.И. Кареева, неутомимый просветитель широких читательских масс П.Г. Мижув	314

**Раздел 7. Историк и политика. Общественно-просветительская миссия историка:
от Н.И. Кареева до историка начала XXI века**

Антонова Н.В. Фигура Карлоса V на страницах «El Pais»: <i>humani nihil a me alienum puto</i>	319
Бахтурина А.Ю. Административная политика самодержавия на окраинах Российской империи начала XX в.: историографические интерпретации и политический контекст	324
Белов М.В. Календарь праздничных дат как инструмент исторической политики в странах бывшей Югославии	328
Кузнецов А.А. Представители научной школы Н.И. Кареева в Министерстве иностранных дел Российской республики в 1917 г.	333
Малышева С.Ю. Д.М. Одинец: историк в политических событиях XX века	338
Худолеев А.Н. Д.И. Иловайский и журнал «Русская старина»: опыт научного сотрудничества	342

Вместо заключения

Мягков Г.П. «Наследие Н.И. Кареева предельно актуально и в начале XXI века». Интервью – беседа с профессором В.П. Золотаревым	347
<i>Приложение. Письмо Н.И. Кареева в редакцию МСЭ</i>	365
Н.И. Кареев: библиографический указатель (2008–2021 гг.) Составители В.П. Золотарев, Г.П. Мягков, В.А. Филимонов	368
Указатель имен. Составители Кутузова А.А., Русанова В.С.	407

*Электронное научное издание
сетевого распространения*

НИКОЛАЙ ИВАНОВИЧ КАРЕЕВ
ЖИЗНЕННЫЙ ПУТЬ И НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ
В ТРАНСДИСЦИПЛИНАРНОМ КОНТЕКСТЕ
СОВРЕМЕННОГО ИСТОРИОЗНАНИЯ

Сборник статей и сообщений

Оригинал-макет *Г.П. Мяжкова*

Подписано к использованию 12.11.2021.
Формат 60×84 1/16. Гарнитура «Georgia». Усл. печ. л. 25,3
Тираж 500 экз. Заказ 46/11

Издательство Казанского университета

420008, г. Казань, ул. Профессора Нужи́на, 1/37
тел. (843) 233-73-59, 233-73-28